

ББК С550.53
УДК 301.19 В 24

В 24 Введение в гендерные исследования. Ч. I: Учебное пособие/ Под ред.
И. А. Жеребкиной — Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001.
— 708 с. ISBN 5-89329-397-5

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Фонда Дж. Д. и К. Т. Макартуров
в рамках проекта ХЦГИ «Университетская сеть
по гендерным исследованиям для стран бывшего СССР»*

*Рекомендовано к печати Ученым советом
Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина*

Рецензенты:

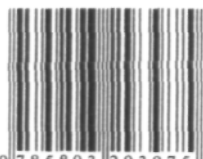
- д-р философских наук *Билык Я. М.*
- д-р философских наук *Бурова О. К.*
- д-р философских наук *Черникова В. Е.*

Данное учебное пособие представляет новую академическую дисциплину — гендерные исследования, которые рассматривают различные аспекты социальных проблем пола. гендерная проблематика в учебнике представлена как в традиционных социальных дисциплинах, которые входили в «пантеон» советских социальных наук (социология, философия, психология, лингвистика, экономическая теория, история), так и в новых — таких как политология, антропология, культурные исследования, мужские исследования, феминистская теория, экология и другие.

Учебное пособие предназначено для преподавателей, студентов и аспирантов университетов и всех, интересующихся гендерной проблематикой.

OCR: Ихтик (г.Уфа)
ihdik.lib.ru

ISBN 5-89329-397-5

9 785893 129397 5

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2001 г.
© ХЦГИ, 2001 г.

© Коллектив авторов, 2001 г.

Содержание

Предисловие.....	14
------------------	----

Возникновение и развитие гендерных исследований в США и Западной Европе.....	17
---	-----------

Елена Ярская-Смирнова

1. Возникновение и развитие женских исследований — Связь женских исследований с новыми социальными движениями — Первая стадия развития женских исследований в США (конец 1960х-1970-е годы) — Вторая стадия развития женских исследований: институционализация — Третья стадия развития женских исследований: принцип мультикультурализма — Четвертая стадия развития женских исследований: перспективы глобализации — Женские исследования в Западной Европе — Ген-дерное образование: от «скрытого учебного плана» к «феминистской педагогике» — 2. Возникновение и развитие гендерных исследований — Причины возникновения и основные отличия университетских программ гендерных исследований — Феминистские и гендерные исследования: методологические проблемы определения — Перспективы развития женских и гендерных исследований в структуре академического образования

Феминистская теория 90-х годов: проблематизация женской субъективности	49
---	-----------

Ирина Жеребкина

1. Постановка проблемы и методологические предпосылки — 1) Значение современной феминистской теории для гендерных исследований: проблематизация женской субъективности — 2) Два подхода к проблеме женской субъективности в феминистской теории: постановка проблемы — 2. Проблемы и парадоксы репрезентации женской субъективности — 1) Структура истерии как «я»-эксцесс в философской концепции женской субъективности Люси Пригарэ — 2) Структура «она» в философской концепции женской субъективности Розы Брайдотти — 3) Перформативная гендерная субъективность в философской концепции Джудит Батлер — 4) Концепции квир-идентичнос-

ти (Тереза де Лауретис, Элизабет Гросс и Ив Кософски Сэдэжвик) — 3. Женская сексуальность в феминистской теории — 1) Женская сексуальность в системе «генеалогии женщин» в философии Люси Иригарэ — 2) Сексуальное различие в философской концепции Розы Брайдотти — 3) Джудит Батлер: сексуальность как «цитатность» и понятие «принудительной гетеросексуальности» — 4) Теории квир-сексуальности и их значение для современной феминистской теории — 4. Противоречия и проблемы в теории современного феминизма

Гендерная проблематика в политических науках

1. Гендерная проблематика в политической теории.....80

Ирина Чикалова

1. Новое женское движение — 2. Женщины в традиционной политической теории — 3. Феминистская методология в политической теории — 4. Радикальный феминизм: переосмысление категорий классической политической теории — 1) Публичное и приватное пространство — 2) «Личное есть политическое» — 3) Концептуализация понятий «различие» и «сексуальное различие» — 5. Основные понятия и концепции политической теории феминизма — 1) Феминизм и демократическая концепция гражданства — 2) Концепция обретения/осознания силы — 3) Теория представительства — 4) Концепция интеграции — 5) Концепция маргинальности — 6. Политические требования феминизма — 7. Расширение исследовательской базы в 1990-е годы

2. Политическая теория феминизма: современные дебаты 107

Сергей Ушакин

1. Пол и политика: постановка проблемы — 2. Капилляры власти: методологические предпосылки возникновения современной политической теории феминизма — 3. Кому на благо? Концепция политики и политического в феминистской теории «признания» Нэнси Фрейджер — 4. Феминистская теория власти, политики и политического Джудит Батлер — 5. Значение и проблематичность аргументации «конкретной морали» в феминистской политической теории Шейлы Бенхабиб — 6. Заключение: итоги и перспективы развития политической теории феминизма на современном этапе

Социология гендера

1. Социальное конструирование гендера: феминистская теория 147

Елена Здравомыслова, Анна Темкина

1. Социальное конструирование гендера как феминистская критика — 2. Теоретические основания — 1) Социально-конструктивистский подход П. Бергера и Т. Лукмана — 2) Этнометодология Г. Гарфинкеля: случай Агнес как категоризация и осуществление гендера в повседневности — 3) Драматургический интеракционизм И. Гофмана: гендерный дисплей — 3. Основные положения — 1) Гендер и власть — 2) Задачи конструктивистского анализа — 4. Заключение

2. Феминистская критика эпистемологических оснований социологии: перспективы социологии гендерных отношений ... 174

Елена Здравомыслова, Анна Темкина

1. Феминистская критика социологической эпистемологии — 1) Понятие феминистской эпистемологии — 2) Основные положения эпистемологической критики социологического знания — 3) Субъект познания: феминистские интерпретации — 4) Объект познания: феминистские интерпретации — 5) Отношения между субъектом и объектом: феминистские интерпретации — 2. Альтернативные эпистемологии — 1) Женский опыт как основание феминистской эпистемологии — 2) Феминистский эмпиризм — «включение женщин» — 3) Феминистский позиционный подход — 4) Социально-конструктивистская эпистемология — 5) Постмодернистская феминистская эпистемология — 3. Методы феминистского исследования — 4. Заключение: значение феминистской эпистемологии для социологии гендерных отношений

3. Феминистский подход к интерпретации качественных данных: методы анализа текста, интеракции и изображения..... 197

Елена Мещеркина

1. Введение: методологические постулаты феминистского исследования — 2. Проблема выбора метода — 1) Партийность, ангажированность и «частичная идентификация» как методологи-

ческие стратегии: проблемы и противоречия — 2) «Взгляд снизу» — 3) Исследование и акция: отношения женского движения и «баини из слоновой кости» — 4) Процесс исследования как прогресс осознания: овладение собственной историей — 3. Дискуссия о методах в женских исследованиях: количественные и качественные методы — 4. Интерпретативные методы в качественных исследованиях — 1) Биографическое исследование — 2) Анализ дискурса — 3) Содержательный анализ — 4) Анализ и интерпретация изображений — 5) Анализ фото- и фильмома-териалов — 6) Психоаналитическая интерпретация текста — 7) Объективная герменевтика — 8) Конверсационный анализ — 9) Анализ языка тела — 5. Заключение: значение качественных методов для феминистской социологии

гендерная проблематика

в экономической теории.....

Елена Мезенцева

1. Постановка гендерных проблем в основных направлениях экономической мысли — 2. Частная сфера как объект изучения ген-дерной экономики — 3. Публичная сфера как объект изучения гендерной экономики — 4. Взаимосвязь частной и публичной сферы с позиций гендерной экономики — 5. Заключение. Возможности гендерной экономики как самостоятельной экономической дисциплины

гендерная проблематика

в исторических науках

.....

,

Наталья Пушкарёва

1. Введение: гендерная методология в истории — 2. «Ее история»: рождение исторической феминологии — 3. Что такое историческая феминология? — 4. Чего достигла историческая феминология? — 5. От теорий социального конструирования к гендерной концепции в истории — 6. От «истории женщин» к «гендерной истории» — 7. Постструктурализм и «другие истории». От пола к «поли-» — 8. Лингвистический поворот и проблема «женского письма» — 9. Гендерная методология в науках о прошлом: перспективы 90-х годов

Гендерная проблематика в психологии

1. Гендерные исследования в психологии 312

Елена Иванова

1. Введение: понятие гендерных исследований в психологии —
2. Пол (гендер) и мозг человека — 3. Гендерные различия в когнитивной сфере — 4. Гендер и эмоции — 5. Гендерные роли — 6. Гендерная идентификация — 7. Гендерные стереотипы, предрассудки, установки — 8. Феминистская психология — 9. Заключение: значение гендерных исследований в психологии

2. Феминизм и психоанализ..... 346

Ирина Жеребкина

1. Феминизм и психоанализ: проблема взаимоотношения —
2. Фрейдовская теория гендера — 3. Феминистская критика Фрейда — 4. «Жак Лакан: феминистское введение» — 1) Теория субъективности: символическое в формировании гендерной идентичности — 2) Женская субъективность как сексуальность — 5. Постлакановский феминистский психоанализ: основные концепции и направления — 1) Значение теории Лакана для феминистского психоанализа — 2) Основные концепции феминистского психоанализа

Гендерная проблематика в антропологии..... 370

Елена Гапова

1. Введение: антропология как наука о сущности культуры. Проблематика пола в антропологии — 2. Значение и ограничения женской темы и женщин-ученых в антропологии. Маргарет Мид — 3. Тезис «знание-власть» в антропологии — 4. Основные положения феминистского проекта в антропологии — 1) Женщина как субъект в антропологии — 2) Концепция «обмена женщинами» Гейл Рубин — 3) Природа и культура как женское и мужское в антропологической концепции Шерри Ортнер — 5. Приватное и публичное в антропологии: модель гендерной стратификации Джоан Хубер — 6. Феминистская критика антропологии — 1) Критика эволюционных теорий в антропологии — 2) Антиструктуралистская тенденция в антропологии и критика проблемы власти — 3) Феминистская антропология на современном этапе: гендерное неравенство в условиях глобализации

гендерная проблематика в философии 390

Сергей Жеребкин

1. Введение. История философии как интеллектуальная история мизогинии — 2. гендерная проблематика в античной философии: формирование мизогинистского мышления в философии Платона и Аристотеля — 3. Мизогиния и обоснование патриархальных отношений в философии средневековья — 4. «Эпоха разума». Гендерная проблематика в философии Просвещения: парадоксы либерализации — 1) Руссо: женская чувственность в терминах разума — 2) Кант о различии мужского и женского разума — 3) Мери Уолстонкрафт в защиту женских прав и женской эмансипации — 5. «Эпоха чувственности». Метафизическое оборачивание: новая концепция женского в философии романтизма — 6. Женское/телесное в философии Ницше — 7. Гендерная проблематика в современной философии: парадоксы концептуализации женского — 8. Заключение. Особенности и значение философии феминизма для современного философского дискурса

Гендерная проблематика в теории культуры

1. Гендерная проблематика в парадигме культурных исследований 427

Альмира Усманова

1. Введение: пол и гендер в контексте дихотомии «природа-культура» — 2. Гендер и культура: антиэссенциализм как культу-рализм — 3. Культурология и/или «культурные исследования» — 4. Гендерная проблематика в «культурных исследованиях» — 5. Проговаривание «себя» и представление «другого» в гендерных и культурных исследованиях — 6. Феминистские исследования массовой культуры и визуальных репрезентаций — 1) Ген-дерные стереотипы культуры — 2) Гендер и жанр: значение «женских жанров» в культуре — 3) Женица как субъект визуальной культуры — 7. Заключение. Значение гендерных исследований для постсоветской культурологии

2. Женщины и искусство: политики репрезентации..... 465

Альмира Усманова

1. Введение. Понятие феминистской критики в истории и теории искусства — 2. Основные положения феминистской крити-

ки: от понятия «женских образов» к проблеме репрезентации пола в искусстве — 3. *Flashback*: взгляд в недавнее прошлое феминистской критики — 4. Основные темы феминистской критики искусства — 5. Женская сексуальность в искусстве: кто сказал, что «визуальное искусство предназначено для наслаждения»? — 6. Иконография женских образов в искусстве: альтернативные интерпретации — 7. Заключение. Значение феминистской критики для теории и истории искусства

Гендерная проблематика в экологии..... 493

Екатерина Карпенко

1. Введение: экология и экофеминизм. Понятие экофеминизма — 2. Возникновение и теоретические источники современного экофеминизма — 3. Основные концепции и направления экофеминизма — 4. Перспективы экофеминизма: значение для экологии и гендерных исследований

Гендерная проблематика в языкознании 508

Елена Горошко

1. Возникновение и основные направления лингвистической гендерологии — 2. Возникновение феминистской лингвистики — 3. Теоретические основы феминистской лингвистики — 4. Основные течения в феминистской лингвистике — 5. Грамматическая категория рода и проблема референции — 6. «Дискурсивное направление» феминистской лингвистики — 7. Р. Лакофф, Язык и место женщины — 8. Теория двух культур Д. Таннен — 9. Феминистское планирование и реформирование языка. Новые гендерные политики — 10. Значение феминистской лингвистики для языкознания

Феминистская литературная критика 543

Ирина Жеребкина

1. Введение: понятие феминистской литературной критики — 2. Понятие женской литературы — 1) Теоретические подходы: понятие «гинокритики» — 2) Женско-центрированная литература: «время невинности» — 3) «Женский опыт» и «женская литература»: экстра-литературные критерии в литературе — 4) Проблемы и поиски новых теоретических оснований: критика концепций «женского авторства» и «женского опыта» в литературе — 3. Понятие «женского чтения» — 1) Основные по-

ложения теории «женского чтения» — 2) Критика теорий «женского чтения» — 4. Понятие «женского письма» — 1) Основные положения теории «женского письма» — 2) Критика концепций «женского письма» — 5. Женская автобиография как особый тип «женского опыта» — 6. Заключение: значение феминистской литературной критики для теории литературы

Мужские исследования: меняющиеся мужчины в изменяющемся мире.....562

Игорь Кон

1. «Кризис маскулинности» и мужские движения — 2. Мужские исследования и парадигмы маскулинности — 1) Биолого-эволюционный подход — 2) Психоаналитический подход — 3) Маскулинность и мужские роли — 4) От мужских ролей к гендерным идентичностям — 3. Маскулинность как история — 4. Заклю-

Гендерная проблематика в праве: права женщин..... 606

Светлана Поленина

1. Права женщин в контексте прав человека — 2. Право женщин на жизнь, здоровье, достоинство и личную неприкосновенность — 3. Право женщин на образование и свободу выбора жизненного пути — 4. Права женщин в экономической и социальной сферах — 5. Политические права женщин — 6. Заключение

Гендерные политики в социальных движениях: теория и практика современного феминизма

1. Теория и практика современного феминизма: женское движение в США 635

Людмила Попкова

1. Введение. Новое женское движение в США и его разновидности — 2. Влияние книги Бетти Фридан Загадка женственности на развитие женского движения в Америке — 3. Либеральная концепция феминизма в женском движении США — 4. Основные политические достижения и ограничения либерального феминизма в США — 5. Концепция радикального феминизма в женском

движении США — 6. Проблема сексуальности и репродуктивных прав в теории и практике женского движения США — 1) Кейт Миллетт, Сексуальная политика — 2) Суламифь Фай-ерстоун. Диалектика пола: доводы для феминистской революции — 3) Значение темы репродуктивных прав для женского движения — 7. Значение темы насилия для теории и практики женского движения США. Сюзан Браунмиллер, Против нашей воли и Кэтрин МакКиннон, Сексуальные домогательства к работающим женщинам — 1) Борьба против порнографии как разновидность политики женского движения в США — 2) Роль лесбийской политики внутри женского движения — 8. От «эгалитарного феминизма» к «социальному феминизму» — 9. Понятие множественности феминизмов, или феминизмов различий в женском движении США — 10. Заключение: значение женского движения США для развития демократии

2. Женское движение второй волны:

истоки, концептуализация и результаты 664

Анна Темкина

1. Женское движение как общественное движение: исследовательские подходы — 2. Женское движение в сравнительной перспективе: особенности коллективного действия и структуры политических возможностей — 3. Идеология как ресурс движения. Основные направления идеологии — 4. Влияние движения на политику

Об авторах 696

Алфавитный указатель

700

Предисловие

Главная цель данного учебного пособия — способствовать внедрению новой академической дисциплины *гендерных исследований* в систему высшего постсоветского образования в тех формах, которые были апробированы в североамериканских университетах в период создания в них программ и кафедр по *women's studies* (женским исследованиям) — либо в качестве основных учебных курсов, либо гендерных тем внутри отдельных социальных дисциплин.

Необходимость учебного пособия по гендерным исследованиям для постсоветской академии вызвана интенсивной динамикой их развития за последнее десятилетие в странах бывшего СССР и реальной практикой университетского преподавания: в постсоветской высшей школе в настоящее время более 350 ученых работают в области гендерных исследований и читают гендерные курсы, охватывающие большинство социальных дисциплин.¹

Структурным принципом учебника — при всем понимании *междисциплинарного* характера гендерных исследований в целом — выбран тем не менее принцип *дисциплинарности*, соответствующий *реальному* опыту преподавания социальных дисциплин в постсоветской высшей школе в рамках обязательных учебных планов факультетов и кафедр (в первую очередь в государственных региональных вузах). В результате гендерная проблематика в учебнике представлена как в традиционных социальных дисциплинах, которые входили и в «пантеон» советских социальных наук (социология, философия, психология, лингвистика, экономическая теория, история), так и в новых, появившихся в качестве учебных дисциплин только в постсоветских университетах — таких как политология (разделы И. Р. Чикало-вой и С. А. Ушакина), антропология (раздел Е. И. Гаповой), культурология, или культурные исследования (раздел А. Р. Усмановой), экология (раздел Е. И. Карпенко). Кроме того, пред-

См. базу данных на сайте ХЦГИ <http://www.gender.univer.kharkov.ua> и электронную версию составленного Зоей Хоткиной справочника «гендерные исследования в России и СНГ. Кто есть кто» по адресу http://www.owl.ru/win/books/dbras_who_is_who/

ставлены дисциплины, которые не преподаются в постсоветских университетах, но с необходимостью являются частью североамериканских программ и курсов по гендерным исследованиям — например, мужские исследования (раздел И. С. Кона), феминистская теория, феминистская литературная критика, феминизм и психоанализ (разделы И. А. Жеребкиной), права женщин (раздел С. В. Полениной). Данный структурный баланс, учитывающий практики преподавания гендерных исследований как в североамериканских, так и в постсоветских университетах, на наш взгляд, способен обеспечить более мобильную и вариативную систему преподавания их в постсоветской высшей школе в целом. Вместе с тем данное учебное пособие демонстрирует следующую закономерность — выбранный в качестве основного принцип дисциплинарности на самом деле радикальным образом модифицирует академическую дисциплинарность традиционных/классических социальных наук, основанных на принципах классического универсализма, из-за междисциплинарной методологии гендерных исследований. Являясь *междисциплинарными*, гендерные исследования — как, возможно, ни одна другая постсоветская академическая методология — трансформируют и постсоветские социальные дисциплины, и сам принцип постсоветского высшего образования критикой классических/традиционных методологий и утверждением новых/неклассических моделей развития социального знания (см., например, разделы Е. А. Здравомысловой и А. А. Темкиной, А. Р. Усмановой, Н. Л. Пушкаревой, специально рассматривающие смену научных парадигм внутри отдельных дисциплин социального знания).

Второй принцип, но уже не структуры, а *методологии* — это особая роль феминистской теории для гендерных исследований во всех разделах данного учебного пособия. В данном случае мы исходим из двух гносеологических тезисов: во-первых, на Западе гендерные исследования связаны с феминистской теорией и обязаны ей своим происхождением; во-вторых, хотя феминистская теория и идеология — сегодня лишь часть более широкой предметной области гендерных исследований (и учебник в целом исходит из замены феминистской теории гендерной, что специально подчеркивается в разделах Е. Р. Ярской-Смирновой, И. С. Кона и Н. Л. Пушкаревой), однако для патриархатных культур, каковы бы ни были их разновидности, тема феминизма является до сих пор чрезвычайно актуальной — до тех

пор, пока и у нас феминистская теория и политики не дадут сколько-нибудь ощутимых результатов в изменении гендерного порядка в обществе и социального положения женщин.

Именно поэтому последним разделом учебника является раздел о связи феминистской теории с женским движением (разделы Л. Н. Попковой и А. А. Темкиной) — с целью демонстрации определенных политических результатов как женского движения, так и гендерных исследований, являющихся для него теоретическим источником.

Вместе с тем учебник заканчивается на результатах второй волны женского движения на Западе, оставляя ситуацию дальнейшего развития феминистской и гендерной теории и гендерных исследований открытой — как в западной культуре перехода к новому тысячелетию, так и в постсоветской транзитивной культуре, пытающейся сегодня выработать свои собственные темы и модели, а также, возможно, и методологию гендерных исследований. Потому что сегодня, на наш взгляд, это действительно открытые ситуации, обнаруживающие новые социальные проблемы в жизни женщин и мужчин. Вместе с тем хотелось бы надеяться, что новые социальные изменения не будут происходить в худшую для женщин сторону.

Возникновение и развитие гендерных исследований в США и Западной Европе

Елена Ярская-Смирнова

В этой главе мы рассмотрим эволюцию женских, гендерных и феминистских исследований на Западе, обсудим их задачи и особенности развития в североамериканских университетах, а также привлечем некоторые примеры академических программ Западной Европы и Великобритании.

1. Возникновение и развитие женских исследований

Связь женских исследований с новыми социальными движениями. Термин «гендерные исследования» (*gender studies*) появился в мире не так давно, в 1980-е годы, когда в университетах Северной Америки были открыты соответствующие факультеты и кафедры; тогда же в Западной Европе появились ассоциации и научно-исследовательские центры, ведущие разработки гендерной проблематики. Возраст академических курсов женских исследований (*women's studies*) в американских университетах примерно на десять лет старше; параллельно было учреждено и несколько академических программ феминистских исследований (*feminist studies*).

Женские исследования как академическая дисциплина уходят корнями в феминизм первой волны, в феминистскую критику традиционной науки и высшего образования, которая стала особенно влиятельной после опубликования в 1949 году книги Симоны де Бовуар *Второй пол*. Ряд курсов по вопросам роли женщин в истории и литературе существовал и ранее, правда, они были разрозненными и единичными; таким образом, вплоть

до начала 1970-х годов женские исследования не фигурировали под таким именем в университетах и колледжах США.

Несмотря на продолжающиеся теоретические споры о том, считать ли женские исследования прямым или косвенным следствием женского движения, а также непрекращающуюся теоретическую дискуссию о характере связи академического феминизма и практики женского движения, факт остается фактом: первые курсы женских исследований в высшей школе США были организованы непосредственно под влиянием женских движений 1960-1970-х годов. Теоретический анализ в то время считался важнейшим условием социальных изменений (что, кстати, было характерно для эмпирической американской социологии в целом), а исследование угнетения женщин ассоциировалось с поиском политических и социальных возможностей преодоления неравенства в патриархальных и капиталистических обществах. Тесная связь теории и практики была главным принципом развития данной академической дисциплины в США, а политический характер знания, в том числе — и особенно — феминистского, казался не только совершенно очевидным, но и необходимым.

Женские исследования в США возникли, во-первых, одновременно с этническими (*ethnic studies*) и черными (*black studies*) исследованиями в ответ на растущую критику в адрес консерватизма и дискриминационных политик в академии, и, во-вторых, как необходимый шаг с целью пересмотра роли женщин и других маргинализированных групп в обществе. В эти годы женщины Западной Европы и США выступали в феминистском освободительном движении за свои гражданские и экономические права. Утверждая, что «личное есть политическое», феминистки начали открыто обсуждать то, о чем раньше говорилось лишь шепотом — например, сексуальность, изнасилование, сексуальное насилие в форме инцеста и домашнее насилие. Для феминисток было ясно, что все эти проблемы неразрывно связаны между собой, и чтобы достичь свободы для женщин, необходима борьба по каждому отдельному вопросу.

Академические, социальные и политические цели феминистского освободительного движения развивались бок о бок с освободительными движениями чернокожих, американских индейцев и сексуальных меньшинств, движениями за гражданские, студенческие права и антивоенными выступлениями. Все эти

социальные группы, имеющие представителей в академическом сообществе и вне его, убедительно доказывали, что их культурные практики, жизненный опыт и представления о социальном мире очень важны для понимания, развития и трансформации современного общества. Эти движения, получившие название *политик идентичности*, способствовали институционализации программ женских и гендерных исследований, а также программ изучения расы и сексуальности в американских университетах. Кроме того, деятельность этих движений привела к увеличению числа женщин и представителей меньшинств в различных академических сферах.

Первая стадия развития женских исследований в США (конец 1960-х-1970-е годы) — создание новой академической дисциплины женских исследований (*women's studies*). Первая программа женских исследований была открыта в 1969/70 учебном году в университете Сан-Диего. В тот год в университетах США в целом насчитывалось лишь 17 лекционных курсов о женщинах. Однако к 1980 году число таких курсов выросло до 20 тысяч, а количество программ, или специальностей, существующих в рамках традиционных или новых самостоятельных кафедр и факультетов, уже равнялось 350.

Изучение женщин изначально появилось в рамках традиционных академических социальных и гуманитарных дисциплин — в основном, в литературе, истории, философии, социологии и психологии. Преподавание многочисленных и разнообразных курсов было начато официальным и неофициальным образом, в различных условиях, часто по настоянию студентов. Первые феминистские требования, предъявляемые к университетам, были связаны с «внесением» женщин в учебные планы, учебники, издательские каталоги. Также были опубликованы и начали использоваться в учебном процессе несправедливо забытые труды женщин, а ученые стали связывать темы своих исследований с проблемами женщин и гендера. Многие из новых курсов были включены в учебные планы существующих специальностей, и только в нескольких колледжах и университетах получили развитие самостоятельные программы женских исследований.

Тезис «добавить женщину» в традиционные социальные и гуманитарные дисциплины возник из осознания того факта, что женщины на протяжении долгого развития культуры обычно

исключались из публичного дискурса и ассоциировались с домашней сферой, семьей и «женской работой». Кроме того, из-за того, что женщин редко обучали грамоте, имеется очень мало документальных источников о жизни наших прапраматерей. В результате история культуры состоит в основном из мужских имен, которые и изучаются традиционным гуманитарным или социальным знанием. Например, по сравнению с большим числом художников-мужчин, лишь немногие женщины участвовали в создании произведений искусства и архитектуры — того, что традиционно изучается историками искусства. Многие женщины, которые выражали себя в творчестве, делали это посредством музыки, танца, вышивки, ткачества и ковроткачества, плетения, вязания, лоскутного шитья — а ведь все эти формы являются хрупкими, эфемерными и анонимными. Отсюда слабая представленность женщин в мире мужского художественного истеблишмента, то есть среди тех, чьи картины висят в музеях, а книги публикуются.¹ Женщины редко играли решающую роль в промышленности или доминантных религиях, продолжая оставаться исключенными из сферы такого лидерства и сегодня.

В то же время вскоре стало ясно, что подход «добавить женщину» в социальное знание оказался недостаточным, поскольку ни одна из традиционных дисциплин не была в состоянии предоставить полноценное понимание жизни женщин. В результате в течение 1970-х годов многими университетскими преподавателями и учеными была осознана необходимость более целенаправленного развития *самостоятельных* программ женских исследований, которые бы целостным образом изучали жизнь женщин на основе так называемого «женского опыта», а не универсального мужского.

Данное переосмысление привело к оформлению женских исследований в вид университетских программ (факультетов, центров, кафедр или специальностей), где можно получить знания о мире и людях с разнообразных междисциплинарных и феминистских позиций, а главное — с женской точки зрения. Именно это отличало программы женских исследований от факультетов социологии, психологии, философии, экономики или

¹ «Introduction to Women's Studies», *Women's Realities, Women's Choices. An Introduction to Women's Studies* by Hunter College Women's Studies Collective (New York, Oxford: Oxford University Press, 1983), p. 8.

истории. До недавнего времени как женщины, так и мужчины смотрели на мир с мужской перспективы, поскольку все теории о людях, нашей природе и нашем поведении были созданы учеными-мужчинами. Когда собственный опыт женщин помещается в центр познавательного процесса, это позволяет ставить новые аналитические вопросы, развивать оригинальные теории и вносить существенный вклад в понимание нас самих и нашего мира.

К первой стадии развития женских исследований в США относится также и создание в 1977 году Национальной ассоциации женских исследований, основной целью которой было поддержка, распространение и развитие новых университетских программ по женским исследованиям. Ассоциация начала проводить ежегодные конференции, публиковать журнал, проводить мониторинг программ и рассылать информацию по университетам США.

Надо отметить, что финансовая поддержка женских исследований со стороны общего бюджета университетов в ту пору была очень слабой. Например, в университете Нью-Мехико, где программа женских исследований начала свое существование в 1972 году, год спустя университетом было выделено всего **150** долларов, из которых две трети было выплачено в качестве гранта аспирантке, работавшей в качестве помощника координатора, а одна треть предназначалась на расходные материалы.

Вторая стадия развития женских исследований: институционализация. Ее начало можно отсчитывать с начала 1980-х годов. В этот период происходит интеграция женских исследований в высшее образование США, а также развитие так называемых «гендерно-сбалансированных учебных планов» посредством введения новых знаний о женщинах в традиционные социальные и гуманитарные дисциплины. Основной целью этого периода была общенациональная институционализация женских исследований в системе высшего образования США. В целом этот период можно назвать «мэйнстримом» женских исследований, а его усилия были направлены на приведение к общему знаменателю всей идеологии высшего образования в США.

Характерно, что этот общенациональный проект был поддержан не только бюджетом самих университетов, но и государственными и частными американскими фондами (например, фонд

Форда спонсировал перестройку социальных образовательных специальностей в университете Аризоны и т. п.). И хотя многие университеты не получили достаточного финансирования, именно во втором периоде своего развития женские исследования в США были институционализированы. Наиболее богатые программы открыли исследовательские институты и центры, начали издавать собственные книги и журналы, а некоторые даже приобрели статус отдельных факультетов. В университетах началось широкое обсуждение статуса женщин, явлений дискриминации в публичной сфере и частной жизни, гендерных предрассудков, существующих в социуме, литературе и образовании. Были учреждены и специальные журналы в области женских исследований — прежде всего *Feminist Studies*, *Women's Studies*, *Signs*, *Quest*, *Sex Roles*, *Women's Studies Newsletter*. Также были опубликованы первые антологии и хрестоматии по женским исследованиям.

Вторая стадия развития женских исследований в университетах США была связана не только с переосмыслением роли женщин в жизни общества, но и с переосмыслением самого принципа традиционной, дисциплинарной организации знания. Мы знаем, что знание о людях и мире разделено на дисциплины, некоторые из которых имеют давнюю и богатую традицию (например, история и философия). Ряд других — психология, социология, экономика — начали развиваться как самостоятельные дисциплины лишь одно или два столетия назад; сегодня же существуют и совсем новые академические дисциплины, такие как, например, генетика, компьютерные науки, теория коммуникаций и т. п. Независимо от своего возраста каждая из этих дисциплин обладает относительно самостоятельным способом познания, базируется на некотором наборе исходных положений, явных и неявных установок, выраженных в форме непреложных истин и этических представлений. Эти истины, представления и предпосылки становятся для ученого руководством к действию, причем следующие из них выводы и интерпретации не являются одинаково истинными для женщин и мужчин. Они не всегда соответствуют женскому опыту и могут неверно объяснять женское поведение: фактически, это изучение мира с позиции мужчин.

В свою очередь, женские исследования фокусируются на женском опыте и стоят на таких положениях, которые могут

помочь воссоздать женский мир. Поэтому женские исследования — это не только дополнение и исправление традиционных наук; это еще и новая самостоятельная академическая дисциплина, которая требует от других дисциплин пересмотра их оснований и объяснительной логики. Другими словами, женские исследования — это попытка привести фундаментальные изменения в академию посредством научного поиска. Именно в качестве новой дисциплины женские исследования не только ставят под сомнение основные методы и гипотезы традиционных наук, но и обеспечивают свежий и цельный взгляд на мир посредством *междисциплинарной* методологии, подвергающей сомнению сам факт разделения знания на отдельные, изолированные дисциплины и позволяющей изучить любой вопрос с разных сторон, подвергнув критике одностороннее видение предмета в традиционных дисциплинах и стимулируя тем самым их развитие.

Безусловно, традиционные дисциплины (например, психология, история, антропология) исследуют не только мужчин, но и женщин. Однако в существующем научном знании мы увидим большие пробелы, заблуждения и неточности, доказывающие, как мало нам известно о половине человеческого рода — женщинах. Что, например, нам известно о женщинах в античности и средневековье? Как нам понять и узнать женщин этого периода, если мы полагаемся лишь на документальные материалы, оставленные мужчинами и о мужском опыте? Долгое время археологи разрабатывали и подтверждали теории о происхождении и развитии человека, расширяя знания об орудиях труда и нормах поведения, ассоциируемых с мужской сферой деятельности — охотой. Однако, когда антрополог-феминистка Сэлли Слокам в 1975 году спросила, чем в ту эпоху занимались женщины, то выяснилось, что у нас весьма скудные сведения о женской деятельности в доаграрных обществах.² Поэтому одной из задач женских исследований является поиск недостающей информации о женщинах прошлого и настоящего — писательниц и художниц, мыслительниц и поэтесс, тех, кто обеспечивает питание своей семье, кто занят в торговле и ремесле, простых и знатных,

² S. Slocum, «Woman the Gatherer: Male Bias in Anthropology», in R. R. Reiter, ed., *Toward an Anthropology of Women* (New York: Monthly Review Press, 1975).

неизвестных и прославленных. Например, историки считали, что имеют богатую информацию об эпохе Возрождения лишь до тех пор, пока историк-феминистка Джоан Келли в 1977 году не поставила свой знаменитый вопрос: а был ли Ренессанс у женщин и чем занимались европейские женщины этого периода?³

По словам Элизабет Повинелли, антропология, как и другие академические дисциплины, первоначально была андроцен-тричной, с глубоко укорененной ориентацией на мужчин.⁴ Например, когда антропологи желали изучать ритуальные верования австралийских аборигенов, они собирали информацию только о мужских ритуальных практиках этой группы, ошибочно признавая их наиболее важными; иными словами, в андроцент-ристском подходе мужские роли были не только в центре анализа, к ним также относились как к образцам, представляющим обычаи, верования и жизненный опыт всей общины. В отличие от андроцентристского подхода, основной предпосылкой феминистской антропологии выступает идея, согласно которой для того, чтобы понять особенности и возможности социальной жизни людей, необходимы исследования женских ролей, убеждений и практик в обществе. В частности, исследования рода, семьи, брака подверглись пересмотру с тех пор, как этнографы пришли к пониманию роли женщин в устройстве сватовства и свадьбы, манипуляции родственными связями для экономической и политической выгоды, как сексуальных агентов, а не пассивных объектов мужского желания. Подобным образом был пересмотрен также традиционный антропологический анализ религии, политических систем и экономики, обогащенный этнографическими материалами, которые учитывали жизненный опыт и взгляды женщин.⁵

Каждая дисциплина применяет специфические теории об устройстве мира и особые методы, приспособленные для изучения. Ряд концепций и методов был взят женскими исследованиями из других дисциплин, однако при этом они были допол-

³ J. Kelly, «Did Women Have a Renaissance?», in R. Bridental and C. Koonz, eds., *Becoming Visible: Women in European History* (Boston: Houghton Mifflin, 1977).

⁴ E. Povinelli, «Feminist Anthropology», in Thomas Barfield, ed., *The Dictionary of Anthropology* (Oxford: Blackwell. 1997), p. 181.

⁵ Ibidem, p. 182.

нены женской точкой зрения. И хотя женские исследования — очень молодая отрасль науки, которая только начинает определять свои потребности в специальных знаниях и методах, уже сегодня можно говорить о том, что женские исследования не только заимствуют методы и концепции из традиционных социальных и гуманитарных дисциплин, но и способствуют их развитию. Здесь формулируются новые вопросы и пересматриваются прежние объяснительные модели, появляются новые теории и методы исследования. В свою очередь, женские исследования используют наработки, выводы и открытия других дисциплин, чтобы развивать междисциплинарное знание о женщинах. Например, для того, чтобы исследовать гормональные циклы женщин, требуются знания о воздействии эмоций на биологические функции, а также сведения из экологии и генетики. Если мы хотим понять изменения в практиках воспитания детей в определенных культурно-исторических и социально-экономических контекстах, нам нужны методы и материалы биологии, чтобы узнать о лактации; экономики — об условиях, в которых женщины принимают решения о том, как воспитывать детей; психологии — о том, как женщины воспринимают эти условия; антропологии — о культурных традициях воспитания детей; диетологии — о воздействии различных практик питания на матерей и детей; политологии и юриспруденции — о системе формальной поддержки (или недостатке таковой), важной для принятия решений в связи с воспитанием детей. Возможно, в каждой из названных дисциплин вопросы ставятся несколько иначе, но женские исследования во многом полагаются на развитие этих областей знания, черпая из них средства для ответа на эти вопросы.⁶ Кроме того, в женских исследованиях многие вопросы формулируются впервые (ибо традиционные дисциплины таких проблем еще не касались), затрагивая, помимо женщин, и другие группы людей, о которых обычно наука умалчивала — расовые, этнические, сексуальные меньшинства, инвалиды и т. п.

Для ученых, представляющих женские исследования, было важно прежде всего восполнить пробелы в потоке академичес-

⁶ «Introduction to Women's Studies», *Women's Realities, Women's Choices. An Introduction to Women's Studies* by Hunter College Women's Studies Collective (New York, Oxford: Oxford University Press, 1983), pp. 6-7.

ких публикаций различных дисциплин в отношении работ, подготовленных женщинами и анализирующими жизнь и достижения женщин. В процессе выполнения этой задачи стало очевидно, что основные понятия, которыми оперируют те или иные академические дисциплины, исключают возможность адекватного выражения женского опыта. Для того, чтобы женщины не были просто «аномальной сноской»,⁷ а попали в центр внимания науки и социальной практики, следовало внести изменения в те установки и язык, которые структурируют академическое знание. Отметим, что процессы институционализации женских исследований в 1980-е годы вызвали к жизни дискуссию, которая продолжается и сегодня. Эта дискуссия развернулась вокруг перспективы развития женских исследований как отдельной дисциплины в противовес идее диффузии нового знания среди традиционных дисциплин. Споры вызвал междисциплинарный характер женских исследований, который, казалось, ставил под вопрос самостоятельный статус этой дисциплины и указывал на ее очевидную интеграцию с традиционными отраслями знания — например, в виде таких специальностей, как «психология женщин», «история женщин» и «женская литература». В то же время преобладающей точкой зрения стала следующая: женские исследования создают основу для формулирования новых теорий и понятий, которые изучают женщин с неонсексистской перспективы, а поэтому могут претендовать на статус самостоятельной дисциплины, а не просто фигурировать в рамках раздела о женщинах внутри уже существующих дисциплин. Сегодня все большее число людей в США и Западной Европе получают степень магистра или доктора в области женских исследований, а также специализируются по одной из субдисциплин внутри самой женской программы. В то же время эта самостоятельная дисциплина не остается изолированным островом в поле взаимодействия традиционных и новых наук. Сегодня растет число тех, кто относит женские исследования именно к междисциплинарному знанию, которое позволяет ученым привлекать информацию о женщинах из всех других академических дисциплин и выбирать любые перспективы, информацию и подходы, наиболее

⁷ A. Kesselman, L. D. McNair, N. Schniedewind, eds., *Women: Images and Realities. A Multicultural Anthology* (London, Toronto: Mayfield Publishing Company, 1995), p. 8.

применимые к отдельно взятому вопросу. При этом в женских исследованиях могут быть оговорены собственные концептуальные рамки, которые будут проверять, пересматривать и расширять прежние теории.

Третья стадия развития женских исследований: принцип мультикультурализма — относится к середине 1980-х годов и связана с продолжением реструктуризации учебных программ в направлении включения опыта меньшинств, большей толерантности и чувствительности к мультикультуральным различиям учащихся. Еще в 1970-е и особенно в 1980-е годы академические программы женских исследований подверглись критике со стороны авторов-женщин, представляющих этнические, расовые и сексуальные меньшинства: в частности, черные и цветные женщины выдвигали вполне обоснованные требования включить в концептуализацию женственности расовые, этнические и классовые различия; женские исследования подверглись также критике за гетеросексизм, исключение женского лесбийского опыта; в них стали более отчетливо слышны голоса латиноамериканских, азиатско-американских женщин и представительниц коренного населения Америки. В результате в некоторых университетах были открыты специализации по «черным» женским исследованиям, которые теснее всего были связаны с программами афро-американских исследований. В 1983 году был учрежден новый журнал *SAGE: A Scholarly Journal on Black Women*, финансируются проекты и сетевые программы для «цветных» женщин в высшей школе, проводятся конференции, семинары и летние школы.

В результате этого развития произошли серьезные трансформации теоретической феминистской мысли, которая теперь отрицает эссенциализм, характерный для определения категории «женщина», и концептуализирует множественные идентичности женщин, подразумевающие, но не сводимые к категориям расы, этничности, экономического и профессионального статуса, работы, возраста, сексуальной ориентации, религии, национального происхождения и культуры.

Начиная с этого периода, феминизм продолжает развивать все более *мультикультурную перспективу*, учитывая опыт женщин всех рас, этнических групп, социальных слоев и сексуальных ориентаций. «Черный феминизм» (*black feminism*), напри-

мер, рассматривает особое положение афроамериканских женщин в американском обществе. Элис Уокер принадлежит красноречивая мысль о том, что «черный феминизм», или «вума-низм» основывается на исторической силе черных женщин в их семьях и общинах и богатой афроамериканской традиции сопротивления и выживания. Черные феминистки сделали также упор на понятии «множественного сознания»: речь идет о том, что в жизни цветных женщин США взаимодействуют одновременно различные системы расизма, сексизма и расового угнетения. Эти исследователи представили афроцентристскую перспективу в истории женщин взамен евроцентристской, что позволило оценить те властные роли, которые играют женщины в африканских обществах.⁸ Еврейские феминистки обратились к традиции еврейского женского сопротивления, проанализировали культурный смысл расистских и сексистских оскорбительных стереотипов, раскрыли смысл антисемитизма для еврейских женщин и важность связей между разными группами угнетенных людей, поставив вопросы: «если не я за себя, *то* кто?» и «если я только за себя, то что я такое?». Обсуждая эту мысль, Мелони Кей Кантровиц отметила, что «самое лучшее в людях — это устойчивая зависимость между уважением себя и уважением другого».⁹ Азиатско-американские и латиноамериканские феминистки отметили напряженные отношения между американской и эмигрантскими культурами, а также выявили общие потребности женщин упрочить их культурное наследие, но отвергнуть содержащийся там сексизм. Азиатско-американские феминистки выступают против мифов об азиатской женской сексуальности, мифов, которые появились из взаимной игры западных стереотипов о восточных женщинах; латиноамериканские феминистки показали в своих работах, как важно порой достигать соглашения между конфликтующими требованиями латиноамериканских общин и женского самоопределения. Феминизм для латиноамериканских женщин и женщин других расовых групп означает работу вместе с мужчинами над решением их общих проблем, связанных с социальным неравенством, а также

⁸ A. Kesselman, L. D. McNair, N. Schniedewind, eds., *Women: Images and Realities. A Multicultural Anthology* (London, Toronto: Mayfield Publishing Company, 1995), p. II.

⁹ Ibidem, p. 11.

направленную на изменение сексистских или мачистских установок внутри общины.¹⁰ Феминистки, представляющие коренное население Америки, вносят в современные женские исследования многие традиционные ценности и практики коренных американских культур, в центре которых находится женщина. История коренных женщин Америки и то, как они видят единение с землей, ответственность по отношению к окружающей среде, выступают важными вопросами для многих сегодняшних феминисток США.¹¹

Итак, на третьей стадии развития женские исследования в США поднялись на качественно новый уровень. Ученые стали обращать внимание на разнообразие женщин в аспектах расы, этничности, класса, религии, национальности, сексуальной ориентации, возраста и инвалидности. Подобные моменты учитывались и в образовательных программах, кроме того, во многих университетах факультеты женских исследований стали тесно сотрудничать с факультетами этнических исследований и мульткультурализма. Это способствовало тому, что академический мир становился не только более терпимым, но и более внимательным, заинтересованным в отношении многообразия и особенностей людей. Идеи и проблемы разных групп женщин расширяют границы феминизма, способствуя развитию теории мульткультурализма и практики освобождения всех людей.

Вместе с тем необходимо осознавать, что все исследователи являются выходцами из разнообразных культур и социальных классов. Женщины-участницы движений и исследователи представляют разные расы, этнические группы, профессиональные интересы и возрастные группы, они привносят различные интересы и представления, что иногда затрудняет взаимопонимание и препятствует консенсусу (следует отметить, что в 1996 году доля белых женщин среди администраторов программ женских исследований по-прежнему составляла 93%). Женщины разделены не только расой и классом, но также возрастом и сексуальной ориентацией. Вследствие такой дифференциации и ин-

¹⁰ A. Kesselman, L. D. McNair, N. Schniedewind, eds., *Women: Images and Realities. A Multicultural Anthology* (London, Toronto: Mayfield Publishing Company, 1995), p. 11.
Ibidem, p. 9.

дивидуализации интересов, «феминизм переопределяется как рынок самопомощи индивидуализированных потребителей»; и в этом случае «политики борьбы за равенство ложатся на дно».¹² Тем, кто прежде всего относит себя к дискриминируемым группам, трудно распознать схожесть интересов разных женщин. В другом случае в качестве непримиримых «врагов» могут рассматриваться женщины и мужчины. Чтобы достичь определенного уровня самооценки, люди обычно делают акцент на позитивной стороне собственных отличий и высоко оценивают те черты, которые отличают их как группу. В связи с этим, например, мы не хотим быть «ассимилированными» в соответствии с ценностями других, а настаиваем на том, чтобы другие принимали нас «такими, какие мы есть» с нашей точки зрения. Поэтому свобода от расистского, этнического или классового угнетения может казаться людям самым высоким приоритетом, а фокусироваться на различиях между женщинами и мужчинами может казаться им предательством «общего дела». Однако, «чем лучше мы понимаем барьеры, существующие в жизни всех женщин, тем более ясными становятся наши различия и удачнее формулируются феминистские цели, которые направлены на проблемы всех наших сестер».¹³

Отличительная черта женских исследований — это развитие коллективных способов действия. Хотя женщины-ученые, медики, художники и многие другие работают в одиночку, они часто объединяют свои ресурсы (знания, навыки и энергию) для коллективной работы, результат которой делает акцент не на индивидуальных усилиях, а на совокупном усилии группы. Во-первых, коллективное действие представляет взаимную поддержку в трудном начинании. Во-вторых, многие проблемы требуют экспертизы не одного человека, а специалистов разного профиля или опыта.¹⁴

Четвертая стадия развития женских исследований:
перспективы глобализации началась в 1990-х годах и была

¹² Айзенштайн З. Экспортный феминизм Севера и Запада // гендерные исследования. №1, 1998. С. 15.

¹³ *Introduction to Women's Studies*, pp. 11-13.

¹⁴ *Ibidem*, pp. 14-15.

связана с развитием глобальной инфраструктуры и повышением внимания к международным проблемам женщин. Распространение образовательных программ и исследовательских проектов по проблемам женщин и гендера в странах Западной Европы, Африки, Ближнего Востока, Азии и Латинской Америки привело к интенсивному обмену информацией, опытом и ресурсами между учеными и преподавателями. Были основаны регулярные международные летние институты, конференции и конгрессы, проводимые при поддержке многочисленных женских организаций. Образовательные программы приобретали международную, глобальную ориентацию, в частности, в связи с растущим числом публикаций, вышедших в постколониальных государствах и странах Третьего мира. Эти программы делают акцент на вопросах политики, социально-экономического развития, проблемах милитаризма, репродуктивных прав, беженцев, работы и семьи.

За последние тридцать лет были опубликованы тысячи книг и статей, оспаривавших старые предрассудки и осваивавших новое интеллектуальное пространство. Иногда можно услышать мнение о том, что в конце 1990-х годов рынок труда в академии, например, в американских университетах оказался заполненным, отмечается невостребованность выпускников, получивших степень PhD, в том числе, в области женских исследований. Женские исследования начинают рассматриваться не как образовательный капитал для карьеры университетского преподавателя, а как источник дополнительной экспертизы в отношении активизма и деятельности правительства. Совершенно очевидно, что люди с такой подготовкой вносят существенный вклад в строительство демократии и социальное развитие. В связи с этим сегодня говорят о том, что, возможно, предложение будет определять спрос, иными словами, рост числа подготовленных специалистов в области женских исследований будет способствовать социальному заказу на них. Например, сегодня некоторые специалисты с учеными степенями по женским исследованиям заняты в программах гражданского образования в средних школах и общинах. Благодаря такому влиянию в обществе распространяется феминистское знание, в преподавательскую практику внедряется опыт педагогики свободы, а задача гражданского образования переформулируется от натурализации иммигрантов к формированию опыта гражданственности. Речь идет об опыте

индивидуальной и коллективной ответственности, социального участия, толерантности и равноправия. Вот почему в обществе растет спрос на таких экспертов и специалистов, которые могут способствовать дальнейшему строительству демократии.

Женские исследования в Западной Европе. В 1980-х-1990-х годах появляются программы женских исследований в Европе:¹⁵ открываются новые отделения, ряд факультетов и центров. Их основными задачами в целом являются следующие задачи, которые можно продемонстрировать на примере Магистратуры междисциплинарных женских исследований (*Graduate School of Interdisciplinary Women's Studies*) университета Уорика (Великобритания): обеспечить критическую перспективу дискуссии по женщинам, осмыслить разнообразие феминистских подходов и важность категории «различия» в современных феминистских исследованиях; развить знание о разнообразии исследовательских методологий в женских исследованиях; способствовать осознанию философских и этических вопросов, возникающих в исследовательской ситуации изучения женщин; осмыслить смещение акцента в феминистской теории и методологии в направлении философии, осуществлять феминистскую критику биологии и культурных исследований и т. п. (см. Приложение 2). Характерно, что в 1993 году эта программа реорганизуется в Центр исследований женщин и гендера (*Centre for the Study of Women and Gender*), характеризую общий переход от женских исследований к гендерным исследованиям в Западной Европе.

Еще пример — Центр гендерных и женских исследований в университете Ньюкэсл (Великобритания) был основан также в 1996 году с целью развития междисциплинарных курсов и проектов; его деятельность посвящена интеллектуальному освоению того, как конструируются маскулинность и феминность, а также политическому признанию форм неравенства и поиску возможных способов достижения равенства. Особо выделяются проекты на следующие темы: идентичность и репрезентации, конст-

Информацию о программах женских и гендерных исследований в Европе см.: <http://www.org.uio.no/www-other/nikk/AIOFE/homedaa.htm>; <http://hgins.uia.ac.be/women/wise>; <http://women-www.uia.ac.be/women/noise/index.html>; <http://www.soros.org/wp>;

рукции маскулинности и феминности в международном масштабе; семья, право и меняющиеся дискурсы гендера; гендер и пространство; сексуальности; теории инаковости (*queer theory*); равные возможности, работа и образование; насилие и нарушение прав; феминистское движение и феминистская теория.

В тот же период открываются новые самостоятельные кафедры и программы, учреждаются исследовательские ассоциации, в названии которых присутствует термин «гендер». Так, международная сеть гендерных исследований, образованная в 1996 году при гендерном институте Лондонской школы экономики, в число своих задач включает следующие: поддерживать проекты и другую деятельность в сфере гендерных исследований; развивать теории этики, справедливости и демократии; расширять перспективы социальной политики посредством исследований, международного сотрудничества ученых, исследовательских центров, неправительственных организаций, средств массовой информации, бизнеса и политиков. Проекты разрабатываются в следующих направлениях: гендер и социальная философия; теории этики, справедливости и репродуктивных прав; культурные конфликты, коллективные идентичности и гендерные отношения; гражданство, мобильность и сотрудничество; равные *возможности* и образование в течение всей жизни; перспективы трансграничных форм демократии. Основной принцип программы — сочетание этики, теории и прагматики; гендерные исследования носят междисциплинарный характер, преодолевая традиционные рамки социальных наук, используют сравнительный подход, подчеркивая общность и различия между странами и регионами. Они дифференцируются по своей структуре, характеру и задачам, хотя часто имеют общие темы и цели (например, борьба против насилия). Исследовательские дискуссии, обмен идеями и результатами, освоение новых предметных областей стимулируются благодаря развитию современных информационных технологий обучения и преподавания.

Одной из основных теоретических и методологических проблем развития женских исследований в Западной Европе становится вопрос о взаимоотношении женских исследований в Северной Америке и Западной Европе, в котором существенную роль играют различия национально-политического контекста этих мировых регионов. Так, Роза Брайдотти, одна из самых известных феминистских теоретиков и организаторов науки в

Западной Европе, указывает, во-первых, на то, что лишь университеты Северной Европы поддерживают женские исследования в статусе самостоятельных факультетов, и, во-вторых, что название «феминистских», достаточно распространенное в США, могут позволить себе только те исследовательские центры, которые не связаны со студенческими образовательными программами: «Как правило, определение «феминистский» устрашает университетский истеблишмент и, главное, сочувствующих феминизму женщин-нефеминисток, являющихся его частью — вот почему со всей необходимостью его приходится избегать». В большинстве других случаев женские исследования в Европе интегрированы в другие факультеты и дисциплины, например, американистики (*American Literature* или *American Studies*), особенно в странах Южной и Восточной Европы. Поскольку традиции феминизма в американской истории весьма сильны, таким образом снимается необходимость особых аргументов в пользу функционирования программ женских исследований на кафедрах американистики. Парадокс же, по мнению Брайдотти, заключается в том, что при таком сценарии эти курсы перестают отражать собственные специфические европейские феминистские традиции, инициативы или практики.¹⁶ Все это, включая и недостаток литературы по феминизму и женским исследованиям в Европе (монополия издательской продукции в этой области у британского издательства Рутледж) делает, по мнению Брайдотти, европейские школы женских исследований «зависимыми от американского феминизма и в коммерческом, и в финансовом, и даже в дискурсивном отношении. Эта зависимость становится актуальной даже при выборе исследовательской проблематики, что также означает, что не существует эффективной обратной связи между локальными политическими культурами феминизма и местными университетскими программами по женским исследованиям».¹⁷ На основании этих выводов Брайдотти считает Европу колонией в области женских исследований. В то же время существует и противоположная точка зрения на соотношение между американскими и европейскими типами феминизмов и женских/гендерных исследований. Например, по

¹⁶ Батлер Дж. Феминизм под любым другим именем. Интервью с Розы Брай дотти // Гендерные исследования. №2, 1999. С. 50.

¹⁷ Там же. С. 50-51.

мнению Зиллы Айзенштейн, доминирование западного феминизма на мировом рынке «не останавливает развитие других видов феминизма в других странах и не сводит их к вариантам западного. ... Наоборот, в разных странах разные виды феминизма развиваются внутри собственных политических культур и историй и изменяют в свою очередь западные модели феминизма».¹⁸

Гендерное образование: от «скрытого учебного плана» к «феминистской педагогике». Одной из задач развития программ женских исследований в университетах США было женское образование. Образовательные учреждения в недавней истории США слишком во многом ограничивали, а не усиливали позицию женщин, часто поощряли девочек и женщин выбирать свою карьеру в традиционно «женских» сферах. Школы и учителя всегда были склонны поощрять покорных и скромных, а не настойчивых и инициативных учениц; в тех аудиториях, куда студенты попадали после школы, женщины также зачастую играли маргинальные роли. Образовательные учреждения отражают гендерную стратификацию общества и культуры в целом, демонстрируя на своем примере неравный статус женщин и мужчин и формируя феномен так называемого «скрытого учебного плана» в образовательных институциях, базирующегося на принципах гендерного неравенства.

Американские исследователи, начиная с 1970-х годов, стали выявлять наличие сексизма в учебниках и в том языке, который используется на занятиях. Стереотипное изображение мужчин как нормы, активных и успешных, а женщин как невидимок или маргинальных, пассивных и зависимых продолжает воспроизводиться в учебных материалах и специализированных источниках, применяемых в обучении на уровне среднего специального и высшего образования, поддерживая логику «скрытого учебного плана». Вследствие такой неадекватной репрезентации женщин в учебных материалах, во-первых, учащиеся могут незаметно для самих себя прийти к выводу, что именно мужчины являются стандартом и именно они играют наиболее значимую роль в обществе и культуре. Во-вторых, тем самым ограничиваются знания учащихся о том, какой вклад внесли женщи-

¹⁸ Айзенштейн З. Экспортный феминизм Севера и Запада // Гендерные исследования. №1, 1998. С. 11.

ны в культуру, а также о тех сферах нашей жизни, которые по традиции считаются женскими.¹⁹ В-третьих, на индивидуальном уровне стереотипы, содержащиеся в образовательных программах, в большей степени поощряют на достижения мужчин, тогда как женщины выучивают модели поведения, в меньшей степени соотносящиеся с лидерством и управлением.²⁰

В 1982 году Р. Холл и Б. Сэндлер провели первое исследование вербальных и невербальных коммуникационных практик в образовании.²¹ Это исследование стало классическим образцом подобных проектов, которые проводились в школах и колледжах, на образовательных сессиях для взрослых и в университетах. Было показано, в частности, что господствующие формы преподавания опираются на маскулинные способы общения. Прежде всего, это выражается в том, что, начиная с дошкольного возраста, педагоги поощряют мальчиков к самовыражению и активности, а девочек — к послушанию и прилежанию, опрятному внешнему виду. «Скрытый учебный план», таким образом, отождествляется с мета-коммуникацией как языком, посредством которого осуществляется социальный контроль.²²

Атмосфера на курсах женских исследований отличалась от той, которая царила в большинстве школьных или академических аудиторий. Образовательная программа по женским исследованиям возникла как академическая дисциплина именно из-за того, что женщины ставили вопросы о своем собственном опыте, и это до сих пор остается центральным звеном образования. Преподаватели женских исследований обычно стимулируют студентов не только задавать вопросы по пройденному материалу, но и обсуждать собственный жизненный опыт. Ценности феминизма, включая критику всех форм доминирования, акцент на сотрудничестве и стремление к интеграции теории и практики, оформили подход к преподаванию, называемый

¹⁹ *Defining the Curriculum. Histories and Ethnographies of School Subjects* (Lewes: Falmer Press, 1984).

²⁰ M. B. U'Ren, «The Image of Women in Textbooks», in V. Gornick and B. K. Moran, eds., *Women in Sexist Society: Studies in Power and Powerlessness* (New York: New American Library, 1971).

²¹ R. M. Hall, B. R. Sandler, *The classroom climate: a chilly one for women?* (Washington, DC: Association of American Colleges, Project on the Status and Education of Women), 1982.

²² M. Stubbs, *Language, Schools and Classrooms* (London: Willey, 1976).

феминистской педагогикой, которая превращает аудиторию в интерактивную обучающую среду, интеллектуально и эмоционально вовлекающую всех студентов.

2. Возникновение и развитие гендерных исследований

Причины возникновения и основные отличия университетских программ гендерных исследований. Проблема различий между гендерными и женскими исследованиями связана, во-первых, с эволюцией академического феминизма и политической практики; во-вторых, с изменением основного предмета женских исследований (вместо одного или даже двух полов в центр внимания гендерных исследований помещаются по меньшей мере пять полов: женский, мужской, гетеросексуальный, гомосексуальный и транссексуальный); в-третьих, со сменой феминистской методологии от эссенциализма (базирующегося на логике сущности — в частности, на единой субстанциальной категории «женщины» в женских исследованиях) к постмодернизму и постфеминизму (базирующихся на логике различия в гендерных исследованиях).

Тереза де Лауретис называет основные причины преобразования женских исследований в гендерные. «Women's Studies жестко идентифицировались с феминизмом и вскоре стали выглядеть как своего рода "гетто"... Кроме того, появился дух идеологической и интеллектуальной замкнутости». Иными словами, стал оформляться некоторый канон, корпус текстов, определяющих «правильный» подход к изучению женщин: «Поскольку Women's Studies вошли в "мэйнстрим", они получили статус легитимности, но по той же причине их границы оказались на замке, и на их территорию был закрыт доступ тем текстам или подходам, которые воспринимались как «оскорбительные для женщин». ... Два решения были найдены теми, кому по разным причинам не понравилась такая институционализация Women's Studies. Одно решение — для феминисток, не желающих надевать пояс интеллектуального целомудрия, — заключалось в интегрировании феминистских критических подходов в свои специальные или общие учебные курсы. Другое решение, принятое теми, для кого феминизм представлял определенное препятствие

или вызывал нежелательные ассоциации, было дистанцироваться от женской тематики в литературе, социуме, истории и т. д., уделяя вместо этого внимание отношениям женщин и мужчин в более абстрактном, социологическом контексте — например, исследуя конструкцию маскулинности или маскулинностей, гендерообразующие шаблоны взросления или альтернативные модели гендера...»,²³ — пишет де Лауретис. Все это и послужило причиной возникновения гендерных исследований, которые в США представляются «весьма спорной дискурсивной территорией», которая разрастается под двойным давлением издательской индустрии и академической "звездной системы" бестселлеров в академическом и интеллектуалистском сообществах». ²⁴

В самом деле, гендерные исследования кажутся более привлекательными по причине своей толерантности: здесь допускается исследование, например, и мужчин, а не только женщин. Современные феминистские исследователи, среди которых как женщины, так и мужчины, отвергают приписывание социальных ролей, которые якобы соответствуют качествам мужчины или женщины: «Мы отрицаем те оценки, которые фиксируют предустановленные "маскулинные" качества, например агрессию, и отвергаем предустановленные "феминные" качества, например сочувствие. Любое качество может проявиться у любого человека и должно быть оценено само по себе, а не в терминах пола того человека, в котором оно проявилось». ²⁵ Другими словами, отличие в выборе объекта и предмета гендерных исследований "состоит в том, что они избирают своим предметом не один пол, а диалог полов, причем «не обязательно в ракурсе их иерархии, стратификации, но именно в плане реконструкции исторической эволюции различных форм их взаимодействия и взаимодополнения». ²⁶

Обобщим основные позиции программ женских и гендерных исследований при помощи специальной таблицы (Илл.1):

²³ де Лауретис Т. Американский Фрейд // Гендерные исследования. №1, 1998. С. 138-139.

²⁴ Там же. С. 141.

²⁵ *Introduction to Women's Studies*, p. 4.

²⁶ Пушкарева Н. Л. Гендерные исследования: рождение, становление, методы и перспективы в системе исторических наук // Женщина. Гендер. Культура. М.: МЦГИ, 1999. С. 26-27.

Илл.1. Отличия академических программ женских и гендерных исследований

Отличия академических программ	Женские исследования (Women's Studies)	Гендерные исследования (Gender Studies)
Время возникновения	1970-е гг.	1980-е гг.
Причины возникновения	Замалчивание опыта женщин, угнетение женщин в обществе, связь с женскими и другими движениями	Дискомфорт в связи с противопоставлением женщин и мужчин, замалчивание многообразия мужского опыта. Менее важным становится деление на мужчин и женщин, более важно - различие половых практик, сексуальностей, идентичностей
Пол исследователей	В основном женщины	Женщины и мужчины, люди с различной сексуальной ориентацией и половой идентичностью
Основные задачи	Женское образование Осознание вклада женщин в развитие общества, изучение женщин с точки зрения женщин, развитие понятийного аппарата и методологии	Развитие знаний о маскулинности, опыте разных мужчин, гендерной идентичности Переход от исследования женщин и мужчин к исследованию пола и сексуальности
Основной предмет изучения	Анализ угнетения женщин, неравенство, дискриминация	Гендерные отношения; различие и сходство полов; гендерная история, репрезентации гендера в культуре
Перспективы развития	Рост разнообразия школ и подходов, распространение феминистской методологии женских и гендерных исследований в исследования этничностей и рас (Ethnic and Racial Studies), инвалидности (Disability Studies), возникновение программ, центров и журналов исследований сексуальности (Sexuality Studies, Queer Studies - Gay, Lesbian, Bisexual, Transgender Studies); активное привлечение методов гуманитарных и естественных дисциплин, выработка новых методов и пересмотр традиционной научной методологии	

Феминистские и гендерные исследования: методологические проблемы определения. В то же время в контексте феминистской критики с развитием гендерных исследований возникает опасение, что женщины и их проблемы могут быть вытеснены за пределы гендерных исследований, если, например, не обращать внимания на вопросы гендерного неравенства, а лишь углубляться в исследования мужского опыта. В этом случае гендерным исследованиям можно предъявить обвинение в том, что они используются как маска, «для нормализации феминизма, для того, чтобы лишить феминизм его воинствующего голоса».²⁷ Кроме того, один из упреков феминистской критики в адрес гендерных исследований состоит в том, что возникновение такого рода академических программ никак не соотносится с практикой общественного движения: есть движения женщин, этнических и сексуальных меньшинств, но нет «гендерных» движений.

Рози Брайдотти, отвечая в интервью на вопросы Джудит Батлер об институциональных и теоретических различиях между европейскими гендерными и женскими исследованиями в настоящее время, приводит целый ряд критических аргументов в адрес понятия «гендер», которое сегодня кажется ей теоретически неадекватным и политически аморфным и аргументирует различие между «теориями гендера» и «теориями сексуального различия», артикулированное в 1980-х годах как различие между англо-американскими теоретиками гендера и европейскими (по большей части французскими) теоретиками сексуального различия. Более продуктивным понятием, с ее точки зрения, выступает половое (или сексуальное) различие, поскольку, во-первых, понятие «гендер» имеет сугубо английское происхождение, а значит, культурную специфику и непереваемость. Во-вторых, по мнению Брайдотти, акцент на понятии «гендер» предполагает, что «мужчины и женщины построены симметрично. Но при таком подходе остается в стороне феминистский тезис о мужском доминировании, в нашей системе маскулинное и феминное находятся в структурно несимметричном положении...».²⁸ По мнению Брайдотти, феминистские исследования исходят из

²⁷ Айзенштейн З. Экспортный феминизм Севера и Запада // Гендерные исследования. №1, 1998. С. 11.

²⁸ Батлер Дж. Феминизм под любым другим именем. С. 53-55.

того, что культуре присущи гендерная асимметрия, маскулинная доминанция и неравенство. Поэтому феминистская методология осуществляет критику маскулинной культуры, способствует развитию женской субъектности в ее отличии от мужской и добивается дискурсивной трансформации социального знания в феминистской перспективе.²⁹

Эта точка зрения представляется чрезвычайно важной, ибо она позволяет расставить ориентиры в методологических подходах к проблеме женских/гендерных/феминистских исследований. В то же время вряд ли сегодня следует прибегать к такой жесткой департаментализации социального знания, разделяя его на женские исследования, феминизм и гендерные исследования, которые и в США, и в Западной Европе, и в бывшем СССР и Восточной Европе отнюдь не являются гомогенными. Основной аргумент, который соответствует современному состоянию женских и гендерных исследований, таков: нам нет смысла противопоставлять себя друг другу, особенно там, где мало ресурсов и так много предстоит сделать, а кроме того, сейчас уже трудно провести грань между этими направлениями, ибо сегодня сосуществуют многочисленные и разнообразные варианты программ и исследовательских коллективов, включая те, которые работают в области изучения сексуальности, расы и этничности, инвалидности, старения, образования и занятости, профессий и культурных репрезентаций: литературной и кинокритики, анализа масс-медиа и медицинского дискурса. По словам Зиллы Айзен-стайн, «западный феминизм — только одна разновидность феминизма, и в свою очередь имеющая множество значений. Женщины западного первого мира разных экономических классов видят феминистские проблемы по-разному. Далее умножьте это разнообразие на различающиеся также и между собой взгляды цветных женщин. Теперь охватите это многообразие поперек расовых границ. Внутри западных видов феминизма ведется спор и диалог между радикальными, культуральными и либеральными феминистками. И это деление существует внутри каждого расового/этнического разделения».³⁰

²⁹ Жеребкина И. Предисловие // Гендерные исследования: феминистская методология в социальных науках. Харьков: ХЦГИ, 1998. С. 10-12. Айзенстайн З. Экспортный феминизм Севера и Запада. С. 10.

Перспективы развития женских и гендерных исследований в структуре академического образования. В процессе эволюции женских исследований как академической образовательной программы в Северной Америке активно обсуждались вопросы статуса этой дисциплины как теоретической (в большей степени связанной с фундаментальными разработками) или прикладной (ориентированной на активизм и трансформацию социального порядка). Общим тезисом и женских, и гендерных исследований чаще всего является тезис о необходимости сочетания в них академической деятельности с практической. Женские исследования не могут замыкаться в своем предмете на изучении проблем белых, образованных, элитных женщин, а также принимать на обучение только таких студенток, ибо сама эта новая дисциплина возникла на основе мощного социального движения против разных видов дискриминации женщин: во власти, на работе и в правовой системе, беззащитности перед доминированием мужчин в разных сферах семейной и профессиональной жизни. Именно вслед за активизмом выступили исследователи, которые отрефлексировали освободительный пафос феминистского движения в академическом дискурсе. Неслучайно, что несмотря на зарождение феминизма в Европе, женские исследования как дисциплина возникают именно в США: это связано с особенностями американской демократии, политической культуры и социальной науки. Американская социология, например, всегда отличалась от европейской своей сильной эмпирической компонентой и направленностью на критический амелиоризм (стремление к улучшению социальной жизни).

В результате в североамериканских университетах на факультетах женских исследований академическая активность программ магистратуры и аспирантуры сочетается с практической деятельностью в местном сообществе. Это, конечно, прибавляет нагрузки преподавателю и студентам, которым следует находить способы, каким образом приблизить их исследовательские проекты к жизни женщин, этнических меньшинств, инвалидов, обездоленных; в то же время когда студенты начинают работать в местном сообществе, перерабатывать информацию, полученную внутри и за пределами университета, их аналитические способности растут параллельно со знанием реального опыта разных женщин.

Кроме того, молодые исследователи применяют наработанные навыки и приобретенные знания, участвуя в деятельности активистов неправительственных организаций, социальных движений, волонтерских объединений. Они могут выступить с лекцией или организовать семинар, мастерскую, тренинг вне университета. В некоторых университетах США магистранты или аспиранты могут также снять документальный видеофильм или поставить пьесу в любительском театре вместо того, чтобы представить к защите диссертацию. Им также разрешается в качестве курсовой работы вместо традиционной научной статьи опубликовать серию статей в газете, а также предпринять групповой исследовательский проект, который будет оцениваться зачетом или экзаменом. Факультеты поддерживают связь с правительственными структурами, которые обладают средствами на исследования в области проблем женщин, слабо защищенных групп, социальных услуг, здоровья населения, окружающей среды, и аспиранты порой получают гранты из местных источников на свои изыскания. Темы диссертаций связываются с насущной проблематикой, кроме того, для преподавателей и учащихся важно находиться в контакте с общественными организациями, волонтерскими движениями, инициативными группами, от которых может исходить заказ на совместные исследования с учеными вуза. Результаты таких исследований доводятся до общественности через средства массовой информации.

Рост признания и популярности университетских программ женских исследований является впечатляющим: сегодняшнее состояние женских исследований характеризуется изобилием конференций, семинаров, мастерских, журналов и исследовательских центров, женские исследования существуют здесь как в качестве автономных академических программ, кафедр и факультетов, так и в виде отдельных курсов и модулей в рамках традиционных дисциплин. К концу 1990-х годов число самостоятельных факультетов женских исследований в США достигло 30, образовательные программы женских исследований существуют в 600 колледжах и университетах 34 штатов, включая 130 программ поствузовского образования (магистратура и докторантура по женским исследованиям). Такой взлет академического интереса позволил не только утвердить перспективы новой академической дисциплины, но и по-новому поставить фундаментальный вопрос о положении женщин в обществе. Наибо-

лее примечательным является тот факт, что эти курсы и программы продолжают развиваться и открываться вновь, несмотря на недостаток финансирования, вопреки оппозиции и как результат длительной борьбы внутри всей социальной системы данного общества.

Приложение 1. Мерсили Дженкинс³¹ разработала советы для преподавателей, которые желают создать атмосферу толерантности и равноправия на своих занятиях. Вы можете проверить себя, воспользовавшись ее предложением, и расширить этот список, включив в него вопросы относительно инвалидов, мигрантов, этнически или культурно чужих для большинства аудитории.

*Мерсели Дженкинс. ПРОВЕРОЧНЫЙ ЛИСТ ДЛЯ
ВКЛЮЧАЮЩЕГО ОБУЧЕНИЯ*

ТЕКСТЫ, ЛЕКЦИИ И СОДЕРЖАНИЕ КУРСОВ

- Говорите ли Вы и тексты, которые Вы используете, на гендер-нейтральном языке, применяете ли слова с отношением к обоим полам, не взирая на интенции автора текста? Если Ваши тексты содержат маскулинные формы грамматического рода,³² отмечаете ли Вы это в аудитории?
- Одинаковым ли образом относится содержание Ваших лекций к мужчинам, женщинам, людям разных рас?

³¹ M. Jenkins, *Checklist for Inclusive Teaching*. Цит. по: M. Sadker and D. Sadker, «Sexism in the Schoolroom of the 80's», in A. Kesselman, L. D. McNair, N. Schniedewind, eds., *Women Images and Realities. A Multicultural Anthology* (London, Toronto: Mayfield Publishing Company, 1995), pp. 68-69.

³² Речь идет о так называемом «гипотетическом субъекте действия» в английском языке: «Человеку, везде хорошо, он ко всему приспособится». В русской грамматике есть аналогичное правило: например, прилагательные в изъяснительной форме должны использоваться в мужском роде. В английском языке выбор гипотетического субъекта достаточно свободен и не предполагает корреляцию глаголов и прилагательных. Подумайте, можно ли на русском языке сказать или написать: «Кто-то постучала в окно»? Или: «Когда человек участвует в дискуссии, он или она может пересмотреть свою точку зрения»?

Показываете ли Вы и Ваши тексты в равной степени деятельность, достижения, проблемы и опыт женщин и мужчин, а также представителей разных рас? Если в текстах этого нет, предоставляете ли Вы дополнительный материал? Обращаете ли Вы внимание студентов на пробелы такого рода в тексте?

Представляете ли Вы и Ваши тексты карьеру, роли, интересы, способности женщин, представителей разных рас, не стереотипизируя их? Если в Ваших текстах есть стереотипы, указываете ли Вы на них?

Представляете ли Вы на примерах и иллюстрациях (вербальных и графических в Ваших текстах) баланс в отношении ген-дера и расы? Если в текстах этого нет, Вы это отмечаете?

Отражаете ли Вы и Ваши лекции ценности, свободные от предубеждений на основании пола и расы, и если нет, обсуждаете ли Вы это со студентами?

Включают ли Ваши тексты результаты новых исследований и современные теории феминизма и расы? Если нет, рассказываете ли Вы о тех сферах, где феминизм и изучение расы и этничности модифицируют существующие представления? Предоставляете ли Вы дополнительные библиографические указания для студентов, которые желали бы изучать эти вопросы? Рекомендуете ли Вы студентам книги, в которых освещаются эти вопросы?

Позволяют ли и поощряют ли студентов Ваши экзамены и задания по самостоятельной работе на анализ характера, ролей, статуса, значимости и опыта женщин и людей другой расы?

Становится ли ясным из Ваших текстов и материалов, что не все люди гетеросексуальны?

ИНТЕРАКЦИИ В УЧЕБНОЙ АУДИТОРИИ

Осознаете ли Вы, что у Вас могут быть гендерные и расовые предрассудки в отношении успеваемости студентов?

Как Вы реагируете на особенности языка/речи (акцент, диалект), которые отличаются от стандарта или от Вашего собственного произношения? Не принижаете ли Вы интеллектуальные способности и информацию говорящего?

- Сколько женщин по сравнению с мужчинами, сколько представителей разных этнических групп Вы вызываете для ответа на вопрос? Кого из студентов Вы зовете по имени? Почему?
- Какие из этих категорий студентов участвуют в занятиях наиболее часто, задавая вопросы или делая комментарии? Не является ли это диспропорциональным, и не приходится ли Вам приходится специально поощрять других студентов на выступления?
- Перебивают ли выступающего? Если да, то кто? Если одна группа студентов доминирует в интеракции, что Вы делаете по этому поводу?
- Позитивны ли Ваши вербальные реакции на студентов? Бывают ли реакции презрительные? Поощрительные? Одинаковы ли они в отношении всех студентов? Если нет, то по какой причине?
- Нет ли у Вас тенденции обращаться к одной части аудитории чаще, чем к другой? Устанавливаете ли Вы контакт глазами с одними студентами больше, чем с другими? Какие жесты, позы, выражения лица Вы используете в обращении к мужчинам в отличие от обращений к женщинам? К людям разной расы/ этничности?

Приложение 2. Программа магистратуры в области женских и гендерных исследований (Университет Уорика, Великобритания)

**Степень магистра искусств по программе
«Междисциплинарные женские исследования»**

1. Современная феминистская теория
2. Сравнительная (компаративная) методология
3. Женская история и феминистская мысль ИЛИ: Тело в феминизме, культуре и биологии
4. Три курса на выбор из рекомендуемого списка (прилагается отдельно)
5. Исследовательский процесс / Навыки исследования
6. Диссертация

**Степень магистра искусств по программе
«Гендер и международное развитие»**

1. Современная феминистская теория
2. Гендер, империализм и международное развитие
3. Сравнительная (компаративная) методология
4. Три курса по выбору из следующего списка:
  - Сравнительные феминистские перспективы права
  - Сравнительные перспективы пола, экономических отношений и права
  - Женская литература Африки и Карибских островов
  - Гендер и международная миграция
  - Женщины, гендерные роли и расизм
  - Гендер и международное разделение труда
  - Женщины и переходный период в Центральной и Восточной Европе
  - Курсы по выбору из учебных планов других программ на степень Магистра искусств
  - Курсы по выбору из других программ вне Центра по согласованию
5. Исследовательский процесс / Навыки исследования
6. Диссертация

**Степень магистра искусств по программе
«Гендер, литература и современность»
(одновременно со степенью по английскому языку)**

1. Современная феминистская теория
2. Феминистская теория литературы
3. Исследовательский процесс / Навыки исследования ПЛЮС курсы по выбору из других программ на степень магистра искусств
4. Три курса по выбору из следующего списка

- I. Модернизм и гендер
- II. Репрезентации гендера
- III. Тело в феминизме, культуре и биологии
- IV. Женская литература Африки и Карибских островов
- V. Женщины, здоровье и литература
- VI. Субъект современности: теории «Я» в Европе 18 века
- VII. гендерные политики и общество: регулирование сексуальности, 1800-1939
- VIII. Репрезентация женщин в кино
- IX. Хозяева и служанки: искусство и мораль викторианской Англии
- X. Феминистская философия
- XI. Описание жизни: автобиография английского рабочего класса
- XII. История и поэтика труда
- XIII. Женская история и феминистская мысль
- XIV. Психоанализ и культурное производство
- XV. Сравнительная литературная теория
- XVI. Репрезентация гендера, расы и идентичности в визуальной культуре

Феминистская теория 90-х годов: проблематизация женской субъективности

Ирина Жеребкина

1. Постановка проблемы и методологические предпосылки

1) Значение современной феминистской теории для гендерных исследований: проблематизация женской субъективности

К современной феминистской теории/ям¹ относятся теоретические концепции второй и третьей волны в феминизме. Ко второй обычно относят радикальный, либеральный, марксистский, социалистический феминизмы, к третьей — культурный феминизм, феминизм цветных (или анти-расистский феминизм), постмодернистский феминизм, конструктивистский феминизм и т. п.,² которые в ситуации отсутствия четкого конвенционального разделения между ними в целом в последнее время получают определение *постфеминизма*.³

В плане логических оснований современного феминистского дискурса можно сказать, что несмотря на теоретические и

¹ Методологически эффективным в этом случае является использование множественного числа этого понятия — теорий феминизма — как указание на действительную множественность и различие, вплоть до противоречивости современного феминистского дискурса, которая в то же время является логически продуктивной, так как соответствует новому дискурсивному принципу *различия* (вместо тождества) в современных социальных теориях. Однако для удобства русского словоупотребления мы будем пользоваться в этом разделе единственным числом.

² Эллиот Патрисия и Менделл Нэнси. Теории феминизма // Гендерные исследования: феминистская методология в социальных науках / Под ред. Жеребкиной И. Харьков: ХЦГИ, 1998. С. 15-51.

³ Ann Brooks, *Postfeminisms: Feminism, Cultural Theory and Cultural Forms* (London and New York: Routledge, 1997).

идеологические различия, все его современные разновидности используют, тем не менее, философскую концепцию женского Симоны де Бовуар⁴ — а именно промысливание женской субъективности как *другого* или *иного* по отношению к мужскому типу субъективации в культуре.⁵ Таким образом, в общем можно определить, что основной задачей феминистской теории является выделение в качестве центральной проблемы *женской субъективности*, которая полагалась отсутствующей или второстепенной как в классических, так и неклассических социальных теориях, а также поиск дискурсивных средств для ее репрезентации в мышлении и культуре. Новая феминистская эпистемология субъективности, постулирующая значимость «других» типов антропологических практик субъективации в культуре, базируется при этом на концепциях *иного* — так называемого специфического и множественного «женского опыта» и женских способов бытия.

Акцентация женского в феминистской теории позволила выделить новую философскую конструкцию субъективности — *гендерно маркированную субъективность* в отличие от бесполой классической. При этом необходимо отметить, что феминистский эпистемологический поиск новых логических оснований женской субъективации в культуре осуществляется в русле общего изменения эпистемологии субъектности в современном мышлении и перехода от классической (просветительской, сведенной к единому и рациональному субъекту) модели к неклассической (множественная и децентрированная конструкция субъективности). В рамках этого парадигмального изменения в современной культуре находятся также концепции классовых, расовых и национальных типов идентичности, общей характеристикой которых является их антифундационализм и направленность против традиционных, классических моделей мышления и культуры.

⁴ Работа которой *Второй пол* (1949) послужила теоретическим источником возникновения второй волны феминизма после долгого перерыва после завершения первой волны.

⁵ В современном философском дискурсе существует разница скорее в идеологическом, а не логическом использовании данных понятий: *другое* может интерпретироваться как неравное (доминирующее или зависимое), а *иное* — как равное, но различное. Однако, подчеркнем, разница здесь больше идеологическая, чем логическая.

Новый предмет феминистской теории требует соответственно и новых, неклассических типов дискурсивности и практик письма, осуществляемых в феминистской теории в виде критики и деконструкции *фаллоцентристских* типов дискурса, что объединяет ее с другими критическими дискурсами современности — такими, как постмодернизм или постколониализм. Особенностью и отличием феминистской теории при этом является то, что благодаря ей в современные дискурсивные практики был внесен новый дискурсивный критерий — критерий *полового/сексуального различия*. Особенностью и отличием феминистской теории от других критических дискурсов современности является также и ее политическая направленность — направленность на изменение социального патриархатного гендерного порядка в обществе.

На основе вышесказанного определим значение феминистской теории для гендерных исследований:

1. Феминистская теория выступает методологической основой для концептуализации женской субъективности как *иного* типа субъективации в культуре и связанными с этим дискурсивными и политическими последствиями. Специфика гендерных исследований при этом состоит в том, что их предметом становится не один (женский), и даже не два (женский и мужской), но как минимум пять типов субъективации в современной культуре (женский, мужской, гомосексуальный, гетеросексуальный и транссексуальный), каждый из которых является специальным предметом гендерных исследований, также выделяющих критерий *иного* в качестве базового методологического критерия.

2. Если феминистский дискурс непосредственно соотносится с другими философскими и социальными теориями современности, то гендерные исследования используют в первую очередь методологию феминистской теории и через ее опосредование — другие критические дискурсы современности. В этом контексте необходимо отметить, что основной теоретический аппарат, понятия и методология анализа гендерных исследований до начала 90-х годов создавались в основном теоретиками феминизма, и только с недавнего времени — квир-теоретиками.

3. Существенным для гендерных исследований является также влияние политической направленности феминистской теории, так как гендерные исследования в качестве новой акаде-

мической дисциплины также имеют социально выраженную цель — способствовать устранению всех типов гендерного неравенства/гендерных неравенств в обществе.

В то же время необходимо отметить, что гендерные исследования как новый тип дискурса в культуре наследуют основные теоретические проблемы и противоречия феминистского дискурса. Основная теоретическая проблема современной феминистской теории парадоксальным образом связана с ее же основной теоретической интенцией — а именно, попыткой логического обоснования и репрезентации *иного* в мышлении и культуре. Парадокс состоит в том, что *иное* как дискурсивная категория структурно определяется только в зависимости от своей бинарной оппозиции *тождества*, а попытка репрезентации *иного* в мышлении с неизбежностью осуществляется через использование традиционной логики и понятийного аппарата. Кроме того, современные теории «друговости», к которым, как было сказано выше, наравне с феминизмом относятся такие критические дискурсы современности как постколониализм и постмодернизм, неизбежно связаны с парадоксом «виктимизации» в идеологии либерализма, который фиксирует известный современный философ Славой Жижек: в отличие *от риторики* мультикультурализма, *реальное* «достижение друговости» в культуре не является исключительно «почетным достижением», «быть другим» в современной культуре зачастую означает позицию «фундаментального необладания», то есть политической маргинализации и дискриминации. Отсюда известный тезис Нэнси Фрезер о необходимости компромиссного баланса в феминистской теории между *теоретическим* требованием «различия» и одновременным соблюдением «принципа равенства» в *социальной практике*.

Концептуальный парадокс современной феминистской теории фиксируется в различных концепциях феминизма третьей волны, породивших такое явление, как *постфеминизм* внутри феминизма, а также обусловивших переход от феминистской к *гендерной теории*. Можно сказать, современная феминистская и гендерная теоретизация с неизбежностью осуществляется в форме ретеоретизации данного дискурсивного парадокса, в различных формах и концепциях предлагая различные стратегии его интерпретации.

2) *Два подхода к проблеме женской субъективности в феминистской теории: постановка проблемы*

Два различных методологических подхода выражены в двух типах интерпретации проблемы женской субъективности: *первый* — так называемый эссенциалистский подход (тенденция рассматривать женский опыт и женскую субъективность как единые и анализировать их с помощью единого дискурса и единых аналитических средств); *второй* — так называемый анти-эссенциалистский подход (утверждающий, в противоположность классическому феминизму, идентичность как плюральную, а опыт как противоречивый и децентрированный). Это общее методологическое разделение в интерпретации женской субъективности может быть представлено в различных формах — например, в форме различия между англо-американской (с фиксированной женской идентичностью в классическом англо-американском феминизме) и европейской, в первую очередь французской феминистской теорией (женская идентичность не имеет стабильных характеристик), однако сегодня чаще всего оно принимает форму различия между феминистской централизованной и постфеминистской децентрализованной субъективностью. Второй подход, по мнению его представительниц, обосновывает так называемую «политику различия», которая является своеобразным ответом на противоречия феминистской теории, возникшие в ней в конце 80-х-начале 90-х годов. И хотя критерии различия между этими двумя подходами четко конвенционально не определены, но в целом в качестве примера первого признается экзистенциалистская философская методология Симоны де Бовуар, интерпретирующая женскую субъективность в терминах «сущности», радикальным образом отличающейся от мужской, которая в конце концов и становится «уникальной» женской субъективностью — «уникальным» женским «вторым полом». Второй подход к проблеме женской субъективности является результатом критики как внутри, так и вне феминистского дискурса, изменяющей его концептуальную и теоретическую базу на основе новых философских, политических и методологических подходов, возникших вне феминистской теоретической мысли, но на стыке развития как феминистского, так и других критических дискурсов современности — постмодернизма и постколониализма. Чаще всего для обозначения этого подхода, как уже было сказано, используется определение *постфеминизма*.

Основное отличие постфеминистской концепции женской субъективности состоит в том, что она основывается на постмодернистской концепции «смерти субъекта», то есть утверждении, что эпистемологический статус субъекта в современном знании определяется через дифференциацию пролиферирующих различий. Поэтому в противоположность модели классического феминистского понимания субъекта как единого, в постфеминистском дискурсе субъект понимается как децентрированный, фрагментарный и противоречивый. Если же мы признаем противоречивую природу субъективности, то одновременно мы признаем возможность выбора для нее различных и множественных репрезентаций (в том числе гендерных) в различных ситуациях и между различными дискурсами; другими словами, увеличивающаяся гибкость и подвижность структуры идентичности влияет одновременно на уровни и формы ее репрезентативных политик. В результате в современных культурных политиках происходит фундаментальная пролиферация субъективной репрезентации: идентификационные формы не могут больше рассматриваться через единое культурное значение и должны быть поняты различными способами посредством репрезентации различных, маргинальных для традиционной культуры культурных и субкультурных групп. В феминистском дискурсе, в частности, признание расовых, классовых и национальных различий в общей категории «женщины» подчеркивает различия в качестве и стиле жизни женщин, их социальном статусе, и эти различия оказываются сегодня более значимыми в жизни конкретных женщин, чем общие абстрактные условия женского существования, которыми оперировали теоретики второй волны феминизма. Соответственно и в современном гендерном дискурсе плюральная идентичность, становясь более гибкой и фрагментарной, определяется через такие контрасты, как контрасты между женской и мужской идентичностями, гей-лесбийской, черной и белой, цветной и восточноевропейской и т. п. Главное же отличие второго подхода в трактовке женской субъективности от первого в целом состоит в том, что он отказывается признавать женскую природу в качестве эссенциалистской и единой и предлагает вместо этого контекстуализацию различных аффирмативных действий и различного перформативного гендерного опыта.

Одна из наиболее известных концепций нового понимания женской идентичности предложена *Донной Хэрзуэй* в ее концеп-

ции идентичности как *киборг-идентичности*. В знаменитой работе *Манифест для киборгов* (1985) Хэрэуэй определяет параметры киборг-субъективности (современного гибридного «мы») в терминах ситуационных генных технологий: в ней перемешаны биологическое и технологическое, органическое и машинное, текстуальное и мифическое, экономическое и политическое; субъект в таком случае понимается как «материально-семиотический актер». В книге *Приматы, киборги и женщины: Переоткрытие природы* (1991) Хэрэуэй дает новое определение идентичности как «дискурса иммунной системы»: современная субъективность — это, по ее мнению, «биологическое тело с точки зрения иммунной системы». Смысл этой конструкции, по мнению Хэрэуэй, состоит в том, чтобы перефигурировать множественную и гетерогенную структуру субъективности вне традиционной геометрии часть/целое, принятой в классическом дискурсе идентичности. Иммунная система как биополитическая карта субъективности понимается Хэрэуэй как главная репрезентация системы различий в современном мире: различие в структуре субъективности репрезентировано как микроразличие — различие на генном уровне и конституировано как биологически ситуационное, а не психологическое или социальное. Таким образом, философский проект Донны Хэрэуэй в конце 90-х годов репрезентирует дальнейшую деконструкцию женской идентичности, определяя парадигмальное условие развития современной феминистской теории в целом.

2. Проблемы и парадоксы репрезентации женской субъективности

В этом параграфе основным принципом изложения выбран не исторический принцип изложения основных концепций женской субъективности как *иного*, а теоретические осмысления этой проблемы в тех философских феминистских концепциях, которые представляют а) наиболее разработанные и б) различные дискурсивные обоснования структуры женской субъективности внутри всего корпуса феминистской теории.⁶ При этом

⁶ Хотя формально из рассматриваемых ниже феминистских теоретиков первые работы Люси Иригарэ появились в конце 70-х годов, однако ее влияние на феминистскую теорию рубежа тысячелетий остается одним из ведущих.

основным критерием последовательности представления данной дискурсивной проблематизации в параграфе является критерий перехода от эссенциалистских к анти-эссенциалистским феминистским интерпретационным стратегиям, то есть от феминистского дискурса к постфеминистскому.

1) Структура истерии как «я»-эксцесс в философской концепции женской субъективности Люси Иригарэ

Французский философ Люси Иригарэ, наиболее известными книгами которой являются *Пол, который не один* (1977),⁷ *Этика полового различия*,⁸ *Speculum другой женщины* (1974)⁹ — одна из наиболее ярких фигур в современной феминистской теории, базирующейся на методологии женского как *иного*, концепция которой направлена на поиск логических оснований женской дискурсивной репрезентации в культуре. Иригарэ стремится одновременно деконструировать фаллоцентристскую конструкцию женщины как «другого» мужчины (когда женщина функционирует только в качестве объекта присвоения или обмена мужчин: ведь такая система неспособна понимать женщину в женско-ориентированных терминах) и в то же время создать средства, с помощью которых женская специфичность может быть выражена в дискурсе в автономных терминах. При этом огромное значение философской методологии Иригарэ для современной феминистской теории в целом состоит в том, что с логической точки зрения ее анализ объединяет собой два вышеназванных в предыдущем параграфе методологических подхода в трактовке женской субъективности: с одной стороны, Иригарэ обосновывает специфическую структуру женской субъективности в ее отличии от мужской (что позволяет ее критикам обвинять ее в эссенциализме), с другой — понимает эту структуру как децентрированную и перформативную.

В качестве основного логического конструкта для обозначения децентрированной, телесной, отличающейся от мужской

⁷ Luce Irigaray, *This Sex Which Is Not One* (Ithaca: Cornell University Press, 1985).

⁸ Luce Irigaray, *An Ethics of Sexual Difference* (Ithaca: Cornell University Press, 1993).

⁹ *Speculum* — медицинское зеркало, в частности, гинекологическое (расширитель).

женской субъективности Иригарэ использует конструкт «истерички»,¹⁰ через технику истерии¹¹ как специфическую форму женской активности осуществляющей *оборачивание/«эксцес-сивный мимезис»* патриархатного дискурса и логики фалло-центризма для артикуляции женского опыта и переживания.

Главной особенностью конструкта истерии, позволяющей использовать его для деконструкции традиционной субъективной структуры, является нарушение границ традиционной «я»-идентичности не за счет традиционных мужских характеристик воли и сознания, а за счет всей гаммы телесных характеристик, которые в традиционной культуре считались основными показателями женского и оценивались с негативной точки зрения. У Иригарэ другая задача — оценить деконструирующую функцию истерического преодоления традиционной/патриархатной гендерной «я»-идентичности в позитивных терминах репрезентации новых/телесных возможностей активной реализации женских невыговариваемых удовольствий, ощущений и перспективы, не имеющих собственного языка в традиционной/патриархатной культуре.

Основной формой деконструкции «я»-идентичности становится так называемый телесный истерический симптом, являющийся, по мнению Иригарэ, не только формой преодоления патриархатной «я»-идентичности, но и одновременно активным женским отказом от того, что от нее ожидается, ответом женщины на аннигиляцию ее как активного субъекта в патриархатной культуре: с помощью истерии женщина отвергает свою кастрацию и активно реализует себя. Иригарэ называет это женской *симптомальной борьбой* за достижение автономии.

Если фрейдовская концепция истерии предполагает, что истерия возникает тогда, когда желание субъекта не может быть удовлетворено, то Иригарэ критикует фрейдовскую концепцию женского желания, понимаемого в традиционных патриархат-ных терминах: специфического, генитального и оргазматического, то есть телеологического сексуального удовольствия, ко-

¹⁰ Понятия «истерии» и «истерички» у Иригарэ носят не столько психоаналитический (хотя Иригарэ, будучи «неверной» ученицей Лакана, использует методологию психоанализа), сколько философско-понятийный характер.

¹¹ Luce Irigaray, *This Sex Which Is Not One...*, pp. 137-142.

нечной целью которого является оргазм. В то время как наиболее близкой к специфическому женскому типу удовольствия (не вписывающегося в концепцию оргазма) может оказаться форма истерии как женского/неартикулированного в патриар-хатном дискурсе типа желания, которое согласуется не с телом в целом (как в классической философии телесности), а с его отдельными частями, одновременно вступая с помощью симптома в отношения не с телом «другого», а со своим собственным.

На перформативный характер структуры женской субъективности у Иригарэ, не позволяющий обвинить ее в феминистском эссенциализме, указывает тот факт, что структуру истерии она трактует как перформативную: истерия, проявляющаяся через эксцесс, — это не «сущностная» характеристика женского, а пародия на то, что от нее ожидается; симулятивным образом копируя те ожидания мужской культуры, которые от нее требуются, на самом деле «истеричка» удовлетворяет не их требования, а свои собственные.

Влияние философских концепций Люси Иригарэ на современную феминистскую теорию состоит в том, что она выразила основной логический парадокс дискурсивной репрезентации женской субъективности в современной культуре: с одной стороны, попытку репрезентации *иного*/женского в ней, требующую *иных* дискурсивных средств выразительности (что демонстрирует практика философского письма самой Иригарэ); с другой — проблематичность выделения дискурсивного отличия женского *иного* от всякого другого *иного* (например, постколониального, расового, национального и т. п.) в современном дискурсе.

2) Структура «она-я» в философской концепции женской субъективности Розы Брайдотти

Розы Брайдотти, наиболее известный европейский феминистский теоретик-философ, автор книг *Модели диссонанса. Женщина в современной философии* (1991)¹² и *Номадические субъекты: Тело и сексуальное различие в современной феминистской теории* (1994)¹³ разрабатывает собственную логическую

¹² Rosi Braidotti, *Patterns of Dissonance: A Study of Women in Contemporary Philosophy* (New York: Routledge, 1991).

¹³ Rosi Braidotti, *Nomadic Subjects: Embodiment and Sexual Difference in Contemporary Feminist Theory* (New York: Columbia University Press, 1994).

структуру для обозначения женской субъективности как децен-трированной, используя для этого делезовское понятие «номадической субъективности». В то же время в отличие от постмодернистских подходов, Брайдотти использует понятие «я»-субъективности, которое в ее интерпретации — не абстрактное просветительское «я» или даже неклассическое «я» (в которое входят сложные структуры «оно», «не-я» или «сверх-я» и т. д.), но структура, которую она обозначает как структуру «она-я»,¹⁴ заменяя традиционное понятие предположительно единого «я» в этой конструкции на предположительно не-единое «она». На что указывает данная методологическая замена? Во-первых, структура «она» у Брайдотти является телесной структурой, то есть это конструкция желания и сексуальности в делезовском смысле. Во-вторых, она подчеркивает, что женская субъективность не является единым субъектом или единой сущностью, но, скорее, местом пересечения множественных, комплексных и потенциально противоречивых изменчивых опытов, куда входят также параметры расы, класса, национальности и т. п. В-третьих, понятие «она» отражает также ситуацию коренного женского необладания и нерепрезентативности в традиционном/патриархальном мышлении.

Более того, вторая часть традиционной философской оппозиции «я»/«другой» также модифицируется в логической структуре субъективности Брайдотти: «другой» — это «она-другая», а феминистская задача женской субъективности, по мнению Брайдотти, состоит в том, чтобы от «она-я» перейти к позиции «она-другая». Брайдотти аргументирует свою логику ссылкой на этические тезисы американского феминистского психоаналитика Джессики Бенджамен об особом типе женского «транзиторного пространства» отношений «я» и «другого», однако для Брайдотти главной в этой логической структуре является не столько этическая, сколько логическая аргументация: первоначальное «она» в конструкции женской субъективности у Брайдотти указывает на то, что субъективная конструкция изначально не единична, но коллективна и взаимосвязана. Брайдотти называет коллективность — как логический конструкт — решающим

¹⁴ Rosi Braidotti, «On the Female Feminist Subject; or, From «She-Self» to «She-Other», *Nomadic Subjects...*, pp. 191-204.

шагом в переопределении традиционной структуры «я», а предлагаемая ею конструкция «она-другая» указывает на признание позиции «другого» вместо традиционной диалектики раба и господина. Осуществлять переход от «она-я» к «она-другая» через транзицию себя и признание другой субъективности — это и значит, в отличие от тезисов Делеза, находиться в процессе «ста-новления-женщиной».¹⁵

Таким образом, основная заслуга феминистской концепции женской субъективности Розы Брайдотти состоит в том, что хотя она разрабатывает антиэссенциалистскую («номадическую») идею женской субъективности на основе постмодернистской методологии, вместо процедуры деконструкции она, тем не менее, настаивает на процессе ее конструирования-становления, который — в свою очередь — позволяет осуществить легитимацию *женской генеалогии* в культуре.¹⁶

3) Перформативная гендерная субъективность в философской концепции Джудит Батлер

Концепция Джудит Батлер, автора книг *Гендерная тревога: Феминизм и подрыв индивидуальности* (1990), *Тела, которые значат: О дискурсивных пределах понятия «пол»* (1993), *Экспрессивная речь: Политики перформатива* (1997), *Психическая жизнь власти: Теории подчинения* (1997) в наибольшей степени характеризует переход от феминистской теории к постфеминизму. Особенность ее философской трактовки проблемы субъективности состоит в том, что она вообще отвергает бинарные оппозиции мужского и женского в ней и отрицает понятие так называемой «женской идентичности», деконструируя тем самым традиционные (эссенциалистские) феминистские политики идентичности, сексуальности и желания. По Батлер, пол является перформативным образованием и эффектом перформативных действий, поэтому не имеет никакого онтологического статуса вне них. Таким образом, Батлер выступает как против концепций либерального феминизма с их требованием установить гендерную симметрию и гендерное равенство женско-

¹⁵ Ibidem, pp. 201-203.

¹⁶ Rosi Braidotti, «Feminist Genealogies», *Patterns of Dissonance...*, pp. 147-150.

го субъекта с мужским, так и против радикального феминизма с его настаиванием на особой женской идентичности, принципиально отличающейся от мужской.

Наиболее радикальный вызов классической феминистской концепции гендерной идентичности и разработка концепции гендера как перформативного содержится в книге Батлер *Ген-дерная тревога: Феминизм и подрыв индивидуальности* (1990)¹⁷: гендерные дифференциации, по мнению Батлер, являются артикуляцией повторяемых и культурно санкционированных перформансов. Основными методологическими схемами, которыми оперирует Батлер, становятся схемы теоретического и логического различения понятий пол/гендер и гомосексуальное/гетеросексуальное, на основе которых формируются батлеровский теоретический аппарат в целом и язык описания — «перформативность», «перформативная субъективность», «цитатная субъективность», «квир-идентичность».

Прежде всего, Батлер отрицает наличие «додискурсивного я» в структуре идентичности (допущение которого, по ее мнению, было одним из краеугольных камней феминистских концепций женской субъективности в 70-80-е годы), которое предшествует акту сигнификации. Перформативная теория исходит из первичности *действия* по отношению к субъективной структуре, которое может быть совершено вне всякой корреляции с «я» (например, бессознательное действие: ведь бессознательная структура субъективности ни при каких условиях не оформляется в сознательное «я»)¹⁸. Если принять мысль о том, что гендер — это социальный конструкт, пишет Батлер, это совсем не значит признать, что он сконструирован некими «я» или «мы», которые как бы предшествуют конструкции или следуют из нее: напротив, «я» возникает только как *эффект* внутри действия матрицы гендерных отношений и процесса «гендеризации».

Язык, по мнению Батлер, «не является внешним средством или инструментом, в который я вливаю себя и из которого я собираю отображение этого себя»¹⁹: именно язык — как утвер-

¹⁷ Judith Butler, *Gender Trouble. Feminism and the Subversion of Identity* (New York: Routledge, 1990).

¹⁸ Judith Butler, *Bodies That Matter: On the Discursive Limits of «Sex»* (New York and London: Routledge, 1993), p. 7.

¹⁹ Ibidem, p. 166.

ждается в теории речевых актов, принципы которой Батлер использует в философском анализе проблемы субъективности — формирует субъективность, а не наоборот.

Батлер также подвергает критике и деконструирует традиционный механизм желания в субъективной структуре, который она называет бинаризмом «изначальной гетеросексуальности желания» и который, по ее мнению, строится как стратегия исключения и иерархии: из этой конструкции исключаются все «другие», маргинальные по отношению к признанному культурой и властью в качестве основного типы желания — такие как гомосексуальные (гей и лесбийские), перверсивные и т. д., в то время как любое возможное допущение плюральных и множественных конструкций желания с неизбежностью проблематизирует и деконструирует традиционную конструкцию субъективности. Бинаризм, исключение и иерархии также, по мнению Батлер, содержатся в классической феминистской дис-тинкции между «полом» и «гендером», когда понятие «гендер» традиционно интерпретируется как социальный конструкт, а «пол» — как додискурсивная данность. Батлер утверждает, что подобное эпистемологическое деление на дискурсивное и додискурсивное является одной из демонстраций процесса иерархизации мышления, недопустимого для современной феминистской теории.

Принцип иерархии, по мнению Батлер, содержит в своей основе также традиционный феминистский эпистемологический проект приоритета «деятеля перед действием», который таким образом устанавливает сегодня, на ее взгляд, структуру глобального и глобализирующего субъекта. В результате, по ироническому замечанию Батлер, традиционный феминистский дискурс допускает, фиксирует и удерживает именно те «субъекты», которые он надеется «представлять» и «освободить» на основе принципа исключения.

Все вышеперечисленные классические феминистские эпистемологические установки Батлер называет «эффектами гендерной иерархии» в классической феминистской теории, которые она и пытается проблематизировать в собственном дискурсивном проекте.

В трактовке перформативной субъективности Джудит Батлер ближе фукианское (определяемое через телесные репрессивные практики) определение перформативной субъективности:

перформативность отнюдь не является сингулярным актом выбора, но воспроизводством регулятивных и властных социально-культурных норм, существующих в обществе: акт «присвоения» пола не является индивидуально перформативным — он перформативен только в смысле театрализованного воспроизводства властных социальных норм «гетеросексуального закона». Более того, в процессе обретения «пола» субъект формируется через практики исключения «отбросовых» характеристик, которые не квалифицируются в качестве «субъектных» в регуляторных практиках социальной жизни: то есть субъект конституируется через механизм исключения и отрицания, когда отвергнутое «внешнее» превращается в наиболее скрытое и порицаемое «внутреннее». Именно данные механизмы формирования феноменов «странного», «отбросового» и «экс-центричного» в современных политиках власти интересуют Батлер в ее концепции «квир-идентичности», с помощью которой она также формирует и плюрализует традиционную субъективность.

Заслуга концепции перформативной субъективности Джудит Батлер состоит в том, что она, с одной стороны, в отличие от классического феминизма проблематизирует способы женской субъективации в культуре и сравнивает женское *иное* с любым «иным» в ней, проблематизируя тем самым традиционный дискурс разделения на «тождественное» и «иное» (которым пользуется не только феминистский, но и другие типы оппозиционных дискурсов современности); с другой — задает новый, вписанный в глобальные дискурсы «исключения» уровень логического поиска женских дискурсивных репрезентаций. Именно в этом контексте она, как уже было сказано, не отказывается от политического аргумента феминизма по преодолению различных форм дискриминации в обществе, а напротив, расширяет его действие на скрытые формы символической, логической, дискурсивной репрессии в культуре.

4) *Концепции квир-идентичности (Тереза де Лауретис, Элизабет. Гросс и Ив Кософски Сэдзвик)*

Концепции квир-идентичности в современной феминистской теории возникают в связи с переходом к постфеминизму и появлением новых практик деконструкции гендера и «размывания» границ традиционных гендерных идентичностей, что в первую очередь связано с так называемым феноменом неосек-

суальности (гомосексуальность, транссексуальность) в современной культуре. Американский феминистский теоретик Тереза де Лауретис первой использовала ставший затем широко применимым термин квир-идентичность («странная», «экс-центрич-ная») с целью артикуляции более сложного понимания женской гомосексуальности в ее пересечениях с социальными и субъективными формами фантазма, идентификации и желания. Затем этот термин стал использоваться не только для описания структур гомосексуальных (мужских и женских) идентичностей, но и других типов современных идентичностей, не укладывающихся в рамки традиционной гендерной дихотомии. Таким образом, термин *квир* знаменует собой переход от феминистской теории (актуализировавшей и проблематизировавшей именно женскую субъективность, в том числе женскую гомосексуальную) к гендерной теории (актуализирующей другие типы гендерных идентичностей — мужскую, мужскую гомосексуальную и транссексуальные). Эпистемология квир-идентичности представляется особенно актуальной и для современной феминистской теории, так как, с одной стороны, хотя в конце 20-го века структура субъективности предельно усложняется и плюрализуется, формируя новые стратегии гендерной репрезентации, с другой стороны, практики гендерной маргинализации и подавления субъективности не только не исчезают, но становятся еще более гибкими и многообразными, что усугубляет и усложняет ситуацию гендерного неравенства/гендерных неравенств в постсовременном мире.

Рассмотрим наиболее известные концепции квир-субъективности в постфеминизме и гендерной теории — такие как гомосексуальные (женская и мужская) квир-идентичности Терезы де Лауретис и Ив Кософски Сэдживик, а также квир-идентичность как «экспериментальное желание» современного феминистского философа Элизабет Гросс.

Гомосексуальная квир-субъективность. Сконструирована через изменчивость и негативность не в меньшей степени, чем через его-определенность, утверждает де Лауретис, поэтому и субъект феминистской лесбийской теории должен быть *эксцентричным* субъектом. Фигура эксцентричного субъекта определяется в терминах вытеснения — как социального, так и психического — то есть в терминах эксцесса, перверсии и дезидентификации. Мишель Фуко, как известно, обозначал такого субъек-

та как маргинального субъекта дискурса и практик: практики его осуществления реализуются через практики личного и политического перемещения через границы, разделяющие социо-сексуальные идентичности и общности, разделяющие тела и дискурсы. Одной из возможных моделей маргинального, экс-цент-ричного, перверсивного субъекта и является, утверждает де Лауретис, лесбиянка. Значение интерпретации женской лесбийской субъективности как квир-субъективности позволяет де Лауретис осуществить критику эссенциалистских концепций лесбийской сексуальности и ввести в них критерий множественности, что находится в русле общего феминистского эпистемологического перехода к анти-эссенциалистской концепции женской субъективности.

Концепция *квир-идеатичности* Ив Кософски Сэдживик (*Эпистемология чулана*²⁰) в качестве «анти-гомофобического»²¹ проекта направлена на легитимацию миноритарных/гомосексуальных дискурсов в культуре, в то же время выступая против эссенциализма современных гей-лесбийских теорий, претендующих на обоснование новых форм альтернативной субъективности в культуре. Основной целью ее методологии является преодоление так называемого лесбийского/нон-лесбийского «разрыва» внутри современного феминизма, а также дискурсивного бинарного разделения на нормативное/девиативное, которое, по ее мнению, к концу 20-го века оказалось свойственно не только классическому феминизму, но также и гей-лесбийским теориям. Поэтому концепция Сэдживик выполняет двойственную задачу: артикулируя гомосексуальный дискурс в культуре, в то же время отказывает ему в дискурсивной самостоятельности и аутентичности хотя бы на той основе, что он не существует отдельно и независимо без своей бинарной оппозиции — то есть «больших», гетеросексуальных типов дискурса. Именно поэтому в качестве альтернативной топологии субъективности Сэдживик называет не гомосексуальные типы субъективаций, а квир-субъективацию, теоретическая перспектива которой, по ее мнению, на сегодняшний день оказывается открытой для *каждого* субъек-

²⁰ Eve Kosofsky Sedgwick, *Epistemology of the Closet* (Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1990).

²¹ Ibidem, p. 1.

та, независимо от ее/его сексуального опыта или сексуальной идентичности.

Квир-субъективность как «экспериментальное желание». По определению Элизабет Гросс, понятие *квир* — это не просто определение маргинальной сексуальности, а маргинальной *трансгрессивной* сексуальности,²² возникающее при осмыслении практик различия не только от гетеросексуальной, но и от гомосексуальной структуры субъективности. Поэтому характеристикой *квир* может обладать как гей-лесбийская, так и гетеросексуальная субъективность — фактически, любая субъективность, производящая трансгрессивное сексуальное действие. Основной конструкцией, лежащей в основе *квир-идентичности* и обеспечивающей ее трансгрессивный характер, Гросс считает конструкцию «экспериментального желания», которое Делез обозначил как субъектную позицию «становления». Главным параметром в конструкции *квир-субъективности* является, таким образом, параметр нередуцируемости субъективности к любым застывшим идентификационным моделям — как гетеросексуальным, так и гомосексуальным, как белым, так и цветным, как западным, так и незападным и т. п. Именно поэтому само понятие *квир* возникает в современной феминистской теории тогда, когда, по словам Гросс, в ней появляется необходимость избежать традиционных бинарных оппозиций и понятий мышления — в частности таких, как традиционные гендерные оппозиции мужского и женского, столь долгое время бывшие основным предметом размышления феминистской теории.

3. Женская сексуальность в феминистской теории

Критерий сексуальности внутри структуры женской субъективности имеет огромное значение в западной феминистской теории, потому что понятие сексуальности в ней является феминистским аналогом понятия телесности в постсовремен-

²² Elizabeth Grosz, «Experimental Desire: Rethinking Queer Subjectivity», *Space, Time, and Perversion: Essays on the Politics of Bodies* (New York and London: Routledge, 1995), pp. 207-227.

ных критических дискурсах, способствующего преодолению классического дискурсивного бинаризма в мышлении: если у Фуко телесность понимается через понятие «тела», у Лакана — через понятие «желания», у Делеза — через понятие «желания как производства», то у феминистских теоретиков — через понятие « женской сексуальности ».

1) Женская сексуальность в системе «генеалогии женщин» в философии Люси Иригарэ

Значение концепции женской сексуальности Люси Иригарэ состоит в том, что с помощью этого понятия она пытается преодолеть традиционный бинаризм философского мышления, в котором любые виды телесных, ассоциируемых с женским параметров субъективности (в том числе сексуальность) мыслились в негативных терминах. Задача философии сексуальности Иригарэ состоит в том, чтобы *прервать* мужские рефлексивные модели и открыть возможность для новых дискурсивных моделей промышления женского в культуре; при этом проблему сексуальности Иригарэ также мыслит не в терминах «сущности», а в терминах перформативной репрезентации.

Женскую сексуальность Иригарэ понимает как избыточную по отношению к фаллоцентристской культуре, поэтому пересмотр женского и фемининного в независимых от мужской культуры понятиях требует, по ее мнению, действительной реорганизации сексуальной, лингвистической и социо-символической систем, а также самого желания в терминах не нехватки, но позитивности и на основе создания собственной и независимой *генеалогии женщин*. Отсюда основными направлениями феминистского проекта женской сексуальности являются: 1) культурный анализ репрезентаций *материнского* в культуре и отношений мать/ребенок вне пределов мужского авторитета и власти; 2) адекватные репрезентации и конструкции автономной женской субъективности, сексуальности, телесности и морфологии.

В книге *Пол, который не одинок* Иригарэ доказывает, что патриархатное подавление женского *либидо* в традиционной культуре заставляет нас забыть о его сущностной множественности и гетерогенности. Она также доказывает, что только женский способ существования способен репрезентировать нереп-рессированное либидо, которое не поддается традиционным ген-

дерным маркировкам и определениям. Женское либидо, утверждает Иригарэ, аутоэротично и плюрално: если мужская сексуальность концентрируется на одном-единственном объекте желания — фаллосе, то в противоположность ей женская сексуальность, как известно, реализуется через множество сексуальных кодов и органов. Мужское и женское в культуре — это, по мнению Иригарэ, настолько два разных порядка реальности, что только властная патриархатная логика сводит их воедино для того, чтобы легче манипулировать женским либидо.

Содержащая в себе множественность, неопределенность, флюидность и эксцессивность женская сексуальность является таким «остатком» *jouissance* (наслаждение), который, по словам Иригарэ, остался нерепрезентированным в фаллической либи-динальной экономике. Метафорически женская сексуальность определяется Иригарэ через метафору «двух губ», которые нельзя определить как «две» в строгом смысле понятия «двух»: они есть одно и два одновременно, ведь никогда не понятно, где заканчивается одна и начинается другая идентичность. Другими словами, женщина, по выражению Иригарэ, всегда «*больше*, чем одно». Такая конструкция субъективности не требует ничего внешнего (ничего «другого») для своего осуществления и удовлетворения и подразумевает децентрализацию фаллоса, а значит, открытие новых телесных — женских — пространств в культуре и философии.

2) Сексуальное различие в философской концепции Розы Брайдотти

В противоположность философским концепциям постмодернизма Розы Брайдотти считает понятие полового/сексуального различия основным не только для феминистской философии, но и современной философии вообще. По ее мнению, субъекты дискурса и практик первоначально дифференцируются в соответствии с половыми/сексуальными критериями, которые выступают определяющими по сравнению с другими критериями субъектной дифференциации (такими как раса, этничность и т. п.). При этом половая/сексуальная дихотомия в патриархатном дискурсе систематически располагает женщину на тот полюс дифференциации, который является как бы «внутренним»/ «другим» по отношению к мужскому.

Отсюда главным феминистским вопросом становится вопрос о том, как утвердить половое/сексуальное различие женской сексуальности не в качестве эссенциалистской структуры «друговости» (другого полюса бинарной оппозиции, на которой строится современная система власти), но, скорее, в качестве активного *процесса* производства и усиления различения, который женщина — как субъект различения — вносит в культуру и общество. В этом контексте женская сексуальность не должна быть отличающейся-от, но различающейся-для того, чтобы внести в культуру альтернативные ценности.

По мнению Розы Брайдотти, реабилитация полового/сексуального различия в культуре способна открыть путь и для других дискурсивных различий в ней: различий расы и этничности, класса, жизненного стиля, сексуальных предпочтений и т. п.; другими словами, половое/сексуальное различие как структура дискурса должно утверждать дискурсивную позитивность множественности различий в культуре и мышлении в противоположность традиционной идее различия как неравенства.²³

3) Джудит Батлер: сексуальность как «цитатность» и понятие «принудительной гетеросексуальности»

Принцип сексуальности как «цитатности»²⁴ Батлер развивает в книге *Тела, которые значат: О дискурсивных пределах понятия «пол»* (1993). Прежде всего в собственном проекте теории субъективности она критикует Жака Лакана за его концепцию субъективности как символического сексуального маскарада, понимаемого как практики означивания, исходящие из свободного сексуального выбора субъекта. Читая Лакана, иронизирует Батлер, можно сделать вывод, что просыпаясь утром, субъект имеет возможность выбрать и выбирает вновь и вновь, какой же пол он будет сегодня «носить». Однако, напоминает Батлер вслед за Фуко, «присваивание» пола и производство сексуализованных тел в нашей культуре всегда осуществляется через властный регулятивный аппарат — как *аппарат гетеро-*

²³ Rosi Braidotti, «Radical Philosophies of Sexual Difference, or I Think Therefore She Is», *Patterns of Dissonance...*, pp. 209-273.

²⁴ Judith Butler, «Performativity as Citationality», *Bodies That Matter...*, pp. 12-16.

сексуальности и его властных законов. «Цитатность» в этом смысле понимается как аккумуляция и «воспроизводство на телах» закона, производящего — через механизм гетеросексуальности — тела, их пол и их материальные эффекты. Норма пола, пишет Батлер, «цитирует» норму социального закона в отношении пола на данном этапе исторического развития.²⁵ При этом хотя законы производства сексуальности имеют свои особенности на каждом этапе развития истории, однако всегда, подчеркивает Батлер, во-первых, построены через репрессивные практики исключения, отрицания и иерархии, и, во-вторых, строятся через репрессивный механизм «принуждения гетеросексуальностью».

В то же время в отличие от трактовки закона сексуального производства субъекта в качестве внешнего и неприсваиваемого идеала, который уже во вторичном действии как бы «цитируется» субъектом в процедурах идентификации, батлеровская конструкция сексуальности как «цитатности» позволяет понять регулятивный социальный закон не как фиксированную форму, априорную по отношению к субъективности, но как одновременно производящуюся через механизм «цитатности» в акте производства самой субъективности и параллельно с ней. Батлер уточняет в этом контексте также понятие «материальности» в современной философии: материализация — это всего лишь разновидность «цитатности» в практиках бытия, а именно, утверждение бытия через «цитацию власти» и одновременное указание на сложность самой структуры власти в производстве «я», когда эффект власти также, в свою очередь, является вторичным означающим, а не первичной по отношению к субъекту структурой, ибо первичная структура при таком понимании вообще отсутствует, создавая — всегда ретроактивным образом — лишь иллюзию своего существования.²⁶

Маскулинное и фемининное как основные в традиционной культуре гендерные характеристики субъективности, по мнению Батлер в книге *Психическая жизнь власти: Теории подчинения* (1997),²⁷ формируются через определенный властный механизм,

²⁵ Judith Butler, *Bodies That Matter...*, p. 225.

²⁶ Ibidem, p. 15.

²⁷ Judith Butler, *The Psychic Life of Power: Theories in Subjection* (Stanford, California: Stanford University Press, 1997).

который она обозначает как механизм «меланхолической идентификации»:²⁸ гендер производится как ритуализованное повторение набора конвенций «*принудительной гетеросексуальности*», и в этой общей логике сексуального производства на женское, по словам Батлер, выпал всего лишь более зрелищный гендер.

Заслуга Батлер состоит также и в том, что ей принадлежит особый вклад в развитие *квир-теории* как теории идентичности субъектов негетеросексуальной ориентации (геев, лесбиянок, транссексуалов, представителей локальных этнических групп и др.): батлеровская радикальная концепция идентичности создает модель, формирующую пространство возможности для разных уровней сексуальных идентичностей, которые дестабилизируют единство идентификационных категорий, разрушая фикцию традиционной гетеросексуальной субъектной связности.

4) Теории квир-сексуальности и их значение для современной феминистской теории

В центре теорий квир-сексуальности находится феномен телесности как репрезентации «странного» с точки зрения традиционных гендерных идентичностей, что позволяет говорить о переходе от феминистских к постфеминистским теориям сексуальности и о расширении спектра анти-эссенциалистских концепций сексуальности в современной гендерной теории.

На сегодняшний день основными, альтернативными друг к другу теориями квир-сексуальности являются философские концепции сексуальности Элизабет Гросс и Джудит Батлер, основное несовпадение которых связано с различной трактовкой стратегий сопротивления гендерному неравенству/гендерным неравенствам в постсовременном обществе. Это различие базируется на различной трактовке проблемы сексуальности: если батлеровская методология анализа неосексуальности ближе, как уже было сказано, методологии Фуко, то Гросс, с одной стороны, разделяя положение Фуко о том, что сексуальность является продуктом и эффектом социодискурсивного режима власти, с другой стороны, трактует ее как «морфологию тел» — то есть

²⁸ Батлер Джудит. Меланхолийный гендер/Отторгнутая идентификация // Гендерные исследования, 1 / 1998. Харьков: ХЦГИ, 1998. С. 101-121.

морфологию желания, которое потому определяется как «желание», что не редуцируется ни в какие объяснительные схемы, являясь конструкцией «становления» в делезовском смысле. В этом контексте особенность ее трактовки понятия «экспериментальное желание» состоит в том, что она понимает его как формы экспериментального опыта неосексуальности, которые не редуцируются в канон классического понятия сексуальности как детерминанты власти. Соответственно Гросс уточняет логическую конструкцию *квир* как конструкцию альтернативной субъективности через структуру «действия» и утверждает, что *квир*-субъективность обладает «своей собственной субъектной экономией» и не является исключительно производством и реакцией на политики власти. Основное отличие данной переформулировки от теории субъективности Фуко заключается в том, что репрессированный субъект в концепции Гросс понимается как плюральная и множественная конструкция, богатая ресурсами, которыми не обладает субъект доминации. Если у Фуко все репрессированные субъекты действуют по одной и той же схеме действия телесной аффектированной чувственности, не различаясь даже по признаку пола, то Гросс утверждает, что все репрессированные субъекты различны, подвержены различным аффектам: не только женская субъективность отличается от мужской, но цветной субъект отличается от белого, гомосексуальный от гетеросексуального, средний класс от иммигрантов и рабочего класса и т. п., что и обеспечивает новую логическую основу для альтернативного понимания субъективности в современном феминизме и постфеминизме.

В отличие от Гросс, конструкцию *квир*-сексуальности Батлер, как уже было сказано, понимает не как уникальную, а как производную от эффектов власти — сил подавления и сопротивления, их стабильности или варибельности. Поэтому дискурс *квир*, по ее мнению, функционирует в современной культуре отнюдь не в качестве романтизированного дискурса, но в качестве практики, чьей целью является «устыжение субъекта через его наименование» — то есть производство субъекта через *практики стыда*,²⁹ соответственно *квир*-сексуальность также производится властью, только другими способами — также не через дис-

²⁹ Judith Butler, *Bodies That Matter...*, p. 226.

курс нормы, но через дискурс стыда, который Батлер обозначает как «гомофобический».

Однако предложенное Батлер комплексное понимание властного амбивалентного производства квир-идентичности в современной культуре отнюдь не означает ограничений в политической реализации квир-субъективности в современном мире и в политическом использовании квир-практик в современных политиках сопротивления, но, напротив, расширяет возможности его политического применения в общих анти-гомофобических (женских, черных, цветных, восточноевропейских) политических проектах современности.³⁰ Таким образом, хотя Гросс и Батлер представляют различные логические обоснования производства квир-сексуальности, они тем не менее не отказываются от общей феминистской идеи политического сопротивления новым порядкам гендерного неравенства/гендерных неравенств в обществе, доказывая тем самым, что политический проект постфеминизма по преодолению различных типов гендерных неравенств в целом совпадает с феминистским политическим пафосом преодоления их основного типа — бинарной модели гендерного неравенства.

4. Противоречия и проблемы в теории современного феминизма

Противоречия между англо-американским и французским феминизмом. По мнению Алис Жардин, специально посвятившей исследованию этой проблемы известную книгу *Gynesis. Конфигурация женщины и современность* (1985),³¹ основное различие между французской и англо-американской феминистской теорией 70-80-х годов, актуальность которого сохраняется и до сих пор, состоит в различной интерпретации женской субъективности: пониманием женщины «как процесса» во французской феминистской теории и женщины «как половой идентичности» в англо-американской. Общая концептуальная пози-

³⁰ Ibidem, p. 233.

³¹ Alice Jardine, *Gynesis. Configuration of Woman and Modernity* (Ithaca: Cornell University Press, 1985).

ция классического англо-американского феминизма второй волны, по мнению Жардин, связана с а) отказом от бессознательного, б) утверждением стабильной структуры «я» и в) пониманием языка исключительно как коммуникативной функции. В контексте данного различия англо-американский феминизм второй волны, по мнению Жардин, подчеркивал особую роль феминистского дискурса в антипатриархатной активизации женского движения, в то время как французские теоретики осуществляли в основном критику символических и лингвистических форм патриархатного дискурса. С другой стороны, особенностью французского феминистского проекта являлась, по мнению Жардин, политизация всего спектра традиционно полагавшихся нейтральными дискурсивных систем и понятий, также способных, по их мнению, осуществлять радикальную критику патриархатной культуры: в частности, политизируются и идеологизируются понятия женского письма и культуры, которые признаются новыми формами критики патриархатных дискурсов.

Противоречие между цветным и североамериканским феминизмом. Теоретики цветного феминизма критикуют этноцентристские концепции власти и подавления женщин, которыми оперирует вторая волна феминизма, за дискурсивную неспособность отразить опыт переживания расизма и дискриминации цветных женщин. Основной парадокс, который фиксируют представительницы цветного феминизма — это то, что гендерное неравенство как этническое неравенство может существовать не только в отношениях женщин и мужчин, но и в отношениях, например, белых и цветных женщин и что цветные женщины испытывают расизм — в противовес теориям радикального феминизма 70-х годов — не только со стороны белых мужчин, но и со стороны белых женщин.

Соответственно цветной феминизм ставит под вопрос исключительное фокусирование североамериканского феминизма на понятии гендера: по их мнению, в его основаниях на самом деле лежат понятия «расы» и «класса». Отсюда и понятие «патриархат», понимаемое в первую очередь как «мужская доминация», носит этноцентристский характер; например, цветные мужчины вовсе не обладают той же степенью и теми же формами власти, что и белые мужчины, а белые женщины могут, как уже

было сказано, дискриминировать цветных женщин. В результате понятия «патриархат» или «подавление» не могут в одинаковой степени быть применимыми к белым и к цветным женщинам, подвергающимся различным практикам подавления (в частности, белые женщины не знают такой формы подавления, как расизм), а кроме того, что существуют разные формы подавления женщин в культуре, существуют также и разные формы женского сопротивления.

С этой точки зрения цветные женщины зачастую отвергают саму парадигму феминизма и предлагают собственные варианты женских идентификационных политик, базирующиеся на постфеминистской методологии различия.

Противоречия между феминизмом и постколониализмом. Реальность постколониализма в противоположность романтическим колониальным проектам обнаружила сложность и противоречивость стратегий национальных культурных идентификаций, функционирующих в дискурсе под знаками «единого народа» или «единой нации». Поэтому теоретики постколониализма настаивают на критерии «временного измерения» в описании национальных политических общностей, призванного заменить классический метод историцизма. Такой методологический подход обеспечивает перспективу дизъюнктивных форм репрезентации постколониальных культур и субъектов — в том числе, женской субъективности. Например, Фредрик Джеймисон настаивает на понятии «ситуационного сознания», или «национальной аллегории» при характеристике постколониальной культуры, подчеркивая, что индивидуальное сознание или опыт постколониальной субъективности никогда не могут быть включены в коллективный; при анализе постколониальной культуры, по мнению Джеймисона, нельзя также использовать центристскую каузальную логику.

В этом смысле женский постколониальный дискурс вступает в противоречие с феминистским, поскольку феминизм продолжает абстрактно настаивать на необходимости солидарных и единых, построенных на отрицании доминирующего дискурса национальных идентичностей без учета особенностей дисперсивных постколониальных культур и различия женских постколониальных практик в постсовременном мире.

Противоречия между феминизмом и гей/лесбийской теорией. Это противоречие выражено в различных методологических подходах в трактовке понятия сексуальности и сформулировано в знаменитом эссе Гейл Рубин *Размышляя о поле: заметки о радикальной теории сексуального различия* (1985), в котором она провела критику некоторых основополагающих феминистских парадигм. Основным тезисом был тезис о том, что феминизм не может быть единственной и основной теоретической моделью для понимания сексуальности. Вторая волна феминизма, по мнению Рубин, базировалась в основном на различении между биологическим (*sex*) и социальным полом (*gender*), в контексте которого различаются гендерные идентичности как социальные конструкторы власти. Основным тезисом Рубин, направленным против этих теорий, является тезис о том, что сексуальность нельзя сводить исключительно к отношениям власти и подчинения, так как в культуре существуют многообразные и альтернативные формы сексуальности, которые не описываются конструкционистскими понятиями гендера. Кроме того, Рубин критикует понятие гендера за позитивизм в понимании проблем идентичности, субъективности и сексуальности, сведение гендерной проблематики к социологической. Куда в таком случае исчезают такие характеристики сексуальности и субъективности, как желание, наслаждение, опасность, удовольствие, спрашивает она? Получается, что классический феминизм, по мнению Рубин, редуцировал и аннигилировал эти характеристики (так же, как и само понятие сексуальности) из феминистской теории.

Для изучения альтернативных форм сексуальности в североамериканских университетах в конце 80-х годов наравне с женскими исследованиями, но отдельно от них были созданы программы и кафедры гей/лесбийских исследований. Толчком послужило размежевание феминистского и лесбийского дискурсов. По мнению лесбийских теоретиков, феминистки создали выдающуюся теорию подавления, однако не смогли создать адекватную теорию женской сексуальности: ее разработке и должны быть посвящены новые гей/лесбийские университетские программы.

В то же время, постмодернистский феминизм упрекает теоретиков гей/ лесбийских исследований за эссенциализм и использование бинарной логики исключительности. Джудит Бат-

лер, как уже было сказано, признается, что считать лесбийскую теорию авангардной позицией в феминизме на сегодняшний день является ошибочным, ибо в конечном итоге этот проект означает лишь усиление позиции «принудительной гетеросексуальности». Она доказывает, что лесбийское теоретизирование основывается на эссенциалистском понятии идентичности, что, по ее мнению, является «теоретически наивным и политически сдерживающим».

Противоречия между постфеминизмом и феминизмом. Феминизм 80-х и 90-х годов характеризуется целым рядом концептуальных конфликтов и противоречий, которые ведут к дальнейшей фрагментаризации феминизма как единого течения и способствуют, как уже было сказано, появлению в 90-е годы феномена *постфеминизма*.

В 70-е годы основным конфликтом в феминизме являлся, по словам Терезы де Лауретис, конфликт между академическим феминизмом и активизмом, принявший форму «активизм против академизма», а также конфликта между теорией и практикой, ведущий к поляризации позиций или *за* теорию, или *против* теории. В 80—90-е годы эта оппозиция модифицирует формы своего проявления и выступает, по мнению де Лауретис, в виде оппозиции лесбийской идентификации *против* гетеросексуальной, а также оппозиции *women's studies* против *feminist cultural theory*. Основным же противоречием в феминистской теории 90-х годов Тереза де Лауретис называет противоречие между центрированным и децентрированным гендерным субъектом, то есть между феминизмом и постфеминизмом.

Парадигмальные отношения между феминизмом и постфеминизмом в дебатах о современном женском субъекте и его месте в структуре социальной теории и практики столь же неоднозначны, как и отношения между модернизмом и постмодернизмом. Односторонность феминизма для постфеминизма проявляется в том, что он не может адекватно отразить многосторонность и «различия» в современной культуре: с одной стороны, продолжает по-прежнему использовать эгалитарную риторику в политических требованиях, с другой — использует постмодернистскую концепцию «различия» как доминирующую концептуальную, философскую и культурную структуру.

В книге, изданной под редакцией Мишель Барретт и Энн Филлипс *Дестабилизировать теорию: Современные феминистские дискуссии* (1992),³² авторы называют три основные причины, в зависимости от действия которых современный феминизм, по их мнению, проходит к концу 20-го века стадию «радикального самокритицизма»:

- 1) политическое влияние цветных женщин внутри феминизма;
- 2) переосмысление роли полового/сексуального различия, а также артикуляция других типов различий (классовых, расовых и национальных) внутри структуры женской субъективности, которые не были в достаточной степени артикулированы теоретиками второй волны;
- 3) влияние постструктурализма и постмодернизма на феминизм.

На основе выделенных причин авторы признают в современном феминизме переход от «феминизма равенства» к «феминизму различия», а также от феминизма к постфеминизму.

Энн Брукс в книге *Постфеминизмы: Феминизм, культурная теория и культурные формы* (1997)³³ определяет постфеминизм как модель *негегемонического феминизма*, способного дать голос различным, в том числе локальным и постколониальным феноменам современной женской культуры. В этом смысле постфеминизм знаменует концептуальный поворот от «проблематики равенства» к «проблематике различия» в постсовременном мире, по мнению Энн Брукс. Тем не менее, постфеминистский проект в целом не означает, по мнению Брукс, деполитизацию феминизма, а напротив, способствует более широкой и плюралистичной практике его политического применения: хотя новые репрезентативные стратегии не предполагают, по выражению Брукс, равенство или свободу в режимах репрезентации, в то же время они по-прежнему подчеркивают значимость понятия «политической идентичности» и «политического действия» в постфеминизме.

³² Michael Barrett and Ann Phillips, eds., *Destabilising Theory: Contemporary Feminist Debates* (Cambridge: Polity Press, 1992).

³³ Ann Brooks, *Postfeminisms: Feminism, Cultural Theory and Cultural Forms* (London and New York: Routledge, 1997).

По мнению Джудит Батлер, поскольку в феминистском дис-курсе\ 90-х годов обнаружены «политики исключения», через которце, как оказывается, производится феминистский субъект (исключение цветных, постколониальных и восточноевропейских женщин, исключение маргинальных форм сексуальности и т. п.), то все категории, используемые феминизмом в политической борьбе (включая саму категорию «женщины»), должны быть открыты для вопрошания и переформулировки. Поэтому преобразование феминизма в постфеминизм не как в нечто чуждое, но как в критическую концепцию, позволяет продвинуть феминистский проект вперед и реализовать наконец то, что называется «радикально-демократическим феминистским обещанием», а современная феминистская теория должна выступать не основой, основанием или даже методологией, но, скорее, поставленным, но неразрешенным *вопросом*. Способность феминизма включать в теорию и практику концепцию «различия» означает возможность дальнейших теоретических и социальных изменений в феминизме, соответствующих политической и культурной ситуации конца 20-го века.

Постфеминизм, по словам Терезы де Лауретис, означает оборачивание феминистского дискурса на собственные основания -- как основания дискурса, так и политических практик. В целом этот процесс знаменует собой не просто расширение или реконфигурацию границ феминизма, но, по словам де Лауретис, процесс замещения или даже самозамещения: уход от более привычного «места» культуры к более рискованному, концептуально «иному» дискурсивному месту, размышление и письмо из которого являются более неопределенными и негарантированными. Однако продолжать находиться в «старом месте» в современной культуре, по словам де Лауретис, больше невозможно.

Гендерная проблематика в политических науках

Ирина Чикалова

1. Гендерная проблематика в политической теории

1. Новое женское движение

В стремлении к политическим переменам миллионы американцев и жителей Европы, начиная с 1960-х годов, стали участниками трех социальных движений — черного освободительного за гражданские права, антивоенного и нового феминистского. Последнее, перемежая успехи и неудачи в достижении персональных и социальных перемен, обогатило интеллектуальный багаж, внесло кардинальные изменения в сознание и образ жизни американского и европейского общества, сравнимые только с результатами широкого движения за гражданские права чернокожего населения США. В широком смысле адресат феминизма — общество в целом, к которому он обращает свою основную политическую рекомендацию: следует отказаться от жестких иерархий, использовать методы ненасилия, сотрудничества, кооперации и заботы о тех, кто оказался на общественной периферии, потому что по разным причинам (пол, раса, класс, религия, возраст, физическое состояние, сексуальная ориентация) попал в категорию «другого» и не соответствует канону, являющемуся мерилom «нормы».

Феминистское движение 60-х годов 19 — начала 20 века, направленное главным образом на осуществление права женщин на участие в выборах и избрание в законодательные органы власти, вошло в историю как *первая волна феминизма*. В результате усилий суфражистского движения женщины ряда

стран (Новая Зеландия, Финляндия, Россия, Великобритания, США) между 1905 и 1920 годами на национальном уровне получили право участвовать в выборах. Последовавший затем период вплоть до 60-х годов 20 века стал временем молчания, «невидимости» самих женщин и женских проблем в политическом дискурсе. Хотя отдельным женщинам, как, например, Элеонор Рузвельт и Фрэнсис Перкинс в США, Барбаре Касл и Ширли Вильямс в Великобритании, Александре Коллонтай и Марии Спиридоновой в России, удалось оставить яркий след в политике, в качестве организованной общественной группы женщины оставались невидимыми на арене политической жизни. Тем не менее к середине 1960-х годов в развитых странах в положении и образе жизни женщин произошли изменения, столь кардинальные, что их подчас характеризуют как революции. В результате *суфражистской революции* женщины приобрели основные политические права — прежде всего, избирать и быть избранными в представительные органы власти. *Сексуальная революция* либерализовала нравственные нормы и обычаи в сексуальной сфере, разрушила двойную мораль и позволила женщинам обрести право на сексуальное самовыражение. *Революция поведения* освободила женщин от пуританской строгости в одежде, сделала моду демократичной, допускающей легкие, открытые и короткие платья, брюки, шорты и соответствующие всему этому аксессуары; она обеспечила женщинам возможность заниматься тем, что раньше было привилегией одних только мужчин: спортом, вождением автомобиля и самолета, службой в армии, наконец, легально курить и употреблять спиртные напитки. *Кухонная революция* механизировала домашний труд, обеспечила семьи консервированными продуктами и полуфабрикатами, что высвободило время женщин для саморазвития, общественной деятельности и работы вне дома. *Революция на рабочих местах* изменила характер рабочей силы и роль женщины в экономике. Выход женщин — прежде всего представительниц среднего класса — на общественную сцену происходит во второй половине 1960-х годов на волне массового движения за гражданское равноправие в США. Организация из его недр *автономного* женского движения (на фоне болезненного разочарования в связи с оттеснением в нем женщин на периферию) стала результатом ряда параллельно протекавших процессов.

В США усилившаяся политизация общества, появление в 1963 году заключительного доклада президентской «Комиссии по статусу женщин», впервые на официальном уровне признавшего наличие дискриминации женщин, выход в свет взорвавшей сознание американцев книги Бетти Фридан *Загадка женственности*¹ и, наконец, создание в 1966 году «Национальной организации женщин» повлекло за собой развитие нового, массового женского движения. К 1970 году «женское освобождение» стало одной из центральных тем общественной и политической жизни США. Получив импульс из-за океана, бурно стало шириться женское движение в европейских, особенно скандинавских странах. Его развитие сопровождалось формированием философии и идеологии *феминизма*, который стал его теоретической базой. Активное формирование *теории феминизма* привело к институализации в университетах междисциплинарных программ *женских исследований (women's studies)*.² Преподавание их становилось открыто политическим актом, признанием существования женского угнетения и поиском ответа на вопрос «как положить конец подчинению женщин?». Начав с критики теорий «естественной субординации» и подчиненного статуса женщин, феминисты отвели *гендеру* центральное место в анализе структур власти, политических, социальных и культурных институтов, моделей идеологического воздействия.

2. Женщины в традиционной политической теории

Развитие относящихся к женщинам исследований в политической науке характеризуется следующими парадигмами — полная невидимость, ограниченная видимость, видимость. Устранение женщин на протяжении столетий из публичной жизни и властных сфер имело следствием практически полное игнорирование их в политической теории. И несмотря на участие женщин в общественных трансформациях и революционных

¹ Фридан Бетти. Загадка женственности. М.: «Прогресс», 1994.

² См. раздел первый «Возникновение и развитие гендерных исследований в США и Западной Европе» данного издания.

преобразованиях — как это было в годы французской революции конца 18 века и в более позднее время — этот факт не находил должного понимания у политологов. Исключение составили лишь труды, посвященные великим женщинам масштаба княгини Ольги, национальной героини Франции Жанны Д'Арк, императриц Екатерины Великой и Марии-Терезии, королевы Виктории и подобным им по значению и роли в мировой культуре и политике.

Большинство теоретиков, начиная с мыслителей античности, объявляли, что биологические особенности и культурные модели, связанные с женщинами, не только не позволяют им участвовать во властных структурах, но и развивать качества, связанные с политической и гражданской активностью. Соответственно женщины и «женское» были «спрятаны» в политической теории и политической мысли, базирующихся на позиции андроцентризма.³ Концепция, которая структурировала политический дискурс, базировалась на признании четкой дихотомии публичного и приватного. Начиная с древних греков, их концептуальное разведение отражало классическое понимание приватной области домохозяйства (*oikos*, или сфера репродукции) и экономики (*polis*, город-государство, организующее производство) как изначально разделенных. Более того, только публичная сфера характеризовалась в качестве арены свободы и гражданских прав. Поскольку женщины ассоциировались с приватной, то есть подчиненной сферой, они функционально были исключены из практик свободы, которые определяли политическую жизнь: публичная сфера не только существовала без женщин, но и была настроена против них; при этом исключение женщин из публичной сферы опиралось на вменяемую им «естественную» неспособность преступить за пределы их биологического и экономического подчинения в домашней сфере. Данное отношение было характерно не только для государств античной Греции, но и для Древнего Рима: женщина абсолютно подчинялась домо-владыке по Законам XII таблиц (середина V века до н. э.), и, хотя и в несколько меньшей степени — по семейным законам императора Августа (43 г. до н. э. — 14 г. н. э.). Средние века не

³ Андроцентризм (от греч. andros — мужчина) — взгляд на мир с мужской точки зрения: действующее лицо («его») констатируется скорее как мужчина, чем как женщина, рассматриваемая в качестве пассивного субъекта.

принесли изменения социально-политического статуса женщин. Даже в Новое время либеральная теория с ее акцентом на индивидуализм и гражданские свободы демонстрировала ограниченность в вопросе распространения эгалитарных прав на новые группы граждан: женщинами пренебрегали просто потому, что они женщины. Питавшаяся идеями либерализма, французская революция конца 18 века оставила женщин даже с меньшим числом свобод, чем они имели до ее начала: разделение между «правителями» и «управляемыми» становилось очевидно соци-огендерным. Поскольку женщин замыкали в семейной сфере, а в хозяйственной жизни наделяли подчиненной ролью, они функционально были исключены из зоны политической, социальной и экономической свободы. Политика по определению стала миром, в котором правили и имели голос только мужчины.

Рост феминистского движения и необходимость инкорпорировать демократические идеалы в политическую теорию привлекли внимание к важности постановки вопросов, связанных с репрезентацией женских интересов. И тем не менее, несмотря на растущий в геометрической прогрессии, начиная с 1970-е годов, объем феминистских исследований в политических науках, центральный дискурс политической теории долгое время оставался нетронутым. Она продолжала конструироваться таким образом, как будто женщины и их групповые политические интересы концептуально несовместимы с политическим дискурсом. Другими словами, теоретики-политологи определяли политическую территорию и политическую теорию в терминах «отсутствия» гендера. Женщины, говоря словами Джин Элштейн, оставались открыто бессловесными, будучи исключенными даже из словаря политики.

Таким образом, в само определение традиционной политики были вписаны предпосылки, исключающие женское участие в публичной жизни: интересы женщин признавались важными лишь в плане достижения некоей особой женской «добродетельности».

3. Феминистская методология в политической теории

Повторный всплеск женского движения во второй половине 1960-х годов инициировал в политических науках академические дебаты по многим проблемам истории и современного состояния общества, исследование которых в феминистском дискурсе приобрело совершенно иную окраску. До того, как поднятые феминистами вопросы стали предметом всестороннего обсуждения, анализ дифференциации общества по принципу пола/гендера не проводился, работы в области политологии и социологии едва упоминали женщин.⁴

Если субъект политики, в качестве которого традиционно выступал мужчина, всегда был объектом интенсивного исследования, то политическое участие женщин (которое было действительно минимальным в силу принудительного разведения по разные стороны женщин и политики) и их политическое поведение (которое в избирательных кампаниях копировало мужское) не изучались. Практически не исследовалась также роль женщин в сферах, где они были наиболее «видимыми» — в семейной, приватной жизни, в воспроизводстве хозяйства семьи; «серьезная» наука отдавала предпочтение исследованию статусных сфер с преимущественным преобладанием мужчин. Таким образом, в «дофеминистский» период узкое толкование понятий *политики* и *политического* не оставляло места для женщин: должен был состояться интеллектуальный прорыв для деконструкции традиционного политического знания и привычного подхода к изучению общества, для того, чтобы множество «частных»

⁴ В рамках марксистской историографии следует отметить две классические работы — Энгельса Ф. *Происхождение семьи, частной собственности и государства* (1884) и Бебеля А. *Женщина и социализм* (1879), которые в исторической ретроспективе анализируют причины подчиненного статуса женщины, но не выделяют их в качестве специфической социальной категории. Основной тезис классического марксизма состоит в том, что поскольку женщины-работницы угнетены капиталистической системой в той же степени, что и мужчины, а разделяет женщин принадлежность к разным классам, постольку не существует единых специфически женских интересов, отличных от классовых. Объединение женщин из разных социальных слоев возможно только для борьбы за преобразование капиталистического общества в социалистическое.

тем, которые касались женщин, стали не только статусными, но и приобрели совершенно иное звучание в феминистском дискурсе.

Феминистская модернизация политической теории началась с пересмотра ряда традиционных и постановки новых исследовательских задач. Прежде всего, был сделан вызов конвенциональным определениям политики. Кроме того, был поставлен вопрос, каким образом гендер конструирует женский политический опыт, и как раса, этничность, классовый интерес в сочетании с гендерной принадлежностью влияют на политические действия и политическое сознание. Было привлечено внимание к изучению влияния взаимопереплетающихся социальных отношений женщин в семье и на рабочем месте на выработку форм сопротивления и соглашений, а также предприняты попытки поместить активизм общественных организаций (*grassroots activism*) в контекст более широкого политического и экономического процесса. Кроме того, в современных политических науках активно исследуются взаимоотношения между политической теорией и женской политической практикой.

Феминистскую литературу объединяет тот взгляд, что современное общество унаследовало и воспроизводит многие черты патриархатной модели, определяющей характеристикой которой является главенство мужчин в семье и простираемое им в целом на социум. Если в прошлом властные позиции мужчин поддерживались и формально (с помощью права), и неформально (общепринятыми правилами повседневной жизни, обычаями и традициями), то в современном, официально эгалитарном обществе, депривация женщин осуществляется как бы в обход права. В конце 19 века, несмотря на принятые антидискриминационные законы и общую тенденцию развития общества в соответствии с эгалитарной моделью, мужское доминирование поддерживается как на уровне сознательных стереотипов, разделяемых мужчинами и женщинами (например, политика — не женское занятие), так и на уровне бессознательного. Примером последнего является язык, выступающий в качестве дополнительного фактора дискриминации женщин, и языковое функционирование, в котором кодируется властная гендерная асимметрия. Американская и британская научная литература часто демонстрирует в качестве хрестоматийных примеров использование слов *man* и *mankind* в качестве терминов для описания человеческо-

го сообщества. Точно так же местоимение *he* используется по отношению к третьему лицу. Множество эквивалентных слов, относящихся к мужчинам и женщинам, имеют разные ассоциации в языке. Например, «она — его вдова», но не «он — ее вдовец». В русском языке *политик* — существительное мужского рода; о субъекте политики говорят «он». Термин «политик» в массовом сознании рисует образ мужчины. При необходимости сделать акцент на факте, что политиком является женщина, приходится пользоваться громоздкой конструкцией — женщина-политик, женщина-депутат. Мужчины и женщины используют язык для достижения определенных целей, но поскольку половые различия приравнены к различиям в доступе к власти и влиянию в обществе, они имеют своим результатом и лингвистические различия. Политика, работа, спорт наиболее часто являются содержательными категориями бесед мужчин. У женщин же, наоборот, в качестве таких категорий выступают самоощущения, личные чувства, взаимоотношения с окружающими, семья. Соответственно, как продолжение этих различий, прослеживается связь между языком, поведением и сферами деятельности. Различия между мужчинами и женщинами в использовании языка и его средств, таким образом, создают проблему, которая выходит за рамки лингвистики и предстает в качестве социокультурной. Мужское неформальное сообщество, внутри которого происходит обсуждение важных вопросов, выработка техник их решения, оказывается закрытым для женщин.

4. Радикальный феминизм: переосмысление категорий классической политической теории

1) *Публичное и приватное пространство*. Для феминистских исследователей актуальным остается расширительное толкование определения *политики* и традиционных концепций *политического*. В этом контексте центральной стала деконструкция подхода к определению политической территории и политики.⁵ Поскольку в патриархальном обществе отчетливо

⁵ Феминисты не были первыми, кто бросил вызов конвенциональному определению политики: на необходимости политического усиления депривиро-

разделенные между собой *публичная* и *вторичная* по отношению к ней *приватная* сферы являлись основными территориями жизни мужчин и женщин, в феминистской теории на первый план выдвинулась проблема взаимодействия между ними. Именно в связи с этим поставлено под сомнение традиционное определение *политики*. В традиционной политологии существует тенденция определять ее в качестве целенаправленной деятельности, ограниченной рамками особой публичной сферы, в которой и происходит принятие решений. Развернувшие в 1970-е годы дискуссию радикальные феминисты подвергли фундаментальной критике общепринятые трактовки политики как деятельности, не охватывающей область частного. Одна из пионеров в этом отношении Кейт Миллет в своей уже классической работе *Сексуальная политика* (1970) предложила перенести акцент в определении политики на взаимоотношения, основанные на власти, «посредством которой одна группа людей контролируется другой».⁶ Она развивает тезис о том, что отношения между полами являются сексуально-политическими в том смысле, что власть мужчин над женщинами основана на различии полов. Одним из проявлений этого является монополизация

ванных групп настаивала марксистская теория. Но признавая единственную важную категорию социальной стратификации — класс (и классовые отношения в качестве структурирующих политическую борьбу), она постулировала, что социальная трансформация необходима для политического усиления угнетенного рабочего класса. Тем не менее, пользуясь гендерно нейтральными терминами, марксистская теория, говоря о рабочем классе и делая упор на крупных предприятиях с большой концентрацией рабочих, выпускала из виду тех же женщин из рабочих семей: как раз на такого типа предприятиях было меньше всего женщин. С другой стороны, марксизм игнорировал политическую борьбу вне промышленных предприятий, в которой традиционно именно женщины из рабочей среды играли основную роль. Произраставший же из марксизма социалистический феминизм тесно соединялся с социалистическим движением, внутри которого имела четкая тенденция обращаться к женщинам исключительно как к женам. Во Франции и, прежде всего в Германии, к концу 19 века социалистические партии включили женские права в свои программы, но рассматривались они в качестве зависимой задачи и вторичных достижений социализма. Это сочеталось с множеством противоречий в вопросе о предоставлении женщинам избирательных прав, глубоким недоверием к «буржуазному» феминизму и традиционными идеями о женственности и женском предназначении.⁶ Kate Millett, *Sexual Politics* (London: Abacus, 1972), p. 23.

мужчинами ключевых позиций в политико-властных структурах. Разделение человеческого бытия на сферы *общественной* и *частной* жизни, с одной стороны, закрепляет мужское доминирование в обществе, с другой стороны, существует из-за асимметричных отношений власти и подчинения, утвердившихся между полами. В-третьих, оно нужно, чтобы скрыть властные взаимозависимости между мужчинами и женщинами.

2) *«Личное есть политическое»*. Таким образом, понятие «политика» радикальными феминистами стало трактоваться предельно широко — как любые действия в сфере современной социальной и культурной жизни, направленные на трансформацию традиционного общества. Поэтому любая женская акция, направленная против дискурса патриархатной культуры, воспринимается как политический поступок, поскольку всегда ставит под сомнение основы и принципы функционирования существующих патриархатных институтов и практик, призывает к их переосмыслению и символизирует собой акт преодоления властных зависимостей и стереотипов традиционной культуры. Наконец, к 1990-м годам, насилие в семье, проблемы на рабочем месте, связанные с сексуальными домогательствами, *сталкеризм*⁷ также стали частью политической повестки вследствие пространной дискуссии по поводу уместности перенесения персональных проблем на общественный уровень. Феминисты и их сторонники, с 1970-х годов требуя приоткрыть завесу над частной жизнью граждан, обращали внимание общества на размах насилия в семьях, которое являлось закрытой темой в течение десятилетий. Тогда же в политическую повестку они выдвинули проблемы личной репродуктивной свободы и свободы в выборе сексуальной ориентации, которые стали рассматриваться в качестве политической позиции, а борьба за свободный выбор и за права сексуальных меньшинств стала важным направлением политической активности.

Отсюда основная политическая формула радикальных феминистов и, по существу, основной лозунг второй волны феминизма —

⁷ Сталкеризм — термин, характеризующий систематическое преследование в виде телефонных звонков, писем, появления возле дома проживания, навязывания собственной персоны человеку, этого не желающего.

низма — «*личное есть политическое*».⁸ Поместив в этот центральный лозунг утверждение о прямой связи между политикой и повседневной жизнью, между индивидуальными нуждами, заботами и социальными переменами, феминисты кардинально расширили саму политическую повестку: проблемы, прежде рассматривавшиеся исключительно в качестве «приватных» женских, — аборт, репродуктивные права, насилие в отношении женщин, сексуальное преследование, забота о детях, домашняя работа — стали соревноваться между собой за приоритетное место в национальном политическом дискурсе современных демократий. Хотя вопрос о границах персонального и открытого для общества в частной жизни граждан не имеет однозначного ответа, признание того, что личное/персональное является политическим, упраздняет искусственное разделение жизненного и политического пространства на публичное и приватное, бросая в то же время вызов идеологическому ограничению политики, сводящего ее к узкому миру выборов, кандидатов и их лоббистов.

3) *Концептуализация понятий «различие» и «сексуальное различие»*. В то же время стала выявляться ограниченность и самой феминистской теории и феминистской практики, произраставших из персонального опыта объединенных в свои организации белых женщин среднего класса, которые не могли аккумулировать и репрезентировать опыт всех, в том числе небелых женщин. С этой точки зрения, оказалось, что феминистское движение также определяло содержание политики недостаточно широко. Это проистекало из чрезмерно схематичного подхода к определению категории «женщина», идентифицируемой в обобщенном понятии «мы». Как подчеркнула Джудит Батлер, такая «идентичность» как отправная точка не могла удержаться в качестве основы для феминистского политического движения, поскольку любая попытка дать универсальное или специфическое содержание категории женщин, где предполагается, что этот гарант солидарности — «мы» — требуется *заранее*, обязательно производя фракционализацию.⁹ Другими словами, поли-

⁸ «The personal is political» — фраза, впервые произнесенная Carol Hanisch. Она появилась в ее работе 1970 г. *Notes from the Second Year*.

⁹ Батлер Джудит. Случайно сложившиеся основания: феминизм и вопрос о «постмодернизме» // Гендерные исследования. 1999, № 3. С. 101.

тическим фактом становится то, что женщины сегодня обнаруживают не только общность женского жизненного опыта, но и его несхожесть у представительниц разных социальных, религиозных, этнических, возрастных групп, и как следствие, на политической сцене воспроизводят и транслируют эти различия — в том числе относительно взглядов на политические приоритеты. Именно поэтому в начале 1980-х годов феминистское «мы» подверглось критике со стороны черных феминисток за игнорирование совершенно особого, несопоставимого ни с чем опыта потомков чернокожих рабынь, ощущавших себя «другими» не только по отношению к мужчинам (более к белым, нежели к черным), но, в очень значительной степени, по отношению к белым женщинам среднего класса.

Теоретические и политические дискуссии 1990-х годов на фоне дезинтеграционных процессов, роста националистических движений в мире концептуализировали и проблематизировали понятия «различия» в общем и «сексуальные различия», в частности. Например, в тексте интервью Джудит Батлер с Рози Брай-дотти утверждается: «...акцентуализация на обобщенной европейской личности, которая сопутствует проекту «унификации» старого континента, неизбежно приводит к «различию», которое становится даже более чем принципиальным и взрывоопасным понятием. Следствием парадокса одновременной глобализации и фрагментаризации, который соответствует социально-экономической структуре наших постиндустриальных времен, является регрессия к национализму и расизму, который идет рука об руку с проектом европейского федерализма, свидетелями чего мы все являемся в сегодняшней Европе».¹⁰ Исчезновение Восточного блока, распад СССР и Югославии, появление чеченского вопроса несет в себе такие феномены, как «различия» в общем, так и «сексуальные различия», в частности, ставшие *политически* окрашенными. И хотя корни концепции «различия» могут быть обнаружены также и в иерархических, исключаяющих способах тоталитарного мышления, не учитывая сегодня феномен *различия* не как исключения, а как равноправного множества в целом, становится невозможным анализировать и исследовать происходящие сегодня дезинтеграционные процессы.

¹⁰ Батлер Джудит. Феминизм под любым другим именем. Интервью с Рози Брайдотти. Пер. с англ. // Гендерные исследования. 1999, № 2. С. 61.

Концепция «различия» предлагает базу для плюралистического толкования одного из самых острых феминистских политических вопросов — сексуальности. Является ли гетеросексуальность обязательной принадлежностью индивида? Или она становится необходимым атрибутом жизни человека в связи с репрессией, которой подвергаются как сексуальность вообще, так и проявления «других» ее форм? Наличие гомосексуальных и бисексуальных мужчин и женщин свидетельствует о «различии» и множественности в проявлениях человеческой сексуальности. Но репрессивные действия государства и гомофобия общества породили феминистский ответ в виде *лесбийского политического проекта*, а борьба за права сексуальных меньшинств стала одним из центров политической программы феминизма, в этой части объединившегося в своих требованиях с группами сторонников сексуальных меньшинств, не ассоциировавших себя с феминизмом. Гетеризованная приватная область сексуальности (особенно репрессированной гомосексуальности) вышла на уровень публичной политики, заявив о себе в программах западных политических партий, доказывающих, что «личное есть политическое».

5. Основные понятия и концепции политической теории феминизма

1) Феминизм и демократическая концепция гражданства. В связи с тем значением, которое феминистская теория придает развитию демократических процессов, одним из важных направлений дискуссий 1980-90-х годов стала взаимосвязь между феминизмом и демократической концепцией гражданства. Либеральные феминистки, требуя предоставления широкого спектра политических и гражданских прав для женщин, не бросали вызов доминирующей либеральной модели гражданства и политики, так же как рамкам политического и политической территории. Однако именно переосмысление и деконструкция последних создало основания для попыток построения такой модели гражданства и гражданской активности, которая бы инкорпорировала феминистские политики приватного, основанные на таких специфических для семьи добродетелях, как

любовь, интимность и озабоченность судьбой «конкретного другого».¹¹ В частности, стоящие на материалистской позиции Джин Элштейн¹² и Сара Раддик¹³ вслед за Кэрол Гиллиган, противопоставившей мужской и либеральной «этике справедливости» феминистскую «этику заботы», утверждают, что именно в женском опыте материнства следует искать новую модель гражданской активности.

Однако подобная материалистская позиция нашла противников среди самих феминисток, которые рассматривают гражданство в качестве сугубо патриархальной категории. В частности, Кэрол Пейтман в своем *Социальном контракте* (1988)¹⁴ излагает позицию наиболее остро: кто такой «гражданин»? что делает этот гражданин на арене, где он действует, коль скоро она является сконструированной по мужскому типу? Хотя женщины в либеральных демократиях сейчас являются гражданками, их гражданство было завоевано в рамках структур патриархальной власти, в которых женские качества и свойства по-прежнему являются малоценными.¹⁵

Итак, одним из основных вопросов политической теории феминизма становится следующий вопрос: является ли выходом из этого теоретического тупика универсальной либеральной политической теории создание дифференцированной по половому признаку модели гражданства, в которой специфические запросы мужчин и женщин будут оцениваться равным образом? Мнения в современной феминистской политической теории по этому поводу расходятся, в то же время общим постулатом является постулат о необходимости переоценки традиционной политической концепции того, что значит «быть гражданином» и «действовать в качестве члена демократического политического сообщества».¹⁶ Кроме того, очевидным является то, что

¹¹ Муфф Ш. Феминизм, гражданство и радикальная демократическая политика // Гендерные исследования. 1999, № 3. С. 113.

¹² Jean Elshtain, *Public Man, Private Woman* (Princeton: Princeton University Press, 1989).

¹³ Sara Ruddick, *Maternal Thinking* (London: Verso, 1989).

¹⁴ Carole Pateman, *The Sexual Contract* (Stanford: Stanford University Press, 1988).

¹⁵ Цит. по: Муфф Ш. Феминизм, гражданство и радикальная демократическая политика // Гендерные исследования. 1999, № 3. С. 114.

¹⁶ Муфф Ш. Феминизм, гражданство и радикальная демократическая политика // Гендерные исследования. 1999, № 3. С. 117.

ведение свободных дебатов, открытых любым темам, свободный доступ к электронным и печатным средствам информации, т. е. наличие ключевых составляющих гражданского общества, является необходимым условием для постоянного обновления и развития теоретического поиска феминистской теории. Именно поэтому создание, сохранение и развитие гражданского общества является для феминистской теории необходимым залогом реализации своей идеологии. И в этом смысле политический феминизм безусловно смыкается со всеми иными политическими движениями, выступающими за развитие гражданского общества.

2) *Концепция обретения/осознания силы.* Центральной для феминистского определения политики стала предложенная в 1980-е годы концепция *обретения/осознания силы*, (*empowerment*). Мужчины, утверждают феминисты, видят власть, как *власть над* (*power over*), как возможность влиять или доминировать, в то время как женщины видят ее как *обретение/ осознание силы для* (*empowerment to*). Термин *empowerment* используется ими для описания власти, *уполномочивающей для*, в отличие от власти над кем-либо. Поэтому они проводят различие между термином *empowerment*, который включает стратегию убеждения и другие формы непринудительного влияния, и термином *authority* (*власть*). Феминистская политическая теория также настаивает на том, что женщины и определяют власть, и пользуются ею иначе, чем мужчины. За последнее десятилетие были опубликованы многочисленные книги и статьи, дающие феминистскую интерпретацию политики обретения/осознания силы (*politics of empowerment*). Среди них работы Джудит Батлер и Джоан Скотт, Дайаны Кул, Ивы Дойчман, Анны Йонасдоттир, Мэрили Карл, Дженифер Ринг, Мэри Шэнли и Кэрол Пейтман, Касс Санстейн и других авторов. Обретение/осознание силы в том смысле, какой этому понятию придают феминисты, означает процесс обретения угнетенными некогда личностями возможности распоряжения своими судьбами, расширения участия в делах общества и присутствия в соответствующих властных и политических структурах. Следствием этого является не традиционное понимание власти как «*власть над другими*», *ИЛИ власти* в виде доминирования, но понимание власти как «*полномочия к*», или как «*компетенции*». Сама же власть в

руках женщин видится более кооперативной и менее конфронтационной, нежели в руках мужчин. Эта вера в иной подход в политике, присущий феминистской политической теории, пожалуй, является одним из наиболее часто используемых аргументов для отстаивания требования увеличения числа женщин на элитных политических позициях.

3) Теория представительства. В научных дискуссиях по поводу достижения равенства мужчин и женщин в национальных и местных законодательных и исполнительных органах и обеспечения более справедливого баланса между ними в верхних эшелонах власти регулярно поднимается вопрос о том, почему для отдельных групп населения, в частности женщин, становится важным быть представленными большим числом, который возник из факта осознания последствий заполнения мужчинами и женщинами позиций политической власти в равной пропорции. Многочисленные аргументы в пользу необходимости роста женского представительства в структурах власти содержит теория представительства, ставящая в основу принцип «естественной справедливости» (или «символического равенства»). Последний дает базис для требования женщин иметь равноправный доступ к власти в политике, в университетах, в менеджменте, на занятие общественных должностей, ибо, говоря словами американской исследовательницы Сьюзан Кэрролл, «большее представительство женщин рассматривается как демократическое право, а отсутствие активного участия женщин видится как индикатор того, что демократическая система работает неисправно».¹⁷ Согласно этой логике, законодательный орган может функционировать демократически только в том случае, если он действует как общественный форум для выражения всех точек зрения, отражая основные деления в обществе. Именно ввиду этого аргумента парламентарная демократия требует увеличения присутствия женщин в политике, не концептуализируя при этом вопрос о том, приносит ли оно перемены.

Близко к этому взгляду находятся и идеи о пропорциональном представительстве (*proportional representation*): различные

¹⁷ Susan Carroll, «Women Candidates and Support for Feminist Concerns», *The Western Political Quarterly*, Vol. 37, № 2, June 1984: 307.

группы населения, в том числе женщины, должны быть представлены в верхних эшелонах власти пропорционально их количеству в общей массе населения. В теории пропорционального представительства признается сходство между представительством женщин и этнических меньшинств, которое проявляется в том, что «в каждом парламенте в мире и те, и другие слабо представлены в сравнении с их общей численностью в населении».¹⁸ Отношение к пропорциональному представительству отражает радикально противоположные взгляды общества на демократический процесс. В центре данной группы доказательств находится убеждение, что вхождение большего числа женщин в политические структуры послужило бы оздоравливающим началом в исправлении дурной славы, которую приобрели и политики, и политическая жизнь в последние годы. Исключение женщин из процесса принятия решений сохранило их имидж неиспорченным участием в политической коррупции, поэтому, по мнению феминистских политических теоретиков, от них скорей можно ожидать действий, «свободных от влияния специальных интересов».¹⁹ Отсюда становится понятным, почему вопрос выдвижения как можно большего числа женщин на высшие позиции в партийных структурах и в государстве столь важен. Кроме того, что сегодня совершенно очевиден тот факт, что современные женщины способны занимать высшие политические должностные посты в силу их зачастую более высокого, чем у мужчин, образовательного и профессионального уровня, их дискриминация и, как результат, не использование на ответственных должностях становится существенной потерей для демократического общества.

Кроме того, высказывается мнение, что представительная демократия требует более весомого участия женщин потому, что тогда значительным изменениям могли бы подвергнуться и политическая культура, и политические приоритеты общества в целом. Признается, что в силу отличия жизненного опыта женщин их политические предпочтения отличаются от приоритетов мужчин: они склонны больше внимания уделять таким воп-

¹⁸ Vernon Bogdanor, *What is Proportional Representation? A Guide to the Issues* (Oxford: Oxford University Press, 1984), p. 111.

¹⁹ Susan Carroll, «Women Candidates and Support for Feminist Concerns,» *The Western Political Quarterly*, Vol. 37, № 2, June 1984: 307.

росам, как защита окружающей среды, ядерное разоружение, здоровье, забота о детях. И, следовательно, избрание большего числа женщин на ответственные посты привело бы к изменениям в общественной политике. Кроме того, признается, что чем больше женщин достигают политических вершин, тем свободнее они себя чувствуют, поднимая «женские» вопросы: увеличение количества женщин на ответственных постах облегчает артикуляцию женских ценностей, стимулирует открытое обсуждение важных с точки зрения женщин тем. В связи с этим возрастает уважение к женским проблемам, они регулярней обсуждаются и по ним чаще принимаются законы.

Опираясь на опыт североευропейских и скандинавских стран, можно утверждать, что женское представительство начинает оказывать влияние, когда оно достигает, по крайней мере, 15%. И, наоборот, присутствие лишь отдельных женщин на ответственных и важных должностях в преимущественно мужских по составу конгрессах, парламентах или городских советах (т. е. только «символическое представительство») обычно слабо отражается на политических приоритетах и не гарантирует, что политические перемены произойдут. Как отмечает американская исследовательница Джилл Быстыденски, «при таких условиях женщины добиваются общественных постов либо потому, что они действуют как мужчины-политики (примером может служить Маргарет Тэтчер — *прим. авт.*), либо они находят мало поддержки среди своих коллег — мужчин, если они стараются выразить взгляды, отражающие женские интересы».²⁰

В то же время наряду с достижением теорий представительства, современная феминистская политическая теория фиксирует и некоторые проблематизации. Так, с одной стороны, формулировка повестки лоббирования женских интересов не может обойтись без обращения к политикам идентичности и общему «женскому интересу», в то же время, с другой стороны, женщины сегодня, как уже было сказано, обнаруживают не только общность жизненного опыта, но и его несхожесть у представительниц разных социальных, религиозных и этнических, возрастных групп, и как следствие — различные политические приоритеты

²⁰ Jill Bystydzienski ed., *Women Transforming Politics: Worldwide Strategies for Empowerment* (Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1992), p. 15.

и «женские интересы» на политической сцене. Таким образом, возрастание числа женщин в «публичном офисе» само по себе может не быть достаточным. Поэтому ставя вопрос об особенностях роли женщин в современной культуре, феминистские исследователи пытаются соотнести специфический женский жизненный опыт с политической теорией.

4) *Концепция интеграции.* Для анализа взаимоотношений женщин с миром политики американскими феминистскими авторами в 1970-е годы были предложены две взаимно противостоящие друг другу концепции — «концепция интеграции» и «концепция маргинальности». Вирджиния Сапиро в своей книге *Политическая интеграция женщин* (1984) напоминает, что интеграция женщин в политическую жизнь складывается из двух элементов — из роли, которую сами женщины играют в мире политики, а также ответной роли, которую политика играет в их судьбах. Пока правительства вовлечены в регулирование рождаемости, сексуальности, разделения труда и собственности в семье, условий, которые создают или разрушают семью, без власти в политическом мире женщины не смогут на деле обладать полной мерой власти в собственной частной жизни. Сапиро пишет, что «если бы миры феминности и политики были интегрированы, не было бы ничего особенного в участии женщин в политике или в политическом вовлечении в то, что сейчас приобрело ярлык «женские вопросы».²¹ Действительно, что являлось бы «женским вопросом», если бы частный мир семьи и общественный мир политики существовали бы нераздельно друг с другом или если бы мужчины и женщины разделили бы в равной степени семейные и общественные заботы. *Концепция интеграции* предлагает важнейший оправдывающий аргумент для участия женщин в политике, но *маргинальность* положения женщин в обществе препятствует их вхождению в политику в широких пределах. В настоящее время женщины обладают политическими правами, но все еще не состоялось их интегрирование в мир политики: оно начинается с равнопредставленного положения внутри политических структур. Традиционно жен-

²¹ Virginia Sapiro, *The Political Integration of Women* (Urbana, etc.: University of Illinois Press, 1984), p. 7.

щин убеждали, что их участие в политике в лучшем случае ограничивается голосованием на выборах: не случайно первой американской женской политической организацией после предоставления женщинам избирательных прав стала «Лига женщин-избирательниц США». Допускалось, правда, что женщины могут играть некоторую роль в гражданских делах, но лишь в пределах, затрагивающих дом и семейную жизнь. Их право работать ограничивалось должностями, ориентированными на обслуживание. С другой стороны, женщины, пытавшиеся преодолеть предписанные им роли, часто приобретали маргинальный статус. Он неминуемо развивался из конфликта, который возникал, если женщина выходила за рамки своей традиционной роли и стремилась занять определенное положение в общественной сфере. В этом случае в противоречие вступали ролевые требования, предъявляемые к обеим группам: женщинам (как «слабому» или «второму» полу) и политикам (как профессионалам, с которыми прежде всего ассоциируются мужчины, и чьи половые характеристики нивелированы). Женщине как политику требовалось отказаться от некоторых норм традиционной женской роли. В то же время мужская по своему составу политическая группа зачастую не принимала ее полностью и стремилась поставить в подчиненное положение. Конфликтующие требования различных ролевых групп приводили к тому, что женщина-политик не идентифицировалась полностью ни с одной из возможных ролей. Одним из следствий этого был отказ от политической карьеры. В конце 1990-х годов исключение составляли скандинавские и североευропейские страны Швеция, Норвегия, Финляндия, Дания, Нидерланды, которые являлись самыми феминизированными с точки зрения присутствия женщин в национальных правительствах и парламентах, и где, по существу, состоялась их интеграция в политический мир. Так, доля женщин-министров в 1997 году в Швеции составляла 38%,- в Финляндии — 36%, в Дании и Норвегии — по 29% .²² Благодаря различным типам квот, использовавшимся политическими партиями, в 1999 году в среднем по Скандинавии доля женщин среди парламентариев составляла 38,9%,²³ а улучшение поло-

²² *Progress of Nations, 1997* (Geneva: Inter-Parliamentary Union, 1997).

²³ *Women in National Parliaments. Situation as of 5 December 1999* (Geneva: Inter-Parliamentary Union, 1999).

жения женщин за последние 30 лет было настолько существенным, что изменилось в целом лицо политики. По отношению к этим странам можно говорить о становлении общества с благоприятными для женщин условиями жизни.

5) *Концепция маргинальности.* Виола Клейн, выдвинувшая *концепцию маргинальности*, определяет ее как состояние человека, одновременно живущего в «двух разных мирах», «двух культурных системах», одна из которых в соответствии с преобладающими стандартами рассматривается как «высшая по отношению к другой».²⁴ В этом смысле и женщин-политиков также оценивают по двум шкалам, исходя из их одновременного соответствия двум стандартам — феминности и политики, причем последний является высшим по отношению к первому и для соответствия ему требуется исключить черты феминности. Таким образом, женщины, пытаясь соответствовать обоим стандартам одновременно, выполняют двойную работу, и в результате так мало женщин достигает политических высот, и хотя они постепенно прокладывают дорогу к руководящим областям, их количество в высших эшелонах власти по-прежнему очень невелико. В частности, женщины составили к 2000 году в среднем только 12,8% от состава национальных парламентов почти всех демократических государств;²⁵ в целом они занимают только 7% министерских должностей, ведя в основном социальную сферу, включая образование, здоровье, семью; общая доля женщин-министров, которые занимаются социальными вопросами, составляет в мире в среднем 14%, в то время как на политических министерских должностях женщин — 3%, и экономических — 4%.²⁶ Легко перечислить всех женщин, которые в разное время были избраны президентами или стали главами правительств на протяжении 20 века. Они весьма слабо представлены в руководстве политических партий, которые остаются корпоративными мужскими клубами, куда женщины допускаются преимущественно для обеспечения вспомогательных ролей. Напри-

²⁴ Viola Klein, *The Feminist Character: A History of Ideology* (Urbana: University of Illinois Press, 1972), p. 171.

²⁵ *Women in National Parliaments. Situation as of 5 December 1999* (Geneva: Inter-Parliamentary Union, 1999).

²⁶ *Progress of Nations, 1997* (Geneva: Inter-Parliamentary Union, 1997).

мер, они рассматриваются в качестве необходимых помощников в период избирательных кампаний для организации поддержки мужчин-кандидатов: «Лига женщин-избирательниц США» и «Национальная федерация республиканских женщин в США» являются моделями таких групп поддержки для мужчин на выборах, аналогичную роль играют женщины, заседающие в селекционных комитетах Консервативной партии в Великобритании. Сферы политической деятельности, которые доверяются женщинам, в обществе оцениваются как второстепенные, предполагается, что женщина и в политике будет воспроизводить традиционно женскую роль — социальной защиты. Вопросы семьи, материнства и детства являются основными предметами политической деятельности женщин, таким образом, гендерное «предназначение» воспроизводится и на политическом уровне. В широком смысле *маргинальность* стала рассматриваться феминистской теорией в качестве контекста существования, в котором находятся не только женщины, но и вообще все те, кто страдает от несправедливости, неравенства и эксплуатации. Целые группы населения, независимо от их численности, оказываются невидимыми из-за отсутствия возможности транслировать свою точку зрения, а в политическом смысле находятся в положении ущемленного меньшинства. Люди оказываются в состоянии маргиналов не только из-за общественного неравенства и несправедливого распределения материальных ресурсов, но также из-за самой организации структуры познания, в которой взгляды одной группы людей репрезентируются в качестве объективных, в качестве «правды».²⁷ В данном контексте носителями «истины» предстают мужчины, к взглядам которых должны адаптировать свое поведение женщины.

6. Политические требования феминизма

Тем не менее, к 1990-м годам в мире в целом стало расти понимание необходимости переоценки системы ценностей и перенесения запросов прежде «неинтересных» для общества

²⁷ Sandra L. Kirbi and Kate McKenna, *Experience. Research. Social Change. Methods from the Margins* (Toronto: Garamond Press, 1989), p. 33.

групп (женщин, инвалидов, детей, пожилых людей, инфицированных вирусом иммунодефицита) в центральное русло общественной политики. Простые подсчеты показывают, что «нормальные» группы составляют незначительное меньшинство в обществе, а группы со специальными нуждами абсолютно доминируют, и на протяжении жизни каждый человек — и мужчина, и женщина — оказывается членом одной из таких групп. Поэтому стал актуальным пересмотр политики в отношении широкого комплекса проблем, которые традиционно характеризовались в качестве женских и раньше относились к разряду вторичных. Политическая же активизация «пассивных» и «незаметных» прежде групп, в том числе женщин, поставила вопросы об их реальном влиянии на процессы принятия решений.

Политические требования, определяемые в качестве феминистских, направлены на коррекцию неравенства и асимметрий в традиционных гендерных ролях. *Первыми*, внесенными в политическую повестку и получившими универсальное признание, были право голоса, равенство в образовании и трудовых отношениях в части оплаты, статуса и возможностей. Одним из важных направлений усилий демократического и феминистского движения стало введение, расширение, а в дальнейшем — сохранение политики *позитивной дискриминации* в пользу женщин. Ее предложила использовать Конвенция ООН 1979 года «О ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин». Позитивная дискриминация в контексте участия в политике, часто подвергающаяся критике за создание благоприятных условий и продвижение женщин, не является уникальным явлением, характерным только для 1970-1990-х годов. На самом деле такая дискриминация, но в пользу мужчин, была неотъемлемой чертой политической жизни со времени образования государства, тогда как женщины сначала вообще были лишены избирательных прав, а когда их получили, не имели доступа к властным позициям. В США, где женское движение было наиболее мощным и развивалось параллельно с движением за гражданские права темнокожего населения страны, в 1960-е годы был введен в оборот термин *аффирмативные действия*, который стал означать практику или принцип, в соответствии с которым предпочтение при приеме на работу или учебу отдается представителям групп, которые раньше дискриминировались по причине пола, расы и т. д., и стал реализовываться посредством комплек-

са специальных программ по расширению возможностей для них в получении образования, при трудоустройстве, в политике, бизнесе и других социальных сферах.

Вторая группа политических феминистских требований

— отпуска по уходу за ребенком, детские ясли, пособия на детей

— традиционно рассматривается в качестве относящейся исключительно к женщинам, хотя эффект их продвижения непосредственным образом затрагивает и мужчин. Более того, требование предоставления отпуска по уходу за ребенком перестало рассматриваться в качестве исключительно женского, особенно в свете увеличения числа стран распространившего действие закона о родительском отпуске на мужчин.

Третий блок охватывает репродуктивные права (аборт, контрацепция, консультирование по вопросам планирования семьи) и имеет отношение к биологическим функциям женщин и мужчин. Дискуссия по поводу этой темы приобрела экзистенциальный характер, столкнув между собой клерикалов и антиклерикалов; две стороны дебатов о праве на аборт определяют себя как «*pro-life*» (за жизнь) и «*pro-choice*» (за выбор). К 1990-м годам проблема аборта, который стал легальным в абсолютном большинстве стран, в частности, в американском обществе, уже более не рассматривалась в качестве чисто женского требования: она превратилась в глубокий моральный конфликт, разделивший сообщество, по поводу которого можно было проиграть или выиграть выборы. Кроме того, к 1990-м годам насилие в семье, проблемы на рабочем месте, связанные с сексуальными домогательствами, сталкеризм также стали частью политической повестки: феминисты и их сторонники обращали внимание общества на размах насилия в семьях, которое являлось закрытой темой в течение десятилетий. Тогда же в политическую повестку были выдвинуты проблемы личной репродуктивной свободы и свободы в выборе сексуальной ориентации, которые стали рассматриваться в качестве политической позиции, а борьба за свободный выбор и за права сексуальных меньшинств стала важным направлением политической активности.

7. Расширение исследовательской базы в 1990-е годы

К 1990-м годам проблемы «женщина и политика», «политическое участие женщин» приобрели статусный характер: количество и разнообразие научных работ значительно превзошло вышедшие в предыдущие два десятилетия. Статьи по проблеме «женщина и политика» в 1980-1990-е годы стали регулярно публиковаться в ведущих американских и европейских политологических научных журналах, таких как *American Journal of Political Science*, *American Politics Quarterly*, *American Political Science Review*, *Journal of Politics*, *Political Research Quarterly*, *Western Political Quarterly*. В то время в период между 1980-1990 годами такие американские и европейские феминистские журналы (за исключением специализированного *Women and Politics*), как *The Journal of Gender Studies*, *Women's Studies International Forum*, *Feminist Review*, *Gender and Society*, *Feminist Studies*, опубликовали совсем немного статей, касающихся проблем участия женщин в политической жизни, что объясняется недоверчивым отношением феминистской политической теории к формальным политическим структурам и партиям и обратным стремлением расширить понимание «политического», распространить его на сферу частной жизни, на область сексуальности, выработать новый феминистский дискурс и создать своеобразную женскую субкультуру на основе пересмотра триады *body—power—pleasure*.²⁸

Помимо решения теоретических вопросов, феминистская политология проделала большую работу по исследованию практических форм политического участия женщин — от зарождения самого женского движения, представительства женщин в национальных и местных законодательных и исполнительных органах, политических движениях и партиях, их руководящих органах и до влияния женщин и их организаций на результаты политики. В поле зрения авторов — специфика вклада женщин-лидеров в общественную политику и степень его отличия от мужского; различия в значимых для женщин проблемах, ко-

²⁸ Англ.: тело—власть—удовольствие/желание.

торые выдвигают политики-женщины и их коллеги мужчины; насколько решение специфически женских проблем улучшает социальную ситуацию в обществе в целом; используют ли женщины власть иначе, чем мужчины; отличаются ли стили лидерства женщин и мужчин; имеются ли условия и какие, при которых гендерные различия в лидерстве усиливаются и влияют на общественную политику, и наоборот, возможные различия стираются.

На протяжении 1970-1990-х годов объектом повышенного исследовательского интереса являлась проблема недостаточного представительства женщин в руководящих структурах, особенно в законодательных избираемых органах. Хотя научная литература предлагает самые разнообразные объяснения этому, политологи регулярно указывают на селекционный процесс как на ключевой фактор, играющий роль «голкипера» и лимитирующий доступ женщин в ряды политической элиты: прямая и скрытая дискриминация является его составной частью. Отсутствие свидетельств, что кандидат-женщина теряет голоса мужчин, не обязательно остановит селекционные комитеты от следования ошибочной осторожности. Они склоняются к выбору «безопасного» кандидата, который будет как можно ближе к существующему образцу члена парламента, какой только возможно найти. *«Кандидат будет белым, средних лет, мужчиной»*.²⁹ Одновременно во внушительном блоке американской литературы, посвященной широкой проблеме «Женщина в сфере формальной политики» работы группируются в несколько отчетливых тем: пол как политическая переменная; женщины как кандидаты в законодательные федеральные и местные органы власти, качества и достоинства женщин-кандидатов; влияние женщин, занимающих ответственные посты, на общественную политику; гендерные различия при голосовании и в политических предпочтениях. Большинство работ, посвященных политическому участию женщин, продолжали фокусироваться на электоральных политиках, формальных правительственных структурах и институтах. Неэлекторальные и неправительственные формы политического участия, такие как активизм общественных орга-

²⁹ Vernon Bogdanor, *What is Proportional Representation? A Guide to the Issues* (Oxford: Oxford University Press, 1984), p. 113.

низаций (*grassroots activism*), получили значительно меньше внимания: такой тип активности не подпадает под традиционную концепцию политического участия и рассматривается как менее значимый. Редко также исследовались соотношение неэлекторальных и электоральных форм политической активности, взаимоотношения между участницами общественных движений (*аутсайдерами*) и женщинами, занимающими формальные посты внутри властных институций (*инсайдерами*).

Ко многим теоретическим вопросам, поставленным еще в 1980-е годы и остающимся по-прежнему актуальными и в конце 1990-х годов, добавилось множество новых — в частности, феминистские исследования в области политических наук стали вести научный поиск на базе кросснационального анализа, качественных социологических методов и сопоставительных методик. Можно утверждать, что для феминистских исследователей в конечном счете не имеет значения, является ли женское политическое участие электоральным или неэлекторальным, происходит внутри или вне формальных правительственных институтов, поскольку наиболее актуальным для них остается расширение традиционных концепций политического, а также расширительное толкование определения политики, за которым стоит призыв активней включать в ее анализ корневой активизм женского движения и женских общественных организаций.

2. Политическая теория феминизма: современные дебаты

„Я не знаю, кто впервые ввел в употребление понятие «естественный». Знаю только, что оно существует очень давно — столько же, пожалуй, времени, сколько и сама философия. И еще я знаю, что сейчас нужна величайшая не только возможность, но и способность дерзания, чтоб освободиться от власти этого слова. Попробуйте отказаться от него, что останется тогда от философии?

*Лев Шестов*¹

Вопрос о том, насколько верна та или иная точка зрения, насколько она последовательна или интересна, гораздо менее содержателен по сравнению с вопросом о том, почему именно мы оказались на той или иной позиции, почему именно ее мы отстаиваем, что она дает нам и от чего она нас защищает...

*Джудит Батлер*²

1. Пол и политика: постановка проблемы

Политические теории, несмотря на кажущееся разнообразие предлагаемых ими решений, в сущности, довольно схожи в

¹ Шестов Л. Власть ключей // Сочинения в 2-х тт. Т. 1. Москва: Наука, 1993. С. 295.

² J. Butler, «For a careful reading», *Feminist contentions. A philosophical exchange: Seyla Benhabib, Judith Butler, Drucilla Cornell, Nancy Fraser* (New York: Routledge, 1995), p. 127.

тематике своих вопросов. Вопросов, строго говоря, три; упрощая, их можно сформулировать так: Какова *природа* политической власти? Кто является *носителем* этой власти? И в чем состоит *цель* власти? Или, в иной транскрипции: 1) Каким образом складывается *поле* политической деятельности, т. е., что лежит в основе классификации социальных явлений/институтов на политические и неполитические? 2) Как происходит формирование *субъекта* политической деятельности, т. е., какова динамика отношений между институтами/аппаратами власти и конкретными личностями? И, в конце концов, 3) как определяется социально-историческое *содержание* политической деятельности, т. е., как из общего социо-культурного контекста происходит вычленение политически значимых «точек приложения» власти? С теми или иными модификациями эти вопросы определяют сущность дискуссий о природе политического по меньшей мере на протяжении последних двух тысяч лет. Аристотель в своей *Политике*, например, писал:

... всякое государство представляет собой своего рода общение, всякое же общение организуется ради какого-либо блага..., причем больше других и к высшему из всех благ стремится то общение, которое является наиболее важным из всех и обнимает собой все остальные общения. Это общение и называется государством или общением политическим.³

Подобная дискурсивная трактовка государственности/государства, т. е. стремление обнаружить закономерности институциональной политической практики исходя из закономерностей коммуникационного обмена, безусловно, сближает Аристотеля с крупнейшими теоретиками современности — Мишелем Фуко, Юргеном Хабермасом, Жаком Деррида и др. Вместе с тем, дискурсивное производство государства в *Политике* не лишено и определенной, весьма показательной, специфики. *Общение* в данном случае носит гомосоциальную природу, являясь исключительно общением «государственных мужей». Сам Аристотель объяснял это так: «... слова поэта [Софокла — С.У.] о женщине: "Убором женщине молчание служит" — в одинаковой степени

ДОЛЖНЫ БЫТЬ ПРИЛОЖИМЫ КО ВСЕМ ЖЕНЩИНАМ ВООБЩЕ, НО К МУЖ-

³ Аристотель. Политика. Афинская полития. М.: Мысль, 1997. С. 35.

чинам они уже не подходят».⁴ Таким образом, формирование диалогического (политического) пространства происходит посредством *исключения*. «Общение ради высшего блага» понимается/реализуется как *система отношений* между теми, кто говорит и теми, кто слушает: гомосоциальный логоцентризм «государственных мужей» становится очевидным лишь на фоне эстетизированного молчания женщин.

Понятно, что Аристотель в данном случае служит лишь своего рода метафорой, позволяющей обозначить молчаливое присутствие проблематики пола в философии политики в целом.⁵ Аналогичные пассажи можно обнаружить без труда во многих классических текстах по истории и теории политической мысли. Собственно, на подобное вскрытие патриархальных умолчаний и была направлена интеллектуальная деятельность феминистского движения второй волны 1960-1970-х годов.⁶

⁴ Там же. С. 56.

⁵ Разумеется, обвинять Аристотеля в монополизации политического общения по половому признаку было бы натяжкой - наряду с женщинами на молчание были, например, обречены и рабы, что, в принципе, лишь подчеркивает сходство местоположения эстетизированного женского молчания и опредмеченного молчания рабов в иерархии политических дискурсов о *высшем* благе.

⁶ В качестве классических примеров такого рода анализа см.: E. Kennedy, S. Mendus, eds., *Women in Western political philosophy* (Brighton: Wheatsheaf books, 1987); L. Nicholson, ed., *The second wave: a reader in feminist theory* (New York: Routledge, 1997). Понятно, что принадлежность ко «второму» призыву - явление далеко не хронологическое. Многие представители этого направления продолжают активно работать и сегодня - см., например: K. Bartlett, R. Kennedy, eds., *Feminist legal theory: readings in law and gender* (Oxford: Westview Press, 1991); N. Hirschman, C. Di Stefano, eds., *Revisioning the Political: Feminist reconstructions of traditional concepts in Western political theory* (Oxford: Westview Press, 1996); M. Shanley, C. Pateman, eds., *Feminist interpretations and political theory* (University Park: The Pennsylvania State University Press, 1991); M. Shanley, U. Narayan, eds., *Reconstructing political theory: feminist perspectives* (University Park: The Pennsylvania State University Press, 1997). Аналогичное движение навстречу феминистской тематике примерно с середины 1980-х стали проявлять и сами обществоведческие дисциплины. В качестве типичных примеров такого подхода см. соответствующие обзорные статьи о социологии, политологии и юриспруденции (J. Chafetz, «Feminist theory and sociology: underutilized contribution to mainstream theory», *Annual Review of Sociology*, 1998, 23; J. Lovenduski, «Gendering research in political science», *Annual Review of Political Science*, 1998, 1; C. Seron, «Law and inequality: race, gender... and, of course, class», *Annual Review of Sociology*, 1996, 22.

Вскрытие патриархальных умолчаний, важное само по себе, оказалось, однако, не способным противопоставить многовековой традиции политической теории сколько-нибудь существенную альтернативу. Ликвидация четко выраженных форм классовой и колониальной эксплуатации, в свою очередь, лишь обострили деление политического сообщества по половому признаку. Первоначальной реакцией на это со стороны ряда феминисток стало стремление адаптировать к изменившейся повестке дня хорошо известные теоретические схемы классовой борьбы: «пол», в итоге, стал классовым/классификационным признаком, «половые отношения» заменили отношения производственные, а исторически специфические формы деторождения и семьи стали восприниматься как «способ производства». Закономерным в этой парадигме стал вопрос: «Кто обладает правом собственности на женщину как основное средство производства?» Катерин МакКиннон (Мичиганский университет, Анн-Арбор), известная своими работами о сексуальных домогательствах и законодательстве о распространении порнографии, в начале 1980-х в статье «Феминизм, марксизм, метод и государство: теоретическая повестка дня», например, писала:

Сексуальность является для феминизма тем же, чем труд для марксизма — т. е. социально обусловленной и вместе с тем обуславливающей, всеобщей и вместе с тем исторически специфической формой деятельности, объединяющей и тело, и разум. Организованная экспроприация сексуальности одной группы в интересах другой группы является определяющим для секса, женщины, точно так же, как организованная экспроприация труда одной группы на благо других является основополагающим при определении рабочего класса. Гетеросексуальность есть структура этой экспроприации, пол и семья — формы ее проявления, половые роли — обобщенные характеристики социального индивидуума, воспроизводство — ее последствия, а контроль — ее основная задача.⁷

⁷ C.A. MacKinnon, «Feminism, Marxism, Method, and the State: An Agenda for Theory», *Signs*, 1982, 7 (3), p. 516; Продолжение статьи см.: C.A. MacKinnon, ♦ Feminism, Marxism, Method, and the State: Toward Feminist Jurisprudence», in S. Harding, ed., *Feminism and methodology...*; подробнее о взглядах МакКиннон см.: C.A. MacKinnon, *Feminism unmodified: discourses on life and law* (Cambridge: Harvard University press, 1987).

Историческая и политическая логика данного классового подхода к сексуальности очевидна: организованное насилие одной группы можно преодолеть лишь посредством организованного сопротивления другой. Сложность в другом. Насколько правомерно, спрашивали критики МакКиннон, считать место той или иной группы в процессе воспроизводства (семьи) необходимым и/ли достаточным условием для определения *коллективной идентичности* этой социальной группы — женщин? Являются ли «производственные отношения», базирующиеся на сексуальности, базовыми для определения *коллективного сознания* «угнетенного класса»? И не будет ли более целесообразно говорить о *несводимости* факторов, влияющих на формы социальной идентичности и способы их проявления (таких, например, как социальная память и т. п.), исключительно к проблематике способа производства и воспроизводства семьи? Более того, если тезис о *социальной* природе сексуальности воспринимать всерьез — т. е. видеть в сексуальности исторически специфическое, изменяемое во времени явление — то насколько правомерно говорить о стабильности ее классообразующей функции и, соответственно, о стабильности форм ее идеологического/символического отражения?⁸ Говоря иначе, попытке воспринимать сексуальность как следствие сложившейся (патриархальной) политической *структуры производства* была противопоставлена попытка анализировать сексуальность как эффект *восприятия и самовосприятия*, т. е. как способность осознавать и артикулировать в доступных политических терминах половую идентичность («мужчина»/«женщина») и связанные с ней социальные, политические, экономические, культурные и т. п. векторы поведения. Именно о такого рода попытках, обычно увязываемых с «третьей волной» феминизма последних двадцати лет, и пойдет речь в дальнейшем. Опираясь на тексты таких известных американских философов как Джудит Батлер (Калифорнийский университет в Беркли), Шейла Бен-хабиб (Гарвардский университет) и Нэнси Фрейджер (Новая школа социальных исследований, Нью-Йорк), я попытаюсь проследить как именно «пол» и «сексуальность» оказались в центре политической теории феминизма третьей волны.

⁸ См., например: S. Benhabib, D. Cornell, eds., «Beyond the politics of gender. Introduction», *Feminism as Critique: Essays on the politics of gender in late-capitalist society* (Oxford: Polity Press, 1987), pp. 1-16.

Выбор этих трех феминистских политических философов обусловлен рядом причин. Прежде всего, каждая из них представляет определенное направление политической мысли — как в рамках феминизма, так и в рамках общетеоретической дискуссии о проблемах политической теории в целом. Так, например, теоретические установки Нэнси Фрейджер во многом определяются ее стремлением совместить две линии анализа: *социально-критическую* направленность Франкфуртской школы (с ее акцентом на политической гегемонии и иерархии) и дискурсивный анализ власти, предложенный Мишелем Фуко. В свою очередь, философия Джудит Батлер тесно связана с *постструктуралистской* ветвью дискурсивного анализа, с типичным для нее стремлением видеть в любой гносеологической, политической, социальной, половой и т. д. структуре лишь *аналитические* конструкции, облегчающие локализацию того или иного явления, но не исчерпывающие ни значение этого явления, ни его возможные конфигурации. Наконец, работы Шейлы Бенхабиб представляют собой продолжение *классической* традиции в философии политики — с ее повышенным вниманием к вопросу об эмпирических и эпистемологических основах философских обобщений и тех моральных суждениях, которые явно и/или скрыто проявляются в процессе формулирования всеобщих категорий и принципов на основе частного/частичного опыта. Принципиальные различия в понимании сущности политической теории и роли феминистской критики господствующих теоретических установок, которые демонстрируют в своих работах Батлер, Бенхабиб и Фрейджер, отразились в их активной публичной полемике. Не будет преувеличением сказать, что именно дискуссии между этими тремя философами в значительной степени и определяют тенденции развития феминистской политической теории в США в последние 10-15 лет.⁹

Примером такой публичной дискуссии может служить сборник статей этих авторов, вышедший в свет в 1995 г. (Nancy Fraser, *Feminist contentions. A philosophical exchange*: Seyla Benhabib, Judith Butler, Drucilla Cornell (New York: Routledge, 1995).

2. Капилляры власти: методологические предпосылки возникновения современной политической теории феминизма

На первый взгляд, среди философов конца двадцатого века Мишель Фуко является, пожалуй, одним из наиболее естественных сторонников феминизма в целом и многочисленных теоретических и практических движений, строящихся вокруг проблематики сексуальности, сексуального опыта, половой идентичности и т. п. в частности. Привлекательность Фуко объясняется не только тем, что философско-исторические работы последних лет его жизни были прямо посвящены археологии или, вернее, генеалогии сексуальности. В них, в отличие от своих предшественников, поддавшихся искушению либо вывести проблему различия между полами за скобки рационального объяснения (например, при помощи, концепции бессознательного или концепции метафизического), либо заместить проблематику различия между мужским и женским *полом*, допустим, проблематикой различия *моральных* способностей мужчины и женщины,¹⁰ Фуко постарался понять половое различие/различение как институционализированное следствие возможности *дискурсивно* обозначить, картографировать, таксономировать сложившийся режим властных отношений. Именно в связке «власть/знание/сексуальность» и кроется причина популярности Фуко у многочисленных исследователей, пытающихся осознать, как именно историческое многообразие легитимных половых идентичнос-тей и половых практик оказалось сведенным к жесткому противопоставлению нормы и отклонения, с одной стороны, и поче-

¹⁰ См. подробнее: L. Kohlberg, *Essays on Moral Development* (San Francisco: Harper and Row, 1984); L. Kohlberg, D. Candee, «The relationship of moral judgment to moral action», W. Kurtines, J. Gewirtz, *Morality, moral behavior, and moral development* (New York: A Willey-Interscience publication, 1984); Феминистскую критику работ Колберга см.: С. Gilligan. In *a different voice: Psychological theory and women's development* (Cambridge: Harvard University Press, 1982). Часть русского перевода (Гиллиган К. Иным голосом: психологическая теория и развитие женщин. М.: Республика, 1992) доступна по адресу: <http://www.nsu.ru/psych/internet/bits/gilligan.htm>; S. Benhabib, «The generalized and the concrete other: The Kohlberg-Giligan controversy and moral theory», in S. Benhabib, *Situating the self...*

му именно эта жесткая *сексуальная* матрица стала определять *социальное* местоположение человека, с другой.

Несмотря на, казалось бы, естественное партнерство, отношения между наследием Фуко и современной феминистской теорией далеки от идиллических. Торил Мой, профессор сравнительного литературоведения из Дюкского университета, сделавшая немало для популяризации в США идей французского феминизма, например, писала в 1985 году:

...несмотря на свою привлекательность, очевидные параллели между работами Фуко и феминизмом не должны вводить нас в заблуждение. Феминизму не стоит поддаваться на уловки Фуко, потому что... за подчинение его властному дискурсу придется платить ни чем иным, как деполитизацией феминизма. Если мы капитулируем перед анализом Фуко, то мы окажемся в садомазохистской воронке власти и сопротивления, результатом бесконечной и многообразной циркуляции которой является ситуация, в которой тезис об угнетенном положении женщин в условиях патриархата окажется невозможным, не говоря уж о каком бы то ни было развитии теории их освобождения.¹¹

Прежде чем перейти непосредственно к анализу трансформаций теории власти Фуко в работах феминистских политических теоретиков и представить современные феминистские концепции власти и политического, необходимо дать схематичный обзор основных положений теории власти Мишеля Фуко, послужившей методологической основой для возникновения современной феминистской политической теории.¹²

¹ Т. Moi, «Power, sex and subjectivity: feminist reflections on Foucault», *Paragraph*, 1985, 5. С. 5.

¹² Подробный анализ работ самого Фуко в рамки данной статьи не входит. Хороший обзор его интеллектуальной биографии можно найти в двух - на сегодняшний день, возможно, лучших - исследованиях: D. Macey, *The lives of Michel Foucault: a biography* (New York: Pantheon Books, 1993); J. Miller, *The passion of Michel Foucault* (New York: Simon & Schuster, 1993). Феминистскую критику Фуко см.: I. Diamond, L. Quinby, eds., *Feminism and Foucault: Reflections on Resistance* (Boston: Northeastern University, 1988); S. Heckman, *Feminist interpretations of Michel Foucault* (University Park: The Pennsylvania State University, 1996); C. Ramazanoglu, *Up against Foucault: Explorations of some tensions between Foucault and feminism* (New York: Routledge, 1993); J. Sawicki, *Disciplining Foucault: Feminism, power and the body* (New York: Routledge, 1991).

Как известно, в целом ряде своих работ Фуко, следуя Ницше, предложил *генеалогический* анализ власти, значительно отличающийся от традиционного *институционального* подхода. В основе генеалогического подхода к власти лежит попытка проанализировать — с точки зрения настоящего — процесс «обратной эволюции» ее институтов, механизмов действия и способов распространения. Вектор анализа, таким образом, направлен «вглубь», а не «из глубины» истории, и — в отличие от традиционного историзма — в центре внимания находится вовсе не структурный переход от «простого к сложному» — т. е. процесс возникновения и стадийного развития явления или дискурса (т. е. «*биография*»). Скорее, анализ сфокусирован на особенностях перехода «от одного сложного к другому сложному» — то есть на тех связях между разрозненными историческими событиями, явлениями, лицами, суммарное сочетание которых (т. е. «*генеалогия*») и дали жизнь сегодняшней конфигурации власти. Иными словами, в отличие от *жизне-описания*, с характерной для него стабильностью позиции *автора* описания, генеалогия фиксирует не логику становления конкретного «автора» или «авторского события», и даже не степень влияния «предшественников» на судьбу «события», а структурную *причастность*, принадлежность этих «предшественников» к общей «родовой» линии, включающей в том числе и ее «тупиковые» ветви, и «неудавшиеся браки», и «внебрачных детей», и «союзы по расчету». Перспектива носит обратный характер — «сегодня» воспринимается не как логическое продолжение «прошлого», но как точка отсчета, благодаря которой хаотичная картина этого «прошлого» может быть восстановлена. В итоге, и современное состояние власти выступает не как закономерный результат *борьбы за власть*, предопределенный политическими интересами, допустим, элит, партий и масс, а как *наследие* разнообразной, как правило, непоследовательной, прерывающейся и вновь возобновляющейся *борьбы за легитимацию* — «чистоту генеалогического древа» — того или иного режима. Тот факт, что этот легитимирующий «поиск предков», это восстановление родословной режима неизбежно носит дискурсивный характер и связано со стремлением установить/дезаурировать господство того или иного «режима *истины*», позволяющего воспринимать, например, концепцию прав человека или идею классовой борьбы как закономерные, позволили Фуко сделать естественный вывод о

взаимосвязи власти и ее дискурсивного продукта — знания. Генеалогия власти, в итоге, стала генеалогией дискурсов, легитимизирующих власть.

Подобное (дискурсивное) восприятие власти позволило Фуко уйти от традиционного анализа таких естественных *представителей* власти, как «суверены», «партии», «классы» и т. п., и заявить о том, что власть не может принадлежать ни отдельным лицам, ни отдельным институтам. Власть имеет диалогическую природу (господство/подчинение) и проявляет себя как эффект исторически сложившихся культурных практик, чья конфигурация целиком зависит от случайного совпадения людей, событий, процессов, языковых традиций. Власть, иными словами, носит распыленный, «капиллярный» в терминологии Фуко, характер и реализуется на уровне «*микро-практик*» повседневной жизни, с постоянно меняющимися конфигурациями отношений господства и подчинения. Именно через институционализацию той или иной «политики дискурсивного режима»¹³ и происходит институционализация этой капиллярной власти. Именно посредством формирования и распространения базовых дискурсов об *истине, знании и вере* и происходит медленная, но верная инфильтрация власти на уровень микро-практик тела и языка. Именно сочетание всевозможных «объектов, критериев, практик, процедур, институтов, аппаратов и операций»,¹⁴ нацеленных на производство истины, знания и веры, и получило у Фуко определение «режима власти/знания», т. е. такого режима производства знания по ограниченному кругу вопросов, при котором сама ограниченность не только не вызывает сомнений, но и воспринимается как данность, как *нормальное* положение вещей. Или, в формулировке Фуко — вещей и слов.

Логическим результатом данного режима власти/знания стала концепция и феномен «Человека», вокруг которых в конце восемнадцатого — начале девятнадцатого века возникла дисциплинарная сеть так называемых гуманитарных наук. Посредством классификации физических и интеллектуальных норм и

¹³ M. Foucault, «Truth and power», in Gordon et al., eds., *Power/Knowledge: Selected interviews and other writings, 1971-1977* (New York: Pantheon, 1980), p. 118.

¹⁴ N. Fraser, *Unruly practices: power, discourse, and gender in contemporary social theory* (Minneapolis: University of Minnesota Press, 1989), p. 20.

отклонений, «гуманитарные» науки сформировали не только разветвленную систему знаний («дисциплин»), но и систему дисциплинарных механизмов, нацеленных, в отличие от предыдущих эпох, не столько на борьбу с поступками, сколько на коррекцию их — поступков — административно-управленческого аппарата, т. е. «человеческой души».¹⁵ Конкретное телесное поведение стало восприниматься как симптом чего-то большего, как проявление той или иной скрытой тенденции, подлинное значение которой предстояло прояснить все увеличивающейся армии технологов «био-власти» — педагогов, врачей, статистиков, социальных работников а чуть позже психологов/психоаналитиков, судебно-медицинских экспертов и т. п. В условиях Нового времени «грешники» ускоренно трансформировались в «извращенцев», а «злоумышленники» — в «дегенератов», «дебилов» и «криминальных типов». «Несоблюдение» господствующих норм, таким образом стало восприниматься не как ситуационно обусловленный — «бес попутал» — поступок, а как проявление генетической и/или социальной неполноценности и недоразвитости. Система оценки превратилась в систему ценностей, а система категорий — в социальную систему.

Если бы Фуко остановился лишь на описании дискурсивных механизмов/институтов режима власти/знания, его теория вряд ли получила бы широкое распространение. Внимание, однако, привлек его тезис о том, что ограничивающие возможности власти вовсе, так сказать, не безграничны. Что, вдалбливая — в прямом и переносном смысле — в головы своих поднадзорных подопечных категории восприятия и воспроизводства сложившейся конфигурации власти, представители дисциплинарных институтов тем самым открывали им путь к постижению принципов функционирования этой власти. И, соответственно, к ее использованию, в том числе и для изменения «предписанной» им категории и перечня связанных с ней практик. Говоря иначе, для *изменения* границы на карте необходимо иметь карту, и «усвоенные» социальные категории в данном случае предоставляли необходимый пропуск — «от имени... и по поручению...» — в это *карто-графическое* пространство, в котором, в конечном итоге, контуры «материков» определяются именно конфигурацией «окраин».

¹⁵ Ibid., p. 44.

3. Кому на благо? Концепция политики и политического в феминистской теории «признания» Нэнси Фрейжер

С чем связаны эпистемологические и политические страхи феминистской политической теории в отношении наследия Фуко? Как можно понять и объяснить противоречивые взаимоотношения между его политической теорией и политической практикой движений, строящихся по принципу половой идентичности?

Для ответа на эти вопросы рассмотрим в первую очередь критику работ Фуко с позиций нормативности, предпринятую в 1980-х-1990-х годах феминистским политическим теоретиком Нэнси Фрейжер, которая в свою очередь позволит понять основные моменты несовпадения между «нормативно-аналитическим» (Фрейжер) и «пост-структуралистским» (Фуко) философским анализом власти.

В начале 1980-х Нэнси Фрейжер опубликовала целый ряд статей, в которых она — одной из первых в США — сделала попытку проанализировать работы Мишеля Фуко, посвященные проблематике власти с точки зрения феминизма и феминистской теории. При этом подход, который выбрала Фрейжер, отличался раздвоенностью, типичной для феминизма этого времени. Как она писала позже, «... я старалась одновременно держать в поле зрения несовпадающие точки зрения теоретика и политического активиста...».¹⁶ Подобный «бифокальный» подход закономерно сказался и на характере вопросов, которые Фрейжер адресовала (тогда еще живому) Фуко:

...сконцентрировав свое внимание на Фуко, я, тем не менее, оставалась в недоумении по поводу его собственной позиции. «В чем основа его интереса к этой тематике? — не переставала спрашивать активистка во мне. — К чему сводится его практическое намерение, в чем заключается его политическая приверженность?» С одной стороны, его анализ «капиллярного» характера современной власти, судя по всему, умножал возможности политической борь-

¹⁶ Ibid., p. 3.

бы и способствовал развитию новых социальных движений, теоретически поддерживая критику экономизма, предпринятую «новыми левыми», и значительно расширяя спектр «политического». С другой стороны, крайне сложным оказалось понять немногословность Фуко в отношении нормативных и программных проблем, его стремление уйти от ответа на вопросы о том, поддаются ли координации все эти многообразные формы борьбы и на какого рода изменения они нацелены...¹⁷

Озадаченность Фрейджер понятна. Если, следуя тому же Аристотелю, целью политического общения является все-таки не только и не столько риторический эффект, а достижение определенных целей и удовлетворение интересов определенных (в идеале — максимально больших) групп, то отсутствие у Фуко какой бы то ни было концепции «блага» — будь то всеобщее или особенное — крайне настораживает. В чем тогда смысл бесконечного и изощренного дискурсивного производства? Кто является его адресатом? Каковы его последствия? По мнению Фрейджер, попытки Фуко воспринимать власть *генеалогически*, сводя ее действие к *микропрактикам и био-политике*, ответа на эти вопросы не дают.

Показательно, что сама *картина* власти, нарисованная Фуко, у Фрейджер, в принципе, разногласий не вызывает. Ее сомнения порождены, так сказать, местом этой «картины» в *галерее* власти. Если тезис о капиллярном характере власти лишает в построениях Фуко какого бы то ни было смысла вопрос о *легитимности* этой власти, то как быть с очевидным властным «малокровием» определенных социальных групп, вызванным неравенством в распределении «капилляров власти»? Если понятия «подчинение» и «господство» носят исключительно тактический характер, меняя свою валентность в зависимости от ситуации, складывающейся на дискурсивном «поле боя», то как в таком случае воспринимать очевидное совпадение конфигурации био-вла-сти с конфигурацией классового господства? И стоит ли тогда классифицировать в качестве «сил господства» таких «агентов капиллярной власти, как ученых-обществоведов, технологов поведения и герменевтиков души»?¹⁸ Более того, если «борьба»,

¹⁷ Ibid., p. 4.

¹⁸ Ibid., p. 28-29.

«господство» и «подчинение» есть всего лишь «пустые» означающие, то почему именно «борьбе» и «сопротивлению» с «господством» отдает Фуко свое предпочтение, а, допустим, *не установлению* господства? Как пишет Фрейжер:

Только лишь при использовании нормативных понятий определенного типа Фуко сможет начать отвечать на поставленные вопросы. Лишь используя нормативные понятия, он может рассказать нам о том, в чем состоят пороки современного режима власти/знания и почему нам следует быть к нему в оппозиции...

Понятно, что не бывает культурных практик без ограничений — но все эти ограничения имеют разную природу и требуют различных нормативных реакций. Понятно, что не бывает социальных практик без власти — однако отсюда не следует, что все формы власти являются эквивалентными с нормативной точки зрения, как не следует и то, что все социальные практики равноценны между собой. Для проекта, предпринятого Фуко, крайне существенна его личная способность отличать хорошие практики и ограничения от плохих. Однако это требует более глубоких нормативных источников, чем те, которые находятся в его распоряжении.¹⁹

Что предлагает сама Фрейжер для того, чтобы преодолеть моральную слепоту дискурсивного анализа Фуко? В своих работах по вопросам потребностей, распределения, признания и справедливости Фрейжер попыталась сконструировать аналитическую альтернативу.

Следуя общему тезису Фуко о том, что способность артикулировать потребности в терминах политической практики во многом определяет успех их реализации, в своей статье «Борьба за потребности: набросок социалистическо-феминистской критической теории политической культуры позднего капитализма»²⁰ Фрейжер предложила проанализировать не столько *суть* потребностей тех или иных социальных групп, сколько способы *формулировки* этих потребностей. В итоге проблемы степени

¹⁹ Ibid., pp. 29, 32.

²⁰ Ibid., pp. 161-187.

удовлетворенности отдельных социальных потребностей и формы распределения необходимых социальных средств трансформировались в проблемы «политики интерпретации потребностей».²¹ Исходя из того, что любое общество предполагает «плюрализм способов рассуждения о потребностях населения», Фрей-жер предложила модель социокультурных «способов интерпретации и коммуникации», т. е. «исторически и культурно специфический набор дискурсивных ресурсов, доступных членам того или иного сообщества для отстаивания своих требований». Модель способов интерпретации и коммуникации включает следующие параметры:

1. Официально *признанные идиомы* выражения требований: например, тезис о потребностях, тезис о правах, тезис об интересах.
2. *Лексикон*, доступный для отстаивания требований в форме официально признанных идиом: примером могут служить терапевтический, административный, религиозный, феминистский, социалистический и т. п. лексиконы.
3. *Парадигмы аргументации*, пользующиеся авторитетом при разрешении конфликтующих требований. Например, конфликты по интерпретации потребностей могут разрешаться путем обращения к экспертам, путем взаимных компромиссов сторон, путем демократического голосования и подчинения меньшинства большинству, путем предоставления заинтересованному меньшинству возможностей удовлетворить свои потребности и т. п.
4. Сложившиеся *сюжетные /повествовательные традиции*, при помощи которых могут быть созданы индивидуальные и групповые биографии, отражающие социальную идентичность их авторов.
5. *Способы субъектификации*, т. е. формы, в которых разнообразные дискурсы позиционируют своих адресатов как субъектов определенного типа, обладающих определенной дееспособностью, то есть в качестве «нормальных» или «девиантных», в качестве зависящих от конкретной ситуации или свободно

²¹ Ibid., p. 163.

определяющихся, в качестве жертв или потенциальных активистов, в качестве индивидуальных личностей или представителей социальных групп.²²

В отличие от Фуко, Фрейжер заинтересована не просто в разработке определенной модели анализа доступных дискурсивных возможностей, но и в анализе того, как группы, обладающие «неравными дискурсивными (и недискурсивными) ресурсами, ведут борьбу за установление гегемонии той или иной интерпретации легитимных социальных потребностей».²³ Опираясь на анализ трансформации юридической лексики в течение последних двадцати лет, Фрейжер показала, как явления, интерпретировавшиеся до недавнего времени исключительно как частные и неполитические («сексизм», «сексуальные домогательства», «супружеские изнасилования», «половая сегрегация на рабочем месте» и т. п.), стали предметом общественных дебатов и судебных исков — во многом благодаря сознательному внесению в господствующую юридическую терминологию концепций и терминов, сформулированных дискурсами групп, находящихся под контролем господствующего режима политической коммуникации.²⁴ Оставаясь, таким образом, в рамках дискурсивного анализа, Фрейжер смогла, тем не менее, придать ему и нормативный аспект, дополнив тезис о дискурсивной природе сопротивления и господства традиционным для неомарксистского подхода тезисом о гегемонии и неравном распределении символических ресурсов.

Вполне закономерным результатом такой философско-политической ориентации, сочетающей анализ символической структуры политического сообщества с анализом его социо-эко-номической структуры, стали недавние попытки Фрейжер сформулировать нормативное решение так называемой дилеммы «перераспределения и признания». Кратко, суть самой дилеммы сводится к следующему. В отсутствие символически четко обозначенной классовой структуры, социальные движения в современном мире все в большей степени строятся на базе кол-

²² N. Fraser, *Unruly practices: power, discourse, and gender in contemporary social theory* (Minneapolis: University of Minnesota Press, 1989), pp. 164-165.

²³ Ibid., p. 165.

²⁴ Ibid., p. 172.

лективных идентичностей, в основе которых лежат разнообразно поняты *различия* в стиле жизни, религиозных, этнических, культурных, национальных, сексуальных, возрастных и т. п. ориентациях. Проблема заключается в том, что движения, возникшие на базе *социо-культурных* ориентации, нацелены не только (и зачастую не столько) на признание легитимности их существования (например, тезис о «мультикультурализме»), сколько на признание их особых *социо-экономических* прав (например, тезис о квотах для «национальных меньшинств»).

По мнению Фрейджер, политически эти движения направлены на ликвидацию двух типов социальной несправедливости. Одним из них является «*социо-экономическая* несправедливость», отражающая политико-экономическую структуру общества;²⁶ формой ликвидации данного типа несправедливости является политико-экономическая реструктуризация доходов, разделения труда, системы принятия решений и тому подобные меры, которые Фрейджер для краткости обозначает как «*перераспределение*».²⁶ Вторым типом несправедливости является несправедливость «культурная или *символическая*»;²⁷ данная форма выражает сложившееся культурное *господство* одной формы культуры над другой, *непризнание* той или иной культурной традиции в терминах господствующей культуры и, наконец, *неуважение* — систематическую негативную стереотипизацию и дискриминацию той или иной культурной практики в сфере массово доступной культуры.²⁸ Ликвидация данного типа несправедливости, по мнению Фрейджер, связана с трансформацией общей культурной среды, трансформацией, в основе которой лежат принципы признания и поддержки культурного многообразия — меры, которые Фрейджер определяет как «*признание*» различий.

²⁵ JJ p_{Fraser} «From redistribution to recognition? Dilemmas of justice in a 'post-socialist' age», *New Left Review*, 1995, 212, p. 68; см. также: N. Fraser, *Justice interruptus: critical reflections on the postsocialist condition* (New York: Routledge, 1997).

²⁶ Ibid., p. 73.

²⁷ Ibid., p. 71.

²⁸ Ibid., p. 71.

Базируясь на логике «перераспределения и признания», Фрейжер предложила новую классификацию современных социальных движений. Так, по ее мнению, движения, строящиеся на классовой основе (например, движения профсоюзов) связаны с несправедливостью «политико-экономического типа», в то время как движения, строящиеся на основе сексуальности, связаны с несправедливостью «культурного типа». Говоря, например, о движении гомосексуалистов и лесбиянок, Фрейжер отметила:

Сексуальность ... есть способ социальной дифференциации, корни которой не связаны с политической экономией, т. к. гомосексуалисты распределены по всему спектру социальной структуры капиталистического общества, они не занимают какую бы то ни было специфическую позицию в разделении труда и не являются эксплуатируемым классом. Коллективное единство данной группы строится на конкретной форме презируемой сексуальности, корнящейся в культурно-оценочной структуре общества... испытываемая ими несправедливость связана прежде всего с проблемой признания. Геи и лесбиянки страдают от гетеросексизма — т. е. такой авторитарной системы норм, в которой гетеросексуальность занимает привилегированное положение. Это дополняется гомофобией, т. е. культурным обесцениванием гомосексуальности.²⁹

Наряду с движениями, отражающими исключительно политико-экономическое («классы») или символично-культурное («сексуальности») неравенство, Фрейжер выделяет ряд «бивалентных» групп («пол» и «раса»), в основе которых, как правило, лежат оба типа неравенств.³⁰ «Пол», например, является одной из базовых политико-экономических категорий, предполагая — среди многих других — разделение труда на оплачиваемый «производительный труд» (мужчин) и неоплачиваемую «занятость домашними делами» (женщин). Одновременно с этим, «пол» является

²⁹ Ibid., p. 77.

³⁰ Ibid., p. 81.

³¹ Под «андроцентризмом» Фрейжер понимает «авторитарную систему норм, в которых привилегированное место занимают явления, ассоциируемые с мужественностью». (Ibid., p. 79)

и базовой культурно-оценочной категорией с присущим ей «андроцентризмом»³¹ и систематическим обесцениванием, тривиализацией и стереотипизацией явлений и историй, считающихся «типично женскими». Таким образом, ликвидация неравенства по «половому признаку» включает в себя необходимость как политико-экономической трансформации («перераспределение»), так и символическо-культурных перемен («признание»). Понимая полную утопичность своего проекта, Фрейджер отмечает, что лучшим способом решения «полового» и «расового» неравенства могли бы стать «социализм в экономике плюс деконструкция в культуре. Но для того, чтобы это стало психологической и политической реальностью, — пишет Фрейджер, — люди должны осознать дистанцию между собой и культурно-обусловленными конфигурациями их интересов и идентичностей».³²

Итак, соглашаясь с идеей Фуко о том, что «ухватиться» за рычаги власти практически невозможно и что суть политической борьбы, собственно, не в доступе к «рычагам», а в том, что именно в каждый конкретный момент считать «рычагами», Фрейджер сформулировала закономерный вопрос о моральной, нормативной оценке как самих «рычагов», так и способов их интерпретации. Хотя диалектическая взаимосвязь между господством и подчинением неизбежна, формы этой взаимосвязи и — самое главное — цели этой взаимосвязи неизбежными не являются.

4. Феминистская теория власти, политики и политического Джудит Батлер

Аналитическое противопоставление политики «перераспределения» и политики «признания», предложенное Фрейджер, вызвало целую серию дебатов в феминистской политической теории, в которых под сомнение была поставлена предложенная

³² Ibid., p. 91.

³³ См., например, полемику Нэнси Фрейджер с Айрис Янг (I. Young, «Unruly categories: A critique of Nancy Fraser's dual system theory», *New Left Review*, 1997, 222; N. Fraser, «A rejoinder to Iris Young», *New Left Review*, 1997, 223) и Джудит Батлер (J. Butler, «Merely cultural», *New Left Review*, 1998, 227; N. Fraser, «Heterosexism, Misrecognition and Capitalism: A response to Judith Butler», *New Left Review*, 1998, 228).

бинарная схема.³³ Возражая в первую очередь против попытки Фрейджер воспринимать «сексуальность» и политические движения, основанные на той или иной сексуальной идентичности исключительно в терминах «культурного признания», Джудит Батлер постаралась показать, что существование нормализованной гетеросексуальности с характерным для нее социо-экономическим разделением труда между полами, о котором пишет Фрейджер, во многом стало — и остается — возможным за счет существования презираемых политико-сексуальных «окраин», «отклонений от нормы», способствующих, в конечном итоге, институционализации этого исключения.

«Было бы ошибкой, — писала недавно Батлер, — относить производство презираемых сексуальностей исключительно к вопросам культуры из-за той существенной роли, которую они играют в функционировании сексуального порядка политической экономики, составляя фундаментальную угрозу ее работоспособности. Экономика, будучи привязанной к воспроизводству, с необходимостью увязана с воспроизводством гетеросексуальности. Негетеросексуальные формы сексуальности не только остаются за скобками, но и само их подавление является необходимым условием существования нормы. Речь, таким образом, не только о людях, страдающих от отсутствия культурного признания со стороны других людей, но и о специфическом способе сексуального производства и обмена, нацеленного на поддержку стабильности пола, гетеросексуальности желания и естественности семьи.³⁴

Хотя Батлер — так же, как и Фрейджер — в своих теоретических построениях во многом исходит из концепции власти/знания/сексуальности, предложенной Фуко, ее акцент имеет иное звучание. Целью теоретического проекта в данном случае стала не нормативная оценка приоритетов власти и даже не анализ конфигурации тех или иных властных «капилляров», а, скорее, исследование процесса производства «нормы» путем изобретения всевозможных «патологий», процесса зависимости «нормы» от «патологии». Или, иными словами, в отличие от Фрейджер, Батлер не заинтересована в демонстрации того факта, что дискурсивные возможности различных групп являются неравноценными и неравновеликими, или что одна социальная группа

³⁴ J. Butler, «Merely cultural», *New Left Review*, 1998, 227, p. 42.

(условно говоря, «государственных мужей») может монополизировать дискурсивное поле путем выталкивания за его пределы всех потенциальных конкурентов (условно говоря, «женщин» и «рабов»). Следуя Фуко, Батлер воспринимает динамику власти в несколько парадоксальной форме — неотъемлемым условием институционализации власти является производство ее «конкурентов». Каким же образом такое понимание власти позволяет Батлер переосмыслить роль «полового различия» в политическом процессе, да и само политико-половое различие?

Как уже отмечалось, любой политико-философский анализ власти помимо вопросов о том, *что* делать («цели власти») и *как* делать («средства власти»), с неизбежностью вынужден определиться и с тем, *кто* это все способен делать («субъект власти»). В феминистской теории политики вопрос о субъекте власти упирается в следующую философскую и эпистемологическую проблему — а именно в вопрос «на какой основе может происходить *политическое* объединение женщин»? Что может стать в данном случае принципом политического размежевания/объединения?

Изначальные попытки определять женское политическое движение как *оппозицию патриархату* столкнулись с закономерным вопросом об исторически специфических формах патриархата и, соответственно, об исторически специфических формах подавления женщин и формах борьбы с этим подавлением. Стремление ряда феминисток говорить о всеобщем характере патриархальной власти было справедливо оценено как попытка «колонизации и использования незападных культур для поддержки очевидно западных понятий угнетения».³⁵ Более того, подобное стремление найти этнографические свидетельства за пределами «цивилизованного мира» сопровождалось вольным или невольным конструированием отсталого «Востока» и «стран третьего мира», угнетение по половому признаку в которых расценивалось как еще одно свидетельство варварства, изначально

³⁵ J. Butler, *Gender trouble: Feminism and subversion of identity* (New York: Routledge, 1990), p. 3.

³⁶ J. Butler, *Gender trouble*, p. 3; Постколониальные интерпретации и версии феминизма см., например, S. Gunew, A. Yeatman, eds., *Feminism and the politics of difference* (San Francisco: Westview Press, 1993); C. T. Mohanty, «Under Western eyes: feminist scholarship and colonial discourse», B. Ashroft,

присущего этому региону.³⁶ Именно эта неудачная попытка найти в лице патриархата «врага», способного мобилизовать женщин вне зависимости от их классовой, национальной, возрастной и т. п. принадлежности, стала источником переноса акцента с анализа властного господства мужчин («патриархат», «анд-роцентризм») на анализ «подлинно женских» проблем, отраженных в категориях «женского опыта» и «женского взгляда».

Нэнси Хартсок в середине 1980-х предложила теоретическое обоснование концепции «феминистской местоположенности» (*feminist standpoint*), понятой временами вполне буквально — т. е. как такая социо-био-географическая позиция женщины, которое позволяет ей видеть те или иные аспекты жизни в ином ракурсе.³⁷ Как писала Хартсок:

Феминистки находятся только в самом начале процесса переоценки женского опыта. Они ведут двойную работу, пытаясь выделить красную нить, связывающую воедино многообразие опыта женщин, и, одновременно с этим, определить структурные причины, обуславливающие этот опыт. Проблема, с которой столкнулась теория феминизма, может быть проиллюстрирована тем фактом, что даже попытки квалифицировать неоплачиваемый домашний труд как форму занятости, а не как проявление любви,

G. Griffiths, H. Tiffin, eds., *The post-colonial studies reader* (London: Routledge, 1995); G.C. Spivak, *In other words: essays in cultural politics* (New York: Methuen, 1988); Trinh T. Minh-ha, *Woman, native other: writing, postcoloniality, and feminism* (Bloomington: Indiana University Press).

³⁷ См.: N. Hartsock, «The feminist standpoint: developing the ground for a specifically feminist historical materialism», in S. Harding, ed., *Feminism and met/iodofogj/...* Неудивительно, что Хартсок воспринимает теорию власти Фуко как теорию «колонизатора». Так, в одной из своих работ, протестуя против его «капиллярной» структуры власти, Хартсок с надеждой спрашивает: «...есть ли такие места, где этих капилляров нет?» (N. Hartsock, «Foucault on power: A theory for women», in L. Nicholson, ed., *Feminism/postmodernism...*, p. 170) Есть — там, где нет крови... Более философскую версию теории «феминистской местоположенности» см.: S. Harding, *Is science multicultural? Postcolonialism, feminism, and epistemologies* (Bloomington: Indiana University Press, 1998); S. Harding, «Rethinking Standpoint Epistemology: «What is strong objectivity», in L. Alcoff, E. Potter, eds., *Feminist epistemologies* (New York: Routledge, 1993); R. Hennessy, «The feminist standpoint, discourse, and authority: from women's lives to ideology critique», in R. Hennessy, *Materialist feminism and the politics of discourse* (New York: Routledge, 1993).

вызвали сопротивление... Следовательно, необходимо как признание женского опыта, так и использование этого опыта в качестве основы для критики. Определенный феминистская позиция может быть сформулирована на основе общих аспектов женского опыта, однако этот позиция не является ни само-доказательной, ни само-очевидной.³⁸

Философские и эпистемологические попытки феминизма обосновать тезис об уникальности женского опыта и его местоположенности подверглись резкой критике со стороны Батлер и ее сторонниц. Обращая внимание на тот факт, что «свидетельства», на основе которых возводится здание «женского опыта», порождены не только конкретной деятельностью, но и сложившимися способами фиксации этого опыта, Джоан Скотт, историк из Принстона, в 1991 году писала в своей знаменитой статье «Свидетельство опыта» о том, что концентрация внимания на воспроизводстве *свидетельств* того или иного (маргинализированного) опыта в итоге делают невозможным анализ *системы*, в рамках которой возник и этот опыт, и способы его репрезентации.³⁹ Говоря метафорически, в пылу картографического передела границ и переименований, сторонницы уникальности «женского опыта» упустили из виду тот факт, что и сама карта — а не только ее границы и имена — тоже является продуктом конкретного исторического развития. Как отмечала Джоан Скотт:

... Если непосредственный опыт начинает восприниматься в качестве источника знания, то в результате такого подхода точка зрения отдельного индивида (т. е. очевидца или историка, описывающего опыт этого очевидца) превращается в основу доказательств, на которых и строится все объяснение. В итоге сконструированность самого опыта, способы формирования различий между субъектами, принципы структурирования их видения — т. е. вопросы о языке (или дискурсе) и истории остаются за рамками дискуссии. Вместо того, чтобы стать основой для исследо-

³⁸ N. Hartssock, «The feminist standpoint...», p. 174.

³⁹ См.: J. Scott, «The evidence of experience», *Critical Inquiry*, 1991, 17 (4), см. также: J. Scott, *Gender and the politics of history* (New York: Columbia University Press, 1988); J. Butler, J. Scott, eds., *Feminists theorise the political* (New York: Routledge, 1992).

вания истории возникновения различий, их функционирования и способов конституирования субъектов, действующих в реальном мире, свидетельства опыта становятся доказательствами факта уже существующего различия.⁴⁰

Позднее Скотт добавила к этому: «Только перестав выдавать симптомы за причины, мы сможем наконец воспринять такие понятия как «всеобщность» или, например, «феминизм», в качестве неизбежно противоречивых, существующих во времени, приемов».⁴¹ В отличие от феминисток, пытающихся найти устойчивую точку зрения, Скотт, таким образом, дестабилизировала саму систему координат.⁴²

Во многом следуя общей теоретической идее Скотт о том, что анализ ограниченности опыта (как и его свидетельств) не может обойтись без анализа ограничивающего эффекта существующих форм репрезентации опыта, Батлер сконцентрировалась не столько на исследовании источника «уникальности» всеобщего женского опыта, и даже не столько на самом «опыте», сколько на причинах, позволяющих использовать понятия «женщина» и «женское» в качестве «естественных» и «самоочевидных».⁴³ Акцент на уникальности «местоположенности женщины» — как, впрочем, и кого бы то ни было — не должен скрывать из виду ни соотношение этого «места» со всеми другими, ни факт его «положенности» и «отведенности». Действительно, если патриархат (или, в иной транскрипции, андроцентризм) можно рассматривать как специфическую конфигурацию властных отношений, которая не является ни неизбежной, ни универсальной, то, рассуждая логически, этот же принцип может быть применен и к базовым категориям «мужчины» и «женщины», на которых и строится господство патриархата. Следующим логичес-

⁴⁰ J. Scott, «The evidence of experience», p. 777.

⁴¹ J. Scott, «Universalism and the history of feminism», *Differences*, 1995, 7 (1), p. 13.

⁴² Критику работ Скотт см.: S. Stone-Mediatore, «Chandra Mohanty and the revaluing of «Experience», *Hypatia*, 1998, 13 (2); E. Varikas, «Gender, experience and subjectivity: The Tilly-Scott disagreement», *New Left Review*, 1995, 211.

⁴³ Обзор дискуссий на эту тему см.: V. Barker, «Definition and question of 'woman'», *Hypatia*, 1997, 12 (2). См. также: W. Brown, «The Impossibility of women's studies», *Differences*, 1997, 9 (3); J. Scott, «Women's studies on the edge», *Differences*, 1997, 9 (3).

ким звеном в этой цепи рассуждений становится вопрос о том, не является ли, в конце концов, и *само* политико-половое деление и политико-половая стратификация источником существования патриархата. По словам Батлер, хотя ряд феминисток действительно склонен отождествлять пол и идентичность, необходимо подчеркнуть наличие и таких точек зрения в феминизме, согласно которым пол воспринимается как аналитическая категория, как начало отсчета теоретического исследования дифференциального отношения между властью и телами, которые, строго говоря, не могут быть сведены к идентитарным⁴⁴ позициям.⁴⁵

Под сомнение, таким образом, была поставлена политическая целесообразность «женщины» — да и «мужчины» — как категории, идентичности и политического субъекта. Указывая на логическую ловушку, в которой оказываются сторонники «женского опыта» и «женской» идентичности,⁴⁶ Батлер отмечала:

Установление обязательной и уестествлённой (naturalized) гетеросексуальности предполагает существование — и контроль за существованием — пола как бинарного отношения, с двумя различными категориями — «мужским» и «женским»; различие между категориями, в свою очередь, достигается посредством практик гетеросексуального желания. Дифференциация этих двух противоположных элементов приводит к внутренней консолидации «мужского» и «женского» и, соответственно, ко внутренней упорядоченности секса, пола и желания.⁴⁷

Иными словами, используя генеалогический метод Фуко, Батлер постаралась показать, что конкретное господство конкретного «режима истины» (в данном случае дискурсивного производства «пола») строится на артикулированном различии меж-

⁴⁴ Т. е. основанным на «идентичности».

⁴⁵ J. Butler, «Revisiting bodies and pleasure», *Theory, Culture and Society*, 1999, 16(2), p. 13.

⁴⁶ Об использовании понятия «идентичность» в современной социологической теории см.: K. Cerulo, «Identity construction: new issues, new directions», *Annual Review of Sociology*, 1997, 23.

⁴⁷ J. Butler, *Gender trouble*, p. 23.

ду двумя терминами («мужское/женское»), устойчивая взаимосвязь между которыми обеспечивается нормализацией определенной практики («гетеросексуальность»). Согласно Батлер, половые практики как структурно вариативные явления приобретают свою стабильность в дискурсивных категориях «мужское» и «женское». Затем обе категории парной оппозиции «мужское/женское» оказываются деконтекстуализованными, изолированными и «приобретают» собственную логику развития, начиная выступать в качестве нормативных, т. е. предписывающих ту или иную *модель* поведения («мужские» и «женские» половые *роли*). Эти *категории* и *модели* оказываются «переведенными» на язык повседневных «*микро-практик*», способность (не) участвовать в которых и определяет социальную *судьбу индивида*. Дальнейшее развитие и кодификация этих практик приводит к тому, что и сами категории начинают восприниматься в качестве *естественных, автономных* и даже *независимых* друг от друга.⁴⁸ Так становится возможной категория «женского опыта», якобы незамутненного влиянием «мужского господства».

Как замечает Батлер, в случае с «женским/мужским» (и шире — с «полом») мы имеем типичную ситуацию, при которой одновременно действуют две тенденции. Во-первых, категория («пол»), якобы призванная обозначить *уже существующее* («половое») различие, на самом деле наделяет его смыслом в качестве необходимой предпосылки своего собственного существования, и смысл *различия/различения*, таким образом, становится *эффектом* категории, ее последствием. Во-вторых, естественность и очевидная необходимость существования любой структуры достигается путем постоянного циркулярного воспроизводства/повторения действия ее механизмов; соответственно, нарушение этого круговорота представляет наибольшую угрозу для самой структуры.⁴⁹ В итоге, смысл «пола», как и смысл, допустим, «жен-

⁴⁸ Понятно, что половое деление является лишь одной из форм подобной практики. Деление политического спектра на «правых» и «левых» выполняет ту же самую функцию: структурно «коммунисты» заинтересованы в существовании «Союза правых сил» в не меньшей степени, чем «Союз правых сил» в существовании «коммунистов». Постоянное воспроизводство этого структурного «различия» и есть условие политического существования обоих блоков.

⁴⁹ J. Butler, «Further reflections on conversation of our time», *Diacritics*, 1997, 27.1, p. 14.

ского» опыта является очевидным лишь при наличии данных *категорий* и лишь в процессе их постоянного *воспроизводства*. Как пишет Батлер,

Действие пола, как и действие любой другой ритуальной социальной драмы, основано на *повторяемости* представления. Этот повтор является, с одной стороны, одновременно и инсценировкой, и переживанием уже сформировавшихся социальных смыслов, а с другой — будничным ритуальным подтверждением их общепринятости.... Пол не стоит понимать ни как стабильную идентичность, ни как источник дееспособности, дающий начало всем последующим действиям. Скорее пол есть форма идентичности, чье прошлое достаточно шатко, и чье внешнее существование возможно лишь посредством стилизованного повтора определенных действий..., посредством стилизации тела...⁵⁰

Батлер, безусловно, далека от того, чтобы оспаривать реальное существование анатомических различий, биологических функций и т. п. явлений. Ее акцент на повторяемости как основе идентичности и на дискурсивной, *категорической* и *категориальной* природе идентичности направлен на другое — на невозможность апелляции к некой «уникальной», «аутентичной», «вне-социальной», «данной» и т. п. сущности, на невозможность вывести эту «сущность» из присвоенного, обжитого, приватизированного имени, будь оно мужским или женским. Имя есть данность, временная «местоположенность», но не заданность и не предопределение. И «сущность» — половая, национальная, возрастная и т. п. — определяется только *постоянством поведения*, т.е. систематическим воспроизводством (или неспособностью к воспроизводству) усвоенных норм. Соответственно, любые попытки строить политическое движение на основе той или иной идентичности лишь демонстрируют глубину этого усвоения. Имя, идентичность, категория в данном случае оказываются вырванными из словаря «режима истины», и предписанная ими микропрактика воспринимается в качестве единственно возможной.

⁵⁰ J. Butler, *Gender trouble*, p. 140.

В противовес подобного рода «идентитарным формированиям», как называет их Батлер,⁵¹ акцентирующим источник происхождения своих нормативных комплексов — будь то анатомия (например, «женщины»), формы сексуальной практики («лес-бийство») или цвет кожи («афро-американцы») — Батлер выдвинула концепцию субъективности, прочно связанную с теорией власти, предложенной Фуко.⁵²

Исходная посылка Батлер, в общем-то, проста. Закономерное превращение идентитарных движений в движения, которые можно было бы назвать *иденциозными* (идентичность + тенденциозность), с типичным возведением проблемы частного (опыта, например) до уровня всеобщего, становится возможным, во-первых, в результате полного отождествления/идентификации с доступной матрицей политического поведения («мы — женщины восточной Европы»; «мы — сторонники либеральных реформ» и т. п.), и во-вторых, в результате восприятия этих *символических* матриц как реально существующих и телеологически достаточных. Иденциозное движение (например, «геев», «женщин», или «ветеранов») вне зависимости от его моральной окрашенности всегда выступает как логическое разворачивание на практике — т. е. во времени и в пространстве — изначального идентификационного образа/образца, поддержание «чистоты» которого становится неотъемлемой частью политики идентичности.⁵³

Если целью концепции и феномена идентичности является стремление подчеркнуть телеологическую предопределенность политической деятельности и обеспечить реализацию *логики разворачивания идентичности*, то субъективность связана скорее с *логикой развития политического момента*. Субъектив-

⁵¹ J. Butler, «Merely cultural», p. 37.

⁵² Подробный анализ различных аспектов теории субъективности, разрабатываемой Батлер, см.: M. Biddy, «Success and its failure», *Differences*, 1997, 9 (3); M. Lloyd, «Performativity, parody, politics», *Theory, Culture and Society*, 1999, 16 (2); V. Vasterling, «Butler's sophisticated constructivism: a critical assessment», *Hypatia*, 1999, 14 (3).

⁵³ О двух противоположных взглядах на сущность политики идентичности см.: S. Bickford, «Anti-Anti-Identity politics: feminism, democracy, and the complexity of citizenship», *Hypatia*, 1997, 12 (4) и W. Brown, *States of injury: power and freedom in late modernity* (Princeton: Princeton University Press, 1995); E. Hobsbawm, «Identity politic and the left», *New Left Review*, 1996, 217; L. Nicholson, S. Seidman, eds., *Social postmodernism: beyond identity politics*. Cambridge (New York: Cambridge University Press, 1995).

ность, иными словами, не претендует ни на выражение, ни на отражение глубинных интересов конкретного человека, а лишь подчеркивает ее/его дееспособность, его *субъект*-ность в конкретной ситуации и в конкретный отрезок времени. Как замечает Батлер, группы, строящие свою политическую деятельность на принципе субъективности, в качестве своего лозунга выбрали: «Действия, а не идентичность!»⁵⁴ Субъективность в данном случае подчеркивает несовпадение, зазор, расхождение между имеющимися социально-политическими (и/ли сексуально-политическими) шаблоном/матрицей/идентичностью, с одной стороны, и интересами «исходного материала», с другой. Соответственно и акцентируется не борьба за власть или отстранение от власти, и не политическая философия, обосновывающая тот или иной политический шаг, а сам шаг, сама возможность *продуктивного использования* существующей конфигурации власти. Важно не кто стоит у штурвала, важно в нужном ли направлении идет корабль. И если маргинализация отдельных групп, т. е. их вытеснение к краям политического поля, является непрямым условием существования *господствующих* групп, то подобного рода структурная взаимозависимость может быть использована и в политических целях «угнетенных». Маргинальный статус в данной ситуации является способом приобретения/сохранения позиции в *пределах* политического поля, способом приобретения *субъектности*, а, соответственно, маргинализация — формой *субъективации*.

Ссылаясь на работу Фуко по истории тюрем в Европе,⁵⁵ Батлер замечает, что для Фуко процесс субъективации является ключевым в процессе формирования «заключенных». *Субъективация* при этом призвана описать двусторонний процесс — 1) процесс становления политически дееспособной личности («субъекта права») в ходе 2) подчинения существующим/навязываемым категориям. Индивид в данном случае «формируется или, скорее, формулируется посредством дискурсивно сконструированной «идентичности».⁵⁶ Примеряя на себя статус и ярлык «заключенного», индивид приобретает возможность *заявить*

⁵⁴ J. Butler, «Revisiting bodies and pleasure», *Theory, Culture and Society*, 1999, 16 (2), p. 12.

⁵⁵ M. Foucault, *Discipline and punish*. (Harmondsworth: Penguin, 1977).

⁵⁶ J. Butler, *The psychic life of power: theories in subjection* (Stanford: Stanford University Press, 1997), pp. 84, 25.

о своих правах и, таким образом, поставить под сомнение уже сложившийся баланс сил.⁵⁷ В отличие от раз и навсегда «приклеенной» идентичности, субъектность существует лишь как эффект субъективации, т. е. как результат постоянного *повторения* процесса производства и подчинения субъекта. Подчинение, в конце концов, есть не только демонстрация существующей иерархии, но и признание места и статуса *подчиненного* в этой иерархии.

Именно эта необходимость «повторения производства», вызванная невозможностью существования раз и навсегда сконструированного субъекта, или, говоря иначе, именно эта невозможность изоляции субъекта от потенциального воздействия иных капилляров власти, именно эта *ограниченность* власти, ее неспособность исчерпать или предопределить все *субъективные* возможности, эта зависимость от ее постоянной циркуляции и является предпосылкой возможного сопротивления.

5. Значение и проблематичность аргументации «конкретной морали» в феминистской политической теории Шейлы Бенхабиб

Разумеется, попытки Батлер оставить за бортом феминистских дискуссий их краеугольный тезис — тезис о женщине как субъекте политической деятельности, политических прав и политических интересов⁵⁸ — не остались незамеченными и/ли безнаказанными. Шейла Бенхабиб, теоретик феминизма и полити-

⁵⁷ Подобный вывод становится менее парадоксальным, если вспомнить недавнюю историю советского диссидентства. Так, в 1977, группа из семи заключенных-диссидентов в своем открытом письме президенту США Картеру потребовало от советского режима, открыто характеризуемого как «режим произвола», предоставить им статус *политических* заключенных. Важным в этом требовании были не столько привилегии, на которых настаивали заключенные, сколько их политическое признание со стороны режима. Требование, на которое режим, естественно, не пошел. См.: Кузнецов Э. Статус советского полит заключенного // Континент, 1980, № 26; Солдатов С. и др. Открытое письмо группы советских политических заключенных председателю конгресса США Дж. Картеру // Архив самиздата - Материалы самиздата, № 3021.

⁵⁸ Справедливости ради нужно отметить, что в работах Батлер речь идет не только о субъекте «женского» движения, но и о субъекте политического движения вообще.

ки из Гарварда, является, пожалуй, одной из наиболее последовательных критиков постфеминизма Батлер.

В 1995 в сборнике под названием *Феминистские споры: философский обмен*, Бенхабиб резко, и вместе с тем довольно четко, изложила суть своих, как она выразилась «межпарадигматических» разногласий⁵⁹ с Батлер, а именно то, насколько теоретическая концепция власти и сопротивления, предложенная Батлер, может выступать в качестве основы практической политической деятельности феминизма. Классифицировав батлеровские взгляды как «постмодернистские»,⁶⁰ Бенхабиб подытожила:

Определенная версия постмодернизма не только несовместима с феминизмом, но и подрывает саму возможность существования феминизма как формы теоретического рассуждения по поводу освободительных стремлений женщин. Причина этого подрывного влияния кроется в трех основных тезисах, с которыми можно увязать постмодернизм в его наиболее развитом виде. А именно: 1) тезис о смерти человека, понятый как смерть автономного, способного к саморефлексии субъекта, действующего в соответствии с определенными принципами; 2) тезис о смерти истории, понятый как полный отказ борющихся групп от эпистемологического интереса к истории в процессе написания своих собственных биографий; 3) тезис о смерти метафизики, понятый как невозможность критики или оправдания институтов, практик и традиций, иначе как посредством «локальных», местных историй и сюжетов. Понятый таким образом, постмодернизм ставит под сомнение саму феминистскую приверженность к отстаиванию женской дееспособности и женского самовосприятия, к стремлению женщин взять под контроль свою собственную историю во имя эмансипированного будущего, и к осуществлению радикальной критики общества, способ-

⁵⁹ S. Benhabib, «Subjectivity, historiography, and politics: Reflections on the 'Feminism/Postmodernism exchange'», *Feminist contentions. A philosophical exchange: Seyla Benhabib, Judith Butler, Drucilla Cornell, Nancy Fraser* (New York: Routledge, 1995), p. 111.

⁶⁰ На что Батлер тут же ответила встречным вопросом: «А кто такие эти постмодернисты?» (J. Butler, «Contingent foundations: feminism and the question of 'Postmodernism'», *Feminist contentions...*, p. 35).

ной вскрыть «и всю бесконечность многообразия, и всю монотонность сходства» полов.⁶¹

Иначе говоря, политическая теория Батлер оказалась воспринятой Бенхабиб как попытки «обескровить» теоретические и политические амбиции феминизма.⁶² Опасность была обнаружена не в том, что «постфеминизм»⁶³ отказался от лозунгов политического равноправия — такого лозунга постфеминизм не выдвигал. Опасность была увидена в отказе постфеминизма воспринимать абстрактно понятых «женщин» как единственных и/ли даже наиболее последовательных сторонниц равноправия. Закономерно, что ответом Бенхабиб стало обостренное стремление обнаружить — т. е. сформулировать и конституировать иные, сугубо «женские», принципы политического участия.⁶⁴ И название книги Шейлы Бенхабиб — *Находя себя: пол, общество и постмодернизм в современной этике*⁶⁵ может читаться как концентрированное выражение ее полемики как с теорией «женского опыта и женского взгляда», пассивной позиционной «местоположенности» которой противопоставлено активное «местонахождение», так и с постмодернизмом/постструктурализмом, чьи попытки «пустить в распыл» любую стабильную идентич-

⁶¹ S. Benhabib, «Feminism and postmodernism: An uneasy alliance», *Feminist contentions...*, p. 29.

⁶² О более позитивных взглядах на взаимоотношения феминизма и постмодернизма см.: M. Ferguson, J. Wicke, eds., *Feminism and postmodernism* (Durham: Duke University Press, 1994); J. Flax, *Thinking fragments: psychoanalysis, feminism, and postmodernism in the contemporary West* (Berkeley: University of California Press, 1990); L. Nicholson, ed., *Feminism/postmodernism* (New York: Routledge, 1989).

⁶³ См.: J. Butler, *Gender trouble*, p. 5, также: A. Brooks, *Postfeminism: feminism, cultural theory and cultural forms* (New York: Routledge, 1997); P. Mann, *Micro-politics: agency in a postfeminist era* (Minneapolis: University of Minnesota Press, 1994); J. Stacey, «Is the legacy of the second wave feminism postfeminism?», *Women, class, and the feminist imagination: a socialist feminist reader* (Philadelphia: Temple University press, 1990).

⁶⁴ Одной из наиболее интересных и последовательных попыток такого рода является сборник **Фундаментальное различие*», в котором феминистки разных направлений и ориентации интерпретировали ту основу, следствием которой и является половое различие (N. Schor, E. Weed, eds., *The essential difference* (Bloomington: Indiana University Press, 1994).

⁶⁵ S. Benhabib, *Situating the self: Gender, community and postmodernism in contemporary ethics* (Cambridge: Polity Press, 1992).

ность обезоружены тезисом о фундаментальных этических основах личности. Как писала Бенхабиб в 1995 г.:

В течение последнего десятилетия отказ от утопии в феминистской теории выразился в стремлении воспринимать в качестве фундаменталистских любые попытки сформулировать феминистские взгляды на этику, феминистские взгляды на политику, феминистскую концепцию автономии, и даже феминистскую эстетику. ... Постмодернизм может быть воспринят как предостережение о теоретических и политических тупиках, которыми чреваты утопические и фундаменталистские построения. Однако это вовсе не должно вести к полному отказу от утопии. Значение такой утраты утопической надежды на соборную целостность для нас, женщин, сложно переоценить.⁶⁶

Каковы контуры этой утопической соборности, каковы принципы этой судьбоносной целостности? В своей широко известной статье «Другой: вообще и в частности»,⁶⁷ опираясь на результаты полемики между двумя известными социальными психологами Лоренсом Колбергом и Кэрол Гиллиган,⁶⁸ Бенхабиб попыталась предложить теоретическое обоснования онтологического *отличия* морали женщин.

Кратко, суть дебатов между Гиллиган и Колбергом сводится к следующему. В своих исследованиях морального развития подростков и взрослых оба социальных психолога обнаружили характерное различие между моральными ориентациями мужчин и моральными ориентациями женщин. В ходе эмпирических исследований Колберг установил, что мужчины склонны руководствоваться в своей практике абстрактными принципами справедливости и права, в то время как женщины ставят

⁶⁶ S. Benhabib, «Feminism and postmodernism...», p. 30.

⁶⁷ S. Benhabib, «The generalized and the concrete other: The Kohlberg-Giligan controversy and moral theory», in S. Benhabib, *Situating the self...*

⁶⁸ L. Kohlberg, *Essays on Moral Development* (San Francisco: Harper and Row, 1984); C. Gilligan, *In a different voice: Psychological theory and women's development*. (Cambridge: Harvard University Press, 1982). Часть русского перевода (Гиллиган К. Иным голосом: психологическая теория и развитие женщин. М.: Республика, 1992) доступна по адресу: <http://www.nsu.ru/psych/internet/bits/gilligan.htm>

свои моральные суждения в непосредственную зависимость от конкретной ситуации. Подобного рода «непредвзятая моральная ориентация»⁶⁹ мужчин получила у Колберга название «*постконвенциональный формализм*», т. е. стремление личности следовать букве установленного ею для *себя* закона — будь то моральная практика, естественное право или социальный контракт. Логичным выводом из этого наблюдения стало заключение о разных *моральных* способностях мужчин и женщин, связанных соответственно с их разной способностью использовать абстрактные понятия в качестве руководства к действию.

Не оспаривая, в сущности, находок Колберга, Гиллиган сделала вывод, что различные моральные установки демонстрируют различные моральные *парадигмы*, а не различные моральные *способности*. Наряду с «пост-конвенциональным *формализмом*», Гиллиган предложила использовать и парадигму «пост-конвенционального *контекстуализма*», в рамках которой решения принимаются не столько на основе идеального абстрактного принципа, сколько на базе осязаемых, хотя, может быть, и не вполне безупречных, личных отношений. В результате изначальная «моральная ущербность» женщин стала восприниматься не как *регрессия*, но как проявление иной этической направленности — этика *права и справедливости* (Колберга) оказалась противопоставленной этике *заботы и ответственности* (Гиллиган). Базируясь на этом выводе, Бенхабиб замечает:

Контекстуальная зависимость морального суждения женщин, его локальность и сюжетная ограниченность демонстрируют вовсе не слабость или недоразвитость, а проявление моральной зрелости, в рамках которой личность воспринимается как одно из звеньев в сети отношений с другими личностями.⁷⁰

Для Бенхабиб вывод Гиллиган оказался поводом для пересмотра господствующих абстрактных теорий права, справедливости и общественного договора. Используя парадигматическое различие между «мужской» и «женской» моральной логикой,

⁶⁹ L. Blum, «Gilligan and Kohlberg: Implications for moral theory», *Ethics*, 1988, № 98, p. 472.

⁷⁰ S. Benhabib, «The generalized and the concrete other...», p. 149.

Бенхабиб сделала вывод о том, что существующие определения моральной сферы и идеалы моральной автономии — начиная с Томаса Гоббса и вплоть до сегодняшнего дня⁷¹ — основаны на принципе *приватизации*, т. е. сведения к частному — во всех смыслах этого слова — опыта женщин, с одной стороны, и к нежеланию/неспособности воспринимать его в моральных терминах, с другой. Как подчеркивает Бенхабиб, в основе этой эпистемологической идеи лежит стремление *абстрагироваться* от каких бы то ни было индивидуализирующих черт каждого конкретного «субъекта права». «Субъект» в данном случае есть абстрактный «субъект вообще». Именно на основе такого рода абстракции и строятся и политические теории права, формального равенства и обязанностей, и сопутствующие им моральные концепции уважения, долга и достоинства. Парадокс при этом состоит в том, что этот «обобщенный Другой» из известной этической максимы — «относись к другим так, как ты бы хотел, чтобы они к тебе относились» — несмотря на все свои претензии на универсальность, универсальным не оказывается. «Другим» в данном случае всегда выступает одна и та же абстрактная мужская фигура. «'Значимым другим' в этой теории всегда, — пишет Бенхабиб, — является брат, сестра же — никогда»⁷².

Переводя «пост-конвенциональный формализм» и «постконвенциональный контекстуализм» на язык философии политики, Бенхабиб предложила два типа универсализации морального опыта. Попытки западных философов политики воспринимать опыт одной конкретной группы в качестве проявления парадигматической логики человеческого поведения в целом получили у Бенхабиб определение «*субституционалистского*» (т. е. «замещающего») универсализма, или «универсализма замены». Тезис о всеобщих, универсальных чертах поведения человека здесь замещен тезисом о всеобщем характере поведения отдельной группы.

Соответственно, второй тип универсализации получил у Бенхабиб название «*интерактивный*» универсализм, или «универ-

⁷¹ В качестве типичного примера современной политической теории справедливости Бенхабиб приводит работу Джона Ролза «Теория справедливости» (J. Rawls, *A Theory of Justice* (Cambridge: Harvard University Press).

⁷² S. Benhabib, «The generalized and the concrete other ...», p. 152.

сализм взаимодействия». В основе логики этого типа лежит признание плюрализма форм человеческого бытия и различий между людьми. Универсализм в данном случае является не способом отрыва от реальности, не способом *абстрагирования*, а попыткой сформулировать регулирующие нормативные принципы и моральные идеалы *повседневной* политической деятельности. Понятый таким образом, универсализм является вполне осязаемым политическим и моральным аспектом борьбы конкретных, осязаемых личностей за свою автономию».⁷³

Таким образом, если господствующая классическая и современная теория политической морали и справедливости исходит из того, что отношения между автономными субъектами опосредованы если не буквой, то, по крайней мере идеей Закона, уравнивающего между собой всех субъектов, то версия, предло-Бенхабиб акцентирует *историческую* природу этой опосредованности, ее неабсолютный характер. В отличие от формализующего/формального универсализма с его «Другим вообще», универсализм взаимодействия, предложенный Бенхабиб, ориентируется прежде всего на «Другого в частности», на «конкретного Другого».⁷⁴ Подобная смена ориентации предполагает и смену приоритетов — в фокусе внимания оказываются «конкретная история, идентичность и аффективно-эмоциональная кон-

⁷³ S. Benhabib, «The generalized and the concrete other ...», p. 153; Принципиально иную версию универсализма см.: J. Scott, «Universalism and the history of feminism», *Differences*, 1995, 7 (1); P. Cheah, E. Grosz, «The future of sexual difference: an interview with Judith Butler and Drucilla Cornell», *Diacritics*, 1998, 28.1.

⁷⁴ Безусловно, перевод на русский язык терминов, используемых Бенхабиб, представляет определенную — т. е. и философскую, и семантическую — трудность. Трудность, связанную с определением грамматического рода «Другого вообще» и «Другого в частности». Стоит ли следовать сложной практике и предписывать мужской род любому субъекту, чей род/пол не очевиден? Или имеет смысл выстраивать новую дихотомию, в которой «Другому вообще» будет противостоять «Другая в частности»? В ответ на мой вопрос об этом Шейла Бенхабиб предложила использовать, как она выразилась, «нейтральный род» при переводе на русский «Другого в частности», хотя, как отметила философ, в подобной позиции действительно «чаще всего оказываются именно женщины», и именно для женщин «наиболее типично» мышление в данных терминах. Несмотря на всю свою философскую привлекательность, на мой взгляд, «Другое в частности» вряд ли смогло бы стать выходом из данного лингвистико-эпистемологического тупика. Именно поэтому здесь и далее при переводе я использовал «Другого в частности», понимая всю условность его мужского рода. — *Прим. автора.*

ституция» личностей⁷⁵, отношения между которыми исходят из моральных принципов дружбы, любви, заботы, симпатии и солидарности. «Другой» воспринимается здесь не только как равный субъект, но прежде всего как личность, обладающая индивидуальными качествами.

Шейла Бенхабиб, безусловно, не одинока в своем достаточно утопическом стремлении воспринимать взаимоотношения между людьми с точки зрения принципов дружбы, любви, заботы, и т. п. — подобный подход характерен для многих феминистских исследований. Отличительной чертой теоретических построений Бенхабиб, однако, является попытка продемонстрировать логическое несоответствие «правового формализма», альтернативой которому и может служить этика заботы.

Два момента существенны для понимания политической значимости выводов Бенхабиб. Первый из них связан с закономерным вопросом о *логических пределах индивидуализации*. Действительно, если суть отношений строится по принципу учета многообразных конституирующих отличий, превращающих внешне схожие ситуации в фактически несопоставимые, если, иными словами, суть отношений состоит в сознательном возрастающем воспроизводстве разнообразных «конкретных других», то что может объединить эти разрозненные группы, что может стать хотя бы временной основой их политической солидарности? Политическая подоплека проблемы очевидна — она отражает структурный кризис, с которым столкнулось феминистское движение в конце 1980-х гг., распавшееся на многочисленные «группы по интересам», лишенные объединяющей философии. Бенхабиб удается избежать логического тупика при помощи испытанного приема. Как замечает философ, конкретизация другого не должна скрывать из виду его — другого — всеобщий характер. Цель своей философской интервенции она видит не в том, чтобы сформулировать принципиально *иные* этические принципы, но в том, чтобы дополнить формализм абстрактного права жизненностью межличностных отношений. Или, словами самой Бенхабиб:

То первостепенное значение, которое отводит современная философия морали в целом и универалистская мораль справедливости в частности таким качествам моральной личности,

⁷⁵ S. Benhabib, «The generalized and the concrete other ...», p. 159.

как чувство достоинства и собственной ценности, во многом обусловлено забвением и даже подавлением таких качеств телесной личности, как уязвимость и зависимость. Те нити зависимости и те сети человеческих взаимоотношений, в которых мы все пребываем, нельзя уподоблять одежде, из которой мы вырастаем со временем... Мы связаны этими нитями, нитями, которые формируют нашу моральную идентичность, наши потребности и наши взгляды на достойную жизнь. Автономная личность — это личность, имеющая плоть и кровь, и универалистским теориям морали необходимо признать всю важность роли, которую играет в процессе формирования этой личности и опыт заботы, и опыт справедливости.⁷⁶

«Другой», иными словами, обречен выступать в двух ипостасях одновременно — т. е. быть другим «вообще», не переставая быть другим «в частности». И каждая из этих ипостасей накладывает существенный отпечаток и на процесс принятия морального суждения, и на его результат.

Второй существенный момент в схеме Бенхабиб связан с ее попыткой *конкретизировать* образ потенциального представителя этики заботы и ответственности. Ссылаясь на название книги Гиллиган (*Другим голосом...*), Бенхабиб замечает:

Можем ли мы назвать этот «другой» голос женским голосом? Можно ли говорить о существовании «женского голоса» вне зависимости от расовых и классовых различий, вне зависимости от социального и исторического контекста? И каково происхождение различий в моральных суждениях мужчин и женщин, о которых пишет Гиллиган?⁷⁷

Неудивительно, что ответы на свои вопросы Бенхабиб в значительной степени находит в тех теориях психосексуального развития, которые подчеркивают именно различия в формировании мужской и женской личностей. Опираясь на работы Гиллиган и Нэнси Чодоров,⁷⁸ Бенхабиб рисует ситуацию, в которой

⁷⁶ S. Benhabib, «The debate over women and moral theory revisited», in S. Benhabib, *Situating the self...*, p. 189.

⁷⁷ Ibid., p. 191.

⁷⁸ N. Chodorow, *Feminism and psychoanalytic theory* (New Haven: Yale University Press, 1989); N. Chodorow, *The reproduction of mothering: psychoanalysis and the sociology of gender* (Berkeley: University of California Press, 1978);

половая идентичность мужчины строится на принципе отрицания, отделения, отдаления от изначальной идентификационной модели матери. Возникающая «негативная» мужская идентичность, таким образом, имеет четко очерченные границы между «я» и «не-я», четкое стремление к автономии и, соответственно, к формализму в межличностных отношениях. В свою очередь, женская идентичность носит менее прерывный характер, материнская модель для подражания так и остается исходной моделью, ее параметры могут подвергнуться изменениям, но вряд ли будут полностью отвергнуты. Именно этот неполный разрыв, эта взаимосвязь исходной, базовой модели и последующих идентичностей дает Бенхабиб основания для того, чтобы говорить о более «проницаемых» границах женского «я» с такими типичными для него/нее характеристиками как способность со-чувствовать и со-переживать.⁷⁹

Отвечая на шквал упреков, вызванных подобным морально-анатомическим фундаментализмом,⁸⁰ Бенхабиб заметила, что, безусловно, ее утопическая картина далека от совершенства. И все же, спрашивала своих критиков философ, способны ли они предложить иные этические постулаты взамен сформулированного ею «синтеза» принципов автономного морального суждения и со-чувствующей заботы? Способны ли они, продолжала Бенхабиб, выработать такой нормативный идеал личности, который бы разительно отличался от предложенной ею модели автономного индивидуума, чье «я» открыто внешним воздействиям и не впадает в панику при столкновении с чужеродным и незнакомым? И наконец, в качестве образа феминистской политики, способны ли эти критики, — заключала Бенхабиб, — предложить нечто принципиально отличное от выдвинутой ею

C. Gilligan, *In a different voice: Psychological theory and women's development*. (Cambridge: Harvard University Press, 1982). Часть русского перевода (Гиллиган К. Иным голосом: психологическая теория и развитие женщин. М.: Республика, 1992.) доступна по адресу: <http://www.nsu.ru/psych/internet/bits/gilligan.htm>

⁷⁹ S. Benhabib, «The debate over women and moral theory revisited», p. 194.

⁸⁰ См., например: I. Young, «The ideal of community and the politics of difference», *Social Theory and Practice*, 1986, 12.1; W. Brown, *States of injury: power and freedom in late modernity* (Princeton: Princeton University Press, 1995).

идеи демократического полиса, построенного на принципах экологии, людской солидарности и отсутствия милитаризма?⁸¹

6. Заключение: итоги и перспективы развития политической теории феминизма на современном этапе

Три феминистских теоретических подхода, рассмотренных в этом разделе, предлагают не только три различных способа феминистского философского осмысления политических проблем, но и три различных модели женской политической практики. Несовпадаемость этих подходов и моделей, их непрекращающееся взаимное, диалогическое сосуществование, пожалуй, является одним из наиболее ярких и продуктивных примеров феминистской интервенции в области философии, теории и практики современной власти. Утопическая концепция всеобщей справедливости привела Нэнси Фрейджер ко вполне практическому анализу не только конкретных *принципов* производства и воспроизводства дискурсивного неравенства, но и к анализу иерархии *институциональных форм*, в которых это неравенство находит свое выражение. Исходная теоретическая предпосылка Джудит Батлер об относительной природе любой социальной категории, в свою очередь, отразилась в ее категорическом отказе строить политические движения на скользкой основе мифологизированных идентичностей. И наконец, моральный универсализм Шейлы Бенхабиб нашел свое конкретизированное выражение в этике межличностных отношений. Поляризация философии и теории власти, предпринятая этими авторами, их постоянные попытки обозначить, подчеркнуть, акцентировать взаимосвязь проблематики пола и политики, в конечном итоге, преследует одну, вполне простую идею: политическое общение есть общение конкретных, осязаемых людей. И именно с этой простой мыслью связаны дальнейшие перспективы развития современной феминистской политической теории.

⁸¹ S. Benhabib, *Situating the self: Gender, community and postmodernism in contemporary ethics* (Cambridge: Polity Press, 1992), p. 231.

Социология гендера

Елена Здравомыслова,
Анна Темкина

1. Социальное конструирование гендера: феминистская теория¹

Задача данного раздела заключается в том, чтобы представить социологические основания одного из феминистских подходов, получившего название теории социального конструирования гендера и являющегося одним из ведущих в социологии гендерных отношений.

1. Социальное конструирование гендера как феминистская критика

В *Энциклопедии феминизма*, опубликованной в 1986 году, социальный конструктивизм определяется в самом общем виде как «представления, что статус женщины и кажущееся естественным различие между мужским и женским не имеют биологического происхождения, а, скорее, являются способом интерпретации биологического, легитимным в данном обществе».²

Положение о том, что отношения между полами социально сконструированы, основано на отрицании биологического детерминизма. Сторонники теории социального конструирования ген-

¹ Версии данной главы были опубликованы: Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Социальное конструирование гендера как феминистская теория // Женщина. Гендер. Культура / Под ред. Хоткиной З. А., Пушкаревой Н. Л., Трофимовой Е. И. Москва, 1999. С. 46-65; Социальное конструирование гендера // Социологический журнал. N 3-4. С. 171-182.

² Lisa Tuttle, *Encyclopedia of Feminism* (London: Arrow Books, 1986), p. 305.

дера подвергают сомнению тот факт, что отношения, складывающиеся между полами в обществе, являются дериватами принадлежности к биологическому полу, что все социальное биологически фундировано и поэтому считается *естественным* и *нормальным*. Тем самым они критикуют внеисторизм и эссенциализм (сущностную неизменность) сложившихся отношений между полами и социальными группами, различающимися по биологическим признакам.

Феминистские сторонники социального конструктивизма развивают свой подход в оппозиции к нескольким группам взглядов. Они оппонируют, во-первых, так называемой позиции «здравого смысла», во-вторых, основному руслу социальной теории, в-третьих, тем направлениям феминистской мысли, которые мыслят гендер как культурные корреляты биологического пола. Феминистская критика представляет собой один из аспектов когнитивной практики женского движения второй волны, целью которой является объяснение несправедливости существующего гендерного порядка и выработка средств для его изменения.

Итак, социальный конструктивизм, во-первых, оппонирует *здоровому смыслу* биологического детерминизма или фундаментализма. Природа человека, как известно доминирующему до сих пор здоровому смыслу, носит двойственный характер, иными словами «все на свете делится на мужское и женское». В обыденных представлениях «анатомия — это судьба», следовательно, в основании культурной интерпретации пола, возраста, этничности содержится некая биологическая сущность, аскриптивный (предписанный) статус.

В отличие от биологического детерминизма, социальный конструктивизм постулирует, что половые роли сконструированы, и отстаивает парадоксальный для эссенциалистов тезис: и мужчины, и женщины создаются, ими не рождаются. Утверждается, что не существует ни женской, ни мужской *сущности*: биология — не есть судьба ни для мужчины, ни для женщины (ни для всякого *иного* — ребенка, старика), нет заданного изначально и навеки предопределенного женского/мужского — вопреки предположениям «здравого смысла». Все мужское и женское, молодое и старое создано в разных контекстах, имеет разные лица и наполнено различным содержанием опыта и смыслами.

Сторонники теории социального конструирования гендера выступили, во-вторых, как *критики основного русла социологических теорий*, большинство из которых эксплицитно или имплицитно содержит эссенциалистские предпосылки трактовки отношений между полами. Поясним это на примере таких классических направлений социальной теории, как марксизм, структурный функционализм и драматургический интеракционизм.

Логика марксистской социологии при всех вариантах приводит исследователей к утверждению, что гендерные отношения, т. е. отношения между полами, — это один их аспектов производственных отношений, которые мыслятся как отношения эксплуатации. При этом разделение труда между мужчиной и женщиной рассматривается как первичное, необходимое для существования человеческого рода. «Вместе с этим (ростом потребностей — Е.З., А.Т.) развивается и разделение труда, которое вначале было лишь разделением труда в половом акте, а потом — разделением труда, совершавшимся само собой или «естественно возникшим» благодаря природным задаткам (например, физической силе), потребностям, случайностям».³

Эмил Дюркгейм связывает изменение положения полов с общественным разделением труда и развитием цивилизации. В результате социального развития, считает Дюркгейм, «один из полов завладел эмоциональными функциями, а другой — интеллектуальными».⁴ В основании диссоциации функций находятся «дополняющие друг друга (т. е. природные — Е.З., А.Т.) различия».⁵

Колоссальное влияние на осмысление отношений между полами в социологической мысли имели труды Т. Парсонса, особенно совместная монография Парсонса и Бэйлза.⁶ Этот подход

³ Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология* // Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*, изд. 2. 1955. Т. 3. С. 30.

⁴ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда // Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. *Метод социологии*. М: Наука. 1991. С. 61.

⁵ Там же. С. 58.

⁶ Talcott Parsons, «Age and Sex in the Social Structure», in Talcott Parsons, *Essays in Sociological Theory* (Glencoe, Illinois: The Free Press, 1949), pp. 218-232; Talcott Parsons, R. Bales, *Family, Socialization and Interaction Process* (New York: The Free University Press, 1955).

стал парадигмальным, получив название *поло-ролевого*. Согласно ему, женщина выполняет экспрессивную роль в социальной системе, мужчина — инструментальную. Экспрессивная роль означает, говоря современным языком, осуществление заботы, эмоциональной работы, поддержание психологического баланса семьи. Эта роль является монополией домашней хозяйки, относится к сфере ответственности женщины. Инструментальная роль мужчины заключается в регуляции отношений между семьей и другими социальными системами, это роль добытчика и защитника. Типы ролевого поведения определяются социальным положением, ролевые стереотипы усваиваются в процессе социализации и интериоризации норм, или ролевых ожиданий. Правильное исполнение роли обеспечивается системой поощрений и наказаний (санкций), положительных и отрицательных подкреплений. При этом исходным основанием поло-ролевого подхода является имплицитное признание биологического детерминизма ролей, отсылающее к фрейдистскому представлению о врожденных мужском и женском началах.

Поло-ролевой подход оказался настолько востребованным в социологии, что и в его рамках, и за его пределами вплоть до настоящего времени используются понятия мужской и женской роли. Данный подход стал *общим местом* научных и повседневных обсуждений мужского и женского.⁷ Как указывает австралийский социолог Р. Коннелл, биологическая дихотомия, лежащая в основе теории ролей, убедила многих теоретиков в том, что отношения полов не включают измерения власти, «женская» и «мужская» роли молчаливо признаются равнозначными, хотя и разными по содержанию.⁸

⁷ В работе «Ролевая структура и анализ семьи» (Nye et al. *Role Structure and Analysis of the Family*. Beverly Hills, Sage, Sage Library of Social Research, 1976. Vol.24.) «группа американских социологов приводит удивительный список ролей, которые они обнаружили в американской семье, включая «роль заботы о детях», «роль родственника», «сексуальную роль», «рекреационную роль», не говоря уже о ролях «добытчика» и «хранительницы очага». (Коннелл Р. Современные подходы // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы / Под ред. Здравомысловой Е.А., Темкиной А.А. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2000. С. 259).

⁸ Коннелл Р. Современные подходы // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы / Под ред. Здравомысловой Е.А., Темкиной А.А. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2000. С. 262.

Драматургический интеракционизм И. Гофмана считается источником социально-конструктивистской интерпретации гендерных отношений. Однако и в его работах можно усмотреть эссенциалистские тезисы. Половые различия, рассматриваемые им на уровне социального взаимодействия, воспринимаются как выражение естественной половой сущности индивидов. «гендерная игра», осуществляемая в социальных взаимодействиях, становится «естественным» проявлением сущности (биологического пола) актеров, которая организована социально. Половые различия наделяются социальным смыслом в соответствии с принципами институциональной рефлексивности.⁹ гендерная институциональная рефлексивность рассматривается как врожденность гендерных стереотипов во все институты общества.

Итак, до распространения феминистской критики в 70-е годы интерпретация полов в социологии в своем основании так или иначе содержала эссенциалистские принципы. Это касается и марксистской социологии, и структурно-функционального анализа, и социологии микроуровня. Таким образом, социология практически всегда включала в свое поле рассмотрение отношений полов, которое зависело от общего теоретического подхода, однако пол при этом интерпретировался как аскриптивный (приписанный) статус.

В противоположность классическим, феминистский гендерный подход сформировался как критика представлений классической социологии о природе отношений между полами: в его рамках статус пола перестает быть аскриптивным, а гендерные отношения рассматриваются как социально организованные отношения власти и неравенства. Именно в рамках социально-конструктивистского подхода было сформулировано такое понимание гендерных отношений и определен предмет гендерных исследований. Как указывает немецкая исследовательница Р. Хоф, гендерные исследования задаются прежде всего вопросом о значении, которое приписывается различиям между мужчинами и женщинами. Исследователи отрицают наличие причинной зависимости между мужской и женской анатомией и определенными общественными ролями, которая принима-

⁹ Erving Goffman, «Frame Analysis of Gender», in C. Lemert and A. Branaman, eds., *Goffman Reader* (Blackwell Publ, 1997), pp. 201-208; Erving Goffman, «Gender Display», *ibidem*, pp. 208-227.

ется как естественный порядок вещей. Общественная организация, в которой мужчины и женщины играют определенные роли, не может быть понята без анализа соответствующих властных систем.¹⁰

Кроме того, социальные конструктивисты оппонируют *предшествующей* феминистской мысли, противопоставляющей гендер полу как культурное — биологическому. Тезис о том, что «женщиной рождаются», подвергается критике уже Симоной де Бовуар в работе *Второй пол*¹¹ (1949 г). Однако в феминистской литературе вплоть до начала 70-х годов доминировало представление о том, что гендер является культурным коррелятом пола, в основании которого находятся природные (анатомические) характеристики. В контексте различения пола и гендера считалось, что гендерная константа формируется у ребенка к пятилетнему возрасту, дальнейшая социализация заключается лишь в обогащении базовой роли соответствующими опытами, посредством чего гендерная константа воспроизводится и укрепляется, гендерная идентичность становится личностным атрибутом, который фиксируется и остается неизменным и неотчуждаемым. В этом смысле гендерная константа может быть с успехом уподоблена биологическому полу. Если гендер достигнут к пятилетнему возрасту и дальше уже не изменяется, то по существу он функционирует как аскриптивный статус.

Под влиянием социально-конструктивистской феминистской критики происходит проблематизация анатомических и других биологических оснований пола. Сомнение в том, что пол и гендер различаются как приписанный и достигаемый статусы, приводит к новой интерпретации этих понятий: гендер определяется как причина и результат повседневных взаимодействий, которые контролируются обществом.

Биологический детерминизм представляется феминисткам неприемлемым и *по политическим мотивам*. Теория как когнитивная практика движения ориентируется на социальные изменения, т. е. на изменения гендерной стратификационной системы. Социальная теория призвана предоставить обоснование изменения гендерного порядка и соответствующих коллективных действий.

¹⁰ Хоф Р. Возникновение и развитие гендерных исследований // Пол. Гендер. Культура / Под ред. Шоре Э. и Хайдер К. М.: РГГУ, 1999. С. 42.

¹¹ Бовуар С. Второй пол. М.: «Прогресс», СПб.: «Алетейя», 1997.

Социальный конструктивизм стал той теорией, на основании которой стали концептуализироваться различия между разными категориями женщин и мужчин. Во второй половине 80-х годов в рамках женского движения был подвергнут сомнению доминирующий тогда феминистский дискурс — дискурс общности женского опыта страдания или дискурс *женского универсализма*. Декларация женской общности, выражаемая обращением «сестры» и категорией *женщина*, была поставлена под сомнение. На этом этапе вызов доминирующей феминистской позиции был обусловлен активизацией в движении и дискурсе цветных женщин, в том числе и чернокожих американок. Они определили весь предшествующий феминистский дискурс как обсуждение белыми женщинами, принадлежащими к среднему классу, своих проблем, не связанных с опытом женщин других этнических, социальных, религиозных групп. Частные опыты, утверждали они, имеют локальный характер, его генерализация всегда приобретает идеологический смысл. Приписывание всем женщинам опыта американок, принадлежащих среднему классу, интерпретируется как попытка белых женщин элиты утвердить свое дискурсивное господство над разного рода меньшинствами. В ответ на доминирующий феминистский дискурс возникают национальные, локальные и этнические феминизмы. Иллюстрацией этой позиции является высказывание афро-американской феминистки белл хукс, которая утверждает, что в большинстве текстов, написанных белыми женщинами по женскому вопросу, начиная с 19 века и до сих пор, авторы пишут о людях (вообще), а имеют в виду белых людей, при этом говорят «женщины», но имеют в виду белую женщину. Соответственно, термин «черный» часто употребляется у них как синоним «черных мужчин». В монографии *Феминистская теория: от края к центру* (1984) белл хукс приходит к заключению, что в США белые мужчины являются угнетателями белых женщин, но белые мужчины и женщины одновременно являются угнетателями черных,¹² т.о. система господства конструируется и воспроизводится на разных уровнях в рамках одной расы и между расами.

¹² bell hooks, *Feminist Theory: From Margin to Centre* (Boston: South End Press, 1984); см. также белл хукс. *Феминистская теория: от края к центру* // Антология гендерной теории / Сост. Гапова Е., Усманова А. Минск: «Пропилеи», 2000. С. 236-253.

В основе нового представления цветных феминисток о гендерных отношениях лежит опыт депривации (обездоленности) определенных групп женщин, который не вписывался в сложившуюся парадигму. Меньшинства феминистского движения (цветные) оказались немymi, лишенными голоса в дискурсе феминизма. Политически осознанное *переживание и осмысление несправедливости* становится сильнейшим стимулом для формирования нового теоретического подхода. Единственная возможность стать видимыми и слышимыми для *других* женщин заключалась в переосмыслении теоретических оснований той концепции, которая оставила их опыт за пределами публичного дискурса, который, по Ю. Хабермасу является дискурсом о справедливости и правах человека.

Итак, задачей новых сил феминистского движения конца 80-х годов становится анализ значений, приписываемых различиям мужского и женского в разных контекстах, и анализ отношений власти, которые создаются социальными взаимодействиями.

Исследователи осознали необходимость прояснить основания существующих гендерных отношений, ответить на вопрос, как возможны гендерные отношения в данном обществе, каким образом они создаются, принимая вид естественных и имманентно присущих индивиду, группе, социуму. Если признать, что гендер сконструирован как общественные отношения властного взаимодействия, то можно поставить вопрос об изменении данных отношений: то, что встроено в социальный порядок, может быть не только проанализировано, но также подвержено сомнению и перестроено.

Таким образом, теория социального конструирования гендера, как всякая феминистская теория, содержит политический мотив и ориентирована на политический результат. В этом смысле мы можем считать ее идеологией — т. е. ориентацией на социальные изменения. Сторонники этого подхода, в частности, американская исследовательница Д. Лорбер, утверждает, что необходимо построение нового социального порядка, потому что социальный порядок, существующий в настоящее время, пронизан гендерными отношениями неравенства и базируется на них.¹³

¹³ J. Lorber, S. Farrell, eds.. *Social Construction of Gender* (Sage Publications, 1991).

Социальный порядок будущего должен быть основан на принципе гендерного равенства. Это означает, что различия, в том числе и между полами, перестанут реализовываться как иерархические, как предполагающие разный статус, разные возможности.

2. Теоретические основания

Для прояснения сути той или иной специальной теории надо показать ее место в поле современной социологии. Социально-конструктивистская интерпретация гендерных отношений не является автономной, она вырастает из более широкого постклассического социологического дискурса. Можно выделить, по крайней мере, три социологические теории, которые стали питательной почвой формирования данного феминистского исследовательского направления.

1) Социально-конструктивистский подход П. Бергера и Т. Лукмана

Основной тезис теории П. Бергера и Т. Лукмана, изложенный в работе 1966 года *Социальное конструирование реальности*,¹⁴ сводится к следующему. Социальная реальность является одновременно объективной и субъективной. Она отвечает требованиям объективности, поскольку независима от индивида. С другой стороны, социальную реальность можно рассматривать как субъективный мир, потому что она постоянно создается индивидом.

Американский социолог Бергер и немецкий социолог Лукман в середине 60-х годов поставили под сомнение господствующую американскую социологическую парадигму — парсонсианское представление о том, что есть социологическое познание. Основой социологии как таковой они объявили социологию знания, что отражено в подзаголовке книги: *трактат по социологии знания*. Социология знания возникла в 20-е годы и рассматривалась, прежде всего, как изучение социального происхождения идей, концепций и теорий.¹⁵ Бергер и Лукман, вслед за

¹⁴Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. Пер. с англ. М.: «Медиум», 1995.

¹⁵М. Scheler, «Wissensformen und die Gesellschaft», in Probleme einer Soziologie des Wissens (Bern, 1960).

К.Манхеймом¹⁶ (1994), расширяют это понимание. Они «заземляют» саму трактовку знания: для них сфера знания — это не только высокие сферы теоретических концептов, но и обыденное знание, т. е. весь тот запас навыков, опытов и стереотипов, которым оперирует человечество в мире повседневности. Таким образом интерпретированная социология знания суть социология *per se*, поскольку ее предметом оказывается происхождение и механизмы создания того опыта и того социального порядка, который имеет место быть.

В феминистском дискурсе эта теория получает сильные позиции во второй половине 80-х годов. Феминистские исследователи ставят перед собой ту же самую задачу, что и авторы указанного выше трактата. Гендер для них — это повседневный мир взаимодействия мужского и женского, во-площенный в практиках, представлениях, предпочтениях бытования. Гендер

— это системная характеристика социального порядка, от которой невозможно избавиться, от которой невозможно отказаться: она постоянно воспроизводится и в структурах сознания, и в структурах действия и взаимодействия. Задача исследователя

— выяснить, каким образом создается мужское и женское во взаимодействии, в каких сферах и каким образом оно поддерживается и воспроизводится.

Рассмотрим аргументы в пользу нового подхода. С чем связано сомнение в том, что пол является врожденным и неизменным, что человека, который родился, можно однозначно приписать к тому или иному полу? Одним из вызовов такой позиции является гомосексуализм и не столько сама практика гомосексуальных отношений, сколько изменение дискурса об однополой любви. Второй вызов — это обсуждение проблемы транссексуалов. Третий вызов связан с осмыслением новейших биологических исследований, согласно которым однозначное приписывание пола по хромосомным и генетическим признакам является затруднительным. Все явления, прежде рассматривавшиеся как аномалии, болезни, перверзии, в постсовременном дискурсе нашли место как варианты нормы, как проявления многообразия жизни. Новые дискурсивный факты приводят

¹⁶ Манхейм К. Идеология и утопия // Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: «Юрист», 1994. С. 7-276.

феминистских авторов к выводу, что не только роли, но и самая принадлежность по полу приписывается индивидам в процессе взаимодействия.

Новый тезис заключается в том, что пол является социальным конструктом. Представление о социальном конструировании гендера существенно отличается от теории гендерной социализации, разработанной в рамках поло-ролевого подхода Т. Парсонса, Р. Бейлса и М. Комаровски.¹⁷ В центре поло-ролевой теории социализации — процесс научения и интериоризации культурно-нормативных стандартов, стабилизирующих социум. Научение предполагает усвоение и воспроизведение существующих норм. Таким образом, подоплекой этого концепта является представление о личности как относительно пассивной сущности, которая воспринимает, усваивает культурную данность, но не создает ее сама.

Первое отличие теории конструирования гендера от традиционной теории гендерной социализации заключается в акценте на активность научаемого индивида.¹⁸ Идея конструирования подчеркивает деятельностный характер усвоения опыта: субъект *создает* гендерные правила и отношения, а не только усваивает и воспроизводит их. Он может и воспроизвести их, но, с другой стороны, — он в состоянии их разрушить. Сама идея *создания* подразумевает возможность изменения социальной структуры: то есть, с одной стороны, гендерные отношения являются объективными, потому что индивид их воспринимает как внеполо-женную данность, но, с другой стороны, они являются субъективными как социально конструируемые каждодневно, ежеминутно, здесь и сейчас.

Второе отличие обсуждаемого здесь подхода заключается в том, что гендерное отношение понимается не просто как различие-дополнение, а как конструируемые отношение неравенства,

¹⁷ Talcott Parsons, «Age and Sex in the Social Structure», in Talcott Parsons, *Essays in Sociological Theory. Pure and Applied* (Glencoe, Illinois: The Free Press, 1949), pp. 218-232; Talcott Parsons, R. Bales, *Family, Socialization and Interaction Process* (New York: The Free University Press, 1955); М. Комаровский, «Functional Analysis of Sex Roles», *American Sociological Review*, N° 15, 1950. pp. 508-516.

¹⁸ У Бергера и Лукмана термин «социализация» рассматривается неортодоксально — не только как процесс усвоения ролей, но и как процесс выработки новых правил.

в рамках которых мужчины занимают доминирующие позиции. Дело не только в том, что в семье и в обществе мужчины выполняют инструментальную, а женщины — экспрессивную роль,¹⁹ а в том, что исполнение предписанных и усвоенных ролей подразумевает неравенство возможностей, преимущества мужчины в публичной сфере, вытеснение женщины в приватную. При этом сама приватная сфера оказывается менее значимой, менее престижной и даже репрессированной в западном обществе периода модерна.

гендерные иерархии (вос)производятся на уровне социальных взаимодействий. Факт «производства гендера» (*«doing gender»*) становится очевидным лишь в случае коммуникативного сбоя, поломки сложившихся образцов поведения.

2) Этнометодология Г. Гарфинкеля: случай Агнес как категоризация и осуществление гендера в повседневности

Концептуализация проблем гендерных отношений Гарфин-кем представлена анализом случая транссексуализма Агнес.²⁰ Рассмотрим его подробнее. Агнес с рождения до восемнадцатилетнего возраста воспитывалась мальчиком, с рождения имея мужские гениталии. В 18-летнем возрасте, когда сексуальные предпочтения и телесная идиома привели к личностному кризису, он(а)²¹ поменяла идентичность и приняла решение стать женщиной. Наличие мужских гениталий она интерпретировала как *ошибку природы*. Эта «ошибка», по мнению Агнес, подтверждается тем фактом, что везде ее принимали за женщину, и сексуальные предпочтения, которые она испытывала, были сексуальными предпочтениями гетеросексуальной женщины. Смена идентичности приводит к тому, что Агнес полностью меняет образ жизни: она покидает родительский дом и город, меняет внешность — причёску, одежду, имя. Через некоторое время Агнес

¹⁹ Talcott Parsons, R. Bales, *Family, Socialization and Interaction Process* (New York: The Free University Press, 1955).

²⁰ H. Garfinkel, *Studies in Ethnomethodology* (Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall, 1967).

²¹ Наш рассказ на русском языке затруднен в связи с гендерной заданностью родов существительных, язык предполагает использование мужского и женских родов — и мы не можем выйти за пределы данных дискурсивных структур.

убеждает хирургов в том, что ей необходимо сделать операцию по смене половых органов. Происходит хирургическая реконструкция гениталий. У нее появляется сексуальный партнер мужского пола. В связи с изменением биологического пола перед ней стоит жизненно важная задача — стать *настоящей женщиной*. Ей очень важно, чтобы ее никогда не разоблачили — это залог ее признания в обществе, ее вписывания в рутину повседневности. Это задача, которую новая молодая женщина должна решить, не имея «врожденных сертификатов» женственности, не имея изначально женских половых органов, не пройдя школу «женского опыта», который известен лишь частично, поскольку во многом незаметен в материи человеческих взаимоотношений. Выполняя эту задачу, Агнес осуществляет постоянные действия по созданию и подтверждению новой гендерной идентичности. Именно эта стратегия становления «настоящей женщины» становится предметом анализа Гарфинкеля.

Случай Агнес, проанализированный в феминистской перспективе, позволяет по-новому понять, что такое пол (*sex*). Для того, чтобы выяснить, каким же образом создается, конструируется и контролируется гендер в рамках социального порядка, исследователи аналитически различают три главных понятия: *биологический пол (sex)*, *приписывание пола (категоризация по полу)* и *гендер*.²²

Биологический пол — это совокупность биологических признаков, которые являются лишь предпосылкой отнесения индивида к тому или иному биологическому полу. Категоризация по полу или приписывание пола в отношении индивида имеет социальное происхождение. Наличие или отсутствие соответствующих первичных половых признаков не гарантирует того, что индивида будут относить к определенной категории по полу. Агнес сознательно строит собственный гендер, учитывая механизмы категоризации по признаку пола, действующие в повседневной жизни. Она повседневно занята тем, чтобы убедить общество в своей женской идентичности. Гарфинкель называет Агнес методологом-практиком и истинным социологом, потому что, попадая в проблемную ситуацию гендерного сбоя (*gender*

²² Уэст К., Зиммерман Д. Создание гендера. Пер. с англ. // Гендерные Тетради / Под ред. Клецина А. СПб.: Труды СПбФ ИС РАН, 1997. Вып. Первый. С. 94-124.

*trouble?*²³), она начинает осознавать механизмы «делания» социального порядка. Ее опыт, фиксируемый и анализируемый Гарфинкелем и его исследовательской группой, приводит к пониманию того, что социальный порядок держится на различии мужского и женского, т. е. он гендерно сконструирован.

Отличие *пола, категоризации по признаку пола и гендера* позволяют исследователям выйти за пределы интерпретации пола как биологической данности, как константы, как *аскриптивного статуса*, противопоставленного гендеру — *достигаемому статусу*. Гендер мыслится как результат повседневных взаимодействий, требующих постоянного исполнения и подтверждения, он не достигается раз и навсегда в качестве неизменного статуса, а постоянно производится и воспроизводится в коммуникативных ситуациях. Одновременно это «культурное производство» скрывается и выдается обществом за проявление некоей биологической сущности. Однако в ситуациях коммуникативных сбоев самый факт «производства» и его механизмы становятся очевидными.

Процедура приписывания пола постоянно сопровождает повседневное человеческое взаимодействие. В пользу данного тезиса американские феминистские исследователи К. Уэст и Д. Зиммерман приводят другой пример «гендерного сбоя». Клиент-социолог приходит в компьютерный магазин и обращается к продавцу за консультацией. Однако он сталкивается с затруднением в коммуникации, поскольку не может определить пола человека, к которому он адресует свой вопрос. Рассказчик-клиент ощущает чрезвычайное неудобство от невозможности идентифицировать пол продавца-партнера по взаимодействию — он сталкивается с тем, что может быть названо *gender trouble*. Покупатель-социолог осознает, что эффективная коммуникация по законам и нормам общества, в котором он живет, требует определения пола взаимодействующих. Он испытывает потребность в категоризации, потребность отнести этого продавца к женскому или мужскому полу. В ситуации неопределенности в процессе взаимодействия возникает вопрос о критериях отнесения того или иного лица к категории пола.

²³ Термин «*gender trouble*» заимствован из книги Дж. Батлер, на русский язык термин переведен также как «гендерное беспокойство» (Батлер Дж. Гендерное беспокойство // Антология гендерной теории / Сост. Гапова Е., Усманова А. Минск: «Пропилеи», 2000. С. 297-346.

Ситуация в магазине оставила клиента-исследователя в недоумении. Он не смог определить пол продавца, но сформулировал методологическую проблему: ситуация коммуникативного сбоя позволила зафиксировать потребность идентифицировать агентов взаимодействия по признаку пола, возникающую в процессе коммуникации. Когда пол того, с кем взаимодействуешь, известен, коммуникация *работает*, если же возникает проблема идентификации, коммуникация дает сбой. Таким образом исследователи подходят к выводу, чрезвычайно важному для микросоциологии гендерных отношений, а именно: приписывание пола (категоризация принадлежности по полу) является базовой практикой повседневного взаимодействия; она становится обычно нерелексированным фоном для коммуникации во всех социальных сферах и избавиться от нее не представляется возможным. Категоризация по полу атрибутивна социальному взаимодействию. Когда она затруднена, возникает коммуникативный срыв.

Рассказ о продавце и покупателе — это нарратив о проблемной ситуации коммуникации, позволяющей различить пол и категоризацию по полу (или приписывание пола). Пол индивида далеко не всегда совпадает с той категорией принадлежности по полу, которая ему приписана. Если биологический пол определяется через наличие биологических признаков — анато-мо-физиологических, то в ситуации взаимодействия лицом к лицу приписывание пола происходит по другим признакам.

Каким образом конституируется категория принадлежности полу в том или ином контексте, мы можем понять, лишь проанализировав механизмы работы той или иной культуры. Отсюда становится ясным, что гендерные отношения — это конструкты той культуры, в рамках которой они работают. Или — иными словами — работа культуры по приписыванию половой принадлежности и называется гендером.

Приведенное выше рассуждение позволяет конструктивистам сформулировать следующее понимание гендера. *Гендер — это система межличностного взаимодействия, посредством которого создается, утверждается, подтверждается и воспроизводится представление о мужском и женском как базовых категориях социального порядка.*²⁴

²⁴ Уэст К., Zimmerman Д. Создание гендера. Пер. с англ. // гендерные Тетради / Под ред. Клецина А. СПб.: Труды СПбФ ИС РАН, 1997. Вып. Первый. С. 94-124.

3) *Драматургический интеракционизм И. Гофмана: гендерный дисплей*

В теории социального конструирования ответ на вопрос, как концептуализировать контексты, в которых создаются базовые категории мужского и женского, фундирован другим теоретическим фреймом — социологическим (драматургическим) ин-теракционизмом И. Гофмана.²⁵

Утверждая, что гендер создается каждый момент, здесь и сейчас, исследователи приходят к выводу, что для понимания его оснований необходимо обратиться к анализу микроконтекста социального взаимодействия. Гендер в рамках этого подхода рассматривается как результат социального взаимодействия и одновременно как его источник.

Гендер проявляет себя как базовое отношение социального порядка. Чтобы осмыслить процесс строительства этого социального порядка в конкретной ситуации межличностного взаимодействия, Гофман вводит понятие *гендерного дисплея*. В коммуникации лицом к лицу обмен разного типа информацией сопровождаются фоновым процессом созидания гендера — *doing gender*. По утверждению Гофмана, гендерный дисплей является основным механизмом создания гендера на уровне межличностного взаимодействия лицом к лицу.

Используя понятие гендерного дисплея, конструктивисты вслед за Гофманом утверждают, что гендерные отношения невозможно свести к исполнению половых ролей, что механизмы гендера более тонки, и гендер нельзя сменить, подобно платью или роли в спектакле, он сросся с телами агентов взаимодействия.²⁶ Дисплей — это многообразие представления и проявле-

²⁵ E. Goffman, «Frame Analysis of Gender», in C. Lemert and A. Branaman, eds., *Goffman Reader*. (Oxford, Blackwell Publ., 1997), pp. 201-208; E. Goffman, «Gender Display», in C. Lemert and A. Branaman, eds., *Goffman Reader* (Oxford, Blackwell Publ., 1997), pp. 208-227.

²⁶ Феминистские тексты содержат много метафор, проясняющих смысл утверждений. Используем этот прием и приведем метафору, проясняющую смысл того, что понимается под *гендерным дисплеем*. Миф о смерти Геракла повествует о том, что герой надевает на себя плащ кентавра Неса, пропитанный ядом. Яд мгновенно проникает в тело Геракла, пытающегося в ужасных мучениях сорвать с себя плащ. Напрасно! Плащ срастается с телом, его можно сорвать только с кожей. Гендер в интерпретации Гофмана напоминает плащ Неса. Феминистки также подчеркивают не только не-

ния мужского и женского во взаимодействии. гендерный дисплей как представление половой принадлежности во взаимодействии (как спектакль) столь тонок и сложен, что его исполнение не может быть сведено к определенным репликам, костюмам, гриму или антуражу. Вся атмосфера — стиль (хабитус в лексиконе других социологов) составляют дисплей гендера. Эта виртуозная игра выучена актерами давно, она срослась с их жизнями, поэтому она выглядит естественным проявлением их сущности — выражением не гендера, но естества (биологического пола). В этом и заключается загадка конструирования гендера: каждую минуту участвуя в этом маскараде представления пола, мы делаем это таким образом, что игра кажется нам имманентно присущей и отражающей нашу сущность.

Феминистские исследователи оппонируют, как уже было сказано, биологическому детерминизму и не считают гендерный дисплей выражением биологической сущности пола. Дисплей, явленный в многообразии жестов, мимической игре, а также в материально-вещном оснащении исполнения, не является продолжением анатомо-физиологического пола, поскольку он не универсален, культурно детерминирован. Разные широты, разные истории, разные расы и социальные группы обнаруживают разные дисплеи. Различия гендерных дисплеев затрудняют сведение их к биологическим детерминантам, но зато заставляют обратить внимание на властное измерение отношений между полами, явленное в дисплее.

гендерный дисплей как механизм создания гендера на уровне взаимодействий должен быть «исполнен» таким образом, чтобы партнеры по коммуникации были правильно идентифицированы, т. е. как женщины/мужчины с уместным стилем и поведением в конкретной ситуации.

Для эффективной коммуникации в мире повседневности необходимо базовое доверие по отношению к тому, с кем происходит взаимодействие. Коммуникативное доверие основывается на возможности идентификации, основанной на социальном опыте агентов взаимодействия. Быть мужчиной и женщиной и проявлять это в дисплее — значит быть социально-компетент-

разделимость гендера и коммуникации, но и болезненность разрушений предписаний пола. Срывание плаща Неса — слом гендерной идентичности — всегда вызывает боль.

ным человеком, вызывающим доверие и вписывающимся в коммуникативные практики, приемлемые в данной культуре.

Условием доверия (а значит, коммуникации лицом к лицу) является неартикулированное допущение, что каждое действующее лицо обладает целостностью, обеспечивающей постоянство, когерентность и преемственность в его действиях. Эта целостность или идентичность мыслится как основанная на некоей сущности, которая является в многообразии поведенческих проявлений дисплеев женственности и мужественности, выражая принадлежность к полу и создавая возможность для категоризации.

Средства, которые используются в обществе для выражения принадлежности по полу, Гофман называет *формальными конвенциональными актами*. Формальные конвенциональные акты представляют собой модели уместного в конкретной ситуации поведения. Они построены по принципу «утверждение — реакция» и способствуют сохранению и воспроизводству норм повседневного взаимодействия. При этом предполагается, что исполнителями конвенциональных актов являются социально-компетентные действующие лица, включенные в данный социальный порядок, гарантирующий им защищенность от посягательств безумных (социально некомпетентных) индивидов. Примеры конвенциональных актов-контекстов гендерного дисплея неисчислимы. Всякое ситуативное поведение, всякое *сборище* (*gathering*), по Гофману, мыслится как гендерно окрашенное. Официальная встреча, конференция, банкет — один ряд ситуаций; деловой разговор, исполнение работы, участие в игре — другой. Воспитательные практики, сегрегация в использовании институциональных пространств — еще одна группа примеров. гендерный дисплей представляет собой совокупность формальных конвенциональных актов взаимодействия.

Осознание связи гендерных проявлений с контекстами эффективной коммуникации привело к использованию конструктивистами понятия *подотчетности и объяснимости* (*accountability*). Процесс коммуникации предполагает некоторое количество негласных допущений или условий, создающих сами возможности взаимодействия. Когда взаимодействующее лицо вступает в коммуникативный контекст, оно демонстрирует себя, сообщая о себе некую информацию, способствующую наведению коммуникативного моста, формированию отношения базового

доверия. Начиная общение, коммуникатор представляет себя как лицо, которое должно вызывать доверие. Его дисплей — это рассказ о себе, отчет перед другими, который своей уместностью делает человека приемлемым для коммуникации. Дисплей — это сертификат, гарантирующий его признание как нормального, который не нуждается в социальной изоляции и лечении.

Социальное воспроизводство дихотомии мужского и женского в гендерном дисплее гарантирует сохранение социального и интерактивного порядка. Как только дисплей выходит за пределы подотчетности, как только он перестает вписываться в общепринятые нормы бытования, его исполнитель попадает в ситуацию гендерной проблемы. Если женщина попробует стать тамадой на грузинском застолье, если мужчина-отец возьмет бюллетень по уходу за грудным младенцем при живой-здоровой матери в сегодняшней России, если мальчик в детском саду открыто выразит свое предпочтение игре в куклы — все эти персонажи столкнутся с сомнением общества в их социальной компетентности как мужчин и женщин. Это сомнение обусловлено тем, что их поведение не укладывается в созданные обществом нормы гендерного дисплея. Нарушение гендерного дисплея грозит ostracismом, но способствуют возникновению эмер-гентных норм.²⁷

Гофман полагает, что в ситуации взаимодействия гендерный дисплей действует как «затравка». Демонстрация принадлежности по полу предшествует исполнению основной практики и завершает ее, работая как переключающий механизм (*scheduling*). Гофман считает, что гендерный дисплей является включением в более важную практику, выступая своего рода прелюдией перед какой-то конкретной деятельностью.

Феминистские конструктивисты Уэст и Зиммерман критикуют Гофмана за недооценку *проникающей способности* гендера. Анализируя взаимодействия, они показывают, что явление половой принадлежности происходит не на его периферии, оно работает не только в моменты переключения видов деятельности -

²⁷ Вспомним мадам Кукшину — непривлекательный образ эмансипе из романа И.С. Тургенева «Отцы и дети», противопоставленный истинно женственной Одинцовой. Стиль Кукшиной, сколько бы не осуждался писателем, давно утвердился в нашем обществе, расширив допустимые нормы проявления женственности в российской культуре.

ти, но пронизывает взаимодействия на всех уровнях. Такая вездесущность и всепроникаемость гендера связана, в том числе, и с дискурсивным строением речи.

Грамматические формы родов, присутствующие во всех письменных языках, закрепляют женственность и мужественность как структурные формы и создают базовую основу для исполнения партий мужчины и женщины в многообразных контекстах. Обозначение профессиональной принадлежности, снабженное гендерным маркером (например, доктор и докторша, врач и врачиха) вызывают работу воображения, опирающуюся на опыт повседневности. Используя гендерные языковые формы, мы актуализируем представление о том, как должна себя вести женщина-врач и что мы ожидаем от мужчины-доктора. То же самое можно сказать о любой социальной ситуации. Всякая реально существующая или виртуальная ситуация взаимодействия гендерно специфицирована, и избавиться от этого не представляется возможным. Для изменения такого социального порядка надо изменить не только практики повседневности, но и дискурсивные структуры языка, что пытаются делать радикальные феминистки.

Итак, необходимость производства мужественности и женственности коренится в представлениях о социальной компетентности участников взаимодействия. Это производство непрерывно, оно не сводится к исполнению некоторых ролей, но характеризует личность тотально и выражается в гендерном дисплее. гендерный дисплей конвенционален и способствует воспроизводству социального порядка, основанного на представлении о мужском и женском в данной культуре. Данный тезис конструктивизма основан на микросоциологии социального взаимодействия и подтверждается исследованиями Гофмана, Гар-финкеля, Бергера, Лукмана и других социологов феноменологического направления.

3. Основные положения

1) Гендер и власть

Одним из самых существенных тезисов конструктивизма является тезис об инкорпорированности властных отношений в гендерные. В основе гендерной организации социальной реаль-

ности, утверждают феминистские исследователи, лежат отношения власти. В современном обществе отношение мужского и женского — это отношение различия, сконструированного как *неравенство возможностей*. Асимметрия отношений подчеркивается гендерным дисплеем, который маскирует дискриминацию под различие. Большинство ситуаций взаимодействия демонстрирует разные шансы для мужчины и женщины, причем в публичной сфере шансы мужчины очевидно выше. В западной литературе приводятся многочисленные доказательства данного тезиса. Так, анализ беседы с участием мужчин и женщин показывает, что женщина менее активна, больше слушает, меньше говорит. Анализ распределения рабочих мест показывает, что женщины, по преимуществу, занимают исполнительские позиции неключевого характера в отношении принятия решений. То же самое относится и к сфере политики. Итак, начиная анализировать гендерные отношения на уровне межличностного взаимодействия в контексте формальных конвенциональных актов, феминистские исследователи приходят к заключению о том, как конструируется гендер на макроуровне социальных институтов.

Анализ социального производства пола показывает, что гендерные отношения представляют собой отношения стратификации. Таким образом, конструктивистский взгляд на гендерное измерение взаимодействия приводит к методологически обоснованному отказу от двух предшествующих концепций социально-половых различий — концепции социальных ролей (гендер-ных ролей) и концепции психологических половых различий.

С точки зрения конструктивистов, гендер нельзя мыслить как социальную роль. Роли ситуативны и в принципе сводимы к набору операций, в одной ситуации эта роль может быть ролью врача, в другой — супруга(и), в третьей — спортсмена(ки), при этом гендерная вариация присутствует в исполнении каждой из ролей. Гендер оказывается квазиролью, которая пронизывает все остальные ролевые спецификации, является базовой (идентичностью, если говорить другими словами), на которую нанизываются все другие. В этом отношении *гендер* является категорией, подобной *этничности* — она точно так же обуславливает тот контекст, который приобретают конкретные роли для личности или социальной группы.

Гендер не сводим и к совокупности психологических черт личности (соответственно, *мужских* или *женских*). Сторонники конструктивизма утверждают, что психологизация гендера препятствует анализу того, каким образом социальные институты становятся гендерно-специфицированными. Гендерные отношения как социальные отношения неравенства по признаку пола встроены в социальный порядок таким образом, что приписывание психологических черт является лишь аспектом этих отношений.

Итак, гендер — это не роль и не совокупность психологических черт, а базовая идентичность. Гендерные отношения — это отношения стратификации, в основе которых лежат отношения власти. Различия мужского и женского сконструированы как неравенство возможностей разных групп мужчин и женщин.

2) Задачи конструктивистского анализа

Методологические принципы, сформулированные в теоретических построениях, непременно сказываются в формулировке исследовательских задач. Прежде всего, перед исследователем встает необходимость выяснить *ресурсы создания гендера в данном обществе*. Если мы рассматриваем гендер как постоянно создаваемое взаимодействие, то необходимо рассмотреть те средства, которые используются обществом для того, чтобы создать *мужское* и *женское* как неравные социальные положения. Необходимо исследовать весь набор практик взаимоотношений между людьми с точки зрения ресурсов, которые сознательно и бессознательно используются для получения преимуществ и определения своего места в обществе. Предметом анализа феминистских конструктивистов является создание гендера в разных сферах социальной жизни — публичной и приватной.

Публичная сфера условно дифференцирована на политический, экономический и символический миры. Каждый из них продуцирует отношения между полами. Например, в сфере оплачиваемого труда области для анализа гендерного маскарада многообразны: это мир рабочих мест и профессий; мужские и женские сферы занятости. Квалификационная иерархия существует между профессиями и внутри одной профессии. Гендерная стратификация выражается в воспроизводящемся неравенстве жизненных шансов мужчин и женщин и различиях в их стратегиях. Даже в рамках одного и того же набора профессио-

нальных действий мы сталкиваемся с трудно артикулируемым различием в стиле мужского и женского исполнения — гендерным дисплеем. Соответственно, задача исследования — выяснить, как стилевые особенности влияют на шансы изменения социальной позиции.

В сфере политики мы также можем рассмотреть гендерное измерение. Здесь важны не только цифры, иллюстрирующие соотношение мужчин и женщин в электоральном поведении, и подсчет результатов голосования мужчин и женщин за разные партии. Для конструктивистов важны диспозиции в политической элите, ходы политических карьер, механизмы компенсации дефицитов власти за счет ресурсов гендерного маскарада, построение имиджа политического лидера-мужчины как супермена (например, В. Жириновский) и использование обаяния как козыря в политической карьере женщины (например, И. Хакамада) в арсенале ресурсов создания гендера в политических отношениях.²⁸

Средства массовой информации также воспроизводят и усиливают образы гендерного мира. Они создают однозначно относимую к тому или иному полу и заряженную сексуальностью символику. СМИ используют символический капитал в производстве гендера. Образы супермужчины и суперженщины (например, Барби и Шварценеггер), феминистки и традиционных женщин создают диапазон возможных выборов и показывают, каковы шансы мужчин и женщин в управлении порядком.

Приватная сфера предоставляет еще одну сферу создания гендерного порядка. Семья, межличностные отношения дружбы, сексуальность, отношения заботы — это сферы, где феминизм видит квинтэссенцию женского опыта и одновременно источник подавления женщины. Подавление связано с вытеснением женщины в домашний мир в контексте модернизационного проекта. *Дом* как категория — является миром женщины как в традиционном обществе, так и в обществе периода модерна. Как устроен домашний мир, какие права и правила соблюдаются в нем, какое место он занимает в социуме в целом, какое место в

²⁸ Темкина А. Женский путь в политику: гендерная перспектива // Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период / Под ред. Здравомысловой Е. и Темкиной А. Труды Центра независимых социальных исследований, 1996, № 4. СПб. С. 19-32.

мире Дома занимает мужчина — все это становится предметом анализа гендерных практик данного общества.

И, наконец, соотношение приватной и публичной сферы в данном социуме является ключевым для конструирования власти в отношениях между полами. Например, неразвитая публичная сфера в советском обществе приводит к дискурсивному кризису традиционной маскулинности, которая не в силах реализоваться в чуждой ей приватной сфере — нищей и бедной, но традиционно занятой женщинами и, прежде всего, женщинами старшего поколения.²⁹

Еще одно исследовательское поле — изучение *рекрутирования гендерной идентичности*. Понятие рекрутирования гендерной идентичности приходит на смену понятию поло-ролевой социализации. Последнее понятие подвергается критике еще и потому, что предполагает социальный консенсус по поводу поло-ролевой дифференциации — социальные различия полов рассматриваются как справедливые и предполагающие взаимодополнительность. При этом вне рефлексии оказывается социальное неравенство. Недаром Гофман, перефразируя Маркса, писал, что не религия, а гендер является опиумом для народа: современный мужчина, страдающий от давления разнообразных общественных структур, всегда найдет женщину, выполняющую функцию заботы и обеспечивающую уход — женщину, которая является обслуживающим персоналом по призванию.³⁰

Однако устойчивость гендерного консенсуса подвергается сомнению новыми образцами поведения, в том числе и практикой феминистского движения. Люди творят свой гендер, изменяя отношения. То, зачем и каким образом они творят *новый гендер*, можно понять через анализ рекрутирования социальных идентичностей (в т.ч. и гендерных).

Д. Кахилл описывает опыт дошкольников (используя модель, воспроизведенную Кэндис Уэст и Доном Зиммерманом) и приходит к выводу, что для ребенка смысл приписывания себе пола заключается в идентификации себя как социально-компетентного субъекта. Ребенок называет себя мальчиком или де-

²⁹ Здравомыслова Е., Темкина А. Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе / Рукопись подготовлена к печати, 2000.

³⁰ E. Goffman, «Frame Analysis of Gender», in C. Lemert and A. Branaman, eds., *Goffman Reader* (Blackwell Publ. 1997): 203.

вочкой, прежде всего, для того, чтобы *быть взрослым* в своих глазах и глазах других людей. Оппозиция детского и взрослого, безгендерного и гендерно-специфического может быть проанализирована на примере игры дошкольников. Вначале дети младшего дошкольного возраста идентифицируются окружением как маленькие, как дети (в единственном числе они обозначаются словом *ребенок*). В какой-то момент в процессе взросления они отказываются от своей идентификации с ребенком — с нерациональным, социально-некомпетентным существом. Перед ребенком открыты возможности идентифицироваться с группой через отнесение себя к категории по полу: можно называться (стать) либо мальчиком, либо девочкой. Характерный пример: девочка семи лет каждый раз в общественном транспорте, когда о ней говорят: «Осторожнее, здесь ребенок», отвечает без запинки: «Я не ребенок — я девочка». Такой же пример приводит Кахилл, анализируя следующую ситуацию. Ребенок в группе дошкольников играет с ожерельем и одевает ожерелье себе на шею, пытается примерить, но хочет, чтобы этого никто не видел. Этот ребенок — мальчик. Подходит воспитательница и говорит: «Ты хочешь это надеть?» Мальчик говорит: «Нет, это носят девочки». — «Но это носит и король», — отвечает воспитательница. Ребенок возражает: «Я не король, я мальчик». Суть аргумента Кахилл в том, что роль мальчика выбрана в данном случае сознательно, этот молодой человек рекрутируется в категорию принадлежности по полу, потому что он хочет использовать ресурс компетентности, он хочет быть взрослым. Для того, чтобы стать взрослым, для того чтобы стать существом, принадлежащим к этому социальному порядку, он может быть только мужчиной или женщиной.³¹

Возможности конструктивистской интерпретации гендерного порядка приводят к переформулированию теории социализации в категориях рекрутирования (конструирования) гендерной идентичности.

³¹ Уэст К., Зиммерман Д. Создание гендера. Пер. с англ. // Гендерные Тетради / Под ред. Клецина А. СПб.: Труды СПбФ ИС РАН, 1997. Вып. Первый. С. 94-124.

4. Заключение

Итак, теория социального конструирования гендера основана на аналитическом различии биологического пола и социального процесса приписывания пола (категоризации по признаку пола). Гендер при этом рассматривается как работа общества по приписыванию пола. Таким образом, гендер может быть определен как отношение взаимодействия, в котором проявляются мужское и женское, воспринимаемые как естественные сущности. гендерное отношение конструируется как отношение социального неравенства. Если исходить из теоретической посылки о конструировании гендера, то становится возможным выдвинуть положение о возможности его реконструирования и изменении. Отношения между мужским и женским, представления об этих отношениях могут изменяться. гендерный дисплей может быть средством и подтверждения, и разрушения установленного гендерного порядка. Для того, чтобы обеспечить возможности социального изменения, необходимо контекстуализировать отношения неравенства между явленными представлениями о сущности мужском и женском.

Представление о гендере как социальном конструкте предполагает, что и пол, и гендер, и сексуальность производны от социального контекста. Социальная реальность гендерных отношений структурирована другими социальными отношениями, значимыми для воспроизведения существующего социального порядка. Эти отношения складываются по критериям приписывания расы (этничности) и класса. По утверждению английских социологов Ф. Энтиса и Н. Ювал-Дэвис, говорить отдельно о классе, гендере, этничности и расе неэвристично, потому что каждый контекст обусловлен синергетической связью этих категорий. Гендер, класс и раса (этничность) создают синдром социальной идентичности. Так, например, черные мужчины и черные женщины одновременно подавляются белыми женщинами и мужчинами; при этом в семьях низшего класса черные женщины могут доминировать над черными мужчинами. В азиатских культурах мы увидим иное отношение между полами, чем в европейских.³²

³² F. Anthias, N. Yuval-Davis, «Contextualizing Feminism — Gender, Ethnic and Class Divisions» // *Feminist Review*, 1983, № 15.

Контекстуализация гендерных отношений является не только теоретической, но и политической позицией. Конструктивизм позволяет избежать гегемонии белых женщин среднего класса в феминистском дискурсе и практике феминистского движения. Представляется, что методология социального конструирования гендера является в высшей степени продуктивной для исследования гендерных отношений также и в постсоветском контексте.

2. Феминистская критика эпистемологических оснований социологии: перспективы социологии гендерных отношений

В данном разделе представлена аргументация феминистской эпистемологической критики и обсуждаются возможности построения альтернативной эпистемологии, служащей основой гендерного подхода в социологии. В своей критике объективизма феминизм солидаризируется с другими направлениями ан-типозитивистски ориентированной социальной теории, такими как этнометодология, феноменология, постмодернизм, при этом сохраняются собственно феминистские претензии к позитивизму.

Текст построен следующим образом. Сначала мы рассматриваем основные положения эпистемологической критики социологического знания. Затем анализируются варианты феминистских эпистемологических альтернатив, предлагаемых для социальных наук и социологии, в частности. Альтернативные эпистемологические и методологические подходы изменяют и постановку вопроса о методах феминистского исследования, проблемы которых рассматриваются в заключительной части раздела.

1. Феминистская критика социологической эпистемологии

1) Понятие феминистской эпистемологии

В рамках эпистемологических дебатов различаются собственно эпистемология, методология и метод исследования. Эпистемология (теория познания) — это учение о том, каким образом люди оказываются способными вырабатывать знания о внешнем мире. В социологии этот термин используется в менее строгом смысле и означает философскую основу получения научно-

го знания. Проблематика эпистемологии или теории познания — это интерпретация субъекта и объекта познания, их соотношения, это понимание природы истинного знания и его критериев.

Методология — «совокупность приемов исследования, применяемых в данной науке»¹ — рассматривается как стратегия исследования, принятая в рамках выбранной эпистемологии. Она находит выражение в выборе проблемы исследования, постановке исследовательских задач, исследовательском дизайне. «Методология исследования определяет логику интерпретации результатов и анализа полученных данных. Методы исследования — это действенные методики, применяемые для изучения социального мира».² Выбор методов получения исходных данных прямо зависит от представлений о самом предмете социологии и определяется методологией исследования.³ Всякий социологический текст имплицитно или эксплицитно содержит теорию познания, релевантную для знаний о социальной реальности.

Феминистская теория и исследовательская практика претендуют на построение альтернативной методологии и эпистемологии социального знания. Создание такой альтернативы исходит из критики эпистемологических принципов социальной теории и классической социологии, магистральную линию которой феминистки обозначают как *mainstream* (основное направление) или *male-stream sociology* (мужское направление), лингвистически обыгрывая звуковое подобие этих направлений в социологии.⁴

2) Основные положения эпистемологической критики социологического знания

В своей критике феминистки отталкиваются от концепции «нормальной науки», разработанной Т. Куном.⁵ Кун вво-

¹ Энциклопедический социологический словарь / Под ред. Осипова Г.В. М.: ИСПИ РАН, 1995. С. 390.

² Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 611.

³ Ядов В. Стратегия социологического исследования. М.: Добросвет, 1998. С. 193.

⁴ P. Abbot and C. Wallace, *An Introduction to Sociology. Feminist Perspective* (London and New York: Routledge, 1997). ⁵ Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977.

дит понятие парадигмы научного знания как «совокупности убеждений, ценностей, технических средств, которые характерны для членов данного сообщества».⁶ Каждая научная парадигма опирается на эпистемологию. Социологи науки определяют «эпистемологию как стратегию оправдания, убеждения и верований, которым придается статус «нормальных» научных положений, т. е. положений, разделяемых в данном сообществе».⁷

Известно, что социологическая эпистемология стала складываться еще в конце 19-го века как продолжение эмпирической методологии Бэкона (учение об идолах) и картезианского рационализма (принцип познающего субъекта как рационально мыслящего: «*cogito ergo sum*») в социальных науках. В социологии картезианство воплощено в традиции, связанной в первую очередь с именем Эмиля Дюркгейма и сформулированной в его работе *Метод социологии* (1894 год).⁸ Пафос правил социологического метода заключается в возможности формирования объективного знания о мире социального, а социологии — как науки о социальной фактах/вещах (не отношениях). Феминистская эпистемология критикует эту методологию как нечувствительную к конкретному опыту индивидов и групп, в том числе опыту женщин. В радикальном варианте этой критики позитивистская эпистемология называется андроцентристской и женоненавистнической (используется термин «мизогиния»).

Правила социологического метода, сформулированные некогда Э. Дюркгеймом, подвергаются критике представителями многих направлений постклассической социологии, феминистками в их числе. Представим эти правила в виде тезисов, а феминистскую контрпозицию обозначим как антитезис, после чего подробнее рассмотрим основания критики, причины сомнения в позитивистской эпистемологии и перспективы нового знания.

(1) Первое правило социологического метода гласит, что для объективного исследования «нужно систематически устранять

⁶ Там же. С. 228.

⁷ Sandra Harding, «Introduction. Is there a Feminist Method?», in Sandra Harding, ed., *Feminism and Methodology* (Milton Keynes: Open University Press, 1987), p. 3.

⁸ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991.

все предлонятия»,⁹ то есть необходимо избавиться от чувств, предрассудков, оценочных суждений и эмоций познающего субъекта. Эта позиция в дальнейшем развивается Т. Парсонсом, Р. Мер-тоном и др. представителями так называемого основного русла социологической теории (структурно-функционального анализа). Так, например, американский социолог Вильям Филдинг Огбурн утверждает, что «эмоции и желания более ответственны за искажение мышления, чем погрешности в логике».¹⁰ Надежность, устойчивость, верифицированность социальных знаний возможны лишь при условии отчуждения от заинтересованности познающего субъекта.

В феминистском исследовании, напротив, признается, что познающий субъект обладает конкретными желаниями и интересами, процесс познания локален и контекстуален, устранить чувство и заинтересованность из исследования невозможно. Претензия на бесстрастность и внеэмоциональность познающего — в лучшем случае самообман. Исследователь социальной реальности не свободен от пристрастий, он лишь воображает себя свободным от них. Не осознавая своей имплицитной заинтересованности, он тем более способствует сохранению и воспроизводству существующего социального порядка и соответствующей ему структуры властных отношений.¹¹

(2) Дюркгейм утверждает, что предмет исследования (или «вещи, которые должен изучать социолог») следует определять «через составные элементы их природы, а не по соответствию их с более или менее идеальными понятиями».¹² Это означает, что «социолог с первого шага вступает прямо в сферу реального». Предполагается, что сфера социального представляет собой объек-

⁹ Там же. С. 435.

¹⁰ Цит. по В. Laslett, «Gender and Rethoric of Social Science: William Fielding Ogburn and Early Twentieth-Century Sociology in the United States», *Con testing the Master Narrative* (Ajova Univ.Press, 1998), p. 21.

¹¹ В. Laslett, «Gender and Rethoric of Social Science: William Fielding Ogburn and Early Twentieth-Century Sociology in the United States», *Contesting the Master Narrative* (Ajova Univ.Press, 1998); А. Oakley, «Gender, Methodology and People's Way of Knowing: Some Problems With Feminism and the Paradigm Debate in Social Science», *Sociology*, 1998, 32(4): 707-731.

¹² Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. С. 438.

тивную реальность и внеположена субъекту познания. Предмет исследования также объективен. В таком случае «способ классификации факта зависит не от него (познающего субъекта — Е.З. и А.Т.), не от его особого склада ума, а от природы вещей».¹³ В противовес этому, феминистская критика утверждает, что социальная реальность контекстуальна. Позитивистская методология маскирует интересы познающего, выдавая субъект за аксиологически свободный и безэмоциональный. На самом деле внеположенной социальной реальности не существует. Она сконструирована взаимодействием познающего и познаваемого. В радикальном варианте эта критика утверждает, что исследователь не может «прорваться» к объективной реальности: рамки личного и группового опыта пронизывают весь процесс познания и сказываются в его результатах. «Различия между «фактом» и «фикцией» исчезает полностью, «истина» и «объективность» становятся синонимами «лжи» и «субъективности».¹⁴

Утверждая, что пережитый и переживаемый опыт неизбежно находит превращенное выражение в создании социальной реальности, в позиции познающего и в процессе социального познания, феминистские критики ставят перед собой задачу деконструировать эту позицию. Важно выяснить, какой опыт, какая позиция стоит за псевдообъективизмом позитивистской социологии, ставшей классикой и представляющей основное русло социального знания (*mainstream*). Феминистки утверждают, что социологические факты и социальные теории выражают опыт общественной жизни (публичной сферы) эпохи модерна. Опыт действия в публичной сфере сложился как преимущественно мужской. Именно мужчины занимали(ют) ключевые позиции в сфере политического действия и оплачиваемого труда. Общественная сфера мыслится как предназначение мужчины даже в том случае, когда в ней активно участвуют женщины.¹⁵ Опыт исследователя общества — это тоже опыт мужчины, т. е. он является гендерно-специфичным. Таким образом, позитивистская социология является частью господствующего дис-

¹³ Там же. С. 439.

¹⁴ L. Stanley and S. Wise, *Breaking Out Again: Feminist Ontology and Epistemology* (London: Routledge, 1993), p. 171.

¹⁵ C. Pateman, *The Sexual Contract* (Polity Press, 1988).

курса, в котором зашифрованы интересы белого мужчины среднего (господствующего) класса.

Осознание гендерной специфичности произведенного социального знания приводит критиков к необходимости сделать еще один рефлексивный шаг. Отказавшись от критериев научной объективности, предложенных позитивистской эпистемологией, они утверждают, что предпонятия, эмоции, предрассудки задают рамки исследования. Эти рамки находят выражение в выборе предмета изучения, формулировке задач, языке обсуждения, понятийном аппарате, методах сбора данных и анализа и конечном счете в интерпретации полученных результатов.

(3) Дюркгейм утверждает, что источником социального знания является ощущение, которое «может быть субъективным. Поэтому в естественных науках принято за правило устранять чувственные данные, рискующие быть слишком субъективными».¹⁶ Социальные факты тем легче могут быть представлены объективно, чем более полно они освобождены от индивидуальных проявлений. Постоянство и повторяемость — критерии объективности получаемого знания. «Признак, вследствие которого факты относятся к той или иной группе, может быть указан всем, признан всеми, и утверждения одного наблюдателя могут быть проверены другими».¹⁷

Феминистки ставят под сомнения критерии верификации (надежности и валидности) социального знания, тиражируемые позитивистами. Новое знание, приобретаемое в феминистском исследовании, озвучивает «молчавшее бытие», которое контекстуально, индивидуально, и, зачастую, уникально, т. е. не проверяемо и не повторяемо.

Вывод Дюркгейма заключается в том, что социологическая методология независима от всякой философии (идеологии). «Социология, понимаемая таким образом, не будет ни индивидуалистической, ни коммунистической, ни социалистической... Она принципиально будет игнорировать эти теории, за которыми не может признать научной ценности, поскольку они прямо стремятся не выражать, а преобразовывать факты».¹⁸ «Для социоло-

¹⁶ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. С. 445.

¹⁷ Там же. С. 439.

¹⁸ Там же. С. 524.

гии настал момент отказаться от... светских успехов и обрести эзотерический характер, приличествующий всякой науке. Таким образом она выигрывает в достоинстве и авторитете настолько, насколько, быть может, проиграет в популярности».¹⁹

Феминистки, напротив, утверждают, что идеология встроена в науку и ее эпистемологию, всякая социология идеологична. Именно поэтому утверждение объективности полученного знания о социальной реальности является отражением доминирующего дискурса, и этим утверждением поддерживается существующий порядок, однако идеологизированность социологии замаскирована.

Утверждение Дюркгейма о том, что социология должна руководствоваться социологическим методом, суть которого в том, что «социальный факт можно объяснять только другим социальным фактом»,²⁰ феминистки доводят до логического конца. Саму социологию надо рассматривать как социальный факт и тогда необходимо анализировать, как общество сконструировало этот социальный факт и воспроизводит себя в нем.

Развивая критику позитивистской методологии, феминистки переосмысливают классические социологические представления о *субъекте и объекте* познания и дают им новые определения. Рассмотрим поочередно, как они переопределяют привычные категории субъекта познания, объекта познания и их соотношение.

3) Субъект познания: феминистские интерпретации

В социологических текстах вместо термина «субъект познания», утверждают феминистки, следует читать: «мужчина, занимающий господствующую социальную позицию». На самом деле никакого абстрактного субъекта не существует. В понятие абстрактного субъекта встроена социальная детерминированность позиции познающего, причем встроена таким образом, что она представляется как норма. В этом абстрактном субъекте зашифрован мужской опыт господства в публичном пространстве периода модерна, воплощенный в фактическом преобладании мужчин в науке, с одной стороны, и в метафорическом или сти-

¹⁹ Там же. С. 527.

²⁰ Там же. С. 526.

листическом доминировании (метафоры рациональность, наступательность, которые в работах постмодернистских теоретиков названы фаллологоцентричным порядком). Вместо категории *субъект познания* феминистки предлагают использовать альтернативную категорию — *познающего (knower)*. Отметим, что на английском языке это отглагольное существительное является гендерно нейтральным. В русском же языке такие существительные имеют род. В данном случае *познающий* — существительное мужского рода.

4) Объект познания: феминистские интерпретации

Объективность эмпирически обнаруженных социальных фактов подвергается сомнению. Эти факты игнорируют целый ряд опытов, в частности, опыт женщин либо вовсе не представлен в исследовательском поле, либо задачи исследования абстрагированы от интересов женщин. Иначе говоря, феминистская критика утверждает, что современная социология не дает достаточно информации о женском мире и концентрирует внимание на другом — на мужском мире. Неправильная, недостаточная или умалчиваемая информация (*misinformation*) превращается в дезинформацию (*disinformation*). Социологи — сознательно или бессознательно — дезинформируют общество (в частности о том, какова позиция в нем женщин), отражая в социологическом языке дискурс, воспроизводящий порядок модерна. Так, например, опыт деторождения в социологии находит выражение в демографической проблематике динамики рождаемости, а опыт изнасилования является маргинальным для исследований в традициях нормальной социологии.²¹

Итак, феминистская критика ставит следующий диагноз: классическая социология является политизированным знанием, далеким от объективности. Она представляет собой идеологию патриархата и оправдание мужского господства. Феминистки предлагают вместо термина «объект познания», предполагающего внеположенность и объективность социальных фактов, использовать категорию *познаваемое (the known)*.

²¹ A. Oakley, «Gender, Methodology and People's Way of Knowing: Some Problems With Feminism and the Paradigm Debate in Social Science», *Sociology*, 1998, 32(4): 707-731.

5) Отношения между субъектом и объектом: феминистские интерпретации

Феминистская деконструкция приводит к заключению, что субъект-объектные отношения в процессе познания представляют собой отношения власти. В классической социологии отношения власти описываются в категориях господства и подчинения (Вебер) или отношений эксплуатации (Маркс). Познающий абстрактный субъект, постулированный *malestream* — это социальный конкистадор, действующий в специфическом режиме открытия как насилия над другим. Подобно испанским завоевателям 15-16 веков, с неслыханной жестокостью порабощавших и истреблявших коренное население в эпоху великих географических открытий, «нормальные» социологи вытесняют на обочину (маргинализируют) незначимые для них опыты, нормализуя социальную реальность и выстраивая ее по своей мерке. Однако, как утверждают феминистки, субъект всегда контекстуален, и познающая женщина — женщина со своим опытом, отличным от опыта публичной сферы — будет ставить *другие* вопросы, использовать *другие* методы и получать *другие* ответы.

Итак, претензия на объективность социального знания не реализуема и не реализована, идеологичность и заинтересованность субъекта неизбежна, потому нужна деконструкция позитивизма. Критика эпистемологических оснований социологии предполагает не только негативную идентификацию, но и построение альтернативной эпистемологии, методологии и метода, выходя за границы собственно социологического знания, претендуя на *междисциплинарность*. Вслед за развитием феминистской мысли, мы обращаемся к интерпретации не только социологических «фактов», но и к интерпретации «фактов» истории, психологии, антропологии.

2. Альтернативные эпистемологии

1) Женский опыт как основание феминистской эпистемологии

Критика позитивистской эпистемологии обусловлена осмыслением женского опыта, отличающегося от того опыта, который является центром социологического интереса. Женский

опыт был осмыслен феминистками как неоднородный и множественный. Он включает в себя по крайней мере три измерения — 1) опыт специфический для женщин в отличие от мужчин, 2) опыт женщин — участниц движения против дискриминации по признаку пола, 3) и опыт женщин-исследовательниц, принадлежащих к поколению второй волны феминистского движения.

Посмотрим, как каждый из выделенных выше параметров женского опыта определяет феминистскую эпистемологическую альтернативу.

Во-первых, определяющие элементы опыта женщин, связанные с семьей, воспроизводством, эмоциями, сексуальностью, долгое время вообще не становились предметом исследований или занимали в социологии маргинальное положение. Феминистская эпистемология ставит этот опыт в центр исследования.

Во-вторых, опыт участия в женском движении привел к тому, что феминистки стали особенно чувствительны к практикам исключения, замалчивания, табуирования социальных меньшинств в социальном познании. Феминистская эпистемология становится когнитивным элементом борьбы за равные возможности мужчин и женщин, принадлежащих к разным социальным категориям. В период массовой мобилизации 1960-х-1970-х годов активистки студенческого и, позднее, женского движения участвовали в различных акциях протеста — захвате университетских зданий, создании коммун альтернативного образа жизни, группах роста сознания и пр. Со временем, когда волна массового протеста пошла на спад, феминистское движение сосредоточилось на осмыслении оснований женского протеста и гендерного неравенства во всех сферах жизни. В рамках когнитивного протеста феминистского движения предметом критики становится эпистемология классической социологии. Эта эпистемология реконструируется как основа социальной системы и политического режима патриархата. Смена эпистемологической парадигмы позиционируется феминистками как существенная задача феминистского движения.

В-третьих, опыт женщин-исследовательниц определялся состоянием социологии в американских университетах 1960-х годов. В это время позитивистская социология занимает доминирующие позиции, количественные методы признаются единственно научными. Критика возникает в контексте тех сообществ, в которых работают исследовательницы — участницы демокра-

тического протеста новых левых и других движений. Феминистки проблематизируют свой профессиональный опыт: они обнаруживают несоответствие их личного опыта, их повседневного знания тому, *что* говорит о женщине социология, и тому, *как* она говорит (на «отцовском языке», по словам Дороти Смит) о женщине. В работе *Методы патриархатного письма* Д. Смит описывает отчуждение социологических профессиональных практик от опыта женщины-исследовательницы: «Социологический дискурс был чем-то вне меня, тем, что я должна была воспроизводить студентам».²²

Почему возникает такое отчуждение? Структурно-функциональный анализ утверждает, что разделение половых ролей и исполнение женщиной экспрессивной, а мужчиной — инструментальной ролей, функционально оправдано.²³ Такое разделение половых ролей объявляется нормой и условием стабильности социальной системы. Эти предписания не соответствовали знаниям и опыту женщин-исследовательниц, действующих в публичной сфере и выполняющих инструментальную роль.

Итак, многомерный женский опыт порождает потребность в формировании новой теории познания, новой методологии и новых исследовательских техник, поскольку классические образцы социологии оказались «гендерно-слепыми». Социологии вынесен приговор: она объявлена патриархатной наукой.

В течение двадцати лет феминистски ориентированные исследователи пытаются сделать социологию чувствительной к женскому опыту (или вообще к *другому*). Но как сделать патриархатную науку *иной*? Как превратить ее из сферы подавления, эксплуатации и стратификации в область эмансипирующего знания? Как построить феминистскую эпистемологию? Если признается, что феминистское исследование — заинтересованное, субъективное и политизированное, то как возможна объективная, незаинтересованная, неполитизированная истина?

²² Смит Д. Социологическая теория. Методы патриархатного письма // Хрестоматия феминистских текстов / Под ред. Здравомысловой Е., Темкиной А. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2000. С. 32.

²³ T. Parsons, «The American Family: Its Relation to Personality and to the Social Structure», in T. Parsons and R. Bales, *Family, Socialization and Interaction Process* (New York: The Free Press, 1995).

В рамках феминистской теории сформировалось четыре эпистемологических ответа — феминистский эмпиризм, позиционизм, социальный конструктивизм и постмодернизм. Они сменяют друг друга по времени как когнитивные практики феминистского протеста и при этом сосуществуют в современном дискурсе. Феминистская эпистемология признает сосуществование разных эпистемологии (как и разных ветвей женского движения), не соглашающихся друг с другом относительно основ знания. На практике феминистки часто соединяют элементы разных эпистемологий, и это свидетельствует о том, что возможно не только работать в противоречиях, но и рефлексировать такую ситуацию. Не существует единой «истинной» эпистемологии — каждый может принимать во внимание конкретные цели исследования. Такую эпистемологию можно назвать номадической (то есть кочующей). Номадическая перспектива предполагает, что представления о познающем и познаваемом, об истинном и ложном могут быть разнообразными в зависимости от целей и задач исследования.

Рассмотрим поочередно четыре версии феминистской эпистемологии.

2) Феминистский эмпиризм — «включение женщин»

Эмпиризм как феминистская эпистемология представляет собой исследовательскую стратегию включения женщин в позитивистский дискурс (*adding women* — букв. «добавление женщин»).²⁴ «Эмпиристки» в духе либерального феминизма считают, что таким образом можно решить проблему непредставленности женского опыта в социальном знании.

Каким образом стратегия «включения женщин» решает эпистемологическую задачу феминизма? Лакмусовой бумажкой для идентификации позиции исследователя — субъекта познания — является формулировка предмета изучения и исследовательских задач. Исследователи задают вопросы, (бессознательно) исходя из социального опыта, ставшего фокусом их интереса. Самой постановкой вопроса они утверждают и воспроизводят этот опыт, хотя и проблематизируют его.

²⁴ Sandra Harding, «Introduction. Is there a Feminist Method?», in Sandra Harding, ed., *Feminism and Methodology* (Milton Keynes: Open University Press, 1987), pp. 1-14.

Например, мужчина-социолог в 1970-е годы ставит вопрос о механизмах политического участия, не обращая внимания на то, что на самом деле в условиях непредставленности женщин в политике он по существу исследует только мужское политическое участие. Способом преодоления односторонности такого исследования является добавление проблематики женского участия в политике в исследовательские проекты.

Можно выделить несколько способов «включения женщин» в социальное знание:

Первый способ — «физический»: включение женщин в сообщество социальных исследователей. Число женщин можно увеличить через, например, введение квот для женщин при поступлении в университет, через создание специальных условий, которые бы способствовали их обучению и квалификационному росту; иными словами, в духе либерального феминистского подхода надо изменить условия образования и профессионального продвижения женщин.

Однако С. Хардинг и Д. Смит²⁵ справедливо возражают этой позиции, утверждая, что такая «добавка» не изменяет эпистемологической ситуации: «включенные» женщины начинают говорить на языке основных социологических теорий, берут на вооружение существующий дискурс и его методологию. Они ассимилируют представления магистральной методологии о субъекте познания как бесстрастном, абстрактном, внеконтекстуальном и бестелесном мыслящем *Ното*. Интериоризируя это представление как собственную исследовательскую роль, они исключают собственный опыт. И хотя новое знание приобретает, оно не подрывает основу эпистемологического отношения, сформулированного в картезианской системе познания.

Другой вариант стратегии включения — формирование женской темы в ряде традиционных исследовательских областей, т. е. изучение женщин, внесших вклад в развитие общества под рубриками: «женщины в литературе», «женщины в истории», «женщины в политике», «женщины-лидеры общественного мнения».

²⁵ Sandra Harding, «Introduction. Is there a Feminist Method?», pp. 1-14; Смит Д. Социологическая теория. Методы патриархатного письма // Хрестоматия феминистских текстов / Под ред. Здравомысловой Е., Темкиной А. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2000. С. 29-63.

Однако и стратегия включения «женской темы» в социальные исследования не изменяет существующий порядок функционирования социального знания. Включение женщин в качестве объекта познания сохраняет жестко закрепленные гендерные практики в обществе. Изучаемые женщины — это женщины, чей вторичный статус воспроизводится патриархатным порядком.²⁶

Третий способ введения женщин в доминирующий дискурс — это изучение специфических женских опытов, прежде всего тех, которые связаны с депривациями: насилием, обездоленностью женщин, но не с позиции виктимизации, а с позиции переживания этих практик и их изменений («движенческой» позиции). Такой способ получил развитие в эпистемологии «позиционного» подхода, который будет рассмотрен далее.

Итак, феминистки эмпиристского направления остаются в рамках позитивизма. Субъект познания мыслится как объективный, добывающий столь же объективное знание и расширяющий его границы. Такая убежденность в возможности объективизма стала главным пунктом критики эмпиризма в других направлениях феминистской эпистемологии.

3) Феминистский позиционный подход

В рамках позиционного подхода утверждается, что объективное знание может быть получено на основе *общего женского опыта*, т. е. опыта дискриминации, опыта страдания и опыта сопротивления. Классиками данного направления в 80-е годы являлись Сандра Хардинг, Дороти Смит, Нэнси Хартсок. Они полагают, что преимущества женской позиции (*feminist standpoint* — угла зрения) связаны с проблематизацией женской идентичности. В духе марксизма они утверждают, что социальная позиция угнетенного создает возможности для истинного знания: «пролетарская» наука — истинна, «буржуазная» — ложна, но обе они представляют классовые позиции. Осмысление женского опыта происходит по аналогии с осмыслением опыта пролетариата.

²⁶ Пример — исследование роли женщин в жизни великий *людей*, распространившиеся в России в последнее время, напр., Дубинский М. Женщины в жизни великих и знаменитых людей. Минск, Беларусь, 1996.

В соответствии с этой логикой, женщина-исследователь обладает рядом преимуществ. Знание, полученное через опыт страдания и сопротивления, признается аутентичным. Положение женщин создает возможность проблематизировать те сферы жизни и практики, которые оказались упущенными, не замеченными, не артикулированными основным руслом мужской социальной науки.

Для получения истинного знания исследователи должны признать роль «классового» интереса, позиции исследователя и обратиться к (1) опыту женщины как к опыту «чувствующего субъекта»; к (2) опыту «новой женщины», протестующей против старого гендерного порядка.

Какие конкретно возможности открывает «женская позиция» («женский угол зрения»)? Ответы на этот вопрос предоставляет феминистская психология и социология.

В рамках позиционного подхода утверждается, что женщина мыслит в категориях *отношений*, ее деятельность является чувственной, конкретной. Вслед за американской исследовательницей женской психологии Кэрол Гиллиган²⁷ феминистки противопоставляют «абстрактной маскулинности» (*abstract masculinity*) «фемининность, ориентированную на отношения» (*relational femininity*). Предметом исследований женщин становятся особые опыты и практики, которые не попадают в сферу мужского интереса в науке — эмоции, страдания, сексуальность; в социальных исследованиях реабилитируется приватная сфера и повседневный опыт как предмет анализа. Женская деятельность относится к чувствующей и чувствительной практике, к жизнеобеспечению, воспитанию и обыденной жизни — к особым предметам социальной науки.²⁸ Маскулинная рационализация не в состоянии понять опыт женщин, связанный с детьми, это можно сделать только через включение в сферу исследования эмоционального опыта отношений заботы.²⁹

²⁷ Гиллиган К. Место женщины в жизненном цикле мужчины // Хрестоматия феминистских текстов / Под ред. Здравомысловой Е., Темкиной А. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2000. С. 166-187.

²⁸ Об этом пишет, например, Хартсок: N. Hartsock, «The Feminist Standpoint: Developing the Ground for a Specifically Feminist Historical Materialism», in Sandra Harding, ed., *Feminism and Methodology* (Milton Keynes: Open University Press, 1987), pp. 157-181.

Кроме того, опыт участия в женском движении дает возможность осмыслить перспективы социальных изменений. Критическая позиция (участие в женском движении) делает видимой несправедливость гендерной стратификации, умалчивающей и обесценивающей женский опыт.

Инакость исследовательской стратегии женщин иллюстрируется противопоставлением с мужским исследованием. Женское исследование уподобляется ремеслу (*craft*), ручной работе. Мужское исследование сравнивается с производством (*industry*), массовой продукцией. В исследовательской работе женщин метафорами исследования становятся «рука, интеллект и сердце»,³⁰ утверждают феминистские исследовательницы.³¹ Гендерные различия обнаруживаются в интерпретации познающего, познаваемого и процесса познания как единства «физического, умственного и эмоционального». Преимущества женской перспективы в процессе познания обсуждалось в связи со спецификой знания, приобретаемого участницами женского движения. Был сформулирован идеал возможного феминистского исследования, которое построено на основании специфической исследовательской стратегии. Очевидно, что позиционный подход исходит из определения *женщины* как субъекта познания определенного типа.

Данное эпистемологическое направление было подвергнуто критике по двум основаниям. Во-первых, ссылаясь на сходство в положении женщин, оно игнорирует различия между женщинами (на что указали, в частности, цветные феминистки). Во-вторых, критике подверглось положение о том, что все женщины одинаково угнетены и потому на основании анализа их опыта может возникать истинное объективное знание.

²⁹ J. Flax, «Political Philosophy and the Patriarchal Unconscious: A psychoanalytic Perspective on Epistemology and Metaphysics», in Sandra Harding and M. Hintikka, eds., *Discovering Reality: Feminist Perspectives on Epistemology, Metaphysics, Methodology and Philosophy of Science* (Dordrecht, Holland: Riedel Publishing Co, 1983).

³⁰ H. Rose, «Hand, Brain and Heart: A Feminist Epistemology for the Natural Sciences», *Sings: Journal of Women in Culture and Society*, 1983, 9(1).

³¹ О способности женщин через вчувствование создать иную культуру писали и представители основного направления социальной теории, в частности, Георг Зиммель в очерке «Женская культура»: Зиммель Г. Женская культура. // Зиммель Г. Избранное. Москва: Юрист, 1996. Т.2. С. 234-265.

4) Социально-конструктивистская эпистемология

Основной тезис социально-конструктивистского подхода заключается в том, что социальный мир конструируется в процессе повседневных взаимодействий. Мир не существует сам по себе, а предстает в совокупности взаимодействий, интерпретируемых действующими лицами (Бергер, Лукман, Гоффман, Гарфин-кель). Феминистские теоретики распространили основные тезисы социального конструктивизма на анализ процесса «создания гендера» в повседневных взаимодействиях.³²

В отличие от позиционизма конструктивисты утверждают, что не существует особой феминистской науки и универсального знания, поскольку любая наука, любое знание — контекстуально и является продуктом опыта. Знание — это когнитивная практика, в каждой конкретной ситуации нужно анализировать, кто изучал, что, когда и почему. Сторонники данного подхода отрицают возможность проведения беспристрастного исследования, полагая, что локализованный опыт и соответствующие ему чувства находятся в центре производства всего социального знания. Под сомнение ставится уместность обсуждения единого опыта женщин. Основой знания считается *множественные* опыты женщин, находящихся в *разных* позициях. Специфические социальные и культурно-исторические контексты порождают представления о власти и господстве, располагая разные группы в иерархическом порядке и приписывая им либо доминирующие, либо вторичные статусы.

Различия положения американской гетеросексуальной женщины среднего класса с высшим образованием и, например, неграмотной африканки настолько велики, что становится невозможным или, по меньшей мере, неэвристичным говорить об их общности, об их принадлежности к единой категории «женщина». Социальные и политические контексты принципиальны для интерпретации конкретных женских опытов и конкретных отношений иерархии и подчинения.

Таким образом, феминистская эпистемология должна исходить из фрагментированности опытов и позиций женщин в зависимости от возрастных, сексуальных, расовых, политических

³² Уэст К. и Зиммерман Д. Создание гендера // Гендерные тетради. Вып. 1 / Под ред. Клецина А. СПб.: СПб. филиал ИИ РАН, 1997. С. 94-124; Лорбер Дж. Пол как социальная категория // THESIS. 1993. N 6. С. 127-136.

и др. характеристик. На пересечении данных характеристик формируются локализованные групповые опыты, которые формируют знание. Отказываясь от единой и неделимой категории *женщины*, сторонники данного подхода фокусируют внимание на конкретных опытах — например, на опытах неграмотных африканок, женах военнослужащих или солдатских матерей. Трудно найти общее между этими опытами, но внутри каждой из категорий существует интерсубъективный опыт, объединяющий группу.

Задачей феминистского исследования, таким образом, становится реконструкция гендерных отношений в разных контекстах, создаваемая из множества локализованных рассказов и систем репрезентаций.

Контекст, в котором находится исследователь(ница), также становится предметом обсуждения. В идеале феминистское исследование должно включать рефлексивность перспективы, создающей линзы, через которые социолог смотрит на мир, на объект исследования. Культурные установки и верования влияют на результаты, если они неотрефлексированы — они сами становятся результатом, выдаваемым за объективную истину. Напротив, рефлексивность знания повышает его релевантность. Феминистки включают в процесс исследования собственные «интеллектуальные биографии», которые помогают понять, как влияет на исследование позиция авторов, получаемое знание рассматривается как частичное, конкретное, контекстуальное.

Конструктивистская эпистемология подвергается критике как релятивистская. Во-первых, тезис о различии опыта женщин, принадлежащих к разным социально-культурным группам, подрывает исходное феминистское положение об универсальном мужском господстве и тем самым лишает теоретических оснований политическую борьбу. Во-вторых, локализованное знание не может претендовать на статус научного, оно не всегда проверяемо, критерии верификации — надежность, устойчивость, воспроизводимость данных — далеко не всегда уместны в такой методологии.

5) Постмодернистская феминистская эпистемология

Четвертый вариант альтернативной эпистемологии вписывается в рамки постмодернизма (Фуко, Деррида, Бодрийяр). Такая эпистемология отрицает идею нейтральных «фактов», суще-

ствующих независимо от теории. Получаемое знание порождено ценностями и интересами познающего. Любое знание (в т.ч. социологическое) представляет собой культурное производство власти, поэтому любые претензии на объективную истину беспочвенны. Как утверждает представительница феминистского постмодернизма Джудит Батлер, субъект познания является одновременно субъектом действия, «субъект выстроен властью... и такой субъект никогда не выстраивается полностью, но подвергается ее воздействию и производится снова и снова».³³

Дискурс, который является структурой познания, определяет, какие идеи могут быть выражены, а какие — отвергаются или табуируются. Дискурс устанавливает «режим истины», определяя объект анализа, то есть то, что подлежит осмыслению, и арсенал инструментов познания. В таком случае истинным объявляется то, чему дискурс *разрешает* быть истинным.

Данная логика обсуждения отношений между познаваемым и познающим подрывает эпистемологические основания получения объективного знания. Постмодернистская эпистемология исходит из признания неразделенности знания и власти: не только субъект, изучающий объект, сконструирован, но сконструировано и само «изучающее познание». Как только знание признается истинным, оно становится императивом власти или «руководством к действию». Однако, отрицая истинность знания, постмодернистские философы лишаются основания утверждать, что феминистское знание «лучше» и «истиннее» другого. Все, что оно может сделать — это представлять альтернативный взгляд, подвергать сомнению, вопрошать и бросать вызов. Деконструкция³⁴ категорий гендерного порядка становится главной задачей феминистского исследования. Этой позиции придерживаются такие авторы, как Джудит Батлер, Люси Иригарэ, Элен Сиксу, Юлия Кристева. Одновременно феминистские авторы стараются найти основания для нового политического действия, так как

³³ Батлер Д. Случайно сложившиеся основания: феминизм и вопрос о «пост модернизме» // Гендерные исследования. 1999, N 3. С. 99.

³⁴ «Любое определение деконструкции априори неправильно: оно остановило бы непрерывный процесс. Однако в контексте оно может быть заменено или определено другими словами — письмо, след, различение, приложение, гимен, фармакон, грань, почин - их список открыт» (Культурология. XX век. Словарь. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 95).

«осуществлять такой тип фукианской критики субъекта значит не отменять субъект или декларировать его смерть, но утверждать лишь, что определенные версии субъекта наделены политическим коварством».³⁵

На постмодернистскую эпистемологию распространяются аргументы критики социального конструктивизма (см. выше). В частности, в рамках данной эпистемологии также проблема-тизируются однозначные понятия гендерной идентичности, а также политик сопротивления гендерному неравенству.

Итак, четыре эпистемологические позиции феминизма по-разному осмысливают отношение познающего и познаваемого. Однако несколько позиций являются для них общими. Все варианты феминистской эпистемологической альтернативы подвергают критике существующие способы производства знания, легитимизируют новые темы исследования, устанавливают новые междисциплинарные соотношения, ставят вопрос о необходимости гендерно чувствительного подхода к процессу познания. «Открыв» гендер как полезную категорию анализа,³⁶ феминистские исследователи обнаружили женский опыт как источник знания и поставили эпистемологический вопрос о том, как гендерные перспективы исследователя преломляют его взгляд на мир.

Феминистская эпистемология может рассматриваться как эпистемология рефлексивной современности, которая ставит под сомнение основополагающие принципы рационализма. Феминистские движения, теории и эпистемологии — одновременно и продукт, и причина рефлексивных изменений. И потому наличие разных эпистемологических ветвей и дебата между ними оценивается как ценный ресурс дальнейшего развития альтернативных теорий познания.³⁷

³⁵ Батлер Д. «Случайно сложившиеся основания...» С. 99.

³⁶ J. Scott, «Gender: A Useful Category of Historical Analysis», *American Historical Review*, 1986, 91: 1053-1075.

³⁷ Sandra Harding, «Introduction. Is there a Feminist Method?», in Sandra Harding, ed., *Feminism and Methodology* (Milton Keynes: Open University Press, 1987), pp. 1-14.

3. Методы феминистского исследования

Эпистемология как теория познания не является абстрактной философской позицией, ее выбор определяет рамку стратегии и техники исследования. В феминистском исследовании предметом изучения становится, как уже было сказано, ранее замалчиваемый опыт, который «интересует» женщин. Специфика предмета определяет выбор метода исследования.

В феминистских дебатах чаще всего утверждается, что существуют не особенности метода, а *особенности его применения*. Все социологические методы одинаковы, и их ресурсы исчерпываются набором техник, которые позволяют слушать и фиксировать то, что люди скажут; регистрировать, что они делают; анализировать документы. К методам, применяемым для изучения социального мира, относятся опросы, интервью, наблюдение (полевая работа внутри изучаемого сообщества), интерпретация официальных статистических данных и исторических документов.

Однако, как утверждает С. Хардинг, феминистское исследование имеет свою специфику. Оно отличается, во-первых, «альтернативным происхождением проблем, которые касаются главным образом женщин», во-вторых, выдвижением «альтернативных объяснительных гипотез», в-третьих, постановкой «новых целей исследования», включающих осознание женщинами своей роли в преобразовании гендерных отношений, в-четвертых, изменением природы отношений между познающим и познаваемым.

Методология и методы исследования не могут быть независимы от общих теорий, гипотез и других базисных оснований, на которых строится исследование. Феминистская теория, используя традиционные методы, например, в социологии, отдает предпочтение так называемым качественным «мягким» методам (данная традиция утверждала себя со времен Чикагской школы 20-30-х годов). Преимущества этих методов в том, что они в меньшей степени навязывают позицию исследователя и стремятся к озвучиванию иных социальных миров.

В некоторых случаях феминистки делают акцент на специальных техниках, связанных с участием в женском движении. К ним относятся исследовательские стратегии, сопровождающие работу групп «роста сознания» и «коллективной памяти», акци-онистские техники, диалоговые методы. Поскольку особенности феминистских методов обусловлены личным участием большой-

ства исследовательниц в практике социальной борьбы, преимущества отдаются мягким методам — включенному (участвующему) наблюдению, биографическому методу, нарративному интервью, социологической интервенции.

Исследователи переосмыслиют и отношения между познающим и познаваемым, пытаются определить, что означает власть в исследовании, каким образом она выражается и возможно ли преодоление властной иерархии? Опыт социологической рефлексии показывает, что власть пронизывающая дискурс, проникает и в исследовательскую ситуацию. Она заключается в асимметрии положений изучающих\изучаемых, возможности манипулирования и управления информантами. Исследовательница) всегда находится в ситуации доминирования, обладая монополией на знание. Интервьюер осуществляет власть, задавая вопросы, анализируя ответы и, как правило, обладая более высоким социальным статусом. Таким образом, по отношению к познающему (исследователю) познаваемое оказывается в иерархической оппозиции.

Феминистские исследовательницы постоянно рефлексировать проблему интерпретации материала. Это приводит их к неутешительному выводу: обрабатывая сырой материал интервью, содержащий рассказы о конкретной жизни и судьбе людей, исследователь препарирует их и превращает в схемы, из которых выхолащивается искренность, боль и страдание. Рефлексия по поводу методов сбора данных и интерпретации полученных материалов лишь до некоторой степени способна изменять соотношение исследователя и исследуемого. Такие техники, как диалоговое или интерактивное интервью-беседа, являются попытками преодолеть отчуждение информанта, возникающее в результате исследовательских процедур. Для преодоления (или смягчения) иерархии в исследовательской ситуации предлагается также включать информанта в обсуждение результатов анализа. Идеальной ситуацией представляется такая, при которой интерпретация данных вырабатывается совместно исследователем и исследуемым. Совместная работа представляет шанс для преодоления отчуждения не только на уровне полевого этапа исследования (это свойственно и для этнологических исследований), но и на уровне анализа и интерпретации данных. Признается, что исследователь — это не невидимый, автономный, беспристрастный субъект, а исторически локализованная личность с конкретными желаниями и интересами, влияющими на постановку задач, способ проведения исследования и его интерпретацию. Рефлексия на всех этапах становится основной особенностью феминистского исследования.

4. Заключение: значение феминистской эпистемологии для социологии гендерных отношений

Итак, феминистская эпистемологическая критика ставит перед собой две исследовательские задачи: 1) понять основания игнорирования женского опыта в социальном (в т.ч. социологическом) исследовании; 2) разработать гносеологические основания включения женского опыта в структуру социального знания. До феминизма женский опыт представлялся маргинальным для основного русла социологии. Как возможно включить его в социологическое знание? Как обеспечить когнитивное освобождение женщин? Предлагается четыре варианта выхода из ситуации — 1) включать (добавлять) женщин в исследование, 2) осуществлять исследование с позиции женщин и исходя из их опыта, 3) определять способы, которыми сконструирован многообразный опыт женщин, локализованных в разных социальных контекстах, 4) деконструировать социальное знание (из которого исключены женщины) как дискурсивное производство власти, определяющей иерархические социальные отношения.

Приходится признать, что полученное знание, построенное на основаниях феминистской эпистемологической критики, формирует основы для науки нового типа или вовсе не-науки в позитивистском и рационалистическом смысле. Создаваемое знание ориентировано на изменение существующих социальных отношений. Оно является инструментом когнитивного освобождения, роста сознания, изменения идентичности.

Феминистская критика приводит исследователей к выводу, что эпистемология, ориентированная на социальные изменения, должна быть иной, чем эпистемология стабильности, а эпистемология периода глобализации отличной от эпистемологии модерна. В новых социальных условиях появляется возможность обсуждать особенные перспективы изучения социальной реальности. И если еще не говорят о социальной науке черных, или зеленых, или голубых, то женские исследования, женская история и социология женщин становятся дискурсивными фактами постсовременной социальной мысли.

3. Феминистский подход к интерпретации качественных данных: методы анализа текста, интеракции и изображения

1. Введение: методологические постулаты феминистского исследования

В гендерной социологии мы сталкиваемся с такой социальной перспективой, которая эксплицитно ставит женщин и мужчин, а также их жизненные миры в центр наблюдения и анализа. Результатом при этом является обнаружение патриархальных структур общества, с помощью которых группы мужчин оцениваются выше и подчиняют себе женщин во всех значимых социальных сферах. Последовательное применение гендерной перспективы в социологии связано с осознанием того, что пол как социально-структурная категория определяет не только условия реальной жизни мужчин и женщин, но и системы мышления, в которых мы, с одной стороны, социализируемся, усваивая их и тем самым подкрепляя, но, с другой стороны, которые мы в состоянии критично изменять.

Феминистски ориентированное исследование (или женское исследование) означает отклонение не только традиционной женской роли, но и прежних методов исследования. Лозунг «личное — политично и научно» означает, что каждая женщина обладает репертуаром знаний, который ближе к реальности и тем самым «научнее» того, что мужчины-исследователи до сих сформулировали относительно женщин. Соответственно сам вопрос «кто может быть экспертом, кто может знать ситуацию женщин изнутри?» лежит, по словам В. Олесен, в основе феминистской методологии.¹ Отсюда в фокусе феминистского каче-

¹ V. Olesen, «Feminism and Models of Qualitative Research», in N. Denzin, Y.S.Lincoln, eds., *Handbook of Qualitative Research* (London, New Delhi: Sage, 1995): 158-174, p. 159.

ственного исследования — женская субъективность, а также интеракции и отношения женщин с другими, анализируемые на предмет мужского контроля, пронизывающего лингвистические и конверсационные патриархатные структуры.² Кроме того, понимание микропрактик интеракции позволяет выйти на «мезо-уровень»³ анализа, который увязывает влияние социальных и институциональных структур с фрагментированным миром повседневности.

Основные постулаты феминистской социальной теории, которые принимаются большинством феминистски ориентированных исследовательниц,⁴ сводятся к следующим положениям:

1. *Преодоление андроцентризма*, т. е. приравнивания мужских моделей жизни и мышления к человечески универсальным и сосредоточение на анализе отношений полов.

2. *Последовательное применение гендерной перспективы* во всех аспектах научной деятельности. Признается, что пол как категория социальной структуры обуславливает не только условия реальной жизни мужчин и женщин, но их системы мышления, что не может не сказываться и на научной рефлексии представительниц науки.

3. *Требование эмансипации* женщин и тем самым преодоления существующих патриархальных взаимоотношений. Освобождение женщин от экзистенциальной и правовой зависимости от супруга, а также освобождение от биологически обосновываемого распределения ролей в общем контексте культуры — центральные темы феминистски ориентированного социального исследования. Достижима ли эмансипация через равенство с мужчинами или через утверждение их отличия (и реабилитацию женственного) — предмет феминистской дискуссии.

4. *Партийность и личная ангажированность*: опыт пренебрежения и инструментализации женского известен феминистским исследовательницам буквально на собственном теле —

² Ibid, p. 161.

³ A. Clarke, «A social worlds research adventure: The case of reproductive science», in S.E. Cozzens and T.F. Gieryn, eds., *Theories of science in society* (Bloomington: Indiana University Press 1990), pp. 15-43.

⁴ B. Bruck, ed., *Feministische Soziologie. Eine Einführung* (Frankfurt/Main, New York: Campus Verlag, 1992), S. 26-28.

как личный опыт дискриминации, который и делает их более сензитивными и открытыми в изучении подобных дискриминаций. Кроме того, женщины обогащают исследование темами, ранее не входившими в научный оборот, выбирая те исследования, которые касаются как их собственной ситуации, так и опыта других женщин с целью их изменения и улучшения.

5. Связь с женским движением и практикой. Постулаты ангажированности и партийности обуславливают кооперацию женских исследований и практики и — тем самым — связь с политическим женским движением. Наука в «башне из слоновой кости» не может быть феминистской.

6. Междисциплинарность женских исследований: кто ставит вопрос о причинах насилия против женщин, вынужден перешагивать границы узко специализированных областей знания.

Основу этих постулатов феминистского исследования заложила Мария Миез, которая первой сформулировала и озвучила их на первом немецком Конгрессе феминистских социальных исследовательниц во Франкфурте в 1977 году.

2. Проблема выбора метода

Рассмотрим некоторые из постулатов феминистски ориентированного социального исследования и методологическую дискуссию вокруг них.

Основной методологический конфликт, который призваны разрешить эти постулаты, сосредоточен на взаимоотношениях исследовательницы и «исследуемой». Эмпирические женские исследования за последние пару десятилетий совершенно ясно показали значимость различий не только между мужчинами и женщинами, но и между женщинами. Новая акцентуация субъект-объектного напряжения в исследовательском процессе наметила две методологические крайности: с одной стороны, требование ангажированности может повлечь за собой мифологизацию «чужой» женской реальности, с другой — вести к оправданию жизненной практики опрошенных и отсутствию приращения нового знания о «женской жизни» и ее изменения. Общим методологическим выходом из этой ситуации признается саморефлексия исследовательницы, понимаемая как балан-

сирование между близостью и дистанцией, контролируемая работой в группе и зачастую руководимая супервайзером.

1) *Партийность, ангажированность и «частичная идентификация» как методологические стратегии: проблемы и противоречия*

Методология социального исследования Марии Миез характеризуется такими центральными понятиями как «собственная ангажированность», «партийность» и «частичная идентификация». По ее мнению, исследовательницы, которые как женщины сами испытали дискриминацию в какой-либо форме, обладают *«double consciousness»* — двойным сознанием, приступая к изучению ситуации женщин: они являются одновременно исследовательницами и пострадавшими. Тем самым, по ее мнению, «методический постулат свободы от ценностей, так называемой объективности, вертикального, асимметричного и нересипроктного (не взаимного) отношения между субъектом и объектом исследования, т. е. основополагающего методического постулата позитивистской науки ... ведет к шизоидной ситуации, когда применяется ангажированными женщинами в высшей школе».⁵

Вместо этого Миез требует рассматривать «идентификацию с собственной дискриминируемой группой не как тормозящий фактор, а как методологическую возможность анализировать ситуацию дискриминации шире — то есть лучше понимать и сторону дискриминируемой» и «осознанно вводить в исследовательский процесс собственную субъективную вовлеченность».⁶ Другими словами, Миез замещает постулат свободы от ценностей осознанной партийностью. Эта партийность должна быть достигнута путем так называемой «частичной идентификации» с «объектами» исследования: как исследовательница, так и «обследуемая» понимаются порожденными определенным социальным контекстом, причем, по мнению Миез, частичная идентификация исследовательницы не должна предусматривать различий между ними. «Понятие частичной идентификации преж-

⁵ M. Mies, «Methodische Postulate zur Frauenforschung», in *Sozialwissenschaftliche Forschung und Praxis für Frauen* e.V. (Hg). *Beiträge zur feministischen Theorie und Praxis* Bd. 11. (Köln, 1984): 7-25, S. 10.

⁶ Ibid., S. 10.

де всего означает, что мы исходим из собственного противоречивого состояния бытия и сознания. Это означает, что не только «другие» женщины, но и я сама имею проблемы. Далее это означает, что я больше не хочу вытеснять эти противоречия. И это позволяет познавать как связывающее нас, меня и «других» женщин, так и разделяющее нас. Итак, частичная идентификация, которая исходит из *double consciousness*, означает, что мы осознаем себя как-исследовательниц объективных структур, внутри которых мы живем и работаем».⁷

Эти тезисы вызвали противоречивую дискуссию в феминистской методологии. Так, Бляйх, Янц и Лейдесдорф наиболее радикально критиковали выдвинутые Миез требования социального женского исследования. Хотя они и соглашались с тем, что наука не свободна от ценностей, но в политизации исследования они видели угрозу «сталинизации» женских исследований. «Хотя исследовательница и может находиться на службе движения, но результат для соответствующего движения может быть разочаровывающим».⁸ По мнению Бляйх и других, наука, целью которой должно быть познание, должна по отношению к политике, целью которой является действие, оставаться автономной. В научном исследовании требуются объективность и контролируемость. Собственная ангажированность и идентификация как основа женского исследования рассматривается как мотивирующий исходный момент, который обосновывает, почему преимущественно исследовательницы занимаются изучением женщин. На самом деле это, по их мнению, не прерогатива женского пола.

Другое интересное замечание к постулатам М. Миез сделала Хайде Геттнер-Абендрот. Она в принципе согласна с тем, что женские исследования своим исходным моментом имеют субъективную ангажированность или вовлеченность исследовательниц. Несмотря на все различия, существующие в жизни женщин, остается «зримым общий фактор в жизни исследовательницы и женщины, которую она опрашивает». «Из рефлекс-

⁷ Ibid., s. 56.

⁸ A. Bleich, U. Jansz, S. Leydesdorf, «Lob der Vernunft», in *Sozialwissenschaftliche Forschung und Praxis für Frauen*. V. (Hg). Beiträge zur feministischen Theorie und Praxis Bd. 11. (Köln, 1984): 26-34, S. 27.

сии об интерсубъективной биографии возникает осознанная партийная позиция по отношению к ситуации женщины как собственной ситуации».⁹ Подобная партийность для Геттнер-Абендрот означает, что женское исследование становится инструментом самопомощи для женщин. В то же время она подчеркивает социальные различия в ангажированности или вовлеченности, поскольку женщины различных социальных слоев не обязательно в равной степени затронуты дискриминацией. Эти различия, по мнению Геттнер-Абендрот, ведут к формированию разнообразных и дифференцированных феминистских социальных теорий. Однако в рамках собственно научной работы, формулировки и методически-систематического исследования проблем ангажированность, по ее мнению, более не востребована.

Сходна и позиция Кристины Вослер де Панафье, для которой собственная вовлеченность — также исходный момент женского исследования, означающая прежде всего способность вообще войти в положение женщин. В то же время, по ее мнению, существует методологическая опасность свести ангажированность к собственному опыту и игнорировать противоречие между женщинами. Другими словами, собственная «задетость» темой дискриминации — необходимое, но не достаточное основание для женского исследования, считает де Панафье: требуется изучение «социально-политических опосредований в их изменчивости». «Ангажированность не является реальностью *per se* и соответственно автоматически истинной».¹⁰

Понимая ангажированность как отношение личного рода к объектам исследования, Суламифь Рейнхарц видит в ней залог «валидации исследовательницы как феминистки и человека».¹¹ «Отношение» символизирует для нее сестринство, способность к интервьюированию и этическую позицию. Однако, по ее мнению, сильная концентрация на поддержании отношений может вес-

⁹ H. Goettner-Abendroth, «Zur Methodologie von Frauenforschung am Beispiel Biographie», in *Sozialwissenschaftliche Forschung und Praxis für Frauen* e.V. (Hg). Beiträge zur feministischen Theorie und Praxis Bd. 11. (Köln, 1984): 35-39, S. 36.

¹⁰ C. Wosler de Panafieu, «Wie «weiblich» kann Wissenschaft sein?», in *Psychologie heute*, N 7, 1981: 30-34, S. 32.

¹¹ Sh. Reinharz with L. Davidman, *Feminist Methods in Social Research* (New York, 1992), p. 265.

ти к романтизации или стереотипизации исследуемых женщин, которые иногда не заинтересованы впускать исследовательницу в свою жизнь. Там, где эти отношения возникают, они зачастую объясняются либо общностью социального происхождения и взглядов, либо изолированностью и одиночеством исследовательницы.¹²

Совершенно иначе к теме ангажированности подходит Тюрмер-Рор. Ее критика обращается против «смешивания моральной и методической сторон». С ее точки зрения, нужно, с одной стороны, «различать общность/ангажированность/партийность как политическую категорию, и, с другой — переживание единения, связанности, близости и симпатии».¹³ При практическом применении постулата об ангажированности Тюрмер-Рор видит опасность предъявления сверхтребований обследуемым и исследовательницам. Очень часто, по ее мнению, дискриминируемые женщины не ощущают свою ситуацию как унижающую их, поскольку по возможности используют все силы для приспособления к *status quo*. Кроме того, «ангажированность не является длительным состоянием. Кто превращает ее в основной мотив исследования, часто сталкивается с потерей ангажированного интереса».¹⁴ Возможны и другие последствия — нивелирование иерархий, идентификация с потерпевшей вплоть до утраты собственной идентификации. Исследовательница рискует растерять собственные исследовательские вопросы и оценки, подчиняя себя другой реальности, осознавая, но уже не оценивая ее. Неуклонно ища общесвязывающее, исследовательница обрекает себя на очень селективное внимание и — тем самым — вовсе не обязательно на реалистичное восприятие другой реальности. «С такими предпосылками исследовательницей расставляются произвольные акценты, которые в первую очередь характеризуют не ситуацию другой женщины, а ее собственную». Поэтому осторожная позиция Тюрмер-Рор выражена следующим образом: «Это ведь освобождение, если мы можем сказать: с определенными женщи-

¹² Ibid., p. 266.

¹³ C. Turmer-Rohr, «Der Chor der Opfer ist verstummt», in *Sozialwissenschaftliche Forschung und Praxis für Frauen* e.V. (Hg). Beiträge zur feministischen Theorie und Praxis Bd. 11. (Köln, 1984): 71-84, S. 76.

¹⁴ Ibid., S. 75.

нами я не хочу иметь и искать ничего общего».¹⁵ Общность женщин, по ее мнению, состоит «только в нашем дискриминируемом прошлом и настоящем как женщин, а также в неизменном, нас задевающим опыте восприятия нас со стороны мужчин... Но эта редукция не затеяна самими женщинами, а навязана им извне».¹⁶ Таким образом, Тюрмер-Рор аргументирует против общего определения женщин как жертв и против жертвенной идентификации, вместо этого признавая факт соучастия, влекущий за собой решения, различение и разрыв.

2) «Взгляд снизу»

Другой методологический постулат Марии Миез, «взгляд снизу», отвечает и логически связан с последовательным применением партийной позиции, поскольку «ангажированные социальные исследовательницы не могут иметь объективного интереса «сверху», потому что они в противном случае должны были бы одобрить собственное подчиненное положение как женщин».¹⁷ Этот постулат имеет для Миез как научное, так и этико-политическое значение. Например, трудность сбора и замера данных среди дискриминированных лиц, не доверяющих целям исследования, может быть значительно снижена в исследовании, открыто демонстрирующем свою партийную позицию; то есть «взгляд снизу» ведет к валидным результатам исследования. В то же время целью партийно ориентированного исследования является не только получение отражающих реальность данных, поскольку «женское исследование осознанно поставлено на службу упразднения подчинения и эксплуатации» и только таким образом можно предостеречь от «методических инноваций, направленных на стабилизацию отношений господства и используемых в кризисном менеджменте».¹⁸ В целом для Миез эта позиция не означает поглощения исследовательницы женским движением, а «творческую переработку ею социальной проблематики и осознание собственной ангажированности в качестве исходного пункта исследования».¹⁹

¹⁵ Ibid., S. 82.

¹⁶ Ibid., S. 82.

¹⁷ M. Mies, Ibid., S. 12.

¹⁸ Ibid., S. 13.

¹⁹ Ibid., S. 15.

Тюрмер-Рор, в отличие от Миез, сомневается в том, что исследовательница может постоянно и безусловно иметь «взгляд снизу». Она осторожно выступает за возможно более близкое к реальности познание этой другой реальности, для чего востребованы профессиональные и научные способности. «Исследовательница и обследуемая» не должны становиться, по ее мнению, ни подругами, ни сестрами. «Феминистская наука, — считает Тюрмер-Рор, не может отвечать политическим целям, ее задача и возможности состоят в том, чтобы максимально тщательно, дифференцированно и систематично отражать ситуацию женщин — во всем их различии, анализировать и познавать общие закономерности патриархальной реальности с точки зрения женщин — при всем их различии».²⁰

Другая часть проблемы «исследования вне иерархий» — угроза эксплуатации доверия и интимности в социальном исследовании. Опыт этнографического обследования двух семей и конфликтов вокруг авторской версии событий и предания гласности частных фактов в исследовании Джудит Стэси показал, что, чем выше уровень интимности, кажущейся взаимности отношений исследовательницы и информантки, тем выше опасность эксплуатации этого доверия.²¹ Более того, Стэси в статье «Возможна ли феминистская этнография?» констатировала неразрешимость дилеммы объединения феминистских принципов и этнографических методов.²²

3) Исследование и акция: отношения женского движения и «баши из слоновой кости»

Из постулата «взгляд снизу» вытекает требование связи исследования с действиями в пользу женского движения, что, по мнению Миез, позитивно сказывается как на изменении в лучшую сторону самой практики, так и совершенствовании теории.

²⁰ C. Turmer-Rohr, «Der Chor der Opfer ist verstummt», in *Sozialwissenschaftliche Forschung und Praxis für Frauen* e. V. (Hg). Beiträge zur feministischen Theorie und Praxis Bd. 11. (K61n, 1984): 71-84, S. 79.

²¹ J. Stacey, *Brave New Families. Stories of Domestic Upheaval in Late Twentieth Century America* (New York, 1991), p. 201.

²² J. Stacey, «Ist eine feministische Ethnographie möglich?», in G. Rippl, ed., *Unbeschreiblich weiblich. Texte zur feministischen Anthropologie* (Frankfurt/Main, 1993): 196-208.

Исходным пунктом в каждом отдельном случае должно быть стремление к изменению существующих отношений, в которых женщины «потонули как объекты».

В противоположность Миез, Бляйх и другие ратуют за относительную автономию женского исследования от женского движения. Их мотивация связана прежде всего с наблюдением, что хотя женские исследования вряд ли развивались бы вне связи с движением, тем не менее исследовательницы отличаются от активисток движения. Последние ответственны за формулирование исследовательских подходов, отвечающих интересам женского движения.²³ Кроме того, по мнению Х. Просс, «социальные движения, в том числе и женские, борются за власть. А это вынуждает к конспирации и тактической смене взглядов. Движение, вовлеченное в этот процесс, не свободно».²⁴ Отсюда вытекает опасность влияния на исследование вне-научных сил.

4) Процесс исследования как прогресс осознания: овладение собственной историей

Исследовательский процесс, понимаемый как рост сознания, затрагивает, по мнению Миез, как субъектов, так и «объекты» исследования. «Это означает, что исследователи, принимающие участие в акции, передают свои исследовательские инструменты дискриминируемым женщинам, побуждают их изучать собственную ситуацию, дают импульс формулировать проблему, которую они находят, как предпосылку запланированной акции».²⁵ При этом Миез призывает выходить за рамки переработки индивидуальных историй дискриминации, что чревато угрозой психологизации, и осваивать коллективную историю борьбы, страданий и сопротивления, поскольку только таким путем, по ее мнению, можно прийти к формированию коллективного женского сознания. Эта диспозиция опосредована женским движением и, пожалуй, этот постулат методологии Миез вызывал наименьшую критику коллег.

²³ A. Bleich, U. Jansz, S. Leydesdorf, «Lob der Vernunft», in *Sozialwissenschaftliche Forschung und Praxis für Frauen*. V. (Kg). Beiträge zur feministischen Theorie und Praxis Bd. 11. (Köln, 1984): 26-34, S. 33.

²⁴ H. Pross, «Gibt es politische Ziele für Frauenforschung bzw. Feministische Forschung?», in *Methoden in der Frauenforschung*. Symposium. (Frankfurt/Main, 1984): 198-205, S. 200.

²⁶ M. Mies, *Ibid.*, S. 15.

3. Дискуссия о методах в женских исследованиях: количественные и качественные методы

Центральный момент дискуссии о женском исследовании в социологии — вопрос о методах. Есть ли специфически женские методы исследования? Какие методы — количественные или качественные — оказываются более эффективными для женского исследования? и др.

В итоге выкристаллизовались две противоположные методологические позиции, выраженные в двух противоположных тезисах:

1. Феминистская наука — это альтернативная научная парадигма, которая должна иметь в распоряжении собственные методы.

2. Специфически женских инструментов исследования нет. Женское исследование выбирает методы из имеющегося арсенала.

Первая позиция представлена Миез. Ее требование «рассматривать идентификацию с собственной дискриминируемой группой не как тормозящий фактор, а как методологическую возможность шире анализировать ситуацию подчинения, т. е. также и со стороны дискриминируемой» и тем самым «осознанно вовлекать в исследовательский процесс» собственную ущемленность, ведет к потребности развивать новые исследовательские методы, отвечающие предмету исследования. И хотя Миез против контрастирования «твердых, мужских» количественных методов «мягкими, женскими» качественными, тем не менее она предпочитает качественный подход в женских исследованиях, «поскольку он не разрывает живые взаимосвязи так, как это происходит при использовании количественных методов».²⁶ Решение об открытом способе измерения, качественном подходе решается на основе уважительного отношения к дискриминируемым, которые перешагивают границы «объекта исследования» и могут самостоятельно сформулировать свою позицию.²⁷

²⁶ M. Mies, «Frauenforschung oder feministische Forschung?», in *Sozialwissenschaftliche Forschung und Praxis für Frauen* e.V. (Hg). Beiträge zur feministischen Theorie und Praxis Bd. 11. (Köln, 1984): 40-60, S. 46.

²⁷ U. Müller, «Feminismus in der empirischen Forschung: eine methodologische Bestandsaufnahme», in A. Diezinger, ed., et al., *Erfahrung mit Methode. Wege sozialwissenschaftlicher Frauenforschung* (Freiburg: Kore, 1994): 31-68, S. 33.

По мнению Остнер, вначале количественные методы создают «эмпирически схватываемое предметное содержание и тем самым необходимые основы для женского исследования, которые далее могут быть углублены с помощью качественных методов».²⁸

Предпочтение в поле женских исследований качественных методов — отражение идентификационных поисков «женской науки». Методологическая рефлексия по поводу эмпирического анализа положения женщин (как дискриминируемой общественным вниманием социальной группы) привела *де факто* к применению преимущественно качественных, «открытых», «мягких» техник. Это было востребовано самим предметом анализа — прежде неисследованными семейными и профессиональными взаимосвязями жизни женщин, типичными поворотами в их биографиях или противоречиями женской идентичности. Не случайно было замечено, что «способность феминисток превращать исходную ситуацию в исследовательскую может быть механизмом выживания».²⁹ Кроме того, наличие в женском биографическом пути дискриминационных практик также подталкивает к применению качественных методов, поскольку «чем существеннее вопрос для пострадавших, тем сложнее применять количественные методы исследования».³⁰

По мнению Э. Ф. Келлер, позитивистский эмпирик, традиционно социализированный мужчина-исследователь, приучен не доверять чувствам и субъективности.³¹ Другие исследовательницы заключают, основываясь на модели социализации по Н. Чодоров, что мужские ценности автономии, отграничения, дистанции и контроля воплощены в традиционном количественном исследовании.³²

²⁸ I. Ostner, «Scheu vor der Zahl? Die qualitative Erforschung von Lebenslauf und Biographie als Element einer feministischen Wissenschaft», in W. Voges, (Hg), *Methoden der Biographie- und Lebenslaufforschung* (Opladen, 1987): 103-124, S. 122.

²⁹ M. Fonow, J. Cook, eds., *Beyond Methodology. Feminist Scholarship as Lived Research* (Bloomington\Indianapolis, 1991), p. 13.

³⁰ F. Koch, S. Ritter, *Lebenswut — Lebensmut. Sexuelle Gewalt in der Kindheit. Biographische Interviews* (Pfaffenweiler: Centaurus-Verlagsgesellschaft, 1995), S. 30.

³¹ E.F. Keller, *Liebe, Macht und Erkenntnis* (Muenchen, 1986).

³² T.E. Jayaratne, A.J. Stewart, «Quantitative and Qualitative Methods in the Social Sciences: Current Feminist Issues and Practical Strategies», in Fonow\Cook, *Beyond Methodology. Feminist Scholarship as Lived Research* (Bloomington\Indianapolis, 1991): 85-106, p. 89.

Солидарны с ними и Стенли и Вайзе, полагающие, что сексизм и реификация (превращение в объект) появляются уже благодаря квантификации, а критика позитивистских методов тем самым становится излишней.³³

Решение в пользу качественного подхода принимается, на наш взгляд, исходя из предмета исследования и отрефлексированной потребности исследовательской практики:

- если необходимо прояснить значение ответа опрошенной,
- уточнить аспекты мнения респондентов,
- обнаружить влияния на формирование мнения,
- проанализировать сложные установки,
- выйти на мотивационные интерпретации,
- осуществить интерпретации тонких статистических взаимосвязей, прежде всего в анализе отклоняющихся случаев,
- провести анализ эффектов и процессов обретения индивидуального опыта как реакции на определенные ситуации,
- обнаружить границы репертуара возможностей индивида.³⁴

Тем не менее речь не идет о том, что полученные, например, в интервью данные аутентично представляют респондента, что нужно просто зафиксировать все его высказывания, мнения, переживания. Знание об интерактивной увязанности опрошенных лиц с ситуацией опроса ведет в социальном исследовании к усилиям по исключению искажающих факторов, что в свою очередь развивает измерительные инструменты качественного анализа. Возможности контроля за измерительным процессом заключаются в поддержании интересубъективности, которая понимается как баланс между перспективой участвующих в интервью лиц и условиями контекста и достигается участием нескольких интерпретаторов.³⁵ Аналогичную роль в обеспечении валидности играет триангуляция, понимаемая Денцин как «комбина-

³³ L. Stanley, S. Wise, *Breaking Out: Feminist Consciousness and Feminist Research* (London, 1983), p. 159.

³⁴ M. Kohli and G. Roberts, (Hg), *Biographie und soziale Wirklichkeit* (Stuttgart: Metzler, 1984), S. 18.

³⁵ Ibid., S. 19.

ция методологий при исследовании одного феномена»,³⁶ устроение контроля за счет не только расширения круга интерпретаторов, но и применяемых методов анализа, теоретических подходов, а также данных в исследовании. Валидность в качественном исследовании можно понимать и несколько иначе — с помощью термина «опыт», что ближе к количественной методологии: сбор данных может считаться валидным в том случае, если позволяет «подобраться» к реальному опыту и тем самым к рассказам о нем и если интерпретация этого опыта дает возможность выстроить элементы теории.

Тем не менее мы бы не хотели солидаризироваться с эссенциалистской аргументацией при выборе качественных методов, согласно которой контроверза качественное *versus* количественное осмысливается как отношения между полем и наукой. Сложившаяся практика женских исследований не мешает осознанию того, что количественные и качественные методы решают различные задачи и поэтому не могут быть взаимоисключающими: возможно использование обоих подходов. Мы полагаем, что выбор соответствующего метода зависит от предмета исследования. Вопрос скорее в феминистском обосновании выбора метода в рамках женского исследования. Гендерно-ориентированный социальный анализ привлекает количественные методы, когда необходимо измерить, например, объем насилия против женщин, параметры безработицы и трудовой ситуации женщин, структурные параллели в жизненных путях и т. д. Качественные методы находят свое применение там, где необходимо понимание контекста полученных значимых цифр относительно положения женщин, а также закономерностей историй жизни и проблематики жизненного мира женщины/мужчины, процесса конструирования социального пола.³⁷

Например, чтобы отследить микропроцессы *doing gender*³⁸ (создания гендера), исследователю/нице нужно эмпирически и аналитически проникнуть во время повседневности с присущи-

³⁶ N.K. Denzin, *The Research Act: A theoretical introduction to sociological methods* (New York: McGraw-Hill, 1978), p. 291.

³⁷ B. Brick, ed., *Feministische Soziologie. Eine Einführung* (Frankfurt/Main, New York: Campus Verlag, 1992), S. 35.

³⁸ C. West and D.H. Zimmerman, «Doing Gender», in *Gender and Society*, 1987, 1(2): 125-151.

ми ей интерактивными конструкциями и ответить на вопрос, как конкретные, ситуационно связанные практики интеракции «уплотняются» в структуры, которые делятся и воспроизводятся. Тем самым мы приближаемся к пониманию более общих макро-социальных вопросов:

каким образом достигается усвоение структуры авторитет-подчинение как средства воспроизводства социального господства,

какова «социальная агентура» этого опосредования,

как двуполая культурная система институционализируется через повседневную практику взаимодействия мужчин и женщин,

как в этой практике выкристаллизовываются биографические процессуальные структуры (наслаивание биографического опыта), которые стратифицируют индивидов по признаку пола, и т. д.

Эти вопросы, относящиеся к структуре, символическому и биографическому, требуют интегративных, междисциплинарных подходов и методов. В частности, переход границ между социологией и психологией меняет оптику исследовательского взгляда: если социология типизирует объективные конфигурации опыта или процессуальные образцы в смысле типичных биографических структур, которые помогают описать и понять положение отдельных социальных групп, то социально-психологические теории описывают внутреннюю динамику субъективности, типичные поля аффектов, структуры мотивов, психо-сексуальности и т. д.

Открытые, мягкие качественные методы предназначены для того, чтобы создать возможность респондентам максимально полно высказывать релевантные им субъективные точки зрения, а также выражать мнения по определенным, интересующим исследователя темам. В отличие от количественного исследования, качественные подходы не исключают субъективность, а наоборот, делают ее предметом исследования. Тематизированная субъективность представляет собой род сырого материала, который впоследствии подлежит измерению, анализу и интерпретации.

Таким образом, методическое своеобразие качественных подходов — в смещении манипулятивных процедур на фазу оценки. В то же время Открытость полевой стадии сбора качествен-

ного материала компенсируется строгостью и дисциплиной последующей аналитики.³⁹

В нижеследующей схеме приведена типология качественных методов в зависимости от того, 1) структурирован ли массив данных частично или полностью и 2) осуществлено ли это структурирование исследователем, субъектом исследования или ситуацией.

Структурирование массива данных	Исследователем	Субъектом	Ситуацией
Полностью	качественный эксперимент	нарративное интервью	интерпретативные методы
Частично	лейтмотивное интервью групповая дискуссия включенное наблюдение		

4. Интерпретативные методы в качественных исследованиях

1) Биографическое исследование

Биографический метод наиболее уместен там, где объект еще не достаточно изучен и не представлен в социологических понятиях и теориях, где поля социального действия закрыты для непосвященных, где в структуре анализа учтена процессуальность течения жизни, различные темпоральные уровни происходящего.⁴⁰ Биографические исследования, помимо тематизации субъективности, что противопоставляется как достижение

³⁹ Такие известные качественные методы как наблюдение, интервью, эксперимент, групповая дискуссия уже получили широкое освещение в русскоязычной литературе. См., например, Семенова В. В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.: «Добросвет», 1998.

⁴⁰ Биографический метод: история, методология, практика / Под ред. Мещеркиной Е. Ю., Семеновой В. В. Москва: Институт социологии РАН, 1994.

объективирующему женщину позитивистскому дискурсу, дают возможность и опрошенным, и опрашивающим женщинам поддерживать субъект-субъектные отношения, обмениваясь взаимной перспективой. Тематическое поле биографий содержит помимо индивидуальных особенностей и другие измерения: характеристики социального пространства, среды, поколения, социального слоя, субкультуры и т. д. Но микроанализ биографических интеракций может вывести и на уровень анализа пола как социальной конструкции. Так, не претендуя на основание законченной типологии мужских и женских биографий, Б. До-зье приводит примеры поло-характерных или поло-связанных типизации: выделенные интеракционные конструкции «Я-в-отношениях» versus «Индивидуализированное Я», стратегии разрешения конфликтов *Разделять-Секвенционализировать-Индивидуализировать* versus *Связывать-Синхронизировать-Ставить в отношения*.⁴¹

Своеобразие исследовательской логики в биографическом исследовании заключается не в частоте случаев, а в типологии различных вариантов в замеренных случаях, формировании обозримого репертуара социальных возможностей. Предпосылкой служит утверждение, что социальные процессы выступают в обществе в обозримой вариативности. В то же время ярко контурированный случай может служить основанием для выделения типа или фальсификацией уже существующей типологии.

Выборка опрашиваемых строится либо нацеленной на определенную социальную группу, либо 1) квотной по определенным признакам, 2) методом снежного кома, 3) методом насыщения (каждый случай отличен от предыдущих). Цель — возможно более полный набор контрастных вариантов.

Методы сбора / измерения варьируются в зависимости от поставленной задачи:

- лейтмотивное интервью, позволяющее лучше обеспечить сравнительность биографических материалов, но сохраняющее опасность «бюрократии лейтмотива»;
- нарративное интервью в версии Ф. Шютце, наиболее разработанной в направлении гомологии рассказа пережитому опыту

⁴¹ B. Dausien, *Biographie und Geschlecht. Zur biographischen Konstruktion sozialer Wirklichkeit in Frauenlebensgeschichten* (Bremen: Donat Verlag, 1996), S. 586.

(со стимуляцией рассказчиков к детализации, заключению образа и конденсации информации);⁴²

- открытое интервью, организуемое и анализируемое в рамках конверсационного анализа;
- собирание биографического материала через конкурсы, объявления, возможности образовательных институтов.

Транскрипция собранного материала представляет собой процесс создания текстуальной реальности. Точность фиксации варьируется от интереса к чисто содержательной, предметной стороне до анализа коммуникативного поведения респондентов в процессе интервью, их невербальных реакций (языка тела): 1) письменный язык, 2) литературная запись и 3) литературная запись с учетом невербальной коммуникации. Для дальнейшей работы транскрибированный текст подлежит секвенцированию или фрагментации. Она преследует чисто формальные цели, разобраться, как членится текст по следующим критериям: тематически (появление и смена сюжетов), смена говорящих (включение в разговор интервьюера), смена видов \рода текста (рассказ, описание, аргументация).

На основании упомянутых критериев выкристаллизовывается более дробная структура текста, состоящего из множества последовательных секвенций — нарративных фрагментов. Их статус в последующем интерпретационном процессе⁴³ во многом зависит от того, к какому виду \роду текста они принадлежат.

Виды текстов (рассказ, описание, аргументация).

Рассказы содержат отдельные цепочки прошлых событий (реальных или воображаемых), которые связаны или временем, или причиной-следствием.

⁴² F. Schutze, «Die Technik des narrativen Interviews in Interaktionsfeldstudien — dargestellt an einem Projekt zur Forschung von kommunalen Machtstrukturen», in *Arbeitsberichte und Forschungsmaterialien N1 der Universität Bielefeld* (Bielefeld: Fakultät für Soziologie, 1977).

F. Schutze, «Biographieforschung und narratives Interview», in *Neue Praxis* 1983, N3: 283-293.

F. Schutze, «Kognitive Figuren des autobiographischen Stehgreiferzählens», in M. Kohli, G. Robert, (Hrsg.), *Biographie und soziale Wirklichkeit. Neue Beiträge und Forschungsperspektiven* (Stuttgart, 1984): 78-117.

⁴³ W. Fischer, «Struktur und Funktion erzählter Lebensgeschichten », in M. Kohli, (Hrsg.), *Soziologie des Lebenslaufs* (Darmstadt\Neuwied: Luchterhand, 1978): 311-336.

Описания отличаются от рассказов тем, что представляют собой статичные структуры, имеющие характер моментального снимка. Уплотнение описаний связано с насыщением картины событий деталями, но при этом отсутствует процессуальный ход событий.

Аргументации представляют собой элементы текста, отсылающие к общим представлениям, стереотипам, теориям, авторитетным и экспертным мнениям и т. д.

Если респондент/ка уклоняется от рассказывания и «уходит» в описание, сообщения, перечисления событий, аргументацию, — это свидетельство его/ее закрытости, нарративной блокады. Впоследствии, после основной части интервью, такие моменты проясняются с помощью нарративных расспросов, и анализируется сам факт возникновения блокады в определенном тематическом контексте.

Герменевтическая реконструкция рассказанных историй жизни.

Все интервью (если речь о коллекции случаев) вместе с заметками и биографическими данными подлежат общему анализу. Этот первый анализ ведет к предварительной типизации рассказчиков (например, по наличию разводов). Следуя концепции теоретической выборки по Глазеру-Штрауссу,⁴⁴ основываясь на этой предварительной оценке, должны быть отобраны интервью для более тщательного анализа (т. н. анализ случая). Отбор при теоретической выборке таким образом ориентируется на теоретически интересный случай с целью выделить при контрастном сравнении различные типы. Контрастное сравнение отдельных анализов случаев представляет собой следующий шаг анализа после проведения анализа случая, хотя есть здесь определенные параллели.

Теоретическое обобщение как цель исследования принципиально достижима и при анализе отдельного случая собственно по завершении анализа, когда уже нельзя реконструировать больше ни одного нового типа и наступает теоретическое «насыщение», т. е. больше не обнаруживаемы новые феномены. Но приблизиться к рубежу теоретического насыщения можно лишь идеально-типически.

⁴⁴ Barney G. Glaser and Anselm L. Strauss, *The Discovery of Grounded Theory. Strategies for Qualitative Research* (New York: Aldine, 1967).

В герменевтической реконструкции текстов основополагающее значение имеют два принципа: принцип *реконструктивного анализа* и принцип *селективности* (практику их применения см. у Розенталь⁴⁵). Методом абдукции (термин Чарльза Пирса) эмпирический материал постепенно насыщается гипотезами, которые проверяются на последовательно подлежащих анализу частях текста, какие-то гипотезы не выдерживают проверки эмпирикой, какие-то верифицируются, затем строятся выводы и следствия. Цель подобного анализа, отличного по логике от дедукции (от теории — к гипотезам — к эмпирическому тесту) и индукции (от гипотез — к их проверке на эмпирике — к построению теории), — в поиске структуры общего типа на основе реконструкции конкретно данного социального феномена (подход в духе объективной герменевтики Овермана⁴⁶).

Принцип селективности связан с процессуальным характером социального действия, т. е. каждое действие представляет собой выбор между некоторыми альтернативами, которые возможны в соответствующей ситуации действия. Цепочки действий, которые манифестируются в текстах как протоколы действий, являются тем самым процессами селекций, из которых, независимо от воли и взглядов субъекта, resultируют определенные примыкающие или соединяющие действия, а какие-то определенные действия-следствия исключаются вследствие совершенного выбора.

Понимание этого требует такого аналитического подхода, при котором задаются вопросом, какой горизонт возможностей открывается в определенной секвенции, какая предпринимается селекция, что остается «за бортом» и какие последствия для будущего это имеет. Из этих размышлений resultирует секвенциональный анализ, принцип которого сформулирован Зоффнером следующим образом: «Интерпретировать — это значит

⁴⁵ G. Rosenthal, *Erlebte und erzählte Lebensgeschichte: Gestalt und Struktur biographischer Selbstbeschreibungen* (Frankfurt/Main: Campus Verlag, 1995): 208-226.

⁴⁶ U. Overmann, *Objektive Hermeneutik — Eine Methodologie soziologischer Strukturanalyse* (Frankfurt: Suhrkamp, 1989).

⁴⁷ H.G. Soffner, «Statt einer Einleitung: Pramissen einer sozialwissenschaftlichen Hermeneutik», in H.G. Seuffner, (Hrsg), *Beiträge zu einer empirischen Sprachsoziologie* (Tübingen: Narr, 1982): 9-48, S. 13.

реконструировать значение текста по линии события».⁴⁷ В смысле абдуктивного вывода секвенциональный анализ означает 1) генерирование возможных гипотез по поводу эмпирических данных, 2) формулирование следствий из гипотез о возможном дальнейшем развитии (гипотезы-следствия) и 3) контрастирование или сравнение с фактически произошедшим событием (эмпирический тест).

Задачей феминистского биографического исследования является эмпирическое и теоретическое прояснение биографического измерения гендерных отношений: женские и мужские биографии систематически отличаются. Феминистская критика направлена против концепта «нормальной биографии», навязывания таких «классических» признаков мужской биографии как линейность, прогресс, образование, успех (неуспех), карьера в качестве общечеловеческих. Женские биографии в отличие от мужских обладают рядом структурных признаков:

- Биографии женщин в патриархатно-капиталистических обществах изначально подлежат двойному обобществлению,⁴⁸ которое накладывает отпечаток как на внешнюю структуру жизненного пути, так и на субъективную биографическую перспективу.
- Вследствие этого жизненные пути женщин полны разрывов, пауз, которые в структурном плане отличаются от мужских образцов жизненных путей. Субъективная переработка биографических опытов и проектов соответственно также характеризуются у женщин противоречивыми перспективами, амбивалентностью и нелинейным временем биографии.
- Женская идентичность и Я-концепция существенно сильнее характеризуются ориентацией на отношения и социальные сети, что требует новых подходов в понимании индивидуальности и автономии.

⁴⁸ R. Becker-Schmidt, «Die doppelte Vergesellschaftung - die doppelte Unterdrückung: Besonderheiten der Frauenforschung in den Sozialwissenschaften», in L. Unterkirchner, I. Wagner, (Hrsg), *Die andere Hälfte der Gesellschaft* (Wien, 1987): S. 11-25.

2) Анализ дискурса

Понятие дискурса разрабатывалось с 60-х годов в работах Д. Остина, Д. Серля, Г. Бламера, Г. Гарфинкеля, В. Лабоу, А. Си-курела и других в русле анализа устной коммуникации, правила которой выработаны как в повседневном, так и институциональном контексте. С точки зрения Г. Бламера, социальная проблема не существует, пока она не признана, только получив признание общества, социальная проблематика попадает в поле зрения социологов.⁴⁹ Поэтому необходимо расширить категориальный аппарат социальных теорий за счет введения анализа дискурса, который не объясним лишь в терминах отклонения, дисфункции или структурного напряжения, — необходимо изучать процесс, посредством которого общество признает социальные проблемы как фокус конфликтных интересов, намерений и целей.

Другое направление связано с постструктурализмом в лице лингвиста де Соссюра, им дискурсы понимаются как способы речи, институционализированные и подчиненные определенным правилам. В немецком научном пространстве под дискурсом понимается «содержательно и тематически определенная, институционализированная форма производства текстов. Опосредованная масс-медиа, общественная дискуссия на политические темы становится публичным дискурсом как род непрямого разговора среди отсутствующих».⁵⁰ Здесь подчеркивается важный момент коллективной интерпретации действительности. Обе формы дискурса, речевая интеракция и институционализированная форма производства текстов, имеют общие черты: интерес не к единичному акту проговаривания или действия, а к их образцам или правилам. Составные части дискурса: говорящий — высказывание (форма и содержание) — слушатель (публика). Глоссарий дискурса:

- дискурсы основываются на научных *дисциплинах*,
- *субъектных позициях*, которые отличают тех, кто имеет возможность говорить,

⁴⁹ Бламер Г. Социальные проблемы как коллективное поведение // Контексты современности 2. Хрестоматия. Казань: КГУ, 1998. С. 65-75.

⁵⁰ R. Keller, «Discourse Analyse», in R. Hitzler, A. Honer, (Hrsg), *Sozialwissenschaftliche Hermeneutik* (Opladen: Leske&Budrich, 1997): 81-108, S. 311.

- *дискурсивных практиках*, построенных на схемах действий,
- *коллективных актерах*, чьи действия на переднем плане,
- *символической борьбе* коллективных актеров за внедрение их толкований.

В основе дискурса лежит конструктивистская перспектива. Все, что мы воспринимаем, социально сконструировано и типизировано, и то, что понимаем под легитимным и объективированным знанием, опосредовано значениями, поскольку к «миру-в-себе» нет непосредственного доступа. Наше знание не сводимо к «врожденной» когнитивной системе категорий, скорее — это социально устанавливаемая символическая система или порядок, которые социально воспроизводятся *через и в* дискурсах.

С помощью языка как «знаковой системы» мы производим значения, выступающие в свою очередь как типизированные схемы. Отсюда и понятийный аппарат анализа дискурса — репертуар интерпретаций, фрейм (рамки), образцы толкований, *story line* (линия рассказа), власть дефиниций, *script* (сценарий), медиализация, *grammar of motives* (грамматика мотивов), дискурсивная формация, контекстуализация, этика дискурса, набор практик.

Анализ дискурса заключается в том, чтобы реконструировать процессы социальной объективации, коммуникации и легитимации смысловых структур на основе описания практики институтов, организаций соответствующих коллективных актеров и проанализировать социальное влияние этих процессов.

Эмпирическая программа анализа дискурса выглядит как ряд последовательно выполняемых задач или задаваемых вопросов:

- как возник данный дискурс,
- какие изменения фиксируются в нем со временем,
- на какие предметные сферы и на какую аудиторию он рассчитан,
- какие латентные и манифестирующие сюжеты (в смысле когнитивных схем восприятия, моральных и эстетических схем оценок «предметного содержания») он проводит,
- какие риторические средства для этого использованы,

- какие материальные практики использованы,
- кто их носители,
- в каких отношениях с другими дискурсами (возможно, конкурирующими) они находятся,
- насколько успешен данный дискурс, насколько он влиятелен.

Например, превращение в рамках определенных дискурсов ребенка — в плод, зародыш, «жизнь» в смысле религиозной ценности — разводит публичную дискуссию об абортах по разным ведомствам: секулярной социальной политики, медицинской темы пренатальной терапии или церковных институтов. Поэтому борьба конкурирующих или воюющих дискурсов прежде всего ведется за основной тезаурус, описывающий социальную проблематику в определенных терминах.

Методическая схема анализа дискурса близка по логике к другим формам содержательного анализа и строится по следующим стадиям:

1. Определение вопроса исследования.
2. Построение выборки (отбор единиц измерения).
3. Сбор материалов / документов.
4. Проведение интервью с носителями дискурса и представителями его аудитории.
5. Транскрибирование интервью.
6. Кодирование согласно системе построенных категорий.
7. Анализ.
8. Валидизация.
9. Отчет.

Дискурсивность женского мышления, речи, действия — одно из центральных измерений феминистской теории. В какой (патриархатной) парадигме объясняются и интерпретируются человеческие действия, какие дискурсы вводятся и кем, чтобы осуществлять, воспроизводить и умножать социальную власть? Как тематизируется женское бытие? Какие дискурсы выбирают женские субъекты в качестве самоопределения? — Эти и другие вопросы продиктованы стремлением деконструировать «поло-нейтральную» науку, показать дискурсивность гендерной субъективности, «открыть» женщин как субъектов социального действия, предложить феминистский вариант теории социальной власти, ориентированной на повседневность.

3) Содержательный анализ

Целью содержательного анализа является систематизированная обработка материала коммуникации (текст, музыка, пластика, изображение). В качестве предмета исследования выступают как формальные, так и латентные смысловые сигналы.⁵¹

Важный пункт систематики здесь — разложение анализа на отдельные шаги. Обобщенная модель качественного содержательного анализа выглядит следующим образом:

- определение материала,
- анализ ситуации его генезиса,
- формальные характеристики материала,
- направление анализа,
- теоретическое дифференцирование вопроса
- определение техник(и) анализа и выбор конкретной его модели,
- дефиниции единиц анализа,
- шаги анализа с помощью системы категорий: обобщение, истолкование и структурирование,
- проверка системы категорий на теории и на эмпирическом материале,
- интерпретация результатов в зависимости от основного вопроса.

Определение исходного материала, анализ его происхождения и формальных характеристик позволяет выделить наиболее существенное для целей анализа. При определении направления анализа необходимо видеть «встроенность» материала в определенную модель коммуникации и установить, что является

⁵¹ Его развитие связано с работами: P. Mayring, *Einführung in die qualitative Sozialforschung. Eine Anleitung zu qualitativen Denken* (München: Psychologic Verlags Union, 1990).

J. Ritsert, *Inhaltsanalyse und Ideologiekritik. Ein Versuch ueber kritische Sozialforschung* (Frankfurt/Main: Athenaum, 1972).

S.P. Ballstaedt, H. Mandl, et al., *Texte verstehen, Texte gestalten* (München: Urban & Schwarzenberg, 1981).

K Merten, *Inhaltsanalyse. Einführung in Theorie, Methode, Praxis* (Opladen: Westdeutscher Verlag, 1983).

целью анализа: сам текст, автор текста, соответствующая сфера объекта, группа лиц или предмет с его социокультурным подтекстом. Поэтому обобщенная модель содержательного анализа имеет три варианта: обобщающий, объясняющий и структурирующий содержательный анализ.

Обобщающий содержательный анализ.

Здесь представлена попытка редукции материала, сохраняющей основное содержание, она сопряжена с созданием краткого обзорного текста. Среди методических правил-шагов обобщающего анализа: парафразирование, генерализация на абстрактном уровне, редукция.

Объясняющий содержательный анализ.

В отличие от предыдущего он направлен на поиск дополнительного материала для понимания и объяснения отдельных неясных частей текста (понятий, предложений...). Основная мысль — систематизированный, контролируемый сбор объясняющего материала. При этом различают анализ узкого контекста, который соотносим только с прямым полем текста, и анализ широкого контекста (информация о коммуникаторе, предмете, социокультурном подтексте, целевой группе и т. д.).

Структурирующий содержательный анализ.

Он имеет целью отфильтровать определенные аспекты материала и по предварительно установленным критериям осуществить «срез» материала или оценить его по этим критериям (формальным, содержательным, типизирующим, шкалирующим). Благодаря формулировке дефиниций, типичных текстуальных пассажей и правил кодировки возникает лейтмотив кодировки, который уточняет структурирующий анализ. Подробнее о технике кодировки в качественном исследовании см. *Возможности использования качественной методологии в гендерных исследованиях*.⁵²

4) Анализ и интерпретация изображений

Социологическое понимание изображения построено таким образом, чтобы герменевтическими и семиотическими средствами расшифровать содержание социальных значений и смыслов

⁵² Возможности использования качественной методологии в гендерных исследованиях. Материалы семинаров \ Под ред. М. Малышевой. М.: МЦГИ, 1997.

в их визуальной символике.⁵³ Метод понимания изображения должен быть адекватен своему предмету, который характеризуется с одной стороны отображением, с другой — содержательным посланием. Отображение — репродукция данного, но произвольный механизм репрезентации может скрывать идеологический посыл, что придает двойственность изображению. Символически материализованные репрезентации исследуются социологией как часть репрезентационной системы, интерпретативного порядка общества. В центре анализа, словами Т. Адорно, — шифры социального содержания.

Методика интерпретации изображения строится в соответствии с логикой картины и может быть аналогична секвенциальному анализу в объективной герменевтике. При этом не-вербальность картины выступает составной частью intersubjectively связанной практики понимания. Например, рекламные изображения построены в русле однолинейной интенции сообщения с использованием инсценировок, смысл которых — вводить в соблазн и легкое заблуждение: товар чудесен, дешев, доступен, безопасен и лучше, чем у конкурентов. Социально-прикладное исследование ставит задачей раскрытие механизмов такого введения в заблуждение в виду его управления поведением, ценностями, мотивацией и т. д. Познавательно-теоретический вопрос можно было бы сформулировать следующим образом: как рекламные инсценировки коллективного символического содержания обслуживают объективную культуру и при этом меняют принятые толкования, обеспечивая культурную последовательность?

Социальная практика коммуникации в отношении визуализации структурирована трижды:

- в послые изображения как триаде значения, смысла и символа,
- в производителях посылы,
- в адресатах посылы.

Таким образом, речь идет о том, что собой представляет символика изображения как носителя социальных значений и смыс-

⁵³ S. Muller-Dohm, «Bildinterpretation als strukturel-hermeneutische Symbolanalyse», in R. Hitzler, A. Honer, (Hrsg), *Sozialwissenschaftliche Hermeneutik* (Opladen: Leske&Budrich, 1997): 81-108.

лов, а также механизмы визуальных практик инсценирования. Известна формула Ласуэла: «Who says what to whom with what effect?» («Кто говорит, что, кому и с какими последствиями?»).

В посыле изображения значение изображений концептуализируется в свою очередь в трех измерениях культурных объективаций: 1) то, что мыслилось визуальными средствами автором изображения, 2) коммуникативные средства, нашедшие применение в фактически изображенном, 3) соотносительность с культурно отыгранным взглядом: узнаваемость привычного с нормативной дельтой отклонения.

Методический подход к анализу изображения также состоит из трех фаз: *описания* видимых данных, *разделения их на структурные элементы* во взаимоотношениях и *поиск значения взаимосвязи текста и изображения* в определенном социально-историческом контексте. Этому членению фаз анализа соответствуют и три фазы интерпретации: 1) дескрипция, вербальное парафразирование текстовых и изобразительных посылов, 2) акрибическая реконструкция, анализ значений символического содержания текстовых и изобразительных материалов и 3) социо-культурная интерпретация. Логика интерпретации следует путем «от края к середине»: сначала реконструируются относительные взаимосвязи, в формах которых выражены социальные феномены, а затем воссоздаются их значения как функции определенного символического порядка. Значения т. о. возникают из ответа на вопрос как? из языка формы.

Символическое содержание текстового и изобразительного посыла верифицируется тем, что все отдельные элементы посыла сначала формально изолируются, чтобы затем сопоставить их во взаимоотношениях, т. е. следует принципам последовательной герменевтической интерпретации. При этом принципиально различаются:

- в посыле изображения: перцептивный не-кодированный посыл и кодированный изобразительный посыл (в смысле символического посыла Барта);
- в посыле текста: денотативное значение (используемый смысл), common sense повседневного сознания, и коннотативное значение, которое трансформирует посыл денотативного значения в единицу культурного дискурса.

Для прикладного анализа отдельных случаев рекомендуется выработка лейтмотива, который структурирует все три фазы анализа: дескрипцию, реконструкцию и интерпретацию.

Дескрипция:

- точное описание отдельных элементов изображения, например, изображенных лиц, окружения объектов, а также сценических элементов,
- точная передача цветов, их нюансов, контрастов цвета, а также перспективы и планиметрии изображения (на переднем плане, на заднем, в центре),
- точное обозначение ценности места и объема текста и изображения, а также их пространственные и графические взаимоотношения,
- вербализация эстетических элементов, например, способ производства изображения, использованные стилевые моменты, графические и фотографические практики, например, освещение.

Реконструкция:

- сначала текст и изображение разделяются, чтобы отдельно обыграть их значения на предмет совпадения или различия; это интерпретативное обыгрывание посылов текста и изображения призвано раскрыть их символическое содержание и, тем самым, герменевтически («целое определяет детали») приближает к латентной символической структуре,
- одновременно это и анализ формы, элементов формы текста и изображения, ведущий к реконструкции культурного ко-тек-ста.

Социально-культурная интерпретация:

- заключается в формулировании символического и смыслового содержания уплотненных толкований изображения и текста,
- здесь реконструируется символическое содержание значений как культурных смысловых образцов.

5) Анализ фото- и фильмоматериалов

Анализ фото- и фильмоматериалов следует тем же герменевтическим принципам интерпретации изображения. И здесь

известен ряд противоположных позиций, отражающих отношение к фотографии как источнику качественной информации:

- с одной стороны, интерпретация фото означает редуцирование к языку (Барт), с другой, утверждается самостоятельность фотографии благодаря запечатленному чувственному опыту (Арнхейм),
- с одной стороны, фотографии вменяется статичное схватывание момента, с другой, утверждается, что динамика конституирует себя через указание на отраженное действие и, соответственно, через структурированный временем процесс восприятия,
- с одной стороны, фотография — ряд отражений коллективных поведенческих форм (Бурдьё), с другой, — это рефлексивное средство коммуникации (Арнхейм).

В чем сходятся многие исследователи, так это в общей позиции, согласно которой фотография конституирует собственную субъективную реальность, в интерпретации которой проблема показывания (место камеры, выбор кадра, перспектива, продолжительность экспозиции, монтаж и т. д.) и понимания (я принимаю решение, прежде чем включить камеру) неразделимы.

Неизбежное объективирование субъектов в процессе фотографирования служит целям фотографического типизирования.⁵⁴ В культурной и социальной антропологии отрефлексирован ряд приемов, которые служат этической компенсацией подобного объективирования. Речь идет прежде всего о так называемой эмической точке отсчета (термин К. Л. Пике), которая сопровождает изображение социокультурных феноменов на основе процессов понимания между исследователями и обследуемыми, фотографирующими и фотографируемыми. В этом же ряду — отказ от комментария как культурно-антропологической практики при изображении чужих культур, психо-социальная диспозиция (стиль фильма, фотоматериалов, приближенный к культурному хабитусу объектов исследования), введение внутреннего комментария как род культурного вмешательства/интервенции и создание иного стиля коммуникации.

⁵⁴ W, Petermann, «Fotographie und Filmanalyse», in U. Flick, ed., et al., *Handbuch Qualitative Sozialforschung* (Weinheim: Beltz Psychologie Verlags Union, 1995): 228-231, S. 230.

В социально ориентированном анализе фотографий широко используются принципы нарративного секвенционального анализа. В таком случае методическая картина будет следующей:

1. Фиксируется процесс восприятия как последовательность воспринимаемых изобразительных элементов.

2. Затем следует формальное описание света/тени, цветов, величины, положения, переднего/заднего плана, центра/перспективы, вещей, фигур, сценических элементов, действий, композиции, изобразительности.

3. Затем выдвигаются гипотезы (как конструкции взаимосвязи) к локальному, временному, тематическому и интерактивно-биографическому контексту.

4. После этого формулируются гипотезы относительно фотожанра, а также причин возникновения, сохранения и использования этой фотографии.

С помощью абдуктивного вывода гипотезы проверяются, подтверждаются или отбрасываются. Для объяснения изолированных изобразительных элементов подбираются возможные контексты. Из этих мыслимых контекстов дедуцируются следствия, которые в свою очередь проверяются на первичном случае. Поэтому очень важно в самом начале секвенцировать фотографию, зафиксировать последовательность восприятия, поскольку впоследствии на этой последовательности будет строиться процесс выдвижения гипотез.

6) Психоаналитическая интерпретация текста

Ортодоксальный психоаналитический текстуальный анализ концентрирует внимание прежде всего на содержательном изображении, не учитывая форму письменного языка и формально-эстетическую образность.⁵⁵ Внимание приковано к психодинамике литературных героев и их отношениям, как будто это реальные люди, а не плод фантазии писателя, и качества/количества психологического материала как бы достаточно, чтобы поставить психоаналитический диагноз. Ограничение ортодоксального подхода и в том, что бессознательное понимается не только структурно, но и по своему содержанию как антрополо-

⁵⁵ R. Haubl, «Modelle psychoanalytischer Textinterpretation», in V. Flick, ed., et al., *Handbuch Qualitative Sozialforschung* (Weinheim: Beltz Psychologie Verlags Union, 1995): 219-223, S. 220.

гическая константа. Если, например, комплекс Эдипа или Электры однажды фигурирует в качестве квази-номотетического образца толкования, то считается доказанным латентное структурирование им жизни, поведения литературного персонажа; остается только проверить, как он манифестируется в тексте...

Ближе к текстуальному анализу стоит теория символизации Лоренцера, в рамках которой формирование символов рассматривается в качестве конститутивной составной части творческой жизненной практики человека.⁵⁶ В ее центре — концепция форм интеракции как основополагающего элемента человеческой структуры переживаний.

Лоренцер различает у взрослых три уровня переживаний (пред-символическое, чувственно-символическое и языково-сим-волическое), которые возникают из интерактивных сцен в различных полях практики тела, предметного мира и языка/письма и структурируют, соответственно, биографию. Каждый слой переживаний имеет свою, уходящую в историю ранней социализации, линию развития, но эпигенетически перекрещивается с другими. Им соответствуют различные уровни сознания. Сознание имплицитно развитие, критерием которого является способность к децентрализации переживаний в соответствии с иерархией представительности (сенсомоторных) действий, (образно-наглядных) представлений и (семантически-синтаксических) описаний.

Различные слои переживаний образуют динамичный союз, характеризующийся диалектикой рационализации и эмоционализации, нормативного контроля и спонтанной экспрессивности. «Полное» переживание имеет предпосылкой возможно более свободное развертывание этой диалектики, поскольку границы между слоями проницаемы. Вытеснение сковывает это движение. Генетически различаемы два типа вытеснения и два типа бессознательного. В первом случае перевод глубинных слоев

⁵⁶ A. Lorenzer, *Sprachzerstörung und Rekonstruktion. Vorarbeiten zu einer Metatheorie der Psychoanalyse* (Frankfurt: Suhrkamp, 1973).

A. Lorenzer, «Der Gegenstand psychoanalytischer Textinterpretation», in S. Goppert, *Perspektiven psychoanalytischer Kulturkritik* (Freiburg: Rombach, 1978): 71-82.

A. Lorenzer, «Tiefhermeneutische Kulturanalyse», in A. Lorenzer, *Kultur-Analysen* (Frankfurt/Main: Fischer, 1988): 11-98.

в языково-символическую форму интеракции тормозится, следствием чего является стереотипная эмоционализация, «лишающая языка». В другом случае уже сформированная языково-символическая форма интеракции изолируется от глубинных слоев, что ведет к рационализации, которая эмоционально опустошает речь и тем самым искажает ее до поверхностного употребления знаков. Сопротивление в одном случае направлено против вербализации, в другом — против витализации.

Описанная модель человеческой структуры переживаний допускает ее употребление в качестве текстуальной модели благодаря ее символическим основаниям, что позволяет приписывать литературному тексту латентные смысловые структуры, которые исследуемы без привлечения бессознательного как литературных персонажей, так и автора текста.

Каждый литературный текст — комплекс письма и языка. Что он содержит и как формально-эстетически подает, во многом зависит от литературных условностей, которые принадлежат «Сверх-Я-культуры» (Фрейд). Это исторически-культурно-социально обусловленные границы сообщения, разделяющие и опосредующие приватность и публичность, речь личности и институционализированный дискурс.

С целью сделать явным бессознательное и «озвучить» неязыковые формы интеракции текстуальный анализ глубинной герменевтики направлен и на обнаружение в литературном тексте полемики автора текста с господствующими грамматическими и литературными условностями, отражающими исторически-культурно-социально обусловленные границы сообщений.

Исходя из этого, качество текста зависит от того, насколько он обнаруживает новые бессознательно непосредственные биографические проекты, в которых заложена целостная система закодированной в языке практики, по Лоренцеру. Психоаналитически собственно и исследуются эти языково-символические следы различных форм интеракции.

7) Объективная герменевтика

Объективная структурная герменевтика прежде всего связана с работами группы Ульриха Овермана.⁵⁷ Речь здесь идет о реконструкции объективных структур значений в тексте, традиция, восходящая теоретически к моделям Хомского, теории обучения Пиаже и концепции сновидений Фрейда, идеям Вац-

лавица о различении «аспектов содержания и отношения» в человеческой речи, исследовательской логике Пирса. Объективная герменевтика интерпретирует не только протоколы социа-лизаторной интеракции, но претендует на интерпретацию принципиально всех текстов, а также живописи, музыки, архитектуры, понимаемых как тексты.

В центре ОГ — *концепция структуры*. По Оверману, структуры — не модели, не реконструкции. Это реальность *sui generis*. Структуры могут себя воспроизводить, т. е. идентично удваиваться, и могут трансформироваться, обретя новый образ.

Воспроизводятся, как правило, универсальные структуры (грамматики, логичности, моральности, разумности), которые открывают человеку пространство действий и ограничивают его. От них отличаются исторические структуры (от системы мировых значений, духа эпохи с образцами толкования до групповых или индивидуальных образцов толкования и интеракции).

Интерес объективного герменевта направлен на реконструкцию структур. Это удастся, если как минимум одна фаза воспроизводства структуры описана и объяснена. Целью данного анализа было бы установление закономерности воспроизводства структуры и ее трансформации.

Воздействие структур опосредовано компетенциями действия субъектов. Компетенции рассматриваются как открытые либо частично закрытые программы, стимулирующие упорядоченные действия (перформансы). По Оверману, все правила упорядоченных действий (грамматики) принципиально реконструируемы. Воздействие структур остается для действующего субъекта частично сокрытым, в связи с этим вводятся понятия латентных и прямых структур действий. Поскольку они материализуются только в действиях людей, то и могут быть познаны ими только вследствие рефлексии о своих действиях, перехода от кажимости интенций к объективным значениям своих действий.

⁵⁷ U. Overmann, T. Allert, E. Konau & Krambeck, «Die Methodologie einer «objektiven Hermeneutik» und ihre allgemeine forschungslogische Bedeutung in den Sozialwissenschaften», in H.-G. Soffner, ed., *Interpretative Verfahren in den Sozial- und Textwissenschaften* (Stuttgart: Metzler, 1979): 352-433.

U. Overmann, T. Allert, E. Konau, «Zur Logik der Interpretation von Interviewtexten», in T. Heinze, H.W. Klusemann & H.-G. Soffner, *Interpretation einer Bildungsgeschichte* (Bensheim: Pad-Extra, 1980): 15-69.

Стратегия эмпирического подхода охватывает следующие подходы к истолкованию текста:⁵⁸

1) суммарная интерпретация текста с привлечением знания о широком контексте;

2) тонкий анализ текста на различных уровнях, причем вплетается знание о внешнем контексте, прагматика типа интеракции, парафраз предметно-логического содержания, интенции рассказчика, подробности языковой и невербальной коммуникации, ее фигуры и логика взаимоотношений;

3) секвенциональный анализ каждого отдельного этапа интеракции, шаг за шагом, без объяснения проявлений внешнего или внутреннего контекста; а затем при условии контексту-ализации — выяснение, какие возможности были эмпирически выбраны;

4) подробная интерпретация объективных социальных данных по всем интеракциям участников; при этом реконструируется на основании данных о социальной истории семьи (истории разводов, репрессий, делинквентности и т. д.) картина «нормальности, стандарты разумности» семьи, индивида, после чего сравнивается практическое развитие биографии по секвенциям действий и интерпретируются отклонения и совпадения, т. е. формулируются индикаторы интересующих биографических линий развития.

8) Конверсационный анализ

Конверсационный анализ представляет собой совокупность формальных принципов социальной организации языковой и неязыковой интеракции. История КА начинается с 60-70-х годов как частное направление этнометодологии (Бергманн,⁵⁹ Гар-финкель⁶⁰), но и под влиянием интеракционной социологии (Э. Гофман), когнитивной антропологии, философии позднего Витгенштейна. Основополагающими для КА являются работы Х. Закса, Щеглова, Джефферсона.⁶¹

В основе КА лежат этнометодологические предпосылки о социальной действительности, «впервые воплощаемой» в повсед-

⁵⁸ J. Reichertz, «Objektive Hermeneutik», in U. Flick, E.V. Kardoft, et al., *Handbuch Qualitative Sozialforschung. Grundlagen, Konzepte, Methoden und Anwendungen* (Weinheim: Beltz Verlag, 1997): 223-227.

⁵⁹ J. R. Bergmann, *Etnomethodologische Konversationsanalyse des Inst. für deutsche Sprache* (Dusseldorf: Schwann, 1981): 9-51.

невно-практических действиях: социальный порядок воспринимается как процесс приписывания значений и смысла. Условия этого процесса смыслоопосредующего производства действительности — в «компетентности» членов-участников. Эта компетентность формализуема и описываема в следующих структурных признаках:

- 1) социальные факты, переживаемые участниками, фиксируются как принципиально изменяемые;
- 2) в интеракции участники употребляют технику и методы, способствующие познанию, пониманию и описанию своих действий, т. е. это интерактивное достижение, а не индивидуальные заслуги;
- 3) рефлексивный процесс придания смысла (действие объясняемо посредством заключенного в нем смысла, а смысл подкрепляется совершенным действием);
- 4) повседневная жизнь рационализируется, т. е. осуществляется стремление к разумным и эффективным действиям в принципиально неясных условиях благодаря применению методов/ способов повседневного осмысления и целеполагания;
- 5) социальность предстает как процесс локального производства, протекающий в специфической ситуации и определенном контексте.

Этнометодологически ориентированный КА обращается к непроблематичному социальному поведению, вызывающим доверие социальным сценам, интуитивно понимаемой коммуникации, членит их аналитически и выделяет из них те формальные способы, с помощью которых в действиях актера формируются образы и стереотипы социального мира. Речь о генеративных структурах человеческой социальности; интерпретативной

⁶⁰ H. Garfinkel, «Das Alltagswissen iiber soziale und innerhalb sozialer Strukturen», in Arbeitsgruppe Bielefelder Soziologen, (Hsg), *Alltagswissen, Interaktion und gesellschaftliche Wirklichkeit* (Reinbeck: Rowolt, 1973): 189-263.

⁶¹ H. Sacks, *Lectures*, 1954-1965, G. Jefferson, ed. (Dordrecht: Kluwer, 1990). H. Sacks, E. Schegloff & G. Jefferson, «A simplest systematics for the organization of turntaking for conversation», *Language*, 1974, 4: 696-735.

и интерактивной компетенции членов общества как результате участия в самовоспроизводстве социальных структур.

Соответственно, основной вопрос КА, в котором проявляется его этнометодологический характер: что собой представляют генеративные принципы и способы, с помощью которых участники приносят в обычный разговор характерные структурные признаки и, словами Гарфинкеля, «обжитую упорядоченность» интерактивного происходящего?

Логика подхода:

1) языковой или неязыковой объект анализа как предположительный элемент порядка изолируется в текст-транскрипте;

2) из данных составляется коллекция случаев, где данный объект манифестируется в различных вариациях;

3) этот элемент социального порядка рассматривается как составная часть методично воспроизводимой интерагентами упорядоченности;

4) эта упорядоченность понимается как результат методичного решения структурной проблемы и социальной организации интеракций;

5) разрабатываются гипотезы относительно рода этой структурной проблемы;

6) исходя из этой проблемы, реконструируются практические методы, которые служат участнику в качестве институционализованного решения этой проблемы и применение которых вносит наблюдаемую упорядоченность интеракции.

9) Анализ языка тела

Исследования в этой сфере⁶² в поисках ключа к личности через невербальную коммуникацию неоднократно констатировали неоднозначность интерпретации языка тела и взаимосвязи между формами выражения и значением.

Эти проблемы подвигли к различению в коммуникативном поведении 1) интерактивно релевантного поведения и 2) информативного поведения (которое опосредует ключ толкования для

⁶² M. Zuckerman, M.S. Lipets, J.A. Hall, R. Rosenthal, «Encoding and decoding nonverbal cues of emotion», *Journal of Personality and Social Psychology*, 1975, N32, 1068-1076.

H.G. Wallbott, «Nonverbale Kommunikation», in R. Asanger & G. Wenninger, *Handwörterbuch der Psychologie* (Weinheim: Beltz, 1988): 488-493.

воспринимающей личности, но может быть фальсифицировано). Было предложено различать невербальную коммуникацию в собственном смысле и невербальное поведение. Важное отличие в «кодировании» невербального поведения в противовес вербальному заключается в том, что вербальное поведение всегда ориентировано вовне, дискретно и инвариантно, а в случае выразительного поведения можно исходить из ориентированного вовнутрь, непрерывного и вероятного кодирования. Особенно важен момент вероятного кодирования: существует лишь вероятность соотнесения знака и значения. Т. е. сигналы языка тела неоднозначны и варьируются в зависимости от контекста.

Предыстория исследований невербальной коммуникации связана с этологией и этнологией, клиническими наблюдениями, психологией экспрессии, исследованиями семиотической коммуникации.

Современные исследования и лабораторные эксперименты с невербальной коммуникацией подтвердили следующие положения:⁶³

- 1) невербальное поведение играет центральную роль в сфере выражения эмоций; удалось доказать универсалии мимического выражения и дифференцировать мимические образцы реакций;
- 2) невербальное поведение — важнейший индикатор межличностных установок; ориентирование тела и его положения отражают относительно однозначные индикаторы отношений статуса и симпатий между интерагентами;
- 3) утверждается, что могут быть обнаружены связи между качествами личности и ее экспрессивным поведением;
- 4) невербальное поведение играет решающую роль в управлении разговором и интеракцией.

Гендерные измерения языка тела.

Половая идентичность, воспринимаемая как естественно данная и закреплённая, прочитывается по знакам тела (одежде, причёске, проксемике (пространственном положении) и т. д.), которые интерпретируются в рамках общего культурно заданного образно-

⁶³ H. G. Wallbot, «Analyse der Körpersprache», in U. Flick, ed., et al., *Handbuch Qualitative Sozialforschung* (Weinheim: Beltz Psychologie Verlags Union, 1995): 232-236, S. 235.

го восприятия. Важно здесь то, что процедуры восприятия, приписывания значений и различения во взгляде на социальный пол совпадают. Как пишет Б. Тернер, «тело — наиболее универсальная, естественная, кроме того, осознаваемая человеком метафора, неисчерпаемый источник аллегорий порядка и неупорядоченности».⁶⁴ Но идея границ тела как метафора социальной системы закамouflирована восприятием тела в первую очередь именно в его половой определенности. Концепция «doing gender» как бы разоблачает естественность такого восприятия, поскольку с ее помощью реконструируются на основе анализа микропрактик пола процессы инкорпорирования, «записей» социальных значений на теле индивидов, а также телесные репрезентации в социальной жизни. Речь о теле в нарративном интервью идет в различных форматах коммуникации и выходит далеко за рамки интенционально управляемых интересов изображения (событий) и их толкования рассказчиком. В процессе рассказа «ядром» истории или событийной фигурой, которая находится в центре внимания рассказчика и, соответственно, слушателя, косвенно всегда обозначается какой-то фон или пространство, которые содержат указания на рамки или сцену действия, на телесно-пространственное оформление и телесно-аффективные компоненты действия участвующих субъектов. Они не являются бессознательными, так как могут быть в любой момент вынесены в качестве когнитивной фигуры на авансцену. И все же, пока они остаются в «тени» и лишь условно подлежат рефлексивному управлению, знаки телесности и эмоциональности сообщают больше, чем сам рассказчик/ца в момент рассказа держит в фокусе внимания. В таком особом роде нарративного вовлечения прошлого в настоящее⁶⁵ (его осовременивание) лежит методический ключ к реконструкции эмоциональных и телесных аспектов биографического действия и переживания.

Другой корпус информации благодаря нарративному интервью касается речи «с и через тело»,⁶⁶ В интеракции face-to-face (лицом к лицу) в процессе интервью сказанное оборачивается не только материальным продуктом — текстом, транскрипцией диктофонной записи, но и содержит элементы социально-

⁶⁴ Тернер Б. Современные направления развития теории тела \\\ THESIS «Женщина, мужчина, семья». Вып. 6. 1994: 137-167, С. 154.

⁶⁵ P. Allheit, «Reading Body Stories», in P. Alheit, ed., u.a., *Biographie und Leib* (Giessen: Psychosozial Verlag, 1999): 223-246.

го действия (речь со всеми ее паралингвистическими, невербальными и социо-коммуникативными аспектами). Говорящее тело или телесный язык отражают в ситуации интервью и определенные социо-структурные аспекты, встроенные в порядок (иногда и иерархию) интеракции в качестве сопутствующего до-рефлексивного элемента, как, например, правила биполярной конструкции полов, хабитус или вкус. Относительно последнего П. Бур-дьё отмечал: «Вкус, или ставшая прирожденной культура класса, т. е. культура инкорпорированная, способствует формированию телесных характеристик класса. Этот инкорпорированный принцип классификации управляет всеми формами инкорпорирования, выбирает и модифицирует все, что тело любит, не любит и физиологически или психологически ассимилирует. Отсюда вытекает, что тело следует безоговорочно признать материализацией классового вкуса».⁶⁷ Как видим, анализ форм репрезентации тела в социальном пространстве может обогатить стратификационные теории в социологии. Что касается «следов» телесности в нарративном тексте,⁶⁸ их заметность зависит от выбранного формата коммуникации, причем в сценическом рассказе тело еще «живее», чем в описании (например, особенностей тела) или теоретической аргументации (например, значимость идеала стройности для собственной биографии).

Язык тела может быть представлен как сумма двух гендер-лектов (по аналогии с диалектами), мужского и женского. Здесь участвует концепт аттрактивности в поляризации гендерлектов,⁶⁹ индентифицируемых либо с автономией, самосознанием и властью (подчеркнутая мужественность), либо подчинением, самовниманием (подчеркнутая женственность).

Кодирование женского и мужского тела осуществляется по одежде, причёске, дисциплине тела, мимике, жестикуляции, голо-

⁶⁶ B. Dausien, «Geschlechtskonstruktionen und Körpergeschichten. Überlegungen zur Rekonstruktion leiblicher Aspekte des «doing gender» in biographischen Erzählungen», in P. Alheit, ed., u.a., *Biographie und Leib* (Giessen: Psychosozial Verlag, 1999): 177-200.

⁶⁷ P. Bourdieu, *Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste* (London: Routledge & Kegan Paul, 1984), p. 190.

⁶⁸ W. Fischer-Rosenthal, «Biographie und Leiblichkeit. Zur biographischen Arbeit und Artikulation des Körpers», in P. Alheit, ed., u.a., *Biographie und Leib* (Giessen: Psychosozial Verlag, 1999): 15-43.

су, социально-проксемическому поведению.⁷⁰ Ритуалы доминирования и подчинения, прочитываемые по гендерлектам, отражают топологию власти в пространственном измерении. Право на физический контакт, ритуализация и иерархия прав на прикосновение отражают не только социальную стратификацию, они строятся в зависимости от гендерной практики социализации и системы полового диморфизма в целом.

5. Заключение: значение качественных методов для феминистской социологии

Итак, феминистских методов в узком смысле слова нет. Есть, скорее, феминистски обоснованный выбор адекватных предмету исследования методов. Предпочтение качественных методов сбора данных и их анализа в феминистском социальном исследовании может быть объяснено и легитимировано не «особенными» женскими структурами коммуникации и способностями, а состоянием феминистской теории и ее запросами эмпирии.

Востребованность качественных методов в ранней феминистской методологии была оправдана целями генерирования гипотез и формирования теорий относительно структур неравенства в гендерных отношениях, когда речь шла об открытии новых сфер социальной действительности и поиске осмысленных объяснений вне патриархатной парадигмы. Сегодня качественные методы применяются в феминистской социологии тогда, когда актуализируется проблематика не общего, но различия — изучение различий между женщинами, подробное исследование конкретных жизненных практик, жизненных миров и перспектив представительниц различных социальных и этнических групп.

⁶⁹ R. L. Birdwhistell, *Kinesics and context* (Philadelphia: University of Pennsylvania Publications, 1970).

⁷⁰ Achs G. Muelen, *Wie Katz und Hund. Die Körpersprache der Geschlechter* (München: Frauenoffensive, 1993).

Гендерная проблематика в экономической теории

Елена Мезенцева

В большинстве развитых стран Запада 60-е годы XX века ознаменовались началом массового выхода женщин на рынок труда. Это обстоятельство поколебало незыблемость традиционных представлений о социальных ролях мужчин и женщин, вынесло гендерную экономическую проблематику на повестку дня женского движения, и, в конечном счете, оказало определенное влияние на формирование моделей государства всеобщего благосостояния.

Какие же гендерные проблемы привлекли внимание аналитиков и политических лидеров в тот период?

Во-первых, выявилась очевидная гендерная асимметрия на рынке труда, выражающаяся в профессиональной сегрегации по признаку пола;

Во-вторых, была обнаружена устойчивая корреляция между долей женщин, занятых в той или иной профессиональной группе, и уровнем средней оплаты труда, то есть выявилась проблема более низкой оценки женского труда в целом;

В-третьих, возник новый «формат» совмещения женщинами профессиональных и семейных обязанностей: из частной трудности незначительной части женщин это постепенно превратилось в проблему большинства женщин, причем на протяжении длительных лет;

В-четвертых, выявилось наличие дискриминации в занятости по признаку пола (как в открытой, так и в косвенной форме);

Наконец, в-пятых, было показано, что выход на рынок труда и экономическая независимость являются факторами, способствующими росту числа разводов.

Перечисленные проблемы положения женщин в экономике (а приведенный нами список, конечно же, далеко не полон) были поставлены в политическую повестку дня в 60-70-е годы, на

пике второй волны женского движения. Одновременно 60-70-е годы можно считать наиболее плодотворным периодом в плане теоретического осмысления гендерной экономической проблематики. Именно в эти годы были предложены принципиально новые теоретические подходы к анализу домохозяйства, гендерного разделения труда, дискриминации в оплате труда и пр., которые позволили вписать гендерную проблематику в основное течение (или «mainstream») современной экономической теории (именно так обычно обозначают неоклассическое направление в экономической науке). Исследования экономистов-неоклассиков дали мощный импульс развитию феминистской критики методологических основ экономической теории и способствовали оживлению дискуссии по поводу положения мужчин и женщин в экономике.

В те же годы гендерная экономическая проблематика нашла широкое отражение и в работах экономистов марксистского направления, пытавшихся искать ответ на вопрос о причинах угнетения женщин в рамках капиталистической системы.

Несколько позже — уже в 80-90-е годы гендерная проблематика начала постепенно осваиваться и представителями институциональной экономики, которые отталкивались в своих исследованиях от базовых разработок неоклассиков.

В итоге на сегодняшний день гендерная проблематика рассматривается экономической наукой с различных методологических позиций, а выводы зачастую носят противоречащий друг другу характер.

Неоклассическое направление уделяет основное внимание процессам, происходящим внутри домохозяйства (гендерное разделение труда внутри семьи, брачное и репродуктивное поведение), исследованию положения женщин на рынке труда (анализ причин и механизмов дискриминации и профессиональной сегрегации по признаку пола).

Марксистское направление исследует гендерную проблематику с точки зрения источников и механизмов гендерного неравенства, причин и форм эксплуатации женщин внутри семьи и вне ее.

Наиболее молодое из названных направлений — новая институциональная экономика — делает основной акцент на изучении брачных отношений (понимаемых как контрактные), анализе внутренней структуры семьи (например, участие супругов в совместном производстве «семейных благ»), роли государства в регулировании гендерных отношений и пр.

На стыке этих различных подходов и формируется в настоящее время такое научное направление как «гендерная экономика» («economics of gender», «gender economics»). Предмет ее изучения в самом общем виде можно определить как исследование *источников, масштабов и механизмов проявления экономических различий между мужчинами и женщинами*. Дж. Джакоб-сен, автор одного из наиболее полных учебников по гендерной экономике, конкретизирует это определение следующим образом: «предметная область гендерной экономики охватывает 3 типа экономических проблем:

теоретические модели, которые включают мужчин и женщин;

эмпирические исследования, направленные на исследование общности и различий в положении мужчин и женщин;

анализ экономической политики, которая различным образом затрагивает каждый из полов».¹

1. Постановка гендерных проблем в основных направлениях экономической мысли

Прежде чем перейти к анализу гендерной проблематики в различных направлениях экономической мысли, кратко обозначим базовые постулаты основных направлений современной экономической теории.

Неоклассический подход

Неоклассическое направление (которое часто обозначается в литературе как ортодоксальное или «mainstream») берет свое начало в конце XIX века. Экономисты-неоклассики ставили своей задачей сформулировать наиболее общие закономерности развития «чистой экономики» независимо от общественной формы ее организации и выявить условия равновесия экономической системы.

В неоклассическом подходе в центре внимания находится отдельный индивид, а точнее, некоторая абстрактная модель человека-

¹ Joyce P. Jacobsen, *Economics of Gender* (Cambridge, Massachusetts: Blackwell Publishers Inc, 1996), pp. 3-4.

кого поведения, получившая название «homo oeconomicus» или «экономический человек». Что же представляет собой «экономический человек»? Его основными характеристиками неоклассики считают: следование собственным интересам («эгоизм»);

наличие субъективных предпочтений (эти предпочтения непротиворечивы и неизменны);

рациональность, понимаемую как максимизация полезности (это означает, что в любой ситуации выбора он предпочитает вариант, который в наибольшей степени отвечает его предпочтениям);

ограниченность ресурсов для удовлетворения своих потребностей и, как следствие, необходимость делать выбор.

Таким образом, смысл поведения «экономического человека» состоит в том, чтобы распределить оптимальным образом ограниченные ресурсы между некоторым набором конкурирующих целей. В результате подобного расширения предмета экономической науки в сферу ее внимания попали такие нетрадиционные ранее сюжеты, как брачное поведение, преступность, электоральное поведение, образование и пр.

Полезность

Понятие полезности является одним из центральных теоретических понятий неоклассического подхода. Оно было предложено английским философом И. Бентамом. Согласно Бентаму, руководящим психологическим принципом поведения людей является их стремление избежать страданий и увеличить удовольствия или счастье. Экономисты интерпретируют эту мысль через понятие полезности, определяя ее как порядок предпочтения индивидом тех или иных благ. Максимизация полезности сводится к выбору потребителем наиболее предпочтительного товарного набора из всех доступных для него. Рационально действующий индивид стремится так распределить свои средства на покупку различных благ (при заданных ценах), чтобы максимизировать *ожидаемое* удовлетворение (или полезность) от их потребления. При этом он руководствуется своей личной системой предпочтений — т. е. его полезность имеет сугубо личностный, субъективный характер.

Неоклассический подход и феминизм. Несмотря на то, что в настоящее время все большее число экономистов феминистской ориентации работает в неоклассической парадигме, феминистки подвергают серьезной критике многие базовые постулаты неоклассического подхода, и, в первую очередь, поведенческие характеристики, заложенные в модель «экономического человека». Речь идет, прежде всего, о таких характеристиках как эгоизм, рациональность, структурированность и неизменность предпочтений, максимизирующее поведение. Эти положения оцениваются феминистками как андроцентристские (т. е. моделирующие человеческое поведение согласно ценностям «мужского» мира).

Марксизм

В отличие от неоклассического подхода марксизм делает основной акцент не на отношениях, складывающихся в сфере обмена (теория рынков), а на отношениях производства. По Марксу, экономические отношения составляют базис общества, а политические, идеологические и прочие структуры — его надстройку. Он исходит из того, что основными субъектами экономического действия являются общественные классы (социальные группы, различающиеся по своему положению в системе общественного производства), и описывает процесс социально-экономического развития через механизм противостояния («классовой борьбы») двух основных классов — господствующего и подчиненного. Отношения между основными общественными классами характеризуются эксплуатацией, что в условиях капитализма приобретает форму присвоения капиталом части неоплаченного труда рабочего класса. Развитие капитализма ведет к поляризации общественных классов («закон капиталистического накопления»), что в конечном счете завершается социальной революцией, в ходе которой происходит коренное изменение отношений собственности. Социальный идеал марксизма представлен бесклассовым обществом («коммунизм», социализм как его первая стадия), в котором средства производства находятся в общественной собственности, а следовательно, исчезает материальная база для эксплуатации.

Позиции марксизма близки феминисткам по целому ряду оснований. Представительницы социалистического и радикального феминизма используют марксистский подход для объяснения подчиненного положения женщин в условиях капитализма.

Радикальные феминистки объясняют гендерное неравенство существованием системы патриархата, то есть такой системы доминирования, в которой мужчины как группа господствуют над женщинами (аналог антагонистических классов Маркса). Социалистические феминистки рассматривают гендерное неравенство как следствие капиталистической системы организации производства, в которой подчиненное положение женщин выступает «побочным продуктом» подчинения труда капиталу. Тем не менее, и те и другие разделяют марксистский идеал бесклассового общества, который трансформируется в этих направлениях феминизма в представления о достижении реального социального равенства женщин и мужчин.

Институционализм

Институционалисты делают основной акцент на роли экономических институтов в экономическом развитии. Экономические институты понимаются ими как устойчивые системы связей и отношений, закрепленные в социальных нормах, традициях и культуре общества. Именно система экономических институтов в целом (и рынок на правах одного из них) определяют характер и направленность развития общества.

Транзакционные издержки

К. Эрроу определил транзакционные издержки как «затраты на управление экономической системой»,² Рональд Коуз (со ссылкой на К. Далмана) определяет содержание данного понятия следующим образом: транзакционные издержки — это «издержки сбора и обработки информации, издержки проведения переговоров и принятия решения, издержки контроля и юридической защиты выполнения контракта».³

² К. I. Arrow, «The organization of economic activity: Issues pertinent to the choice of market versus nonmarket allocation», *The Analysis and Evaluation of Public Expenditure: The PPB System*. Vol.1. U.S. Joint Economic Committee, 91st Congress, 1st Session (Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1969), p. 48.

³ Коуз Р. Фирма, рынок и право / Пер. с англ. М.: «Дело ЛТД», при участии изд-ва «Catallaxy», 1993. С. 9 (со ссылкой на С. Dahlman, «The Problem of Externality», *The Journal of Law and Economics*. 22, no. 1, April 1979, p. 148).

Поэтому институционалисты отвергают положение неоклассиков об экономике как равновесной системе. Они считают, что экономика развивается в процессе постоянных социальных изменений и структурных сдвигов, а равновесие возникает лишь как временное исключение из общего правила.

«Концепция человека» в институциональной экономической теории

Институциональная экономическая теория также опирается на определенные предпосылки относительно человеческого поведения. В числе этих поведенческих предпосылок обычно указывают *ограниченную рациональность и оппортунизм*.

Ограниченная рациональность предполагает, что экономические субъекты стремятся действовать «преднамеренно рационально, но в действительности обладают этой способностью лишь в ограниченной степени».⁴

Оппортунистическое поведение понимается как «преследование личного интереса с использованием коварства».⁵ Оппортунизм включает в себя как явные формы (ложь, воровство, мошенничество), так и более тонкие формы обмана (например, сокрытие части информации или предоставление неточной информации).

В противоположность неоклассикам институционалисты считают государственное вмешательство в экономику не только возможным, но и желательным, поскольку рынок не может обеспечить эффективного функционирования экономической системы.

С принципиальной точки зрения позиции институционалистов во многом сходны с рядом положений феминистской теории. В частности, феминистки разделяют тезис институционалистов о том, что за безличным рыночным механизмом стоят определенные социальные интересы и политические структуры власти. Это положение позволяет рассматривать гендерное эконо-

⁴ Н. А. Simon, *Administrative Behaviour*, 2d ed. (New York: Macmillan, 1961), p. xxiv.

⁵ Уильямсон О. И. Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация / Пер. с англ. под ред. В. С. Катыкало. СПб.: Лениздат, CEV Press, 1996. С. 97.

мическое неравенство не как результат проявления «невидимой руки» рынка, а как следствие определенного социального порядка. Далее, феминистки солидарны с представителями институционализма в их критике неоклассической модели «экономического человека». Наконец, феминисткам близок тезис о необходимости государственного вмешательства в экономику, как условия обеспечения реального равенства полов.

2. Частная сфера как объект изучения гендерной экономики

Неоклассический подход

Экономическая концептуализация частной сферы получила наибольшее развитие в рамках неоклассического подхода, несмотря на то, что его представители обратились к этой проблематике сравнительно недавно — только в середине 60-х годов XX века.

Теоретический «прорыв» в этом направлении связан с исследованиями одного из главных идеологов «экономического империализма», Нобелевского лауреата Гэри Беккера. Его работы, посвященные экономике домохозяйства, брачному поведению, дискриминации на рынке труда позволили вывести гендерную проблематику из разряда «маргинальных» тем экономического анализа.

До Г. Беккера семья присутствовала в экономическом анализе преимущественно как субъект потребления, имеющий единую функцию полезности (т. е. общую систему предпочтений, разделяемую всеми ее членами). Таким образом, внутренняя структура семьи и механизмы согласования интересов отдельных ее членов оставались невидимыми для экономистов. Работы Г. Беккера поставили анализ домохозяйства на принципиально новую теоретическую основу. И хотя Г. Беккер отнюдь не принадлежит к сторонникам феминизма, его концептуальные разработки в большой степени способствовали проникновению гендерной проблематики в микроэкономический анализ.

Ниже мы рассмотрим экономическую интерпретацию брачного поведения, предложенную Г. Беккером, а также его концепцию производительной функции домашнего хозяйства.

Производительная функция домашнего хозяйства («новая экономика домашнего хозяйства»)⁶ Беккеровский анализ домохозяйства опирается на представление о семье как о производственной единице, а также на идею о специфической форме человеческого капитала, создаваемого в ходе брака («семейный капитал»). Г. Беккер предлагает рассматривать семью не как пассивного потребителя рыночных товаров, а как самостоятельную производственную единицу, которая выпускает «конечную продукцию» (т. е. те потребительские блага, в которых нуждается семья), используя некоторые ресурсы: товары, покупаемые на рынке и время членов семьи. При этом семья предъявляет спрос не на сами по себе рыночные товары, а на те полезные эффекты, которые могут быть получены с их помощью (например, стиральная машина, холодильник и пр.).

Человеческий капитал

Человеческий капитал — понятие, которое было предложено Г. Беккером для обозначения тех вложений, которые ложатся на плечи самого работника при выходе на рынок труда. Изначально в понятие человеческого капитала включались вложения в образование и профессиональную подготовку, а также на поиск работы (в том числе трудовую миграцию). Применение термина «капитал» объясняется тем, что, по мысли Беккера, перечисленные вложения производятся работником в ожидании того, что в перспективе они принесут ему определенную отдачу в виде более высокой зарплаты, лучшей работы и пр. Впоследствии Беккер расширил рамки предложенной им концепции и включил в сферу рассмотрения не только профессиональные навыки, но и навыки, формируемые во вне рыночной среде (например, в семье).

Одно и то же благо семья может производить с помощью различных технологий — например, стирать вручную, приглашать прачку, отдавать белье в стирку и пр. Исходя из каких соображений семья выбирает ту или иную технологию? Этот выбор зависит от доходов семьи, от цен на соответствующие факто-

⁶ G. S. Becker, *A Treatise on the Family* (Cambridge: Harvard University Press, 1981).

ры производства, и, что самое главное, от времени, которым располагают члены семьи. А ценность времени можно определить по альтернативным издержкам — т. е. по той цене, которую придется заплатить, если домашний труд будет выполняться наемными работниками. Следовательно, решение каждого члена семьи о том, каким образом ему тратить свое время — на работу в домашнем хозяйстве или на работу в рыночном секторе — будет зависеть от соотношения заработков на рынке и альтернативных издержек на производство благ в домашнем хозяйстве.

Поскольку женщины обычно уступают мужчинам в объеме накопленного «рыночного» человеческого капитала, для семьи в целом, как правило, наиболее выгодной является ситуация, когда муж работает вне дома, а жена занимается домашним хозяйством.

Как видим, полученные выводы мало чем отличаются от традиционного представления о гендерных ролях и просто обосновывают это разделение труда динамикой накопления человеческого капитала. Вместе с тем, Беккер показывает, что эта ситуация не остается неизменной. Чем выше образование и квалификация занятых в домашнем хозяйстве, и чем выше уровень их занятости на рынке, тем «дороже» стоит их домашний труд. В современном обществе постоянно повышается средний уровень образования населения. Кроме того, все большая доля женщин выходит на рынок труда и совмещает домашний труд с работой по найму. Поэтому для современной семьи решение о том, кто из супругов выходит на рынок труда, а кто остается дома, оказывается все менее однозначным. В этом смысле можно говорить о том, что рост занятости женщин вне дома может приводить к перераспределению функций супругов, а удорожание времени фактически оказывается стимулом для развития вре-мясберегающих «технологий» домашнего труда.

Выбор партнера на брачных рынках. При анализе брачного поведения Г. Беккер опирается на два теоретических основания: представление о брачном рынке как механизме согласования спроса и предложения, и концепцию человеческого капитала, объясняющую процесс сохранения или расторжения данного брачного союза.

Начнем с анализа брачного рынка и происходящих на нем процессов. По Г. Беккеру, брак может рассматриваться как процесс «сортировки» мужчин и женщин для создания малых парт-

нерств. Подобная «сортировка» осуществляется брачным рынком, который оценивает всех его участников, присваивая им своеобразную «цену» (или вмененный доход). Эта цена отражает ожидания участников рынка относительно способности того или иного индивида производить определенные семейные блага, к числу которых Беккер относит такие, как дети, престиж, уважение и зависть со стороны окружающих, здоровье, альтруизм и чувственные удовольствия.⁷

Как же функционирует брачный рынок? Г. Беккер показывает, что на этом специфическом рынке действуют две базовые модели: выбор партнера *по принципу сходства* (основная модель) и *по принципу различия*.⁸ Другими словами, в большинстве случаев «высококачественные» мужчины стремятся выбрать в качестве спутницы жизни столь же «высококачественных» женщин и наоборот.⁹

Выбор в пользу партнера (партнерши) равного качества является оптимальным в том случае, когда данные качества являются взаимодополняющими (т. е. взаимно усиливают друг друга). Напротив, выбор по различию происходит, когда качества являются взаимозаменяемыми (высокий уровень данного качества у одного из партнеров компенсирует его недостаток у другого партнера). В качестве примера качества, приводящего к выбору по различию, Беккер приводит ставки заработной платы мужчин и женщин. По его мнению, оптимальным в этом случае является выбор по различию, когда высокооплачиваемые мужчины выбирают в качестве жен низкооплачиваемых женщин, и на-

⁷ Хотя эти блага не выставляются на рынок и не имеют рыночных цен, они требуют для своего «производства» определенных ресурсов — товаров, покупаемых на рынке и времени членов семьи. Эти блага можно оценить через так называемые «теневые» цены (*shadow prices*), равные издержкам по их производству. В таком случае вмененный доход (или «цены», присвоенные брачным рынком) можно выразить через произведение «теневых» цен на количество того или иного блага.

⁸ Беккер Г. Выбор партнера на брачных рынках // Женщина, мужчина, семья. THESIS, № 6, 1994. С. 12-37.

⁹ Беккер подчеркивает, что этот вывод касается только ситуации моногамных браков. В случае полигамии один «высококачественный» партнер (точнее, партнерша) может быть заменен несколькими более низкого качества. В результате жены мужчин-многоженцев имеют в среднем более низкое «качество», чем жены моногамных мужчин такого же «качества».

оборот. В этом случае наиболее эффективным образом могут быть использованы выгоды от разделения труда между партнерами, поскольку дешевое время одного из партнеров используется на создание нерыночных благ, в то время как высокооплачиваемый партнер максимизирует доход в рыночной сфере. Примером качества, подталкивающего к выбору по принципу сходства (т. е. взаимодополняющего качества) Беккер считает фактор образования. Это подтверждается и эмпирическими данными: уровень разводимости оказывается выше в том случае, когда в брак вступают люди, имеющие разный образовательный уровень.

Исходя из этой модели приданое и выкуп за невест можно рассматривать как способ приблизить к равновесному реальное разделение между супругами «продукции», произведенной в браке. Выкуп за невесту утверждается в тех сообществах, где имеет место превышение численности мужчин относительно численности женщин, распространенность многоженства, наследование по мужской линии, а приданое — там, где численность женщин превышает численность мужчин, распространена моногамия и пр.

Развод с точки зрения неоклассического подхода. В каких случаях он происходит, и каким образом распределяются издержки, связанные с расторжением брака? Беккер полагает, что созданный за годы брака семейный капитал сохраняет свою ценность только в рамках данного брака, и значительно обесценивается в случае развода.¹⁰ Поэтому разводы наиболее вероятны в первые годы брака, когда размеры семейного капитала еще невелики. Чем дольше супруги (партнеры) живут вместе, тем меньше выгоды, связанные с разводом, поскольку новый брак не сможет компенсировать утраченный семейный капитал.

Процесс накопления различных видов капитала имеет четко выраженную гендерную асимметрию. Беккер подчеркивает, что основные инвестиции женщин связаны с «выращиванием детей», в то время как основные инвестиции мужчин — с накоплением рыночного капитала (т. е. тех характеристик, которые повыша-

¹⁰ Здесь просматривается аналогия с понятием "взаимоспецифический капитал", которое институционалист Р. Коуз применил к фирме — этот вид капитала, основывающийся на фиксированном разделении функций между определенными людьми, существует только вместе с данной фирмой.

ют их производительность в рыночных видах деятельности). Таким образом, выбор по различию приводит к четкой специализации каждого пола в накоплении человеческого капитала определенного типа. В этом случае развод означает для мужчин потерю их доли «семейного» капитала, а для женщин — утрату своей доли рыночного капитала. На практике это можно проиллюстрировать тем, что мужчины вынуждены покупать на рынке те бытовые услуги, которые раньше они получали от жен, и реже видят своих детей, в то время как женщины сталкиваются с падением уровня доходов. В развитых странах рост занятости женщин приводит к снижению экономической зависимости от мужа, что снижает издержки, связанные с разводом. Именно этим обстоятельством многие экономисты объясняют рост количества разводов, инициированных женщинами. Несмотря на то, что сам Беккер отнюдь не является сторонником феминизма, главный вывод, к которому подталкивает его анализ брачного поведения, совершенно соответствует гендерно симметричной логике: *отказ мужчин и женщин от «узкой специализации» в накоплении человеческого капитала, так же, как и развитие мер семейной политики со стороны государства, выступают способами снижения для представителей обоих полов издержек, связанных с разводом.*

Феминистская критика неоклассического подхода к анализу брачных отношений. Основным пунктом критики выступает скрытый андроцентризм многих посылок и выводов Беккера, несмотря на внешнюю гендерную нейтральность его рассуждений. Действительно, в основе этого подхода лежит андроцентристская посылка об изолированном субъекте, озабоченном исключительно собственными интересами и эмоционально не связанным с другими людьми. Это предполагает, что сфера рыночных отношений полностью свободна от проявлений симпатии, альтруизма, чувства солидарности.¹¹

В рамках феминистской парадигмы серьезному сомнению подвергается также тезис о том, что в рыночной сфере доминируют отношения эгоизма, в то время как семья является «царством альтруизма». Ведь тогда придется сделать следующий

¹¹P. England, «The Separative Self: Androcentric Bias in Neoclassical Assumptions», in M. A. Ferber and J. A. Nelson, eds., *Beyond Economic Man: Feminist Theory and Economics* (Chicago, 1993).

логический шаг и признать, что семья максимизирует единую функцию полезности, совокупный доход равномерно распределяется между ее членами, а конфликты на экономической почве невозможны. А это, как показывают данные социологии, психологии, истории (да и повседневная практика абсолютного большинства людей), весьма далеко от действительности. В этом пункте феминистки вступают в серьезную полемику с неоклассиками, которые утверждают, что существует единая причина того, что на рынке преобладает эгоистическое поведение, а в семье альтруистическое — и в том, и в другом случае этим достигается наибольшая эффективность.

Вместе с тем, несмотря на серьезные концептуальные расхождения, с конца 80-х годов наметилось встречное движение представителей неоклассического подхода и исследователей феминистской ориентации, что дает основания надеяться на становление пограничной области знания.

Марксизм

В работах исследователей марксистской ориентации проблематика семьи и домашнего хозяйства, как правило, носит подчиненный характер, либо прочно увязывается с ситуацией в публичной сфере (конкретно — на рынке труда). Тем не менее, и в рамках марксистского направления были предприняты интересные попытки экономической концептуализации частной сферы. Один из наиболее интересных подходов был предложен французской *радикальной феминистской Кристин Дельфи*, разработавшей концепцию «семейного способа производства».¹²

Концепция «семейного способа производства». Дельфи утверждает, что жены-домохозяйки составляют один общественный класс, а их мужья — другой. При этом домохозяйки представляют собой производительный класс, включенный в домашний труд, в то время как мужья — это непроизводительный класс, присваивающий результаты труда своих жен. Эти классы существуют в рамках патриархатного способа производства аналогично тому, как существуют общественные классы в рамках общественного способа производства, предложенного Марксом.

¹² C. Delphy, *Close to Home* (Amherst: University of Massachusetts Press, 1984).

По мысли Дельфи, эксплуатация женщин не связана с тем, какую именно работу они выполняют в домашнем хозяйстве, эта эксплуатация проистекает уже из самого факта, что работа женщин происходит в доме. Выход за пределы домашнего мира осуществляется исключительно мужчинами, а женщины, оставаясь в пределах дома, фактически становятся неоплачиваемыми работниками своих мужей и объектом эксплуатации.

Итак, с точки зрения этой концепции, основной источник эксплуатации женщин коренится в семье, а капитализм есть лишь дополнение к этой первичной эксплуатации. Все женщины составляют единый эксплуатируемый и угнетаемый класс в рамках семейного способа производства, а в роли эксплуататоров выступают все мужчины.

Концепция Дельфи была подвергнута критике за то, что она слишком широко раздвигает рамки марксистских понятий класса и способа производства.¹³ Критики Дельфи утверждали, что женщин нельзя объединить в один класс, поскольку между представительницами различных социальных слоев и классов существуют слишком значительные различия.

Другой пункт критики состоял в том, что концепция Дельфи позволяет дать теоретическое объяснение только для некоторой части женщин, а именно тех, которые являются домохозяйками. К. Дельфи пытается обойти эту методологическую трудность, утверждая, что все женщины рассчитывают быть домохозяйками, и поэтому можно рассматривать их так, как если бы они ими действительно были. Однако этот аргумент входит в противоречие с эмпирическими данными, показывающими, что в развитых странах постоянно снижается доля женщин, которые являются исключительно домохозяйками.

Семья как способ минимизации издержек на воспроизводство рабочей силы. Проблематика семьи разрабатывалась не только сторонниками радикального феминизма. Представительницы *марксистского феминизма* также рассматривают семью как главный источник женского подчинения, однако выстраивают иную логику рассуждений. Семью, по их мнению, следует анализировать как следствие потребности капитала в использовании домашнего труда женщин.¹⁴

¹³ M. Molyneux, «Beyond the Domestic Labour Debate», *New Left Review*, no. 116, 1979.

¹⁴ Wally Secombe, «The Housewife and her Labour Under Capitalism», *New Left Review*, no. 83 (Jan.-Feb.), 1973, pp. 3-24.

В рамках этого подхода семья рассматривается как кредитующая капитал, за счет того, что именно в рамках семьи наиболее эффективным (в экономическом смысле) способом обеспечивается ежедневное обслуживание работающих на рынке членов семьи (питание, чистая одежда и пр.), а также воспроизводство новых поколений работников. Поскольку женщины-домохозяйки не получают заработной платы, а имеют некоторое содержание со стороны их работающих супругов, то подобная модель минимизирует издержки на обеспечение нормального функционирования рабочей силы. В результате капитал получает выгоду от неравного разделения труда по полу внутри семьи.

Основная критика этой концепции была связана с тем, что ее сторонники слишком сосредоточены на анализе капиталистической системы и зачастую не могут объяснить суть и происхождение гендерного неравенства в до- и посткапиталистических обществах. Сведение этой проблемы исключительно к капитализму представляется слишком узким подходом, игнорирующим существование независимой динамики гендерных отношений.

Институционализм

Представители институциональной экономики обратились к изучению гендерной проблематики в первой половине 80-х годов, стимулом к чему послужили классические работы Г. Бек-кера (в частности, «новая экономика домохозяйства»). До настоящего времени проблематика семьи и брака продолжает оставаться фактически единственным гендерным сюжетом в рамках институционализма. Основной акцент институционалисты делают на анализе институциональной структуры домохозяйства, оставляя собственно гендерную составляющую жизнедеятельности семьи на периферии своих рассуждений.

Институционалисты существенно расширяют рамки «новой экономики домохозяйства», подчеркивая значимость внутренней структуры семьи. Семья рассматривается ими как особый институт, как управляющая структура, выполняющая две основные функции: она, во-первых, способствует адаптации ее членов к изменениям внешней среды (за счет гибкости в принятии решений), и, во-вторых, защищает каждого из партнеров от эгоистической эксплуатации со стороны другого партнера. Благодаря

этим функциям семья обеспечивает стабильную среду для жизни и воспитания детей.¹⁵

Семья как институт, способствующий снижению транзакционных издержек. Институционалисты рассматривают семью как институт, способствующий снижению транзакционных издержек (в частности, за счет эффекта кооперации между членами семьи). Вместе с тем, размер семьи оказывает неоднозначное влияние на величину транзакционных издержек. С одной стороны, большие домохозяйства способствуют снижению издержек за счет кооперации; с другой — в рамках большой семьи нередко бывает сложнее достигнуть соглашения, что повышает величину транзакционных издержек.

Рассматривая экономический смысл заключения брака, институционалисты обратили внимание на особую форму снижения транзакционных издержек, связанную с *предупреждением оппортунистического поведения*. Возможность подобного поведения возникает в том случае, когда сложно оценить реальный вклад каждой из сторон в совместно производимые «семейные блага» (например, затраты ресурсов и времени на ребенка со стороны каждого из супругов после развода). Результатом оппортунистического поведения является снижение реального вклада каждого из партнеров в те семейные блага, которые производятся совместно. Предупреждение оппортунистического поведения связано с определенными издержками, которые принято называть издержками контроля («monitoring costs»). Таким образом, экономический смысл заключения брака может быть описан через снижение издержек контроля, поскольку совместное проживание создает «прозрачность» семейной среды и удерживает партнеров от оппортунистического поведения.

Семья как институт, способствующий снижению рисков. С точки зрения институционального подхода семья выступает и как институт, способствующий (в общем случае) *снижению рисков* за счет оптимизации внутрисемейного потребления вследствие объединения ресурсов. Например, в случае потери работы одним из членов семьи ему не грозит остаться без средств к существованию, если в семье есть другие работающие. Кроме того,

¹⁵ Поллак Р. Транзакционный подход к изучению семьи и домашнего хозяйства // THESIS, 1994, вып. 6. С. 56.

объединяя ресурсы, члены семьи получают возможность более эффективно распределить свои инвестиции, что также снижает уровень риска.

Вместе с тем, в ряде случаев эффект проживания в семье может не только снижать риски, но и повышать их. Так, человек, проживающий в семье, с большей вероятностью может пойти на рискованное поведение, нежели в том случае, если бы он жил один. Эту проблему обычно обозначают как проблему «морального риска» («moral hazard»). Например, человек может позволить себе нерационально тратить деньги, рассчитывая на то, что возможные убытки будут скомпенсированы другими (в терминах «морального риска» прекрасно описывается, например, классическая для российского социума ситуация мужского бытового пьянства и алкоголизма).

Брак как имплицитный контракт. Рассматривая брак как контракт, институционалисты подчеркивают имплицитную или «отношенческую» (relational) природу этого контракта. Это означает, что брак (как и любой имплицитный контракт) гораздо сильнее зависит, с одной стороны, от уровня доверия между сторонами, а с другой — от юридических правил и институтов, которые занимаются их толкованием. В свою очередь, это усиливает роль государства, религии и обычая, и одновременно снижает роль договаривающихся сторон.

Контракт — это устное либо письменное соглашение между экономическими агентами по поводу купли-продажи (либо иного способа обмена) материальных или нематериальных благ (услуг, прав, продуктов интеллектуальной собственности).

А. Макнейл¹⁶ выделяет три основные юридические формы контрактов:

Классические контракты полностью игнорируют любые взаимоотношения между сторонами, кроме тех, которые оговорены непосредственно в контракте. **Неоклассические контракты** включают управляющую структуру и часто пре-

I. R. Macneil, «Contracts: Adjustment of Long-Term Economic Relations under Classical, Neoclassical, and Relational Contract Law», *Northwestern University Law Review*. January/February 1978, v. 72, no. 6, pp. 854-905.

дусматривают выполнение третьей стороной функции арбитра для уменьшения риска, связанного с невыполнением контракта. *ИмPLICITные или «отношенческие» (relational) контракты* имеют долговременный характер и учитывают не столько формальное соглашение сторон, сколько весь опыт взаимодействия сторон, накопленный за время их отношений. Примерами имплицитного контракта являются, в частности, коллективные и индивидуальные трудовые договоры.

Л. Вайтцман¹⁷ акцентирует контрактную природу брака, подчеркивая, что частные брачные контракты должны рассматриваться не по особым правилам, а точно так же, как и любые другие юридически закрепленные соглашения. Сегодня же, по ее мнению, семейные отношения, особенно вступление в брак, не являются предметом свободного заключения контракта; они есть нечто большее — определенный статус или отношение, и этим обосновывается необходимость их регулирования со стороны государства. Именно государство налагает ограничения на условия как вступления в брак, так и развода. Поэтому брак и семья могут рассматриваться как экономические институты, ставящие женщину в подчиненное положение.¹⁸

Другие авторы предлагают рассматривать брак как своего рода «кооперативную игру».¹⁹ Предполагается, что предпочтения супругов не совпадают, а спорные вопросы разрешаются ими на основе переговоров. Множество исходов этих переговоров (как, впрочем, и конкретный выбор) зависит от величины выгоды или ущерба (в терминах полезности), которая будет получена каждым из участников в случае провала переговоров.

¹⁷ L. J. Weitzman, *The Marriage Contract: Spouses, Lovers and Law* (New York: Free Press, 1981).

¹⁸ Вулли Ф. Феминистский вызов неоклассической экономической теории // THESIS, 1994, № 6. См.: Шульц Т. Ценность детей // THESIS, 1994, № 6.

¹⁹ Подобные подходы были независимо предложены Менсером и Брауном (M. Manser and M. Brown, «Marriage and Household Decision-Making: A Bargaining Analysis», *International Economic Review*. February 1980, v. 21, no. 1, pp. 31-44.) и МакЭлроем и Хорни (M. B. McElroy and M. J. Horney, «Nash-Bargaining Household Decision: Toward a Generalisation of the Theory of Demand», *International Economic Review*. June 1981, v. 22, no. 2, pp. 333-349.)

В заключение отметим, что большинство подходов, предложенных институционалистами, пока еще далеки от неоклассических концепций по степени своей методологической проработанности и формализации. Сами институционалисты объясняют этот факт тем, что в их построениях большую роль играют так называемые ненаблюдаемые переменные, что существенно затрудняет эконометрическое моделирование.

3. Публичная сфера как объект изучения гендерной экономики

В рамках гендерного подхода публичная сфера чаще всего рассматривается экономистами через призму отношений, складывающихся на рынке труда. Этот аспект гендерных отношений находит отражение как в рамках неоклассического подхода, так и в работах экономистов марксистской ориентации. Что касается институционалистов, то они не могут пока похвастаться в этом плане особыми достижениями.

И неоклассики, и марксисты по сути дела пытаются теоретически объяснить одни и те же эмпирические закономерности: причины и механизмы гендерной профессиональной сегрегации, причины неравенства в заработках между мужчинами и женщинами, источники подчиненного положения женщин на рынке труда. Однако, несмотря на схожесть самих рассматриваемых проблем, их интерпретации существенно различаются.

гендерная сегрегация в занятости

Под гендерной сегрегацией (или профессиональной сегрегацией по признаку пола) понимается устойчивая тенденция трудоустройства мужчин и женщин по строго определенным профессиям, отраслям и должностным позициям. Различают две составляющие профессиональной сегрегации: горизонтальную и вертикальную. Под горизонтальной профессиональной сегрегацией понимают неравномерное распределение мужчин и женщин по отраслям экономики и профессиям, под вертикальной — неравномерное распределение по позициям должностной иерархии.

Неоклассический подход

В рамках неоклассического подхода причины гендерного неравенства в сфере занятости объясняются, главным образом, исходя из теорий *человеческого капитала, дискриминации на рынке труда и сегментации рынка труда*.

Профессиональная сегрегация в занятости по признаку пола.

Уровень гендерной сегрегации непосредственно связан с оплатой труда работников различных профессий. Многочисленные исследования позволили выявить ряд важных эмпирических закономерностей:

- существует отрицательная корреляция между долей женщин и средним недельным заработком по данной профессии; иными словами, чем выше доля женщин в данной профессиональной группе, тем ниже средний уровень оплаты труда;
- соотношение заработной платы мужчин и женщин положительно коррелирует с долей женщин. Это означает, что во всех профессиональных группах мужчины в среднем зарабатывают больше, чем женщины, хотя различия в заработках меньше в тех профессиональных группах, где преобладают женщины.
- «мужские» сферы занятости представлены в основном самыми престижными и новыми профессиями, в то время как «женские» профессии обычно связаны с традиционными профессиями сферы услуг (медсестры, учителя начальной и средней школы).

Чем же неоклассики объясняют тот эмпирический факт, что, выходя на рынок труда, женщины попадают в наименее оплачиваемые и малопrestiжные профессии? Логика их рассуждений может быть в основном сведена к следующим аргументам:

1. Решение о выходе на рынок труда принимается индивидом/семьей как *рациональное* решение исходя из специфики «ген-дерных режимов» инвестиций в человеческий капитал²⁰ и складывающегося *внутрисемейного разделения труда*.²¹

²⁰ G. S. Becker, «Human Capital, Effort, and the Sexual Division of Labour», *Journal of Labor Economics*, 1985, v. 3.

²¹ J. Mincer and S. Polachek, «Family Investments in Human Capital: Earnings of Women», *Journal of Political Economy*, no. 82, 1974, pp. 76-108; G. Becker, *A Treatise on the Family* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1981).

2. гендерная специфика вложений в человеческий капитал состоит в том, что соответствующие инвестиции мужчин связаны с той частью человеческого капитала, которая повышает производительность на рынке труда, а основные инвестиции женщин — с «нерыночной» частью человеческого капитала, повышающей производительность труда в домашнем хозяйстве.

3. Специализация каждого из полов на том или ином типе человеческого капитала связана как с биологическими (деторождение), так и с социальными факторами (дискриминация на рынке труда). Достаточно даже небольших исходных различий, чтобы подтолкнуть каждый из полов к специализации в накоплении человеческого капитала определенного типа.

4. Подобная специализация является оптимальным решением для семьи в целом, поскольку каждый из полов специализируется в том виде деятельности, где он обладает сравнительным преимуществом, что обеспечивает более высокую производительность в соответствующей сфере деятельности (для женщин — в домашнем хозяйстве, для мужчин — на рынке). Таким образом, экономически рациональной стратегией семьи в целом будет вариант, когда муж работает в рыночном секторе, а жена — в домашнем хозяйстве.

5. Выход женщин на рынок труда означает для них вступление в область, где они уступают другим участникам рынка (т. е. мужчинам) в масштабах накопленного человеческого капитала. Это обстоятельство находит свое выражение в более низких ставках оплаты труда женщин.

6. Основными причинами различий в оплате труда женщин являются более низкая величина «рыночного» человеческого капитала, дискриминация, компенсационные различия в заработках (отражающие тяжесть, вредность, непривлекательность работ).

Неоклассическая интерпретация проблем гендерной сегрегации в занятости через различия в режимах инвестирования в человеческий капитал встретила критическую реакцию со стороны исследователей феминистской ориентации. Основные критические замечания были связаны с тем, что среди «женских» профессий можно обнаружить достаточное количество таких, которые требуют высокой квалификации, однако имеют низкий социальный статус, и поэтому оплачиваются ниже сопоставимых по квалификации «мужских» профессий.²² Кроме того, вызывает

сомнение и сам тезис об экономической эффективности гендерного разделения труда внутри семьи, и, соответственно, на рынке труда. Это положение становится все более спорным по мере того, как снижается среднее количество детей в семье и развиваются времясберегающие технологии домашнего труда.²³ Наконец, с точки зрения институционалистов, вывод неоклассиков о рациональности и оптимальности гендерного разделения труда в семье отнюдь не является бесспорным, поскольку в этом случае повышается степень риска для семьи в целом в случае потери работы мужем.

Дискриминация в занятости по признаку пола. Как уже было сказано выше, дискриминация в занятости рассматривается неоклассиками как один из важнейших социальных факторов, объясняющих существование гендерной сегрегации на рынке труда.

Дискриминация в занятости

Статья 1 Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин определяет дискриминацию как «...любое разграничение, изоляцию или запрет, основанные на половых различиях, которые имеют своим результатом или целью ограничить или аннулировать признание, соблюдение или реализацию человеческих прав и фундаментальных свобод женщин в политической, экономической, социальной, культурной, гражданской или любой другой сфере, независимо от семейного положения, на основе равноправия мужчин и женщин».

Различают несколько форм дискриминации в занятости:

- в оплате труда;
- при найме на работу;

²³ C. Craig, E. Garnsey, and J. Rubery, Payment Structures and Smaller Firms: Women's Employment in Segmented Labour Market, *Research Paper*, no. 48 (London: Department of Employment, 1985). Цит. по: Rosemary Crompton and Kay Sanderson, *Gendered Jobs and Social Change* (London-Sydney-Wellington, 1990), p. 29

²⁴ S. J. Owen, «Household Production and Economic Efficiency: Arguments For and Against Domestic Specialization», *Work, Employment and Society*, vol. 1, no. 2, 1987, pp. 157-178

- при сокращении персонала;
- при продвижении в должности;
- в повышении квалификации.

В рамках неоклассического направления предложено три основных подхода для объяснения феномена дискриминации:

1) дискриминация как следствие предпочтений (дискриминация женщин со стороны работодателя, потребителя либо коллег по работе);

2) статистическая дискриминация, основанная на «статистическом предубеждении» работодателей, распространяющих на отдельных женщин свойства и характеристики, которые они считают присущими всем представительницам данного пола;

3) дискриминация, обусловленная монопольной структурой рынка труда.

Дискриминация как следствие предпочтений. Дискриминация со стороны работодателя в основных своих чертах была также рассмотрена Г. Беккером.²⁴ Он предположил, что часть работодателей имеет склонность к дискриминации, т. е. предубеждение против найма на работу тех или иных демографических или этнических групп работников. Работодатель готов платить за свои «убеждения», предлагая повышенную зарплату тем группам работникам, которые ему симпатичны. Чем больше работодатель склонен к дискриминации по признаку пола, тем больше будут различия в заработной плате мужчин и женщин на его фирме.

Дискриминация со стороны, потребителя обычно возникает в тех сферах занятости, где высока частота и интенсивность контактов с потребителем, который предпочитает быть обслуженным, например, женщинами или белыми. Если женщины пытаются найти работу по тем профессиям или должностям, где они являются объектом дискриминации со стороны потребителей, то им приходится соглашаться на более низкую заработную плату, поскольку при равных условиях фирмы будут нанимать мужскую рабочую силу. Этот вид дискриминации рассматривается как главная причина профессиональной сегрегации по признаку пола.

²⁴ G. Becker, *The Economics of Discrimination*. 2d ed. (Chicago: University of Chicago Press, 1971).

Дискриминация со стороны работника возникает, когда некоторые группы работников не желают вступать в трудовые отношения с представителями иного пола (например, мужчины отказываются поступать на работу, где их непосредственным начальником будет женщина, либо вообще в те фирмы, где женщины заняты на престижных должностях). Если фирма заинтересована в привлечении работников-мужчин, имеющих гендерные предубеждения, то она будет вынуждена вводить дифференцированные по полу ставки оплаты труда и фактически платить мужчинам дополнительную премию за «половую принадлежность».

Во всех трех случаях наиболее спорным является вопрос о том, почему фирмы, проводящие дискриминацию на уровне предпочтений, со временем не разоряются, если они вынуждены переплачивать своим работникам? Наиболее общим объяснением, которое дает в этом случае неоклассический подход, является то, что дискриминирующие фирмы перекладывают часть своих издержек на других участников рынка. Так, в случае дискриминации со стороны работодателя и со стороны потребителя издержки перекладываются либо на государство, либо на клиентов. В случае дискриминации со стороны работников основное объяснение связано с тем, что лояльность и стабильная производительность работников стоят дороже, чем небольшая доплата к заработной плате мужчинам.

С точки зрения экономистов феминистской ориентации, совершенно недостаточно просто констатировать существование гендерных предпочтений в занятости. Более важной задачей является поиск источников этих предпочтений и прогноз их изменения на перспективу. Экономисты-феминистки П. Инглэнд и А. Браун²⁵ использовали психоаналитическую теорию Нэнси Чодоров для объяснения гендерной дискриминации в занятости. Согласно подходу Чодоров, изначально дети обоего пола ощущают родство с матерью, однако в ходе социализации у мальчиков происходит преодоление этого родства. Мужская идентичность формируется через преодоление зависимости от матери, через уход

²⁵ P. England and I. Brown. «Internalization and Constraint in Theories of Women's Oppression», in B. Agger, ed., *Current Perspectives on Social Theory*. Цит. по: Вулли Ф. Феминистский вызов неоклассической экономической теории // Женщина, мужчина, семья. THESIS, № 6, 1994. С. 82.

в «мужское» публичное пространство, которое противостоит «женскому» домашнему миру. Освоение женщинами публичного пространства (в частности, выход на рынок труда) расценивается мужчинами как угроза их гендерной идентичности и вызывает активное противодействие, которое может принимать и форму дискриминации по полу.

Статистическая дискриминация. Суть этого типа дискриминации состоит в том, что, нанимая работников, работодатель пытается угадать вероятную производительность кандидатов на должность по некоторым косвенным признакам (образование, опыт, возраст, пол, результаты тестов, рекомендаций с прошлого места работы и пр.). Если работодатель считает, что женщины — худшие работники, чем мужчины, то он будет систематически отдавать предпочтение мужчинам независимо от индивидуальных профессиональных и семейных характеристик конкретного кандидата. В этом случае поведение работодателя может расцениваться как в определенной степени рациональное — хотя он и рискует неверно оценить трудовой потенциал части работников, одновременно он минимизирует трансакционные издержки, связанные с получением достоверной информации о конкретном кандидате на должность.

Альтернативная гипотеза о причинах, лежащих в основе статистической дискриминации, была предложена Паулой Инг-лэнд (*дискриминация, связанная с неверными оценками*). Она предположила, что люди могут ошибочно преувеличивать разницу между средними способностями мужчин и женщин и, таким образом, оценивать работу последних недостаточно высоко.²⁶ Хотя эта точка зрения и не является общепринятой среди экономистов-феминисток (она противоречит постулату о рациональности поведения, поскольку предполагает, что люди делают *систематические* ошибки), существует ряд эмпирических свидетельств того, что эта гипотеза заслуживает более внимательного рассмотрения. Ф. Вулли, ссылаясь на результаты многочисленных эмпирических исследований, показывает, в частности, что при моделировании ситуации найма работодатели чаще делают выбор в пользу кандидатов-мужчин, нежели кандидатов-женщин, даже если

²⁶ P. England, *Comparable Worth: Theories and Evidence*. Цит. по: Вулли Ф. Р., С. 85.

и те и другие имеют равные формальные характеристики (образование, квалификация, стаж и пр.)- Статьи, написанные женщинами, имеют больше шансов быть опубликованными, если редактору неизвестен пол автора. Аналогичным образом поступают и эксперты-искусствоведы — они выставляют более высокие оценки тем картинам, авторство которых приписывается женщинам.²⁷

Дискриминация, вызванная монопольной структурой рынка труда. Этот теоретический подход принципиально отличается от двух вышеописанных, поскольку исходит из положения о том, что *рынок труда не является конкурентным*, на нем действуют монопольные силы, а пол или раса выступают критериями для разделения рабочей силы на группы, *не конкурирующие между собой*.

Одной из наиболее известных концепций в рамках этого подхода является концепция *двойственного рынка труда* («dual labor market»), согласно которой на рынке труда существуют два принципиально различных сектора занятости: первичный и вторичный. В *первичном* секторе сконцентрированы «хорошие» рабочие места — с высокой зарплатой, стабильной занятостью, хорошими условиями труда и наличием перспектив продвижения. *Вторичный* сектор, напротив, объединяет рабочие места с низким уровнем оплаты труда, нестабильной занятостью, отсутствием перспектив служебного роста и пр. В первичном секторе сосредоточены в основном белые мужчины, в то время как во вторичном заняты преимущественно женщины и представители национальных и расовых меньшинств.²⁸

Как показывают эмпирические данные, инвестиции в человеческий капитал дают адекватную отдачу только в первичном секторе: здесь прослеживается устойчивая корреляция между образованием и квалификацией, с одной стороны, и зарплатой, с другой.²⁹ Во вторичном секторе инвестиции в человеческий капитал оказываются нерентабельными: здесь зарплата не зависит от

²⁷ Цит. по: Вулли Ф. Р., С. 84-87.

²⁸ См. например: Michael J. Piore, «Jobs and Training: Manpower Policy», in S. Beer and R. Barringer, eds., *The State and the Poor* (Cambridge, Mass.: Winthrop Press, 1970).

²⁹ См.: William Dickens and Kevin Lang, «A Test of Dual Labor Market Theory», *American Economic Review*, 75 (September 1985), pp. 792-805.

образования и квалификации (например, ставка уборщицы не меняется в зависимости от имеющегося у нее образования).

Согласно теории двойственного рынка труда, трудовая мобильность между секторами ограничена, вследствие чего различия между ними не сглаживаются. Как же представители неоклассического направления объясняют существование двухсекторной модели? С их точки зрения это связано с различиями в величине *издержек контроля* за разными категориями работников.³⁰ Другими словами, фирмы используют такие стимулы как высокая зарплата и должностной рост, только если они рассчитывают на долгосрочные отношения с работниками. Поскольку женщины имеют иную модель занятости, чем мужчины (они чаще покидают сферу занятости в связи с рождением детей), то работодатели не рассматривают их как надежных работников. В результате женщины оказались постепенно вытесненными во вторичный сектор занятости³¹ (заметим в скобках, что подобное объяснение совершенно не годится для национальных меньшинств).

Критические замечания в адрес этой концепции связаны с тем, что она является излишне схематичной и фактически не объясняет причин разделения рынка труда на первичный и вторичный. Впоследствии эта концепция получила более углубленное развитие в работах социологов, изучавших процесс сегментации рынка труда.

Марксизм

В марксистской литературе гендерная проблематика публичной сферы получила очень широкое развитие. Марксизм и феминизм марксистского толка объясняют гендерное неравенство на рынке труда исходя из капиталистических общественных отношений. Женщины рассматриваются как подчиненная и маргинальная категория работников, а повышенный уровень их

³⁰ См. например: Jeremy Bulow and Lawrence Summers, «A Theory of Dual Labor Markets with Application to Industrial Policy. Discrimination and Keynesian Unemployment», *Journal of Labor Economics*, 4, July 1986, pp. 376-414.

³¹ См.: Claudia Goldin, «Monitoring Costs and Occupational Segregation by Sex: A Historical Analysis», *Journal of Labor Economics*, 4 (January 1986), pp. 1-27.

эксплуатации создает дополнительные выгоды для работодателей. Мы рассмотрим следующие основные подходы, разработанные в рамках этой проблематики:

- концепцию трудового процесса, предложенную Браверманом;
- концепцию циклической резервной армии труда;
- марксистскую теорию сегментации рынка труда;

Концепция трудового процесса. Эта концепция была сформулирована Браверманом в работе *Труд и монополистический капитализм* (1974).³² Автор предложил общую концепцию развития капитализма, в которую включил и анализ гендерных отношений. В аргументации Бравермана можно выделить два основных положения:

1) в условиях современного монополистического капитализма происходит постоянное снижение квалификационных требований на большинстве рабочих мест вследствие стремления капиталистов увеличить прибыли за счет наемных работников (экономия при найме, упрощение контроля за трудовым процессом и пр.). Основную часть из этих менее квалифицированных работ занимают женщины.

2) происходит снижение объема домашнего труда и времени на его выполнение, поскольку семья покупает на рынке многие товары, которые раньше она производила сама. В результате женская рабочая сила высвобождается для оплачиваемой занятости.

Следствием этих двух параллельных процессов является рост уровня занятости женщин (замещающих низкоквалифицированные рабочие места) и одновременное снижение уровня занятости мужчин (вытесняемых с квалифицированных работ). В перспективе следует ожидать сближения уровней занятости мужчин и женщин.

Оба основных положения Бравермана имеют уязвимые места. Многие исследователи отмечали, что тенденция к снижению квалификации не является неизбежной, поскольку передача функций контроля за трудовым процессом от работников к менеджерам не является универсальной стратегией всех работода-

³² H. Braverman, *Labor and Monopoly Capital* (New York: Monthly Review Press, 1974).

лей.³³ Далее: многолетняя статистика бюджетов времени не подтверждает вывод о снижении времени, затрачиваемого женщинами в домашнем хозяйстве. Тем не менее, в пользу доводов Бра-вермана отчасти говорят такие факты, как снижение доли женщин-домохозяек, и более низкие затраты времени на домашнюю работу среди работающих женщин по сравнению с домохозяйками.

Концепция резервной армии труда. Эта концепция опирается на положения Маркса о постоянном существовании резервной армии труда в условиях капитализма. По Марксу, функция резерва труда состоит в том, чтобы препятствовать успешному торгу между работниками и работодателями по поводу условий занятости и заработной платы. Вероника Бичи применила марксистскую теорию к женщинам, утверждая, что они представляют собой гибкий резерв рабочей силы, который может войти в оплачиваемую занятость в случае экономического подъема и роста спроса на труд.³⁴ В периоды экономического спада женщины покидают сферу оплачиваемой занятости и вновь возвращаются к роли домашних хозяек (в наибольшей степени это касается замужних женщин). Классическим примером подобной динамики является вовлечение женщин в сферу занятости в периоды военного времени.

В адрес этой концепции были высказаны критические замечания как теоретического, так и эмпирического характера. Во-первых, в этой концепции имеется некоторое внутреннее противоречие: если труд женщин оплачивается дешевле, то с точки зрения работодателей было бы выгоднее в период экономического подъема оставлять на работе именно женщин. Во-вторых, эмпирические данные далеко не всегда подтверждают выводы этой концепции. Например, в период Великой Депрессии в США доля женщин, потерявших работу, не превышала долю мужчин. Аналогичным образом обстояло дело и в период экономического кризиса середины 70-х годов, затронувшего все развитые страны.

³³ A. L. Friedman, *Industry and Labour* (London: Macmillan, 1977); S. Wood, ed., *The Degradation of Work?* (London: Hutchinson, 1982).

³⁴ V. Beechey, «Women and Production: a Critical Analysis of some sociological trends in Women's Paid Work», in A. Kuhn and A. Wolpe, eds., *Feminism and Materialism* (London: Routledge and Kegan Paul, 1978).

Некоторые исследователи пытались примирить теорию с этими эмпирическими данными. Так, Р. Милкман утверждает, что эффект резервной армии труда в значительной степени перекрывается эффектом профессиональной сегрегации по признаку пола. Она показывает, что в США в период Великой Депрессии 30-х годов наиболее масштабные сокращения численности занятых отмечались именно в «мужских» отраслях и профессиях, в то время как женские профессии (главным образом сфера услуг) в меньшей степени пострадали от экономического кризиса. Таким образом, профессиональная сегрегация послужила для женщин своеобразной защитой от безработицы.³⁵

Вместе с тем, аргументы Милкман оставляют без ответа главный вопрос: почему мужчины, потерявшие работу, не вытеснили женщин с их рабочих мест? Логика рассуждений Милкман предполагает, что для объяснения гендерных отношений в сфере занятости ключевым является понятие профессиональной сегрегации, а не концепция резервной армии труда. Однако сторонники концепции резервной армии труда не включают этот вопрос в свой анализ.

Марксистская теория сегментированного рынка труда. Вышеописанные марксистские концепции неоднократно критиковались за то, что, концентрируя внимание на отношениях между трудом и капиталом в сфере производства, они оставляют вне поля зрения отношения обмена. Эта критика подтолкнула некоторых исследователей к включению в марксистский подход идеи сегментации рынка труда. В работах Эдварде, Гордон, Райх утверждается, что сегментация рынка труда может быть интерпретирована как результат борьбы между трудом и капиталом.³⁶ Работодатели осуществляют политику сегментации (разделения на группы) рабочего класса в целях осуществления стратегии «разделяй и властвуй», что препятствует объединению пролетариата и его эффективной коллективной борьбе против наступ-

³⁵ R. Milkman, «Women's Work and the Economic Crisis», *Review of Radical Political Economics*, vol. 8, no. 1, 1976.

³⁶ R. Edwards, D. M. Gordon, and M. A. Reich, «Theory of Labour Market Segmentation», *American Economic Review*, vol. 63, pp. 359-365; R. Edwards, D. M. Gordon and M. Reich, *Segmented Work, Divided Workers* (Cambridge: Cambridge University Press, 1982); R. Edwards, *Contested Terrain* (London: Heinemann, 1979).

ления капитала. В качестве оснований для разделения работников на группы работодатели используются такие «естественные» признаки, как этническая принадлежность или пол.

Критика этой концепции была связана с двумя моментами:

Во-первых, остается без ответа ключевой вопрос о том, откуда берутся эти «естественные» разделения;

Во-вторых, предложенная некоторыми авторами периодизация, согласно которой этническая и гендерная сегментация относятся к периоду после 20-х годов XX века, не соответствует действительности, поскольку и та и другая формы сегментации рынка труда существовали задолго до этого. Как показали Х. Хартманн и С. Мидлтон, гендерная сегрегация сферы занятости, безусловно, предшествует капитализму, а следовательно, капитализм никак нельзя признать ее первопричиной.³⁷ И хотя сама идея включить вопрос о сегментации рынка труда в марксистский анализ, безусловно, заслуживает внимания, объяснение того, почему же сегментация принимает именно гендерную форму, является не слишком убедительным.

Завершая обзор марксистских концепций, подчеркнем, что сама попытка включить гендерное измерение в общий контекст отношений между трудом и капиталом, безусловно, интересна. Однако все описанные выше концепции имеют общее уязвимое место: они явно переоценивают роль капиталистических трудовых отношений и недооценивают значимость гендерных отношений, не считая последние самостоятельным источником неравенства.

4. Взаимосвязь частной и публичной сферы с позиций гендерной экономики

Большинство исследователей, рассматривающих экономические аспекты гендерных отношений, в той или иной форме затрагивают и вопрос о взаимосвязи частной и публичной сферы. В

³⁷ H. Hartmann, «Capitalism, Patriarchy and Job Segregation by Sex», in Z. Eisenstein, *Capitalist Patriarchy and the Case for Socialist Feminism* (New York: Monthly Review Press, 1979); C. Middleton, «The Sexual Division of Labour under Feudalism», *New Left Review*, no. 113-114, January-April, 1979.

частности, в рамках неоклассического подхода эта проблема поднимается при анализе гендерного разделения труда внутри домашнего хозяйства и принятия решения о выходе на рынок труда, при анализе обратной связи между дискриминацией в занятости и выбором в пользу рыночных или нерыночных видов деятельности и пр. В работах марксистской парадигмы эта взаимосвязь прослеживается и в концепции Бравермана, и в концепции резервной армии труда, и во многих других.

Однако в наиболее законченной форме эта взаимосвязь получила отражение в *теории двойственных систем (dual-system theory)*, наиболее полно воплощающей синтез марксистских и феминистских идей, с одной стороны, и синтез в анализе частной и публичной сферы, с другой. Наиболее известные версии данной теории были предложены, в частности, Хайди Хартманн и Айрис Янг. Теории двойственных систем рассматривают капитализм и патриархат как независимые структуры угнетения, суть которых объясняется исходя из марксистской теории капитализма и феминистской теории патриархата.

Одной из наиболее известных представительниц этого направления является Хайди Хартманн, автор знаменитой работы «Неудачный брак марксизма и феминизма: в поисках более прогрессивного союза».³⁸ По мнению Х. Хартманн, основы подчиненного положения женщин следует искать в гендерном разделении труда. Экономическая система капитализма развивается исходя из логики процесса капиталистического накопления. Вследствие этого производство ориентировано на рыночный обмен, а не на использование производимых благ. Капиталистическое общество не может дать адекватную оценку тем благам, которые не выставляются на рынок для обмена (в частности, всем тем благам, которые создаются неоплаченным домашним трудом женщин). В итоге труд женщин в условиях капиталистического общества считается второстепенным и социально незначимым.

Существование капитализма функционально связано с существованием патриархата. Х. Хартманн определяет патриархат как систему социальных отношений, в рамках которой между мужчинами устанавливаются иерархические отношения и со-

³⁸ H. Hartmann, «The Unhappy Marriage of Marxism and Feminism. Towards a More Progressive Union». *Capital and Class*, 1979, no. 8.

лидарность, позволяющие им осуществлять контроль над женщинами.³⁹

Патриархат, таким образом, есть система угнетения женщин мужчинами, основанная на контроле мужчин за репродуктивной функцией, сексуальным поведением и работой женщин. Х. Хартманн подчеркивает, что патриархатная система существовала задолго до капитализма. Благодаря патриархату мужчины освоили технологии эффективного контроля над женщинами в частной сфере, а впоследствии перенесли эти технологии и в публичную сферу, где мужской контроль над трудом женщин осуществляется через систему социальных институтов.

Капитализм, основанный на логике рынка и свободной конкуренции, предполагает вовлечение женщин и детей в состав рабочей силы. Поэтому теоретически он должен был бы создать угрозу патриархатному контролю и власти мужчин над женщинами. Однако на практике в условиях капитализма женщины продолжают оставаться маргиналами на рынке труда. Хартманн объясняет этот парадокс не только структурными и историческими факторами, но и логикой гендерных отношений в условиях капитализма. Мужчины-капиталисты утверждают свою власть через механизм сегментации рынка труда, что препятствует объединению рабочих. А мужчины-рабочие поддерживают систему патриархатного контроля, обеспечивая себе привилегированное положение за счет поддержания системы профессиональной сегрегации в занятости. Таким образом, в условиях капитализма эксплуатация женщин построена на своеобразном соглашении между мужчинами и капиталистами — и те и другие получают от этого выгоду.

Хотя системы патриархата и капитализма тесно связаны между собой, ведущая роль принадлежит капитализму. Вместе с

³⁹ Н. Hartmann, «The Unhappy Marriage of Marxism and Feminism: Towards a More Progressive Union», in Lydia Sargent, ed., *Women and Revolution: a Discussion of the Unhappy Marriage of Marxism and Feminism* (Boston: South End Press, 1981), p. 14. В. Мюллер предлагает более широкое определение патриархата «как социальной системы, в которой статус женщин определяется в основном как зависимый от их мужей, отцов и братьев», где зависимость имеет экономический и политический аспекты (см.: Viana Muller, *The Formation of the State and the Oppression of Women* (New York: New School for Social Research, 1975), pp. 4, 20).

тем, патриархат несет важную функциональную нагрузку по отношению к капитализму, помогая раскалывать рабочий класс по признаку пола на две противостоящие друг другу группы.

Важный вывод Хартманн состоит в том, что в современном обществе патриархатный порядок непрерывно воспроизводится капиталистической системой с помощью определенного социального механизма.⁴⁰ Ключевым моментом этого социального механизма является гендерная сегрегация в занятости, которая является главным рычагом мужского контроля над женщинами во всех сферах общества. Благодаря освоенным технологиям доминирования мужчины вытесняют женщин с лучших рабочих мест. Это создает основу для экономической зависимости женщины в семье. Имея высокие заработки, мужчины вступают в брак на более выгодных условиях, заставляя женщин выполнять всю домашнюю работу и ухаживать за детьми в обмен на материальное содержание. Женщины не могут отказаться от выполнения этой работы, поскольку экономически зависят от мужчин. Загруженность женщин домашними делами еще более ухудшает их перспективы на рынке труда, поскольку получение высокооплачиваемой работы требует хорошего образования и высокой квалификации. В итоге образуется порочный круг, усиливающий экономическую зависимость женщин от мужчин, с одной стороны, и масштабы их домашней эксплуатации, с другой.

Критика концепции Хартманн касалась двух основных моментов. Во-первых, подчеркивалось, что эта концепция фактически игнорирует наличие противоречий между капитализмом и патриархатом и описывает эти две системы как внутренне согласованные. Во-вторых, подход Хартманн критиковался за слишком упрощенную интерпретацию профессиональной сегрегации, которую она фактически сводит к вытеснению женщин мужчинами с лучших рабочих мест. Между тем, явление профессиональной сегрегации имеет гораздо более сложный и многомерный характер.

Если Х. Хартманн рассматривает капитализм и патриархат как две независимые системы, имеющие собственную динамику, то другие авторы рассматривают эти два феномена как

⁴⁰ Н. Hartmann, «Capitalism, patriarchy and job segregation by sex», *Signs*, 1976, no. I, pp. 137-169.

подсистемы единой системы — патриархатного капитализма. Подобный подход развивается, в частности, Айрис Янг.

По мнению Янг, взаимосвязь патриархата и капитализма является настолько тесной, что невозможно определить, какая из этих двух структур является первичной. Система патриархата во все времена проявляет себя в форме гендерного экономического неравенства, хотя его конкретные формы имеют свою историческую специфику. В условиях капитализма подобными проявлениями являются маргинализация женщин на рынке труда и их вытеснение на наихудшие рабочие места, дискриминация по признаку пола (при найме, увольнении, продвижении в должности, оплате труда и пр.), неоплаченный домашний труд.⁴¹

Янг прослеживает историческую динамику в развитии гендерного разделения труда и делает вывод о снижении статуса женщин при переходе к капитализму. Основной причиной этого выступает разделение частной и публичной сфер, семьи и производства, что разрывает семейное экономическое партнерство между полами.

Отсюда Янг делает вывод о том, что анализ в терминах разделения труда в большей степени отвечает задачам феминистской интерпретации, нежели классовый анализ. Если классовый анализ концентрирует внимание на отношениях между классами, то подход с позиций разделения труда делает акцент на более тонких аспектах социальной стратификации и позволяет описать положение женщин в терминах «правил игры», структурирующих отношения в сфере занятости. В этом отношении подход Янг в некоторой степени сходен с институциональным подходом.

⁴¹ I. Young, «Beyond the Unhappy Marriage: a Critique of Dual Systems Theory», in L. Sargent, ed., *Women and Revolution: a Discussion of Unhappy Marriage of Marxism and Feminism* (Boston: South End Press, 1981).

5. Заключение. Возможности гендерной экономики как самостоятельной экономической дисциплины

Завершая анализ основных теоретических подходов к проблеме гендерного экономических различий, сформулируем некоторые выводы:

В настоящее время гендерные экономические различия исследуются, главным образом, в рамках двух методологических парадигм экономической теории: неоклассической и марксистской. Благодаря новаторским работам Г. Беккера и его последователей проблематика домохозяйства и гендера перестала считаться маргинальной сферой экономического анализа. Вместе с тем, неоклассический подход продолжает оставаться объектом серьезной феминистской критики. Исследовательницы-феминистки подчеркивают, что неоклассическая парадигма построена на чисто андроцентристских посылах об изолированном индивиде, озабоченном собственными интересами и эмоционально не связанном с другими людьми. За этим стоит идея о том, что сфера рыночных отношений полностью свободна от проявлений симпатии, альтруизма, чувства солидарности.⁴²

Далее, феминистки подвергают серьезному сомнению тезис о том, что рыночные отношения строятся на эгоизме, в то время как в частной сфере (семье) господствует альтруизм. Неоклассическая интерпретация этого различия состоит в том, что и в том и в другом случае выбор модели поведения объясняется единой причиной — большей эффективностью (выгодностью) подобного поведения. Феминистки высказывают по этому поводу справедливые возражения. Они подчеркивают, что тезис о господстве альтруизма в семье не выдерживает эмпирической проверки: если он справедлив, то придется признать, что семья максимизирует единую функцию полезности, совокупный доход равномерно распределяется между ее членами, а конфликты на экономической почве невозможны. А это весьма далеко от действительности. Кроме того, неясным остается вопрос о том, каковы сравнитель-

⁴² P. England, «The Separative Self: Androcentric Bias in Neoclassical Assumptions», in M. A. Ferber and J. A. Nelson, eds., *Beyond Economic Man: Feminist Theory and Economics* (Chicago, 1993).

ные издержки и выгоды мужчин и женщин, связанные с этими моделями поведения. Кому — мужчинам или женщинам — более выгодно быть «рыночными эгоистами» и «семейными альтруистами»?

Наконец, при рассмотрении ситуации в публичной сфере (конкретно — на рынке труда) феминистки подчеркивают, что принципиальное значение для ликвидации дискриминации по полу имеет изменение системы предпочтений и отказ от предубеждений в отношении тех или иных групп работников. Однако в рамках неоклассического подхода эта проблема остается нерешенной, поскольку неоклассики неизменно исходят из тезиса об устойчивости предпочтений.

Ответная критика в адрес феминисток марксистской ориентации со стороны представителей «mainstream» ведется не столь активно, однако это не следует понимать как отсутствие содержательных аргументов. Дело, скорее, в том, что в современной экономической науке экономическая доктрина марксизма воспринимается как откровенно маргинальное направление, представляющее интерес скорее для историков экономической мысли. (Отметим в скобках, что этого нельзя сказать о марксизме как социальной доктрине — после кратковременного забвения в 80-е годы он вновь обрел привлекательность в глазах левых интеллектуалов и части социологов развитых стран Запада).

Во второй половине 80-х годов экономисты-феминистки активно обратились к исследованию конкретных проблем положения женщин в экономике с позиций неоклассического и институционального подходов. Это направление исследований, преимущественно тяготеющее к позициям либерального феминизма, иногда обозначают как феминистский экономический эмпиризм. Не отказываясь от критического отношения к методологическим постулатам неоклассики, исследователи этого направления осваивают и расширяют возможности неоклассики и институционализма в анализе гендерной проблематики. Их работы демонстрируют масштабы неиспользованных возможностей современной экономической науки и наглядно показывают, что гендерная проблематика может с успехом исследоваться не только в рамках марксистской экономической парадигмы.

Немалые перспективы в этом плане связаны с развитием идей Г. Беккера (являющегося ведущим идеологом «экономического империализма»), позволяющих включить в экономичес-

кий анализ самые разнообразные явления благодаря расширительному толкованию предмета экономической науки. Другим направлением, возможности которого пока еще далеко не освоены экономистами-феминистками, является новая институциональная экономика, делающая содержательный акцент на роли экономических и социальных институтов и важности учета норм при анализе экономического поведения. Поэтому наиболее важной и перспективной задачей на пути становления гендерной экономики как самостоятельной *экономической* дисциплины является синтез теоретических разработок экономической науки и последних достижений гендерной теории.

Гендерная проблематика в исторических науках

Наталья Пушкарева

1. Введение: гендерная методология в истории

Вопрос о том, как писать историю, какие «инструменты» более пригодны для проникновения в помыслы людей, живших задолго до нас, — всегда волновал тех, кто занимался реконструкцией прошлого. Сейчас этот вопрос вдвойне актуален, поскольку падение влияния научных школ (в частности, марксистской) заставляет историков не только переоценивать старые теории, но и искать релевантные методы исследования в других гуманитарных науках. Новые аналитические подходы и веяния в социологии, психологии, лингвистике и философии позволили историкам задуматься над перспективами и возможностями *ген-дерной методологии* в своей области. Она предполагает не только *экспертизу социально-исторических явлений с учетом фактора пола*, но и *изучение опосредованной отношениями полов социальной действительности, ее изменений в пространстве и во времени*. Как и гендерная социология, психология, юриспруденция и иные аналогичные направления развития гуманитарного знания, гендерный подход в науках о прошлом опровергает удобный миф о биологической предопределенности поступков человека, о том, что «биологического» в нем больше, чем социального или что оно значимее социального. Гендерная методология в истории позволяет аргументированно опровергнуть эссенциализм (англ. *essential* — обязательно существующий, неперенный) — идею о том, что есть что-то «данное» (Богом, Природой) и потому существовавшее извечно и не могущее быть

измененным в будущем, поскольку позволяет проследить, *как складывалась эта «данность»*.¹

гендерная методология в науках о прошлом формировалась в течение трех последних десятилетий. Ее рождение было бы невозможно без исторической феминологии, а также ряда новых (модернистских и структуралистских) и новейших (постмодернистских и постструктуралистских) концепций.

2. «Ее история»: рождение исторической феминологии

гендерная концепция в гуманитарном знании берет свое начало в событиях конца 60-х годов. Ее рождение было подготовлено *во-первых*, молодежными движениями конца 1960-х гг., знаменитой «студенческой революцией 1968 г.», поставившей под сомнение всю систему ценностей и ориентиров старшего поколения. Не только научное сообщество, но и социум как таковой оказались восприимчивыми к новым идеям. *Во-вторых*, немалую роль сыграла сопровождавшая эти молодежные движения сексуальная революция, позволившая открыто говорить о проблемах пола и открывшая для обсуждения в средствах массовой информации (а не только в научной литературе) ряд ранее табуированных тем (скажем, вопрос о сексуальной удовлетворенности женщины в браке или о толерантности к трансвестизму и операциям по смене пола).² *В-третьих*, важным фактором оказалось оживление феминизма — так называемая «вторая волна» его. Феминистки первой волны — то есть те, кто создавал первые женские организации во второй половине XIX - начале XX в. — выступали за *равенство прав* с мужчинами (на получение образования, на участие в политической жизни,

¹ R. Hubbard, M. S. Henifin, B. Fried, eds., *Biological Women, the Convenient Myth* (Cambridge, 1982).

² Отметим попутно, что сексуальная революция, бесспорно, дала больше имен но женщинам: изменение взглядов на сексуальность было связано с революцией в области контрацепции, с появлением гормональных таблеток — впервые в истории вопрос «рожать или не рожать», от кого рожать и как часто стал решаться женщиной, а мужчины лишились сильного рычага своей власти.

на равную оплату труда и т. п.). Однако надежды либерального феминизма на решение женского вопроса только в социальном аспекте оказались призрачными. Женщины начала 60-х практически повсеместно добились избирательных прав,³ могли получать образование и работать — но эти права во многом только усложнили положение женщин: женщины окончательно вышли за пределы своего дома, вступили в мир мужской культуры и мужской деятельности и были вынуждены принять условия мужской игры, конкуренции. Поэтому феминистки второй волны — начала 60-х — поставили вопрос о *равенстве возможностей* реализовывать права, возможно, уже прописанные в законах. Они поставили проблему необходимости глубинных преобразований культуры — во имя изменения модели отношений, основанных на господстве и подчинении, поставили проблему свободной, автономной женской личности, потребовали уже не просто дать женщинам право избирать политиков, но — впустить «второй пол» во властные структуры.⁴

Взлет феминизма оказал огромное воздействие на интеллектуальную сферу во всех странах мира: немалое число ученых избрало объектом своих изысканий женщину — в семье и на производстве, в системах права и образования, в науке и политике, в литературе и искусстве.⁵ В итоге родилась новая дисциплина.⁶ За рубежом она получила наименование *women's studies* («женские исследования» или «исследования женщин»), а в постсоветском научном дискурсе стала фигурировать под именем *социальной феминологии*.⁷ Новое научное направление быстро и

³ Женщины 60-х требовали — уже не просто дать им право избирать политиков, но — впустить женщин во властные структуры; именно поэтому в 60-е годы стал популярен лозунг «Демократия без женщин — не демократия».

¹ Один из лозунгов революции 1968 года был: «Если женщина имеет право на половину рая, то она имеет право и на половину власти на земле!».

⁵ Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998. С. 153.

⁶ Пушкарева Н. Л. Кому он нужен, этот «тендер»? // Социальная история. 1998/1999. М., 1999. С. 35-62.

⁷ «Социальная феминология — это междисциплинарная отрасль научного знания, которая изучает совокупность проблем, связанных с социально-экономическим и политическим положением женщины в обществе, эволюцию ее социального статуса и функциональных ролей» (Хасбулатова О. А., отв. ред. Социальная феминология. Иваново, 1998. С. 4.)

доказательно заявило о своей интегративности и показало связанные с ней перспективы.⁸

3. Что такое историческая феминология?

В среде историков на появление *women's studies* откликнулись прежде всего — как это было и с другими гуманитарными науками — ученые-женщины. Свою задачу они увидели в том, чтобы оживить женскую тему в изучении прошлого, «вернуть женщин истории»,⁹ «вписать» их в нее и тем самым «дополнить» прежнюю картину или даже «переписать»¹⁰ в соответствии с выявленными фактами. Таким образом, возникшая в конце 70-х - начале 80-х годов *историческая феминология* или «*история женщин*» призвана была осуществить компенсаторную функцию («женской истории» ранее не существовало и возникла необходимость компенсировать этот пробел), комплементарную (иначе говоря — дополняющую), а также реэвалуи-рующую (то есть переоценивающую и пересматривающую: если «мужская» история не есть всеобщая, то история женщин в известной степени должна была «пересмотреть» устоявшиеся оценки исторических событий и акцентировку их¹¹). Если приверженцы феминистской теории из среды философов и социологов изучают опосредованную полом социальную действительность и считают работу по выработке своих теорий происходящей на наших глазах, действующей, текущей в прямом смысле слова, то *феминистки и феминисты, изучающие прошлое*, ставят иную задачу. Они *исследуют изменения этой опосредованной полом действительности «в пространстве» и «во времени» (то есть*

⁸ Носителями нового знания и пропагандистами новой дисциплины в нашей стране стали не столичные, а провинциальные ученые. См.: Молевич Е.Ф., отв. ред. Социальная феминология. Межвузовский сборник научных статей. Самара, 1997.

⁹ R. Bridenthal, C. Koonz, eds., *Becoming Visible: Women in European History* (Boston, 1977).

¹⁰ S. J. Kleinberg, ed., *Rewriting Women's History* (Berg, 1988).

¹¹ G. Lerner, «Welchen Platz nehmen Frauen in der Geschichte ein? Alte Definitionen und neue Aufgaben», in E. List, H. Studer, eds., *Denkverhältnisse. Feminismus und Kritik*. Frankfurt, 1989, p. 350.

с учетом географической, этно-культурной и хронологической составляющей). Таким образом мы можем определить предмет дисциплины, именуемой «исторической феминистикой».

Историческая феминистика изучает изменения опосредованной женским полом действительности «в пространстве» и «во времени» (то есть с учетом географической, этно-культурной и хронологической составляющей). Можно сказать и проще: предмет исторической феминистики — это «женщины в истории», это история изменений их социального статуса и функциональных ролей, а также — и это очень важно — это «женская история», то есть история глазами женщин, написанная с позиций женского опыта.¹²

Восстанавливая «историческую справедливость в отношении женщин», феминистки убеждали, что «безмолвными» и «незаметными» статистками мировой истории женщины стали не сами по себе, а благодаря их современникам-мужчинам. Об этом впервые откровенно написала в своей статье «Женщина на вершине» американская феминистка, профессор-медиевист Принстонского университета Натали Земон Дэвис.¹³ Именно мужчины, полагала она, в силу предопределенности взглядов системой ценностей, в которых главными являются карьера, самореализация в политике и в военном деле, «не пускали» женщин на высокие столбцы летописей и хроник, практически «забывали» о них при составлении правовых кодексов и намеренно отодвигали их на второй план при создании композиций книжных ми-

¹² Если воспользоваться сравнениями и тезаурусом Макса Вебера, то предмет исторической феминистики можно определить и более образно. Развитие цивилизации, по мнению М. Вебера, было ничем иным как **раскол добыванием мира**, высвобождением его из-под власти природно-родовых начал, освященных авторитетом церкви. Частью этого «расколдовывания мира» было, с его точки зрения, и «расколдовывание» отношений между полами, их «очеловечивание», превращение в отношения взаимной ответственности, что — в свою очередь — невозможно без становления женской личности, ее эмансипации. Иными словами, изучая историческую феминистику, мы пускаемся в увлекательный путь «расколдовывания» отношений между мужчинами и женщинами в разные исторические эпохи, отношений, которые заданы, на первый взгляд, самим Богом, Провидением, «естественным» (казалось бы!) делением всего одушевленного на два пола.

¹³ N. Z. Davis, «Women on Top», in N. Z. Davis, ed., *Society and Culture in Early Modern France* (London, 1975).

ниатюр, икон и фресок. «Делая видимыми» представительниц прекрасного пола во все исторические эпохи, исследовательницы-феминологи «подняли» темы женского участия в политической борьбе и структурах власти, в религиозных движениях и церковных объединениях, а через анализ женского домашнего труда — в экономической жизни общества, показали их роль в интеллектуальных трансформациях социума — в том числе и особенно в рождении идеологии феминизма в 16-17 вв.¹⁴

Чтобы отличить «женскую историю» от описания прошлого в общепринятом ключе, было предложено ввести новый термин в дополнение к привычному «*history*» (его прочитывали как «*his story*», «его история», «история мужчины»). Неологизм «*herstory*» («*her story*», «ее история», «история женщины») должен был исправить положение.¹⁵ Несмотря на то, что этот термин не прижился, а также на то, что мировое научное сообщество отнеслось к возникновению женской истории (или исторической феминологии) с большой долей скепсиса, авторам работ по «истории женщин» удалось доказать, что их подход имеет право на существование.¹⁶ Итогом огромной интеллектуальной работы ученых разных стран стала шеститомная *История женщин на Западе*, выпущенная в свет под наблюдением и общей редакцией ведущих специалистов по социальной истории —

¹⁴ «Женщины в эпоху Реформации и Контрреформации были одновременно и освобождены, и закрепощены... С точки зрения закрепления стереотипов, касающихся поведения женщин, возможности выбора модели поведения, — они были ограничены. С точки же зрения новых условий для духовной самореализации в условиях сильнейших идеологических потрясений они получили свободу, не меньшую, чем мужчины» (*Women in Reformation and Counter-Reformation Europe. Public and Private Worlds*, in Sh. Marshall, ed. (Bloomington and Indianapolis, 1989), p. 207) Подробнее о возникновении идеологии феминизма в XVI-XVII вв. см.: Пушкарева Н.Л. Женщины России и Европы на пороге Нового времени. М., 1996. С. 20-21; Репина Л.П. Указ. соч. С. 180-181; M. Wiesner, *Women and Gender in Early Modern Europe*. Cambridge, 1993 и O. Hufton, *The Prospect Before Her: a History of Women in Western Europe 1500-1800* (London, 1995).

¹⁵ A. Davin, «Redressing the Balance or Transforming the Art? The British Experience», in S.J. Kleinberg, ed., *Rewriting Women's History* (Berg, 1988).

¹⁶ D. Ryley, *Am I That Name? Feminism and the Category of 'Women' in History* (London, 1988); J.W. Scott, «The Problem of Invisibility», in S.J. Kleinberg, ed. (Berg, 1988), pp. 5-30.

Натали З. Дэвис, Жоржа Дюби, Мишель Перро, Арлетты Фарж и др.¹⁷ В 1989 году, на XVII Конгрессе исторических наук приверженцы истории женщин создали свою научную ассоциацию — Международную ассоциацию для исследований женской истории.

4. Чего достигла историческая феминология?

Историческая феминология выполнила свою главную задачу — вернула женщин истории. На Западе упомянутое «возвращение» выразилось в появлении специальных глав в разделах учебников, где рассказывалось о выдающихся женщинах, равно как о социальном положении представительниц разных социальных слоев, их правах и моделях повседневной жизни. Историческая феминология была официально признана как особое направление специализации на факультетах (подобно медиевистике, модернистике, источниковедению, свое место в университетах Европы и США заняли и *women's studies*).

Историко-феминологические исследования доказали, что полученное ранее «единое и полное» знание о прошлом таковым не является, потому что в нем, по сути, почти отсутствуют женщины — ведь они имели во все эпохи свое мировидение и свою систему ценностей, отличную от мужской. Чтобы сделать женщин «видимыми», феминологам пришлось прибегнуть к изучению «женского опыта» — понятия, введенного психологами и социологами и прочно прижившегося в исторической феминологии. Это позволило выделить его модификации в разных культурах и расширило представления о духовной культуре прошлого в целом.¹⁸

Необычайно важным и для западной, и для отечественной науки 70-х годов стал вывод о существовании в доиндустриальных обществах двух соединяющихся сфер или доменов существования — сферы господства Мужчины (политика, диплома-

¹⁷ *Histoire des femmes en Occident*. Sous la direction de N. Z. Davis, G. Duby, A. Farge. M. Perrot. V. I-VI. Paris, 1985-1991.

¹⁸ J. Scott, «The Evidence of Experience», *Critical Inquiry*. 1991, V. 17, N 4, pp. 773-797.

тия, военное дело) и господства Женщины (дом, семья, домохозяйство). Феминологи доказали, что сферы эти были не «сепаратными», а «соединяющимися» и равно значимыми для функционирования доиндустриального и раннеиндустриального общества как целостного организма.¹⁹

Историческая феминология ввела новое измерение в социально-экономическую историю, родив такие темы как «феминизация бедности», «феминность безработицы», «политическая экономия домашней работы», «история женского труда», заставив признать категорию «пол» одним из структурообразующих экономических принципов.

1. «Женская история» 'разрушила многие проявления мужского мифотворчества в социальной истории'.²⁰ Феминологи поставили под сомнение оценку важнейших эпох и процессов в мировой истории. Данные феминисток-археологов показали, что в доклассовую эпоху именно женщины были основными добытчиками пищи (поскольку охота удовлетворяла всего 10-15% потребностей племени в пище, а собирательство было женским делом).²¹ Феминологи, изучавшие эпоху средневековья и Нового времени, доказали: «прогрессивность» многих процессов и явлений — античной цивилизации, эпохи Ренессанса, великих буржуазных революций — выглядит таковой только в системе мужских абстракций о Добре и Счастье. «Демократическая афинская цивилизация» предполагала содержание женщин в гинекеях (женских половинах домов)... Европейский Ренессанс означал для женщин вытеснение с рынка труда, признание домашней экономики (где они властвовали) малозначимой, вспомогательной, а в области культурной — «одомашнивание» жен буржуа. Кроме того, именно на эпоху Возрождения пришлись и «охо-

¹⁹ M. J. Boxer, J. H. Quataert, eds., *Connecting spheres. Women in the Western World. 1500 to the Present* (New York-Oxford, 1987). Подробный анализ взаимодействия и неразрывности этих сфер см.: J. Kelly-Gagol, «Sociale Beziehungen der Geschlechter. Methodologische Implikationen einer feministischen Geschichtsschreibung», in B. Schflfer-Hegel, *Männer, Mythos, Wissenschaft* (Pfafienweiler, 1989), pp. 17-22 (esp.18).

²⁰ Удачное и очень точное заключение В. И. Успенской. См.: Успенская В. И. Женская история и развитие феминистского сознания // Женские и тендерные исследования в Тверском государственном университете. Тверь, 2000. С. 138.

²¹ L. Tuttle, *Encyclopedia of Feminism* (Longman, 1986), pp. 146-147.

та на ведьм», и самые odioзные процессы над теми, кто был обвинен в ведовстве... Да и славные буржуазные революции не торопились распространить на женщин лозунг «Свобода, равенство, братство!».

Благодаря исторической феминологии в мировой науке родились новые темы — разработанные в том числе и монографически — которые ранее просто не могли возникнуть, так как считались слишком частными: «история прислужничества и найма кормилиц», «история домашней работы», «история вынашивания детей и родовспоможения», «история подкидывания детей и отказа от них», а несколько позже и «история женского тела». Заставив заговорить дотоле молчаливых свидетельниц исторических катаклизмов, феминологи обогатили науку работами, анализирующими условия существования женщин в мужском обществе и тем самым придали новый импульс и объемность культурно-исторической антропологии. Они помогли отойти от исследования деяний (или злодеяний) великих людей, сосредоточив внимание на тех, кто «создавал фон» для первых, но остался безымянным в истории.

Исследования повседневности, ментальностей, частной жизни, сексуальности, выполненные историками-феминологами, показали ранее малоизученную сторону этих научных сюжетов — а именно как люди или «экторы» (действующие лица, от англ. *actor*) истории могут стать из «творцов» ее «жертвами», поскольку на протяжении столетий женщины составляли депривированную часть, «униженное и оскорбленное» большинство. Историческая феминология придала иной смысл изучению истории повседневности и некоторых сюжетов исторической этнологии (истории семьи, быта), поскольку еще раз убедила в историчности разделения социальной жизни на публичную и приватную сферы.²²

Феминологи французской школы, развивая исследования повседневности и частной жизни, показали, что прошлое может быть реконструировано не только по событийным вехам (основание городов, военные битвы, начало войн и мирные договоры),

²² A. Yeatman, «Gender and the Differentiation of Social Life into Public and Domestic Domains», *Social Analysis. Special Issue «Gender and Social Life»*, 1984, V. 15, pp. 32-50.

но и по векам в истории быта и семьи — то есть той сферы, с которой женщина была связана теснее мужчины.

Чтобы объяснить существование конфликтующих интересов и альтернативного жизненного опыта у женщин разных социальных категорий, феминологи ввели фактор различия полов и в традиционный социально-классовый анализ. Сторонники этого направления в исторической феминологии (зачастую, но не всегда, это были представители марксистского феминизма) доказали, что по крайней мере в доиндустриальных обществах неравенство между полами определялось отношениями собственности и именно экономические причины лежали в основе «ухудшения» или «падения» статуса женщины в Новое время,²³ а также сохранения этого униженного положения в последующие столетия. Марксистская основа подготовки историков способствовала, например, появлению и в России фундаментальных трудов, в которых исследовались исторически сложившиеся формы подчинения женщин и господства над ними в патриархальных структурах (в чем они выражались, как проявлялись и воспроизводились из поколения в поколение).²⁴

В широком смысле историческая феминология, входящая составной частью в «*women's studies*», не просто оживила интерес к истории женского движения и суфражизма, но и реабилитировала феминизм как политику, в основе которой лежит принцип свободы выбора. Она заставила признать феминистскую идею личностного становления женщины как основы ее эмансипации и эмансипации общества от стереотипов. Благодаря новому под-

²³ «Высокий статус женщины сформировался благодаря семейной экономике средневековья, но с началом Нового времени он потерял прежнюю устойчивость, хотя и сопротивлялся своему историческому поражению. По тому что только мужчины, а не женщины могли занимать должности в системе управления — а это оказывало влияние на их бизнес; только мужчины (в широком смысле) получили возможность приобретать политический статус. Мужчины, а не женщины осуществляли деловые поездки, эффективно используя их результаты. И в то же время женщины, а не мужчины оказались «ответственными» за стабильный ритм семейной жизни, только женщины (а не мужчины) должны были ставить семейные обстоятельства выше деловых...» (М. С. Howell, *Women, Production and Patriarchy in Late Medieval Cities* (Chicago and L., 1986), pp. 174-178.

²⁴ Пушкарева Н. Л. Женщины Древней Руси. М., 1989; Цатурова М. К. Русское семейное право XVI-XVIII вв. М., 1991.

ходу к «женскому вопросу» по-новому зазвучали и «ответы» на него, поскольку в реконструкцию прошлого властно ворвались понятия, типичные для философов-экзистенциалистов: свобода воли, свобода выбора, проблемы самореализации личности и ее идентичности.

Историческая феминология показала специалистам по *women's studies*, как культура (конфессия, социальный контекст, «времена» — которые, как известно, «не выбирают, в них живут и умирают») могут воздействовать на формирование феминистского дискурса, на иерархию важности поднимаемых проблем, на их содержание. Социологи, психологи, педагоги, короче — практики «всех мастей» — получают для исследования в виде социального заказа наиболее актуальные вопросы. То, что практически по каждому из этих вопросов возможна и необходима историческая экспертиза, когда речь идет о женской половине человечества — также доказали историки-феминологи. И потому значение институционализации *women's history* оказалось значительно большим, нежели просто новый подход, новый метод реконструкции прошлого.

В конечном счете, результатом рождения исторической феминологии (как и *women's studies* вообще) было пробуждение социального женского самосознания, и прежде всего у самих женщин-ученых, связавших свои творческие судьбы с изучением себя самих и статуса своих предшественниц.

Однако подчеркивавшие свою «отделенность» и «несводимость» к обычной истории, историко-феминологические штудии с каждым годом становились все более кастовыми. Из «истории женщин» историческая феминология медленно превращалась в «историю подавления женщин». То и дело со страниц феминологических исследований проступали мизоандринные (мужененавистнические) настроения, «доказательства» женской исключительности, утверждения о том, что история, написанная женщиной — точнее и объективнее, чем написанная мужчиной, «так как знание угнетенного точнее и глубже знания угнетателя».²⁵

²⁵ S. Harding, «Is there a Feminist Method?», in S. Harding, ed., *Feminism and Methodology* (Milton, 1987), p. 14. Подробнее о превращении феминологии в «историю подавления женщин» см.: L. Gordon, «What's New in Women's History», in T. de Lauretis, *Feminist Studies / Critical Studies* (Bloomington, 1986), pp. 20-31.

Как ответ на подобный подход к прошлому, в мировой исторической науке появилась «история гомосексуальности», а также «история мужчин и мужественности» (историческая андрология),²⁶ испытывавшие — как ни странно — те же трудности признания и тот же скептицизм, что и историческая феминология. Между тем, «истории отцовства», «истории мужской чести», «истории маскулинности»²⁷ доказывали убежденным феминисткам, что до последнего времени не было создано не только объективной истории женщины и истории женской культуры, но и истории культуры мужской, равно как истории мужчины.

Дальнейшее развитие обособленной «женской» и «мужской» истории грозило оказаться тупиком, если бы не пресловутая женская интуиция. Сторонницы исторической феминологии первыми признали не только необходимость интеграции своих исследований с трудами историков-андрологов, но и «освежения» своих теоретических выкладок с помощью новейших общественно-научных концепций.

²⁶ Появление исторической андрологии было следствием возникновения социальной андрологии или изучения маскулинности в социологии. См.: D. D. Gilmore, *Manhood in the Making: cultural concepts of masculinity* (New Haven, 1990); J. Hearn, D. Morgan, eds., *Men, Masculinities and Social Theory* (London, 1990); K. Silverman, *Male Subjectivity at the Margins* (London, 1992); S. Frosh, *Sexual Difference: Masculinity and Psychoanalysis* (London, 1994).

²⁷ J. Delumeau, D. Roche, eds., *Histoire des pères et de la paternité* (Paris, 1990); D. D. Gilmore, *Manhood in the Making: Cultural Concepts of Masculinity* (New Haven, 1990); D. Lenzen, *Vaterschaft: vom Patriarchat zur Alimentation* (Reinbeck bei Hamburg, 1991); T. Kuehne, ed., *Maennergeschichte — Geschlechtergeschichte: Manlichkeit im Wandel der Moderne* (Frankfurt am Main, 1996).

5. От теорий социального конструирования к гендерной концепции в истории

Без ряда модернистских²⁸ социологических теорий определить место гендерной методологии в истории невозможно. Среди них — теория структурного функционализма американского социолога Т. Парсонса,²⁹ теория социализации того же Т. Парсонса и его коллеги Р. Бейлса³⁰ и теория драматургического интеракционизма И. Гоффмана,³¹ о которых рассказано в разделе «Социальное конструирование гендера: феминистская теория».

Социально-конструктивистские концепции с энтузиазмом восприняли историки-феминологи: идея социального детерминизма позволила им опровергнуть то, что диктовалось, казалось бы, здравым смыслом, — что все в мире делится на «мужское» и «женское». Назвав тех, кто считал пол человека его судьбой, эссенциалистами и призвав разрушить «принцип Ноева ковчега» (то есть отказаться от видения мира, разделенного на пары),

²⁸ Модернизм как философская концепция, основанная на осознании новизны, по крайней мере трижды за последние два века, становился знаменем историков. Первый раз — в начале XIX в., когда он был реакцией на классицизм. Модернизм начала прошлого столетия — это романтизм, «авангардной реакцией» на который стал реализм. Второй раз — в начале XX в. Модернизм этого времени противопоставил свою новизну реализму и критическому реализму, реакцией на декадентский модернизм того времени был авангардный натурализм и символизм. Наконец, в третий раз модернизм заявил о своих правах в начале 60-х гг. XX в. Эта волна его была реакцией на тоталитарное искусство и философию. Созданная модерном 60-70-х гг. контр-культура — «битников», хиппи — создала культурную среду для революции 1968 года. В философии же модернизм 60-х тесно связан с конструктивистскими концепциями.

²⁹ T. Parsons, *Social Structure and Personality*. L., 1970. См. также русские переводы работ крупнейших сторонников теории социального конструирования, написанных в начале 60-х гг.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995; Мангейм К. Идеология и утопия. М., 1994.

³⁰ T. Parsons, R. F. Bales. *Family, Socialization and Interaction Process* (New York: Free Press, 1955), p. 6.

³¹ E. Goffman, «Gender Display», *Studies in the Anthropology of Visual Communication*, N 3, 1976, pp. 69-77; Ibid. «The Arrangement Between Sexes», *Theory and Society*, N 4, 1977, pp. 301-331.

социальные конструктивистки доказали, что статус женщины (как и мужчины!) не «дается», а «приобретается», а кажущееся естественным различие между мужским и женским не имеет биологического происхождения (эту мысль афористично выразила Симона де Бовуар: «Женщиной не рождаются, женщиной становятся»). Пол был признан лишь «способом интерпретации биологического, закрепленным писанными и неписанными законами общества».³² Перед историками-феминистками встала задача «расшифровки» этих законов и интерпретаций в разные эпохи и у разных народов.

Набор соглашений, которыми общество трансформирует биологическое в социальное, получил в работах философов-феминисток (А. Рич, Р. Унгер, Г. Рубин) наименование *гендера*. Дословно «gender» переводится как «род» в лингвистическом смысле слова (род имени существительного).³³ Этот термин был «изобретен» психоаналитиком Робертом Столером задолго до рассматриваемого времени, в 1963 году).³⁴ Последователи Р. Столлера в психологии — психоэндокринологи Дж. Мани и Анке Эрхард, показавшие всемогущество эффекта социализации именно на примере обретения половой идентичности, сторонники концепции Э. Маккоби об отсутствии фундаментальных психо-био-логических различий, которые бы могли определить всю жизнь человека как мужчины или как женщины, и — особенно — приверженцы концепций гуманистической психологии А. Маслоу, К. Роджерса с их признанием права каждого человека быть самим собой, сохранять и пестовать свою уникальность, неповторимость, не подстраиваться под других, иметь свободу выбора решений и ответственность за этот выбор — сделали для гендерной концепции в исторических науках не меньше, чем социологи. Огромное влияние на сложение «психоистории», а вместе с ней — на взлет интереса к исследованиям женской психологии в истории, оказала книга К. Гиллиган *Иным голосом*.³⁵

³² L. Tuttle, Encyclopedia of Feminism. Ann Arbor, 1986, p. 305.

³³ M. McIntosh. «Der Begriff «Gender», *Argument*. Bd. 190. (Berlin, 1991). S. 845-860 (esp. 845-846).

³⁴ Пушкарева Н. Л. Гендерный подход в исторических исследованиях // Вопросы истории. N 6, 1998.

³⁵ C. Gilligan, *In a Different Voice. Psychological Theory and Women's Development* (Cambridge (Mass.) — London, 1982). В своем исследовании

С конца 70-х гг., благодаря социальным конструктивисткам в социологии и исследователям гендерной идентичности в психологии понятие «гендер» стало применяться весьма расширительно. Многие гуманитарии приняли толкование «гендера», предложенное И. Гофманом, увидевшим в нем *систему межличностного взаимодействия, посредством которого создается, подтверждается и воспроизводится представление о мужском и женском как категориях социального порядка*.³⁶

Отсюда главный вопрос гендерной методологии в истории — вопрос о *ресурсах* (или источниках) *создания гендера*. Какие средства способствовали сознательному и бессознательному определению места индивида в обществе и, быть может, получению от этого преимуществ? Чтобы выяснить, как создавалось «мужское» и «женское» во взаимодействии, как поддерживалось, принимая вид чего-то естественного и якобы имплицитно («безусловно и подразумеваемо») присущего индивиду, группе, социуму, имеющуюся информацию принято структурировать по трем группам характеристик: *поло-ролевые* (или, следовательно, гендерные) *стереотипы*, *поло-ролевые нормы* и *половое самосознание* (идентичность).³⁷ Если можно — полагали сторонники новой концепции — выяснить, каким образом создаются (конструируются) гендерные отношения в данном обществе (исполнение предписанных обществом ролей в традиционных обществах всегда создает условия для неравенства возможностей: мужчина получает преимущества в публичной сфере, а женщина — вытесняется в сферу домашней жизни, которая была и считается менее престижной и значимой), то, значит, их можно и *деконструировать* и перестроить по-новому.

Кроме того, феминологи-конструктивистки доказали, что проявления гендера в истории (стереотипы, нормы, идентичность)

психологии и философии морали К. Гиллиган доказала, что мораль, считающаяся общей, общечеловеческой игнорирует отличительные черты женского морального мышления, поскольку женщины «никогда не абстрагируют *частную деталь от ситуации*», а потому они оправдывают свои моральные решения не через Общее, а через Конкретное, Частное.

³⁶ Уэст К. и Циммерман Д. Создание гендера, пер. Е. А. Здравомысловой // Труды СПбФ ИС РАН. Гендерные Тетради. Вып. первый. СПб., 1997. С. 97-98.

³⁷ S. Lorber, S. Farrel, eds. *The Social Construction of Gender* (Cambridge, 1991).

не универсальны, а культурно детерминированы: разные широты, разное течение политической истории, разные расы и социальные группы обнаруживают разные традиции «приписывания по полу». Более того, дело состоит в том, что это не только разные традиции, но и разные властные практики отношений между полами. Эти практики, убеждали они, как и сама категоризация, репрезентируются с помощью внешних знаков (маркеров) и показателей (коррелятов), к которым относятся одежда, прическа, украшения, особенности поведения. Без них повседневное взаимодействие затруднено, так как «приписывание к полу» является неосознанным фоном при общении во всех социальных сферах. Отсюда вопросы, задаваемые гендерными историками: какие маркеры и корреляты соответствуют каким культурам и эпохам, что переживает человек в условиях гендерного конфликта (например, в нашей отечественной истории знаменитая «кавалерист-девица» начала 19 в. Надежда Дурова) и т. п. Вычленить подразумевающееся, кажущееся естественным гендерное отношение, определить суть формального конвенционального акта в конкретном историко-культурном контексте — еще одна задача для исследователя-историка.

Еще одной загадкой конструирования гендера стал для феминологов вопрос о том, *в каком возрасте и как* происходит сейчас и происходило раньше *рекрутирование* (термин И. Гоффмана) *гендерного самосознания*, иными словами, как и когда люди начинали ощущать свою половую принадлежность и вытекающие из нее права и обязанности как «естественные и взаимодополняющие». Анализ гендерного дисплея, считают социальные конструктивистки, позволяет выяснить, как отношения власти маскируются под невинные «различия» (якобы природно обусловленные). Поэтому перед историками поставлена задача изучения этой «маскировки» через анализ соотношения приватной и публичной сферы, сферы господства мужчины и господства женщины, изучения того, как функционировала «маскулинность» и «феминность» в разных социальных и исторических контекстах.

Если сторонники традиционной теории социализации рискуют настаивать на тезисе о существовании социально-половых ролей (как и современные этнографы, историки, а порой и социологи), то конструктивистки-гендеристки подвергают подобную позицию резкой критике, видя в «привычности» и «приня-

тости»³⁸ традиционного распределения ролей («якобы взаимодополнительных») механизм подавления слабых.

6. От «истории женщин» к «гендерной истории»

В начале 80-х годов гендерная концепция, отвоевав свое место под солнцем в социологии, встретила с «женскими исследованиями» в истории. Результат этой встречи иллюстрирует творчество американки Джоан Скотт., Начиная как типичный историк-феминист, но обладавшая широтой исследовательского видения, Дж. Скотт предложила положить конец противопоставлению «мужской» и «женской» истории. Свой призыв она обратила к самым признанным и известным представителям своего профессионального цеха, выступив в декабре 1985 года с докладом на собрании Американской исторической ассоциации. Она говорила о спорах вокруг историзма и эмпиризма, о смене парадигм (переходе от содержательно-событийного подхода к освещению прошлого к текстуально-интерпретирующему), размышляла о будущем науки (которая «несомненно должна найти основания для союза 'событийности' и 'текстуальности'»).

Местом встречи ею и была предложена «гендерная история», и под «гендером» она понимала прежде всего систему властных отношений.³⁹ В своей статье «Гендер: полезная катего-

³⁸ «Утомленный мужчина современного капитализма всегда и везде найдет женщину, выполняющую функцию заботы и обеспечивающую уход — женщину, которая является "обслуживающим персоналом" по призванию» (Ch. Lemert and A. Branaman, eds., *The Goffman Reader* (New York, 1997), p. 203.

³⁹ В «гендере» Дж. Скотт видела именно не столько систему межличностных отношений, сколько «сетку социальных связей». И потому одно из современных определений гендера — как раз акцентирует внимание на этой составляющей. «Гендер — это система отношений и взаимодействий (обrazующих фундаментальную составляющую социальных связей), которая является основой стратификации и иерархизации общества по признаку пола. Именно эта система отношений, укоренившись в культуре, позволяет создавать, подтверждать и воспроизводить представление о "мужском" и "женском" как о категориях социального порядка, наделять властью одних (как правило, мужчин) и субординировать других (женщин, так называемые сексуальные меньшинства и т. д.)» (Пушкарева Н.Л.).

рия исторического анализа»⁴⁰ (текст ее и был переработанным вариантом вышеупомянутого доклада), она предложила подвергать «гендерной экспертизе» четыре группы социально-исторических «подсистем»: 1) комплекс символов и образов, характеризующих мужчину и женщину в культуре; 2) комплекс норм — религиозных, педагогических, научных, правовых, политических; 3) социальные отношения и институты, которые их формируют (семья, система родства, домохозяйство, рынок рабочей силы, система образования, государственное устройство) и 4) проблему самовыражения, субъективного самовосприятия и самоосознания личности, то есть проблему половой идентичности, ибо «гендер — это особое поле, на котором артикулируются властные отношения и коллективные иллюзии».

Публикации Дж. Скотт способствовали преодолению раскола между традиционной и новой (в том числе «женской») историей. Они показали, что центральным пунктом нового метода реконструкции прошлого может и должно стать дихотомичное мышление, предполагающее умение взглянуть на одно и то же событие или явление и «глазами мужчины», и «глазами женщины», найти в этих разных ракурсах видения и сходства, и различия. Перед феминистками встали новые задачи. И хотя к применению новых подходов (к тому же выработанных пограничной наукой — социологией) и отказу от привычного «собираания фактов» и «написания истории с помощью ножниц и клея» (Р. Коллинвуд) поначалу оказались готовы не все, все же гендерная концепция, хотя бы в виде обновленного тезауруса (гендер-ные роли, гендерный конфликт и т. п.) стала постепенно проникать в исследования прошлого.

Авторы первых работ по «гендерной истории» — из тех, что можно назвать действительно удачными и новыми — пытались, например, сравнивать отношение мужчин и женщин к одному и тому же вопросу (скажем, к возрасту вступления в брак или повторной женитьбе/замужеству со вдовыми).⁴¹ В работах, анализировавших контроль над собственностью, среди прочих

⁴⁰ J. Scott, «Gender: a Useful Category of Historical Analysis», *American Historical Review*, N 5, V. 91, 1986, pp. 1053-1075.

⁴¹ См., например: B. Todd, «The Remarrying Widow: a Stereotype Reconsidered», in M. Prior, ed., *Women in English Society 1500-1800* (London, 1985), pp. 54-92.

рассматривался и идеологический фактор, например, понятие «цехового единства» (и в связи с этим — «мужской солидарности»), вытеснившего женщин из цехового производства в раннее Новое время.⁴² Не меньшей удачей (при почти полном отсутствии трудов по юридическому аспекту гендерной идеологии) следует признать работы, в которых рассматривалось разное содержание понятия «честь»: для женщин оно имело всецело гендерное звучание («девичья честь», «честь супруги и матери»), а для мужчин определялось храбростью, верностью, добросовестностью, профессиональным мастерством.⁴³

Однако до разгадывания загадок конструирования гендера в разные эпохи дело практически не доходило.⁴⁴ Так или иначе историки-феминологи, поспешившие назвать себя специалистами по «гендерной истории», все еще находились под обаянием концепции о «сепаратных сферах» или доменах — «сферы господства мужчины» и «сферы господства женщины», которая была актуальна для 70-х годов, для времени становления «женских исследований» и исторической феминологии. Но к началу 90-х тезис о «сепаратных» (хотя и соединяющихся) сферах стал препятствием на пути развития дихотомичного мышления, о котором мечтала и которое ставилось ею как методическая задача Дж. Скотт. Перед гендеристами встала задача преодолеть старую «риторику женских исследований».⁴⁵

Положение изменилось лишь к началу-середина 90-х годов. В системе гуманитарного знания произошла очередная смена парадигм: модернистские теории сменились постмодернистскими, а социальный конструктивизм оказался окончательно побежден постструктурализмом.

⁴² M. Wiesner, *Women and Gender in Early Modern Europe* (Cambridge, 1993), pp. 82-104.

⁴³ N. S. Kollmann, *Kinship and Politics: The Making of the Muscovite Political System. 1345-1347*. (Stanford, 1987).

⁴⁴ См. об этом подробнее: G. Pomata, «Histoire des femmes et «gender history» (note critique), *Annales E.S.C.* N 4, V. 48, 1993, pp. 1019-1026.

⁴⁵ L. Kerber, «Separate Spheres, Female Worlds, Woman's Place: The Rhetoric of Women's History», *The Journal of American History*, N. 6 (June), V. 75, 1988, pp. 9-39.

7. Постструктурализм и «другие истории». От пола к «поли-»

В отличие от советских ученых, в большинстве своем мирно творивших в русле марксистской парадигмы, в западной науке 70-х-80-х годов множились дискуссии о кризисе «историзма» и связанных с ним методов и подходов к реконструкции прошлого.⁴⁶ Попытки достичь объективного знания об ушедших веках сменились к 80-м годам сомнениями в достижимости одного и критикой гегелевского тезиса о том, что «все действительное разумно», а история есть «резервуар» этой разумности и смысла. Осознание относительности знаний и представлений о прошлом, о результатах и путях его реконструкции оказалось основой для исторической рецепции ряда философских теорий, объединяемых общим термином «постструктурализм».⁴⁷

Знаковых фигур в современном постструктурализме-несколько, и все они связаны с Францией. Это психоаналитик Жак Лакан (1901-1981), поставивший проблему «языка бессознательного» и определивший пол как «маскарад» практик и знаков; это культуролог Мишель Фуко (1926-1984), прославившийся рядом новых концепций, в том числе концепцией власти, и введший в науку понятие практик речевого поведения (дискурсов) и, наконец, ныне здравствующий философ Жак Деррида (р. 1930) — автор теории деконструкции и феномена «инаковости» («другости») в культурологии.^{48^)}

Если до них — и в течение почти столетия — реальность как бы уподоблялась «дому» с фундаментом и надстройкой (К. Маркс) или «конструкции из кубиков», которые можно переставлять и тем самым что-то улучшать (Т. Парсонс), то для постструктуралистов основным изменением, связанным с новым

⁴⁶ J. Scott, «History in Crisis? The Others' Side of the Story», *American Historical Review*, N 3, V. 94, 1989, pp. 681-692.

⁴⁷ Постмодернизм 80-90-х был типичной «авангардной реакцией» на модернистские теории эпохи студенческих революций — конструктивизм в социологии, структурализм в этнологии и фольклористике, неофрейдизм в психологии.

⁴⁸ Самое ясное изложение постмодернистских концепций можно найти у Ж.-Ф. Лиотара: J.-Fr. Lyotard. *Le postmoderne expliqué aux enfants* (Paris, 1986).

представлением о реальности (в том числе — прошедшей или утраченной), вызвавшим смену парадигм, был отказ от механистического, конструктивистского (или — структуралистского) видения мира. На смену ему пришел принцип тонкой взаимоважной связанности, которую нельзя упростить до схемы; он и лежит в основе практически всех постструктуралистских теорий.

Столь популярная всего 20 лет назад конструкция под названием «социальная структура», требовавшая умения обобщать и подверстывать, видеть похожее и тождественное, неожиданно оказалась «сеткой» со слишком крупными ячейками. Жизнь отдельного человека не «схватывалась» ею, «просачивалась» сквозь нее.⁴⁹ Поэтому вместо идеи обобщения и тождества, постструктурализм поставил во главу угла идею *различия* и *множественности*, проблему неструктурного в структуре, нетипичного и единичного. Антропология — в том числе историческая антропология — оказалась переориентированной на изучение не общих для всех, а индивидуальных практик, в том числе телесных, интимных, через которые и было предложено анализировать специфику той или иной культуры.

История стала сближаться с литературой и философией, отказавшись от чистого функционализма, и историки заговорили о «синтезе искусств», о движении от текста — к контексту, то есть о внимании к тому, что опосредует и *окружает* событие (от физической реальности окружающей среды, то есть ландшафта — до имплицитно присущих тому или иному человеку страстей или предпочтений как представителей элиты, так и простых людей).

Другим ощутимым изменением в науках о прошлом, которое произошло в прямой связи с распространением постмодернистских концепций и феминистской критики историзма и эмпиризма, стал ликвидация иерархии «важности» исследова-

⁴⁹ Реакцией на изучение науками о прошлом крупных структурных изменений, мощных политических движений и планетарных процессов стало рождение *микроистории* — истории отдельных людей, неименитых и незнатных и *локальной истории*, схожей с обновленным краеведением. Приверженцы последней, как и микроисторики поставили перед собой задачу создать «разновидность паутины с очень узкими ячейками», которая бы давала исследователю «изображение сетки социальных связей, в которых находится человек» (C. Ginsburg, C. Poni, «Was ist Mikrogeschichte?», *Geschichtswerkstatt*, Jg. 6, 1985, S. 50).

тельских проблем. Пойдя вслед за французским постструктуралистом Ж. Лиотаром с его концепцией «культуры многообразия», основанной на идее отсутствия всеобщей иерархии или «вертикали ценностей» (какими бы проверенными веками, культурами и конфессиями они ни были), гендеристки первыми стали настаивать на существовании не «вертикали», а «горизонтали ценностей» (у каждого — своя) и, следовательно, «горизонтали» и равнозначности исследовательских проблем, в том числе, считавшихся ранее «не очень научными» (история либидо, например), не близкими и не понятными в мужском дискурсе (дефлорация, беременность, изнасилование, менструации, климакс, роды) либо непопулярными в нем (душевные терзания, зависть, страх, боль).⁵⁰

Сторонники постструктуралистских теорий в истории заставили научное сообщество признать факт полицентричности окружающего мира, плюрализовав и субъект, и объект исторического знания. Они убедились сами и смогли убедить других в факте существования не одной (и к тому же всеобщей), а множества «историй». Вместе с дефиницией «другие истории» (*other histories*) в историческом знании стали быстро множиться новые направления, в том числе — возникла так называемая «устная история» (*oral history*), не похожая на историю «записанную» и не сводимая к ней.

Не удивительно, что при смене парадигм особое значение было придано темам, рисовавшим историю «другими глазами» — истории глазами ребенка, старика, гомосексуалиста и, конечно же, женщины. Тем более, что феминологи не уставали повторять, что восстанавливают не некую общую картину прошлого, а именно действительность, увиденную женщинами, пережитую женщинами и записанную ими.

⁵⁰ Первыми о «женскости» этих тем заговорили психологи десятилетие назад. См.: N. Belenky, B. Clinchy, M. Coldberger, J. Tarule, *Women's Way of Knowing* (New York, 1986).

8. Лингвистический поворот и проблема «женского письма»

Желание написать «другие истории», в том числе и «другую историю» мужчин, женщин, взаимоотношений полов или гомосексуалистов, вывело на авансцену исторического анализа проблему того, кем и каким образом была запечатлена эта картина прошлого. Во главу угла был поставлен вопрос о главном «инструменте» гуманитария — *языке*. Впрочем, для историка важной стороной стал не только вопрос о составителе или авторе источника, но также и об *аудитории*, для которой писался тот или иной текст.⁵¹ Подобные трансформации и стали основой для так называемого *лингвистического поворота* в общественных науках.

Его стремительная рецепция науками о прошлом привела к тому, что История неожиданно предстала не формой объективного знания, не чем-то «действительно пережитым человечеством», а способом описания, интерпретации и репрезентации тех или иных событий или явлений, то есть неким «текстом», рассказом или нарративом.⁵² Причем внимание историков оказалось обращенным не только к языку как таковому, но и деко-дировке «невыразимого», выявления символов его и системы его проявлений. Не удивительно — в свете сказанного — что в гуманитарных науках заговорили о двух *практиках* (*речевого или вербального и неречевого, невербального*) поведения или двух видах *дискурсов* (латинск. *discursus* — рассуждение). Вместе с понятием невербального дискурса в гуманитарном, в том числе историческом знании, появилось и понятие *внеязыковой* (недискурсивной) реальности. К ней были отнесены *тело, действие и власть*. Эти понятия стали решающими для современных философских концепций, в том числе феминистских и гендерист-ских.

⁵¹ M. S. Roth, «Introduction», *New Literary History*, N. 2, V. 21, 1990, pp. 239-251; B. Hey, *Women's History and Poststructuralismus. Zum Wandel der Frauen- and Geschlechtergeschichte in den USA* (Wien, 1995), S. 36.

⁵² C. Levi-Strauss, *Das wilde Denken*. Frankfurt am Main, 1989, S. 295. Подробнее о концепции леви-строссовской «истории как интерпретации» см.: H. White, *Auch Klio dichtet oder Die Fiktion des Faktischen. Studien zur Tropologie des historischen Diskurses* (Stuttgart, 1991), S. 70-73.

Чтобы тот или иной статус человека (в том числе и половой) стал очевидным, полагал М. Фуко, нужна система знаков как средств самовыражения. Она формирует практики и речевого, и неречевого поведения. Философы-феминистки продолжили эту мысль: по их мнению, система знаков и власть взаимосвязаны, а социальный дискурс — всегда «гендерно пораженный», так как создает и воспроизводит дискриминацию женщин.⁵³

Тут уже понадобилась помощь историков-гендеристов, перед которыми был поставлен вопрос: всегда ли, во всех ли случаях и во всех ли культурах система знаков (включая язык) подавляла и дискриминировала женщин или, скажем, гомосексуалистов? Ответ на этот вопрос исследователи попытались найти, обратившись к источникам личного происхождения или, как их стали именовать, его-документам (автобиографиям, письмам, литературно-художественному творчеству) и развернув на их основе «технологии раскапывания» (термин М. Фуко) социально-половой (или гендерной) аутентичности. Исключительное значение в этом контексте приобрели новые подходы к изучению биографических и автобиографических текстов: историки начали искать в них не за-текстовую реальность, а внутри-текстовую единичность видения мира и словоупотребления конкретным индивидом.

В результате этого «раскапывания» индивидуальных идентичностей философы-феминистки Элен Сиксу и Люси Иригарэ ввели понятие *женского письма* (*l'écriture féminine*) — особенностей женской саморепрезентации. «Женское письмо» было объявлено «местом, в котором женщина обретает себя» — как в настоящем, так и в прошлом. Историки-феминологи, работающие со свидетельствами утраченной реальности, подтвердили, что через язык женщина была «изгнана» из текстов, составлявшихся мужчинами. Сторонницы «гендерной истории» призвали вернуть ее обратно — опять же через язык — изучая особенности «женского письма» (более аффектированного, «нескрываемо субъективного», с обозначенным и выраженным «телесным желанием») и сравнивая его с «письмом мужским» (выражаю-

⁵³ P. Fishman, «What do Couples Talk About When They are Alone», in D. Butteroff, E.L. Epstein, *Women's Language and Style. Acron (OH)*, 1978, pp. 64-75. «Язык в такой же степени использует нас, в какой мы используем его» (R. Lakoff, *Language and Woman's Place* (N.Y. 1975), p. 3).

щим, как считают феминистки, имманентно присущее мужчине — в силу того, что оно ему «дается» обществом — право на привилегии и на выбор). *J*

Место текстологии в литературоведении и лингвистике заняла нарратология, а в науках о прошлом вместо истории общественного сознания стала разрабатываться так называемая «интеллектуальная история». Заметную роль в ее появлении сыграли французские ученые, в особенности Р. Барт.⁵⁴ Развитие «интеллектуальной истории» происходило в тесной связи с преодолением прежнего представления о необходимости поиска некой «средней оси», вокруг которой якобы вращаются — так или иначе — интересы всех индивидов.⁵⁵ Вместо этого стало изучаться многообразие способов, посредством которых индивиды и группы выражают или блокируют свои представления о том, что их окружает, создавая и преобразая «свой» мир. Очевидно, что способы эти оказались различными у людей разного пола.

Гендеристы 90-х годов призвали проанализировать подлинные мужские и женские «я», какими они запечатлевались в *ego*-документах, а не только те «я», которые отражались в действующей культуре. Эти подлинные «я» (мужские и женские идентичности), подчеркивалось ими, всегда нуждаются в сопоставлении с представлениями (выраженными в книгах, фильмах, масс-медиа и т. п.) о тех чувствах и ощущениях, которые *якобы должны* испытывать в те или иные жизненные моменты женщины или мужчины (то есть в сопоставлении с гендерными экспектациями). В связи с новым подходом к биографическим текстам, американская феминистка-философ Дж. Батлер предложила новое определение пола: *пол — это репрезентация* (то есть отображение образа жизни, который демонстрируется окружающим).⁵⁶ Легко понять, что гендерная концепция (стереотипы, нормы, идентичность) как раз и позволила историкам поставить

⁵⁴ U. Raulf, «Vom Umschreiben der Geschichte», U. Raulf, ed., *Vom Umschreiben der Geschichte* (Berlin, 1986), S. 7-16 (esp. 9).

⁵⁵ Термин «средняя ось» был введен Ф. Энгельсом. См.: Энгельс Ф. «Письмо В. Боргиусу от 25 января 1894 г.», Маркс К., Энгельс Ф. *Соч. 2-е изд.*, Т.39. М., 1956. С. 176.

⁵⁶ Подробнее см.: Ушакин С. После модерна: язык власти или власть языка // *Общественные науки и современность*. N 5, 1996.

вопрос о том, как репрезентировалась принадлежность к тому или иному полу в разные эпохи, причем репрезентировалась не только в языке, но и в недискурсивных практиках.

Помимо языка, огромным исследовательским полем для историков-феминологов является изучение скрытых за языком стратегий власти. Основы здесь опять же заложил М. Фуко с его теорией «власти говорящего». Он показал, что современная наука сделала видимыми различные типы и виды властных отношений, не сводимых к вопросу о простом участии (или неучастии) женщин в работе политических структур. «Власть — это не некий институт, не некая сила, которой кто-то был наделен, — полагал М. Фуко. — Власть — это имя, которым называют стратегическую ситуацию в данном обществе».⁵⁷ Философы-феминистки продолжили эту мысль М. Фуко, доказав, что эффективнее всего воздействие власти именно на микроуровне («вездесущей не потому, что она охватывает все, но потому, что она исходит ото всюду», в том числе от нас самих — считал М. Фуко). На микроуровне оно не замечается, не переживается нами и предстает как некое «определенное природой» господство. Исторически поведение женщин всегда контролировалось больше, чем поведение мужчин (от контроля за сексуальностью до политических и гражданских прав), поэтому история принуждения женщин (дабы они следовали тем или иным культурным нормам) предстала особой страницей истории насилия.

9. гендерная методология в науках о прошлом: перспективы 90-х годов

Теории деконструктивистов (о них говорят также как о постмодернистах, когда именуют модернизмом теории социального конструирования 70-80-х годов⁵⁸) были тем необходимым этапом, который превратил комплекс методик сопредельных наук

⁵⁷ Фуко М. Говорящий пол. Сексуальность в системе микрофизики власти // Современная философия. Харьков, 1995. Т. 1. С.157.

⁵⁸ Лиотар Ж. Ф. Заметка о смыслах «пост» // Иностранная литература. 1994. N 1. С. 56-59.

(методы гендерной экспертизы, гендерного анализа социальных явлений, гендерной психологии и лингвистики) в методологию.

Начало ее интенсивного применения в истории относится к 90-м годам и совпадает с изменением предмета исторических наук, новыми когнитивными принципами *sciences de l'homme* («наук о человеке»). Вместо «структур большой длительности» интерес ученых обратился к конкретным судьбам обычных людей на ограниченном временном отрезке; вместо историко-демографических штудий, напичканных цифрами и графиками, публикуются историко-литературные эссе, авторы которых размышляют о том, какое воздействие способен оказать индивид на ход истории. Вместо утилитарного подхода к источникам личного происхождения (из которых ранее брались лишь общезначимые факты социально-политической истории) стал практиковаться «биографический метод», где во главу угла оказалась поставлена реконструкция одной или нескольких судеб и влияние на них социально-экономических и политических катаклизмов. Изменилось и отношение к «социальному полу», гендеру: категория принадлежности к нему, наравне с принадлежностью к определенному этносу, стала одним из критериев идентификации общего. На Западе возникла и развивается действительно *гендерная история* — объединяющая историческую фе-минологию, историческую андрологию, историю гомосексуальности и историю взаимоотношений полов. В настоящее время гендерная история добивается признания и институционализации и, например, в российском историческом дискурсе.⁵⁹

Перспективы применения гендерной экспертизы социально-исторических явлений или гендерной методологии в истории весьма разнообразны, поскольку она по-новому концептуализирует привычные понятия, вписывая историю полов в историю как таковую. Она заставляет рассматривать не пол сам по себе и не взаимоотношения полов (этим уже занимаются и занимались в прошлом разные гуманитарные науки, в частности, этнология), а именно исследовать всю *множественность социальных связей*, не упуская при их рассмотрении *фактора пола* и

⁵⁹ См.: Ушакин С. А. Пол как идеологический продукт: о некоторых направлениях в российском феминизме // Человек. 1997. № 2; Пушкарева Н. Л. Гендерный подход в исторических исследованиях // Вопросы истории. №6, 1998.

гендерного взаимодействия. Например, исследование классов и социальных групп в случае применения гендерной методологии позволяет вникнуть в процессы «конструирования» гендерных различий, закрепленных идеологией, религией или ими обеими и заставить исследователя размышлять о том, как этот фактор определял «общественное пространство»,⁶⁰ в котором функционировал данный класс или социальная группа, как соотносились в системе приоритетов данного класса или группы личные и общественные ценности.⁶¹

Использование гендерной методологии в истории позволяет анализировать прошлое, тематизировать и концептуализировать его проблемы с четкой ориентацией на решение *современных задач*⁶² (скажем, о путях маргинализации, «забывания» той или иной социальной группы, о ее правах). При этом гендерная методология помогает преодолеть узость отдельных и самостоятельных «историй» (женщин, мужчин, гомосексуалистов), поскольку функция ее не комплементарная, компенсаторная или пересматривающая, а *синтезирующая*. В связи с обнаружением гендеристками «множественности полов» (мужчины; женщины; биологические мужчины, считающие себя женщинами; женщины, считающие себя мужчинами; бисексуалы, трансвеститы и т. д.) и поставленной ими задачей выявления тех, «кого не замечают», возникла проблема *анализа маргинальных социальных групп* во всех обществах, гендерного аспекта их статуса.⁶³

Объемность видения, которую дает гендеристу дихотомичность его подхода (каждое явление или событие — глазами и мужчин, и женщин) позволяет сочетать «ретроспективный» подход (то есть изучение становления «настоящего» в прошлом) со ставшим модным «перспективным» (предполагающим услов-

⁶⁰ Термин введен Хабермасом: J. Habermas, *The Structural Transformation of the Public Sphere* (Cambridge, 1989), pp. 244-245.

⁶¹ D. Wahrman, «Middle Class. Domesticity Goes Public: Gender, Class and Politics», *Journal of British Studies*, N 4, V. 32, 1993, pp.396-432; Прайс Р. Историография, нарратив и XIX век // Социальная история 1998/1999. М., 1999. С. 143.

⁶² M. Mies, «Frauenforschung oder der feministische Forschung? Die Debatte um feministische Wissenschaft und Methodologie», *Beiträge zur feministischen Theorie und Praxis*. Bd. 11, 1984. S. 40-51.

⁶³ B. Bullough, V. Bullough, eds., *Cross-Dressing, Sex and Gender* (Cambridge, 1993).

ное движение от прошлого к настоящему через анализ потенциальных возможностей, исторического выбора, считая будущее как бы неопределенным, «открытым»). Скажем, российские женщины получили избирательные права в марте 1917 года, в эпоху буржуазно-демократических преобразований, что позволяет гендерному историку очертить примерные перспективы подходов к решению «женского вопроса» Временным правительством. гендерная методология в истории позволяет соединить микроисторию («историю как мириады жизненных путей и судеб») и макроисторию, генерализовать микросюжеты и через них показать на исторических примерах «философию амбивалентности», «альтернативности» (например, такую возможность — если продолжать тему женских избирательных прав — дает изучение жизненного пути одной из ключевых фигур кадетской партии Анны Тырковой в соотнесении с судьбами других лидеров из числа конституционных демократов в России).⁶⁴

Освобождая субъекта науки от «пораженности сексизмом», гендерные историки показывают, как освобождение от подобного «налета» способствует получению более объективного знания.⁶⁵ гендерная методология в истории позволяет обнаружить *непривычное в привычном* (мужскую дискриминацию и подчинение в патриархатном обществе), позволяет понять конструирование иерархий как взаимодействие, а не однонаправленный процесс.

гендерный подход к анализу социально-исторических явлений помогает *концептуализировать индивидуальные дискурсы* и идентичности, поскольку требует постоянного учета того, к какому полу приписан тот или иной «эктор», как он сам отвечает на вопрос «кто он /а?» и какой ответ на тот же вопрос давали ее/его современники. Указанный подход позволяет тематизировать и важнейшие аспекты *коллективных идентичностей* (ведь любой класс состоял из мужчин и женщин), например, рассмотреть отношение наук к мужчинам и женщинам на длительном временном отрезке⁶⁶ и тем самым приблизиться к

⁶⁴ Юкина И. И. А. Тыркова — путь в политику // Социально-правовой статус женщины в исторической ретроспективе. Иваново, 1997. С. 65-68.

⁶⁵ L. Irigaray, «Is the Subject of the Science Sexed», *Cultural Critique*, V. 1(Fall), 1985, pp. 11-14.

⁶⁶ C. Honegger, *Die Ordnung der Geschlechter. Die Wissenschaften vom Menschen und das Weib 1750-1850* (Frankfurt-New York, 1991).

пониманию того, как «люди науки» формировали общественное мнение, а наука — отнюдь не научные стереотипы.

Рожденная благодаря исторической феминологии и теории социального конструирования гендера, гендерная методология в истории вооружает исследователя инструментами для написания *иной политической истории* и истории власти, так как заставляет видеть в них проявление маскулинного дискурса и влияний «колонизатора» по отношению к «колонируемым» (женщинам, сексуальным меньшинствам и всем сексуально-депривированным).⁶⁷ С другой стороны, подкрепленная концепциями и идеями постмодернистских философов, гендерная методология содержит такие подходы к анализу текстов по политической истории, которые позволяют видеть неакцентированные, латентные (скрытые) формы женского политического дискурса и политического поведения, попытки женщин (часто весьма удачные) вмешиваться в политику и направлять ее, даже когда формально они от нее отстранены.⁶⁸

Умение применять гендерно-чувствительные методики при анализе исторических явлений убеждает в том, что «молчаливому большинству» (женщинам — какими они были всегда в доиндустриальной истории), равно как и меньшинствам (гомосексуалистам), «было, что сказать». Оно заставляет задуматься над вопросом, *что значило быть мужчиной, женщиной, непризнаваемым бисексуалом или гомосексуалистом в разные исторические эпохи* — какие проявления и свидетельства их статуса, опыта, профессионального самовыражения, социальных «ритуалов», самосознания и самоосознания (то есть идентичностей) могут быть рассмотрены сквозь века и культуры, и было ли (есть ли?) что-либо в социальном смысле общее,

⁶⁷ Терминология 80-х гг. См.: R. Hausen, H. Nowotny, eds., *Wie mannlich ist die Wissenschaft?* (Frankfurt, 1986).

⁶⁸ Первые статьи об этом появились в начале 80-х. См.: H. W. Dewey, A. M. Kleimola, «Muted Eulogy: Women Who Inspired Men in Medieval Rus», *Russian History*, 1983, V.10, pp. 2, 188-201; к середине 90-х это уже была отдельная тема: Пушкарева Н. Л. *Частная жизнь женщины в доиндустриальной России X — начала XIX. Невеста, жена, любовница*. М., 1997.

⁶⁹ Эта задача — ответить на вопрос, было ли что-то общее, характерное для всех мужчин и всех женщин во все исторические эпохи — поставлена Дж. Батлер. См.: J. Butler, «Gender Trouble, Feminist Theory, and Psychoanalytic Discourse», L. Nicholson, ed., *Feminism / Postmodernism* (N.Y.-L., 1990), p. 324.

присущее всем мужчинам и всем женщинам, независимо от принадлежности к своему времени и своему социуму.⁶⁹

гендерная методология вводит исследователя в «новую культурную историю» — историю гендерно-обусловленной символики разговора, мыслей, размещения тела в одежде и в пространстве, заставляет скрупулезно анализировать особенности *мужского и женского «письма»* (l'écriture masculine et l'écriture féminine). Причем гендеристы нового поколения ставят задачу изучения не столько проявлений, сколько *механизмов* воспроизводства «гендерно пораженной» идеологии, исследования не только мужского «подавления» и женской «борьбы против дискриминации», но и форм признания и согласия женщин со своим якобы «природопредопределенным» статусом,⁷⁰ их подсознательной «помощи» в воспроизводстве поведенческих моделей и соответствующих структур господства.

Выше уже говорилось о лингвистическом повороте и связанных с ним возможностях анализа исторических текстов. Изучение лингвистических процессов переходных эпох, возникновение новых понятий и их меняющееся содержание — все это наиболее перспективные направления научного поиска при исследовании социально-психологических процессов. Например, одна из французских исследовательниц гендерной истории систематизировала устоявшиеся образы идеальных и антиидеальных женщин — как их видели, по преимуществу, мужчины в средневековье и раннее Новое время (С. Матью Греко, *Ангел или дьяволица?*⁷¹), показав, как много информации об обществе в целом может выявить подобная работа. Помимо назревшей задачи сопоставления *мужской и женской системы ценностей*, их непохожести (вероятно, идеал и антиидеал у женщин в отношении их самих был всегда иным, чем у мужчин), стоит обратить внимание на удачный опыт привлечения гендеристами для подобных штудий не только литературно-художественных произведений высокой значимости, но и малоинтересных истинному ценителю слова любительских и «шаблонных» текстов: именно в них зафиксированы характерные для данного времени спосо-

⁷⁰ L. Schiebinger, *The Mind Has no Sex? Women in the Origins of Modern Science* (Cambridge (Mass), 1989); G. Pomata, op. cit., p. 1020.

⁷¹ S. F. Grieco Matthews, *Ange ou diablesse?* p. 1991.

бы понимания мира, обыденные понятия, некие общие «фреймы»⁷² опыта, без которых трудно «вчувствоваться» в жизнь других, к тому же живших задолго до нас.

гендерный анализ социально-исторических явлений предполагает также исследовательскую зоркость ученого, анализирующего историю частной жизни, поскольку ориентирует на особый интерес к изучению не только некоего «общечеловеческого» (читай — мужского) опыта, но и опыта «непосредственно женского» (как это обычно именуют в социологии феминизма) — то есть *изучения страдания, деприаций, унижений*, причем не обязательно в гендерном аспекте (о том, что перечисленные понятия более связаны с женским опытом, нежели с мужским, где главенствуют победительность, успех, удача, написаны десятки работ современных психологов-феминисток).

Возникновение гендерной истории означало выделение в «отдельные производства» тем, которые ранее считались просто «историей нравов» (сексуальность, гомосексуализм). Владение гендерной методологией позволяет обнаружить «локусы» этих тем в других тематических комплексах (например, изучать особенности гомосексуального дискурса в дружбе или еретических движениях), «открыть глаза» на диссонансы истории, не вписывающиеся ни в концепции, ни в конструкты, ни в нормы — то есть по-новому взглянуть на всю историю сексуальности. Скажем, может быть поставлена как исследовательская проблема история адюльтера или история женских монастырей различных конфессий сквозь призму истории лесбийства.⁷³

Вслед за Ж. Лаканом, связавшим психоанализ с лингвистикой и возведшим желание (и связанное с ним воображение) в основной мотивационный принцип человеческой жизни, специалисты по гендерной истории призвали увидеть в «борьбе дискурсов»

⁷² Понятие «фреймы» (англ. *frame* — сооружение, рамка) введено Ирвином Гофманом. Он именует таким образом разделяемые большинством формы понимания мира.

⁷³ J. Brown, *Immodest Acts. The Life of Lesbian Nun in Renaissance Italy* (New York, 1986).

⁷⁴ L. Epstein, K. Straub, eds., *Body Guards: The Cultural Politics of Gender Ambiguity* (L.-New York, 1991); J.C. Fout, ed., *Forbidden History: The State, Society and Regulation of Sexuality in modern Europe* (Chicago-L., 1992); M. Ryan, A. Gordon, *Body Politics: Disease, Desire, and the Family* (Oxford, 1994).

мужчин и женщин бесконечное проявление и сокрытие желаний.⁷⁴ Вне сомнения, подобным образом — через «*историю интенций*» (побуждений) — может быть раскрыта практически любая тема, в том числе и по социально-экономической и, тем более, по социальной истории.

Последняя тоже, кстати сказать, очень изменилась под влиянием новейших теоретических построений постмодернистов. И гендерный аспект анализа некоторых социальных деконструкций не просто «добавил» женский пол в описание общественных процессов. Используя методики психологов и социологов, историки стали создавать совершенно иные по глубине и по характеру исследования. Многие увлеклись, как уже говорилось, микро-анализом (потому что он позволял достичь желаемой глубины скорее, чем «пилотажные» построения глобальных процессов); он же, как никакой другой, позволял не упустить из виду «маскарад» гендерных проявлений. Другие историки, все еще чувствовавшие вкус к широким схемам, изменили их основания. Так, скажем, вслед за французским социологом-деконструктивистом П. Бурдьё, введшим в науку понятие «символического капитала» (престиж, честь, доброе имя⁷⁵), историки-феминологи⁷⁶ и гендеристы⁷⁷ успешно показали, что тело и сексуальность (и мужчины, и женщины) может быть элементом указанного символического капитала, может являться «особым языком» (как на том настаивал М. Фуко). Каковы особенности «символического капитала» мужчин и женщин в одну и ту же эпоху — это тоже тема для размышлений.

Благодаря исследователям, показавшим возможности гендерного анализа «феномена признания» (в том смысле, в каком его понимал М. Фуко⁷⁸), в историческую и философскую науч-

⁷⁵ Здесь может возникнуть любопытная аллюзия, перекличка с известной строкой Б. Окуджавы — «Не покупается доброе имя, доброе имя, талант и любовь...» Все эти ценности перечислены П. Бурдьё как элементы «символического капитала». См. подробнее: Карле Я. Пьер Бурдьё и воспроизводство классового общества // Монсон П. (отв. ред.) Указ. соч. С. 378.

⁷⁶ G. Duby, M. Perrot, eds., *Histoire des femmes en Occident*. V. III. XVIe-XVIIIe siècles. Sous la dir. de N.Z. Davis et A.Farge. p. 1991.

⁷⁷ T. Laqueur, *Making Sex: Body and Gender from the Greeks to Freud* (Cambridge, 1990).

⁷⁸ М. Фуко первым обратил внимание на то, что после 1215 года (Латранский конгресс) христианин стал «человеком признающимся» — в практи-

ную литературу было введено понятие женской субъективности как «чудовища признания». По словам историков, работающих в области гендерной истории, традиционные культурные стратегии вынуждали женское тело к постоянному, явному и даже демонстративному признанию (например, на процессах ведьм)⁷⁹ и изощренному, латентному насилию через воспитание, вынуждающему «выговаривать подсознательное», все то, что наполняло содержанием женские «душу», «сознание», «я». *Анализ механизмов «признания»* и готовности говорить о себе — как они представлены в мужских и женских дискурсах — еще одна тема современных специалистов по гендерной истории, знакомых с постструктуралистскими теориями.

При смещении центра изучения эго-документов в сторону анализа влияния социальных катаклизмов на жизнь человека вновь с особой силой зазвучал вопрос о том, какова степень индивидуальной независимости человека от требований общества и обязательств перед ним и — добавляют гендеристы — насколько принадлежность к определенному полу дает большую или меньшую свободу? Эта проблема была поставлена одним из классиков историко-эмпирической социологии (и одним из отцов современной конфликтологии) Б. Муром 15 лет назад.⁸⁰ Знакомые с гендерной методологией обусловили поиск адекватного ответа на этот вопрос усложнением объекта исследования: им является у них, как правило, кто-то «униженный и оскорбленный», депривированная личность — женщина, ребенок любого пола, гомосексуалист и т. п.⁸¹ И именно изучая их «исто-

ку его повседневности была введена исповедь. Эволюция исповедных практик до автобиографических признаний, предназначенных для обнародования — особая тема его философских размышлений о «признающей субъективности». См.: Линдгрэн СО. Мишель Фуко и теория истины // Монсон П. (отв. ред.) Указ. соч. С. 345-374.

⁷⁹ L. Roper, «Withcraft and Fantasy in early Modern Germany», *History Workshop Journal*, N 32, 1991, pp. 19-43.

⁸⁰ B. Moore, *Privacy: Studies in Social and Cultural History* (New York, 1984), p. 3.

⁸¹ В этом смысле показательно блистательное исследование Н. З. Дэвис о трех бесправных женщинах, живших в раннее Новое время. Пролог к этой книге она написала в форме обращения к своим героиням. Последний абзац пролога заключается парадоксальными (на первый взгляд) словами: «Меня интересовало то, какие *преимущества* давала вам ваша маргинальность...» (N. Z. Davis, *Women on the Margins. Three Seventeenth-Century Lives* (Cambridge (Mass.) - L., 1995), p. 4.

рию», а через нее — стараясь вникнуть в их понимание «свободы» и «счастья», гендеристы ищут ответ на собственные размышления «о времени и о себе», о своем месте в мире и нужности проводимых ими исследований.

Разговор о гендерной истории и о гендерной методологии в науках о прошлом можно вести почти бесконечно — столь широки их возможности. Подчеркнем еще раз: речь идет не о реконструкции какой-то части или страницы общечеловеческого прошлого (такое понятие применимо к «рабочей истории», «городской истории», «истории детства» и т. п.), а о действительно глубоком и многостороннем видении жизни ушедших эпох. Философы, социологи и психологи «открыли» гендер, поставили вопрос о том, как гендерные «верования» исследователя преломляют его взгляд на мир, обнаружили женский опыт как особый источник знания и обнародовали гендерно-чувствительные методики, позволившие углубить научный поиск. В этом их непреходящая теоретическая ценность. Но гендерный подход в истории имеет, как о том принято говорить в постсоветском научном дискурсе, и «практическую значимость». И она не только в том, что феминистическая и гендерная тематика привлекла к научной работе массу женщин. Историки, разделяющие концепции гендерной методологии, сумели «опрокинуть» их в прошлое, показали, как женский опыт соотносился с мужским в прошлые столетия и в какой мере это взаимодействие формировало культурные стереотипы, нормы и идентичности. Полученные знания имеют непосредственное отношение к процессу социальных изменений. Они — не наука ради науки. В доказательстве историчности привычных понятий (социальная роль, социальное призвание, «природное» предназначение мужчины или женщины) заложена гигантская сила нашего индивидуального освобождения.

Гендерная проблематика в психологии

Елена Иванова

7. Гендерные исследования в психологии

1. Введение: понятие гендерных исследований в психологии

В настоящее время психология представляет собой разветвленную на различные отрасли мультипарадигмальную науку. Однако среди множества ее отраслей в постсоветской науке гендерной психологии или психологии гендера как отдельной психологической дисциплины в настоящее время все еще не существует, тем не менее, гендерная проблематика проникла в разные сферы психологического знания и все активнее занимает там свою нишу. Нельзя сказать, что сфера проникновения гендерной проблематики в психологию широка: совсем не часто можно встретить в психологической литературе, особенно отечественной, термины «гендер» или даже «пол». Уже тривиальной стала шутка о том, что «отечественная (а в особенности, советская) психология — это бесполовая психология». Основная масса экспериментальных исследований здесь сделана просто на «испытуемых», не имеющих никакого пола.

В западной же психологии существует точка зрения о том, что со времен В. Вундта и до 60-х годов 20 века психология была наукой о мужчинах, которая мужчинами и развивалась. Иллюстрацией к этому может служить такое, например, задание: предложите назвать своему коллеге-психологу или назовите сами 10 имен знаменитых психологов, известных вам из истории психологии. Назвали? Ответ в комментариях не нуждается.

Тем не менее, в настоящее время ситуация с гендерными исследованиями в психологии изменилась кардинальным образом. Прежде всего, это относится к западной психологии, в зна-

чительно меньшей степени — к отечественной. Дадим краткую характеристику основных этапов развития гендерных исследований в психологии.

Вначале они проводились в рамках изучения *индивидуальных различий*, и маскулинность-фемининность пытались измерить, как и любые другие индивидуальные различия.

Затем их пытались понять как важнейшие черты *личности*, причем семья рассматривалась как та среда, внутри которой происходит социализация мальчиков и девочек и приобретение ими их социальных ролей, основанных на сложившихся культурных стереотипах.

В 70-х годах, введя понятие андрогинии (понятие, обозначающее людей, успешно сочетающих в себе как традиционно мужские, так и традиционно женские психологические качества) и разработав соответствующий методический аппарат, С. Бем смогла эмпирически продемонстрировать, что маскулинность и фемининность являются двумя независимыми, но не противоположными конструктами.

Следующим шагом было представление о гендере как о схеме или концепте, введенном культурой и определяемом как аффективно-когнитивная структура, которая создана для упорядочивания индивидуального опыта и организации человеком своего поведения. Все больше и больше гендер стал пониматься как *социальная категория*, причем к нему стали подходить как процессу, динамической и ситуационно детерминированной характеристике, а не как к некой статичной черте или качеству. Здесь можно легко провести параллель с социологическими теориями социального конструктивизма и понятием «*doing gender*». И в настоящее время все больше психологов, занимающихся гендерной проблематикой, рассматривают гендер как категорию социальную.

В целом гендерных исследований в психологии стало значительно больше, однако распределены они неравномерно: в одних областях психологии их больше, в других — меньше. В то же время они затронули практически все основные области психологической науки: когнитивную сферу, эмоциональную, проблемы социализации, межличностных взаимодействий и социальных отношений. Рассмотрим более подробно каждую из них.

2. Пол (гендер) и мозг человека

Как уже отмечалось выше, психология начала свое движение по пути гендерных исследований с постановки проблемы индивидуальных и половых различий. Понятие гендера как социального или социокультурного пола вошло в нее значительно позже, в конце 60-х — начале 70-х годов. В русле рассмотрения половых различий одной из наиболее, как казалось, явно сформулированных проблем явилась проблема *половых различий в организации мозга*. Одни авторы убеждены в реальности существования половых различий, другие проявляют в этом вопросе определенную осторожность, что стимулирует и одних, и других к проведению тщательных клинических, электрофизиологических и других исследований и к применению разнообразных методических подходов. Так, некоторые утверждают, что лево-руких больше среди мужчин, другие — что среди женщин.

О несходствах асимметрий мозга у мужчин и женщин пишут Спрингер С. и Дейч Г. в своей монографии *Левый мозг, правый мозг*.¹ Согласно их данным, у мужчин более уязвимо доминантное полушарие мозга и чаще встречаются психические нарушения, зависящие от поражения этого полушария. Так, считается, что мужчинам более свойственен аутизм. У женщин чаще возникают поражения недоминантного полушария и соответствующие изменения психики, особенно аффективные нарушения.²

Есть данные о том, что достаточно отчетливо половые особенности выражены у детей. По-видимому, в онтогенезе у девочек быстрее развивается левое полушарие и аналитический стиль мышления, у мальчиков — правое полушарие и образное мышление.³ У мальчиков уже к 6-летнему возрасту правое полушарие специализируется в формировании пространственных представлений и воображения. Мальчики лучше, чем девочки, ори-

¹ Спрингер С., Дейч Г. Левый мозг, правый мозг. М.: «Мир», 1983.

² P. Flor-Henry, «Schizophrenic-like reactions and affective psychoses associated with temporal lobe epilepsy: etiological factors», *American Journal of Psychiatry*, 1969, 26:400-403.

³ Коновалов В.Ф., Бурковецкая Ж.Н. О функциональной асимметрии головного мозга детей 6-7 лет // Физиология человека, 1979. Т.5, №5. С. 771-775.

ентируются в пространстве. В возрасте 7—8 лет они успешнее решают наглядные, а девочки — словесные задания.⁴

Что касается взрослых, то здесь мнения разделились. Однако большинство авторов склонно признавать меньшую выраженность функциональной асимметрии мозга (ФАМ) у женщин. В исследованиях Коновалова В.Ф. и Отмаховой Н.А. показано, что специализация правого полушария у мужчин и женщин различна.⁵ Большинство работ, существующих в настоящее время и посвященных вопросу половых различий в ФАМ, свидетельствуют о том, что половые различия существуют в распределении вербальных и пространственных функций между полушариями.⁶ Есть данные о том, что женщины превосходят мужчин в тех областях, в которых прежде всего требуется знание языка, а мужчины превосходят женщин в решении задач пространственного характера.⁷

Существуют и различия между мужчинами и женщинами в восприятии вербальной информации.⁸ Они проявляются в способности правильного восприятия определенного вида информации, степени функциональной асимметрии мозга, в преобладании типа доминирования того или другого полушария.

Характер половых различий в ФАМ при восприятии вербальной информации с возрастом мало меняется — у мужчин латерализация выражена больше, чем у женщин. Однако с увеличением возраста количественное соотношение изменяется: у мужчин уменьшается, а у женщин несколько увеличивается.

⁴ Разнообразные данные относительно связи между функциональной межполушарной асимметрией и полом приведены в книге Бианки В.Л., Филиппова Е.Б. Асимметрия мозга и пол. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1997. Авторы формулируют концепцию, согласно которой мужской мозг представляется более специализированным или дифференцированным, чем женский.

⁵ Коновалов В.Ф., Отмахова Н.А. Особенности межполушарных взаимодействий при запечатлении информации // Вопросы психологии. 1984, №4. С. 96-102.

⁶ Спрингер С., Дейч Г. Левый мозг, правый мозг. М.: «Мир», 1983.

⁷ Подробное описание экспериментов и результатов по данной проблеме дано в книге E. Maccoby, and C. Jacklin, *The psychology of sex differences* (Stanford: Stanford University Press, 1974).

⁸ Морозов В.П. Экспериментальное исследование восприятия человеком вербальной и экстралингвистической информации в онтогенезе. Ленинград: «Наука», 1988.

Проанализировав большое количество работ по данной проблематике, МакГлоун делает следующий вывод: «Существует впечатляющее скопление данных, позволяющих предположить, что мозг мужчины может быть организован более асимметрично, чем мозг женщины, как по вербальным, так и по невербальным функциям. Эта тенденция редко наблюдается в детстве, но часто важна для зрелого организма».⁹

В ряде работ делаются попытки объяснения различия асимметрий у мужчин и женщин. Некоторые авторы, например, Леви,¹⁰ объясняют их через эволюционные факторы: в эволюции мужчины выполняли роль охотников и руководителей, и преимущества имели те из них, кто обладал хорошими зрительно-пространственными способностями. Женщины же, занятые прежде всего воспитанием детей, постоянно использовали речевые навыки как средство общения. Данное объяснение можно принять с большим трудом, хотя бы потому, что представляется сомнительным то, что мужчины-руководители меньше, чем женщины, использовали речевые навыки.

Есть и другая концепция дифференциации полов как «выгодной формы информационного контакта со средой», принадлежащая В.А. Геодакяну.¹¹ Согласно этой концепции, существует два альтернативных аспекта эволюции: генетический (передача информации от поколения к поколению), обеспечивающий сохранение информации, и экологический (получение информации из среды), обеспечивающий изменения. Существует и специализация полов по этим двум аспектам, которые, по мнению автора, находятся не в конкурентных, а в комплементарных отношениях. В.А. Геодакян считает, что задачу сохранения генетической информации реализует больше женский пол, а изменения — мужской. В эволюционном развитии любое изменение проходит две фазы — фазу поиска и фазу закрепления. В первой фазе при выполнении новой задачи преимущество имеют

⁹ J. McGlone, «Sex differences in human brain asymmetry: A critical survey», *Behaviour and Brain Sciences*, 1980, 3 (2): 215-263.

¹⁰ J. Levi, R.C. Gur, «Individual differences in psychoneurological organization», in Herron J., ed., *Neuropsychology of lefthandedness* (New York, 1980), pp.199-210.

¹¹ Геодакян В.А., «Теория дифференциации полов в проблемах человека» // Человек в системе наук. М.: «Наука», 1989. С. 171-189.

мужчины, во второй фазе — преимущество на стороне женщин. С помощью этой концепции В.А. Геодакян объясняет лучшие показатели женщин по вербальным тестам, а мужчин — по пространственно-зрительным.

В то же время, несмотря на огромное количество исследований по проблеме особенностей структуры и функционирования мозга у мужчин и женщин, систематизированное описание различий их индивидуальных профилей составить достаточно трудно.

3. гендерные различия в когнитивной сфере

Когнитивная сфера с точки зрения гендерных различий также является той областью психологии, которая привлекает к себе внимание исследователей. Хотя исследования познавательных способностей мужчин и женщин имеют длинную историю, эта тема не потеряла своей актуальности и сейчас. И в настоящее время она представляется гораздо более сложной, чем это было 30-40 лет назад. При ее изучении прежде всего задаются вопросом о том, существуют ли гендерные различия в познании, если да, то в каких областях, насколько ярко они выражены, зависят ли от возраста, особенностей выборки и т. п.

Ранние исследования своим предметом делали нейроанатомические различия, отличия в структуре и функционировании мозга мужчин и женщин. Это направление все еще остается довольно популярным и в настоящее время (работы по половым различиям в функциональных асимметриях мозга).

Исследования гендерных различий когнитивных способностей обычно сконцентрированы вокруг двух основных проблем: факта существования гендерных различий («где эти различия?») и их причины («почему они там?»).

Основная масса исследований так или иначе связана с поиском и описанием области, в которой существуют гендерные различия, и при разработке данного вопроса чаще всего обращаются к проблемам обучения, памяти и мышления, делая предметом изучения индивидуальные и групповые различия. В качестве методов обычно применялись количественные методы, в частности, психометрические тесты, аналогичные применяющимся для изучения интеллекта.

Можно считать установленным факт наличия гендерных различий в вербальных, пространственных и математических способностях.

Большинство исследователей, работающих в этой области, прежде всего ориентировалось на изучение различий, возникающих при выполнении задач, использующих различную информацию: вербальную, числовую или визуально-пространственную — «святая троица» при исследованиях гендерных различий в когнитивной сфере. Примеры и анализ такого типа исследований приведены в монографии Маккоби и Джеклин.¹² В них гендерные различия рассматриваются как функция вербальных, математических или зрительно-пространственных способностей, и исследователи предполагают, что эти различия зависят от содержания задачи, даже, вернее, от того, в какой форме и модальности в задаче представлена информация. Однако достоверно установленных фактов оказалось совсем немного. У женщин лучше развиты вербальные способности, у мужчин — пространственные и математические. Наименьшие различия установлены в вербальных способностях в пользу женщин, наибольшие — в пространственной переработке информации и в пользу мужчин. Однозначного ответа о математических способностях дать нельзя. Некоторые математические задачи лучше выполняют женщины определенного возраста, другие — мужчины.¹³ Была установлена и другая особенность гендерных различий в когнитивных способностях: с течением времени (в период изучаемых 20-30 последних лет) большинство из них имеет тенденцию уменьшаться. Причем, по сравнению с другими различиями, гендерные являются относительно небольшими. В конце 80-х годов была даже опубликована статья с символическим названием «Когнитивные гендерные различия исчезают».¹⁴

Однако уже в 90-е годы была предложена другая модель изучения гендерных различий, основанная не на типе задач, а на специфике тех когнитивных процессов, которые осуществляются при решении задач. То есть изучения того, какова специфика

¹² E. Maccoby, C. Jacklin, *The psychology of sex differences* (Stanford: Stanford University Press, 1974).

¹³ K. Trew and J. Kremer, eds., *Gender and Psychology* (London: Arnold, 1998).

¹⁴ A. Freingold, «Cognitive gender differences are disappearing», *American Psychologist*, 1988, 43: 95-103.

когнитивных процессов у мужчин и женщин.¹⁵ Авторы этой модели выдвинули гипотезу о том, что подход, ориентированный на изучение процесса как такового, будет более полезным для понимания гендерных различий: того, как и когда они проявляются и насколько интенсивно. Экспериментальные исследования, проведенные данными авторами, показали, что для женщин характерно более быстрое и эффективное воспроизведение (извлечение слов из памяти), для мужчин — мысленное повторение и пространственная ориентация. Оказалось также, что мужчины и женщины применяют разные стратегии при выполнении когнитивных задач. Например, при вождении машины женщины более эффективно используют вербальные разъяснения и схемы, а мужчины — визуальные. Так, согласно концепции, предложенной данными авторами, женщины лучше выполняют задания, связанные с быстрым извлечением информации из памяти, а мужчины такие, где требуется удержание мысленных представлений и манипулирование ими в уме.

Однако, даже получив эти данные, авторы оставляют открытым вопрос о том, *почему* возникают эти различия. Более того, в многочисленных исследованиях так и не получен однозначный ответ на вопрос о том, есть ли гендерные различия, например, в восприятии (или любом другом процессе, кроме проанализированных выше), и если да, то в чем их суть.

При анализе причин гендерных различий, обычно исходят либо из *биологического*, либо из *социокультурного* подхода. Представители биологического подхода исходят из природных и биологических особенностей мужчин и женщин и пытаются объяснить различия в изучаемых явлениях — в том числе и в когнитивной сфере — исходя из них. Привлекают для объяснения особенности строения и функционирования мозга или гормональные особенности (наиболее явное и очевидное различие — в физических особенностях: мужчины выше, сильнее и т. д. В связи с этим они лучше, чем женщины, выполняют соответствующие виды работ. Физические более сильные мальчики занимают более высокое статусное положение в среде сверстников, что не характерно для девочек).

¹⁵ D. Halpern, T. Wright, «A process-oriented model of cognitive sex differences», *Learning and Individual Differences*, 1996, 8, 1: 3-24.

Сторонники социокультурного подхода видят основания для формирования таких различий в особенностях социальной и культурной среды. Приведем пример одного из экспериментов по изучению воспроизведения, явно демонстрирующих этот феномен: исследования Занна и Пек показали, что женщины в присутствии весьма привлекательных мужчин с традиционными ролевыми установками выполняют задание по воспроизведению анаграмм хуже, чем в присутствии столь же привлекательных мужчин, но без явно выраженных традиционных ролевых установок.¹⁶

В то же время многие отмечают, что практически все выводы относительно гендерных различий в когнитивной сфере сделаны на основании данных, полученных среди населения высокоразвитых индустриальных государств, в основном, США. С этим нельзя не согласиться. Как отмечает МакГиннес,¹⁷ трудно переоценить важность кросс-культурных исследований в этой области, а также работ, показывающих влияние культуры, языка, этнической принадлежности, гендерных ролей и стереотипов для формирования гендерных когнитивных способностей. А. Гальперн говорит о том, что мы совсем не знаем о половых различиях в когнитивных способностях в обществах с социальной структурой, отличной от нашей.¹⁸

4. Тендер и эмоции

Уже общим местом как в научном дискурсе, так и в обыденной жизни стало утверждение о том, что женщины более эмоциональны и имеют более развитую интуицию, чем мужчины. Причем это утверждение характерно для представителей разных культур. Эмоциональность рассматривают как один из существеннейших моментов женственности, как правило, проти-

¹⁶ M. Zanna, S. Pack, «On the self-fulfilling nature of apparent sex differences in behavior», *Journal of Experimental Social Psychology*, 1975, 11: 583-591.

¹⁷ C. McGuinness, «Cognition», in K. Trew and J. Kremer, eds., *Gender and Psychology* (London, Arnold: 1998), pp. 82-94.

¹⁸ D. Halpern, *Sex differences in cognitive abilities* (Hillsdale, New Jersey: Erlbaum, 1992).

вопоставляя ее мужской рациональности. Такое противопоставление можно встретить и в работах великих философов прошедших веков, и в психологических исследованиях 20 столетия. Принято считать, что, в отличие от мужчин, женщины реже скрывают свои эмоции, чаще выражают нежные чувства, чаще плачут и чувствуют себя обиженными.¹⁹

В многочисленных тестах (или шкалах) по измерению фемининности-маскулинности, которые начали разрабатываться с 30-х годов 20 века, эмоциональность является одной из важнейших характеристик, позволяющих отделить «нормальных» женщин от «нормальных» мужчин и «нормальных» женщин от женщин маскулинных.

Были сделаны попытки объяснить достаточно явно эмпирически наблюдаемую эмоциональность женщин в рамках различных теоретических подходов и направлений. Так, в эволюционных теориях, основывающихся на работах Ч. Дарвина, принято считать, что женщины, обладающие репродуктивной функцией и находящиеся в связи с этим ближе к природе, на эволюционной лестнице находятся ниже мужчин. Это немедленно влечет за собой вывод о том, что женский мозг менее развит, чем мужской, о более спонтанных и инстинктивных реакциях женщин, об их меньшей пригодности к интеллектуальной работе.

Эти взгляды нашли свое отражение не только во фрейдовском психоанализе, в котором большую эмоциональность женщин также связывают с ее большей близостью к природе, но и в классическом бихевиоризме (Уотсон). Бихевиористы считали, что женская эмоциональность может привести к опасным последствиям, в том числе и при воспитании детей. Эти же мотивы можно найти и в некоторых современных социобиологических теориях, утверждающих, что женская репродуктивная функция является биологическим основанием эмоциональности.²⁰

К эволюционистским теориям примыкают биологические теории, объясняющие женскую эмоциональность особенностями строения и функционирования мозга или гормональными осо-

¹⁹ A. Fischer, «Emotion», in K. Trew and J. Kremer, eds., *Gender and Psychology* (London, Arnold: 1998), pp. 82-94.

²⁰ Примером одной из таких теорий может служить теория D. Kenrick and M. Trost «The evolutionary perspective», in A. Beall and R. Sternberg, eds., *The psychology of gender* (New York: Guilford Press, 1993), pp. 148-173.

бенностями. В частности, принято считать, что более высокая концентрация тестостерона у мужчин стимулирует их агрессивность, а пролактин у женщин — их большую склонность к слезам. Тем не менее, даже сами представители этих теорий полагают, что только биологическими или физиологическими факторами невозможно объяснить особенности и отличия эмоциональной сферы мужчин и женщин.

Социальные психологи, изучающие гендерные различия в эмоциональной сфере, в качестве отправного момента своих рассуждений выдвигают следующий: на эмоции оказывает влияние система убеждений в вопросах половых различий:²¹ она содержит в себе взгляды и нормы о том, как мужчины и женщины должны эмоционально реагировать в тех или иных ситуациях. Кроме того, они полагают, что нельзя, изучая гендерные различия, говорить об эмоциях вообще. Следует различать разные виды эмоций (гнев, страх, печаль, радость и др.), особенности их переживания и выражения, ситуации, вызывающие те или иные эмоции. гендерные различия могут возникать в любом из этих компонентов.

Более того, как показывают недавние эмпирические исследования (например, Броди и Холл²²), идея о высокой эмоциональности женщин и малой эмоциональности мужчин должна быть пересмотрена. Мужчины тоже могут быть (и есть!) эмоциональными, вопрос в том, какие эмоции они проявляют. Проявление таких эмоций, как гнев, пренебрежение, ненависть, выражающих позицию доминирования, не противоречат традиционной мужской роли. В то же время предполагается, что женщины, будучи эмоционально сензитивными, будут сохранять гармоничные отношения с другими людьми.

Эти гендерные ожидания и эмоциональные нормы прививаются уже в раннем возрасте в процессе социализации. По данным Фивуша,²³ родители гораздо чаще и говорят об эмоциях с дочерьми, и проявляют в общении с ними гораздо более широ-

²¹ K. Deaux, B. Major, «Putting gender into context», *Psychological Review*, 1987, 94: 369-389.

²² L. Brody, J. Hall, «Gender and emotion», in M. Lewis and J. Haviland, eds., *Handbook of emotions* (New York: Guilford Press, 1993), pp.447-461.

²³ R. Fivush, «Exploring sex differences in the emotional content of mother-child conversations about the past», *Sex roles*, 1989, 20: 675-691.

кий круг эмоций, чем с сыновьями. Это может служить свидетельством того, что девочки с раннего возраста приучаются говорить об эмоциях больше, чем мальчики, и что есть некое различие в содержании этих разговоров: девочки больше говорят об эмоциях, выражающих слабость, мальчики — об эмоциях, выражающих силу. Игры в группах сверстников одного пола эти различия углубляют. У мальчиков и девочек различные стили игры, и они демонстрируют различные модели межгруппового взаимодействия. Мальчики играют в больших группах с выраженной иерархией и стремлением к соревнованию, в то время как девочки играют в меньшем и более тесном окружении, стремясь к взаимодействию и согласию.²⁴ Эти отличия в стиле взаимодействия, естественно, влияют и на эмоциональные навыки, развивающиеся у мальчиков и девочек на протяжении их детства и юности. Так, у мужчин развиваются эмоции гнева и раздражительности, у женщин — радости, сострадания, разочарования, эмпатии.

Как и у мужчин, на эмоции женщин влияют традиционные гендерные роли, предписывающие женщинам уязвимость, ранимость, низкий статус и отсутствие власти. Самые большие отличия наблюдаются в переживании эмоций печали, страха и депрессии, которые гораздо чаще и интенсивнее переживают женщины. По сравнению с мужчинами, женщины также чаще испытывают чувства вины и стыда.

Гендерные различия в выражении эмоций являются более ярко выраженными, чем различия в самих эмоциях, переживаемых мужчинами и женщинами. Женщины более экспрессивны, у них более открытое выражение лица, они больше улыбаются, больше жестикулируют и т. п. Эти различия обычно объясняют на основании гендерно-специфических норм и ожиданий. Традиционная женская роль в целом позволяет открытое выражение эмоций, в том числе и эмоций, выражающих беспомощность (страх, печаль и т. п.). Мужская — наоборот: мужчины очень неохотно показывают свою уязвимость, беспомощность и зависимость от других.

Плач может считаться максимальным выражением беспомощности. Женщины не только плачут чаще, чем мужчины, когда

24 Е. Мaccoby, «Gender and relationships», *American Psychologist*, 1990, 45: 513-520.

они сердиты или разочарованы, но и когда они печальны, боятся или взволнованы. Мужчина может заплакать только в очень серьезной и специфической ситуации, женщина — гораздо более часто и в самые разные моменты жизни.

В соответствии со своей ролью, женщины чаще испытывают и выражают эмоции, выражающие беспомощность и уязвимость, поддерживающие социальную сплоченность; мужчины, в соответствии со своей гендерной ролью, — эмоции, повышающие их статус, уверенность в себе и доминантность.

Таким образом, хотя мужчины и женщины могут испытывать и одинаковые эмоции, различие между этими эмоциями все же существует. И оно может быть найдено по линии различия между их ожидаемыми гендерными ролями.

Есть еще одна сфера, тесно соприкасающаяся с эмоциональной, одним из аспектов которой являются гендерные различия — это агрессия. В психологии этот сложный феномен относят не только сфере эмоций, но, по большей части, к поведению человека. Обычно агрессию определяют как физическое или вербальное поведение, направленное на причинение кому-либо вреда или боли.²⁵ Полезным будет и использование существующего различия двух типов агрессии: враждебной и инструментальной. Враждебная агрессия проистекает из злобы, ее единственная цель — причинить вред. В случае инструментальной агрессии причинение вреда не есть самоцель, но средство достижения какой-либо иной цели. Однако как бы мы не квалифицировали это явление, то, что в нем присутствует и эмоциональный момент, видимо, сомнений не вызывает.

И житейские наблюдения, и данные психологических исследований показывают, что различия между мужчиной и женщиной как потенциальными субъектами и объектами агрессивного поведения существуют. Принято считать, что мужчины более агрессивны, чем женщины, и более склонны в своем поведении прибегать к агрессии, особенно физической.²⁶ Также, при прочих равных условиях, мужчины чаще женщин выступают в

²⁵ Сходные определения даны у обоих авторов: Майерс Д. Социальная психология. СПб.: «Питер», 1997. С. 485 и Аронсон Э. Общественное животное. Введение в социальную психологию. М.: «Аспект-Пресс», 1998. С. 258.

²⁶ Очень подробный анализ разных подходов к проблеме агрессии, в том числе и данных относительно гендерных различий, дан в книге Бэрн Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб.: «Питер», 1997.

качестве объекта агрессии. Однако женщины значительно чаще становятся жертвами сексуального и супружеского насилия и агрессии.

Данные, полученные в целом ряде исследований, действительно позволяют сделать вывод о том, что мужчины более склонны прибегать к открытой физической агрессии. Гендерные различия в агрессии наиболее заметны в физических формах агрессии, а также в ситуациях, когда к агрессии вынуждены обратиться, в отличие от ситуаций, когда к ней прибегают без всякого принуждения. Более того, склонность мужчин демонстрировать более высокие уровни агрессии более очевидна после сильной провокации, чем при ее отсутствии.²⁷

Одним из важных факторов, установленных в исследованиях по агрессии, является и тот, что после агрессивных действий женщины больше переживают чувство вины и тревогу.²⁸ По данным Кэмпбелла и др., по-разному мужчины и женщины представляют и функцию агрессии. Женщины рассматривают агрессию как средство выражения гнева и снятия стресса, т. е. как экспрессию. Мужчины — как инструмент, модель поведения, к которой прибегают для получения социального и материального вознаграждения. Кроме того, мужчины более склонны прибегать к прямым формам агрессии, женщины — к косвенным. Так, мужчины, как правило, более склонны к агрессивному поведению, чем женщины. Однако различия сильно колеблются и зависят от формы агрессии, ситуации и других факторов.

Для объяснения установленных гендерных различий в агрессии, как и в других случаях, используют чаще всего две модели — *биологическую* и *социокультурную*. Согласно первой модели, считается, что гендерные различия в агрессии обусловлены генетическими факторами, и в ее рамках объяснение строится следующим образом: для мужчин характерен более высокий уровень физической агрессии, потому что в прошлом подобное поведение давало им возможность передавать свои гены следующему поколению. Результатом такого естественного отбора, связанного с воспроизводством, явилось то, что нынешние муж-

²⁷ Там же. С. 221.

²⁸ A. Eagly, V. Steffen, «Gender and aggressive behavior: a meta-analytic review of the social psychological literature», *Psychological Bulletin*, 1986, 100: 309-330.

чины более склонны к физической агрессии и демонстрации механизмов, связанных с подобным поведением. Некоторые авторы²⁹ косвенным подтверждением данного заключения считают тот факт, что женщины, в отличие от мужчин, считают склонность к доминированию у своего возможного супруга весьма привлекательной чертой. Они полагают, что эти данные свидетельствуют о том, что напористое или агрессивное поведение может действительно помогать мужчинам передавать свои гены последующему поколению.

Другая модель объясняет агрессивное поведение с точки зрения социальных и культурных факторов. Есть много разных вариантов этого объяснения, но, пожалуй, самым обоснованным в настоящий момент выглядит теория интерпретации социальной роли, предложенная Игли и Вудом.³⁰ Согласно этой теории, гендерные различия в агрессии порождаются, главным образом, противоположностью гендерных ролей, т. е. представлениями о том, каким должно быть поведение представителей разных полов в данной культуре. В большинстве культур считается, что мужчины в гораздо более широком диапазоне ситуаций должны вести себя более агрессивно, чем женщины; от них ожидается демонстрация силы, уверенности в себе, независимости. Женщины, по сравнению с мужчинами, считаются более общественными созданиями, и для них должны быть характерны дружелюбие, беспокойство о других, эмоциональная экспрессивность. Тем не менее, всегда следует учитывать, что в реальной конкретной ситуации на агрессивность, ее возникновение, проявления, интенсивность и т. д. в значительной степени влияют индивидуальные особенности людей: черты их личности, их установки, стереотипы, склонности и др.

Таким образом, на основании имеющихся эмпирических и теоретических данных можно сделать следующие выводы. Мужчины демонстрируют более высокий уровень физической агрессии, выраженной в физических действиях. Для женщин более характерны различные проявления косвенной агрессии. Мужчины чаще становятся объектами физического нападения,

²⁹ Например, Sadalla, Kenrick and Vershure, 1987, цитируется по: Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб.: «Питер», 1997. С. 223.

³⁰ Там же. С. 223.

в то время как женщины чаще становятся жертвами сексуальных домогательств. На формирование этих (и целого ряда других) различий, о которых шла речь в данном параграфе, в значительной мере оказывает влияние представление о гендерных ролях, сложившееся в той или иной культуре.

5. гендерные роли

Первым представителем ролевой теории с полным правом может считаться Шекспир, написавший:

Весь мир — театр,
В нем женщины, мужчины — все актеры.
У них свои есть выходы, уходы;
И каждый не одну играет роль.

В настоящее время не существует единой теории гендерных ролей как таковой. гендерные роли, их характеристики, происхождение и развитие рассматриваются в рамках различных социологических, психологических и биосоциальных теорий.³¹

В социальной психологии роль определяется как набор норм, определяющих, как должны вести себя люди в данной социальной позиции. Одним из видов социальных ролей являются гендерные роли — набор ожидаемых образцов поведения (или норм) для мужчин и женщин.

Маргарет Мид в своей книге *Пол и темперамент*?³² нанесла сокрушительный удар по убеждению о том, что мужчины и женщины «от природы» созданы для определенных ролей. Ее наблюдения над жизнью трех племен в Новой Гвинее разбили ее первоначальное убеждение о существовании коренных врожденных различий между полами, предопределяющих роли каждого пола. В каждом из исследованных ею племен мужчины и

³¹ Примером биосоциального подхода в психологии может быть книга: Кочарян А.С. Личность и половая роль. Харьков: Основа, 1996, в которой маскулинность и фемининность рассматриваются как симптомокомплексы и анализируется их функционирование и развитие в норме и патологии.

³² M. Mead, *Sex and temperament in three primitive societies* (New York: Morrow, 1935).

женщины исполняли совершенно различные роли, иногда прямо противоположные общепринятым стереотипам, считающимся «естественными» для каждого пола.

Одна из идей, декларируемых движением феминизма начала 70-х годов, состояла в том, что традиционные гендерные роли сдерживают личностное развитие и реализацию имеющегося потенциала. Эта либеральная гуманистическая философия послужила толчком для разработки концепции Сандры Бем,³³ в основе которой лежит понятие андрогинии, согласно которому любой человек, независимо от биологического пола, может обладать как чертами маскулинности, так и фемининности, соединять в себе как традиционно мужские, так и традиционно женские качества. Это позволяет людям менее жестко придерживаться полоролевых норм и свободно переходить от традиционно женских занятий к традиционно мужским.

С. Бем был специально разработан опросник для определения уровня маскулинности и фемининности, понимаемых как независимые измерения личности. Согласно ее тесту, по этим параметрам мужчин и женщин можно разделить на четыре группы, приведенные в таблице.³⁴

Таблица 1

Типы	Выраженность маскулинности	Выраженность фемининности
Маскулинный	Высокая	Низкая
Фемининный	Низкая	Высокая
Андрогинный	Высокая	Высокая
Недифференцированный	Низкая	Низкая

³³ S. Bern, «The measurement of psychological androgyny», *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 1974, 42: 165-172.

³⁴ Таблица приведена по книге Клециной И.С. Тендерная социализация. СПб.: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 1998. С. 17.

К первой группе относятся маскулинные индивиды с выраженными традиционно мужскими качествами (честолюбие, решительность и т. д.). Ко второй группе относятся фемининные индивиды с выраженными традиционно женскими качествами (мягкость, эмоциональность и др.). Третью группу составляют андрогины — люди, сочетающие в себе и традиционно женские, и традиционно мужские черты. Четвертую группу составляют люди, не имеющие ни черт выраженной маскулинности, ни фе-мининности.

В ее работах также было показано, что не только мужчина, но и женщина могут быть маскулинными, и не только женщина может быть фемининной, но и мужчина, сохраняя при этом психологическое благополучие и адаптированность к разным ситуациям.

Эта идея была развита дальше, и Плек в своих работах начал говорить о расщепленности, или фрагментарности, гендерных ролей.³⁵ Нет единой роли мужчины или женщины. Каждый человек выполняет целый ряд разнообразных ролей (например, жены, матери, студентки, дочери, подруги и т. д.). Иногда эти роли могут не совмещаться, что ведет к ролевому конфликту. Конфликт между ролью деловой женщины (независимой, честолюбивой, трудолюбивой) и ролью матери (воспитывающей, легко доступной для общения, заботливой) всем хорошо известен. Традиционно психологи объясняли ролевой конфликт низкой самооценкой. Сейчас имеются данные о том, что выполнение многих ролей способствует психологическому благополучию человека.

Многообразие гендерных ролей в различных культурах и в разные эпохи свидетельствует в пользу гипотезы о том, что наши гендерные роли формируются культурой. Представители разных культур придерживаются разных точек зрения о том, кто должен выполнять домашнюю работу, каково должно быть отношение к карьере, своей и мужа (жены), каким быть распределению власти в семье и т. д. Так, согласно теории Хофстеда, различия в гендерных ролях зависят от степени гендерной дифференциации в культурах или степени маскулинности или фемининнос-

³⁵ J. Pleck, «The theory of male sex role identity: its rise and fall from 1936 to the present», in Brod H., ed., *The making of masculinities: the new men's studies* (Boston: Allen & Unwin, 1987), pp. 21-38.

ти той или иной культуры. По Хофстеду, высокая степень маскулинности, или выраженности «мужского начала», означает высокую ценность в данной культуре материальных вещей, власти и представительности. Культуры, в которых главной ценностью является сам человек, его воспитание, считаются фемининными, или основанными на «женском начале». На основании проведенных кросс-культурных исследований Хофстед показал, что, по сравнению с людьми из фемининных культур, люди маскулинных культур имеют более высокую мотивацию достижения, смысл жизни видят в работе и способны много и напряженно работать.³⁶

В исследовании, проведенном в Японии и США, изучались факторы «независимости» и «покорности» в гендерных ролях. Использовался метод многофакторного шкалирования, и испытуемым предлагалось определить степень близости 20 понятий к понятиям «мужчина» и «женщина». Результаты исследования показали, что американцы ценят независимость больше покорности и в мужчинах, и в женщинах. Японцы ценят независимость больше покорности только у мужчин.³⁷ Как пишет Н. Лебедева, в ряде кросс-культурных исследований установлено, что фемининные культуры с низкой дистанцией власти (Дания, Финляндия, Норвегия и Швеция) имеют личностно-ориентированные семьи, в то время как культуры с высокой дистанцией власти и с ярко выраженной маскулинностью (Греция, Япония, Мексика) имеют семьи, ориентированные на жесткие гендерные ролевые позиции. Личностно-ориентированные семьи способствуют усвоению равенства в гендерных ролях, а позиционно-ориентированные семьи, которые построены иерархично, в которых отец — авторитарная фигура и в которых власть распределяется неравномерно, в конечном счете, способствуют жесткой дифференциации в гендерных ролях.

гендерные роли зависят не только от культуры, но и от исторической эпохи. И.С. Кон отмечает следующее: «Если рассматривать этот вопрос исторически, нельзя не заметить, что традиционная система дифференциации половых ролей и связан-

³⁶ G. Hofstede, *Culture's consequences: international differences In work-related values* (Beverly Hills, 1984).

³⁷ Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М.: «Ключ», 1999. С. 141-142.

ных с ними стереотипов маскулинности-фемининности отличалась следующими характерными чертами: 1) мужские и женские виды деятельности и личные качества отличались очень резко и казались полярными; 2) эти различия освящались религией или ссылками на природу и представлялись ненарушимыми; 3) мужские и женские функции были не просто взаимодополнительными, но и иерархическими — женщине отводилась зависимая, подчиненная роль, так что даже идеальный образ женщины конструировался с точки зрения мужских интересов».³⁸

Сейчас ситуация изменилась достаточно радикальным образом, и это изменение можно видеть практически во всех культурах. По данным Астина и др. (цит. по Майерсу) в 1967 году 57% американских первокурсников согласились с тем, что занятия замужней женщины лучше ограничить домом и семьей; в 1994 году с этим согласились лишь 25%. В период между 1965 и 1985 годами американские женщины последовательно проводили все меньше времени за домашней работой, а мужчины — все больше, так что доля домашней работы, выполняемой мужчинами, выросла с 15% до 35% (данные Робинсон, 1988). Однако влияние культуры все равно остается существенным. В Японии муж в среднем уделяет домашним делам около 4 часов в неделю, а в Швеции занимается ими до 18 часов в неделю. Определенные сдвиги в направлении изменения содержания гендерных ролей происходят и в постсоветском пространстве, но, к сожалению, не так быстро, как хотелось бы.

Таким образом, имеющиеся исследования по проблеме гендерных ролей позволяют сделать вывод о том, что на их формирование и развитие у человека оказывают влияние общество и культура, закрепленные в них представления о содержании и специфике гендерных ролей. В ходе исторического развития общества содержание гендерных ролей подвергается изменениям.

³⁸ Кон И.С. Психология половых различий // Вопросы психологии. 1981, №2. С. 53.

6. гендерная идентификация

Психология начинала разработку этого вопроса с проблем половой идентичности — осознанной принадлежности человека к определенному полу. Как пишет И.С. Кон, это «результат сложного биосоциального процесса, соединяющего онтогенез, половую социализацию и развитие самосознания».³⁹ Половая идентичность строится как на образе тела, так и на поведенческих и характерологических особенностях. И.С. Клецина считает, что половая принадлежность — это первая категория, в которой ребенок осмысливает свое собственное «я»,⁴⁰ и первичная половая идентичность складывается обычно уже к полутора годам, но по мере развития и взросления содержание идентичности меняется. Существует несколько теорий, объясняющих феномен половой и гендерной идентичности.

Одной из первых таких теорий стал психоанализ, в рамках которого объяснение носило биологический характер: «анатомия — это судьба», по выражению Фрейда. Развитие личности понималось им как психосексуальное развитие прежде всего, а процесс идентификации объяснялся с помощью понятий «Эдипова комплекса» и «комплекса Электры» и уподобления отцу или матери, соответственно. У мальчиков и девочек очень рано развиваются черты, типичные для одного или другого пола, которые закрепляются у них по мере их взросления. Критика этого подхода представлена в работах даже представителей классического психоанализа, не говоря уже о более поздних его направлениях. Если же рассматривать психоаналитические подходы с точки зрения гендерных исследований,⁴¹ то их главной слабостью «является утверждение биологической детерминации психологических различий между мужчинами и женщинами».⁴²

³⁹ Кон И.С. Психология половых различий. С. 47-48.

⁴⁰ Клецина И.С. гендерная социализация. СПб.: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 1998. С. 7.

⁴¹ Анализ проблем пола в психоанализе Фрейда, Юнга, Хорни приведен в главе, написанной Баблюном З., Булавиной Т. гендерная проблематика в психологии // Теория и история феминизма / Под ред. Жеребкиной И.А. Харьков: «Ф-Пресс», 1996. С. 224-260.

^a Клецина И.С. гендерная социализация. С. 10.

Второй группой теорий идентификации являются теории социального научения, восходящие к идеям бихевиоризма. В их основу положены основные его понятия, такие как научение, положительное и отрицательное подкрепление, модели родительского поведения.

В основу теории половой типизации положено понятие подкрепления. Родители и окружающие поощряют (положительно подкрепляют) мальчиков и девочек, когда они ведут себя согласно образцам традиционного гендерного поведения, и осуждают (дают отрицательное подкрепление), когда они используют модели поведения, свойственные противоположному полу. Мальчиков и хвалят, и ругают чаще, чем девочек. Родители больше обеспокоены, если их сыновья ведут себя, как «маменькины сынки», чем когда их дочери ведут себя, как сорванцы. В то время как родители склонны осуждать несамостоятельность мальчиков, они позволяют девочкам быть зависимыми и даже поощряют это. В результате мальчики усваивают принцип, что следует рассчитывать на свои собственные достижения, чтобы обрести самоуважение, в то время как самоуважение девочек зависит от того, как к ним относятся другие.⁴³ Теорию половой типизации, как пишет И.С. Кон, упрекают в механистичности, ребенок выступает в ней скорее как объект, чем как субъект социализации. Кроме того, с этих позиций трудно объяснить всю вариативность поведения мальчиков и девочек.

Теория когнитивного развития объясняет появление представлений у детей об их половых ролях активным структурированием ребенком собственного опыта, когнитивной информации, получаемой ребенком, и пониманием своей половой принадлежности. Вначале ребенок усваивает свою половую идентичность, определяя себя в качестве мальчика или девочки. А организуют получаемую информацию когнитивные структуры сознания ребенка, полоролевые стереотипы, функционирующие как схемы, посредством которых организуется и структурируется соответствующая информация.

Один из создателей этой теории Л. Колберг назвал этот процесс самосоциализацией.⁴⁴ Он полагал, что дети сами подго-

⁴³ J. Bardwick and E. Douvan, «Ambivalence: The socialization of **women**», in J. Bardwick, ed., *Readings on the psychology of women* (New York: Harper & Row, 1972).

⁴⁴ L. Kohlberg, «A cognitive development analysis of children's sex-role concepts and attitudes», in E. Maccoby, ed., *The development of sex differences* (Stanford: Stanford University Press, 1966), pp. 82-173.

тавливают себя к жизни в обществе на основе вербального и невербального социального взаимодействия. Дети воспроизводят разные образцы поведения, а критерием для их закрепления служат ответные реакции сверстников. Оказываясь в разных жизненных ситуациях, они начинают осознавать, что актуализация тех или иных образцов вызывает одобрение или осуждение окружающих. В некоторых случаях этот процесс отражает стандарты родителей, однако самосоциализация имеет и свою самобытность, чем объясняется тот факт, что половая идентичность детей не всегда соответствует ожиданиям или желаниям родителей.

В этой теории сделана попытка синтезировать как идею имитации поведения, так и подкрепления. В ней полагается, что представления ребенка о соответствующем его полу поведении зависят как от его собственных наблюдений за поведением мужчин и женщин, которые служат для него образцами, так и от одобрения или неодобрения его поступков окружающими.

Очевидно, что рассмотренные теории не противоречат друг другу, акцентируя разные моменты формирования половой идентификации.

Однако, в 70-е годы на Западе складывается так называемая *новая психология пола*, которая во главу угла ставит *социальные факторы*, поскольку ее представители считают, что основное значение в формировании гендера (как психологического и социального пола) имеют социальные, а не биологические детерминанты.

Возникновению «новой психологии пола», как пишет И.С. Клецина,⁴⁵ способствовали три фундаментальных исследования, выводы которых опровергают основные положения традиционных теорий.

1) Работы Е. Маккоби и К. Джеклин, посвященные анализу психологии половых различий;

2) Исследования Дж. Мани и А. Эрхарда, продемонстрировавших могущество эффекта социализации;

3) Концепция андрогинии С. Бем, показавшая несостоятельность противопоставления маскулинности и фемининности, существующего в традиционной психологии.

⁴⁵ Клецина И.С. Гендерная социализация. С. 15.

Опираясь на данные этих исследований, Дж. Стоккард и М. Джонсон выдвинули утверждение о том, что главным является не биологический пол, а психологический и социальный (или *ген-дер*), формирующийся в ходе жизни человека и на формирование которого влияют социальные ожидания общества и особенности его культуры.⁴⁶ Аналогичной точки зрения придерживается и Рода Ангер, полагающая, что схему гендерной идентификации задают социальные требования и социальные взаимодействия.⁴⁷

Таким образом, *первый тезис* теории пола состоит в том, что становление пола у детей происходит на основе существующих в культуре социальных стереотипов.

Второй тезис говорит о том, что дети используют пол как принцип познания мира не из-за свойств, присущих полу как таковому, а потому, что культура всеми способами настаивает на том, что пол является наиболее важной категорией в социальной жизни человечества. С самого раннего детства детей учат, что дихотомия между мужчинами и женщинами есть и должна быть основной фактически в любой области человеческого бытия.

7. гендерные стереотипы, предрассудки, установки

Под стереотипом в психологии понимают упрощенное, схематизированное, зачастую искаженное или даже ложное, характерное для сферы обыденного сознания представление о каком-либо социальном объекте (человеке, группе людей, социальной общности и т. п.). Впервые термин «социальный стереотип» ввел У. Липпман. Он определял социальные стереотипы как картинки мира в голове человека, которые экономят его усилия при восприятии сложных социальных объектов и защищают его ценности, позиции и права. Иногда под стереотипами понимают устойчивые, регулярно повторяющиеся формы поведения.⁴⁸

⁴⁶ J. Stockard, M. Johnson, *Sex roles* (New York, 1980).

⁴⁷ R. Unger, «Imperfect reflection of reality: Psychology constructs gender», *Making a difference: Psychology and the construction of gender* (New Haven: Yale University Press, 1990).

⁴⁸ Байбури А.К. Некоторые вопросы этнографического изучения поведения// Этнические стереотипы поведения. Ленинград, 1985. С. 3.

Стереотипы имеют несколько функций: когнитивную, заключающуюся в упорядочении информации; аффективную, противопоставляющую «своего» и «чужого»; социальную, разграничивающую внутригрупповые и внегрупповые явления.⁴⁹ Эти функции ведут к образованию структур, на которые люди ориентируются в обыденной жизни.

Существует огромное множество самых разных стереотипов, в том числе и интересующие нас гендерные стереотипы — культурно и социально обусловленные представления о качествах и нормах поведения мужчин и женщин. Мы полностью разделяем точку зрения А.В. Кирилиной,⁵⁰ согласно которой гендерные стереотипы правомерно рассматривать с двух позиций: в мужском и женском самосознании, с одной стороны, и в коллективном общественном сознании — с другой.

Американские психологи, занимавшиеся изучением гендерных стереотипов, сделали два важных вывода. Первый из них заключается в том, что гендерные стереотипы сильнее расовых. Второй вывод относительно гендерных стереотипов состоит в том, что существуют сильные гендерные стереотипы, и члены группы, в отношении которых эти стереотипы действуют, принимают эти стереотипы.

В исследовании Кэй До и Тима Эмсвейлера это убедительно продемонстрировано. Их эксперимент заключался в следующем. Студентов и студенток познакомили с весьма успешными результатами, которых добился их коллега (мужчина или женщина) при выполнении сложного задания. После этого испытуемых просили высказать собственное мнение о том, что, с их точки зрения, послужило причиной успеха. Оказалось, что и студенты, и студентки приписывали достижения мужчины почти исключительно его способностям, в то время как на успехи женщины, по оценкам обеих групп, больше повлияла удача.⁵¹

⁴⁹ Кубрякова Е.С., ред. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996. С. 177.

⁵⁰ Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. М.: Издательство Института социологии РАН, 1999. С. 97.

⁵¹ K. Deaux, T. Emsweller, «Explanations of successful performance on sex-linked tasks: What is skill for male is luck for the female», *Journal of Personality and Social Psychology*, 1974, 29: 80-85.

Можно назвать и множество других стереотипов такого рода. Так, например, стереотипное представление о мужчине как лидере, о большей доминантности мужчин и конформности женщин в равной степени характерны и для мужчин, и для женщин.

Вот как можно представить стереотипные описания характерных мужских и женских черт, полученные в исследовании американских студентов, проведенном в конце 70-х годов.⁵²

Таблица 2. Характерные мужские и женские черты

Характерные черты мужчины	Характерные черты женщины
Сильный, склонен к занятиям спортом	Слабая, не склонна к занятиям спортом
Меньше беспокоится о своей внешности и почти не боится старости	Беспокоится о своей внешности и боится старости
Выполняет роль кормильца семьи	Проявляет привязанность к семье
Имеет опыт сексуальной жизни	Добродетельна
Неэмоционален, стоек	Эмоциональна, нежна
Логичен, рационален, объективен, обладает развитым интеллектом	Легкомысленна, непоследовательна, обладает тонкой интуицией
Стремится к власти и лидерству	Уступчива, услужлива
Независим, свободен	Зависима, в большой мере нуждается в защите
Активен	Пассивна
Стремится к успеху, честолюбив	Робкая, застенчивая

⁵² Таблица приведена по книге: Смелзер Н. Социология. М.: «Феникс», 1994. С. 342.

В настоящее время отмечается тенденция к ослаблению подобных стереотипов. И психологические исследования показали, что не существует «чисто» мужской или женской личности; и все больше проникает и в научное, и в обыденное сознание идея о том, что стереотипы не являются чем-то природным, а *создаются обществом*. Женское движение и феминистская идеология в значительной мере поколебали многие гендерные стереотипы.

Пытаясь ответить на вопрос о возникновении и формировании стереотипов, Э. Игли выдвинула предположение о том, что установившиеся различия мужских и женских социальных ролей являются причиной формирования гендерных стереотипов.⁵³

Как отмечает Н.М. Лебедева, существует значительная согласованность гендерных стереотипов во многих культурах. Мужчины воспринимаются как агрессивные, авторитарные, дерзкие, доминирующие, изобретательные, сильные, независимые, грубые, умные; женщины — как эмоциональные, мечтательные, чувствительные, покорные и суеверные. Проведенное кросс-культурное исследование в 14 культурах показало довольно большие различия в гендерной идеологии общества. В странах с высоким социально-экономическим развитием — это равенство, в более традиционных культурах (особенно в мусульманских странах — Индия, Пакистан, Нигерия) обосновывается желательность гендерных различий. Интересен в этом плане пример Японии — высокоразвитой страны, однако с традиционной гендерной идеологией. Как показало данное исследование, гендерная идеология в достаточной степени отличается у разных поколений: старшее поколение придерживается идеологии неравенства, более молодые — равенства, но специфического типа. Так, двести лет назад японские женщины не отвечали за воспитание детей, и большинство семейных решений принималось мужчинами. Сейчас забота о детях — главная работа японской женщины, которая образована настолько, что может обучать своих детей от школы до университета. В опросе японских мальчиков о том, сколько времени они проводят с отцами, они в три раза чаще, чем их американские сверстники, ответили «несколько». ЭКен-

⁵³ A. Eagly, *Sex differences in social behavior: A social role interpretation* (Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum, 1987).

щин в Японии работа часто не привлекает потому, что это сфера жизни мужчины, и женщина может там играть только вспомогательную роль. Кроме того, в Японии нередки случаи смертей в результате слишком усердной работы, и многие японские женщины предпочитают быть «образованными мамами», хотя на их плечах еще лежит и вся домашняя работа. С другой стороны, в настоящее время 85% выпускниц университетов хотели бы после окончания иметь работу.⁵⁴

На основании различных данных, полученных в исследованиях социальных стереотипов, Г. Тэджфел⁵⁵ сделал ряд выводов, которые, с нашей точки зрения, могут быть с полным основанием отнесены и к гендерным стереотипам также. Люди с легкостью проявляют готовность характеризовать обширные человеческие группы недифференцированными, грубыми и пристрастными признаками. Такие стереотипы имеют тенденцию оставаться стабильными в течение длительного периода времени. Социальные (и гендерные в том числе) стереотипы могут изменяться в зависимости от социальных, экономических или политических изменений, но этот процесс происходит достаточно медленно. Стереотипы усваиваются очень рано, и используются детьми задолго до возникновения собственных мнений о тех группах, к которым они относятся.

Предрассудки — это установки, препятствующие адекватному восприятию сообщения, группы людей или действия. Как правило, человек не осознает или не хочет осознавать, что он предубежден, и рассматривает свое отношение к объекту предубеждения как следствие объективной и самостоятельной оценки каких-то фактов. Предрассудки складываются на основе искаженной или неполной информации.

Приведем пример, иллюстрирующий предрассудок в гендерной сфере. В эксперименте Ф. Голдберга девушек-студенток просили познакомиться с научными статьями и оценить их с точки зрения профессионализма, компетентности, стиля и т. п. Некоторые студентки получили статьи, подписанные авто рами-

⁵⁴ Пример взят из книги Лебедевой Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М.: «Ключ», 1999. С. 39-40.

⁵⁵ H. Tajfel, «Social stereotypes and social groups», in J. Turner and Y. Giles, eds., *Intergroup behaviour* (Oxford: Blackwell; Chicago: University of Chicago Press, 1981), pp. 144-167.

женщинами, другие — те же статьи, но подписанные авторами-мужчинами. Оказалось, что студентки значительно выше оценивают статьи, подписанные мужчинами, чем женщинами. Т. е. предрассудки в отношении представителей собственной гендерной группы привели к низкой интеллектуальной оценке труда других женщин.

Предрассудки могут очень мощно влиять и на результаты деятельности. Целый ряд исследований убедительно продемонстрировал, что люди, попадающие в ряды меньшинства или назначенные на низкостатусные позиции, в действительности начинали отставать в выполнении заданий, требующих неких навыков и концентрации внимания. Они также показали, что существующие в обществе предрассудки и установки относительно женщин приучают и их самих оценивать себя как существ, стоящих интеллектуально ниже мужчин.

Одним из наиболее болезненных предрассудков или мифов относительно женщин является следующий: «если ее изнасиловали, значит, она должна была сама дать повод». В некоторых предрассудках, направленных против женщин, мы сами не отдаем себе отчета, и они являются примером, говоря словами Дэрил и Сандры Бем, неосознанной идеологии. В настоящее время, с одной стороны, многие предрассудки относительно женщин ослабевают, с другой, — появляются новые, например, относительно феминисток.

Говоря об источниках предрассудков, прежде всего называют неравный статус: предрассудки помогают оправдывать экономическое и социальное превосходство тех, у кого в руках богатство и власть. Предрассудки и дискриминация находятся в отношениях взаимной поддержки: дискриминация поддерживает предрассудок, а предрассудок узаконивает дискриминацию. Есть множество примеров, как с помощью предрассудков рационализируется неравный статус, в том числе и гендерный.

Существует взаимосвязь и между религией и предрассудками, однако она отнюдь не однозначна. Как сказал Гордон Ол-порт, написавший одну из первых психологических книг, посвященных предрассудкам, ставшую классической *Природа предрассудка*: «Роль религии парадоксальна. Она создает предрассудки и уничтожает предрассудки».⁵⁶ Хотя предрассудки порож-

⁵⁶ G. Allport, *The nature of prejudice* (Garden City: Doubleday Anchor, 1958), p. 413.

даются социальными условиями, эмоциональные факторы могут придавать им особую интенсивность и напряженность. Предвззудки могут подпитываться агрессией и фрустрацией, некоторыми личностными качествами (авторитарностью и потребностью в статусе). Когнитивные процессы также оказывают определенное влияние на предвззудки. В частности, определенный ход мысли заставляет нас обнаруживать доказательства в поддержку стереотипов и предвззудков, а память «запоминает» то, что им соответствует, и «забывает» им противоречащее.

Таким образом, гендерные стереотипы очень сильны и принимаются даже теми группами, относительно которых они созданы. Существующие стереотипные представления о женственности и мужественности достаточно близки в разных культурах. Стереотипы имеют тенденцию рано усваиваться и изменяются они с большим трудом.

Существует множество предвззудков относительно женщин, которые могут ухудшать, и в реальности часто ухудшают, результаты их деятельности.

8. Феминистская психология

Понятие феминистской психологии только начало складываться. Сандра Хардинг, занимающаяся философией науки, сделала следующую классификацию феминистских подходов к изучению гендера:⁵⁷

- Подход с точки зрения позиции феминизма. Предполагается, что женщины существенно отличны от мужчин и должны изучаться отдельно, сами по себе.

Феминистский эмпирический подход. Утверждается, что женщины могут существенно отличаться от мужчин, а могут и не отличаться, но только точные измерения могут показать, в чем их сходство и в чем отличия.

- Феминистский конструктивистский подход. Доказывается, что фемининные черты конструируются и являются изменчивыми, поэтому попытки их как-либо измерить ведут к заблуждениям.

⁵⁷ S. Harding, *The science question in feminism* (Ithaca, New York: Cornell University Press, 1986).

Существующие в настоящее время гендерные исследования в психологии могут быть с большей или меньшей степенью строгости отнесены к одному из этих подходов.⁵⁸ Психологические исследования, проведенные с позиций феминизма, показывают роль женщин-психологов в развитии психологии:⁵⁹ она состоит в том, что напоминает и акцентирует, что психология женщин и женский опыт — это как раз половина человеческого опыта. Они занимались изучением психологии и опыта именно женщин, преследуя и определенные политические цели по изменению патриархатной психологии и гендерного неравенства в обществе.

Феминистский эмпирический подход (примером может служить работа Маккоби и Джэклин⁶⁰) более ориентирован на установление гендерных различий, а также на демонстрацию того факта, что существует не так уж много статистически или социально значимых различий между способностями и качествами личности женщин и мужчин. Однако этот подход подвергался критике со стороны представителей феминизма в связи с тем, что в его рамках используются традиционные психологические теории, методы и способы анализа, не учитывающие специфики изучаемого объекта — а именно специфический женский опыт.

Представители конструктивистского подхода (например, Харе-Мастин и Маресек⁶¹) придерживались точки зрения о том, что гендерные различия скорее конструируются, а не просто измеряются и описываются. Многие феминистские психологи, например, У. Холлвэй,⁶² отходят от исследований гендера как продукта или результата, но изучают процессы, посредством которых он конструируется и в результате которых возникает. Ак-

⁵⁸ Достаточно подробный их анализ приведен в работе С. Percy, «Feminism», *Gender and Psychology* (London: Arnold, 1998), pp. 27-40.

⁵⁹ Примером могут служить следующие исследования: Н. Lips, *Sex and gender: an introduction* (Mountainview, CA: Mayfield Publishing Company, 1993); J. Hyde, *Half the human experience* (Lexington, MA: D.C. Heath & Company, 1996); M. Matlin, *The psychology of women* (Fort Worth, TX: Harcourt Brace, 1996).

⁶⁰ E. Maccoby and C. Jacklin, *The psychology of sex differences* (Stanford: Stanford University Press, 1974).

⁶¹ R.T. Hare-Mustin and J. Marecek, eds., *Making a difference: psychology and the construction of gender* (New Haven: Yale University Press, 1990).

⁶² W. Hollway, «Beyond sex differences: a project for feminist psychology». *Feminism and Psychology*, 1994, 4, 4: 5538-5546.

цент на изучении таких процессов обусловил и методы их исследования — качественные, и в первую очередь, анализ дискурса, изучение языка как средства конструирования реальности вообще и гендера в частности. В качестве примера можно привести имена Мэри Кроуфорд в США и Маргарет Вэзерол в Великобритании. Безусловно сильная сторона данного подхода состоит в его междисциплинарных связях с политическими науками, культурологией, социологией, литературоведением и в попытках создать на данной основе изменяющуюся и социально ориентированную психологию.

В 90-е годы фокус исследований гендерной психологии несколько сместился: основной интерес стали вызывать работы, направленные на изучение различий среди самих женщин и внутри категории женского опыта. Появились исследования, показывающие различия не только в сфере женской гетеросексуальности, но и женской гомосексуальности (например, Дж. Китсингер,⁶³ С. Уилкинсон⁶⁴); изучающие женщин с различной расовой и этнической принадлежностью (К. Бхавнани и др.⁶⁵), здоровых и инвалидов (например, Дж. Моррис⁶⁶), психически здоровых и больных (Дж. Ашер⁶⁷) и т. д.

Еще одно направление, начавшее развиваться в рамках гендерной психологии, — изучение мужчин и маскулинности; концептуальные и методические наработки, уже полученные в феминистски ориентированной психологии, переносятся и на изучение мужчин.⁶⁸ Мужские исследования возникли не как некий ответ на женские исследования, а в результате осознания сложности и неоднородности самой категории «мужчина». Как

⁶³ J. Kitzinger, «Sexual violence and compulsory heterosexuality», *Feminism and Psychology*, 1992, 2: 399-418.

⁶⁴ S. Wilkinson and C. Kitzinger, eds., *Heterosexuality: a feminism and psychology reader* (London: Sage, 1993).

⁶⁵ K.K. Bhavnani and A. Phoenix, eds., *Shifting identities, shifting racism: a feminism and psychology reader* (London: Sage, 1994).

⁶⁶ J. Morris, ed., *Encounters with strangers: feminism and disability* (London: The Women's Press, 1996).

⁶⁷ J. Ussher, *Women's madness: misogyny or mental illness?* (London: Harvester Wheatsheaf, 1991).

⁶⁸ N. Edley and M. Wetherell, *Men in perspective: practice, power and identity* (London: Harvester Wheatsheaf, 1995).

отмечают Е. Гапова и А. Усманова, помещая одну из работ по данной проблематике⁶⁹ в *Антологию гендерной теории*, первые работы по маскулинности были в основном сосредоточены не на белых мужчинах среднего класса, а на маргинальных типах маскулинности, связанных с расовой или этнической принадлежностью или сексуальной ориентацией.⁷⁰ Мужские исследования включают в себя изучение проблем маскулинности, мужской идентификации, мужского тела, гомосексуальности и др. Такие исследования проводятся не только за рубежом, но начали проводиться и в отечественной науке (см. работы И.С. Кона,⁷¹ А. Синельникова⁷² и др.).

9. Заключение: значение гендерных исследований в психологии

Таким образом, на основании приведенных выше данных можно сделать следующие выводы.

1. гендерные исследования стали неотъемлемой частью психологической науки. гендерная проблематика стала вычлаться в разных областях психологии — при изучении когнитивной и эмоциональной сфер, межличностных взаимодействий, идентификации и социализации, а также механизмов, на основе которых строятся социальные отношения.

2. Методологические основания гендерных исследований, с определенной долей условности, могут быть разделены на две группы. К одной из них примыкают все так называемые позитивистские — биологически или социобиологически ориентированные теории, делающие акцент на биологической детерминанте

⁶⁹ Месснер М. Маскулинность и профессиональный спорт // *Антология гендерной теории* / Сост. Гапова Е., Усманова А. Минск: Пропилей, 2000. С. 218-235.

⁷⁰ Гапова Е., Усманова А. Предисловие // *Антология гендерной теории* / Сост. Гапова Е., Усманова А. Минск: Пропилей, 2000. С. 7-11.

⁷¹ Кон И.С. Мужское тело как эротический объект // *Гендерные исследования*. 1999, №3. С. 297-317.

⁷² Синельников А. Паника. Террор. Кризис. Анатомия маскулинности // *Гендерные исследования*. 1998, №1. С. 211-227.

и чаще использующих термин «пол». Другую группу составляют альтернативные, феминистские — социально и культурно ориентированные теории, использующие термин «гендер», понимаемый как социальный и психологический пол, и считающие социум и культуру источником его формирования.

3. Теории, входящие в указанные группы, используют в своих исследованиях и различные методы. В первой из этих групп в основном используются количественные методы — психометрические и тестовые; во второй — качественные: изучение случая (*case study*), анализ нарратива, анализ дискурса и другие.

4. Появилась особая отрасль психологии — феминистская психология. Предметом своего изучения она сделала женщин как таковых, те сходства и различия, которые могут быть выявлены на основании исследования разных групп женщин (разных рас и культур, разной степени соматического и психического здоровья, разной сексуальной ориентации и т. д.). В качестве одной из главных задач феминистской психологии была названа задача изменения патриархатных гендерных стереотипов и положения женщин в обществе.

5. Все указанные проблемы, направления, отрасли исследования, методология и конкретные методики, имеющие по преимуществу западное происхождение, требуют адекватной адаптации к отечественной психологии и системе ее преподавания в высшей школе.

2. Феминизм и психоанализ

1. Феминизм и психоанализ: проблема взаимоотношения

История взаимоотношения феминизма и психоанализа достаточно неоднозначна. С одной стороны, феминистская теория использует методологию психоанализа, с другой стороны, исходные идеологические установки классического психоанализа были подвергнуты решительной критике со стороны феминистских психоаналитиков.

Значимость психоанализа для феминизма в его обоих известных формах — фрейдовской и лакановской — состоит в том, что психоаналитический дискурс, так же, как и феминистский, представляет собой вызов классическим концепциям унифицированного и саморепрезентирующегося субъекта традиционной философской рациональности. Обе психоаналитические концепции дают возможности для культурного обоснования феномена *гендерно-сконструированной* субъективности — разделенной по параметрам «женского» или «мужского» в условиях патриархатной культуры — которое имеет огромное значение для дальнейшего развития теории и практики феминизма. Кроме того, психоанализ, так же, как и теория феминизма, проблематизирует вопросы о структурах психического, структурах желания, природе языка и репрезентации, о сексуальности и субъективности — всех тех феноменах современного теоретизирования, которые являются наиболее актуальными для феминистских теоретических концепций 20-го века. В то же время основное отличие феминистского психоанализа от классического состоит в том, что он ставит задачу анализа не просто гендерно-маркированной субъективности, а понимания природы именно женской субъективности и репрезентаций женского в социуме — с тем, чтобы понять, как гендерные стереотипы «мужского» и

«женского» влияют на социальные и культурные нормы гендерного неравенства в современной культуре.

2. Фрейдовская теория гендера

Заслуга Фрейда, по мнению феминистских исследовательниц, состоит в том, что вместо абстрактного субъекта классической философии он исследует специфику гендерных отношений, помещенных в конкретную психологическую реальность — реальность семьи: «женщина» и «мужчина» живут не среди абстракций, как это предполагалось в классической философии, они живут с отцом, матерью, братьями, мужьями, женами, сестрами и т. п. Поэтому классический психоанализ изучает психологические контексты именно этого круга отношений — то есть гендерные отношения в семье. В то же время место женщины в семье рассматривалось Фрейдом как зависимое и вторичное, за что он и подвергся позже феминистской критике.

С другой стороны, правомерно утверждать, что именно Фрейд ввел в современную культуру *феномен женского* как один из центральных феноменов, который традиционно был смещен на ее периферию. Женское у Фрейда ассоциируется с бессознательным, при этом основная заслуга Фрейда, в отличие от других ученых, в конце 19-го века занимающихся проблемой бессознательного, состоит в том, что его структуру он обозначил как гетерогенную, множественную и прерывистую, соотношение образов и структурных компонентов которой лишено последовательности, но именно эти качества бессознательного позволяют приблизиться к пониманию феномена женского в культуре.

В первый период творчества (1890-1920 годы) Фрейд пытается определить особенности гендерного различия в структуре детской идентичности, используя языковую технику свободных ассоциаций, а также анализ фантазий, влечений и языковых ошибок. Он устанавливает, что гендерные различия не являются данными от рождения, а формируются только на стадии так называемого «комплекса Эдипа» — когда полиморфная сексуальность ребенка стягивается в какой-либо один (мужской или женский) тип идентификации. Обретение одного типа идентификации всегда связано, по мнению Фрейда, с *подавлением* дру-

гих характеристик в изначальной полиморфной идентичности ребенка.

Женскую субъективность в этот период деятельности Фрейд определяет через референцию к Эдипову комплексу. Здесь используется очень простая схема детской сексуальности: ребенок испытывает влечение к родителю противоположного пола (комплекс Эдипа), что верно в отношении и мальчиков, и девочек («случай Маленького Ганса» в работе *Анализ фобии пятилетнего мальчика*, 1909¹ и «случай Доры» в работе *Фрагмент анализа истерии (История болезни Доры)*, 1905²). Тех же взглядов ортодоксального психоанализа в отношении женской психологии придерживаются такие известные ученицы Фрейда как Мария Бонапарт и Элен Дейч. Например, Дейч в классической работе *Психология женщины* (1925) определяет женскую психологическую норму через понятия зависимости и жертвенности, считая символом женской судьбы судьбу Йокасты, матери Эдипа, в Эдиповом комплексе. На уровне социального функционирования женщина должна, по мнению Дейч, приспосабливаться к традиционным социальным ролям, чтобы обеспечить себе «нормальную» психологическую идентичность.

В работе *Три очерка по теории сексуальности* (1905)³ понятие гендерной симметрии было впервые Фрейдом нарушено. Легитимируя феномен перверсии в структуре сексуальности, Фрейд отказывается от критерия «нормальное»/«ненормальное» в ее структуре, что позволяет отказаться от критерия оценки в анализе гендерных параметров идентичности. Кроме того, именно в этой работе у Фрейда можно проследить признание им тех *доэдипальных* фаз желания, которые впоследствии стали основными константами в психоаналитических концепциях *женского желания* в феминистском психоанализе.

Во второй период творчества (1920-1940 годы) Фрейд определяет женскую идентичность через понятие «бисексуальнос-

¹ Фрейд З. Анализ фобии пятилетнего мальчика // Психология бессознательного. М.: Просвещение, 1989. С. 39-121.

² Фрейд З. Фрагмент анализа истерии (История болезни Доры) // Избранное. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. С. 177-336.

³ Фрейд З. Три очерка по теории сексуальности // Психология бессознательного. М.: Просвещение, 1989. С. 123-199.

ти» как принципиальной двойственности в структуре желания, пытаюсь одновременно, по словам Сары Кофман, зафиксировать сложность и гетерогенность структуры женского, но в то же время редуцировать ее к бинарным терминам бисексуальности.⁴ В этот период он формулирует также известную идею о комплексе кастрации, объясняя им гендерную дифференциацию: девочка в этом определении — кастрированный мальчик, у которой этот комплекс проявляется через зависть к пенису. В то же время особенность фрейдовской трактовки комплекса кастрации состоит в том, что, по его мнению, определяющими в формировании пола человека являются не анатомические особенности девочек и мальчиков, но внутреннее и необъективируемое состояние страха, являющееся константным для природы человеческого субъекта — независимо от его половой принадлежности. Другими словами, понятие кастрации у Фрейда наделено амбивалентным значением в контексте маркировки гендерной идентичности человека: с одной стороны, оно сводит гендерное различие к анатомическому, с другой — проблематизирует его, уравнивая женскую и мужскую субъективность по отношению к сфере *символической угрозы* (кастрации). Позже данные теоретические выводы позволили феминистским теоретикам 70-х годов 20-го века сделать собственные выводы о том, что половая идентичность индивида (мужская или женская) определяется не биологическими, а социальными детерминантами.

Отход в теории психоанализа от трактовки гендерной идентичности в терминах фрейдова кастрационного комплекса связан с концепциями женского бессознательного и сексуальности Эрнста Джонса, который утверждал, что женская сексуальность не определяется механически через кастрационный комплекс, а формируется на уровне отношения ребенок/мать, где центральной фигурой отношений является мать и где отсутствует опосредование данной двойственной структуры третьим членом — функцией Отца. Оказывается, что отнюдь не фрейдовский Отец является объектом женского желания; более того, объектом женского желания, как позже определяет Лакан, никогда не является конкретный объект (пенис, например), а скорее то, что

⁴ Sarah Kofman, *The Enigma of Woman: Woman in Freud's Writings* (Ithaca: Cornell University Press, 1985), p. 16.

Лакан определяет как «потерянный», то есть символический объект. Поэтому позже структуру женской субъективности и желания феминистские авторы определяют как неопределимую через строгую гендерную идентификацию фрейдовского типа. Основная цель данной методологической переформулировки в отношении понятия женского у феминистских авторов — показать его сложность и независимость от структуры мужской идентичности.

3. Феминистская критика Фрейда

Феминистские теоретики критическим образом оценили основные выводы психоанализа. Кейт Миллетт в знаменитой книге *Сексуальная политика* (1970)⁵ подвергает критическому осмыслению биологические и анатомические детерминанты в психоаналитической концепции фемининности: психическое нельзя сводить к биологическому, объясняя производство женского его биологической дефектностью, как это делает Фрейд. По мнению Миллетт, наиболее прогрессивными в психоаналитической теории Фрейда являются концепция языка и концепция бессознательного, которые дают наиболее перспективное объяснение феномену женского в культуре. Однако в то же время женскую субъективность, по мнению Кейт Миллетт, нельзя определять как зависимую и формирующуюся исключительно через структуру Другого — отца, врача, аналитика и т. п. Задача феминистской философии, по мнению Миллетт, заключается в доказательстве женской самодостаточности, а также в самодостаточности женского желания.

Критика Фрейда с позиции феминистской методологии была осуществлена также в работе Суламифь Файерстоун *Диалектика пола: Условие для феминистской революции* (1970),⁶ в которой автор пыталась показать, каким образом подавление женщин в культуре обосновывалось идеологически с помощью фрейдовской концепции анатомического детерминизма. Файер-

⁵ Kate Millett, *Sexual Politics* (New York: Avon Books, 1970).

⁶ Shulamith Firestone, *The Dialectic of Sex: The Case for Feminist Revolution* (New York: William Morrow, 1970).

стоун доказывает, что вторичное место женщины в культуре оказалось во многом оправдано именно фрейдовским тезисом об универсальных психосексуальных структурах, где структура женского принципиально отличается от структуры мужского, являясь «неполноценной» копией последней, ассоциируясь исключительно с пассивностью, мазохизмом и нарциссизмом. Почему структура женского такова, спрашивает Суламифь Файер-стоун, почему в обществе укоренено именно такое отношение к феномену женского? Не является ли причиной подобного положения дел социальный, а не психосексуальный порядок реальности, который является производным от социального, а не наоборот, как полагал Фрейд?.. Другими словами, Файерстоун доказывает, что патриархатную трактовку женского в современной культуре вызывают не биологические или символические, а социальные детерминанты реальности. Более того, структура женской субъективности вовсе не является застывшей и неизменной реальностью пассивности (например, нарциссизмом), а трансформируется в зависимости от общественных социальных трансформаций.

Бэтти Фридан, автор знаменитой книги *Загадка женственности* (1963)⁷ также считает, что проблема женской дефектности и вторичности кроется не в женской личности как таковой, а в структуре патриархатной семьи. Именно в семье, по мнению Фридан, наиболее интенсивно осуществляется контроль как над женским телом, производящей и репродуктивной функциями женского организма, так и над женской психикой. Например, традиционная идеология семьи заставляет женщину выполнять свою репродуктивную функцию, в то время как реальное социальное положение часто не позволяет ее осуществить; в результате женщина оказывается в амбивалентном состоянии «двойного стандарта», то есть неспособной выполнить ни один из его канонов.

Критика Фрейда осуществлялась и в другом направлении: не с точки зрения критики традиционного положения женщины в семье, а с точки зрения критерия доэдипального отношения мать/ребенок. Основная заслуга в разработке структуры этих отношений принадлежит немецкой исследовательнице Мелани

⁷ Фридан Б. Загадка женственности. М., 1994.

Кляйн.⁸ Ее психоаналитическая критика Фрейда направлена против Эдипова комплекса, включающего известный треугольник мать-отец-ребенок, и против концепции зависимости женской субъективности от структуры Другого. Кляйн считает, что для понимания особенностей человеческой психики надо исследовать доэдипальный период в развитии человека, а именно

— первичную идентификацию ребенка не с отцом, а с матерью. Особенно важными, по мнению Кляйн, являются отношения мать/дочь. Именно их особенность, считает Кляйн, помогает понять, почему в структуре семьи женская роль формируется через амбивалентность и потерю идентификации. Функция женщины в семье традиционно сводится к заботе о доме и детях при отсутствующем отце. Поэтому с самого начала девочка ориентируется на зависимый (материнский) тип идентификации, а мальчик

— на активный (отцовский). Более того, в таком типе идентификации преобладают чувственные аффекты, соответствующие личным, а не социальным порядкам реальности. Однако это не значит, что женский тип личности следует маркировать исключительно в негативных терминах: просто к нему неприменимы маскулинистские оценки. Напротив, доэдипальное отношение мать/дочь — это гармоничное интересубъективное отношение, позволяющее реализоваться женским субъективностям матери и дочери всесторонним образом. В данном контексте теория Мелани Кляйн послужила отправной точкой для развития по-стлакановского феминистского психоанализа.

4. «Жак Лакан: феминистское введение»

1) Теория субъективности: символическое в формировании гендерной идентичности

Жак Лакан (1901-1981) — известный французский психоаналитик, оказал огромное влияние на развитие современных концепций теории феминизма. В 1975 году из его текстов, посвященных женской субъективности, была собрана и позже переведена на английский язык коллекция, получившая название *Женская сексуальность: Жак Лакан и Ecole Freudienne*, являю-

⁸ Melanie Klein, *Envy and Gratitude* (London: Tavistock, 1957).

щаяся одним из основных источников для постлакановского феминистского психоанализа.⁹ В то же время многие феминистские авторы используют лакановский психоаналитический аппарат для построения собственных теоретических концепций, но занимают по отношению к нему критическую позицию, развивая внутреннюю содержательную критику его антифеминистской, на их взгляд, позиции.

Основное направление теории Лакана развивалось в русле критики фрейдовской модели субъективности, поставив под вопрос саму идею структуры и принципы структурного анализа в психоанализе. Лакан отказался от фрейдовских био-детерминистских концепций субъективности, обратив внимание на: а) лингвистические аспекты структуры бессознательного; б) показатели воображаемого в структуре субъективности. Соответственно индивид для него — это не анатомический субъект Фрейда, а «говорящий субъект», проживающий жизнь на *символическом* уровне функционирования языка, социальных процессов и институтов.

В результате Лакан пересматривает фрейдовскую теорию маскулинного и фемининного. Как известно, маленький ребенок не имеет гендерного «я»: он находится в симбиотическом, неразрывном отношении с матерью. Решающий момент для появления структуры «я» как гендерной структуры — стадия, которую Лакан обозначает как *стадию зеркала*: только когда ребенок видит свое отражение в зеркале, он начинает мыслить себя в качестве отдельного от матери существа.¹⁰ Принципиальным тезисом для Лакана является тезис о том, что, понимая себя как «я», ребенок одновременно понимает свое «я» как отчужденное, то есть как «другое». Таким образом, «друговость», по мнению Лакана — это то, что неизбежно находится внутри нас, а структура субъективности, включающая «друговость», не имеет и не может иметь стабильной «я-идентичности». Стадия зеркала позволяет Лакану сделать вывод о *двойственной* структуре субъекта («я» и «не-я», мужское и женское одновременно);

⁹ Juliet Mitchell and Jacqueline Rose, eds., *Feminine Sexuality: Jacques Lacan and the Ecole Freudienne* (New York and London: Pantheon Books, 1982).

¹⁰ Лакан Жак. Стадия зеркала и ее роль в формировании функции я // Инстанция буквы, или судьба разума после Фрейда. М.: Логос, 1997. С. 7-14.

при этом определяющей структурой гендерной идентификации является символическая конструкция *фантазии*, не имеющая отношения к классической структуре познания. В таком случае, делает вывод Лакан, параметры фемининного и маскулинного в структуре субъективности могут изменяться, меняться местами или варьироваться независимо от анатомических характеристик, а маскулинность и фемининность — не что иное, как символические параметры субъективности, возникающие на стадии ее символической идентификации.

Основным механизмом, который не позволяет провести окончательную гендерную дихотомию в структуре идентичности, является механизм *желания* как основной мотивационный принцип человеческой жизни.¹¹ Пример действия механизма желания Лакан заимствует у Фрейда, придавая ему новую интерпретацию. Этот пример — детская игра Fort-Da. Ребенок бросает игрушку на пол и плачет, ожидая, что придет мать и поднимет игрушку. Он до бесконечности может проделывать эту операцию, вызывая к себе исчезающую фигуру матери, которая символизирует собой недостижимый «объект желания». Парадокс желания, утверждает Лакан, состоит в том, что оно возникает не в отношении конкретного объекта реальности, а в отношении символического, «потерянного» объекта, каковым для ребенка является вышедшая из комнаты мать. Объект желания у Лакана — всегда не реальный, а символический объект. Поэтому он никогда не достижим и его невозможно присвоить, однако именно ему принадлежит решающая роль в гендерных отношениях мужчины и женщины. «Потерянный» объект Лакан также обозначает термином «Другой»: именно к нему направлен язык субъекта и его сексуальность.

На символический порядок реальности указывает также лакановская трактовка фрейдовского Эдипова комплекса. Если у Фрейда Эдипов отец выступает в роли реального, биологического отца, то у Лакана он замещается символом — *Именем* отца. В символическом смысле интерпретируется также фрейдовское понятие фаллоса. Фаллос в интерпретации Лакана — это не

¹¹Лакан Жак. Ниспровержение субъекта и диалектика желания в бессознательном у Фрейда
// Инстанция буквы, или судьба разума после Фрейда. М.: Логос, 1997. С. 148-183.

физический орган, а атрибут власти, недоступной во всей своей полноте ни мужчинам, ни женщинам, ибо лакановский фаллос — это символическое замещение желания и нехватки.¹² Пенис превращается в фаллос тогда, когда прекращает выполнять анатомическую функцию и начинает играть символическую роль означающего на уровне желания — объекта бессознательной фантазии. При этом фаллос является означающим, по отношению к которому определяется как мужская, так и женская идентичность.

Итак, сексуальность Лакан также рассматривает как символический феномен — как трансцендентальное означающее, символизируемое в понятии фаллоса. Сексуальная дифференциация есть не что иное, как цепь гендерных символических различий, в которой пол определяется через место, занятое в этой бесконечной цепи символического означивания, а не как биологический пол. Символом желания у Лакана, как уже было отмечено, является фаллос как основное означающее в культуре; и только относительно фаллоса определяется феномен гендерно маркированной субъективности.

2) Женская субъективность как сексуальность

Именно внутри гетерогенной структуры символического Лакан ставит вопрос о женской сексуальности, спецификой которой является тот факт, что женщина способна найти свое означаемое только в каком-то Другом: ее имя — это всегда имя ее символического Отца, символического фаллоса, без имени которого она оказывается неназванной, отсутствующей, неспособной найти свою идентичность. Отсюда знаменитое лакановское «женщина не существует». В то же время одновременно Лакан развивает амбивалентную схему, по которой женщина может не только зависеть от Другого, но и занимать его место, будучи объектом мужской фантазии, ибо сама фантазия как феномен возможна только через константу женского. Однако и в этом случае определяемая через фантазматическое место, женщина, по словам Лакана, также не существует, проблематизируя тем самым феномен женского в культуре.

¹² Jacques Lacan, «The Meaning of the Phallus», *Feminine Sexuality...*, pp. 74-85.

Поскольку сексуальность определяется на символическом уровне, то именно в этой топологии Лакан определяет женскую сексуальность через понятие «маскарада». Операция маскарада как постоянной смены идентификационных позиций осуществляется женщиной по отношению к мужскому знаку. Лакан подробно рассматривает эту процедуру в работе *Значение фаллоса*, где фаллос трактуется как трансцендентальное означающее. Маскарадное тело женщины по отношению к мужскому фаллосу как знаку — это тело желания, при этом понятие маскарада не закрепляется исключительно за женским полом: оно универсально по отношению к обоим полам как одна и та же — «женская» — позиция желания в отношении к трансцендентальному означающему. Лакан по этому поводу перефразирует знаменитое выражение Фрейда «анатомия — это судьба»: анатомия — это не судьба, а только различные фигуры символического маскарада идентификаций.

В то же время в статье «Бог и женская *jouissance*. Любовное письмо»¹³ Лакан выдвигает тезис о том, что женское наслаждение/*jouissance* может быть связана не с фаллосом (Другим или Богом), но находится «по ту сторону фаллоса». Другими словами, Лакан, в отличие от Фрейда, признает существование женской сексуальности не только в терминах мужской или как дополнение к мужской, но как автономную нефаллическую сексуальность: женское *jouissance* (наслаждение) является знаком ее сопротивления Другому, но в то же время неартикулируема и непознаваема в традиционных терминах. Поэтому кроме того, что она не-фаллическая, о женской сексуальности, считает Лакан, ничего не может быть сказано. Лакан приводит свой знаменитый, подвергшийся позже феминистской критике пример статуи Святой Терезы скульптора Бернини, которая, на его взгляд, наглядно демонстрирует главный лакановский тезис о женской сексуальности — «чувствую, но не понимаю»: женщина не может знать и не может понять, что такое ее субъективность, она способна, как Святая Тереза, только интенсивно переживать собственную сексуальность. И в этом смысле Лакан также повторяет свой знаменитый тезис, что «женщина не существует».

¹³ Jacques Lacan, «God and the Jouissance of The Woman. A Love Letter», *Feminine Sexuality...*, pp. 137-148.

Таким образом, сущность женщины, по мнению Лакана, может быть только функцией *предела*, по ту сторону которого невозможно традиционное знание: при попытке понять женскую субъективность мужчина наталкивается только на собственные фантазии и фантазматические представления, утверждает Лакан. Итак, Лакан, с одной стороны, проблематизирует традиционную/патриархатную топологию мужского и женского в культуре, однако, с другой стороны, его главным выводом является вывод о невозможности традиционного дискурсивного знания о структуре женской субъективности: основной стратегией в отношении женского признается стратегия переживания *вместо* знания.

5. Постлакановский феминистский психоанализ: основные концепции и направления

1) Значение теории Лакана для феминистского психоанализа

Теория Жака Лакана оказала огромное влияние на развитие феминистского психоанализа, в частности, на развитие концепции желания как основной структуры женской субъективности в постлакановском психоанализе. Элизабет Гросс в книге *Жак Лакан. Феминистское введение* (1990) формулирует основные выводы о влиянии Лакана на феминистскую теорию:¹⁴

1. Критика Лаканом картезианского *cogito* и универсального субъекта, а также проблематизация субъекта как естественного образования. Вместо традиционных представлений о субъективности он предложил теорию социо-лингвистического генезиса субъективности, которая рассматривает маскулинную и фемининную субъективность как социальный и исторический эффект и функцию, а не как эффект и функцию биологически предданного и детерминированного.

2. Лакан способствовал легитимации дискурса сексуальности внутри современного академического дискурса. Кроме того, Лакан вообще поставил проблему сексуальности в центр всех моделей социального и психического функционирования. Быть

¹⁴ Elizabeth Grosz, *Jacques Lacan. A Feminist Introduction...*, pp. 188-192.

субъектом, по Лакану, значит занимать сексуализированную позицию, идентифицируясь с теми атрибутами, которые социально предписаны мужскому или женскому полу.

3. Теория Лакана указала на центральное место систем значения или сигнификации для структуры субъективности и структуры социального порядка в целом — то есть тот факт, что именно дискурсивный порядок конституирует социокультурную действительность, а не наоборот.

В то же время феминистские постлакановские теоретики признают, что Лакан вывел понятие женского за пределы истории и реальности, за что в первую очередь подвергся феминистской критике. Кроме того, в концепции Лакана, по мнению феминистских критиков, структура значения и символический порядок фиксируются по отношению к трансцендентальному означающему, которое обозначается символом «фаллос». Именно оно гарантирует патриархатную дихотомию на уровне символического порядка реальности: другими словами, фаллос означает контроль и власть над желанием на уровне символического порядка. Поэтому лакановскую концепцию культурного означивания феминистские исследовательницы называют *фалло-центризмом*, а лакановскую трактовку ценностей культуры связывают с традиционными ценностями власти. И хотя феминистски ориентированные ученицы Лакана в постановке вопроса о сексуальности используют лакановские определения данного феномена — через параметр символического — тем не менее их следующим шагом в отношении проблемы сексуальности было признание связи между сексуальностью и властью, когда сексуальность определяется через особые манипулятивные стратегии власти по отношению к субъекту (женскому или мужскому).

Отсюда изменение основной задачи постлакановского феминистского психоанализа по сравнению с теорией женской субъективности Лакана. Если Лакан структуру женского обозначает как гносеологическую и логическую структуру предела, за которым ничего, кроме наших меняющихся фантазматических представлений о женском, нет (знаменитый лакановский тезис «женщина не существует»), то феминистские исследовательницы стремятся вопреки лакановским формулировкам (хотя и с помощью его методологии) разработать топологию именно женской субъективности в ее уникальном отличии от мужской и предлагают, поэтому, множество стратегий такой разра-

ботки в терминах концепции *женского желания*. Основной теоретический тезис состоит в отказе признать роль женского как исключительно пассивную (объекта мужского желания, в терминологии Лакана). Напротив, в противовес Лакану, постулируется активность женской субъективности и желания: женщина, утверждают феминистские психоаналитики, также подвержена процедуре субъективизации, а не исключена из нее. Основное отличие женского типа субъективизации состоит в том, что она осуществляется вне сферы «фаллической экономики символической кастрации». Символом женской субъективизации является лакановское понятие *jouissance* — женское желание, не нуждающееся в опосредующей фигуре Другого. Поэтому в целом отношение в постлакановском феминистском психоанализе к учителю — Жаку Лакану — достаточно неоднозначно: с одной стороны, используется лакановская методология анализа, с другой стороны, реализуется *нефаллическое* (если использовать терминологию американского феминистского психоаналитика и философа Джейн Гэллоп) отношение к его теоретическому и текстовому наследию.

Ниже мы рассмотрим некоторые из наиболее известных феминистских психоаналитических проектов, представляющих различные стратегии интерпретации женской субъективности «по ту сторону» концепций женского своего авторитетного учителя Жака Лакана.

2) Основные концепции феминистского психоанализа Джулиет Митчелл, *Психоанализ и феминизм: Фрейд, Райх, Лейнг и женщины* (1974).¹⁵ Основная задача книги — интерпретация долгой истории классического психоанализа с феминистской точки зрения. В качестве ведущей используется лакановская методология интерпретации женского, применяемая, однако, критическим образом — с целью осмысления феноменов женской вторичности в культуре. Два основных тезиса этой знаменитой книги — это а) тезис о пользе психоанализа для феминистской критики и б) тезис о символической природе сексуальности, обязанный своим происхождением Лакану. Митчелл критикует традиционное неприятие феминистскими

¹⁵ Juliet Mitchell, *Psychoanalysis and Feminism: Freud, Reich, Laing and Women* (New York: Vintage Books, 1974).

теоретиками психоаналитических концепций (например, Кейт Миллетт), так как, по словам Митчелл, «психоанализ — это не рекомендация для патриархального общества, но анализ его».¹⁶ Другими словами, одним из ведущих тезисов книги становится тезис о том, что именно психоанализ помогает осмыслить действие репрессивных механизмов патриархата в отношении женщин и женского. Кроме того, в книге большое внимание уделяется критике популярной в это время социобиологии, сводящей первичные характеристики человека к его биологическому полу. В этом смысле Митчелл безусловно разделяет лакановский тезис о том, что гендерная идентичность с самого начала формируется как символическая конструкция.

Кроме подчеркивания роли символического в идентификационных практиках, Митчелл настаивает также на невозможности апроприировать, domestифицировать или рационально использовать фрейдово бессознательное (как это пытались осуществить, по ее мнению, Райх и Лейнг,¹⁷ которым, наравне с Фрейдом, также посвящены большие разделы митчелловской книги), именно с ним связывая феномен женского в современной культуре. Основным понятием, которое позволяет пересмотреть традиционный психоанализ, является, по мнению Митчелл, понятие сексуальности как *психосексуальности*.¹⁸ Содержательно этот термин означает систему сознательных и бессознательных человеческих фантазий и типов активности, которые производят удовольствие по ту сторону удовлетворения простых биологических потребностей, возникают из разных источников, ища удовлетворения разными путями и используя для удовольствия совершенно различные объекты.¹⁹ Основным репрезентативным парадоксом психосексуальности, который аналогичен парадоксу «женского», является, по мнению Митчелл, то, что в ее структуру включены такие бессознательные желания, которые не могут быть полностью удовлетворены и которые в то же время не могут быть подавлены. Позже такой тип сексуальности и желания получит в феминистском психоанализе определение

¹⁶ Ibidem, p. xiii.

¹⁷ Ibidem, p. xv.

¹⁸ Ibidem, pp. 16-23.

¹⁹ Ibidem, p. 2.

jouissance feminine и станет ассоциироваться со структурой женской субъективности как таковой²⁰.

Джулиет Митчелл и Жаклин Роуз, *Женская сексуальность: Жак Лакан и Ecole Freudienne (1982)*.²¹ Вводные тексты Джулиет Митчелл и Жаклин Роуз к подборке работ Жака Лакана, посвященных проблеме женской сексуальности (1982), представляют собой уже не столько апроприацию лакановского психоанализа феминистской методологией, сколько его критику с феминистской точки зрения. Основная критика направлена против лакановского понятия трансцендентального означающего, символизируемого в понятии фаллоса как основного означающего в культуре, а также против концепции желания как желания фаллоса. Феминистские исследовательницы называют эту концепцию *фаллоцентризмом*: ведь в таком случае феномен женского опять трактуется исключительно в терминах «нехватки» по сравнению с мужской (фаллической) дискурсивной нормой.²² Поэтому Жаклин Роуз в более поздней книге *Сексуальность в аспекте видения* (1986)²³ во введении «Феминизм и психическое» предлагает рассматривать, например, символическую конструкцию фаллоса как принципиально плюральную, не ограниченную показателями индивидуальной психосексуальной организации. Кроме того, оба «Введения» представляют собой попытку построения концепций женской субъективности и желания вне фаллического означающего.

С этой точки зрения исследовательницы проблематизируют символическую структуру женской идентичности в психоанализе, так как символический статус женского в культуре как категории и гаранта мужской фантазии предельно фальшив и амбивалентен, обрекая «реальных» женщин на зависимое положение, а сама операция символизации возможна только на основе фаллической функции. Задачей женщины в таком случае

²⁰ Ibidem, p. 25.

²¹ Juliet Mitchell and Jacqueline Rose, eds., *Feminine Sexuality: Jacques Lacan and the Ecole freudienne* (New York: Pantheon Books, 1982).

²² Ibidem, p. 56.

²³ Jacqueline Rose, *Sexuality in the Field of Vision* (London, New York: Verso, 1986).

должно стать сопротивление символическому порядку культуры в целом (определяемому иерархическим социальным делением, в котором место женщины всегда ненормативно и вторично), то есть дифференциально и целостно другая логика реализации женской субъективности вне уровня символизации.

Но возможно ли реально реконструировать форму субъективности вне формы символизации как таковой, задают вопрос исследовательницы? Ведь если мы выбираем концепцию женского как предданного и внеязыкового, то мы помещаем женщину вне истории и языка; если же мы рассматриваем женское на символическом уровне, то не можем избежать маркировок фал-лоцентристского порядка культуры. Исследовательницы не дают однозначных ответов на этот вопрос, формулируя в то же время, что задача феминистского анализа и состоит в том, чтобы мыслить проблему женской субъективности исходя из данного дискурсивного парадокса.²⁴

Элен Сиксу и Катрин Клеман, *Вновь рожденная женщина* (1972).²⁵ Концепция женского желания и субъективности в этой книге параллельна философской концепции Люси Иригарэ в разработке понятия «истерического» (что может быть связано и с тем, что Иригарэ и Клеман обе вышли из лакановского семинара); отличие состоит в том, что Сиксу и Клеман работают не на философском, а на психоаналитическом материале и пользуются его терминологией. В книге Сиксу и Клеман используют и разбирают пример известного «случая Доры», который многие феминистские теоретики рассматривают как модель альтернативной — женской — стратегии поведения в фаллократических ценностях традиционной мужской культуры.²⁶

В чем состоит суть этой концепции? Позиция Доры — это типичная для женщин позиция, в которой они лишены возможности для прямого и непосредственного выражения своих мыслей и чувств, в отличие от мужчин, которые, подобно отцу Доры

²⁴ Jacqueline Rose, «Introduction-II» in *Feminine Sexuality...*, p. 57.

²⁵ Helene Cixous and Catherine Clement, *The Newly Born Woman* (Minneapolis: University of Minnesota Press, 1986).

²⁶ Jane Gallop, «Keys to Dora», *The Daughter's Seduction: Feminism and Psychoanalysis* (Ithaca: Cornell University Press, 1982), pp. 132-150.

или господину К., всегда могут высказать свои мысли прямо. Заставить общество быть осведомленным о своих чувствах женщина может только через не прямые телесные действия, через истерику реализуя трансгрессивное желание, понимаемое обычно как «нехватка», и проблематизируя тем самым традиционную маскулинную экономию желания и ее репрезентации. Через истерику говорят не слова, а само тело, пишет Сиксу, маркируя тем самым сопротивление традиционному миру символического.

В отличие от классического психоанализа, стремящегося подавить женское желание, Сиксу настаивает на его реализации. При этом его особенностью, по мнению Сиксу, является отсутствие определенного объекта желания: женщина желает «все» (тотальность), а не отдельные и определенные вещи. Но окружающий мир никогда не может дать ей «всего»: он обеспечивает ее только «кусочками» этого возможного «всего». Однако истеричка не соглашается на компромисс, продолжая «желать свое желание». В этом смысле Сиксу отличает истерию от невроза, так как невроз, по ее мнению, строится как структура идентификации с Другим через «стадию зеркала», через серии зеркальных образов увеличивая травматизм невротической идентификации. В противовес невротике, истеричка, по мнению Сиксу, *разрушает идентификацию*, а не соучаствует в ее игре, поэтому ее невозможно блокировать, вписав в определенное дискурсивное место, ибо она всегда с невероятной силой будет сопротивляться этому.

Таким образом, Сиксу и Клеман «оборачивают» традиционное психоаналитическое представление о женской истерии как о болезни или крайне отрицательном опыте, подлежащем лечению и подавлению. Напротив, они нормализуют женский истерический опыт как реализацию женской субъективизации в ее отличии от мужской и наделяют его позитивными характеристиками в общей топологии женского желания, освобождая тем самым женскую субъективность от репрессирующей маркировки по критериям норма/анормативное.

Сара Кофман, *Тайна женщины: Женщина в письме Фрейда* (1980).²⁷ Сара Кофман в философском академическом мире

²⁷ Sarah Kofman, *The Enigma of Woman: Woman in Freud's Writings* (Ithaca: Cornell University Press, 1985).

считается ученицей Жака Деррида, однако когда Алис Жарден в книге интервью с французскими женщинами-философами феминистской направленности *Меняющиеся сцены: Интервью о женщинах, письме и политике во Франции после 68 года* (1991)²⁸ задала вопрос Саре Кофман, действительно ли она ученица Деррида, Кофман ответила, что писать в том стиле, который позже получил название дерридаистского, она начала параллельно с Деррида и независимо от него. Так же как и ее интерес к сфере женского возник раньше, чем у Деррида, и отличается от дерридаистского.

Книга *Тайна женщины* представляет собой тщательный анализ фрейдовских текстов с целью обнаружения у самого Фрейда знаков бессознательного/женского: его страх и паника перед женской сексуальностью вызваны, по мнению Кофман, страхом перед женским в самом себе, с которым он пытался бороться и которое он «победил», прокламируя универсальность концепции бисексуальности для обоих полов как нормативный принцип субъективности.²⁹

Из-за страха перед женским Фрейд, утверждает Кофман, уравнивает в психоаналитическом дискурсе истерическое (а значит, женское) с криминальным.³⁰ И в том, и в другом случае проблема анализа субъективности состоит в том, чтобы обнаружить нечто тайное, «секрет», который скрыт как за действиями преступника, так и за действиями женщины/истерички, а также установить причину данных действий. Разница между женщиной/истеричкой и преступником для Фрейда состоит только в том, что преступник отдает отчет в своем преступлении, знает о своей вине, а для истерички ее секрет скрыт и от нее самой. Отсюда вывод Фрейда о том, что поскольку женщина не осведомлена о своем секрете, она нуждается в ком-либо другом, способном *его* расшифровать (врач, учитель, мужчина). В процедуре психоаналитического сеанса женщине позволяется выговориться, но только с той целью, чтобы признать ее виновной/больной/

²⁸ Alice Jardine and Ann Menke, eds., *Shifting Scenes: Interviews on Women, Writing, and Politics in post-68 France* (New York: Columbia University Press, 1991).

²⁹ Sarah Kofman, *The Enigma of Woman...*, p. 15.

³⁰ Ibidem, pp. 65-68.

криминальной и заставить замолчать в конечном итоге.³¹ Для этого и подходит, в частности, такое объяснительное средство для всех «тайн» женского, как женская бисексуальность.

Говорить о «тайне женщины» и пытаться разрешить эту тайну, делает вывод Сара Кофман — это сугубо мужское предприятие. Ибо женщины вообще не связаны с истиной, будучи предельно скептическими, считает Кофман: они хорошо знают, что такой вещи, как «истина», просто не существует, что позади покрывала всегда находится еще одно покрывало и что напрасно пытаться срывать их одно за другим с целью обнаружения «истины», ибо она, подобно божеству, никогда не появится. Женская истерия, по мнению Кофман, и формируется именно тогда, когда женщину пытаются вписать в некую абсолютную «истину» и закрепить за ней.³² «Превратить женское тело в мертвое тело» — называет данные дискурсивные практики Кофман и считает, что через практики «омертвления», фиксации определенных и неизменяющихся параметров женского (бисексуализм, аморальность, истеричность и т. п.) Фрейд пытался преодолеть загадочный и несхватываемый характер женского в самом себе, что ни в коем случае не соответствует реальной топологии женского.

Джессика Бенджамен, *Оковы любви: Психоанализ, феминизм и проблема доминации* (1988).³³ В книге *Оковы любви* психоаналитик Джессика Бенджамен создает альтернативную топологию женской субъективности (женского желания) в противовес традиционной психоаналитической (мужской фаллической) через концепцию *интерсубъективности*. Отношения «я» и «другой» Бенджамен рассматривает на примере общей концепции отношений раба и господина, однако допускает наличие в этих отношениях такой интерсубъективной структуры, которую метафорически обозначает как структуру «оков любви». Традиционный фаллический тип репрезентации, по мнению Бенджамен, соотносится с интропсихической моделью, в

³¹ Ibidem, p. 66.

³² Ibidem, p. 105.

³³ Jessica Benjamin, *The Bonds of Love: Psychoanalysis, Feminism, and the Problem of Domination* (New York: Pantheon Books, 1988).

которой образ Отца является интернализированным; такой тип топологии субъективности Бенджамен называет «топологией внутри». Что касается интерсубъективного измерения, то оно, скорее, содержит опыт «между и внутри» индивидов и относится к той области отношений между «я» и «другим», где они могут разделять одни и те же чувства и намерения через взаимное познание. Источником для этих отношений является не нечто внешнее, находящееся вне структуры данных отношений, но внутреннее взаимодействие с «другими». Чувство «я», которое возникает на этом уровне отношений, не связано исключительно с символическими структурами, а имеет другой — телесный — тип существования. Особенность интерсубъективного пространства заключается в том, что в нем, по утверждению Бенджамен, не только мужчина, но и женщина может быть субъектом.

Первым типом интерсубъективного пространства является пространство отношений матери и ребенка, расширенное также в транзитивную сферу детской игры, творчества и фантазии. Это пространство Бенджамен называет «открытым пространством»,³⁴ пространством безопасности без подозрения,³⁵ которое выражает одновременность бытия и игры в присутствии другого. Вторым типом интерсубъективного желания является любовь, в которой женщина выражает свою сексуальную субъективность. При этом женское желание не связано с единственным местом в пространстве (типа пениса), а понятие сексуального удовольствия включает все человеческое тело: «между, внутри и вне» конкретных человеческих тел. Поэтому для того, чтобы понять топологию женской субъективности, утверждает Джессика Бенджамен, традиционный тип любви — любовь как доминация — должен быть дополнен интерсубъективным типом любви.³⁶

Джейн Гэллоп, *Соблазнение дочери: Феминизм и психоанализ* (1982). В книге *Соблазнение дочери: Феминизм и психоанализ* Джейн Гэллоп подчеркивает, что в названии своей книги перефразирует название книги Джулиет Митчелл *Психоана-*

³⁴ Ibidem, p. 126.

³⁵ Ibidem, p. 127.

³⁶ Ibidem, p. 128.

лиз и феминизм, вынося, в отличие от Митчелл, в сочетании слов «психоанализ и феминизм» на первое место понятие «феминизм», и только на второе — «психоанализ», так как Гэллоп хочет выполнить ту задачу, которую, на ее взгляд, не выполнила Митчелл: очертить контуры женской субъективности в феминистских терминах, когда методология психоанализа выступает не основной, как у Митчелл, но лишь вспомогательной методологией.

Свою философскую стратегию Гэллоп обозначает — «мыслить телом» (ее вторая книга так и называется *Мыслить телом*, 1988³⁷), ставя задачу убрать традиционное бинарное разделение между духом и телом в философии, так как в этом, на ее взгляд, и состоит специфика современного, в том числе феминистского мышления. Для обложки своей второй книги Гэллоп использует фотографию родов, ракурс которой представляет неразличенные тела роженицы, медсестры и выходящего из чрева матери новорожденного. В следующий момент все встанет на свои места, пишет Гэллоп, обретя свои различия. Но этот краткий миг взаимного телесного переплетения и нерасчлененности, который отображен на фотографии, выражает специфику современного феминистского мышления. Говорить о топологии женского необходимо в этой новой перспективе мышления.³⁸

Топологию женской субъективности и специфику женского желания Гэллоп разрабатывает на примере фрейдовской Доры, сравнивая фрейдов классический анализ с неклассическим анализом Сиксу и Клеман во *Вновь рожденной женице* не. Дора, по мнению Гэллоп вслед за Сиксу и Клеман, является образцом сопротивления тому, что называется «отцовским законом». С этой точки зрения Гэллоп анализирует основные сюжетные линии «случая Доры»: она становится объектом сексуального обмена между господином К., который обменивает свой собственный «объект» — госпожу К. — с отцом Доры для того, чтобы получить сексуальный доступ к Доре. Дора помещена, таким образом, в невозможную позицию, по словам Гэллоп: она неспособна двигаться в этой молчаливой сделке контракта, которую произвели между собой мужчины. Она даже не может

³⁷ Jane Gallop, *Thinking Through the Body* (New York: Columbia University Press, 1988).

³⁸ Ibidem, pp. 8-9.

сказать «нет» господину К. из-за его авторитета, пишет Гэллоп, потому что, когда она пробует рассказать своим родителям о его сексуальных притязаниях, они ей просто не верят, ибо верят исключительно мужскому авторитету. В то же время сама Дора не желает сказать ему «да». Какую же стратегию поведения она развивает в этой невозможной ситуации, в которой она лишена всяких прав и возможностей, спрашивает Гэллоп? И отвечает на этот вопрос: Дора потому блестяще выходит из ситуации, в которой все предали или использовали ее, что реализует фемин-ную стратегию соблазнения. В чем ее суть? Гэллоп обращает наше внимание на то, что Дора никогда не говорит формально «нет» господину К. и, напротив, принимает его подарки, письма и внимание, заботится о его детях, короче — «интересуется» им. Она не запрещает ему его страсть, наоборот, использует собственную неявную стратегию соблазнения для привлечения его страсти, активно пользуясь для этого своей пассивной позицией. Но все это Дора делает только для того, делает вывод Гэллоп, чтобы в последний момент сказать ему «нет». И даже в этот момент ее «нет» в высшей степени неопределенно: оно выражено не в словах, но в телесном истерическом спазме шока, когда господин К. целует ее. Другими словами, заключает Гэллоп, Дора использует свой женский шарм и соблазнение вовсе не для того, чтобы поддержать «отцовский закон» морали, подчинить женскую субъективность мужской, а чтобы получить собственное удовольствие (*jouissance*) — даже ценой использования мужского достоинства.

Гэллоп констатирует, что подобная стратегия женской реализации — это путь вызова фаллическому авторитету путем насмешки, отсутствия интереса и индифферентности, репрезентирующей себя как интерес. Это *миметическое* соблазнение, истерическая подмена целей, а не воплощение фаллического желания как желания обладания конечной целью. Отсюда, замечает Гэллоп, возникает Дорина лесбийская установка на «идеальную», неущербную женщину — госпожу К., что также является вызовом миру мужского желания.

Почему пример Доры, описанный Гэллоп, становится столь значимым для современной теории феминизма и феминистского психоанализа? Потому что он описывает женскую альтернативную реализацию в патриархатной культуре: альтернативную и неявную, не коррелирующую с символическим порядком

стратегию поведения, не редуцируемую к нормам традиционной культуры. В то же время поведение Доры, не укладывающееся в бинарную дихотомию «да»/ «нет», оказывается в то же время максимально эффективным; Дорин альтернативный язык, несводимый к традиционной языковой выразительности, но осуществляющийся на уровне телесного языка, также оказывается в результате более выразительным и эффективным в достижениях поставленных целей, чем традиционный (мужской) язык. И главное, случай Доры показывает пример независимой реализации женской субъективности, чье желание, всего лишь имитируя мужские поведенческие ценности, осуществляется самостоятельно и самодостаточно, вне всяких опосредований со стороны фаллических договоров или авторитетов.

В заключении можно сделать вывод, что основное значение феминистского психоанализа — это деконструкция (*дефаллизация*) традиционной функции отца в психоаналитическом дис-курсе, подчеркивание активной женской позиции³⁹ и доказательство существования собственной уникальной топологии женской субъективности в ее отличии от мужской. Опираясь на эту общую методологию, в современном психоанализе возникают и становятся широко применимыми терапевтические практики феминистского психоанализа, построенные на принципах неиерархического психоаналитического взаимодействия.

³⁹ Ibidem, p. xv.

Гендерная проблематика в антропологии

Елена Гапова

Наши этнографические свидания происходят не только в контексте внутренней политики «общества», которое мы изучаем, но и в более широком историческом и политическом контексте, в котором находимся мы сами.

Роджер Кизинг¹

1. Введение: антропология как наука о сущности культуры. Проблематика пола в антропологии

Антропология провозглашает своей целью осмысление «человеческого» (т. е. «культурного», не-природного) как такового и, таким образом, эта дисциплина, академическая и неакадемическая одновременно, ищет ответы на фундаментальные вопросы существования цивилизации. Пытаясь понять, что такое «человеческое» вообще, един ли мир для всех живущих на Земле, какова роль культуры в формировании этого мира (или миров) и, наконец, что мы имеем в виду, когда описываем мир как «конструкт»,² антропология, можно сказать, привержена производству «знания для знания». Теоретически таким же интеллектуальным производством занята любая другая классическая дисциплина социального знания. Но именно антропология, сделавшая центром своего научного внимания многообразие культур

¹ Roger Keesing, «Kwaio women speak: The micropolitics of autobiography in a Solomon Island Society», *American Anthropologist*, 1985, 87(1).

² Tim Ingold, «Against the Motion », *Key Debates Anthropology* (Routledge, 2000), p. 112.

и форм человеческого поведения, встречается при этом трудно преодолимое противоречие. Его сущность состоит в следующем. Производство «знания для знания» возможно, по крайней мере теоретически, только в рамках специального института по производству знания — академии. Сам же этот институт является порождением вполне определенной (западной) культуры и родившейся в эпоху Просвещения идеи, что познание возможно только посредством разума и что оно должно быть рациональным, «объективным» и дисциплинарным (и, таким образом, связанным со структурой университета). Поэтому именно антропологи поставили под сомнение само право академии как института одной/западной культуры на суждение об иных мирах или культурах. Вместе с этим под сомнением оказалась и сама система производства знания, основанная на западноцентричных приоритетах «объективности» и признания разума единственным источником в поиске истины. Ранее такой подход считался «естественным», теперь он стал рассматриваться как культурно сконструированный. Когда антропологи пришли к выводу, что ничего естественно предопределенного в культуре не существует, стал возможен пересмотр всех традиционных теорий, концепций и систем знания.

В той глобальной реконструкции рационалистического/ западного знания, которая связана с гендерным/феминистским проектом пересмотра мира, антропология как научная дисциплина занимает особое место. Изучая и описывая кросс-культурную вариативность, она прежде всего была занята поиском и объяснением *универсалий*, а что может быть более универсальным, чем женственность женщин, мужественность мужчин и вытекающее отсюда доминирование одних над другими? До конца 1960-х годов эти «универсалии» в различной степени приписывались всем культурам — за некоторым исключением, пожалуй, эгалитарной эпохи детства человечества, как ее видел Ф. Энгельс в *Происхождении семьи, частной собственности и государства*. Мужское доминирование выводилось из непосредственной связи между биологией (или «анатомией», как сказал бы Фрейд) и культурой как ее социальным продолжением. Подобно любому «объективному» выводу, эта универсалия опиралась на эмпирические данные антропологической науки, которая, как предполагалось, изучает человеческое поведение с точки зрения неэтноцентрической, кросс-культурной, сравнительной,

внутренней структуры и внешних связей и, как следовало ожидать, несексистской. Однако за ее постулируемым «объективизмом» феминистские теоретики обнаружили явные и неявные гендерные иерархии в производстве знания.

2. Значение и ограничения женской темы и женщин-ученых в антропологии.

Маргарет Мид

Все антропологи, которые описывали и изучали концепт «пола» и представления о половой дифференциации в различных культурах, сталкивались с одним и тем же противоречием (хотя не все осознавали и артикулировали его). С одной стороны, описания деятельности женщин свидетельствовали об огромном разнообразии социополовых ролей. С другой, в социальной теории сложилась традиция, согласно которой женщины рассматривались как культурно незначительные, а их «вторичность» по отношению к мужчинам принималась как само собой разумеющееся, т. е. «естественное».

Представление о «естественности» социальных различий между мужчинами и женщинами не было серьезно поколеблено даже работами Маргарет Мид, первого антрополога, подкрепившего идею о *социальной сконструированности отношений пола* этнографическим материалом (хотя само представление о половых различиях как категории анализа в социальных науках возникло раньше). В работе 1935 года *Пол и темперамент* Мид писала: «...многие, если не все черты личности, которые мы считаем мужскими или женскими, так же слабо связаны с полом, как та одежда, манеры или головной убор, которые общество в данный период предписывает каждому полу».³

Профессионально признанная и знаменитая Маргарет Мид, отдавшая более тридцати лет полевой работе на Самоа, в Новой Гвинее, островах Полинезии, тем не менее, никогда не имела официальной ставки в Колумбийском университете. Эта «частная» научная судьба отражает неоднозначность «женской темы»

³ Margaret Mead, *Sex and Temperament* (New York: Morrow, 1935), p. 280.

в антропологии, а, вернее, целых трех тем: женщины как профессионального антрополога; женщины как информантки (т. е. носительницы знания); женщины как объекта анализа в социальных науках.⁴ Именно так определил этот интеллектуально-теоретический и экзистенциальный узел радикальный феминизм конца 60-х годов, когда «втянул» и сделал частью гендерной проблематики искусство, экологию, язык, организацию физического пространства и архитектуру, воспроизводство и материнство, религию, еду, медицину, право, историю человечества, науку и порождение знания. И в том числе — такую социальную дисциплину как антропология.

С одной стороны, исторически женщин в антропологии было больше, чем в любой другой социальной дисциплине: как белых исследовательниц, часто жен западных антропологов и миссионеров (ведь этнография — жанр, возникший вместе с распространением империализма и необходимый ему), так и цветных объектов изучения — участниц брачных церемоний, сельскохозяйственных ритуалов, похоронных процессий, рукодельниц, собирательниц, знахарок, насылательниц порчи и бури, продолжательниц рода, толковательниц снов, неприкасаемых в определенные дни месяца, но более всего матерей, жен, тещ, свекровей, дочерей, сестер и наложниц... Ведь антропология — это, по определению Бронислава Малиновского, «наука о том, как мужчина обнимает женщину» со всеми вытекающими из этого фактами отношениями родства как предмета изучения. С другой стороны, «хотя женщины-антропологи есть уже давно, чрезвычайно редко можно заметить какое-либо отличие между их работами и работами антропологов-мужчин. Овладение профессией включает научение осмыслению мира в мужской перспективе»,⁵ признали американские антропологи в начале 1970-х годов 20 века.

⁴ Ellice B. Gonzalez, *Anthropology: the Study of Man and Occasionally Woman* (Michigan State U, Working Paper # 75, Dec. 1984).

⁵ Sally Slokum, «Woman the Gatherer: Male Bias in: Anthropology», in R. Reiter, eds., *Toward an Anthropology of Women* (New York: Monthly Review Press, 1975), p. 49.

3. Тезис «знание-власть» в антропологии

Идея о том, что отличие между женскими и мужскими исследованиями *должно быть*, то есть что знание социально сконструировано, а потому «необъективно», пронизано отношениями власти и зависит от того, кто (мужчина или женщина, белый или цветной, колонизатор или колонизируемый, врач или пациент) является его производителем — свидетельство огромного интеллектуального сдвига, не только поставившего под сомнение объективность и рациональность декартовой когнитивной парадигмы, служащей «оправданием» науки, но и связавшего производство знания с *проблемой власти*. Отсутствие различия между мужскими и женскими работами свидетельствует, как полагают интеллектуальные последователи Мишеля Фуко, о «мужском перекосе» (*male bias*), т. е. господстве и признании единственной модели описания мира, выработанной доминирующей социальной группой, в то время как альтернативные дескриптивные модели подавляются посредством цензуры, либо не могут возникнуть изначально. Цензура, если пользоваться терминологией Пьера Бурдьё — это структура поля выражения (всей символической сферы) и, прежде всего, сам доступ к возможности высказаться, закрытый или затрудненный для некоторых групп.⁶ Если посмотреть на историю человечества, то связь между полом, властью и правом/возможностью публичной речи очевидна. Те, кто ущемлен экономически, социально или культурно, лишены также возможности поведать о своих потерях и своей боли. Можно спорить по поводу того, является ли связь между половой принадлежностью и правом артикуляции интересов необходимой или случайной, однако само наличие этой связи вряд ли подлежит сомнению.

Те, кто обладает правом речи и, соответственно, инструментами символического господства, а потому контролирует «производство реальности» — летописцы, историки, юристы, психологи, врачи, священники, антропологи, учителя и писатели и т. п. (среди которых почти не было женщин или цветных, не обученных грамоте, не допускаемых в университеты либо вообще в публичную

⁶ Pierre Boordieu, «Censorship and Imposition of Form», *Language and Symbolic Power* (Harvard University Press, 1991), p. 138.

сферу и т. п.), сформировали и легитимизировали свои версии мира, термины, структуры речи, способы его выражения. Другие, те, кого Арденер назвал онемленными или лишенными речи (*muted groups*), не имея доступа к контролю над символической сферой, не могут ни создать собственную версию, ни добиться ее признания.⁷

Группы, для которых в связи с их положением в структуре поля выражения возможности артикуляции и осознания своих интересов ограничены, «немые»: их реальность и образ мира не может быть описан в терминах доминирующей группы уже на уровне обычного языка. Заговорив, они используют тот аппарат, при помощи которого заведомо невозможно описать их миры: им «нечем кричать и разговаривать», как писал В. Маяковский (правда, по несколько иному поводу).

В антропологии, спецификой которой является полевая работа, асимметрия речи проявляется уже на уровне сбора данных: исследователи стремятся узнать у тех, кого заранее считают носителями важной информации — например, вождей и старейшин племени — о политических, социальных, экономических и религиозных институтах, имеющих очевидную формальную структуру, т. е. аналогичных тем, которые доминируют в западном обществе. В соответствии с собственными культурными ожиданиями они, во-первых, относят женщин и их деятельность в область внеисторической частной (домашней) сферы и, соответственно, рассматривают их как менее значимых информантов, а во-вторых, трактуют полученные сведения в рамках мужского опыта. Розалинд Майлз во *Всемирной женской истории* приводит наглядный пример такого подхода: археологи при раскопках первобытного стойбища находят палку с 30 зарубками. Возникают (и попадают в научную статью) две гипотезы: согласно одной, при помощи зарубок отмечались дни лунного месяца и палка — это своеобразный календарь. Согласно другой точке зрения, зарубки свидетельствуют о количестве убитых на охоте животных. Но почему не предположить, спрашивает Майлз, что отметины использовались для подсчета менструального цикла женщины⁸? Для чего использовалась палка на

⁷ Edwin Ardener, «The Problem Revisited», in S. Ardener, ed., *Perceiving Women* (London: Dent), pp. 19-27.

⁸ Rosalind Miles, *The Women's History of the World* (London: Verso, 1984).

самом деле, мы, скорее всего, никогда не узнаем, но 30-дневный лунный месяц также никому не известен.

Дескриптивные и прескриптивные компоненты так переплетались в процессе описания социальной реальности, что традиционная антропология «выполняла свои собственные предсказания»,⁹ причем неизменно предсказывала одинаково бесправное положение женщин в незападных культурах (что частично оправдывало колониальные цивилизационные проекты). Так как теоретические основания определяют методы сбора, интерпретации и представления данных, включение в антропологию женщин и превращение пола в категорию анализа не могло быть осуществлено по рецепту, как выразилась Хенриетта Мур, «добавить женщин и размешать».¹⁰ Эта не эмпирическая, а теоретическая и методологическая проблема потребовала пересмотра дискурсивных оснований такой дисциплины как антропология с тем, чтобы избежать по крайней мере трех основных стереотипов: перестать смотреть на женщину как на «экзотику», как на жертву и как на аномалию.¹¹

4. Основные положения феминистского проекта в антропологии

1) Женщина как субъект в антропологии

Представить женщину «нормальным» субъектом истории и общества, обладающим агентивностью и инициативой, возможно только *деконструировав* значительное количество антропологических мифов (например, о том, что мужчины-охотники добывали основное количество пищи, а женщины-собирательницы всего лишь «помогали» им), чему в значительной степени способствовал переживаемый Западом в 1970-х годах ренессанс марксистской теории (в ее несоветских вариантах, конечно). Если

⁹ Rayna Reiter, «Introduction to Reiter ed.», *Towards an Anthropology of Women* (New York: Monthly Review Press, 1975).

¹⁰ Henrietta Moore, *Feminism and Anthropology* (Polity Press, 1988), p. 3.

¹¹ Johnson-Odim and Strobel, «Conceptualization of the History of Women in Africa, Asia, Latin America and the Caribbean, and the Middle East», *Journal of Women's History*.v.I, issue 1, 1989, p. 32.

философы до Маркса только «объясняли мир, цель же состоит в том, чтобы изменить его», то Рейна Рейтер, редактор антологии *К антропологии женщин* (1975) начала свой антропологический манифест фразой: «Корни этой книги в женском движении».¹² Мишель Розалдо и Луиз Ламфер, создатели другой антропологической библии *Женщины, культура и общество* (1974), обозначили свою цель как *уничтожение неравенства*.¹³ Рассмотрение парадигмы отношений между мужчинами и женщинами стало служить моделью для понимания любого угнетения, а потому главный вопрос был определен как вопрос о *поле и власти*: каким образом биологическое различие между мужчиной и женщиной превратилось в социальное неравенство; существовало ли оно всегда или возникло (по Энгельсу) с появлением частной собственности (но почему тогда не исчезает вместе с его отменой, например, при социализме?); является ли это культурной универсалией или есть общества, построенные по иным принципам. Авторы этих двух книг, тогда в большинстве своем диссидентствующие аспирантки, а ныне ученые с мировыми именами, предприняли анализ других культур для того, чтобы понять свою собственную.

2) Концепция «обмена женщинами» Гейл Рубин

Работа Гейл Рубин *Обмен женщинами*¹⁴ стала одним из «сакральных» текстов феминизма, соединившим психоанализ с антропологией в трактовке сексуальности как культурно конструируемой категории, лежащей в основе неравенства. Определяя, вслед за Леви-Строссом, смысл обмена подарками в установлении социальной связи, а логику системы родства в упорядочении общественных отношений в «догосударственных» обществах, Гейл Рубин заявляет, что брак является наиглавнейшей первобытной формой обмена подарками, а женщина — наиболее ценным даром. Тогда становится понятным всеобщее табу на инцест: его целью является превращение биологических явлений секса и

¹² Rayna Reiter, op. cit, p. 11.

¹³ Michelle Rosaldo and Louise Lamphere, eds., *Women, Culture and Society* (Stanford University press, 1974).

¹⁴ Gayle Rubin, «The Traffic in Women: "Political Economy" of Sex», in R. Reiter, ed., *Toward an Anthropology of Women* (New York: Monthly Review Press, 1975), pp. 157-210.

воспроизводства в социальные акты посредством деления мира сексуального выбора на запрещенных и разрешенных партнеров. Запрет на сексуальное использование дочери или сестры — это правило, вынуждающее отдавать их другим (в языке сохранилось: «отдать замуж», «взять замуж»), в результате чего между семьями устанавливается социальная (родственная) связь.

Если женщина является предметом первобытной сделки (выхода замуж по любви, она тем самым все равно реализует ее), то тогда она — просто канал родственной связи, а не равноценный партнер в тех социальных отношениях, которые устанавливаются таким образом между мужчинами. Женщины не владеют женщинами так, как ими владеют мужчины, пишет Рубин, и социальный пол (гендер) представляет собой форму социального разделения, связанного с различными возможностями. «Обмен женщинами» — это предпосылка возникновения культуры, но тогда доминирование мужчин и угнетение женщин должны быть условиями ее существования. Невозможно сказать, могла ли культура «начаться» по-другому и какой бы она была; Гейл Рубин полагает, что культура «изобретательна». Изменение же существующего порядка потребует глобальной деконструкции, более глубокой, чем уничтожение классов.

Движение в глубь антропологического лабиринта приносит дальнейшие открытия: половое разделение труда не является специализацией по биологическому признаку, а имеет целью обеспечение жизнеспособного экономического союза мужчины и женщины. Соответствующее поведение и, в частности, сексуальность сформированы культурой для отражения их дополняющей и функциональной взаимосвязи. Брачный союз основан на различии и взаимоисключении мужчины и женщины, а его предпосылкой является культурно конструируемая гетеросексуальность. Гендер — это не просто идентификация человека с полом: он предполагает, что сексуальное желание должно быть направлено на противоположный пол. Очевидно, общество столь враждебно по отношению к гомосексуальности именно потому, что в основе всей культуры, всей социальной иерархии лежит табу на одинаковость мужчины и женщины, подавляющее в них обоих любое естественное сходство. Страх «одинаковости» — это боязнь деконструкции нынешнего социального порядка: если бы гетеросексуальность была результатом биологии и гормонов, разве нужно было бы подкреплять ее тюремным наказанием за «нестандартную» сексуальную

ориентацию? Боясь равенства, культура трансформирует биологический пол и превращает его в гендер и культурные конструкты мужественности и женственности. Таким образом, антропологическая концепция Гейл Рубин — это фундаментальная, резонирующая (в какой-то степени) с идеями Фуко догадка о «происхождении» пола, сексуальности, порождении желания и о самой сущности субъектности, о том, что содержание этих категорий исторически обусловлено, а потому изменяемо.

3) *Природа и культура как женское и мужское в антропологической концепции Шерри Ортнер*

Шерри Ортнер, антрополог той же радикальной интеллектуальной волны, что и Гейл Рубин, была также вдохновлена поиском первопричины угнетения женщин. Универсальность полового неравенства, его существование (в различных проявлениях) во всех культурах, примитивных или сложных, служит, по ее мнению, свидетельством того, что мы имеем дело с чем-то глубинным, фундаментальным и чрезвычайно упорным, с чем-то, что нельзя уничтожить не только изменением отдельных социальных ролей, но и перестройкой всей экономической структуры. Всеобщую девальвацию женщин (Ортнер использует именно этот термин — «обесценивание», имея в виду, что женщины рассматриваются обществом как менее значимые и что существующая социальная организация не допускает женщин к деятельности, которая предполагает вхождение во власть) следует рассматривать в свете других универсалий. Но что является тем общим для всех культур, что заставляет помещать женщину на более низкую ступеньку в социальной иерархии?

Очевидно, предполагает Ортнер, женщина символизирует нечто, что все культуры трактуют как низшее. Но что именно? Это нечто, далее предполагает Ортнер, — природа, которую человек стремится покорить и контролировать: «в наиболее общем смысле мы отождествляем культуру с представлением о человеческом сознании и продуктах этого сознания (например, системах мышления и технологией), посредством которых человек стремится осуществить контроль над природой»¹⁵. Природа существует сама по себе, человек — посредством осознанного действия над природой.

¹⁵ Sherry Ortner, «Is Female to Male as Nature Is to Culture?», in Michelle Rosaldo and Louise Lamphere, eds., *Women, Culture and Society* (Stanford University Press, 1974).

Женщина обладает репродуктивными функциями, которые присущи только ей. Этот физиологический факт значим на трех уровнях: 1) женское тело и его функции кажутся близкими к природе (в отличие от мужской физиологии, которая оставляет его свободным для культуры); 2) в связи со своими телесными функциями женщины помещаются в те социальные позиции (роли), которые считаются более низкими, чем мужские; 3) традиционные женские роли, в свою очередь, порождают определенную психологию женщины, которая также рассматривается как менее окультуренная. Таким образом, оппозиция женского и мужского становится оппозицией природного и культурного: во всех обществах женщины рассматриваются как часть природы и помещаются вне исторического времени и пространства культуры, а мужчины, как часть культуры, живут в истории, творят, преодолевают земные пределы и воплощают «человеческое». То, что делают женщины даже за пределами домашней сферы, девальвируется, потому что это делают женщины,¹⁶ но это не предопределено природой, а сконструировано культурно.

Формулировки Ортнер блестяще описывают механизмы производства сексистских идеологий, которые подтвердились и изучением функционирования стратегий колонизации в антропологии. Однако в последнем случае модель угнетения оказалась сложнее — в нее включились такие переменные как раса и класс. В проектах западной колонизации женское в смысле «первобытно-низменное» стало метафорой тех неизведанных земель и народов, которые предстояло «окультурить»,¹⁷ забрав оттуда золото, каучук, специи, нефть или рабов. Оно также было перенесено на представление о местных женщинах. Парадокс же состоит в том, что все империи оправдывают свою экспансию цивилизационной миссией, при этом под цивилизацией понимается западная модель культуры и общества. Империализм при выработке политики в отношении новых земель использовал сексистские представления об особой женской духовности (имелась в виду только белая женщина), возвышенности и общей

¹⁶ Bill Maurer, «Sexualities and Separate Spheres: Gender, Sexual Identity, and Work in Dominica and Beyond», *Gender Matters: Rereading Michelle Rosaldo* (The University of Michigan Press, 2000), p. 91.

¹⁷ Frederick Cooper and Ann Laura Stoler, eds., *Tensions of Empire. Colonial Cultures in a Bourgeois World* (University of California Press, 1997).

окультуривающей роли. Будь то колонизация Америки, заселение Сибири или освоение богатств Африки и Азии, успешное функционирование колониального проекта требовало, чтобы рядом с грубым и сильным мужчиной-солдатом, промышленником, купцом или сосланным преступником была белая женщина, мать его детей, хозяйка дома и плантации, стоящая на страже морали как местного общества, так и массы темных (в прямом и переносном смысле) туземцев, а также удерживающая белого мужчину от связи с цветной женщиной (что могло погубить весь проект).¹⁸

Однако для антропологов более поздней волны сама классическая антропологическая дихотомия «Запад»/«Восток» (интерпретируемая как существование двух больших идей со своими историями, традициями, образностью и словарями, которым соответствует определенная действительность)¹⁹ стала рассматриваться как проблематичная, поскольку во многих незападных культурах дихотомии женщина/мужчина и природа/культура вообще отсутствуют.

5. Приватное и публичное в антропологии: модель гендерной стратификации Джоан Хубер

Антропологи, более тяготеющие к вопросам социальной стратификации, чем структурализму и символическим дихотомиям, но также стремящиеся найти объяснение всеобщей гендерной иерархии, предпринимали попытки вписать пол и связанное с ним разделение труда в универсальную стратификацию. В свое время Ф. Энгельс совершил огромный прорыв, включив сексуальность и репродукцию в экономическую теорию, однако она все же не объясняет самого факта полового разделения труда. Кроме того, ни марксисты, ни последователи социологических идей Вебера не пытались заглянуть внутрь домохозяй-

¹⁸ С этой точки зрения интересно прочесть рассказы С. Моэма и романы Дж. Конрада.

¹⁹ Edward Said, *Orientalism* (New York: Random House, 1978).

ства и выяснить, каким образом происходящее там включено в макроэкономику. В середине 1970-х Джоан Хубер²⁰ предложила модель гендерной стратификации с учетом женской домашней работы, т. е. не дающей прибавочного продукта и не включаемой в совокупный национальный продукт (но выражающейся в миллиардах долларов, если эти услуги покупаются), а также тех двух задач воспроизводства, решение которых недоступно мужчинам: рождения и грудного вскармливания детей. Через два десятилетия она обобщила 25-летние исследования гендерного неравенства в антропологии и социологии, несколько модифицировав эту модель.²¹ Рассматривая взаимодействие нескольких факторов — экологии, технологии производства пищи и изменений рождаемости, Хубер исходит из следующих посылок (первая и третья связаны с общей теорией социальной стратификации в функционалистской перспективе): 1) члены семьи, производящие продукты, обладают большей властью и престижем, чем потребляющие: предпочтительнее обладать способностью давать, чем брать. Но от чего зависит, кто занят производительным трудом? Ответом может стать второе положение: 2) та работа, которую выполняют женщины, должна быть совместима с беременностью и грудным вскармливанием (задачами, которые не могут выполнить мужчины), если общество хочет выжить. При этом с точки зрения общей социальной стратификации 3) наибольшая власть и престиж в обществе принадлежат тем, кто контролирует распределение материальных ценностей за пределами семьи.

Взяв для анализа пять типов культур — охоту и собирательство, мотыжное земледелие, кочевье, пропашное земледелие и индустриальное общество, Джоан Хубер рассматривает, что делают для производства пищи мужчины, что — женщины и почему они не выполняют ту же работу, что и мужчины, если она дает больше пищи; каковы при этом брак и структура семьи (свободный брак, полигамия, моногамия); а также демографические тенденции — смертность, рождаемость, уровень разводов.

²⁰ Joan Huber, *A Theory of Gender Stratification*.

²¹ Joan Huber, «Comparative Gender Stratification», in Janet Saltzman Chafetz, ed., *Handbook of Sociology of Gender* (New York: Kluwer Academic/Plenum, 1999).

Согласно ее выводам, статус женщин находится в прямой зависимости от степени участия в обеспечении пищей, но в некоторых обществах потребность в воспроизводстве населения полностью исключает женщин из деятельности, дающей власть и престиж. Это происходит там, где добывание еды предполагает длительное отсутствие вне дома (кочевые общества, охота), либо когда война становится значимым способом увеличения «излишков». Исключение женщин из этой деятельности, сопровождающееся их удаленностью от оружия и технологии, не биологично, а социально. Усовершенствование орудий труда, приводящее к увеличению количества пищи, а также снижение уровней смертности и рождаемости — результат прогресса — непосредственно связаны с положением женщин. В постиндустриальную эпоху их статус начинает улучшаться (в то время как эволюционная марксистская модель предполагала непрерывное ухудшение положения угнетаемых), так как развитие технологии делает физические различия полов все менее значимыми, однако ключевым становится внутрисемейное разделение труда. Возведение проблемы домашней работы до глобального уровня в социальной стратификации соответствует представлению о публичной и частной сферах, когда к первой относятся государство и гражданское общество, а ко второй — семья как разделение по признаку пола. Признание функциональной важности работы, не ориентированной на рынок и в основном выполняемой женщинами, привело многих экономистов и социологов к утверждениям о политической значимости полового разделения труда, т. е. непосредственной связи с неравенством в обладании властью. Эксплуатация женщин дома служит поддержанию патриархального порядка в обществе: обладание общественной властью связано с возможностью порождать публичную, т. е. находящуюся вне домашней сферы культуру.

6. Феминистская критика антропологии

1) Критика эволюционных теорий в антропологии

Постепенно эволюционные теории стали все менее удовлетворять антропологов. Во-первых, они исходят из идеи истории как развития от первобытного состояния к индустриальному. Однако «так как все общества существуют в одном историчес-

ком потоке и имели равное количество времени для изменений, такой подход не логичен и неявно осуждает «менее развитых».²² Во-вторых, нет доказательств того, что развитие человечества и смена формаций шли именно в той последовательности, как принято представлять. В-третьих, кросс-культурные сравнения статуса женщин невозможны в принципе, т. к. предполагают наложение западной системы культурных координат на общества, построенные по абсолютно другим принципам, а потому не поддающиеся описанию в терминах западной науки. Пока что мы только можем, отвергая обвинения в эссенциализме, с некоторой степенью уверенности полагать, что во всех культурах женщины рожают, вскармливают грудью и занимаются воспитанием детей²³ и что нам не известно ни одно общество, в котором женщины обладали бы властью над мужчинами в публичной сфере.

На основе этой аргументации феминистская критика признает, что критерии определения статуса женщин, которые использует в своей практике ООН — статистика по сравнительному потреблению и расходу калорий мужчинами и женщинами, насилию в отношении женщин и государственной политике по улучшению их положения — являются очень приблизительными и зависят от методов сбора данных и желания зачастую скрыть положение дел. Исследователи, работающие над тематикой «женщины и развитие», полагают, что политика, которую выстраивает на основании этих данных Всемирный банк и Международный валютный фонд, вызывает разрушение тех традиционных систем (землепользования, наследования, ирригации и т. п.), в которых женщины могут обладать властью, и формирует новую капиталистическую стратификацию, в которой они ее теряют.

2) Антиструктуралистская тенденция в антропологии и критика проблемы власти

Антиструктуралистская тенденция в антропологии связана с попытками рассказать культурную историю «снизу», дав

²² Michaela di Leonardo, ed., «Introduction», *Gender at the Crossroads of Knowledge: Feminist Anthropology in the Postmodern Era* (University of California Press, 1991), p. 15.

²³ Michelle Rosaldo, «The Use and Abuse of Anthropology: Reflections on Feminism and Cross-Cultural Understanding», *Signs: Journal of Women in Culture and Society*, v.5 (3), pp. 389-417.

слово ее ранее «немым» (для западного общества) участникам. Обретя голос, они порождают текст, и мир как текст становится основным объектом этнографического анализа. Но даже в этом случае нарратив, устная история, научный доклад, история болезни, роман, поэма, газета, рекламное объявление, прогноз погоды и уголовный кодекс могут оставаться более или менее убедительной «литературой», а отношения между текстами повторять отношения власти/подчинения между теми, кто их порождает. Как можно представить после Фуко, «канонические» тексты западной цивилизации признаны таковыми теми, кто определял, что такое канон, и посредством власти сделал эти каноны «всемирными».

Критика науки и кризис эпистемологии в значительной мере питаются размышлениями о феноменологии производства антропологического знания в контексте проблемы власти, то есть ситуации взаимодействия господина и раба. Исследователь-этнограф, пытаясь представить скрупулезную картину жизни далекого племени, создает убедительную для (обычно) западной аудитории «литературу» на тему о культурных различиях. Сюда можно отнести раскрутку популярной в последние годы темы траффика — вывоза женщин для секс-торговли, где конструируется образ Центральной и Восточной Европы как третьего мира, куда части западных политиков удобно отнести ее в контексте глобального дискурса о власти.

Заслуга феминистской и антирасистской волны заключается в расширении канона, в легитимизации текстов, созданных «другими», а также в изменении представлений о том, кто является производителем «знания».

3) *Феминистская антропология на современном этапе: гендерное неравенство в условиях глобализации*

Сосредоточившись на текстах, постмодернистский проект в антропологии заменил анализ социальной жизни анализом дискурса и сместил внимание с власти к «политике ее репрезентации».²⁴ Выводы об отсутствии определенных выводов и принципиальной невозможности сравнения культур порождены про-

²⁴ Sheila Benhabib, «On Contemporary Feminist Theory», *Dissent*, 1989 (Summer), p. 370.

тиворечивым интеллектуальным контекстом последних десятилетий: вера в прогресс и науку сосуществует с представлением о ее культурной сконструированности в ответ на западный социальный заказ и изменяющиеся представления об «истине». Согласно концепции Мишеля Фуко, знание, истина, научно обоснованные выводы — результат научного дискурса, который и устанавливает различие между знанием и незнанием. Именно для этого нужны социально сконструированные институты (школы, клиники, лаборатории, государственное управление этими институтами и т. п.).

Естественные науки и технология фундаментальным образом «трансформировали антропологию путем трансформации объектов ее анализа»,²⁵ т. е. как самой социальной реальности, так и способов ее репрезентации. Медицина и микротехнологии, дав возможность человеку заглянуть внутрь собственного тела и увидеть не только внутренние органы, но даже клетку; изменили понятие «себя»: мы, каждый из нас более не являемся отдельными и конечными (если были такими когда-то вообще).²⁶ Медицинская антропология, которая ранее сосредотачивалась на изучении «этномедицины», в том числе этногинекологии (методов лечения, которые традиционно применялись в различных культурах, а также представлений о том, какие причины вызывают различные заболевания, например, бесплодие) обратилась к рассмотрению восприятия новых медицинских и особенно репродуктивных технологий в западном обществе. Сборник 1991 года *Гендер на перекрестках знания: феминистская антропология в эпоху постмодерна* включает работу Рейны Рэпп «Моральные пионеры: женщины, мужчины и эмбрионы на передовом крае репродуктивной технологии»,²⁷ построенную на анализе частично структурированных интервью с женщинами, которым было рекомендовано пройти процедуру амниоцентоза (взятия околоплодной жидкости для определения наличия генетических отклонений у плода). Работ, посвященных восприятию

²⁵ Henrietta Moore, ed., *The Changing Nature of Anthropological Knowledge*, p. 7.

²⁶ Там же. С. 8.

²⁷ Rayna Rapp, «Moral Pioneers: Women, Men and Fetuses on a Frontier of Reproductive Technology», in Michaela di Leonardo, ed., *Gender at the Crossroads of Knowledge: Feminist Anthropology in the Postmodern Era* (University of California Press, 1991), pp. 383-396.

новых методов лечения и технологий в незападных культурах, сравнительно мало, но их корпус начал расти по мере того, как СПИД был признан глобальной проблемой.

Развитие электронной коммуникации привело к изменению представлений о социальном взаимодействии как непосредственном и тем самым революционизировало понятие общества: мир маркируется сегодня как «единая деревня», в которой сформировались новые модели потребления и интимных отношений. Телевизионные мыльные оперы превратились в глобальный феномен; стал возможен и распространен секс по телефону, по интернету, с учетом тех возможностей экспериментирования с сексуальной идентичностью и отрывом от непосредственной телесности, которые они могут предоставить. В интернете появились каталоги возможных сексуальных партнеров, куда — теоретически — может быть занесен кто угодно. Практически же в этих каталогах больше женщин, чем мужчин: женская сексуальность по-прежнему является товаром в большей степени, чем мужская. В связи с рассмотрением технических достижений в поле зрения антропологии попадает поведение людей в условиях технологических катастроф, например, методы защиты от радиации, которые использовались после Чернобыля.

Как медицинские, так и любые другие технологии не существуют вне социальных условий их использования. Проблема пола и новых технологий в условиях глобализации сама становится предметом социального анализа. Переконфигурация мирового пространства, ведущая к сосредоточению работ по развитию новых технологий только в «промышленно развитых частях света» (более всего в Северной Америке) в соединении с внешне гендерно нейтральной миграционной политикой и реальной удаленностью женщин от технологичных профессий, приводит к последствиям, которые не позволяют однозначно ответить на вопрос, как новые технологии влияют на статус женщин — улучшают или ухудшают его.

Согласно высказанной глобалистами точке зрения, в современном мире достаточно свободно перемещаются потоки товаров, услуг, людей и денег, а рынок труда глобален, и потребность в рабочей силе в одном месте может возмещаться за счет притока извне. Однако данная точка зрения не только фактически подразумевает существование неравенства между различными регионами планеты (почему рабочая сила и перемещается, на-

пример, из Юго-Восточной Азии в США), но является еще и «вне-гендерной», не учитывающей профессиональной сегрегации по признаку пола. Женщины и мужчины исторически выполняли и в значительной степени выполняют до сих пор различные виды работ (преодолеть этот барьер не удастся), а потому находятся в различных сферах рынка труда. Когда-то Джоан Хубер назвала удаленность женщин от обработки металла началом их всемирно-исторического поражения; в наше время профессиональная сегрегация по признаку пола продолжает оставаться разделением на технологичные и нетехнологичные профессии. Мужчины и женщины в постсовременном мире по-прежнему обладают неравными возможностями доступа к новым технологиям и связанным с ними профессиям, и в то же время именно женщины являются необходимым «компонентом» технологического развития — подобно тому, как жены, санитарки, проститутки и работницы военных заводов необходимы для существования военной машины и милитаристской идеологии.²⁸

Многие исследователи видят господство постмодернистского выражения в социальных науках в его связи с «культурной логикой позднего капитала»²⁹ с его социальными проблемами и противоречиями, в том числе проблемой гендерного неравенства. Одни сообщества теряют политическую волю; другие, наоборот, только начинают ее обретать,³⁰ и «прекрасный новый мир» западного «прогресса» соседствует с возрождением фундаментализма в самых экстремистских формах. Воображенные национальные сообщества (используя классическое определение Бенедикта Андерсона) и новые национальные государства, основанные на мифе общности происхождения, культуры или истории, приписывают мужчинам и женщинам разные функции в биологическом и культурном воспроизводстве нации, а также различные места и роли в политическом пространстве. Моральная антропология настаивает на ключевой роли интеллектуалов в создании «истории» как воображаемого прошлого, в изоб-

²⁸ Cynthia Enloe, *Does Khaki Become You? The Militarization of Women's Lives* (London: Pluto Press, 1983), p. 17.

²⁹ Frederic Jameson, «Postmodernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism», *New Left Review*, 1984, No 146, pp. 53-92.

³⁰ Edward Said, *Orientalism* (New York: Random House, 1978).

ретении «нации», «традиции», «объективной науки». Отношения между знанием и властью, распространение знаний (в том числе через систему образования) как часть технологии власти и формирования объектов подчинения, сложная связь между идеологиями и интересами их пропагандистов — вопросы не только личного морального выбора интеллектуалов, но их необходимого присутствия в институтах, от контркультуры до академии и правительства. В начале процесса по выработке политики, основанной на «объективных научных данных» всегда стоит эксперт (в том числе антрополог), являющийся, таким образом, частью системы власти.³¹ Отсюда задача критически мыслящего антрополога — раскрытие технологии власти в антропологии и, тем самым, ее деконструкция. Культурно сконструированный, но тем не менее реально существующий материальный мир постфеминистской эры, несмотря на прогресс и науку, не в состоянии пока что победить феминизацию бедности и обнищание целых стран и континентов, профессиональную сегрегацию, недоступность образования и медицинского обслуживания для бедных, насилие против женщин (проституцию и порнографию как его часть), гендерную цензуру в культуре, отсутствие экономически доступных услуг по присмотру за детьми, а потому продолжающееся делегирование женщин в частную сферу и следующую из этого асимметрию в обладании властью. Отсюда необходимость феминистского проекта в антропологии, начатого когда-то с тем, чтобы «понять наше положение и изменить его».³²

³¹ Например, административное деление на республики, автономии и т. п. в бывшем СССР как часть политического проекта осуществлялось на основании сконструированных представлений о лингвистических, этнических, исторических общностях.

³² Michelle Rosaldo and Louise Laraphere, ed., *Op.cit.*, p. 11.

Гендерная проблематика в философии

Сергей Жеребкин

1. Введение. История философии как интеллектуальная история мизогинии

Патриархатная традиция в западноевропейской философии возникает на этапе, когда в ней начала формироваться модель человеческой субъективности, ориентированная на понятие рационального, целостного и самотождественного субъекта — то есть так называемая классическая модель субъективности.

На ранних этапах развития философии (в античной натурфилософии 6-5 веков до н. э.) антропологическая проблематика рассматривалась исключительно в контексте проблем натурфилософии, где гендерные характеристики — *мужское* и *женское*

— являются лишь двумя чередующимися и дополняющими друг друга началами, характеристики которых проявляются в природе основных космических полярностей, посредством которых задается как структура космического целого, так и человеческого бытия — день/ночь, светлое/темное, жизнь/смерть, правое/ левое, верх/низ и др. Механизмом взаимодействия мужского и женского в натурфилософии являются не отношения господства/ подчинения, а отношения функциональных различий между ними, определяющие смену рождения и смерти, социальные и биологические ритмы в общем циклическом процессе космической жизни. В то же время как только в западной философии центральной становится антропологическая проблематика

— проблематика человеческой субъективности (а космологическая отходит на второй план), в логике философского мышления возникает и ее ведущая оппозиция, а именно бинарная оппозиция *разума* и *тела*, в которой разум ассоциируется с рядом позитивных характеристик, носителем которых выступает мужское начало (таких как духовность, сознание, рациональность, активность, внешнее), а тело — с серией негативных характери-

стик, которые репрезентированы женским началом (чувственность, бессознательное, нерациональность, пассивность, внутреннее). Логика бинарных оппозиций, в которой мужское является субъектом, а женское — объектом, является концептуальной основой патриархатной метафизики в целом, которую в современной философии называют *фаллоцентризмом*, подчеркивая тем самым, что по видимости бесполой приоритет разума-логоса в ней на самом деле неразрывно связан с приоритетом мужского начала и присущих ему атрибутов и характеристик.

Если поместить данную бинарную логическую конструкцию в социальный контекст культуры, то можно сказать, что с ее помощью патриархатное мышление находит оправдание подчиненной социальной позиции женщин в обществе. В результате женщины в фаллоцентристской метафизике репрезентированы как несовершенные, болезненные, нерациональные и в то же время непокорные существа, неспособные осуществлять сознательный контроль за своими телами и действиями. Женская сексуальность и репродуктивная способность делают женщин подверженными различным телесным и духовным угрозам, поэтому они нуждаются в защите и особом отношении контроля, которое определяет патриархатное сознание и общественное устройство. ИмPLICITно женские тела рассматриваются как неспособные к мужским достижениям, поскольку являются физически более слабыми, склонными к гормональной иррегулярности, случайным вторжениям и непредсказуемости. Другими словами, женское тело в патриархатной философской традиции определяется как стихийное и деструктивное природное начало, влияние которого на культуру несет в себе угрозу и должно быть нейтрализовано. Именно поэтому на протяжении длительного исторического периода в интеллектуальной истории человечества господствует установка, которая позже получила название *мизогинии* (то есть женоненавистничества) — нейтрализация и исключение женского как из системы рационального философского мышления, так и из системы организации общественной жизни.

2. гендерная проблематика в античной философии: формирование мизогинистского мышления в философии Платона и Аристотеля

Основополагающие принципы патриархатной философской традиции были сформулированы представителями афинской школы Сократом, Платоном, Аристотелем (5-4 век до н. э.), в философии которых разум, ассоциирующийся с мужским началом, выступает как высшее совершенство не только в структуре человеческой субъективности, но и мироздания в целом: высший Разум тождествен высшей Добродетели и высшей Красоте. Наоборот, неоформленное тело, которое ассоциируется с женским началом, представляет, с точки зрения философов афинской школы, полюс абсолютного несовершенства, хаоса, небытия. Поэтому принцип подчинения телесного/женского начала разумному/мужскому выступает у философов афинской школы основополагающим принципом философского знания, целью которого является формирование установки субъекта на достижение максимального рационального контроля над чувственностью.

Одним из наиболее радикальных патриархатных мыслителей античности является Платон (427-347 до н. э.). В идеалистической философии Платона телесность получает позитивное значение только тогда, когда ее функционирование полностью определяется требованиями разума и проявляется в чувственном опыте, который совершенно очищен от характеристик случайного, хаотического, индивидуального. В диалоге Пир, в притче о двух Эросах — «небесном» и «пошлом» — Платон квалифицирует «высший» тип чувственности как «духовный» или «небесный» мужской эрос, сферой проявления которого является философия. Если же чувственность не подчинена разуму и в ней доминируют случайные эгоистические влечения, то она, согласно Платону, представляет низкий род чувственности — «пошлый», женский эрос, сферой проявления которого является повседневная реальность и быт.¹ В результате женский субъект

¹ Платон. Пир // Сочинения в трех томах. Том 2. М.: Мысль, 1970. С. 106-107.

исключается у Платона из сферы философского знания, а в качестве субъекта философствования Платоном признается только мужской субъект — «мудрый муж», идеализированным воплощением которого выступает знаменитый Сократ, настолько рационализировавший свою чувственность, что, даже умирая, он сохраняет полный контроль над своим телом и способность мыслить здраво и последовательно (отказывается бежать из заточения с помощью своих учеников, даже в смерти демонстрируя доказательство своей философской позиции).

Распространяя принцип фаллоцентризма на сферу общественной жизни, Платон утверждает, что только тот, кто способен в совершенстве владеть своим собственным телом и своими чувствами, может разумно и справедливо управлять государством и другими людьми. Поэтому в своей знаменитой модели «справедливого государства», описанной в диалогах *Государство* и *Законы*, Платон предоставляет функции государственного управления правителям-философам, которые, пройдя все необходимые стадии образования, освободились от так называемых случайных влечений и возвысились к сфере чистого интеллектуального знания — философии. Только они, по его мнению, способны принимать справедливые решения, так как правление царей-философов — это не персональное, субъективное принятие решений, а действие от лица вневличностной Добродетели, воплощенной в идеальном государстве. Так как женское начало у Платона — это всегда частное, основанное на доминировании эгоистических влечений, а не вневличностной Добродетели, то ни одна социальная функция, связанная с управлением общественными делами, не может быть, согласно Платону, присуща женщине.

Поскольку «низкая» чувственность, воплощенная женским началом, рассматривается Платоном как основное препятствие справедливой деятельности разума, она не только признается у Платона несовершенной, но и расценивается как угроза разуму, которая должна быть устранена. Один из наиболее ярких примеров мизогинии у Платона — его знаменитая идея о необходимости введения в «справедливом государстве» института общности жен, посредством которого Платон считает возможным нейтрализовать женское как сферу частного, приватного, которой он приписывает наиболее разрушительное влияние на госу-

дарство.² По мнению Платона, введение общности жен и детей в «справедливом государстве» позволило бы преодолеть алчность, собственнические чувства и стремление правителей действовать в интересах своих жен и детей, в которых он видит основную угрозу для осуществления идеальной социальной утопии. Поскольку именно женщин Платон считает в первую очередь ответственными за антиобщественные тенденции в государстве, он настаивает на необходимости их деприватизации и изгнания из частных домов.

Философия другого выдающегося представителя афинской философской школы Аристотеля (384 — 322 до н. э.) на первый взгляд кажется более либеральной по отношению к характеристикам женского/телесного, чем позиция Платона с его установками на полную нейтрализацию и исключение женского, однако на самом деле представляет новую мизогинистскую модель философии, в которой зависимость женского начала от мужского еще более возрастает. Основное отличие от Платона состоит в том, что у Аристотеля характеристики женского не исключаются полностью, но его проявления подлежат тщательной регламентации и дисциплинарному контролю. В философии Аристотеля, так же как и у Платона, представлена универсальная иерархия сущего, где высшая точка — это Верховный Разум (неподвижный двигатель), к которому тяготеет все сущее, а низший уровень бытия — это уровень неоформленной материи, телесного начала. Однако у Аристотеля, в отличие от Платона, идея универсальной рациональной иерархии одновременно представлена как идея естественного телеологического порядка: каждое сущее в мировой иерархии имеет свою собственную естественную цель, к реализации которой оно направлено и которую оно должно исполнить для того, чтобы универсальный порядок мог осуществиться. Поэтому женское/телесное у Аристотеля — это не чистая негативность, как у Платона, а один из родов сущего, который имеет свои собственные функции, выполняемые под контролем рационального/мужского начала.

² Платон. Государство // Сочинения в трех томах. Том. 3 (1). М.: Мысль, 1971. С. 254.

По мнению Аристотеля, основное предназначение женщин заключается в том, чтобы служить мужчине, принося различную пользу в семье и в государстве. В этом качестве женщины являются важным условием правильной организации общественной жизни и их функции должны быть скорее проконтролированы, чем аннигилированы и устранены. Соответственно и в модели социальной организации, предложенной Аристотелем в книге *Политика*, сохраняется, в отличие от Платона, сфера женского как сфера частного, приватного. Более того, Аристотель выступает с критикой платоновской идеи общности жен, реализация которой, по его мнению, будет способствовать не укреплению, а разрушению государства.

Аристотель сравнивает отношение мужского и женского с отношением раба и господина, в которых сущность раба полностью исчерпывается его обязанностью служить своему господину. Драматизм положения раба проявляется не только в том, что он зависим от господина, но прежде всего в том, что он вообще не существует как индивид вне своего отношения к господину и поэтому все характеристики его субъективности (его мысли, чувства, желания) носят рабский, нечеловеческий характер. Однако парадоксальным образом положение женщин у Аристотеля является еще более зависимым, чем положение раба, так как основывается не на социальном, а на *естественном неравенстве* и поэтому в принципе не может быть изменено в пользу женщин, в отличие от положения раба, который потенциально может получить свободу.³

Согласно философии Аристотеля, у женщин нет и не может быть никаких самостоятельных целей и характеристик, которые бы не были связаны со служением мужчине. Та форма общественного участия женщин, которую предлагает Аристотель, определяет женщин исключительно в терминах домашнего хозяйства, патриархатной семьи и фактически усиливает авторитет мужской власти в семье и в государстве даже больше, чем это имело место у Платона. Исправное осуществление женщинами своих функций обеспечивается у Аристотеля постоянным регламентирующим контролем, которому женщины подверга-

³ Аристотель. Политика // Сочинения в четырех томах. Том 4. М.: Мысль, 1983. С. 383.

ются в семье и государстве. В частности, мы находим множество детальных предписаний относительно того, что должны и что не должны делать женщины: например, какими видами деятельности должны или не должны они заниматься, в каком возрасте они должны выходить замуж и производить потомство и т. д.⁴ Другими словами, женское/телесное превращается у Аристотеля в объект детального описания и контроля, который служит еще большему укреплению власти образованного, рационального мужского меньшинства в античном полисе.

3. Мизогиния и обоснование патриархатных отношений в философии средневековья

В эпоху средневековья патриархатная философская традиция усиливается, поскольку в структуре оппозиции разум/тело доминирующее положение разума еще более укрепляется — благодаря строгим нормам и ограничениям по отношению к телу и чувственности в христианстве. В средневековой философии по сравнению с античностью, с одной стороны, проявляется большее внимание к индивидуальному психологическому опыту субъекта, который понимается как более эмоционально чувствительный и рефлексивный, с другой стороны, чувственность признается позитивной только в форме религиозного чувства, которое полностью очищено от мирских, обыденных влечений и подчинено интересам высшего, божественного разума. Нерелигиозная чувственность осуждается в христианской философии как *греховная*. Основным критерием, по которому осуждается чувственность, является ее связь с удовольствием, которое в христианской культуре ассоциируется с женским и является символом первородного греха и низменности плотского начала.

В средневековой философии выделяют два основных исторических этапа: 1) *патристика* (1-5 вв.) — зарождение и развитие христианской философии в условиях античности, представленное работами «отцов церкви» — Августина Блаженного, Оригена, Тертулиана и других, основывающихся на философской методологии Платона и неоплатоников, в которой осуще-

⁴ Аристотель. Политика. С. 622.

ствляется полное исключение характеристик женского из философского мышления и культуры и 2) *схоластика* (6-14 вв.)

— период философии зрелого средневековья (Ансельм Кентерберийский, Пьер Абеляр, Фома Аквинский), основывающейся на философской методологии Аристотеля, в которой функции женского в культуре допускаются при условии, что над ними осуществляется постоянный рациональный контроль.

Основной особенностью патристики является то, что женское отождествляется не с чувственностью как таковой, а с *извращенной, греховной* чувственностью, разрушающей внутреннее единство человеческого и божественного начала. Согласно Августину (354-430), чувственность сама по себе не является греховной, так как она необходима для веры и переживания человеком его отношения к Богу. Чувственность становится греховной тогда, когда в ней начинает доминировать удовольствие, то есть индивидуалистическое влечение, неподконтрольное разуму. С точки зрения Августина, чувство, которое в наименьшей степени поддается рациональному контролю и поэтому является наиболее греховным — это сексуальное удовольствие/похоть, источником которой является женское начало. В своей *Исповеди* Августин доказывает, что ни один человек, даже младенец, не является невинным, так как с момента своего рождения он стремится к эгоистическому чувственному наслаждению. Однако если удовольствия, связанные с чувствами вкуса, обоняния и зрения, возникающие в процессе еды, питья, чтения, слушания музыки и т. д., человек еще способен как-то подчинять своему разуму, то сексуальное влечение и удовольствие, ассоциированное с женским, меньше всего поддается рациональному контролю и поэтому представляет наибольшую угрозу для достижения подлинного наслаждения, которое человек может испытать только от близости к божественному началу.

По мнению Августина, самое эффективное средство исключения сексуального удовольствия как формы греховной чувственности — это безбрачие и девственность. Однако поскольку брак установлен Богом, он так же изначально не является греховным

— при условии, что сексуальные отношения в браке должны быть подчинены задаче продолжения рода и исключать похоть, то есть элемент сексуального удовольствия. Августин считает, что такими были платонические сексуальные отношения мужчины и женщин в раю, которые были полностью подчинены

выполнению рационального божественного плана и в которых, поэтому, похоть отсутствовала. В связи с этим Августин различает телесное и символическое значение женского, где в первом случае женское сводится к характеристикам пола, а во втором случае женщина рассматривается как существо, наделенное разумом и, поэтому, способное возвысить свою чувственность до уровня религиозной чувственности. С одной стороны, как существо, наделенное полом, женщина является носителем греховной чувственности и должна быть во всем подчинена мужчине, с другой стороны, как существо, наделенное разумом и способная к религиозному чувству, женщина равна мужчине и в равной степени с мужчиной может рассчитывать на спасение.⁵

Еще более радикальная формулировка христианской ми-зогинии представлена в философии другого известного отца церкви — святого Амвросия. Так как женщина ассоциируется в культуре патристики с похотью и удовольствием, Амвросий относит женское к области зла как такового. Он полагает, что женщина может обрести спасение, только отказавшись от своего тела, вследствие чего она утрачивает черты женского и становится мужчиной. «Покуда женщина предназначена для деторождения, она отлична от мужчины — как тело отлично от души. Но если она желает служить Христу более, чем миру, она прекращает быть женщиной и может быть названа мужчиной.»⁶ Таким образом, в философии отцов церкви сохранена платоническая интенция на обретение духовности посредством очищения тела от характеристик женского, однако другими средствами, чем в античности: вместо практик совершенствования разума посредством философского образования христианская философия предлагает практики религиозной аскезы и покаяния.

В философии схоластики женское начало также рассматривается как несовершенное и уступающее во всех отношениях мужскому, но — в соответствии с духом аристотелизма — допускается, что оно имеет свою собственную функцию, необходимую для реализации божественного плана в целом. В связи с этим в философии схоластов не так сильно, как в философии отцов цер-

⁵ Августин Аврелий. Исповедь. Книга 13, глава XXXII.

⁶ Цит. по Diana Coole, *Women in Political Theory: From Ancient Misogyny to Contemporary Feminism* (London: Lynne Rienner Publishers, 1993), p. 44.

кви, выражена связь женского и греховного. Основная функция женщины — деторождение — является, с точки зрения схоластической философии, в меньшей степени результатом грехопадения Евы, чем следствием ее естественного предназначения, функцией природного порядка. В то же время данная концептуальная установка отнюдь не предполагает, что социальный статус женского повышается: напротив, она не только закрепляет ситуацию женского подчинения, но и делает ее необратимой. Если у Августина женщина в равной степени с мужчиной может рассчитывать на спасение при условии, что она сможет преодолеть свою греховную, плотскую природу, то в схоластической философии подчиненное положение женщины является абсолютно непреодолимым, так как оно обусловлено ее *естественным предназначением*.

Например, в философии Фомы Аквинского акцентируется роль женщины как помощницы мужа, которую она обязана выполнять в силу своего естественного предназначения. Однако, с точки зрения Аквината, женщина является помощницей мужчины не в труде, где более эффективным помощником мужчины выступает другой мужчина, а исключительно в деле продолжения рода. Цель существования женщины заключается исключительно в том, чтобы «помочь мужчине продлить род», принцип которого содержится только в мужчине и который один является подобием Бога.⁷ То есть собственно человеком для Фомы Аквинского является мужчина, а женщина — лишь средство для реализации принципа человеческого рода и, поэтому, не имеет никакого самостоятельного значения безотносительно к данному принципу.

В результате рассмотрение женского в философии схоластики придает женщине статус вещи, которая для мужчины принципиально не отличается от других вещей и орудий труда и которой мужчина может распоряжаться по своему усмотрению. Тем самым в схоластике формируется представление об абсолютистском характере патриархатной власти по аналогии с властью бога, которой должны быть подчинены все функции

⁷ Saint Thomas Aquinas, *Basic Writings. Volume 1, Summa Theologica* (New York: Random House, 1945), pp. 879-884.

индивидов и которая призвана жестоко карать за любые отклонения от рационального плана патриарха.

Помещенный в социальный контекст, абсолютизм патриархатной власти в схоластической философии служит оправданием абсолютизма монархической власти, которая рассматривается в схоластике как форма «отцовской власти» — право полной власти государя-отца над жизнью и смертью своих подданных, которое первый патриарх Адам якобы получил непосредственно от бога. Отцовская власть определяется как право на жизнь и смерть не потому, что она является предельно жестокой формой власти (хотя она в действительности и отличается жестокостью), но прежде всего потому, что все права в данном типе власти принадлежат только одному субъекту — патриарху, а остальные члены сообщества, даже жена и мать абсолютистского правителя, полностью лишены каких бы то ни было прав. Поэтому когда позже английский философ-просветитель Джон Локк, формулируя идеи либерализма, выступает с критикой абсолютизма отцовской власти, он аргументирует их с позиций материнского права — настаивает на том, что отец и мать имеют равное право по отношению к своему потомству.⁸

Таким образом, можно утверждать, что философия средневековья не только остается в рамках традиции мизогинии и фалло-гоцентризма, но и усиливает ее, постулируя абсолютный и неограниченный характер патриархатной власти. И только в философии эпохи Просвещения принципы интеллектуальной и общественной мизогинии впервые были поставлены под сомнение.

4. «Эпоха разума». гендерная проблематика в философии Просвещения: парадоксы либерализации

В эпоху Просвещения изменяется расстановка акцентов в основной бинарной оппозиции классической метафизики разум/тело — впервые в истории классического мышления проис-

⁸ Локк Джон. Два трактата о правлении // Сочинения в трех томах. Том 3. М.: Мысль, 1988. С. 146-148.

ходит *легализация чувственности*. Хотя «суд Разума» выступает в философии Просвещения как высшая инстанция в обществе и природе, в то же время предполагается, что телесное начало, чувственность является важным фактором, позитивно воздействующим на разум. «Разум, — писал Руссо, — многим обязан страстям, а страсти разуму».⁹ В отличие от философии средневековья, чувственность не рассматривается в философии Просвещения как препятствие на пути разума, которое должно быть непременно устранено: задача просвещенного индивида — скорее *не подавлять* чувства, а *управлять* ими с помощью разума. Соответственно происходит и переоценка гендерного отношения в философии: во-первых, признается значимость и позитивный вклад женского в формирование мужской субъективности, а во-вторых, женская чувственность не может больше *a priori* служить основанием для отказа в способности разума.

Впервые в интеллектуальной истории человечества в философии Просвещения рассматриваются вопросы о возможности развития *женских интеллектуальных способностей* и о *женском образовании*. И хотя большинство философов-мужчин (среди которых наиболее известными фигурами являются Руссо и Кант) в целом негативно оценивают перспективы просвещения для женщин, в эпоху Просвещения впервые в истории философии и общественной мысли появляются теории (в первую очередь Мери Уоллстонкрафт), в которых формулируются идеи женской эмансипации и осуществляется критика патриархатной идеологии.

1) Руссо: женская чувственность в терминах разума

В теории гендерно дифференцированного воспитания Жана-Жака Руссо (1712-1778), которую он изложил в романах *Эмиль или о воспитании* (1762) и *Юлия или новая Элоиза* (1761), ярко выражена просветительская идея о том, что женское начало обладает рядом позитивных качеств, которые отсутствуют у мужчин и которые оказывают важное позитивное влияние на процесс формирования мужского субъекта. По мнению Руссо, пози-

⁹ Руссо Жан-Жак. *Эмиль или О воспитании* // Избранные сочинения. Том 1. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1961. С. 98.

тивная роль женского основывается на том, что женщины, обладая иной чувственной природой, чем мужчины, наделены способностью нравиться мужчинам, вызывая у них при этом лучшие человеческие чувства — любовь, сострадание, заботу и, таким образом, могут благотворно воздействовать на мужчин: облагораживать и смягчать их нравы, развивать чувствительность и формировать у них более изысканный эстетический вкус.

Принципиальное различие мужской и женской субъективности заключается, согласно Руссо, в избыточной сексуализированности женской чувственности. Согласно Руссо, женская чувственность полностью определяется сексуальностью, тогда как мужская — лишь частично. «В жизни мужчины и женщины пол как таковой играет далеко не одинаковую роль — пишет Руссо. — Самец является самцом лишь в некие минуты, самка остается самкой всю жизнь, во всяком случае все годы своей молодости...».¹⁰ При этом в контексте общей либерально-демократической направленности идей Просвещения Руссо не считает предосудительным сам факт природной сексуализированности женщин, но ставит вопрос об условиях ее конструктивной реализации. Руссо считает, что женские природные качества в принципе невозможно нейтрализовать или изменить; к тому же в этом нет никакой необходимости, поскольку женская чувственность может и должна выполнять свою позитивную общественную функцию. Для этого важно найти такие способы воздействия на нее, благодаря которым она бы сохраняла свой *естественный* характер и не приобретала различные извращенные формы, которые ей навязывает западная цивилизация.

По мнению Руссо, сама природа наделила женщин способностью воздерживаться от реализации влечений в неестественной, извращенной форме. Такой способностью является *стыд*, с помощью которого женщины могут осуществлять контроль над своими чувствами и без которого женщина — это просто самка. «Наделив женщину безграничными вожделениями, — пишет Руссо, — [верховное существо — С.Ж.] присоединило к этим вожделениям стыдливость, призванную их сдерживать».¹¹ В то

¹⁰ Руссо Жан Жак. Эмиль или О воспитании. Книга V. София, или Женщина. С. 550.

¹¹ Там же. С. 548.

же время Руссо считает, что одно только чувство стыда является для женщин недостаточным средством самоконтроля, поскольку оно ставит женщину в зависимость от мнений других людей и не позволяет осуществлять контроль над собой полностью самостоятельно. Сильная зависимость от других заставляет женщину постоянно смущаться, путаться и совершать ошибки, которые могут привести ее, как, например, героиню романа *Новая Элоиза* Юлию, к нравственному падению и гибели, несмотря на самые лучшие намерения.

Гораздо более эффективным средством самоконтроля является, по мнению Руссо, самоконтроль посредством разума, при котором субъект ориентируется не на мнения других о себе, а на принципы всеобщего нравственного законодательства, выражением которых у Руссо выступает инстанция Общей Воли. Однако самоконтроль посредством разума доступен только мужчинам и недоступен женщинам, разум которых, согласно Руссо, является слишком слабым для того, чтобы усвоить принципы Общей Воли.

Согласно теории «естественного воспитания» Руссо, даже мужчина не сразу способен овладеть принципами Общей Воли и научиться выполнять функцию рационального контроля по отношению к самому себе: вначале ему нужен ментор-наставник, заменяющий принципы Общей Воли, которому бы он повиновался беспрекословно до тех пор, пока он не женится и сам не станет отцом — то есть воспитателем других, на чем заканчивается у Руссо знаменитая история воспитания Эмиля. Согласно Руссо, у мужчин с момента наступления отцовства внешний контроль наставника заменяется внутренней самодисциплиной, которая позволяет мужскому субъекту устранить несовпадение между универсальной Общей Волей и эгоистической индивидуальной волей.

Поскольку форма самоконтроля посредством разума фактически недоступна для женщин, они, по мнению Руссо, вынуждены на протяжении всей жизни прибегать к услугам ментора-наставника, функцию которого выполняет мужчина: вначале это отец женщины, а впоследствии — ее муж. Для того, чтобы оставаться «естественной женщиной» и сохранить свою чувственность от вредных влияний, женщина должна в процессе социализации перейти из одного дома (родительского) в другой (дом

своего мужа), где ее нравственное и интеллектуальное воспитание, начатое родителями, будет продолжено мужем-воспитателем.

Таким образом, теория «естественного» женского воспитания строится у Руссо как концепция надзорного воспитания, основными условиями которого являются: 1) домашнее воспитание, сокращение до минимума контакта с внешним миром и с обществом (в семье, а не в светском обществе, в провинции, а не в Париже); 2) воспитание женщины для материнства; 3) непрерывность воспитания, в процессе которого функции отца-воспитателя после замужества женщины переходят к ее мужу. Благодаря системе надзорного воспитания, женщины, по мнению Руссо, могут естественным образом проявить свою чувственную природу, то есть свою сексуальность, сделав ее максимально общественно полезной: в детстве естественные проявления женской чувственности должны приносить радость ее родителям; затем, после замужества, молодая женщина должна стать желанной возлюбленной и приятной собеседницей для своего мужа-воспитателя; наконец, после того как женщина станет матерью (Руссо рассматривал материнское чувство как основной способ выражения женской сексуальности), ее чувственность должна принести наибольшую общественную пользу в деле рационального воспитания детей.

Женщины, не получившие естественного воспитания, склонны к злоупотреблению своей чувственной природой, то есть к проявлениям излишней сексуализированности. Таковы, по мнению Руссо, развращенные и властолюбивые светские женщины-парижанки, которые хотя и прилагают свое кокетство и изобретательность для того, чтобы нравиться мужчинам, но в результате оказываются гораздо менее привлекательными, чем стыдливые и умеренные провинциалки, которые пользуются гораздо большим успехом у мужчин и, в результате, получают возможность естественным образом реализовать свою сексуальность в семье.

Таким образом, в теории женского воспитания Руссо стоит на патриархатных позициях, поскольку, несмотря на признание позитивной роли женской чувственности в культуре и постановку проблемы женского воспитания, он фактически является противником женской эмансипации. С одной стороны, Руссо настаивает на существовании нередуцируемых сексуальных различий между мужчинами и женщинами и в этом его теорети-

ческая позиция близка позиции современных феминистских теорий сексуального различия. С другой стороны, Руссо трактует сексуальное различие реакционным образом: условием репрезентации женской чувственности у него выступает мужской рациональный контроль, а единственно возможной сферой реализации женской субъективности — патриархатная семья.

2) Кант о различии мужского и женского разума

Иммануил Кант (1724-1804), основоположник немецкой классической философии — наиболее значительный после Руссо теоретик гендерной проблематики эпохи Просвещения. Для Канта разум — это основное качество человеческой субъективности, так как, по его убеждению, только наличие разума делает индивидов людьми в собственном смысле слова и обеспечивает наличие гражданского состояния в обществе. Поэтому Кант, в отличие от Руссо, считает, что различие мужской и женской субъективности определяется не особенностями женской чувственности, а различием интеллектуальных позиций, то есть способом, которым мужчины и женщины используют свой разум.

В своей интерпретации гендерных различий Кант не ограничивается аргументом Руссо о том, что разум женщин — просто более слабый чем у мужчин, так как для Канта, предпринявшего радикальную критику способности разума как таковой, не существует «сильного разума» в том смысле, в котором Руссо понимал мужской разум как актуализацию принципов Общей Воли. Основным парадоксом эпохи Просвещения для Канта является то, что люди, обладая своим собственным разумом, не решаются положиться на его силу и поэтому постоянно стремятся воспользоваться чужим разумом, опереться на авторитеты, что, по его мнению, особенно характерно для женщин.¹²

В связи с этим Кант в работе *Ответ на вопрос: что такое Просвещение?* формулирует основную задачу Просвещения — задачу пользоваться своим собственным разумом, не рассчитывая на разум других: «имей мужество пользоваться собственным умом! — таков, следовательно, девиз Просвещения».¹³ В то

¹² Кант Иммануил. Ответ на вопрос: что такое Просвещение? // Сочинения в шести томах. Том 6. М.: Мысль, 1966. С. 27

¹³ Там же. С. 27.

же время, по мнению Канта, эта задача не так проста, как представляется на первый взгляд. Сложность ее заключается в том, что стремящийся самостоятельно мыслить субъект должен сверять свои мысли с требованиями всеобщего законодательства для того, чтобы убедиться в правильности и обоснованности своих решений. Кант выделяет три основные разновидности всеобщего законодательства — принцип трансцендентального единства апперцепции как основной закон чистого разума, моральный категорический императив и законы суждения. Для того, чтобы определить, действительно ли является его поступок рациональным или нравственным, человек должен, согласно Канту, сверять свои действия не с тем или иным конкретным примером рационального или нравственного поведения, который всегда носит частный, ограниченный характер, а с требованием трансцендентального единства апперцепции или морального категорического императива, которые является абсолютно всеобщими и универсальными.

В то же время осознавая себя в ситуации невозможности выполнить требования всеобщего законодательства, каждый индивид, независимо от его пола; переживает чувство, которое Кант считал определяющим в структуре человеческой субъективности — чувство вины. При этом, несмотря на то, что чувство вины, согласно Канту, является универсальной характеристикой для человеческой субъективности в целом, он отличает конструкцию мужской вины от женской, на основании этого различая интеллектуальные установки мужского и женского субъекта в культуре.

Согласно Канту, конструкция мужской вины строится как конструкция *внутренней вины*, или *совести*, когда мужской субъект, переживая чувство нехватки по отношению к всеобщему закону, находит его причину внутри себя и стремится ее устранить. При этом если мужской субъект непосредственно относится к инстанции всеобщего закона, то для женского субъекта данное отношение всегда опосредовано отношением к другим, являющимся для женщины формой замещения ее отношения к инстанции всеобщего законодательства.¹⁴ В результате вина у

¹⁴ Кант Иммануил. Наблюдения над чувствами прекрасного и возвышенного // Сочинения в шести томах. Том 2. М.: Мысль, 1964. С. 189.

женского субъекта формируется в виде конструкции *внешней вины*, или, как уже было сказано, *стыда*, когда в качестве причины несоответствия всеобщему закону для субъекта всегда выступает внешний Другой, а не сам субъект.

Различие конструкций мужской и женской вины Кант поясняет на примере различий мужских и женских преступлений, определяемых им как «преступления, связанные с честью пола» и направленных на выход из ситуации вины. Наиболее характерным женским преступлением, связанным с «честью пола», Кант считает детоубийство, когда женщина, стремясь устранить вещественное свидетельство своего безнравственного поведения, убивает своего ребенка. У мужчин наиболее характерным видом преступлений, связанных с «честью пола», Кант считает дуэль, когда для мужчины важен в первую очередь не определенный результат — например, смерть обидчика, но сама возможность исполнения долга по отношению к всеобщему нравственному закону.¹⁵

В обоих случаях гендерно маркированный индивид выступает у Канта не как автономный субъект, а как социальный конструкт, произведенный структурой всеобщего закона. Поэтому, по мнению Канта, с одной стороны, суд не вправе карать смертной казнью за преступления, связанные с «честью пола» (дуэль или детоубийство), так как в них виноват не индивид, а человеческое общество, а, с другой стороны, разные конструкции мужской и женской вины определяют разные конструкции мужского и женского субъекта в процессе познания. Мужской субъект, сконструированный внутренней виной, является у Канта рефлексивным субъектом, ориентированным на познание себя и своего места в мире, отношение своего «я» к миру, а мужской разум определяется Кантом как «глубокий ум»,¹⁶ склонный к философскому познанию разума, пытающийся ответить на знаменитые кантовские метафизические вопросы «что я могу знать?», «что я должен делать?» и «на что я могу надеяться?» относительно требований всеобщего законодательства. В отличие от мужского женский субъект, конституированный внешней ви-

¹⁵ Кант Иммануил. Метафизика нравов // Сочинения в шести томах. Том 4. Часть 2. М.: Мысль, 1965. С. 261-262.

¹⁶ Кант Иммануил. Наблюдения над чувствами прекрасного и возвышенного. С. 153.

ной (или стыдом), относится к миру не всеобщим, а сугубо частным образом, его знание о мире является ситуативным («прекрасный ум»), а все метафизические вопросы теряют для него свой трансцендентальный смысл. По мнению Канта, женский субъект представляет больший, чем мужской, интерес не для философии, а для антропологии, которую Кант рассматривал как науку, занимающуюся изучением различных телесных, дорефлексивных реакций людей под воздействием внешних обстоятельств.¹⁷

Таким образом, в философии Канта сохраняются приоритеты, характерные для патриархатной философской традиции в целом: хотя Кант *a priori* не отрицает право женщин на разум и даже настаивает на необходимости развития способности рационального мышления у женщин, он, в то же время, отдает явное предпочтение интеллектуальной способности мужского субъекта в процессе познания, вследствие которой только мужской субъект, по мнению Канта, способен выступать субъектом философского знания. Женский субъект, как следует из философии Канта, не имеет доступа к сфере привилегированного философского познания, выступая лишь в качестве объекта антропологического анализа, что обуславливает его подчиненное положение и более низкий статус в культуре в целом.

3) Мери Уоллстонкрафт в защиту женских прав и женской эмансипации

Несмотря на то, что большинство философов-просветителей стояли на патриархатных позициях, именно в эпоху Просвещения впервые были высказаны идеи в защиту женских прав и женской эмансипации. Знаменательно, что одной из первых в истории философии эти идеи сформулировала женщина — Мери Уоллстонкрафт (1759-1797) в своей книге *В защиту прав женщин* (1792). Философский проект Мери Уоллстонкрафт фактически является *первым феминистским проектом* в истории философской мысли.

Обосновывая идею женских прав, Уоллстонкрафт опиралась на положения либеральной теории английского философа Джо-

¹⁷ Кант Иммануил. Антропология с прагматической точки зрения // Сочинения в шести томах. Том 6. М.: Мысль, 1966. С. 554.

на Локка о необходимости признания равных прав для всех «полноценных граждан». Парадоксом концепции либерализма Локка, направленной против деспотизма абсолютистской власти, является то, что в качестве «полноценных граждан» возможного либерального общества признаются независимые по отношению к монарху владельцы частной, преимущественно земельной собственности, которым в первую очередь атрибутируется способность обладать разумом, то есть быть рациональными субъектами (чтобы быть способными управлять собственным земельным наделом). Соответственно и для Мери Уоллстонкрафт — как теоретика либеральной концепции женских прав — наиболее важным становится философский тезис о признании женского субъекта рациональным: только в таком случае она имеет шанс войти в локковский либеральный континуум «полноценного гражданства». А также и тезис о том, что женская чувственность является не чисто естественной, а социально обусловленной характеристикой: «Если женщины должны исключаться без права голоса из участия в естественных правах человечества, — пишет Уоллстонкрафт, — докажите сначала, избегнув упрека в несправедливости и непоследовательности, что они лишены разума».¹⁸

В соответствие с вышеизложенными теоретическими установками рассматривая современное положение женщин, Уоллстонкрафт признает, что большинство женщин еще не готовы к тому, чтобы действовать на равных с мужчинами, так как их разум недостаточно развит из-за преобладания в нем чувственных характеристик. Однако данное положение, по мнению Уоллстонкрафт, является не следствием особой *природы* женской чувственности, как считал Руссо, или особенностей женского *разума*, как считал Кант, а результатом, во-первых, ограниченного женского *воспитания* и, во-вторых, *лишения женщин основных гражданских прав*, то есть следствием определенных социальных причин, которые могут быть изменены. Поэтому главный философский просветительский тезис, подвергшийся критике Уоллстонкрафт — это руссоистский тезис об «особой женской природе», в которой чувственность преобладает над разу-

¹⁸ Mary Wollstonecraft, *A Vindication of the Rights of Men with A Vindication of the Rights of Woman and Hints*, edited by Sylvana Tomaselli (Cambridge University Press, 1995), p. 75.

мом. Уоллстонкрафт считает, что женственность в той форме, как ее описывает Руссо, является репрессивным социальным конструктом, который перестанет существовать при условии, что социализация женщин будет проходить в тех же условиях, что и социализация мужчин.

Основным объектом критики Уоллстонкрафт является так называемая «избыточная чувственность», которая вменяется женщинам в философской концепции Руссо. В своей книге Уоллстонкрафт выступает против мужчин, которые восторгаются чрезмерной женской чувствительностью и ратуют за ее развитие. Она называет таких мужчин «тиранами сексуальности», а женщин, которые соглашаются культивировать в себе такой тип чувственности (чувственность сексуального объекта в современной терминологии) — «рабынями удовольствий». Уоллстонкрафт признает, что, благодаря своей чувственности, женщины имеют возможность пользоваться особой разновидностью власти над мужчинами, которая описана у Руссо. Однако, в отличие от Руссо, Уоллстонкрафт, считает, что такая «власть женщин» не представляет альтернативу по отношению к авторитарной власти мужчин и ведет к деградации, как женщин, которые ею пользуются, так и общества в целом. Порабощенная женщина, фиксирует парадокс репрессированной женской сексуальности Уоллстонкрафт, в свою очередь становится маленьким тираном, находящим удовольствие в мелочной властности, капризах и приступах раздражения. Капризные жены, которые не контролируют свои желания и не могут организовать свои отношения с мужчинами достойным образом, оказывают разлагающее влияние на свое окружение, подобно тому как аристократы в дореволюционной Франции ослабляли и разлагали государство. Не имея моральных устоев, которые происходят из исполнения долга, усердного труда и разума, такие женщины разделяют пороки знати.¹⁹

По мнению Уоллстонкрафт, наибольший вред «избыточная чувственность» наносит *семье*, которую она в русле либерально-просветительской концепции женского считает основой всех *общественных ценностей*. Отсюда же и просветительское представление о том, что любовь, как выражение неконтролиру-

¹⁹ Ibidem, p. 89.

емого чувства, не может служить надежной основой для брака. Женщину, которая пытается строить свои отношения на столь эфемерной основе, неизбежно ожидают личные потрясения и горькие разочарования. В рационалистической просветительской концепции Уоллстонкрафт более прочными являются семейные отношения, основанные на отношениях социального контракта (партнерства), позволяющих супружеской паре ответственно исполнять свои общественно-полезные обязанности. Таким образом, идеальные супружеские отношения строятся, согласно Уоллстонкрафт, по модели локковского либерального контракта: «Для того, чтобы быть способными исполнять свои семейные обязанности и заниматься домашними делами, формирующими нравственный характер, хозяин и хозяйка семьи должны любить друг друга без страсти. Я хочу сказать, что они не должны прощать себе те эмоции, которые нарушают порядок в обществе и отвлекают мысли, которые должны иметь другое применение.»²⁰ Доказывая, что брак не должен основываться на любви, просветительский рационализм Уоллстонкрафт заходит так далеко, что использует следующие формулировки — «несчастный брак часто является выгодным для семьи» и «жена, которой пренебрегают, обычно является лучшей матерью».²¹

В чем же состоит причина несамостоятельного и несовершенного состояния женской субъективности, не отвечающей параметрам либерального гражданства? По мнению Уоллстонкрафт, такой причиной является тем не менее не природный недостаток женского мышления (как в просветительских концепциях Канта или Руссо), а отсутствие возможности образования для женщин. В результате неправильного и несистематического образования мышление женщин, в отличие от мышления мужчин, ограничивается уровнем хаотических и инфантильных ассоциаций, не достигая уровня дедукции и обобщения. Только доступ к более высоким формам процесса рассуждения, изучение которых составляет привилегию мужчин, может освободить женщин от привычного отрывочного мышления и позволить им делать обоснованные суждения и реализовать свою рациональную автономию. «До тех пор пока женщины остаются в

²⁰ Ibidem, p. 210.

²¹ Ibidem, p. 243.

состоянии невежества, — подчеркивает Уоллстонкрафт, — они являются одновременно рабами удовольствий и рабами мужчин».²² Отсюда *право на образование* в философской концепции либерализма Мери Уоллстонкрафт становится наиболее важным *гражданским правом для женщин*. Образование необходимо как для повышения достоинства и самоуважения женщин, так и для выполнения ими своих гражданских обязанностей, способствует освобождению и развитию женщин.

Просветительская философская концепция женского образования Мери Уоллстонкрафт принципиальным образом отличается от философской просветительской концепции женского воспитания Руссо. Хотя под образованием в обеих концепциях подразумевается исключительно домашнее образование, однако его конечные задачи и способы осуществления принципиально различны по критерию женской автономизации и эмансипации. В концепции просветительского образования Уоллстонкрафт, во-первых, принципиально изменяется форма зависимости женского субъекта от власти того, кто «предположительно знает» — наставника/ментора/мужчины: если у Руссо воспитателем является отец или муж (от которых женщина всецело и абсолютно зависит на протяжении жизни), то у Уоллстонкрафт в качестве наставников выступают наемные учителя, что формирует структурное отношение зависимости учитель/ученица в терминах формального договора, допускающего свободу выбора и со стороны женщины. Во-вторых, в концепции образования Уоллстонкрафт принципиально трансформирована его конечная задача: если у Руссо воспитание направлено на вменение женщине ее «особой», «эстетической», фактически репрессированной чувствительности и нравственности, соответствующей так называемому «естественному предназначению женщины» (ограниченному сферой семьи), то у Уоллстонкрафт ведущую роль в воспитании играет развитие гносеологической, логической и философской способности женщины, в терминах которой осуществляется также и ее нравственно-гражданское воспитание (направленное на либеральную трансформацию социума).

²² Ibidem, p. 203.

²³ Lauri Langbauer, «Motherhood and Women's Writing in Mary Wollstonecraft's Novels», in Anne K. Mellor, ed., *Romanticism and Feminism* (Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1988), pp. 215-216.

С точки зрения современной феминистской теории, философская позиция Уоллстонкрафт соответствует просветительской форме рационализма и эгалитаризма, в которых современные феминистские теоретики обнаруживают выражение специфически маскулинистской перспективы в трактовке женской субъективности.²³ Фиксируя существование в современной ей культуре бинарных оппозиций разум/чувственность, сознание/тело, свобода/рабство, цивилизация/варварство, где мужское начало относится к доминирующей, а женское — к подчиненной стороне, Уоллстонкрафт в логике либерального эгалитаризма стремится идентифицировать женское с первой, позитивно оцениваемой стороной, признавая тем самым универсальный характер мужской рациональной нормы в культуре. Утверждая, что женская часть человеческого рода должна рассматриваться прежде всего по общечеловеческому, а не по половому критерию, она решает отнести всех индивидов к высшей (маскулинной) категории, которую она представляет как сексуально и гендерно нейтральную, не нуждающуюся в оппозиции в лице «исключенного другого». Тем самым, мужские, либерально-рационалистические характеристики субъективности рассматриваются Уоллстонкрафт как релевантные для обоих полов. Отсюда критика просветительского рационализма Уоллстонкрафт в современной феминистской теории, базирующейся на принципах сексуального/полового различия.²⁴

В то же время огромная заслуга Уоллстонкрафт заключается в том, что она впервые проанализировала традиционную модель женской субъективности как искусственный социальный конструкт, созданный в рамках мужской культуры и выступила с критикой многих характеристик патриархатного общества, которая положила начало всей последующей феминистской критике. Уоллстонкрафт впервые в истории философии исходит из способности женского субъекта выступать субъектом научного и философского знания и, хотя при этом женский субъект подпадает у нее под мужскую рациональную норму, теория познания Уоллстонкрафт, безусловно, является одним из

²⁴ Joan Landes, «Mary Does, Alice Doesn't: The Paradox of Women's Reason in and for Feminist Theory», in Eileen Janes Yeo, ed., *Mary Wollstonecraft and 200 Years of Feminisms* (London and New York: Rivers Oram Press, 1997), pp. 50-51.

первых проектов антидискриминационной эпистемологии, которую стремятся построить современные феминистские теоретики.

5. «Эпоха чувственности». Метафизическое оборачивание: новая концепция женского в философии романтизма

Современные феминистские теоретики фиксируют, что философии романтизма принадлежит поистине революционная роль в переосмыслении гендерной проблематики в истории метафизики.²⁵ В ней впервые осуществляется логическое оборачивание традиционных бинарных метафизических оппозиций чувственное/рациональное, разум/тело, мужское/женское: *чувственное начало получает приоритет над рациональным, а женское — над мужским*. В отличие от традиционной метафизики, в философии романтизма процесс *познания* приравнивается к процессу *творчества*, ведущей характеристикой которого является не рациональное знание, а чувственное переживание (по словам Новалиса, «поэт воистину творит в беспамятстве»). Воплощением чувственного переживания в истории метафизики традиционно является женская субъективность. Поэтому в философии романтизма конструкция женского признается *ведущей метафизической конструкцией* и устанавливается характерный культ женского.

Трагическим парадоксом новой метафизической конструкции, фиксируемым современной феминистской теорией, является то, что поскольку основной интерес для романтиков представляет духовная, так называемая «мистическая» чувственность, связанная с духовной деятельностью (в первую очередь поэзией), конструкция женской субъективности в философии романтизма редуцирована к символической конструкции, не имеющей отношения к реальной женской чувственности.

²⁵ Elaine Showalter, *A Literature of Their Own: British Women Novelists from Bronte to Lessing* (Princeton: Princeton University Press, 1977), pp. 26-32; Nina Auerbach, *Romantic Imprisonment: Women and Other Glorified Outcasts* (New York: Columbia University Press, 1985), pp. 10-12.

На амбивалентность основного гендерного отношения в философии романтизма указывает амбивалентное структурное соотношение мужской субъективности (воплощенной в основной субъектной фигуре метафизики романтизма — фигуре *романтического гения*) и женской субъективности (являющейся идеальной фигурой так называемого экстатического чувственного переживания и одновременно романтической «истинной музой», вдохновляющей романтического гения к творчеству).²⁶ Парадоксом этой логической конструкции гендерного соотношения является то, что, как свидетельствует анализ философско-эстетических взглядов представителей раннего немецкого романтизма, иенских романтиков — братьев Августа и Вильгельма Шлегелей, Новалиса, Вильгельма Вакенродера, Людвига Тика, Фридриха Шлейермахера, романтическому гению принадлежит *активная* роль в процессе творчества, в то время как «высокая» женская функция в конечном итоге сводится либо к роли *пассивного* источника вдохновения для романтического гения, либо к *пассивной* роли объекта его вдохновения. Примером того, как женский субъект может быть источником творческого вдохновения для мужчины-гения, является известный пример гейдель-бергского романтика Клеменса Брентано, воспевавшего в своей поэзии «мистику вечной женственности», который на протяжении шести лет изо дня в день просиживал у постели монахини Эммерик, у которой открылись стигматы на теле и, записывая ее видения, трансформировал язык одержимой галлюцинациями женщины в форму литературного дискурса. В результате такого «творческого сотрудничества» Брентано создал художественное произведение — своеобразный эпос в прозе, являющийся новой формой выразительности его литературного творческого поиска.²⁷ На трагическую роль пассивной символической музы указывает известный пример «одержимой и экзальтированной» музы романтизма Каролины Шлегель, бывшей женой и музой философа и теоретика литературы Августа Шлегеля, а затем женой и музой другого члена иенского кружка — философа Фридриха Шеллинга и знаменитой не собственным литератур-

²⁶ Diane Long Hoeveler, *Romantic Androgyny: The Women Within* (The Pennsylvania State University Press, 1990), pp. 2-4.

²⁷ Аверинцев С.С. Поэзия Клеменса Брентано // Клеменс Брентано. Избранное. М.: Радуга, 1985. с. 17-18.

ным творчеством, а исключительно ролью вдохновительницы своих великих мужей. Кроме символической роли музыки, Каролина была знаменита рапсодическими декламациями чужих литературных произведений. Ее, по словам Шеллинга, «пророческая душа, неведомая ей самой» привела ее к ранней и трагической смерти.

По мнению романтиков, после того как женщина полностью отдалась своему чувству, ее чувственность лишается всего обыденного, повседневного и становится тождественной содержанию религии и философии, которая, по словам Фридриха Шлегеля, является «ближайшей и необходимой потребностью для женщин».²⁸ Поэтому романтики впервые в истории философии выступили против концепции «естественного предназначения женщины». По словам Шлегеля, «назначение женщины я считаю прямо противоположным домашней жизни.»²⁹ Парадоксом данной интерпретации является то, что в том случае, когда женщина не может или отказывается реализовывать свою подлинную символическую природу, ей, по мнению романтиков, не остается ничего другого, как полностью посвятить себя обычному женскому предназначению. Например, Клеменс Брентано рекомендует своей сестре Беттине (известной писательнице Бет-тине фон Арним) заняться домашним хозяйством — помогать прислуге на кухне и связать ему шесть пар теплых носков.³⁰

Таким образом, романтики, с одной стороны, выступают за освобождение женской сексуальности от ограничений, связанных с семьей и предлагают новую сексуальную мораль, с другой стороны, романтическая «новая мораль Эроса», изложенная в *Люцинде* Фридриха Шлегеля, строится как культ духовного, религиозного эроса, где любовь понимается как священнодействие, опыт мистической чувственности (Шлейермахер), в котором возлюбленная выступает как «жрица ночи» и который не имеет ничего общего с обычной женской чувственностью. Идеаль-

²⁸ Шлегель Фридрих. К Доротее // Эстетика. Философия. Критика. В двух томах. Том 1. М.: Искусство, 1983. С. 347.

²⁹ Шлегель Фридрих. К Доротее. С. 338.

³⁰ Katherine R. Goodman, «Through a Different Lens: Bettina Brentano-von Arnim's Views on Gender», in Elke P. Frederiksen and Katherine R. Goodman, eds., *Bettina Brentano-von Arnim: Gender and Politics* (Detroit: Wayne State University Press, 1995), p. 122.

ный объект любви в литературе романтиков — это возлюбленная, в эротических отношениях с которой нет ничего от обычных сексуальных отношений, например, мертвая невеста Ундина, брачная ночь с которой становится кульминацией романтической любви.³¹

Парадоксом романтических интерпретаций женского выступает также трактовка женского творчества в философии романтизма. Подчеркивая важность женского влияния в процессе творчества, романтики, с одной стороны, активно привлекали женщин к участию в своих кружках и выступали сторонниками участия женщин в создании культурных ценностей. И действительно, целый ряд женских имен связан с творчеством романтиков: Каролина Шлегель, Генриетта Герц, Доротея Шлегель, София Мери, Беттина Брентано, Гюнтероде. Однако, с другой стороны, воспринимая женщин в качестве символических фигур, олицетворяющих подлинную природу философии, поэзии и искусства, романтики не принимали женщин всерьез как авторов. В результате женщины, входившие в литературно-философские кружки романтиков, выступали в основном в роли чтиц, переводчиц или слушательниц, не оставив значительных литературных произведений.

Интерпретация женского в виде символической чувственности зачастую оборачивалась для реальных женщин-авторов личной трагедией и отказом от собственного литературного творчества — как, например, для писательницы Софии Мери, жены Клеменса Брентано. София была старше Брентано и раньше достигла литературной известности; ей покровительствовал Шиллер. Познакомившись с ней, когда она была замужем за иенс-ким профессором Мери, Брентано нашел в ней удивительное сходство со своей рано умершей матерью. Через пять лет, после многочисленных ссор и новых сближений, развода с мужем, состоялся, наконец, их брак, в котором Брентано надеялся, по его словам, испытать «вольный поэтический и фантастический образ жизни». Эта утопия доставила немало страданий им обоим. София призналась в минуту откровенности, что жить с Клеменсом — это попеременно то рай, то ад, однако с сильным преобладанием ада. Совместная жизнь Брентано и Софии Мери продли-

³¹ Де ла Мотт Фуке Фридрих. Ундина. М.: Наука, 1990. С. 89-90.

лась менее трех лет и закончилась смертью Софии. Главным результатом жизни с Brentano стало то, что София Мери отошла от писательской деятельности и перестала публиковаться.

Таким образом, в конечном итоге женская чувственность у романтиков — это символическая чувственность, репрезентированная в виде пассивных музы или источника романтического творчества, осуществляемого романтическим гением в философском и литературном тексте. Поэтому в метафизике романтизма сохраняется (хотя и оборачивается) структура классических патриархальных бинарных оппозиций разум/тело, чувственное/ рациональное, мужское/женское, а мужской субъект осуществляет фактическую «колонизацию женского», стремясь апроприировать характеристики женской чувственности с целью усовершенствования собственных политик идентификации в качестве совершенного творческого *романтического гения*.³²

6. Женское/телесное в философии Ницше

С одной стороны, философия Ницше (1844-1900) известна своей мизогинистской идеологией. С другой стороны, Ницше, по признанию современных, в том числе феминистских философов, принадлежит исключительная роль в изменении традиционной конструкции метафизики и традиционного способа философствования и обосновании так называемой *неклассической* философии, базирующейся на принципах неиерархического и небинарного мышления. В результате признается, что неклассическая философия Ницше впервые в истории философии формулирует концептуальные основания для 1) репрезентации феномена женского в философском дискурсе и 2) подрыва тем самым классической патриархальной мизогинистской традиции в философии.

Основное значение неклассической философии Ницше заключается в радикальной переоценке статуса телесности в культуре, которая подрывает традиционный дуализм духовного и телесного. В-первых, тело у Ницше не является пассивным, а

³² Alan Richardson, «Romanticism and the Colonization of the Feminine», in Anne K. Mellor, ed., *Romanticism and Feminism* (Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1988), p. 13.

представляет собой пластичное и бесконечно разнообразное переплетение различных энергетических потоков. Во-вторых, тело не является сырым материалом, поставляемым природой, а всегда выступает как социальное, культурное тело, отмеченное знаками культуры и политических отношений. В-третьих, именно энергия тела оказывает решающее значение на производство знания/власти в культуре, которые являются для Ницше результатами активности тела, его самоэкспансии и самопреодоления. Другими словами, тело не противостоит культуре, а само есть культура, вернее, проект культуры.

Таким образом, в отличие от традиционной метафизики, в философии Ницше активным является тело, а пассивным, наоборот, сознание. Сознание, разум, утрачивает у Ницше приоритет перед телом и рассматривается не как самостоятельная и самодостаточная сущность, а как продукт деятельности тела, в то время как само тело является, во-первых, условием всякого знания и, во-вторых, эффектом взаимодействия как активных (ориентированных на доминирование), так и пассивных (ориентированных на подчинение) сил. Главным качеством телесного становится, таким образом, качество *становления*, которое не может быть редуцировано к классической логике бинарных оппозиций, а также к так называемой «метафизике сущности». Способность телесности к становлению не может быть предсказана дискурсивным образом и ее пределы не могут быть определены заранее.

Поскольку телесное в традиционной метафизике ассоциировано с женским, женское в неклассической философии Ницше также подвергается переоценке в позитивных терминах становления, по отношению к которому невозможны репрессивные бинарные оппозиции. Ницше рассматривает женское как феномен, по отношению к которому выполнение функции господства, обладания в принципе невозможно, так как женщина исключена из дискурса западной метафизики.³³ По мнению современного феминистского философа Элизабетт Гросс, теория тела Ницше создает в результате предпосылку для развития так называемого *телесного феминизма*, который ставит вопрос о репрезентации женского вне патриархатного бинаризма и является по-

³³ См. Ницше Фридрих. Веселая Наука // Сочинения в двух томах. Том 1. М.: Мысль, 1990. С. 553, 689-690.

этому более позитивной и продуктивной, чем репрессивная теория тела известного постструктуралистского философа Мишеля Фуко, также оказавшего значительное влияние на методологию феминизма.³⁴ Ницшевская стратегия неметафизического философского письма (письмо как танец), кроме того, позволяет современному философу Жаку Деррида в работе *Шпоры. Стили Ницше* сделать вывод о феминности ницшевского стиля философствования (ускользание от культурных стереотипов и подрыв генерализирующей логики), а за ницшевской мизогинией парадоксальным образом обнаружить утверждение феминности и подрыв фаллоцентризма в классической философской традиции.

Важное значение для современной феминистской теории имеет также концепция субъективности Ницше. Принцип телесности позволяет рассматривать модель субъективности как множественную, включающую не только рациональные, но и чувственные, нерациональные характеристики. В отличие от классической — картезианско-кантовской модели — задающей модель единой, унитарной, ригидной, внутренне непротиворечивой субъективности в философии, это модель децентрированной субъективности, которая имеет множественную структуру и не контролируется из одного центра. Ницше называет данную модель эксцентризмом — обретением идентификации в процессе постоянного отказа от тех нормативных (в том числе гендерных) идентичностей, которые навязываются индивиду традиционным обществом. В современной феминистской теории данная модель субъективности рассматривается как условие политик женской эмансипации, так как она дает возможность избегать детерминации женского субъекта посредством навязывания ему нормативных идентификационных гендерных стандартов патриархатной культуры.³⁵

Таким образом, основное значение философии Ницше в преодолении патриархатной традиции в философии состоит в том, что он разработал логические основания, во-первых, для введения феномена женского в философский и культурный дис-

³⁴ Elizabeth Grosz, *Volatile Bodies: Toward a Corporeal Feminism* (Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1994), p. 122.

³⁵ Jane Flax, *Disputed Subjects: Essays on Psychoanalysis, Politics and Philosophy* (New York & London: Routledge, 1993), pp. 92-93.

курс и, во-вторых, для теории женской субъективности, строящейся на неклассических принципах мышления. Дальнейшее развитие философской концептуализации женского на основе философии Ницше представлено в двух основных философских критических дискурсах современности, таких как 1) постструктурализм и постмодернизм (Лакан, Деррида, Делез, Фуко, Лио-тар) и 2) философия феминизма (Батлер, Брайдотти, Иригарэ, Кри-стева, Гросс). Различие между ними в концептуализации женского указывает на двойственную логическую возможность в интерпретации женского в философском дискурсе в целом: в первом случае женское функционирует в качестве текстуальной/дискурсивной реальности и служит дополнительным средством выразительности философского дискурса, во втором — реализуется модель женской субъективности и иного/женского субъекта философствования.

7. гендерная проблематика в современной философии: парадоксы концептуализации женского

Итак, следующим после Ницше этапом концептуализации женского в истории философии являются философские концепции постструктурализма и постмодернизма, сыгравшие большую роль в критике фаллоцентристских порядков культуры. И хотя вопрос о соотношении феминизма и постструктурализма достаточно сложный, тем не менее две постструктуралистские концепции — концепции тела и желания — оказали огромное влияние на развитие феминистской методологии в трактовке основного понятия философии феминизма — понятия женской субъективности. Общим для обеих концепций, базирующихся, как уже было сказано, на философской методологии Ницше, является выделение проблемы *телесности*, помогающей переструктурировать традиционные бинарные дихотомии классического мышления дух/тело, рациональное/чувственное и т. п. в пользу телесности, в традиционных парадигмах мышления считавшейся второстепенной и ассоциировавшейся с понятием женского. Напомним, что основное значение понятия телесности в философском неклассическом дискурсе состоит в том, что

оно означает не перестановку классических бинарных оппозиций в пользу чувственности, а отрицание классического логического принципа бинаризма, обусловившего и бинаризм мужского/женского в культуре, как такового. И хотя, как известно, в философской традиции всегда существовали направления, в той или иной степени концептуализирующие тело и телесные практики человека, в то же время можно утверждать, что только в современной философской и феминистской теории выработаны термины и понятия, способные выразить концептуальную сложность и смысловое многообразие данного феномена.

Наибольшее влияние на концептуализацию женской субъективности по критерию телесности оказали философские концепции Мишеля Фуко (концепция тела как *эффекта власти*) и Жюль Делеза (концепция желания как *производства*).³⁶ Первая концепция интерпретирует тело как поверхность, на которой прописаны социальные нормы и регулятивы, а предметом анализа является в первую очередь социальное, публичное тело (даже в форме аффектированного или маргинального); вторая понимает тело как реальность психологического или психического переживания и предметом ее анализа является воображаемое тело и его воображаемая анатомия. Если фукианская концепция тела при этом помогает феминистским теоретикам осмыслить репрессивные механизмы патриархатной власти по производству женской субъективности, то концепция желания Делеза как основной характеристики субъективности помогает понять ее трансформативную структуру, способную реализоваться вне традиционных (патриархатных) гендерных идентификационных норм. Таким образом, первое направление имеет большое теоретическое значение для эгалитарной концепции либерального феминизма, или «феминизма равенства», так как помогает в осмыслении механизмов производства различных видов гендерного неравенства в обществе; второе направление — для «феминизма различия», так как теоретически обосновывает про-

³⁶ Более подробно о влиянии постструктуралистских концепций на философию феминизма см. раздел «Феминизм и постмодернизм» в книге Жереб-киной И. *Прочти мое желание... Постмодернизм. Психоанализ. Феминизм*. (М.: Идея пресс, 2000) и раздел «Философская методология» в учебном пособии *Теория и история феминизма*. Под редакцией И. Жеребки-ной (Харьков: ХЦГИ, 1996).

исхождение механизмов неравенства на уровне желаний, воли и фантазии.

1) *Критерий тела в структуре женской субъективности.* Главным выводом фукианского анализа механизмов субъективации как властных практик производства является вывод о том, что гендерные маркировки субъективности являются не неизменными биологическими, а социально сконструированы и производятся определенными типами властных стратегий. Вслед за Фуко феминистские исследовательницы определяют современную культуру как исполненную послушания, рациональных форм господства, полезности и расчета — иначе говоря, как культуру массированного управления методами индивидуации (в том числе гендерной). Поэтому основная тенденция анализа феномена современной власти, по их мнению, состоит не только в том, чтобы атаковать те или иные властные институты, группы, элиту или класс, но скорее — саму *технологию власти*, производящую гендерное неравенство/гендерные неравенства в обществе.

2) *Критерий желания в структуре женской субъективности.* В отличие от концепции Фуко, в которой понятие аффектированного тела связано с механизмами регуляции и контроля и соответствующими формами антропоморфной чувственности (тело в политических механизмах принуждения, медицинских практиках и практиках сексуальности), понятие желания в философии становления Делеза и Гваттари понимается не как чувство или аффект, а как *производство* — производство новых типов субъективности через механизм желания; желание, по их выражению, производит, «делает», а не просто «значит» или «репрезентирует», и только в таком случае является действительно трансформативным. Другими словами, желание — это не тело и не структуры аффектированной маргинальной телесности, а *нетелесная трансформация*, подрывающая также и пределы традиционной гендерной идентичности. В то же время эффектом нетелесной трансформации в концепции желания Делеза является материальная трансформация — в частности, жизненной стратегии субъективности. Отсюда основное значение философской концепции желания как производства для феминистской теории — если в традиционной культуре женщина определялась через конститутивное отсутствие параметра желания в структуре субъективности (не обладала собственным желанием, но воплощала объект желания для мужского субъекта, для ко-

того параметр желания был конститутивным), то делезовская концепция желания, делающая критерий желания конститутивным в первую очередь для женской субъективности (в форме конструкции «становление-женщиной»³⁷), позволяет утверждать *самостоятельный характер женского желания* и независимой женской субъективности в культуре.

Тем не менее современная феминистская философия отмечает, как уже было сказано, основной *логический парадокс* постструктуралистской философии в интерпретации женского — женское в ней сведено к дискурсивной/текстуальной структуре, служащей дополнительной формой выразительности современного философского дискурса. В частности, известное постструктуралистское понятие «становление-женщиной» Делеза ни в коем случае не означает референцию ни к эмпирической фе-минности, ни к структуре женской субъективности: это скорее топология номадического, ризоматического сознания, осуществляемого в виде освобождения от сексуального различия как структурной определенности. В то время как феминистская критика направлена на утверждение специфичности женской субъективности. Отличие от Делеза состоит в том, что, во-первых, подчеркивается фигуративность женского опыта в его отличии от мужского (ученица Делеза Роза Брайдотти вообще различает конструкцию субъекта по принципу сексуального различия: «она-я» и «он-я»); во-вторых, вместо делезовского «мира без Другого» в ситуацию становления вводится бесконечная и неизбывная связь женской субъективности с «другим», утверждая тем самым факт реальной женской солидарности в культуре.

8. Заключение. Особенности и значение философии феминизма для современного философского дискурса

Возникновение философии феминизма в истории философии принято связывать с известной книгой Симоны де Бовуар *Второй пол* (1949), в которой она с феминистской точки зрения (с точки зрения дискриминации женского) анализирует особен-

³⁷ Делез Жиль. Логика смысла. Москва: Academia, 1995. С. 292.

ности функционирования женского в культуре. К современной феминистской философии принадлежат такие авторы как Люси Иригарэ, Юлия Кристева, Элен Сиксу, Джудит Батлер, Розы Брай-дотти, Элизабет Гросс и другие.

Главное значение феминистских философских концепций заключается в том, что ведущей в них является *теоретизация женской субъективности*.³⁸ В противоположность современным постмодернистским философским концепциям, экспериментирующим с философскими стратегиями вне дискурса субъективности, феминистские философы, во-первых, не только работают в рамках дискурса субъективности в современной постмодернистской культуре (хотя и в форме деконструированной классической субъективности), но и акцентируют половые/сексуальные дифференциации внутри нее, вводя в современную философскую эпистемологию понятие телесного различия и эффект половой/сексуальной специфичности субъектов знания. Во-вторых, в феминистской философии женский субъект признается активным субъектом знания (в том числе философского), желания и (политического) действия. При этом отказ от традиционных стратегий репрезентации в философии феминизма открыл новые дискурсивные возможности для поиска новых моделей субъективации в культуре (в том числе женской), которые требуют нового теоретического аппарата для описания структуры субъективности не в традиционных эссенциалистских терминах, а в терминах различия и трансформативных (политических) реализаций. В частности, именно философия феминизма не только дискурсивно обосновывает наличие многообразных типов субъективности в современной культуре — таких как мужская и женская гомосексуальные и транссексуальные идентичности, квир-идентичности, но и обеспечивает концептуальную возможность для их легитимной социальной репрезентации.

Кроме того, философия феминизма вносит существенный вклад в отказ от практик бинарного философского мышления: поскольку в ней не воспроизводится традиционная патриархат-ная структура идентичности (мужского/женского), в ней не воспроизводятся бинарные оппозиции мышления в целом.

³⁸ Более подробно о концепциях субъективности в философии феминизма см. раздел «Феминистская теория 90-х годов: проблематизация женской субъективности» в этом учебнике.

В этом контексте необходимо также отметить, что философии феминизма принадлежит особая роль в осмыслении феномена «другости» в современной культуре мультикультурализма — как на уровне дискурсивного осмысления и формирования новых, «других» типов дискурса в условиях современного, так и на уровне «других» политик и практик субъектной реализации. Феминистские политики децентрации, основная суть которых состоит в отказе от стратегий иерархизации и поляризации центра и периферии, универсального и партикулярного, служат альтернативой логике маргинализации и исключения женского как «другого» и являются основанием для неиерархической практики философского мышления. В этом контексте проблематизация (деконструкция) стратегий женской субъективации в современных теориях феминизма, постфеминизма или гендерной теории вовсе не означает их деполитизацию или отказ от ориентации на социальное действие и социальную трансформацию общества. Известный современный американский феминистский философ-теоретик Джудит Батлер по этому поводу пишет следующее: «Деконструкция идентичности не является деконструкцией политики; скорее, она устанавливает в качестве политического любое понятие, через которое артикулируется идентичность».³⁹ Философия феминизма обосновывает, таким образом, принцип равноправия для всех без исключения практик и форм жизни, любых типов субъективности, соответствуя тем самым основной современной политической задаче философии — способствовать утверждению принципов открытости, динамичности и неиерархичности в сфере общественной жизни и развитию демократических стратегий в сфере теоретического мышления.

³⁹ Батлер Джудит. От пародии к политике // Современная философия, № 1. Харьков: ХЦГИ, 1995. С. 148.

Гендерная проблематика в теории культуры

Альмира Усманова

1. Гендерная проблематика в парадигме культурных исследований

1. Введение: пол и гендер в контексте дихотомии «природа-культура»

«Природа или культура» — что является исходной причиной существования на протяжении многих веков такой модели социальных отношений между мужчинами и женщинами, в рамках которой один пол присваивал себе право говорить и действовать (и тем самым репрезентировать его интересы) от имени «второго» пола? Можно ли объяснить универсальностью биологического различия универсальную практику субординации женщин в патриархатной культуре, имеет ли здесь место причинно-следственная детерминация? Почему женское, как правило, отождествляется с природным началом, с тем, что подлежит контролю и управлению, в то время как мужское воспринимается как инстанция культуры и социального порядка, как самостоятельное и автономное начало? Существует ли «неизменная сущность» женщины (определяемая все той же биологической трагедией «слабого» пола)?

Подавляющее большинство теоретиков, занимающихся гендерными исследованиями сегодня, сочло бы эти вопросы по меньшей мере архаическими, в лучшем случае отнесся к ним как к напоминанию об историчности феминистского дискурса, хотя для исследователей середины 70-х годов этот вопрос был далеко не праздным.

Мифология женского предназначения («женской природы»), легитимировавшая на протяжении многих веков ситуацию угнетения одного пола другим (на пересечении с иными — расовыми, классовыми, этническими линиями социального напряжения), стала предметом переосмысления в работах ранних феминистских теоретиков. Позже феминизм уступил место постфеминизму, а эссенциалистская точка зрения была заменена конструктивистской.¹ В результате концептуальной основой современного феминизма стало понятие *гендер*, обозначающее все те социальные и культурные нормы, правила и роли, которые общество предписывает людям в зависимости от их биологического пола,² а в качестве дисциплинарной (точнее, междисциплинарной) матрицы анализа выступили *гендерные исследования*, нацеленные на изучение социальных и культурных реализаций биологического пола и различных форм сексуальности.

Только на первый взгляд может показаться, что способ мышления, виды деятельности и нормы поведения мужчин и

¹ Суть эссенциалистской точки зрения на проблему пола состоит в тезисе о том, что половая дифференциация, проявляющая себя на всех уровнях социальных отношений, обусловлена изначальным биологическим различием мужчины и женщины. В то время как культурный релятивизм (или конструктивизм) настаивает на том, что даже с учетом биологических различий между полами основное значение имеет процесс социально го конструирования сексуальности и полового различия.

² Следует отметить, что споры по поводу использования термина «гендер» не прекращаются как в постсоветских странах, так и за рубежом. Несмотря на очевидное методологическое преимущество этой категории, политические последствия ее применения оцениваются по-разному. Для нас использование этого термина означает подключение к уже существующей западной исследовательской традиции и языку (теории), гораздо более чутко реагирующим на различие биологического и культурного при определении пола. Для западных феминисток существует иная проблема. Роза Брайдотти считает, что основная проблема состоит в теоретической неадекватности, а также в неясной, политически аморфной природе термина. То есть, с одной стороны, «гендерные исследования» — это способ интеграции мужских, женских и квир-исследований в рамках фронтального теоретического движения; с другой стороны, это способ «обезвреживания», дерадикализации, деполитизации феминистской программы, снижения его антиконформистского пафоса: не случайно некоторые исследователи сравнивают «гендер» с «гибкой формой для печенья», которой вы можете придать практически любые приглянувшиеся вам контуры перед тем, как заняться выпечкой. (См.: Феминизм под любым другим именем. Интервью с Розой Брайдотти // Гендерные исследования, 1999, № 2. С. 53).

женщин определены самой природой. При более глубоком анализе обнаруживается, что во внесоциальной (внекультурной) сфере ни мужчина, ни женщина «не существуют». Феминин-ность и маскулинность конституируются в специфических культурных обстоятельствах наряду с классовыми, возрастными, семейными и прочими факторами: то, что описывается как природное, чаще всего является культурно порождаемым. Сексуальность не может быть постигнута в чисто биологических терминах, она не является докультурной физиологической данностью, сферой инстинктов; иначе говоря, сексуальность конституируется в обществе, а не является биологически заданной.³ У пола есть история. В этом контексте эссенциалистские представления о половых различиях предстают как разновидность патриархатной идеологии, оправдывающей таким образом социальную ситуацию угнетения одного пола другим.⁴ Да, физиологическое различие первично (и предшествует любому другому — например, социальному различию), но вопрос заключается в том, как культура пользуется этим изначальным биологическим различием, интерпретируя его, закрепляя с помощью различных конвенций, включая его в игру властных отношений.

2. Гендер и культура: антиэссенциализм как культурализм

Таким образом, антиэссенциалистский поворот в феминизме можно было бы также охарактеризовать как «культурализм»: речь идет об эпистемологической установке, сложившейся в недрах культурной антропологии⁵ и унаследованной современ-

³ Как писала Гейл Рубин, «сексуальность в той же значительной степени продукт человека, что и диеты, транспортные средства, системы этикета, формы труда, типы развлечений, производственные процессы или модусы подавления». (Рубин Г. Размышляя о поле: заметки о радикальной теории сексуальных политик // Гендерные исследования, 1999, № 3. С. 15-16).

⁴ P. Brown, L. Jordanova, «Oppressive dichotomies: the nature/culture debate», in J. Munns, G. Rajan, eds., *A Cultural Studies Reader. History, Theory, Practice* (Longman, 1995), p. 511.

⁵ Не последнюю роль в этом процессе сыграла дебиологизация запрета на инцест, осуществленная Леви-Стросом К., и объяснение этого феномена

ными культурными исследованиями, суть которой можно было бы сформулировать очень коротко: «*Все есть культура*» (и, следовательно, любой феномен имеет свою историю и наделен смыслом). Культурализм, без которого современная феминистская теория была бы невозможна как таковая, является результатом длительной теоретической революции, вытеснившей в конечном счете природное (и/как универсальное) на периферию культурной реальности. А синтез феминизма с культурной теорией сказался прежде всего в ярко выраженном интересе к анализу практик символизации и репрезентации.⁶

Примечательно то, что феминистские теоретики не ограничились деконструкцией биологического детерминизма, возложив ответственность за патриархальный порядок на Культуру. «Культура» не является самодостаточным и окончательным принципом объяснения различных социальных феноменов в той же мере, как и «Природа»: речь идет о необходимости историзации обеих категорий, вписывании их в эпистемический контекст европейской метафизики. Как «природа», так и «культура» представляют собой исторически и культурно сконструированные, социально и политически нагруженные понятия, а вовсе не универсальные и не врожденные категории.⁷ Возможно, такая постановка проблемы еще больше релятивизирует культуралистские допущения гендерных исследований, однако в контексте гуманитарных наук

посредством анализа универсальности обмена в социальных отношениях (обмена женщинами, прежде всего), равно как и исследование «техник тела» Моссом М. Пограничный статус запрета на инцест (как явления, маркирующего саму границу между природой и культурой), его роль в эволюции культуры парадоксальным образом напоминает нам о «погранично-сти» женского существования в культуре — также описываемого как «бы-тие-между» Природой и Культурой. Как писала Гейл Рубин, если мы принимаем точку зрения Леви-Строса на запрет на инцест и согласны с тем, что с этим феноменом связано начало культуры, то нам остается лишь признать, что «поражение» женщин в историческом смысле произошло одновременно с зарождением культуры и являлось ее предпосылкой (См.: G. Rubin, «The Traffic in Women: Notes on the Political Economy of Sex», in Rayna R. Reiter, ed., *Toward an Anthropology of Women* (New York and London: Monthly Review Press, 1975, pp. 164-183).

⁶ M. Barrett, «Feminism's Turn to Culture», *Woman: A Cultural Review* 1, 1990, pp. 22-24.

⁷ P. Brown, L. Jordanova, «Oppressive dichotomies: the nature/culture debate», in J. Munns, G. Rajan, eds., *A Cultural Studies Reader. History, Theory, Practice* (Longman, 1995), p. 512.

в целом она подвергает сомнению тот имплицитный универсализм, на котором базируются нефеминистские теории культуры. Иначе говоря, во многих теориях (в отечественной культурологии в частности) культура предстает как нечто объективно всеобщее, имперсональное, как то, что определяет сферу человеческой деятельности в целом, тогда как с феминистской точки зрения за подобными рассуждениями скрывается все та же патриархатная идеология, вольно или невольно оправдывающая существующее положение дел с угнетением женщины через апелляцию к универсальным основаниям человеческого опыта.⁸ Так что проблематизация природно-биологического имела огромное значение внутри феминистской теории, а проблематизация культурного позволила критически переосмыслить «природу» гуманитарного познания в целом и философию культуры в частности.

Реминисценции на тему эволюции феминистской парадигмы необходимы нам для того, чтобы понять парадоксальную ситуацию, в которой феминистская теория оказалась при пересечении интеллектуальных и политических границ с Запада на Восток. Интеграция феминизма в так называемые «культурные исследования» (*cultural studies*) на Западе не была безболезненной для обеих парадигм, в рамках же постсоветской культурологии (той самой, что преподается в наших университетах, начиная с 1990-х годов) этой интеграции не произошло вовсе. Достаточно обратиться за подтверждением этой точки зрения к многочисленным постсоветским учебникам и программам по культурологии, где гендерные исследования в лучшем случае описываются как одна из западных теорий (а чаще всего отсутствуют в принципе), но методологических оснований и концептуального каркаса подобное позиционирование не коснулось: типологизация культуры по-прежнему носит сугубо евроцентристский характер в духе гегелевской философии истории, феминистские теоретики, равно как и теоретики-женщины в них отсутствуют, а женский опыт просто меркнет на фоне «глобальных проблем современности», таких, например, как динамика культуры или отношения между Востоком и Западом. Тогда как в западных культурных исследованиях включение феминизма в эту парадиг-

⁸ Sh. B. Ortner, «Is female to male as nature is to culture?», in J. Munns, G. Rajan, eds., *A Cultural Studies Reader. History, Theory, Practice* (Longman, 1995), p. 495.

му изменило как ее эксплицитное содержание, так и методологические допущения, на которых она основана. С точки зрения многих теоретиков в этой части Европы культура все еще имплицитно понимается как объективно всеобщая категория универсального человеческого опыта, при этом женское по-прежнему подспудно отождествляется с природным, а мужское выступает носителем всеобщего и культурного.

3. Культурология и/или «культурные исследования»

Феномен «культурологического бума» в постсоветской гуманитаристике начала 1990-х годов имеет свои специфические причины, малопонятные стороннему наблюдателю. Хорошо известно, что за пределами бывшего Советского Союза ничего похожего на «культурологию» не существует (если не принимать во внимание не получившую поддержки попытку Лесли Уайта концептуально трансформировать культурную антропологию). У западных исследователей недоумение зачастую вызывает сам термин, равно как и содержательная и методологическая направленность «новой» постсоветской дисциплины. В то же время в англо-саксонских интеллектуальных кругах на протяжении последних тридцати лет интенсивно развивалось такое направление, как «культурные исследования»,⁹ о котором мы, в свою очередь, имеем крайне фрагментарное представление.

⁹ Появление *Cultural Studies* тесно связано с британской интеллектуальной традицией, и более конкретно — с созданием Бирмингемского Центра культурных исследований в 1964 году, первым директором которого стал Ричард Хогарт, автор эпохальной работы *The Uses of Literacy* (Penguin, 1957). Сравнительно недавно Центр был преобразован из исследовательской структуры в Факультет социологии и культурных исследований при Бирмингемском университете. С конца 80-х гг. культурные исследования начали активно институционализироваться также и в университетах США, Канады и Австралии. Почти невозможно дать определение «культурным исследованиям», поскольку это направление известно своим эклектическим характером, множественностью предметов анализа (приоритетными выступают культура-идеология-репрезентация-идентичность) и политическим подтекстом. В рамках этой парадигмы «культура» перестает быть «объектом» и становится «способом проживания», совокупностью практик, формирующих идентичность субъекта класса, расы и гендера.

Проще всего было бы сослаться при объяснении этого феномена параллельного существования двух теоретических парадигм на терминологическое расхождение, однако в действительности речь должна идти об их принципиальном различии, если не сказать больше — о несовместимости. Основная проблема здесь состоит не в номинации, а в более глубоких основаниях двух подходов к анализу проблем культуры. За термином «культурология» скрывается совершенно определенная академическая традиция, социокультурная ситуация, идеология и даже политический фон. Деполитизированная, идеологически безопасная версия отечественной культурологии не готова предложить свою модель интерпретации наличного состояния культуры, поскольку в теоретическом плане она базируется на принципах единства, линейного характера и интеллигибельности форм культуры прошлого, а в социальном — на академическую замкнутость.¹⁰ Эkleктизм и всеядность культурологии интерпретируются зачастую как принципиальная открытость любым инновациям, но это может также означать ее методологическую аморфность.

¹⁰ Культурология — в отличие от политически ориентированных «культурных исследований» — или не способна, или по определению не может заниматься осмыслением современного состояния нашей культуры: она с неким завидным упорством следует уже отработанным шаблонам и структурам, уделяя основное внимание анализу таких тем, как «понятие культуры» (предполагается, что определений бесконечно много, но Культура все-таки одна), «культура и деятельность», «культура и цивилизация», «культура и контркультура», «культура и субкультуры», «типы культур», «динамика культуры» и т. д.). Удаленность культурологии от практики повседневного бытия не подлежит сомнению: курсы по истории культуры завершаются, как правило, где-то на «серебряном веке» русской культуры. Тогда как «культурные исследования» создавались в атмосфере напряженных дискуссий по поводу самых насущных проблем современности, изменивших стиль жизни и социальные реалии западных обществ: индустриализация, модернизация, урбанизация, усиливающаяся дезинтеграция локальных общин, коллапс западных колониальных империй и развитие новых форм империализма и неокolonизма, развитие массовых коммуникаций, возрастающая коммодификация культурной жизни, создание глобальной экономики и повсеместное распространение массовой культуры, возникновение новых форм экономически и идеологически мотивированной миграции и возрождение национализма, расового и религиозного притеснения. «Культурные исследования» представляют собой своего рода культурную антропологию современных, пост-индустриальных обществ, но также и теорию, понимаемую как практику, активно вторгающуюся в социальные процессы.

Эпистемологические основания культурологии принципиально отличаются от познавательных установок, имплицитно содержащихся в «культурных исследованиях» (это, кстати, хорошо видно из сопоставления логоцентристского в своей основе и евро-центристского по содержанию термина «культурология» с названием «культурные исследования», подразумевающим как методологический плюрализм, так и множественность изучаемых объектов).

Отечественная культурология несет на себе неизгладимую печать культурной логики позднего социализма: она оперирует теми же бинарными оппозициями, в которых имплицитно содержатся те же аксиологические приоритеты (восходящие к эпохе Просвещения) — высокая культура противостоит массовой, духовная культура отделена от материальной, элитарная (и классическая) — от народной, «культура» рассматривается в оппозиции к «цивилизации». Теоретический бинаризм (с его явными аксиологическими приоритетами и стремлением к «экономии одного») в определенной мере был олицетворением тех практик классификации, селекции и последующего исключения или уничтожения, которые советская государственная машина практиковала в сфере самой культуры. Принцип «мультикультурализма» был в корне чужд и советской культурной политике. Степень «различия» внутри советской культуры была (или *казалась?*) минимальной, а теорией культуры эти различия и вовсе не замечались: опыт многих субкультур по-прежнему оставался невидимым для официальной науки.

Негативная оценка массовой культуры (как анти-культу-ры) и снисходительное отношение к народной культуре (ей была отведена роль театральной ширмы, за которой разыгрывалась драма национальных и этнических идентичностей) выражают «культурологическое бессознательное» советской власти, унаследовавшей от предшествующих правящих режимов негативное отношение ко всем типам культур (которые в этом смысле вообще не относятся к области культуры), которые не связаны с (профессиональным, кастовым) искусством, культивированием классики и обращены к массовому потребителю.

Раймонд Уильямс (один из основателей британских «культурных исследований») отмечал, что мы все еще продолжаем смотреть на культуру глазами ученых 18 века, испытывавших скрытое или явное презрение ко всем другим видам деятельно-

сти, за исключением интеллектуальных. Определения культуры, которыми оперирует и культурология, по иронии судьбы воплощают аристократическое понимание культуры, согласно которому культура неизменно ассоциировалась с философией, искусством, литературой, наукой — теми сферами деятельности, где традиционно главную роль играли представители господствующего класса.¹¹

Не случайно Уильямс и его коллеги начали с того, что предложили отказаться от ряда старых стереотипов мышления, шаблонных делений искусства на высокое и низкое, технологию и культуру (и следовательно, отказаться от негативных коннотационных терминов «культурная индустрия»), от оппозиции интеллектуала и массы, культуры и политики. Они попытались изменить «элитистскую» культурологию и с неомарксистских позиций исследовать надстроечные явления под лозунгом все *есть массовая культура* (Leavis F.R.), отказавшись от идеи культуры как Великой Традиции, «суммы достижений человеческого разума и духа», совокупности шедевров, домена интеллектуального и эстетического совершенствования.¹² Культура не обязательно — «лучшее из всего сказанного и сделанного»¹³ человечеством (она не тождественна «высокой культуре»). Культура определяется ими как процесс, в котором происходит общесоциальный процесс обмена значениями, где последние являются социальными и культурными конструктами и носят исторически изменчивый, преходящий характер. Культура — это, прежде всего, социальный феномен, а не «сумма эстетических идеалов красоты» и не «голос разума», который проникает через границы времени и нации и говорит от лица гипотетического универсального человека.¹⁴ В таком понимании культуры — как способа жизни, как

¹¹ См.: R. Williams, *Culture and Society, 1780 — 1950* (Penguin, 1958). В этой работе Уильямс анализирует метатеоретические основания дискурса о культуре, начиная с английских теоретиков 18 века, переходя к марксизму и заканчивая работами английских интеллектуалов послевоенного периода.

¹² Традиция всегда селективна, то есть она отбирает одно и оставляет в забвении другое, как правило, процесс селекции происходит не без участия и интересов господствующего класса.

¹³ S. Hall, «Cultural Studies: Two Paradigms», *Media, Culture and Society* 2 (Sage Publications, 1980), p. 59.

¹⁴ J. Fiske, «British cultural studies and television», in J. Storey, ed., *What is Cultural Studies?* (Arnold, 1996), p. 115.

совокупности *практик*, как процесса создания ценностей, присущих данному обществу — теоретики культурных исследований очень близки к позиции культурных антропологов.¹⁵

Британские теоретики предлагали исследовать культуру в совокупности ее материально-производственных, социально-экономических, повседневно-бытовых, коммуникативных,¹⁶ политико-идеологических, эстетических и религиозно-философских форм. Они стремились к анализу культуры не в абстрактно-философских категориях, а в социально и исторически определенных контекстах; в поле их внимания — не «доминирующие» культурные модели, а скорее, маргинальные и оппозиционные культурные практики — все то, что традиционно относилось к категории «друговости».¹⁷ В рамках такой исследовательской стратегии любой культурный феномен анализируется не как явление «возвышенной автономности», а с точки зрения его принадлежности «совокупному способу производства» данной культуры (эффект «структурной причинности» Альтюссера). Искусство перестает рассматриваться как квинтэссенция духовно-культурного опыта, здесь это всего лишь одна из форм общей соци-

¹⁵ S. Hall, ed., «Introduction», *Representation: Cultural Representations and Signifying Practices*, (Milton Keynes: The Open University, 1997), p. 2.

¹⁶ Среди исследователей существует определенное разногласие по поводу уместности использования традиционных терминов, использование которых неизбежно возвращает нас к дихотомическим парам «высокая — низкая», «массовая — элитарная» культуры и т. п. В связи с чем предпринимаются попытки обозначить объект культурных исследований с помощью, например, такой категории как «культура медиа». Даглас Келлнер полагает, что значение этого термина описывает одновременно природу и формы артефактов культурной индустрии, характеризует способ производства современной культуры и ее распространения, выделяя в особую сферу цикл производства, потребления и восприятия продуктов, производимых средствами массовой коммуникации. На методологическом уровне использование этого термина позволяет объединить в одно целое «культурные исследования» и теорию коммуникаций. Культура по определению коммуникативна — это модус ее существования (предполагающий различные формы символического обмена — от потлача и брачных союзов до феномена массовой коммуникации), а «медиа культура» к тому же — это доминантная, господствующая форма, способ бытия культуры в современном обществе (См.: D. Kellner, *Cultural Studies, identity and politics between the modern and the postmodern* (Routledge, 1995), p. 32).

¹⁷ A. Brooks, *Post feminisms. Feminism, cultural theory and cultural forms* (Routledge, 1997), p. 141.

альной практики.¹⁸ Материалистической эта парадигма является потому, что основное внимание она уделяет изучению «материальной культуры» — не изучению роли экономического базиса по отношению к надстройке, а именно материальной, ме-диализированной, технологичной повседневной культуры, которая выступает как посредник между высокой культурой и искусством и собственно материальным производством, между властью и простыми людьми. Стирая различие между высокой и массовой культурой, «культурные исследования» обнажают природу этого различия, детерминированного борьбой политической и академической властей¹⁹ — борьбой за культурный капитал и доступ к нему, за производство идентичностей внутри и посредством культурных репрезентаций.

Culture is ordinary (Культура обыденна) — так называлась знаменитая работа Уильямса, изменившая радикальным образом представления западных теоретиков (в том числе и феминистских) о том, что такое культура.²⁰ Уильямс утверждал, что культура должна быть изучена как целостный «способ жизни», как реальный мир, в котором живут (работают, любят, творят, отдыхают) обычные люди. Более того, речь должна идти о многообразных способах жизни, а не об одном типическом или едином. «Обычность» или «обыденность» культуры означает, что мы все участвуем в ее создании и приучаемся жить в ней посредством целого ряда повседневных практик, формирующих наш образ мыслей — получаем образование, играем, учим родной язык, приобретаем навыки к труду в кругу семьи, приобретаем опыт межличностных отношений. Именно в этих обычных видах деятельности мы научаемся культуре. Культурные смыслы и значения обретаются в повседневном опыте. Взяв на вооружение тезис Фейербаха о том, что «человек есть то, что он ест» (или в формулировке Маркса «бытие определяет сознание» — в любом случае, речь идет о совокупности детерминаций, определяющих сознание человека в зависимости от его окружения, жили-

¹⁸ S. Hall, «Cultural Studies: Two Paradigms», p. 59.

¹⁹ Многие социальные группы — рабочий класс, женщины, «цветные» — не были представлены соответствующим образом в традиции «высокой культуры»: они были маргинализированы или вовсе исключены.

²⁰ R. Williams, «Culture is ordinary», in A. Gray, J. McGuigan, eds., *Studying Culture. An Introductory Reader* (London, New York: Arnold, 1997), pp. 5-14.

ща, способа питания и т. д.), теоретики «культурных исследований» предложили свое понимание «природы человека». Лаконичнее всего по этому поводу в свое время высказался Антонио Грамши: «Природа человека — это «история».²¹ Тем самым отрицается и «человек вообще», и «культура» как нечто всеобщее и преимущественно «духовное», и одновременно утверждается идея о становлении, историчности и контекстуальности человеческого бытия и сознания.

Для теоретиков Бирмингемского Центра культурных исследований идея безусловного торжества доминирующей идеологии в сфере культуры неприемлема — будучи медиатором политических амбиций классов-антагонистов, культура является пространством борьбы за символический капитал, она инициирует процесс обмена мнениями и выработку критических теорий. Культура не является ни полностью автономной, ни абсолютно детерминированной сферой, это скорее место проявления социальных различий и борьбы за идеологические приоритеты.²²

В то же время культура выступает не только средством легитимации социального неравенства — она также предлагает способы его преодоления, что чрезвычайно важно для теории феминизма. Любая «революция» (от социалистической до женского освободительного движения) начинается с борьбы за переоценку культурных ценностей и изменение культурной политики.²³ Культурная политика класса, пола или расы — это борьба за то, чтобы сделать «видимой» историю и культуру данной социальной группы, это борьба за репрезентацию, это борьба с доминирующей идеологией, узурпировавшей право на «именование», на натурализацию так называемого «здорового смысла», на представление «официальных версий» и реконструкцию исторического прошлого. История феминизма является, возможно, наиболее ярким примером такой борьбы — включавшей в себя как критику доминантных (патриархатных) способов репрезентации женщин, так и создание анти-сексистских позитивных образов и значений фемининности.

²¹ Грамши А. Тюремные тетради. Часть 1. М., 1991. С. 55-56.

²² R. Jonson, «What is cultural studies anyway?», in J. Storey, ed., *What is Cultural Studies?* (Arnold, 1996), p. 76.

²³ G. Jordan, Ch. Weedon, *Cultural Politics. Class, Gender, Race and the Postmodern World* (Blackwell, 1995), p. 5.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о том, как британские теоретики понимают *идеологию*, и в чем их интерпретация расходится с общепринятым в раннем марксизме представлением об идеологии как «ложном *сознании*». Вслед за Луи Альтюссером с его концепцией «государственного идеологического аппарата» они полагают, что идеология — это набор мифических и иллюзорных представлений о реальности, выражающих воображаемые отношения людей к реальным условиям своего существования и присущих их непосредственному опыту. Идеология — это совокупность бессознательных детерминаций, а не форма сознания (и не *система* идей)²⁴ в общепринятом смысле. Если у Маркса и у Ленина (тем более, в марксизме-ленинизме) идеология выступала как форма общественного сознания, здесь речь идет, скорее, об общественном бессознательном. Кроме того, если классики марксизма были уверены в том, что в бесклассовом обществе идеология перестанет существовать, уступив место научному мировоззрению, то Альтюссер утверждал, что у идеологии нет истории, и подобно бессознательному она вечна.²⁵

Идеология не только предлагает концепцию внешнего мира, но она также формирует самого субъекта, вписывая его в эту картину мира. Основной целью любой идеологии всегда было конституирование индивидов в воображаемые «субъекты»: субъект сам по себе есть «ничто», пустая форма, которая заполняется содержанием символических матриц. Тем самым проблема *идентичности субъекта* — это проблема конституирования его символического статуса в системе социальных отношений. В культуре (через идеологию) субъект создает собственный нарциссический образ, социализируясь посредством вписывания себя в определенную символическую структуру социума. Вместо «истинной», всегда тождественной самой себе идентичности классического субъекта Альтюссер предлагает идею культурной (символической) идентичности. Таким образом, субъект — это не онтологическая сущность, но социальный конструкт. Все это позволяет нам понять, какую роль играют озна-

²⁴ S. Hall, «Cultural Studies and the Centre: some problematics and problems», *Culture, Media, Language* (Hutchinson, 1980), p. 32.

²⁵ L. Althusser, «Ideologie et appareils ideologiques d'Etat», *Positions*, Editions sociales, 1976, pp. 97-98.

чивающие практики в конституировании идентичности субъекта — отсюда такое внимание «теоретиков культурных исследований» к воображаемым, символическим отношениям, которые определенным образом репрезентируют реальные условия жизнедеятельности индивидов (что на уровне методологии выражается в эксплицитном интересе к семиотике).

Вопреки претензии на универсальность, господствующая идеология и то мировидение, которая она предлагает, с необходимостью являются узкими и избирательными: именно поэтому одновременно в обществе существуют практики, которые доминирующая система отрицает или исключает из сферы «культуры». Такие практики воплощают собой значения и ценности, свойственные индивидам и социальным группам (при этом речь не идет только о группах, консолидированных по классовому признаку), чья позиция в общественном целом является маргинальной и бесправной. Наличие таких групп (женщины, субкультуры городской молодёжи, группировки «фанов», гомосексуалы, эмигранты) позволяет говорить о постоянном присутствии в обществе напряжения и противоречий между основными системами практик, значений и ценностей и множеством маргинальных.

Итак, культура в парадигме «культурных исследований» мыслится как процесс, «праксис», нечто подвижное и быстро трансформирующееся, где имеет место множественность детерминаций, среди которых трудно отделить ситуативные, сиюминутные факторы влияния от проявлений долговременных отношений и ценностей. Культура с большой буквы уступила место множественным, частным, исторически и социально определенным культурам. Культура — не едина и гомогенна, а дифференцирована, основана на принципе различия. Если это и единство, то сложное («единство-в-различии», «артикулированная целостность»)²⁶.

Такова в общих чертах та концепция культуры, которая получила название *культурных исследований* — парадигма, ставшая весьма влиятельной еще в 60-е годы, но остававшаяся до известного момента (при всем своем демократическом потенциале) удивительно *безразличной* к проблеме гендерного разли-

²⁶ S. Hall, «Cultural Studies: Two Paradigms», pp. 57-72.

чия и полового неравенства, пока кто-то не задался, наконец, вопросом: «А как насчет женщин?»

4. Гендерная проблематика в «культурных исследованиях»

Как отмечает Лоуренс Гроссберг, трудно представить себе сегодня «культурные исследования», которые не включали бы в себя гендерную тематику²⁷. В то же время гендерная тематика далеко не сразу была включена в круг вопросов, исследовавшихся бирмингемскими теоретиками. Группа женских исследований была создана при Центре лишь в начале 70-х годов, а первой серьезной публикацией, ознаменовавшей начало диалога между двумя традициями, стала книга под красноречивым названием *Женщины не согласны*²⁸.

Казалось бы, налицо общность интересов, идеологическая близость и сходство исследовательских стратегий обоих направлений. Оба направления тесно связаны с политическим и социальным контекстами, существующими вне академии. Оба занимают критическую позицию по отношению к академической атмосфере и обоим утверждение в стенах университетов далось нелегко. Благодаря им многие из ранее не исследовавшихся маргинальных или банальных на первый взгляд проблем впервые привлекли к себе внимание теоретиков с последующей разработкой соответствующих методов анализа: исследование домашней работы, популярные культурные формы, телевидение, «бульварное чтение». Оба направления были заинтересованы в том, чтобы «молчащие» угнетенные социальные группы были услышаны (в одном случае, речь идет об изучении культуры рабочего класса или эмигрантов, а в другом — об исследовании форм систематического подавления женщин в патриархальном социуме). «Личное есть политическое» — знаменитый тезис, отражавший настойчивое стремление феминизма порвать с традици-

²⁷ L. Grossberg, «The Formations of Cultural Studies», in V. Blundell, J. Shepherd, I. Taylor, eds., *Relocating Cultural Studies* (London: Routledge, 1993), p. 26.

²⁸ Women Studies Group, eds., *Women Take Issue: Aspects of Women's Subordination* (London: Hutchinson, 1978).

онным делением на «объективное» и «субъективное», частное и публичное и обосновать значимость личного опыта (как в политической, так и в теоретической практике) мог бы с равной степенью убежденности прозвучать из уст любого бирмингемского теоретика. Анн Грей, возглавляющая ныне факультет социологии и культурных исследований в Бирмингеме, считает, что и изучение «способов бытия» непризнанных субординированных групп в стенах академии, и стремление преодолеть ригидность дисциплинарных границ, и многие другие факторы конституировали политические и теоретические интересы обоих направлений.²⁹

Возможно, причину их временной дистанцированности следует усматривать в определенной несовместимости или, по крайней мере, в противоречиях, существующих и по сей день между феминизмом и марксизмом. «Классовый редукционизм» и бес-сознательно-патриархатный характер ранних текстов бирмингемских «отцов-основателей» (Хогарт-Уильямс) стали тем барьером, который удалось преодолеть далеко не сразу.

История отношений между феминизмом и марксизмом также дает повод для подобных размышлений. С самого начала женское движение и его идейные основания не имели самостоятельного значения для идеологов марксизма: отрицалось прежде всего то, что придает отношению полов их социальный проблемный статус. Отношение полов имплицитно полагалось как естественное, данное природой и, таким образом, значимое как до- и вне-политическое.³⁰ Ранний марксизм, ставивший культуру (как часть надстройки) в зависимость от базисных явлений, в принципе не был заинтересован в проблематизации культурных факторов, обуславливающих существующую дискриминацию полов и натурализацию женской «дефектности». Марксистские идеологи считали, что положение женщины в обществе должно служить мерой всеобщей эмансипации (на этом настаивал еще Фурье), однако решение «женского вопроса» являлось лишь признаком и сопутствующим фактором более глобальных перемен. Одновременно дискриминация женщин считалась

²⁹ A. Gray, «Learning from Experience: Cultural Studies and Feminism», in J. McGuigan, ed., *Cultural Methodologies* (SAGE Publications, 1997), pp. 88-89.

³⁰ Клингер К. Либерализм — Марксизм — Постмодернизм. Феминизм и его счастливый или несчастный «брак» с различными теоретическими течениями 20-го столетия // Гендерные исследования, 1998, № 1. С. 38.

показателем общих условий социального неравенства: система собственности на средства производства, противоречия между трудом и капиталом, эксплуатация пролетариата. «Посредством революционного изменения этой, основанной на экономическом строе системы и, соответственно, посредством прекращения эксплуатации пролетариата в социалистическом обществе должно было осуществиться и решение проблемы взаимоотношений полов — вторичной, относящейся к основной проблеме как следствие и частный случай, как неосновное противоречие к основному противоречию».³¹ Феминистская политическая теория сложилась именно благодаря (точнее вопреки) систематическому отрицанию всеми другими социальными теориями полового различия как различия фундаментального и универсального. В полемике с марксизмом выяснилось, что пол, или половая принадлежность является категорией, релевантной для любой общественной формации. «Категория пола функционирует: 1) как критерий разделения общественного труда; 2) как критерий исключения или, соответственно, включения в определенные функции, роли и сферы деятельности и, наконец; 3) как критерий распределения всех видов возможностей и ресурсов (господства, власти и богатства)».³²

Стало очевидным так же и то, что конкретное восприятие *формы* асимметрии в иерархии между полами отличается от эпохи к эпохе, от культуры к культуре, от класса к классу, однако само *существование* такой иерархии остается неизменным. Вот почему феминистки выступали и выступают против так называемого «классового универсализма»³³ марксистского анализа общества, говоря иначе — против экономического или «классового редукционизма».³⁴

Так или иначе, но в 70-х годах взаимное движение навстречу пошло на пользу обеим традициям, и феминизм попал в очень

³¹ Там же. С. 39.

³² Там же. С. 58.

³³ Как известно, феминизм вовсе не настаивает на *единственности* и доминантности своей «универсальной» категории — таких категорий несколько, и категория пола является *одной из нескольких универсальных категорий*, описывающих структуру общества и сложившиеся в нем отношения.

³⁴ E. Long, «Feminism and Cultural Studies», in J. Storey, ed., *What is Cultural Studies?* (Arnold, 1996), p. 200.

благоприятную среду, соединившись с «культурными исследованиями» — прежде всего потому, что культура здесь понималась как практика, притом практика *политическая*. Феминизм расставил новые акценты в интеллектуальной деятельности «левых», предложил иные объекты для анализа и заставил пересмотреть прежние, отражавшие доминирование мужских интересов. Например, если ранее речь шла о гегемонии и доминирующей идеологии и ставился вопрос об их тесной связи с культурными институтами — семья, школа и т. д., то феминистки указали на то, что школа и семья не представляют собой гомогенные целостности, подчиняющиеся лишь классовым стратификациям, они основаны так же на разделении труда между мужским и женским полом, их цель — это производство и воспроизводство сексуальных различий, социальных ролей, идентичностей, которые прежде всего делятся на мужские и женские. Культурные, государственные институты являются и капиталистическими, и патриархальными одновременно — это тесно взаимосвязанные аспекты одного и того же, а изучение воздействия идеологии и механизмов насилия над личностью никак не может быть изолировано от анализа форм угнетения и насилия в сексуальной сфере и в семье. Не случайно созданная при Центре Группа женских исследований направила свои усилия на изучение таких проблем, как влияние школьного и детского воспитания на формирование фемининной идентичности у девочек; связь школы и дома; особенности оплачиваемого и неоплачиваемого женского труда по дому; обращение женщин к услугам врачей; анализ репрезентаций пола в масс-медиа и литературе, а также в политике и в системе власти; кросс-культурная проблематика пола и расы; отношение женщин и детей к радио и телевидению, способы проведения ими свободного времени.

5. Проговаривание «себя» и представление «другого» в гендерных и культурных исследованиях

Еще одним немаловажным основанием для сближения феминизма и культурных исследований стала тема «документирования опыта» в культурных исследованиях. С самого нача-

ла эти исследования были нацелены на то, чтобы запечатлеть скрытые от глаз общества жизненные миры и рассказать «различные истории», выявить частные и предельно конкретные аспекты культурного процесса. Категория «опыта» является центральной и в феминистской теории, и в культурных исследованиях, ибо позволяет учитывать различные точки зрения и — тем самым — открывать множественность культуры, ее поли-фоничность и гетерогенность.³⁵

Категория личного опыта исследователя и исследуемого и репрезентация этого опыта в академическом дискурсе в какой-то момент стала чуть ли не доминирующей темой в культурных исследованиях. Тем более, что привлечение нетрадиционных источников (например, женские автобиографии), обращение к междисциплинарным методам (текстуальный анализ, этно-методология, визуальная антропология) в определенной мере бросало вызов нормам научного исследования с их дисциплинарными и андроцентричными установками. Кроме того, как оказалось, для студентов, изучающих «культурные исследования», зачастую самое важное — это как раз тот способ, каким теории могут помочь им понять собственный опыт; именно в этом им стремились помочь их преподаватели, убежденные в том, что культурные исследования — это больше, чем теория.

Еще Ричард Хогарт и Раймонд Уильямс, анализируя современную им британскую культуру, стремились в то же время к артикуляции своего опыта пребывания «по краям» или на границе двух различных миров, к которым они по происхождению и по профессиональной деятельности имели самое непосредственное отношение. Ведущие теоретики, такие как Стюарт Холл и Лоуренс Гроссберг, доказали, что «культурные исследования» во многом опираются на осмысление собственного опыта существования в культуре: «маргинальное я» Стюарта Холла как интеллектуала и как представителя диаспорической интеллигенции ныне является очень влиятельным в культурной теории. Феминистский теоретик Элспит Пробин усматривает большую трудность в том, чтобы начать говорить от имени самих себя, с точки зрения личного опыта и личного участия. Как и многие другие, она полагает необходимым включение автобиографического в

³⁵ A. Gray, «Learning from Experience: Cultural Studies and Feminism», p. 91.

культурную теорию, концептуализацию личного опыта, что подразумевает решение проблемы соотношения субъективности и текстуальности. Не случайно избыточное обращение к «себе» и выдвижение опыта на первый план у Уильямса (который, в частности, стремился понять, как его собственный опыт влияет на интерпретацию социального текста) для многих было шокирующим: иногда такая позиция производила впечатление наивной непосредственности.³⁶

Может показаться, что отсылка к личному опыту в своей основе является попыткой закрыть глаза на идеологическую детерминацию обыденности и «здорового смысла» или подмену опыта теорией, ибо между самим опытом и высказыванием о нем находится текст, а где текст, там и идеология. Однако эмпирические исследования феминисток показали, что пережитый людьми опыт не является гендерно нейтральным: гендер является конститутивным элементом опыта. Вот почему феминистские теоретики уделяют особое внимание обоснованию эпистемологического базиса, посредством которого может быть разработана теоретическая основа для артикуляции опыта.³⁷ Проблематизация категории опыта начинается с простых, но принципиальных вопросов: кто является «познающим субъектом»; что мы можем знать; каковы отношения между исследователем и предметом ее/его изучения; с какой целью достигается то или иное знание; кто может знать, что, о ком, посредством чего и ради какой цели? После решения этих вопросов возникает целая серия новых вопросов, связанных с осмыслением опыта — как полученный «опыт» используется; на какой статус он может рассчитывать и какие способы интерпретации при этом задействованы; какова роль «рефлексивного исследователя», оказывает ли он воздействие на изучаемый им предмет (социальную группу); каковы культурные различия между исследующим и исследуемым; как между ними устанавливаются властные отношения; каковы условия производства знания — в том числе какова роль академии и традиции, стоящих за исследователем.³⁸

³⁶ E. Probyn, *Sexing the Self. Gendered Positions in Cultural Studies* (Routledge, 1993), pp. 15-16.

³⁷ E. Probyn, *Sexing the Self*, p. 14.

³⁸ A. Gray, «Learning from Experience: Cultural Studies and Feminism», pp. 93-94.

В то же время понятие опыта, которое, по идее, должно быть первейшей очевидностью женского существования в культуре, в действительности нуждается в теоретическом прояснении с точки зрения социальной и политической контекстуализации: исследования 80-90-х годов показали, что опыт является социально сконструированным и социально детерминированным.

Одним из часто встречающихся упреков в адрес феминисток, вовлеченных в «культурные исследования», является обвинение в «недостатке теоретичности», в «культурном эмпиризме»: вместо феноменологии, психоанализа или символического интеракционизма гендерные теоретики в большей степени ориентируются на качественные методы этнографии, используя такие источники, как свидетельства, (авто)биографии, жизненные истории. Осознанное предпочтение эмпирических методов теоретическим моделям выступает как следствие эпистемологических сомнений, порожденных осознанием того, что «неуловимая» реальность сопротивляется интеллектуальным схемам исследователя. В какой-то момент выяснилось, что «какими бы убедительными и универсальными нам ни казались теоретические доводы, касающиеся формирования субъекта, они оказываются не в состоянии охватить реальные, теплые, материальные, *движущиеся и действующие* тела в реальных обстоятельствах».³⁹ Более того, теоретик-медиатор, репрезентируя в научном дискурсе жизненные миры изучаемых им людей, стремясь к тому, чтобы сохранить их аутентичность и своеобразие, постоянно рискует совершить определенное насилие над используемым материалом в *процессе ре-презентации* — подобно тому, как масс-медиа, проводя точку зрения белого среднего класса, вольно или невольно иронизируют над репрезентируемой социальной группой (находящейся на более низкой ступеньке в социальной иерархии) или демонизируют ее (вследствие непонимания или неприятия *иного* образа жизни).

Этнографические методы, и в целом позиция культурного антрополога⁴⁰ как исследователя, способного встать на точку зрения «другого», уместны здесь прежде всего в силу особого

³⁹ P. Willis, «Male School Counterculture», *U203 Popular Culture* (Milton Keynes: Open University, 1982), p. 78.

⁴⁰ См. раздел «Гендерная проблематика в антропологии» в данном издании.

«гуманизма» культурной антропологии, ее стремления к непредвзятости, к избеганию морализаторского (евроцентристского к тому же) тона, внимания к деталям и конкретике иного способа проживания и чувствования. Кроме того, антропологи, проводя в полевых исследованиях по много лет, использовали свой личный опыт проживания вместе с изучаемым народом в качестве отправной точки для теоретического исследования.

Диалектика «я» и «другого», опыта и рефлексии, исследователя и исследуемого, реальности и репрезентации с особой интенсивностью проявилась в *постколониальных* феминистских теориях, для которых вопрос о том, как представлен опыт существования женщины из страны «третьего мира» в западных теориях (в том числе — феминистских) остается болезненно актуальным. Проблема репрезентации в политическом аспекте — как представления интересов разных социальных групп посредством передачи их делегату своего права голоса — заключается в вопросе о том, кто говорит и от чьего имени. Даже если в политическом плане создание воображаемого сообщества «мы» оправдано, то в теоретическом и этическом отношении это выглядит иначе — монолитное «мы» распадается на множество гетерогенных и автономных (познающих и действующих) субъектов, имеющих свою точку зрения на обсуждаемую проблему.⁴¹ Могут ли белые феминистки выступать от имени всех женщин, включая чернокожих и лесбиянок, могут ли западные феминистки выражать точку зрения феминисток из «третьих стран», могут ли теоретики-мужчины высказывать свое мнение от лица всех теоретиков, включая женщин? Процесс колонизации описывается феминистскими теоретиками как «присвоение» речи с целью репрезентации интересов «другого». Очень часто право говорить от лица репрессированных социальных групп присваивают себе белые либеральные феминисты («матронаж»). Не случайно Гай-атри Спивак высказывает мысль о «двойной колонизации» женщин из стран «третьего мира», которые испытывают на себе гнет двойного давления — имперского и патриархального, и оказываются лишены возможности представлять за самих себя, выступая в роли объективированных «других».

⁴¹ E. Probyn, *Sexing the Self. Gendered Positions in Cultural Studies* (Routledge, 1993), p. 10.

6. Феминистские исследования массовой культуры и визуальных репрезентаций

1) Гендерные стереотипы культуры

Понятие *репрезентации* является, пожалуй, ключевым как для парадигмы «культурных исследований», так и для феминистской критики. В то же время это — один из наиболее проблематичных в плане определения терминов. По мнению Гайятри Спивак, «репрезентация» имеет два основных смысла: 1) как «говорение за кого-либо», представление чьих-либо интересов (*speaking for*) в политике; 2) ре-презентация в искусстве или философии (как представление чего-либо существующего другими средствами).⁴² Стюарт Холл считает возможным редуцировать все многообразие культурологических подходов в решении этой проблемы к трем основным моделям интерпретации — отражательной (миметической), интенциональной и конструктивистской (включающей семиотический и дискурсивный подходы). Холл определяет репрезентацию как процесс, посредством которого субъекты культуры используют язык (любую систему знаков) для производства значений. Объекты репрезентации не обладают смыслом сами по себе: он рождается в процессе интерпретации и коммуникации, кодирования и декодирования текстов и зависит от культурного контекста.⁴³

Ранняя феминистская критика имплицитно опиралась на «миметическую» модель, тогда как современные исследования визуальных репрезентаций апеллируют к семиотике и теории дискурса. Так, в 70-х годах феминистские теоретики занимались, в основном, разоблачением сексистских образов и стереотипов репрезентации женщины в массовой культуре. В этих работах гендер как таковой не был еще проблематизирован — речь шла лишь о неравенстве в репрезентации, а не о сложных процессах производства и потребления культурных репрезентаций. Этот подход (так называемый *images of women approach*) основывался на представлении о симметричных отношениях

⁴² G. Ch. Spivak, Op. cit., p. 70.

⁴³ S. Hall, ed., «The Work of Representation», *Representation: Cultural Representations and Signifying Practices* (Milton Keynes: The Open University, 1997), pp. 13-74.

между образами и социальными отношениями: сексистские образы «отражают» сексистские практики культуры. Предполагалось, что изменение этих образов повлияет позитивно на реальные социальные отношения. Медиа выступают в этой интерпретации как зеркало социальной реальности,⁴⁴ а модель социализации, предлагаемая данным подходом, виделась как процесс усвоения сексистских стереотипов, предлагаемых масс-медиа, и вычитывания из них ясного и непротиворечивого, хотя и искаженного, смысла.⁴⁵ Роль реципиента в конструировании смысла получаемого сообщения, равно как и разновидности аудитории в этом анализе не учитывались. Исследователи, работающие в этой парадигме, усовершенствовали количественные методы анализа (например, контент-анализ или анкетирование), занимаясь в основном описательной работой и призывая к равноправному способу репрезентации полов в дискурсе масс-медиа и других культурных практик — нужно всего лишь показать женщин «такими, какие они есть на самом деле».

Мистика женственности Бетти Фридан (1963), *Евнух в женском обличье* Жермены Грир (1971), *Женское сознание, мужской мир* Шейлы Руботам (1973) — эти и многие другие тексты этого периода продемонстрировали озабоченность их авторов существующим репертуаром образов фемининности, способами репрезентации женщин в нашей культуре, но все они были написаны еще в духе «реалистической» парадигмы, то есть опирались на сравнение «реальных» женщин (или реальности жизни женщины) с изучаемыми образами.⁴⁶ В отношении способов репрезентации женщин в популярной культуре доминирующей являлась мысль о «*символической аннигиляции женщины*». Речь

⁴⁴ Для многих теоретиков масс-медиа само понятие «реальности», которую масс-медиа представляют и/или искажают, является весьма проблематичным, ибо в данном случае «реальность» предстает как мир вещей, событий, процессов и ситуаций, существующих до и вне нашего восприятия (оценки, суждений, отношений) — до репрезентации. Только позитивисты могут полагать, что «реальность» может быть объективно описана, измерена и просчитана, а функция медиа — ее «правильно» представлять.

⁴⁵ S.D. Walters, «Sex, Text, and Context, (In) Between Feminism and Cultural Studies», in M.M. Ferree, J. Lorber, B.B. Hess, eds., *Revisioning Gender* (SAGE Publications, 1999), p. 224.

⁴⁶ Ch. Brunsdon, *Screen Tastes. Soap opera to satellite dishes* (Routledge, 1997), pp. 30-31.

шла о том, что культурное производство и репрезентации в масс-медиа игнорируют, исключают, маргинализируют или тривиализируют женщин и их интересы.⁴⁷ То есть либо женщины отсутствуют, либо представлены стереотипным образом — как сексуальный объект или как домохозяйка. В лучшем случае (если речь идет о незамужних женщинах) женщины представлены в масс-медиа как исполнительницы традиционных «женских» видов работы — секретарши, няньки, стюардессы и т. п. Они, как правило, молоды и красивы, но не слишком хорошо образованы.⁴⁸ В то же время мужчины представлены во всем разнообразии их социальных ролей и занятий. В итоге если мужчина — врач, то женщина — медсестра; если он — юрист, она — секретарша, если он — бизнесмен и работает на фирме, то она — продавщица в магазине. Тем самым оказывается, что масс-медиа служат цели закрепления традиционных (патриархальных) ролей женщины как жены, матери и домохозяйки, то есть действуют как агенты социализации.⁴⁹

Эти подходы со временем начали подвергаться серьезной критике. Подлинно гендерный анализ репрезентации начался тогда, когда вместо «женских образов» исследователи обратились к изучению «женщины как образа». «Интерес к позиции женщины в повествовании и в отдельных жанрах, внимание к способам, посредством которых патриархальное общество не только структурирует содержание, но обуславливает сам способ видения, акцент на сконструированности и порожденности образов — все это способствовало становлению деконструктивистского анализа текстов СМИ».⁵⁰ Если следовать мнению Терезы де Ла-уретис о том, что гендер может быть помыслен как продукт различных социальных технологий (таких как кинематограф, например) и институционализированных дискурсов, эпистемологии

⁴⁷ См. более подробно: G. Tuchman, *Making News: A Study in the Construction of Reality* (New York: Free Press, 1978).

⁴⁸ Реальные женщины «оказываются», как правило, сложенными с меньшим совершенством, много и тяжело работающими, полиэтническими, зачастую высокообразованными и отличающимися во многих аспектах от женщин на экране.

⁴⁹ L. Van Zoonen, *Feminist Media Studies* (SAGE Publications, 1994), pp. 180-181.

⁵⁰ S.D. Walters, *Op. cit.*, p. 225.

и критических практик, так же как практик повседневных, то медиа, таким образом, являются наиболее эффективными технологиями гендера — приспособляющими, модифицирующими, реконструирующими и производящими культурные представления о половом различии.⁵¹

Постепенно изменилось и понимание «природы» стереотипов в сторону усложнения их интерпретации. Например, представление о Мадонне как стереотипном образе объективированной женщины вряд ли помогает нам понять сложные реакции молодых девушек, для которых их кумир представляет означающее их собственной зарождающейся сексуальности. Большинство стереотипов возникает благодаря натурализации отдельных черт, характеризующих ту или иную группу. Их действие основано на том, что общество разделяет определенные установки, которые обычно характеризуются как «здравый смысл». Стереотипы глубоко укоренены в структурах подавления и господства, и они становятся предписаниями поведения и способами социального контроля.

Хотя стереотипы действительно существуют в масс-медиа, для нас более важно понять, *каким образом* мы приходим к выводу о том, что те или иные репрезентации или образы стереотипны. Кто имеет право утверждать, что данный образ стереотипен, а другой представляет собой более «реалистичное» изображение? Стереотипы изменяются и мутируют, они возникают в разное время и в различных культурных контекстах. Так, Мадонна успешно эксплуатировала имидж «белокурой секс-бомбы», однако, пародируя образ Мэрилин Монро из фильма «Джентльмены предпочитают блондинок» в своем видеоклипе «Material Girl», она использовала стереотип, одновременно разрушая его.⁵²

⁵¹ L. Van Zoonen, *Feminist Media Studies* (SAGE Publications, 1994), p. 41.

⁵² Следует отметить, что «феномен Мадонны» привлек к себе внимание многих феминистских теоретиков «культурных исследований» — прежде всего потому, что ее творчество, насыщенное разнообразными интертекстуальными отсылками к кодам западной культуры, представляет собой уникальный пример трансгрессии нормативных представлений о гендере, пример смещенной, множественной, не фиксированной идентификации. Как считает Энн Каплан, Мадонне удалось порвать с социальными кодами фемининности посредством эстетической экспрессии (См.: E.A. Kaplan, «Feminist Criticism and Television», in R.C. Allen, ed., *Channels of Discourse, Reassembled. Television and Contemporary Criticism* (University of North

Стереотипы не даны раз и навсегда, они представляют собой подвижные и оспариваемые смыслы, будучи результатом взаимодействия процессов производства и прочтения. Предположение о том, что образы «прозрачны», игнорирует социальный контекст производства образов, роль зрителя в порождении значения и специфику используемого медиума.

По мнению Джеки Байере, «репрезентация не является отражением; это, скорее, активный процесс отбора и представления, структурирования и формирования, это процесс наделения чего-либо смыслом».³³ Переосмысление категории репрезентации потребовало обращения к новым методам и объектам анализа — тем, которые позволили бы понять, как культурные репрезентации порождают саму категорию «женщина» и тем самым (вос)производят гендерное различие или утверждают господствующий порядок в гендерных отношениях. Переход от выявления и критики стереотипов к изучению смыслопорождающих механизмов репрезентации основан на представлении о том, что культурный концепт «женщина» конструируется внутри и посредством образов, а не является чем-то предшествующим, предзаданным, существующим до представления. Это представление разделяется почти всеми постфеминистскими теоретиками, начиная с Джудит Батлер, утверждающей, что «гендер» является «перформативным» по самой своей сути: гендерная идентичность (точнее было бы сказать, идентичности) конструируется и утверждает себя в самом акте представления, а не выражает некую внутреннюю, предшествующую говорению и появлению сущность. Теоретики, порвавшие с «реалистической» парадигмой, показали, что то, что мы обычно подразумеваем под «реальными» женщинами, есть в свою очередь результат воздействия экранных образов женщин. Оказалось, что вне репрезентации мы оказываемся вообще не способными определить, что такое женщина.

Carolina Press, 1992), pp. 273-275); E.A. Kaplan, «Whose Imaginary? The Televisual Apparatus, The Female Body and Textual Strategies in Select Rock Videos on MTV», in E. Deidre Pribram, ed., *Female Spectators. Looking at Film and Television* (London: Verso, 1988).

³³ J. Byars, *All That Hollywood Allows: Re-reading Gender in 1950s Melodrama* (Chapel Hill: University of Northern Carolina Press, 1991), p. 69.

Таким образом, центральным моментом в парадигме «означивания» в «культурных исследованиях» стал тезис о *сконструированности* смыслов. Если же изображения женщин более не рассматриваются как простые отражения (искаженные по «злому умыслу» доминирующей идеологии) «реальных» женщин, то это значит, что необходимо сосредоточиться на анализе того, как репрезентации *конструируют гендер*⁵⁴ и, в частности, исследовать этот процесс в средствах массовой информации. О каких именно видах и жанрах репрезентации, ответственных за создание моделей гендерной субъективности, может идти речь?

2) *Тендер и жанр: значение «женских жанров» в культуре*

Если традиционная левая критика массовых коммуникаций была направлена на разоблачение классового угнетения в публичной и производственной сфере (пространства больших заводов, фабрик, формы контроля и подавления в других социальных и политических контекстах), то феминистская критика обратилась к критике и изучению повседневности приватного пространства, исходя из того, что существующее отношение к приватной сфере (и, соответственно, к женщине) отражается и в иерархии телевизионных жанров, и в содержании передач, и даже в самом подходе к телевизионному программированию.⁵⁵ Следуя лозунгу о том, что «личное есть политическое», в начале 70-х годов феминистские исследования медиа повернулись от изучения новостей («мужского жанра») к исследованию «мыльных опер», справедливо полагая, что именно дома, в семейном, интимном кругу совершается и воспроизводится подавление женщины, и потому конструирование этой жизни в СМИ и репрезентация личной жизни на экране становится наиболее важным объектом исследования.⁵⁶ Имеет значение также и общественное отношение к сериалам. Феминистские теории задают

⁵⁴ S.D. Walters, Op. cit., p. 226.

⁵⁵ Подверглось критике и так называемое «телевидение для женщин» (те каналы и программы, которые так себя обозначают) — ввиду той двусмысленности, которую порождает процесс производства массмедийных продуктов в ситуации мужского доминирования. И действительно, если отправителем сообщения является мужчина, то почему это сообщение оказывается продуктом «женского телевидения»?

⁵⁶ Ch. Brunsdon, Op. cit., p. 40.

вопрос, случайна ли ассоциация «женский жанр — это нечто банальное, тривиальное, не стоящее внимания, находящееся на низшей ступени эстетической иерархии, лишенное социального престижа»? История культуры дает нам немало примеров тому, что как только определенная культурная практика в глазах общественного мнения получала статус «женского занятия», то ее символический статус немедленно понижался (так случилось, например, с цветочными натюрмортами или с орнаментальной вышивкой).

Почему «мыльные оперы»⁵⁷ так привлекают к себе внимание феминистских теоретиков? Когда, почему и каким образом они начали их исследовать? Ведь и по сей день, как иронически замечает Шарлотта Брандсон, существует широко распространенное представление о феминистках как о «женщинах, которые отказываются брить ноги и не любят мыльные оперы» — как не делают и многого другого, что согласуется с привычными образцами фемининности.⁵⁸ Парадоксальным образом, несмотря на «нелюбовь» феминисток к мыльным операм, именно благодаря их стараниям последние превратились в модный предмет академических исследований.

Феминистский интерес к проблеме *гендера и жанра*⁵⁹ связан с попыткой выяснить, как конструируется половое различие посредством различных означающих практик. Если существуют особые «фемининные формы» репрезентации, то воп-

⁵⁷ Примечательно, что один и тот же термин «мыльная опера» используется для обозначения весьма различных жанров: это и латиноамериканские теленовеллы, и дневные американские сериалы, и реалистические фильмы с сильным социальным подтекстом на британском и французском телевидении, и престижные вечерние сериалы (от криминальных до «Твин Пикс»).

⁵⁸ Ch. Brunsdon, *Screen Tastes. Soap opera to satellite dishes* (Routledge, 1997), p. 29.

⁵⁹ История исследований жанров имеет длительную предысторию в «культурных исследованиях». Первыми же объектами анализа оказались типично мужские жанры — такие, как *«film noir»*, детективы, вестерны. Это свидетельствует о том, что в контексте общего презрения к жанрам массовой культуры, внутри нее, тем не менее, существует собственная дифференциация и иерархия, в которой те самые мужские жанры занимают более высокое положение в «табели о рангах», нежели типично женские формы зрелища — например, мелодрамы.

рос заключается в том, конструируют ли они женщин иначе, чем «маскулинные» формы? Предполагают ли жанровые конвенции особые типы адресации к женской аудитории (достаточно ли для этого эксплицитной концентрации на жизни женщин и выдвижения женщин на первое место среди всех персонажей фильма)?

Именно с вопроса о женской аудитории начались феминистские исследования телесериалов.⁶⁰ Причем речь идет не только об изучении способов «чтения» (восприятия, декодирования) телевизионных сообщений, но также и о конкретных условиях просмотра сериалов — домашняя обстановка, семейные обстоятельства, рабочий график; словом, в фокусе внимания оказывается повседневная жизнь женщин. Мыльные оперы, мелодрамы,⁶¹ телевизионные сериалы и другие «женские» жанры представляют особый интерес для феминистской критики по целому ряду причин: 1) тематически и нарративно они обращаются к женской аудитории, затрагивая те проблемы, которые женщины считают наиболее важными в своей реальной жизни;⁶² 2) выдвигают в центр внимания проблемы интимных отношений, любви и сексуальности, семьи и дружбы, вынашивания и рождения детей — все то, что в жизни женщин играет такую

⁶⁰ В том, что касается предлагаемых сериалами образов женщин, то они поначалу игнорировались феминистскими теоретиками, считавшими, что телевидение предлагает лишь стереотипные образы женщин в двух вариантах: женщина как сексуальный объект и как домохозяйка. Отсюда и враждебное отношение раннего феминизма к мыльным операм, которое изменилось именно благодаря началу рецептивных исследований.

⁶¹ Мелодрамы также рассматриваются как «женский жанр», ибо они тоже обращены к женской аудитории: так же выдвигают на первый план женские роли, так же представляют события с «женской точки зрения» и к тому же содержательно концентрируются на традиционных сферах женской деятельности (дом, семья, частная жизнь) — тех сферах, где любовь, эмоции и интимные отношения более важны, чем *taction* и события.

⁶² «Что женщины делают с медиа»? — принципиальный вопрос для феминистских теоретиков, исследующих в том числе и феномен сериалов. Выяснилось, что женщины активно и сознательно ищут своих форм удовлетворения, покупая продукты масс-медиа. Мыльные оперы, как считается, удовлетворяют потребности в эмоциональном расслаблении, идентификации, ухода от действительности (эскапизм), чувстве товарищества, информации и просто отдыха (См.: L. Van Zoonen, *Feminist Media Studies* (SAGE Publications, 1994), p. 36).

большую роль и что совершенно отсутствует в большинстве «блок-бастеров» — боевиков или триллеров, в которых люди, кажется, проявляют больше интереса к динозаврам или киборгам, чем к себе подобным.⁶³ Например, мыльные оперы как жанр с самого начала, то есть с тех пор, как производители стирального порошка начали спонсировать радиосериалы в США, создавались специально для женской аудитории, преследуя при этом две цели: воспитательно-образовательную и маркетинговую (чтобы стимулировать женщин к покупке моющих средств).⁶⁴ Тогда же сложился и стереотип, согласно которому сериалы — это сугубо «женский жанр», невзирая на то, что, как подтверждают многочисленные опросы, смотрят его не только женщины, а в производстве принимают самое активное участие мужчины.

В то же время с точки зрения феминистской критики «женские жанры» интересны тем, что они конструируют пространство для женщины-зрительницы и создают условия для формирования женской субъективности. Например, Таня Модлески считает, что «женские жанры» порождают специфически женские «способы видения», которые не подчиняются мужскому взгляду и его стремлению контролировать женскую субъективность. Мыльная опера, по ее мнению, предлагает женской аудитории особые возможности и на уровне формы, и на уровне содержания. Беспорядочная, на первый взгляд, нелинейная форма сериалов с их многоуровневыми, открытыми (*open-ended*) нарративными структурами коррелирует со структурой чувствования женщин, в опыте жизни которых (учитывая сферу семьи и домашнего хозяйства) отсутствует единый символический центр⁶⁵. Избыточная повторяемость, невероятно медленное развитие повествования, пересечения сюжетных ходов, незавершенность сериалов позволяют женщинам свободно входить и выходить из пространства фильма, не нарушая свой обычный рабочий режим, связанный с выполнением домашних обязанностей. Иначе говоря, «мыльные оперы» структурированы согласно ритму жизни многих женщин. При этом следует заметить, что «женс-

⁶³ S.D. Walters, Op.cit., p. 231.

⁶⁴ Ch. Brunson, Op. cit., p. 38.

⁶⁵ T. Modleski, *Loving with a Vengeance: Mass-Produced Fantasies for Women* (London: Methuen, 1982), p. 111.

кие жанры» достаточно подвижны: учитывая новые тенденции в социальной жизни, где женщины все чаще выходят за пределы семьи и дома, пытаясь строить самостоятельную карьеру, появляются сериалы, которые будучи ориентированными на женскую аудиторию, предлагают гораздо более развернутую структуру женских ролей, вовлекая в нарратив мир работы, шпионских интриг, приключений (не случайна в связи с этим огромная популярность «Никиты», например).

3) Женщина как субъект визуальной культуры

Как отмечалось выше, поначалу в феминистских исследованиях культуры особое значение имело изучение способов производства культуры, но в последнее время интерес переместился в область потребления и восприятия культурных текстов.⁶⁶ Этот интерес к условиям и способам восприятия визуальных текстов не являлся сугубо феминистским — в конце 70-х годов активизируется рецептивная эстетика, психоанализ, деконструкция, неогерменевтика и другие теории, в центре внимания которых оказывается фигура читателя или зрителя. Неслучайность такого поворота в феминистской теории, по мнению С. Уолтере, связана с традиционным представлением о женской пассивности как сущностной характеристике⁶⁷ и желанием пересмотреть эту патриархатную установку.

Следует отметить, что в рамках феминистских рецептивных исследований сосуществуют совершенно различные по своей методологической ориентации подходы — социологические, психоаналитические, семиотические. Принципиальным основанием для расхождения является разграничение между «аудиторией» (как реальной группой людей из плоти и крови, сидящих у экранов телевизоров) и «зрителем-реципиентом» (речь идет о позиции субъекта, конструируемого текстом). На методологическом уровне это различие формулируется так: должны

⁶⁶ Вот лишь некоторые работы, посвященные проблеме рецепции в свете феминистской теории: E. Deidre Pribram, ed., *Female Spectators. Looking at Film and Television* (London: Verso, 1988); J. Staiger, *Interpreting Films. Studies in the Historical Reception of American Cinema* (Princeton University Press, 1992); L. Williams, ed., *Viewing Positions. Ways of Seeing Film* (Rutgers University Press, 1997).

⁶⁷ S.D. Walters, *Op. cit.*, p. 234.

ли феминистские теоретики исследовать «аудиторию» (и тем самым заниматься эмпирическим изучением процессов потребления, опираясь на социологические данные) или же более плодотворным является обращение к текстуальному анализу, позволяющему увидеть, как образ аудитории, равно как и возможные способы рецепции, формируются и предвосхищаются самим текстом? Семиотика и психоанализ, будучи индифферентными в отношении эмпирического зрителя, базировались в основном на методе текстуального анализа, что не могло не вызвать определенных сомнений: преувеличение роли «подразумеваемого» читателя может сделать реальных женщин из зрительской аудитории «невидимыми». Поэтому исследователи, которых интересует в большей мере изучение «социальной аудитории», обращаются к этнографическим методам интервьюирования, чтобы понять, как именно потребляют и интерпретируют женщины те репрезентации, которые им предлагаются. Очень важным направлением исследований аудитории является также обращение к историческим методам реконструкции — так называемая «историческая рецепция», которая опирается на изучение исторических источников, газетной критики, зрительских писем к актерам и в газеты, информации о производстве фильмов или других продуктов вместе с другими источниками.

Психоаналитическая интерпретация позиции женщины-зрителя восходит к знаменитому эссе Лауры Малви *Визуальное удовольствие и нарративный кинематограф* (1975),⁶⁸ исходный тезис которого состоял в том, что фильмическая форма структурирована бессознательным патриархатного общества, и что женщине как зрителю всегда навязывались правила «чужой» игры — получение мужского типа удовольствия: например, вуайеристского удовольствия от рассматривания женского тела. Вслед за Лаканом и Бодрийаром Малви утверждала, что «видение» является инстанцией формирования идентичности субъекта посредством зрительных практик, что идеология участвует в формировании субъективности индивида на уровне бессознательного и что именно посредством заимствования «мужского взгляда» женщина-зритель принимает ту идеологию патриархатного

⁶⁸ L. Mulvey, «Visual Pleasure and Narrative Cinema», *Screen* 16 (3), Autumn, 1975, pp. 6-18.

социума, которая ей навязывается. Таким образом, основными проблемами репрезентации женщин в визуальной культуре (и культуре вообще) признаются власть (взгляда в том числе) и формы ускользания от нее, практики доминирования и сопротивления, субъективации и разрушения. Отсюда вопрос: должны ли мы отвергнуть весь «патриархатный» кинематограф вместе с доминирующим в нем монолитным мужским взглядом как абсолютно неприемлемые для женщины-зрителя, выступающей таким образом в качестве отсутствующего или мазохистского реципиента?

Феминистские теоретики при ответе на этот вопрос постулируют существование в культуре женских типов визуального наслаждения и активность реципиента-женщины, которые позволяют говорить о ней как о субъекте визуальной культуры. По их мнению, реабилитация женских типов визуального наслаждения возможна благодаря практике «*reading against the grain*», когда фильмы или телевизионные шоу «читаются» посредством установления разрывов или пропусков в наррации с тем, чтобы выявить внутренние противоречия и дать такую интерпретацию фильма, которая бы опровергала доминирующее/патриархатное прочтение фильма.⁶⁹ Феминистские теоретики также склонны считать, что существует несоответствие между идеологическим желанием поставить женщину «на ее место» в конце фильма и действительной структурой повествования, которая сопротивляется данной идеологии. Подобные тезисы позволяют перечитать многие популярные тексты, которые ранее интерпретировались как образцы патриархатной репрезентации, и надеяться на то, что женщины-зрительницы все-таки способны испытывать удовольствие вопреки доминирующему мужскому взгляду.⁷⁰

⁶⁹ S.D. Walters, Op. cit., p. 243.

⁷⁰ В исследованиях медиа вопрос о «политике удовольствия» играет не последнюю роль, в особенности когда речь идет о значении таких популярных жанров массовой культуры, как мыльные оперы, мелодрамы, женские журналы или «розовые романы» — с точки зрения решения «политической» задачи эмансипации или освобождения женщин. Изучение мыльных опер, как отмечает Лисбет Ван Зунен, не только поставило под вопрос специфику феминистской политики в отношении медиа, но и существенно ослабило ее потенциал как формы культурной критики. Иначе говоря, если мы признаем тот тип удовольствия, который предлагают нам мыльные опе-

Этнографическая методология феминистского исследования визуальной культуры стремится избегать и эмпиризма исследований массовой коммуникации, и антиисторизма психоаналитической теории, и релятивизма литературной критики. Она акцентирует интерактивную природу процесса восприятия, учитывая, что значение обусловлено не только самим текстом, но и специфическим социальным контекстом его восприятия. Основными методами феминистского исследования становятся интервью, включенное наблюдение, фокус-группы, историческая контекстуализация, позволяющие обнаружить различные стратегии чтения.

При участии теоретиков «культурных исследований» постепенно была преодолена не только точка зрения на природу женского взгляда, согласно которой женщина-зритель вики-мизигуется в мире мужского доминирования; произошло также переосмысление и природы значения, которое не столько присутствует в самом тексте, сколько активно конструируется воспринимающими субъектами в определенном социальном контексте, располагаясь в пространстве *между* текстом и его реципиентом. Это не освобождает нас, однако, от изучения тех институциональных и репрезентативных ограничений, которые связаны с гендерно определенным опытом потребления и создания культурных артефактов. Женщины не являются пассивными реципиентами, но они также и не являются целиком свободными в своем праве вычитывать нечто в тексте. Горькая истина состоит в том, что большинство из нас все еще продолжают «читать» образы массовой культуры согласно кодам патриархального социума.

Не случайно для феминистских исследователей актуален вопрос о «политической результативности» совершаемой ими «подрывной» работы по интерпретации предлагаемых массовой культурой женских образов, о том, способна ли феминистская интеллектуальная критика эффективно влиять на окружающую нас действительность. Эти вопросы особенно актуальны в ситуа-

ры, тем труднее оказывается найти моральные оправдания для критики последних как господствующих способов конструирования гендерных идентичностей. Вопрос о непростых отношениях между удовольствием, которое нам предлагает популярная культура, и политическими задачами феминизма давно стал классическим, и возник он как результат встречи феминистских и культурных исследований (См.: L. Van Zoonen, *Feminist Media Studies* (SAGE Publications, 1994), p. 7.

ции, когда критическая деятельность феминистов принуждает институты масс-медиа создавать более сложные образы на экране, которые не вписываются в традиционные гендерные стереотипы. В результате феминистские «культурные исследования» перешли от документирования негативных или стереотипных репрезентаций женщин к исследованию множественности значений и выявлению различных интерпретативных возможностей культуры. Патриархатные репрезентации больше не являются примерами монолитной силы, которая воспроизводит самое себя почти автоматически и потребляется соответственно.

7. Заключение. Значение гендерных исследований для постсоветской культурологии

На фоне отсутствия сколько-нибудь значимого интереса постсоветских теоретиков к «культурным исследованиям»⁷¹ как особой теоретической парадигме в течение последних десяти лет мы можем наблюдать активное развитие гендерных исследований. «Неожиданно» обозначившись на рубеже 80-90-х годов в постсоветской социологии и философии, гендерные исследования сумели отчасти заполнить культурную и интеллектуальную лакуну, связанную с отсутствием развернутых исследований сексуальности и пола, которая долгое время существовала незамеченной и сравнительно недавно обнаружилась в нашем научном и академическом пространстве.

Возникновение гендерных исследований как академической дисциплины в первую очередь стало возможным вследствие кризиса и последующего распада «советской» версии марксизма в гуманитарных науках. В ситуации радикального отказа от марксистско-ленинской догматики и ключевого в ее рамках

⁷¹ Речь идет именно о гуманитариях бывшего Советского Союза, поскольку восточноевропейскими теоретиками (благодаря, например, усилиям Сла-воя Жижека и Ренаты Салецл, а также их коллег в Любляне) в последние годы предпринимался ряд попыток создать свою версию «культурных исследований» в диалоге с западными теориями (См.: M.D. Kennedy, ed.. *Envisioning Eastern Europe. Postcommunist Cultural Studies* (Ann Arbor, The University of Michigan Press, 1994).

инструмента стратификации социума — понятия «класс» — в начале 90-х годов постсоветская академическая наука оказалась довольно восприимчивой к иным теориям, иным дискурсивным практикам. Учитывая поразительную нечувствительность прежнего советского общественнознания (а равно и советской модели общественных отношений) к проблеме пола — на фоне фетишизированной категории классового различия — предлагаемые гендерными исследованиями модели критики социальных устоев патриархального общества (будь то западные демократии или тоталитарные режимы бывшего соцлагеря) и парадигмы идентификации с точки зрения полового различия (гораздо более фундаментального в генетическом плане, нежели все другие культурные и социальные различия в западной культуре) выглядят как чрезвычайно актуальные.

Прежде всего, стало очевидным, что ключевое для марксизма-ленинизма понятие «класс» в современной интеллектуальной ситуации не может считаться основной категорией, объясняющей и формы социальной стратификации, и феномен идентичности: социальная реальность как развитых капиталистических, так и транзитивных обществ не вписывается в классическую и единственно значимую для марксизма дихотомию пролетариата и буржуазии (или шире — двух антагонистических классов). Реальность с точки зрения современных подходов оказывается пересечением множества факторов и различий — этнических, национальных, половых и классовых в том числе. В этом же русле и идентичность мыслится как результат сложного взаимодействия нескольких составляющих: класс, этнос, пол.

Кроме того, марксизм, описывая «классовое» самосознание, по сути предполагал возможность коллективной идентичности, а современное состояние постсоветских обществ может быть охарактеризовано как ситуация конфликта коллективных идентичностей: коллективная идентичность «советского народа» полностью разрушена, а новая коллективная идентичность не может сложиться в период диссоциации любых социальных общностей и кризиса прежде доминировавшей идеологии. В то же время эта множественность процессов идентификации ускользает от марксистского анализа, но попадает в поле внимания гендерных концепций.

Все вышесказанное позволяет рассматривать гендерные исследования в целом в качестве наиболее активного агента

продвижения идеологии «культурных исследований» в восточно-европейских университетах. Что дает нам основания для такого заключения? Хотя фактически гендерные исследования существуют параллельно академической культурологии, однако через разработку проблематики «гендер и культура» происходит их интервенция в область культурной политики и культурной теории. Именно в рамках гендерных исследований постсоветская культурология получила возможность познакомиться с целым рядом других равнозначимых теоретических направлений, идеология которых близка по пафосу феминизму и проблематика которых ранее получила свое развитие в рамках гендерной теории (постколониализм и «культурные исследования» в первую очередь). Знакомство с различными версиями гендерной и феминистской теории дает нам представление о том, какие дискуссии велись между феминистами и их интеллектуальными соперниками (к числу которых до определенного момента можно было отнести и «культурные исследования» в силу их марксистской ориентации) в 60-х, 70-х, 80-х и 90-х годах. Одной из таких плодотворных дискуссий, безусловно, являлась полемика с марксизмом. Как только выяснилось, что пол настолько же важен, насколько и класс, принципы инаковости, множественности и толерантности начали постепенно утверждаться в общественном сознании.

Кроме того, гендерные исследования явились реальным *междисциплинарным* проектом, открывшим нам не только новую проблематику, но и новый, свежий взгляд на старые проблемы, обозначивший иные перспективы. И, наконец, именно гендерные исследования являются в постсоветской академии пока той единственной возможностью, которая позволяет сочетать академические интересы с политическими убеждениями и личным опытом: благодаря им «способ проживания» в этой культуре может быть не только концептуально осмыслен, но и изменен посредством неутомимой критики ее устоев.

**2. Женщины и искусство:
политики репрезентации**

**1. Введение. Понятие феминистской критики в
истории и теории искусства**

История и теория искусства — одна из тех областей гуманитарного знания, где традиционные (в данном случае — «патриархальные») подходы и ценности классического искусствознания все еще доминируют и труднее всего изживаются. Нормативная эстетика 18 века и канонические суждения художественных критиков 19 века образуют тот теоретический каркас, который все еще в ходу у многих современных искусствоведов, которые зачастую продолжают использовать традиционные модели интерпретации и архаический язык для анализа не только классического, но также и современного искусства. В отношении постсоветского искусствознания не всегда ясно, отвергаются ли модели феминистского анализа сознательно, или же речь идет об общей консервативности теоретиков искусства, остановившихся где-то посередине между марксистско-ленинской традицией и ранней иконологией.¹ Поэтому при рассмотрении воп-

¹ Так, непостижимым образом русскоязычным исследователям, обращающимся к знаменитой картине Эдуарда Мане «Завтрак на траве» (см.: Кантор А. «Завтрак на траве» Эдуарда Мане как памятник духовной эволюции» // Вопросы искусствознания, VIII (1/96). С. 388-395.), удается полностью проигнорировать феминистскую критику, уделившую немало внимания исследованию идеологии репрезентации обнаженного женского тела и конструирования фемининности в эпоху модерна. Автор указывает, что это «весьма загадочная картина, смысл которой не во всем ясен» (С. 388), поднимая при этом вопросы об иконографических и образных первоисточниках картины, ее формальных достоинствах и недостатках, колористике, отношении к поэзии Бодлера, мастерстве художника в создании натюрморта. Основной вывод заключается в том, что, помещая обнаженных дам в общество франтовато одетых художников, Мане хотел «во всеуслышание заявить о высоких правах искусства, устанавливающего свои эсте-

роса о том, каким образом феминистская критика повлияла на изменение общей парадигмы искусствознания, приходится апеллировать, в основном, к достижениям западной теории визуальных искусств с тем, чтобы наиболее полно представить себе дискурсивный ландшафт феминистской критики истории и теории искусства. Апелляция к западной феминистской критике в области визуальных искусств уместна не в силу некоей «универсальности» ее допущений и выводов (представление об «универсализме» чего-либо вообще сильно скомпрометировано в современной эпистемологии) и не потому, что сам ее объект — искусство и визуальные практики — подвергается более или менее гомологичным трансформациям во всем мире. Это необходимо прежде всего потому, что дискурсивная матрица западного феминизма гораздо в большей степени подходит для анализа таких субтильных материй как визуальные искусства; потому, что сам подход к интерпретации истории искусства с точки зрения феминистских импликаций гораздо более разработан; наконец, потому, что уже сложилась определенная традиция и создан корпус текстов, отражающих динамику исследований в этом направлении за последние двадцать лет. Западная феминистская критика представляет собой хороший пример *неклассического искусствознания*, умеющего «работать» с современным искусством и предлагающего иную оптику видения в отношении искусства классического.

Большинство классически образованных постсоветских искусствоведов никак не смогли бы согласиться с мыслью о том, что «женщина отсутствует» в истории западного искусства, как и в истории западной культуры вообще. Как она может «отсутствовать», если живопись, скульптура и другие искусства только и делали на протяжении веков, что «воспевали женскую красоту», отражали «гармонию душевного мира женщины», наконец, прославляли идеал материнства и женской добродетели? Другими словами, женщина в их представлении выступает в роли музы-вдохновительницы, молчаливо позирующей натурщицы и одно-

тические и этические законы». Что же касается «чуть резкого, настороженного взгляда» обнаженной женщины, то в нем ощущается прежде всего «нота разрыва с идеальным миром поэзии». Наконец, автор приходит к выводу о том, что скандал по поводу картины был спровоцирован... цветовым шоком.

временно объекта почитания, в то время как роль Творца отведена мужчине: властная позиция творца в конечном счете превалирует над фактом множественности отношений, связывающих женщину с искусством. Сам «объект почитания» оказывается настолько репрессирован, что уже не имеет права нарушить «обет молчания» или сойти с уготованного пьедестала (не случайно ожившая Галатея возможна лишь как фигура абсолютно мифологическая), и потому ему (то есть «объекту») ничего не остается, кроме как любоваться своими изображениями, которые, скорее, являются нарциссическими изображениями мужского эго. По мнению феминистской критики, «отсутствие» женщины в истории искусства в первую очередь обнаруживается 1) как на уровне визуальной репрезентации (в смысле отсутствия пространства для женского «взгляда»²), 2) так и на уровне рецепции (в частности, женщине как реципиенту еще только предстоит обрести «себя» — к сожалению, женское восприятие не было тематизировано в искусстве). Наиболее же очевидным фактом является то, что история изобразительного искусства почти не оставила нам имен творивших наравне с мужчинами женщин. Факт странный, но многими вообще-то не замечаемый.

2. Основные положения феминистской критики: от понятия «женских образов» к проблеме репрезентации пола в искусстве

Может показаться, что феминистская критика истории искусств — это, прежде всего, исследование вопроса о том, были ли в этой истории творцы женского пола, оставили ли они нам какие-нибудь шедевры и почему их существование было проигнорировано. Собственно говоря, многие из современных теоретиков, поддавшихся обаянию феминистской идеи, начинали именно со скрупулезного воссоздания истории женского искусства

² Здесь и далее по тексту под русским словом «взгляд» будет, скорее, иметься в виду английский термин «gaze» (фиксированный, пристальный взгляд), поскольку он имеет совершенно особый смысл — в том числе и на уровне его теоретического освоения (в работах Жака Лакана, Лауры Малви и других).

по персоналиям. Однако феминистская история и теория искусств не может быть сведена к биографическим исследованиям жизни женщин-художниц — по той причине, что подобная дескриптивная деятельность не ставит под сомнение теоретические основания дискурса истории искусства, оставляя в силе интерпретативные патриархатные модели, принятые сообществом традиционалистов. От нее также не следует ожидать позитивного описания женских образов (традиционно это осуществляется в рамках рассуждений об «идеалах красоты», «добродетельности» или «духовной чистоты», свойственных той или иной эпохе) — скорее, мы вправе рассчитывать на скрупулезное исследование *идеологии репрезентации*, которая не может быть ни «зеркалом» действительности, ни гомогенным непротиворечивым визуальным текстом.

То, что хотелось бы обозначить здесь в качестве наиболее интересной — с точки зрения проблемного поля и теоретических импликаций — темы феминистской критики, это *возможность альтернативного прочтения уже знакомых текстов*, обнаружение возможности для «сопротивляющегося» зрителя или читателя (*resisting reader*). Так, мы свыклись с вполне «естественным» для нас мнением о том, что искусство предоставляет нам образы положительных и/или недостойных женщин (целомудрие и душевная чистота обычно противопоставляются распутству и порочности; куртизанки, блудницы и женщины-вамп, несомненно, почитаются меньше, чем добродетельные матери, домохозяйки и скромницы), при этом вопрос о том, что именно имеется здесь в виду — где заканчивается порочность и начинается добродетельность и кто определяет эти границы, — не обсуждается. Создается впечатление, что не только «сущность» женщины — это константная величина, но также вневременны и изображения добродетели и порока. Не случайно известный феминистский теоретик истории искусства Гризельда Поллок, предлагая изменить ракурс исследования этой проблемы, считает, что классическое понятие «женского образа» должно быть замещено представлением о «женщине как означающем в идеологическом дискурсе»: таким образом, по ее мнению, можно будет увидеть, как в разные времена разные значения приписывались различным «женским образам».³

³ G. Pollock, «What's wrong with Images of Women?», Betterton, ed., *Looking On: Images of Femininity in the Visual Arts and Media* (London and New York: Pandora Press, 1987), p. 40.

Контекстуализация проблемы *репрезентации пола*, предлагаемая феминистской критикой, осуществляется на фоне более общего интереса западных искусствоведов к теориям рецепции и читательских/зрительских «ответов». В этом плане произведение искусства может быть интерпретировано как «история его потребления в зеркале разных эстетических идеологий, которые, в свою очередь, детерминированы идеологией социальных групп».⁴ Не секрет, что многие тексты классической культуры при всей их кажущейся «закрытости» в семиотическом плане все же адресуются различным группам реципиентов. С одной стороны, может создаться впечатление, что коль скоро «женского искусства» как такового до недавних пор не существовало, то, следовательно, не имеет смысла говорить и о возможности обнаружения «женского взгляда» в искусстве, маскирующем дискриминацию (на уровне видения) посредством универсалистских амбиций. С другой стороны, может оказаться, что реинтерпретация уже знакомых текстов под этим углом зрения позволит увидеть амбивалентности, разрывы, противоречия, полисемичность репрезентации не только в современном произведении, но и в классическом.

Множественность текста является исходным постулатом феминистской критики, как бы легитимирующим возможность «перечитать» или посмотреть иначе на уже знакомые в истории искусства тексты.⁶ «Целостность», связность, последовательность,

⁴ Бел М., Брайсон Н. Семиотика и искусствознание // Вопросы искусствознания, IX (2/96). С. 530.

⁵ Только сейчас мы начинаем пересматривать денотативную «прозрачность» реализма. В отличие от классического искусства (от Ренессанса до классицизма), предполагавшего с необходимостью аллегорическую интерпретацию изображенного, реализм XIX века (например, в русской живописи), равно как и обслуживавшая его критика, руководствовался плоским принципом «искусство — это отражение действительности». С этой точки зрения непредставимой оказывается символическая трактовка канонического реалистического сюжета в картине Пукирева В.В. «Неравный брак» (1862 год), изображающей момент венчания старика и молодой девушки. Ревзин Г. считает, что мы стали жертвами тенденциозности искусства передвижников — обличительного жанра, для которого «женский» вопрос занимал второе место, «сразу после «обличения чиновничества». Вряд ли стоит удивляться, что в советском искусствоведении такая критика царского режима была очень кстати, и только сейчас можно задаться вопросом, а не лукавил ли «реализм», представляя «неравный брак» действитель-

когерентность и, как следствие, непротиворечивость того, *что мы* видим, всецело определяется и создается интегрирующим некие фрагменты репрезентации взглядом. Симптоматично, что с точки зрения методологии феминистская критика активно задействует аппарат семиотики и психоаналитической теории для изучения *следов и форм бессознательного* в произведении, а также выявления специфических форм «цензуры» как самоцензуры со стороны художника, так и давления со стороны социума.⁶ Для

ной трагедией и массовым явлением той действительности? Между тем, вполне правомерной является попытка соотнести этот сюжет о мезальянсе с иконографической традицией европейского искусства, в результате чего мы увидим, что «реалистическое» произведение также может быть подвергнуто символической интерпретации. Так, Ревзин считает, что в реальной жизни «неравный брак», «мезальянс» понимался как союз между «деньгами» и «титлом», брак между супругами разного социального статуса. Сам этот феномен возник в конкретный исторический период, когда это стало актуально, тогда как «несчастные девушки» во все времена отдавались замуж за мужчин старше себя. Реалисты же определенным образом использовали «женскую тему» для своей критики буржуазного общества, при этом матримониальный сюжет толковался как момент определения судьбы, из-за чего он обретал роковой характер: «героини ведут себя таким образом, будто жизнь их на этом заканчивается» (С. 119). Изображение «неравного брака» как брака между стариком и молодой девушкой означало, скорее, наложение специфического кода (иконаграфического) на реальность. А именно: молодость — красота — *тщеславие*; старость — смерть — *алчность*. Это своего рода аномалия, «скрытая цитата» из традиции, которую русская живопись не знала, но которая была широко представлена в европейском искусстве — многочисленные изображения красавиц с зеркалами, которые держат старухи («сводни»): молодость и тщеславие, обреченные на смерть. Несомненно, такая ре-интерпретация представляет большой интерес, нежели буквалистское прочтение поэтики реализма. (См.: Копылова Л., Ревзин Г. «Dances macabre» реалистической традиции. «Сводничество» и «брак» в русском реализме XIX века // Вопросы искусствознания, IX (2/96), 109-129).

⁶ В качестве примера может служить анализ работы «Дочери Левкиппа» Рубенса, в котором Мике Баль и Норман Брайсон усматривают наложение двух идей — идеи грубого насилия и чувственной радости, отмечая, что подобное наложение культурно обусловлено характерной установкой на то, что *насилие приятно женщине*. В соединении мужских и лошадиных тел выражена идея мужской сексуальности как сексуальности животной (неудержимой), однако мужские тела спрятаны, в то время как женские тела подчеркнуто прекрасны и обольстительны. Увидев в произведении бессознательное наложение, в нем также можно увидеть и объяснение сексуальной агрессии: это компенсация неуверенности обоих мужчин в собственной привлекательности (См.: Бел М., Брайсон Н. Семиотика и искусствознание // Вопросы искусствознания, IX (2/96). С. 541).

изучения неоднородности художественного образа не менее полезным является обращение к нарратологии и бахтинскому понятию полифонии — смешения разных голосов в романе, приводящего к *гетероглоссии* несовместимых культурных дискурсов (в качестве наилучших образцов подобного анализа могут выступать работы Гризельды Поллок, Мике Баль и некоторых других теоретиков).⁷ Для классического (и/или доминирующего искусствоведения) характерно стремление к унифицирующему чтению работы, желание все *объяснить*, свести все элементы картины к общему знаменателю, который, как правило, оказывается проявлением доминирующей идеологической схемы. Детали, которые не поддаются объяснению (например, явные, казалось бы, гомосексуальные сюжеты или подтексты, грубый эротизм крестьянки, занятой тяжелым ручным трудом или «беспокоящий» взгляд Олимпии), оказываются незначимыми, какими-то ошибками мастера, внешним влиянием, пережитками ученичества; такие ошибки, скорее, могут поставить под сомнение авторство произведения, а не служить признаками гетероглоссии. Иногда создается ощущение, что традиционные критики искусства не допускают и мысли о визуальной гетероглоссии, хотя и ощущают сопротивление самого произведения «вести» себя сообразно предлагаемому единому принципу объяснения.

Феминистская критика искусства также не может остаться индифферентной к проблеме рецепции и интерпретации, что означает смещение интереса от репрезентации, от изображения и изображаемого к их восприятию — к тому, что происходит в зазоре между онтологией самого текста и его «бытием-в-мире», его реальной жизнью, которую он обретает в интерпретирующем сознании. В контексте феминистской критики первостепенной становится проблема выяснения отношений между властью и видением — то есть вопрос о том, каким образом доминирующая идеология определяет *политику репрезентации и интерпретации*, а значит, вопросы о том, как *мы видим*⁸ и о том,

⁷ R. Parker, G. Pollock, *Old Mistresses. Women, Art and Ideology* (New York: Pantheon Books, 1981); N. Bryson, *Vision and Painting. The Logic of Gaze* (London: Macmillan, 1983); M. Bal, *Reading Rembrandt: Beyond the Word-Image Opposition* (New York: Cambridge University, 1991).

⁸ Видение является не первичным физиологическим условием интерпретации, обусловленным лишь чувствительностью зрительного аппарата, а результатом бессознательно впитанных конвенций нашей культуры.

«кто смотрит, на что, на кого и каковы последствия этого с точки зрения властных отношений? Кому позволено смотреть, а кому нет?». ⁹

Другими словами, феминистские критики связывают в единый узел видение и власть, что означает обнаружение исторического и социального отношения внутри и посредством разнообразных визуальных практик — от перспективы до надзора. Причин тому много, и не в последнюю очередь это связано с продуктивным диалогом между феминистскими, марксистскими и психоаналитическими теориями идеологии и субъекта. Гризельда Поллок ¹⁰ указывает на то, что видение часто представляется как простая, первичная самоочевидная категория (категория, описывающая уровень ощущений), хотя в рамках психоаналитических исследований того сложного образования, которое мы называем человеческой субъективностью, визуальное всегда насыщено значениями, обладает своими возможностями и порождает особые эффекты в организации влечений, в образовании психических репрезентантов, активно участвуя в символизации, а отсюда формировании сексуальности и бессознательного вообще. Скопофилия и паранойя, вуайеризм и эксгибиционизм — посредством этих психоаналитических обобщений разнообразных пороков зрительной активности субъекта видение оказывается метафорой самого процесса формирования субъективности, а также проливает свет на эффекты репрессии, связанной с вхождением в символическое.

Итак, «видение» — это идеологическая категория *par excellence*. Не случайно именно «видение» стало центральной теоретической проблемой последних десятилетий в теории искусства: «учиться видеть!» — в некотором смысле эмблематичный для нашего времени призыв, обращенный ко всем, кто имеет дело с визуальной культурой. Мы многим обязаны авангардистскому искусству, эксперименты которого с формой и невротическое неприятие канонов классической визуальности, начиная с импрессионизма, привели к гораздо более серьезным результатам, чем это предполагалось изначально — «освобожде-

⁹ G. Pollock, «Beholding Art History: Vision, Place and Power», in S. Mellvill, B. Readings, eds., *Vision and Textuality*; Duke University Press, 1995, p. 40.

¹⁰ См. там же.

ние взгляда» распространилось далеко за пределы собственно изобразительного искусства, превратившись в эпистемологическую метафору.

Итак, «взгляд», «видение», «визуальность» — таковы те базисные категории, которыми оперирует феминистская критика истории и теории искусства.

3. Flashback: взгляд в недавнее прошлое феминистской критики

История и теория искусства в феминистской перспективе — явление сравнительно недавнее (самое большее — 20-летней давности). Тем не менее и здесь уже различимы, по крайней мере, два этапа ее развития.

В начальный период формирования этой парадигмы речь шла об «условиях и опыте женского существования» в искусстве. В конце 70-х годов развивается собственно теоретическая платформа феминистской теории искусства, на которую повлияли различные феминизмы, возникшие в других областях исследований. Наиболее важным для самоопределения феминистской теории искусства до сих пор считается текст Линды Нохлин «Почему не было великих художников-женщин?».¹¹ В этой работе Линда Нохлин обратилась к социологическому анализу искусства, отметив, что было бы большим заблуждением считать (а многие именно так и считают) искусство «свободной автономной деятельностью одаренной личности», на деятельности которого сказывается лишь предыдущая художественная традиция. Искусство всегда имеет место быть в определенной социальной ситуации, оно укоренено в социальной структуре и опосредовано деятельностью определенных социальных институтов (художественные академии и другие образовательные учреждения, арт-рынок, культурная политика, религия). Традицию систематического исключения женщин из сферы искусства Нохлин связывает со становлением Академии, в течение несколь-

¹¹L. Nochlin, «Why Are There No Great Women Artists?», in V. Gornick and B. Moran, eds., *Women in Sexist Society. Studies in Power and Powerlessness* (New York, 1971, pp. 480-510).

ких веков эффективно выполнявшей функцию интеллектуальной (представление о «гениальности» как мужском атрибуте) и институциональной (членство в Академии для женщин было запрещено) дискриминации. В своем эпохальном тексте Линда Нохлин обозначила три ключевых направления, которые определили тематику феминистской критики истории искусства на последующее десятилетие: 1) поиск и исследование творчества женщин-художниц; 2) изучение репрезентаций «женщины» в искусстве; 3) критика дискурсивных границ истории искусства как научной дисциплины.¹²

Несколько позже начали появляться специальные биографические издания, справочники Элеанор Тафтс, Гуго Мюнстенберга и других, сами названия которых были довольно красноречивыми — *Пять веков женщин-художниц*, *Женщины-художницы от Средневековья до 20 века*; сама Линда Нохлин в соавторстве с Энн Харрис в 1976 году опубликовала книгу *Женщины-художницы 1550-1950* (по сути, это был каталог выставки, которую она организовала и проехала с ней почти по всем Штатам). Так были «открыты», а, точнее, возвращены истории имена выдающихся художниц: Джудит Лейстер (1609-1661), работы которой приписывались Франсу Хальсу; Ангелика Кауффман (1741-1807) — член Королевской Академии; Сюзе Робертсон (1855-1922) и многие другие. Это, несомненно, явилось началом многих предприятий подобного рода в последующем. Публикации о женщинах-художницах, появившиеся в 70-80-е годы, исследовали статус женщин, их достижения в рамках традиционной истории искусств. При этом в этих исследованиях нет еще и тени сомнения в правомерности и легитимности тех исторических институтов и структур, которые при этом затрагиваются. В конце концов, эта первая волна подошла слишком близко, как отмечают некоторые исследователи, к той опасной черте, когда начал утверждаться своего рода «женский канон в истории искусства» (существовавший параллельно и маргинально в общей истории).¹³

¹² M. Van Rijnsingen, «How purple can purple be? Feminist Art History», in R. Buikema and A. Smelik, eds., *Women's Studies and Culture. A Feminist Introduction* (Zed Books, 1995), p. 96.

¹³ Th. Gouma-Peterson, P. Mathews, «The Feminist Critique of Art History», *The Art Bulletin* LXIX, Sept. 1987, p. 327.

Последовавшие за этим дебаты о «значительности» и «гениальности» особенно показательны. Линда Нохлин, акцентируя первичную роль институциональных факторов в развитии художественных явлений, по существу, опровергла миф о «великом художнике», который сам по себе наделен особым талантом, способностями, трудолюбием и тем «врожденным» качеством, которое получило название «гениальность». Однако Нохлин еще не зашла так далеко, как это сделали ее коллеги чуть позже, и не подвергла критике «патриархальные» определения произведения искусства — понятия «художественного достижения», «ценности», «величия», и т. д. Возможно, поэтому ее идеи вызвали довольно противоречивые отклики, иногда довольно «вредные» для утверждения новой точки зрения на женское искусство. Так, Синди Немзер в 1975 году все-таки вернулась к понятию «гениальность», утверждая, что женщинам это не дано, не затрудняя себя размышлениями о том, каковы причины отсутствия гениальных художниц в истории мирового искусства. Многие феминистки немедленно высказались против такой позиции, которая означала конфронтацию между мужским и женским искусством. Кэрол Данкан в своей рецензии на эту книгу указала, что «мы больше не можем принимать гениальность и величие как универсальные, вневременные и бесспорные понятия».¹⁴

Существенную роль в переосмыслении самих дефиниций, то есть дискурсивной матрицы искусствоведения, сыграла Норма Броуди, которая высказала мысль о том, что сами дебаты о гениальности лишний раз продемонстрировали влияние патриархальных суждений об искусстве, согласно которым то, что создавали женщины, возможно, никогда не будет оценено как нечто значительное. Лишь десять лет спустя после эпохальной статьи Линды Нохлин две англичанки — Розика Паркер и Гризельда Поллок попытались переписать историю искусства, отрицая не столько саму историю-без-женщин (которую они, кстати, и не намеревались реконструировать), сколько оценочные критерии патриархатной эстетики.¹⁵ В своей книге *Сма-*

¹⁴ C. Duncan, «When Greatnes is a Box of Wheaties», *Art forum*, Oct., 1975, 63.

¹⁵ R. Parker, G. Pollock, *Old Mistresses: Women, Art and Ideology* (New York, 1981).

рые мастерицы. Женщины, искусство и идеология¹⁶ (1981) они исследовали исторические и идеологические парадоксы «непричастности» женщин к искусству, условия художественного производства, влияние социальных институций на искусство. Эта книга явилась началом *феминистского деконструктивизма*, поскольку впервые подобная тема рассматривалась не с точки зрения описания произведений искусства и рассказов о женщинах, имевших отношение к данной сфере культуры, но в свете идеологических установок, формирующих и определяющих эту сферу.

Таким образом, начала развиваться феминистская критика искусства. Параллельно активизировалась и сама художественная сфера (начиная с конца 60-х годов). Люси Липпард организовала так называемый «Ad Hoc Committee of Women Artists» с целью преодоления сексистской деятельности галерей и выставочных залов, в которых, как правило, женское искусство было представлено на 5-10% от общего количества работ. Эта деятельность возымела некоторый успех, потому что очень быстро этот процент возрос до 25% (в 1970 году), но на этом все и остановилось, то есть в современных (американских) музеях ситуация в процентном отношении представленности женщин-художниц остается на том же уровне. Другая организация (*WIA — Women in the Arts*) была основана в 1971 году, и уже через два года ее активисткам удалось организовать в Нью-Йоркском культурном центре выставку с участием 109 современных художниц. Кульминацией явилась выставка, организованная Линдой Нохлин и ее коллегами — «Женщины-художницы с 1550 по 1950 гг». Не имеет смысла перечислять все женские художественные организации и ассоциации, которые начали бурно развиваться в этот период — их было много, включая галереи современного искусства. В Калифорнийском Институте искусств Мириам Шапиро и Джуди Чикаго принимают участие в создании специального отделения по феминистскому искусству. Причем первой крупной акцией стала выставка «Женский дом» (1971) (*Womanhouse*), общая концепция которой заключалась в том, что группа художниц организовала пространство жилого

¹⁶ Само название книги на языке оригинала (*Old Mistresses*) содержит в себе целый ряд значимых отсылок, характеризующих ту ситуацию репрессии по отношению к женщине, которая существует в языке и в искусстве как институционально организованной сфере.

дома таким образом, чтобы выразить свою точку зрения на жизнь женщины. Выставка была развлекательной, ироничной, скандальной (в этом доме оказалось все, что имеет отношение к повседневному «женскому» опыту существования).¹⁷ В рамках факультета искусств Джуди Чикаго сконцентрировалась на работе с группой феминистского перформанса, а Шапиро вела семинар для феминистских критиков. Когда Шапиро вернулась в Нью-Йорк в 1979 году, она создала поныне действующий Институт феминистского искусства. В 1972 году был создан и *Журнал феминистского искусства* под руководством Синди и Чака Нем-зеров (прекратил существование в 1977 году). Хотя поначалу публикации носили характер биографических сводок, они все-таки способствовали сплочению феминистских критиков и стимулировали дискуссию по таким проблемам как «женская чувствительность в искусстве» и «искусство VS рукоделие».¹⁸ В 1975 году начал издаваться Информационный бюллетень феминистских художниц, который продолжает функционировать как основное справочное издание по деятельности центров, музеев, ассоциаций в Америке. Среди наиболее известных журналов феминистского искусства (в англоязычном мире) можно перечислить такие издания как *Helicon 9; A Journal of Women's Art and Letters; Woman and Performance; Heresies; Woman's Art Journal; Camera Obscura*.¹⁹ Пожалуй, к числу главных достиже-

¹⁷ Концепция перформанса основывалась на переосмыслении образа жизни женщины, когда женщины были словно замурованы в доме в течение веков — шили и вышивали, пекли хлеб, украшали дом, вязали, растрачивая свою творческую энергию внутри дома. Устроители акции задались вопросом: что если женщины обратятся к тем же самым домашним занятиям, расцветив их своей фантазией? Можно ли обратить формы домашней работы в источник творческого вдохновения? В «женском доме» было представлено 17 комнат, в том числе свадебная лестница, детская (громдного размера), кладовка для обуви, «питательная кухня» (кухня — мать — кормилица): все покрыто телесно-розовым цветом с выпуклыми выступами («сосками»), и знаменитая «менструальная ванная комната». (См. более подробно: J. Chicago, *Through the Flower. My struggle as a woman artist* (Anchor Books, 1977)).

¹⁸ Th. Gouma-Peterson, P. Mathews, «The Feminist Critique of Art History», *The Art Bulletin* LXIX, Sept. 1987, p. 330.

¹⁹ Недавно основанные журналы гораздо более аполитичны, чем их предшественники, для которых, например, идеологическая позиция художника (отрицающего феминистскую перспективу в современной культуре) была

ний этого периода можно отнести: ассоциацию женщин-художников и критиков в различных организационных формах; успешную борьбу и создание выставочных пространств для этого искусства; осмысление современного этапа развития женского и собственно феминистского искусства; развитие феминистской художественной критики, наконец, воздействие на общественное мнение. Главной проблемой, однако, в этот период являлся своеобразный радикализм феминисток-критиков и художниц: они хотели, чтобы их слышали, но в целом были больше сконцентрированы на самой идее протеста и вызова (отсюда сложные отношения между феминистской критикой и «женским искусством»).

Безусловно, не только США переживали феминистский бум в сфере визуальных искусств, но то, что происходило там, получило наибольшую огласку. В Британии, Германии, Австралии, Дании, Швеции с начала 70-х годов также издавались различные журналы и активизировалась деятельность художниц и феминистской критики. Что касается стран бывшего СССР, то в общем и целом можно признать, что мы все еще находимся на стадии неосознанного феминизма, реализующегося, как правило, в различных формах «женского искусства» (будь то кино, живопись, медиа арт или концептуальное искусство).

4. Основные темы феминистской критики искусства

Как уже отмечалось, на первом этапе главной темой феминистской критики являлась критика мужского доминирования в истории искусства. Постепенно обозначились и другие проблемы, повлекшие за собой серьезные дискуссии.

Искусство и/или рукоделие — эта тематика возникла на волне выяснения того, почему женское «искусство», которое, не-

сама по себе достаточным аргументом в пользу того, чтобы игнорировать творчество такого художника. Однако среди новых проектов особо хотелось бы выделить новый журнал феминистского искусства *n.paradoxa* (издаваемый Кейт Дипвелл в Великобритании), который уделяет особое внимание исследованию новых форм феминистского искусства (в том числе net-art и media art), а также стремится к интеграции восточноевропейского и западного феминизмов.

сомненно, существовало с архаических времен, не признавалось таковым в глазах патриархатного социума. Модернистский миф о художнике порождает иллюзию полной свободы художника от общества и его существование вне социальных структур, в то время как, как уже было сказано ранее, феминистская критика радикально выступала против подобной трактовки. «Универсальная» точка зрения на искусство в любом обществе эмануирует из вполне определенного идеологически обусловленного видения: а именно, непризнание женского искусства в истории и теории искусства было связано с существованием оппозиции «высокое-низкое» искусство, которая, в свою очередь, возникла в Новое время как результат стратификации культуры по классовому признаку и т. д. Декоративное искусство, рукоделие (вышивка и т. п.) были отнесены к «низкому» искусству и интерпретировались не как свободная художественная деятельность, но как почти трудовая, семейная обязанность женщины — «женская работа». Совершенно не случайно феминистское искусство постоянно возвращается к мотивам рукоделия и декоративного искусства — например, в инсталляциях Хармони Хаммонд и Джойс Козлофф для подземных переходов и станций метро, целью которых было не только стереть иерархические границы между «высоким» и «низким» искусством, но также привлечь к этому внимание широкой публики.²⁰ Можно также вспомнить о работах Джуди Чикаго, в которых обыгрывается «цветочная» символика, получившая развитие как в натюрмортах и «цветочной» живописи, так и в вышивании. Противопоставление «подлинного» искусства рукоделию и другим видам «женского» искусства коренится также и в традиционных представлениях об «иерархии формы и материала», в которой традиции живописи и ваяния ставятся выше традиций работы с глиной и нитями, а ритуальная или созерцательная функции («искусство ради искусства») выше практического использования.²¹ В рамках «феминистского» рукоделия женская «креативность» утверждает себя по-новому — теперь уже в симбиозе с авангардистским проектом абстрактного искусства и в свете теоретических дис-

²⁰ Там же. С. 333.

²¹ Морс М. Феминистская эстетика и спектр пола // Феминизм. Восток — Запад — Россия. М., 1993. С. 62.

куссий о «естественности» (то есть биологической предзаданности) или социальной медиации женской чувствительности.

В рамках феминистского искусства не остался незамеченным и вопрос о специфике и значении визуальных репрезентаций в нашей культуре — поскольку с точки зрения многих авторов (Ю. Кристева, Д. Батлер, Л. Иригарэ) «гендер» — это прежде всего эффект репрезентации, перформанса, это процесс дифференциации мужского и женского посредством различных культурных практик — языка, литературы, искусства, науки. В еще более широком философском контексте репрезентация уже лишилась своего прежнего значения как миметического воспроизведения реальности. Репрезентация понимается прежде всего как способ воспроизведения идей, того, что культура думает о себе самой; другими словами, это манифестация определенного способа видения. Именно репрезентация легитимизирует доминирующую в культуре идеологию и формы субординации, и тем самым оказывается политической в самом своем основании. Так, рисование, как одна из форм визуальной репрезентации, не является регистрацией зрительных ощущений (характерная идеологическая установка, которая защищает зрение художника и которую историки искусства постоянно воспроизводят). Правильнее было бы рассматривать визуальную репрезентацию как своего рода экран, на котором тело собирается по частям, из которых складываются репрезентированные элементы и формы, который мы можем воспринимать как матрицу фантазии. Это не регистрация видения, *а. визуализация*, причем визуализация не столько *чего-то*, сколько *для кого-то*. Картина — это пространство текста со всеми его референциями, бессознательными инвестициями, цитатами и воспоминаниями.²²

Очевидно, что в этом свете сама проблема идентификации, исследования «женской» чувствительности и сексуальности в искусстве смещается в сторону анализа того, как они конструируются средствами искусства. По вопросу о женской чувствительности, закодированной в произведении искусства, Элен Шо-уолтер высказала мысль, что женщина всегда говорит в два голоса, репрезентирует две точки зрения — ту, которая навязана

²² G. Pollock, «Beholding Art History: Vision, Place and Power», in S. Mellvill, B. Readings, eds., *Vision and Textuality*; Duke University Press, 1995, p. 50.

ей доминирующей в обществе идеологией (то есть представляет «мужской» взгляд на мир), и ту, которая связана с мыслями и чувствами репрессируемой социальной группы — в данном случае, женщин (*double-voice discourse*). Существует немало исследований, касающихся распознавания и идентификации специфики женского взгляда на мир, женских эмоций через призму этой двойственности в классической живописи и в искусстве авангарда (как в работах мужчин, так и женщин, а также гетеросексуалов и гомосексуалов).

5. Женская сексуальность в искусстве: кто сказал, что «визуальное искусство предназначено для наслаждения»?

С начала 70-х годов женщины-художницы стремились исследовать и выразить в своих произведениях отношение женщины к своему телу, ее чувства по поводу собственной сексуальности (не только в рамках разновидностей «эротического искусства», но, например, в хэппенингах и перформансах). Особенный резонанс вызвал пересмотр мифа о женской пассивности — художницы попытались донести до публики мысль о том, что женщина чувствует себя достаточно комфортно в телесном плане с точки зрения здоровых потенциалов, активности, энергии. Как правило, в классических произведениях искусства центральность в композиционном плане фигуры (обнаженной) женщины предполагала ее намеренную «объектность»: доминирующим в картине является взгляд мужчины-художника, который нарративно может быть совмещен с присутствующими в картине вуайе-рами (как, например, все те же старцы в сюжетах с Сусанной или призрак старухи-сводницы — с Данаей²³). Эротичен взгляд художника,²⁴ но не женщина, присутствующая в картине. Жен-

²³ «Вуайер», по определению, субъект мужского пола. Художники довольно часто включали его в пространство картины, тем самым подчеркивая патриархатную природу визуального наслаждения.

²⁴ Эту проблему, в частности, затрагивает Дэвид Фридберг в своей работе *The Power of Images. Studies in the History and Theory of Response* (The University of Chicago Press, 1989), исследуя историю «потребления» произведений искусства в ренессансной Европе, когда произведение с обнажен-

ская телесность, как правило, была ассоциирована с эротическим началом, другие формы телесного чувствования были фактически исключены. В феминистском искусстве, напротив, реализуется стремление деколонизировать, дезэротизировать и даже дезэстетизировать женское тело — отсюда, например, темы боли, фертильной функциональности женского тела и т. д. В частности, возникновение феминистского видеоарта тесно связано с экспериментами Лизы Стил: в своем фильме 1973 года обнаженная Лиза демонстрирует камере историю собственного тела, испещренного множеством маленьких и покрупнее шрамов (следы детских и взрослых ушибов и травм). «Программность» фильма обусловлена целым рядом факторов: активность и незакомплексованность эксгибиционирующей женщины контрастирует со статичностью камеры, лишенной возможности передвижения, смены ракурсов и точек зрения, обреченной на показ лишь того, что ей хотят показать — вуайеристский взгляд камеры парализован; молодое и выразительное тело Лизы дезэротизируется по мере выявления все большего количества шрамов (сами по себе шрамы в патриархальной культуре служили означающими мужественности); подробный рассказ героини обо всех болячках и ушибах значим вдвойне, ибо, во-первых, он выступает в качестве раздражителя, препятствующего созерцанию женского тела и получению удовольствия, связанного с этим процессом, а во-вторых, голос, принадлежащий видимому телу, констатирует способность женщины контролировать свое тело и направлять взгляд камеры. И то, и другое радикальным образом отрицает вечную немоту и пассивность обнаженных красавиц классического искусства, не говоря уже о конвенциях репрезентации безупречного в эстетическом плане женского тела.

Отдельного внимания заслуживают некоторые картины, нарративное пространство которых структурировано таким образом, что женщина становится его центром: возможно, «Олимпия» Мане потому так шокировала современников, что женщина здесь принимает слишком большое участие в повествовании

ной женской натурой чаще всего оказывалось в спальне и в известном смысле вдохновляло супруга на брачном ложе. Композиция картин с классическим сюжетом о Венере недвусмысленно направляла взгляд смотрящего, словно приглашая его поучаствовать в визуальной вакханалии до-порнографического искусства.

о самой себе. Вместо того, чтобы остаться пассивным «третьим лицом» и признать, что ее тело — всего лишь объект рассматривания извне, она активно навязывает свою точку зрения зрителю, превращается в «я», с которым зритель вынужден идентифицироваться.²⁵ Тщательный анализ нарративного пространства классической живописи в том, что касается организации повествования с определенной точки зрения (понятия нарратора и фокализации) позволяет нам увидеть, что организация визуального поля (взгляда), выбор сюжета и композиция фигур могут радикальным образом изменять смысл обнаженного тела женщины. Так, сопоставление двух полотен, написанных на одну и ту же тему — «Сусанна и старцы»²⁶ в исполнении Артемизии Джентиллески и Рубенса приводит к совершенно противоположным эффектам.

У Рубенса (как и у некоторых других художников-мужчин, обращавшихся к этому библейскому сюжету) в качестве субъектов зрения предстают старцы (они видят Сусанну), но они также и агенты фабулы. Это совмещение предоставляет зрителю позицию, с которой можно себя идентифицировать, и тогда освещенная фигура обнаженной женщины предстает на картине как прельстительный объект желания. Сама женщина никак не участвует в ситуации, не видит, что ее рассматривают. Иначе выстроена «Сусанна и старцы» Артемизии Джентиллески. Женщина видит, что ее рассматривают, и противится этому; вместо прельстительности тела картина передает дискомфорт эротической ситуации и критическое отношение к ней. Каковы нарративные знаки этого критического отношения? Неудобная каменная скамья, на которой сидит Сусанна, противопоставлена рельефному изображению цветущих растений, аллюзии на «сад земных наслаждений», традиционно считающийся «означиванием» старцев. Каменная скамейка коннотирует затравленную женщину. Структура смысла в этой картине сложнее, чем в картине Рубенса: мужчины обмениваются взглядами, сообщая друг другу

²⁵ Бел М., Брайсон Н. Семиотика и искусствознание // Вопросы искусствознания, IX (2/96), 548.

²⁶ Сюжет, который Мике Баль называет «*the history of illegitimate looking*» (См.: М. Bal, «Reading the Gaze: The Construction of Gender in 'Rembrandt'», in S. Mellvill, B. Readings, eds., *Vision and Textuality*; Duke University Press, 1995, pp. 38-66.

желание; Сусанна отворачивается, стараясь вырваться из их взгляда; ее позиция символизирует отказ Сусанны принять ситуацию. Ее взгляд оказывается «взглядом» повествующего субъекта, а отвратительных стариков мы видим с ее точки зрения.

6. Иконография женских образов в искусстве: альтернативные интерпретации

Одной из задач феминистской критики в области искусства является, несомненно, вопрос о том, как женщины-художницы создают новые образы фемининности за рамками уже существующих форм репрезентации.²⁷ Однако в равной степени, если не в большей, важен и пересмотр последних. Огромное количество стереотипных (и вошедших в иконографический канон) репрезентаций женщины в художественной традиции привлекло к себе вполне понятное внимание феминистской критики: образы женщины как матери (Христа, например), девственницы (Дева Мария), блудницы (Марии Магдалины), монстра, колдуньи или ведьмы, музы поэта или художника и т. п. Все эти образы функционировали как означающие патриархатной культуры, мужского представления о себе и о женщине; их галерея отражает ясно артикулированное представление о том, что, с одной стороны, эта культура полагала «благом» (удовлетворяющим мужское желание на вполне функциональном уровне, как уже отмечалось выше), а, с другой стороны, что эта культура считала необходимым вытеснить и репрессировать (отсюда амбивалентность образа матери и девственницы в симбиозе с не менее популярными образами блудницы и колдуньи). Образы женщины в искусстве, таким образом, функционируют как своего рода «культурные симптомы» (Э. Панофский). Так же, как и в реальной жизни, искусство отражало стремление патриархатного социума не только подчинить себе женщину, но и наказать ее за те грехи, вину за которые по идее должна нести мужская часть общества (женщина как причина всех несчастий — образ Евы по-прежнему-

²⁷ M. Van Rijnsingen, «How purple can purple be? Feminist Art History», in R. Buikema and A. Smelik, eds., *Women's Studies and Culture. A Feminist Introduction* (Zed Books, 1995), p. 94.

му является одним из фундаментальных для западной культуры мифов греховности женщины).

Можно обратиться к конкретному примеру, иллюстрирующему то, каким образом произведение искусства может быть проанализировано в свете представлений о женских образах как означающих мужского желания. В своей работе *Способы видения* Джон Бергер затронул три важные темы: 1) использование женского тела с целью лицемерного морализирования андроцен-тристского общества; 2) моральное осуждение женщины, чью наготу художнику нравилось рисовать, а его патрону нравилось иметь у себя; 3) использование зеркала с целью найти предлог для объективации обнаженной натуры посредством взгляда.²⁸ Логика анализа здесь довольно проста: мужчины действуют (думают, смотрят, желают), а женщины пассивно являются взглядом; мужчины смотрят на женщин, маскируя под вполне благовидным предлогом (женское тщеславие) собственный «аморализм»; женщины смотрят на себя (в зеркало), будучи сами объектом рассматривания. Бергер²⁹ обращается к типичному мотиву женского тщеславия (*vanitas*), который присутствует во многих картинах классического искусства (Венера, Сусанна, Далила, три грации, одалиски и блудницы), чтобы показать, каким образом персонификация якобы вечного женского тщеславия выступает в качестве примера мужского морализирования посредством репрезентации женского тела: «Вы рисуете обнаженную женщину, поскольку вам нравится на нее смотреть, после этого вы вкладываете ей в руки зеркало и называете картину «тщеславие».³⁰ Таким образом вы оправдываете себя и свое желание, но одновременно морально осуждаете женщину за ее нарциссизм.

²⁸ Th. Gouma-Peterson, P. Mathews, «The Feminist Critique of Art History », *The Art Bulletin* LXIX, Sept. 1987, p. 339.

²⁹ J. Berger, *Ways of Seeing* (London, 1972), pp.45-64.

³⁰ Мотив красавицы у зеркала традиционно связывался с аллегорией тщеславия. Г. Ревзин отмечает, что «женщина перед зеркалом», сцены застолья, флирта, борделя — все это воплощало религиозно-морализаторский смысл. «Все эти сюжеты попадают в категорию «суетностей» (*vanitas*), они же в позднем Средневековье служили иллюстрациями некоторых смертных грехов: беспечности, чревоугодия, тщеславия и распутства» (См.: Копылова Л., Ревзин Г. «Dances macabre» реалистической традиции. «Сводничество» и «брак» в русском реализме XIX века // Вопросы искусствознания, IX (2/96). С. 111).

Симптоматичной в этом русле исследований выглядит антология текстов под названием *Женщина как сексуальный объект. Исследования эротического искусства (1730-1970)* (1972),³¹ теоретическая неоднозначность статей в которой обусловлена идеологической запутанностью вопроса об эротическом опыте мужчин и женщин в искусстве. В фокусе, как правило, оказывался, эротический опыт мужчин, представленный мужчинами-художниками посредством создания женских образов. Дилемма состояла в том, как традиционные искусствоведческие методы анализа совместить с новыми подходами, с новой точкой зрения. Линда Нохлин в этой антологии высказала мысль о том, что «эротическое» всегда имплицитно понималось как эротическое желание и видение мужчины. Территории для эротизма женщины классическое искусство не оставляло.

В том, что касается образов женщины-матери³² — то здесь главным объектом внимания стала проблема того, как евгеника — идеология и политика государства в отношении рождаемости, замыкание женщины в семье и т. д. — оказывали влияние на искусство того или иного периода с точки зрения предпочитаемых сюжетов. Например, Кэрол Данкан в своей статье «Счастливые матери и другие новые идеи во французском искусстве 18 века» (1973) пишет о том, что возросшая популярность изображений семейного благополучия и счастливой матери в искусстве этого периода (искусство должно было уверить самих женщин в том, насколько они счастливы в семье, и что роль матери и жены их всецело удовлетворяет, ибо это «природой обусловленный» способ их жизни в обществе) отражает довольно сложный комплекс социальных, экономических и политических обстоятельств в государстве, вынужденном обратить особое внимание на поддержание идеи семьи и замужней женщины-матери в связи с трансформацией феодального общества в бур-

³¹ Th. B. Hess and L. Nochlin, eds., *Woman as Sex Object. Studies in Erotic Art 1730 — 1970* (New York, 1972).

³² В связи с этим уместно было бы вспомнить о патристических коннотациях этого образа в бывшем СССР — это очевидный пример того, как обоим ценный образ женщины эксплуатировался во благо государственных интересов — отождествление Родины и матери, а также того, что только женщина-мать с точки зрения социалистического государства заслуживает публичной репрезентации.

жуазное (женщины «естественным образом» вступали на рынок труда и постепенно обретали право на собственность). Другими словами, необходимо было закрепить традиционный женский *status quo*, так как демократические права и обязанности буржуазного общества на женщину не распространялись.

Та же Кэрл Данкан, сопоставляя авангардистских художников (с их «безликими» обнаженными) с традиционными (Делакруа, Энгр, Мунк, Пикассо), говорит, что, несмотря на все идеологическое и стилистическое различие между ними, универсальным началом в их живописи является все то же желание «научить женщин видеть себя и смотреть на себя в свете доминирующих мужских интересов».

Любопытными являются исследования мужских обнаженных натур в контексте гендерной проблематики: они гораздо более индивидуализированы (характеризация их лиц, способность владеть и направлять взгляд, а также не обязательное следование канонам «мужской красоты»), динамичны, действенны — даже в своей наготе.

В истории феминистской критики истории и теории искусства вышеуказанная статья Данкан и вышедшая в 1977 году работа Гризельды Поллок под названием *Что не так с изображениями женщин?* считаются «классикой», то есть в них были обозначены многие из по сей день актуальных проблем в русле этой традиции, а кроме того, была продемонстрирована соответствующая методология конкретного анализа, гласящая, что недостаточно заявить о содержательной дискриминации женского искусства или самой женщины в искусстве, это следует еще доказать: то есть сам «текст» должен представить нам эти доказательства. Так, хорошо известен миф о Ван Гоге как «певце» труда и труженика (в немалой степени этому способствовали прозрения Хайдеггера о паре крестьянских башмаков). Гризельда Поллок предлагает поразмышлять над одним из его рисунков — «Нагнувшаяся крестьянка». Мы видим модель сзади, взгляд направлен от земли вверх так, чтобы видны были преимущественно ее бедра и ноги. Само появление этой картины (с точки зрения необходимых условий для ее создания), считает Поллок, может быть объяснено в рамках социальной истории: крестьянка, как и другие крестьяне из этой бедной деревни, согласилась позировать за деньги представителю буржуазии. Зрение Ван Гога — это *классовое зрение*, принадлежащее также субъекту

мужского пола — женщина позирует художнику-мужчине. Ни ее одежда, ни ее поза не могут быть даже помыслены как коды буржуазной фемининности (сестра или мать художника вряд ли бы согласились позировать ему в этой позе). Блузка и юбка — одежда женщины беднейшего класса, и именно такая одежда позволяет ей низко сгибаться в талии. Разделенные таким образом части тела становятся фокусом дисперсного эротизма художника. В рисунке Ван Гога содержатся, таким образом, множественные смыслы, а вовсе не один универсальный смысл «прославление женщины-труженицы, занятой тяжелым непосильным трудом»: рисунок «отражает» все противоречия своей эпохи с ее классовыми, сексуальными и другим культурными особенностями, потребностями и запретами, включая личные фобии (комплекс кастрации и т. д.), сексуальные фантазии (структурированные социумом и легитимированные статусом художника) и желания субъекта по имени Ван Гог. Насилие же репрезентации заключается не только в том, как художник Ван Гог относится к натурщице (представительнице пролетариата); это также насилие патриархатной организации маскулинности, воплощением и историческим продуктом которой стал Ван Гог.³³

7. Заключение. Значение феминистской критики для теории и истории искусства

Самоопределение феминистской критики, как правило, проходит на границах наиболее влиятельных интеллектуальных дискурсов: двадцать лет назад основным вопросом был вопрос о расхождении феминизма и марксизма, десять лет назад — о расхождении между феминизмом и психоанализом, сегодня — это вопрос об отношениях с постструктурализмом и постмодернизмом. Вопрос о *методологии* в феминистском анализе — это прежде всего вопрос об ее использовании, в том числе об *идеологии*, лежащей в ее основе.

³³ См.: G. Pollock, «Beholding Art History: Vision, Place and Power», in S. Mellvill, B. Readings, eds., *Vision and Textuality*; Duke University Press, 1995, pp. 46-50.

От первоначального интереса к переписыванию истории искусств через призму женской точки зрения произошло смещение интереса к тому, как совместить традиционное искусствоведение с выходящей за его рамки и преодолевающей его маскулинистскую идеологию тематикой, а затем логичным образом возникла проблема того, как избежать ловушки сциентистского дискурса, самого языка описания и теоретизирования. Люси Липпард, выступавшая активно за создание собственно феминистской теории искусства, попыталась предложить свою «критическую методологию», но без «критической системы», так как, согласно ее мнению, любая система, любая теория, любая последовательная методология являются собой авторитарный, патриархатный, а значит, традиционный способ интерпретации. Поэтому сама парадоксальность, противоречивость, непоследовательность и амбивалентность ее *письма* (понимаемого здесь в постструктуралистском смысле) должны были продемонстрировать возможность создания *феминистского искусствоведения* за пределами институционального и догматического мышления и языка классической гуманитаристики. По мнению Люси Липпард, создание как феминистского искусства, так и критики — это создание новых ценностей, это становление нового сознания, это революционная стратегия, это не только художественная или теоретическая, но и социальная акция.

Феминистское искусство невозможно определить через его *стилистические особенности*; скорее, речь идет о наличии рефлексивного отношения к патриархатным художественным практикам, о присутствии и выраженности *феминистской идеи в современном искусстве*. Феминистское искусство — это, прежде всего и в наибольшей степени, *политика посредством искусства*. В связи с чем невозможно, например, говорить о феминистском искусстве в тех случаях, когда сама художница в реальной жизни, за пределами своей мастерской, сознательно не относит себя к феминистскому движению — феминистские установки в этом искусстве должны быть *осознаваемы* как манифест, как программа, как идеология, которая затем кодируется в художественных формах. Иначе мы будем иметь еще одну разновидность *женского искусства*. Впрочем, это вовсе не значит, что произведения феминисток должны анализироваться только с точки зрения их политической значимости, просто феминизм в данном случае является исходным условием для интерпрета-

ции, для понимания — это значит, что к ним могут быть применимы некие общие критерии анализа, но при этом нужно учитывать, что сами общепринятые критерии оценки художественной ценности этих произведений здесь подвергаются заслуженному сомнению.

Что касается изменения общего пафоса современной феминистской критики (1980-1990-е годы) — то об этом достаточно ярко свидетельствует переход от феминизма к *постфеминизму*, для которого не характерны ориентация на мужские стандарты (поведения, политики, научного дискурса и т. д.), призыв к равенству и отождествлению. Речь идет, скорее, об особом внимании, уделяемом процессуальному характеру половой дифференциации («психосоциальное конструирование половых различий») и нетождественности женской чувствительности мужскому типу сознания (инаковость, о которой писала Симона де Бо-вуар); стоит вспомнить и об осознании бесперспективности реконструирования «аутентичной» (онтологической, всегда равной себе) женственности в исторической перспективе (раз и навсегда данных «означающих фемининности»), поскольку речь идет о постоянно разворачивающейся самоидентификации. Отсюда — особое внимание к репрезентациям, ибо с их помощью это *различение* и происходит. Как сказала Тереза де Лауретис, «реальность гендера заключается как раз в эффектах его репрезентации»: гендер реализуется, становится реальным тогда, когда его репрезентация становится саморепрезентацией индивида, принимается им в качестве своей социальной или субъектной идентичности». ³⁴ Не случаен в этой связи и интерес к семиотике — как способу анализа того, каким образом смысл организуется, производится и как происходит сотрудничество «текста» с воспринимающим его реципиентом.

Под влиянием французских теоретиков Люси Иригарэ, Юлии Кристевой, Элен Сиксу для второго поколения феминисток-искусствоведов и художниц становится приоритетным создание *la peinture feminine*, своего рода визуальный аналог *l'écriture feminine*. ³⁵ Подчеркивание *различий* с точки зрения

³⁴ Де Лауретис Т. Американский Фрейд // Гендерные исследования, 1998, № 1. С. 137.

³⁵ Th. Gouma-Peterson, P. Mathews, «The Feminist Critique of Art History», *The Art Bulletin* XIX, Sept. 1987, p. 348.

стратегии феминистского искусства означает, что во имя избежания создания униформных по определению стереотипов фемининности это искусство должно культивировать различие и разнообразие внутри себя, свою гетерогенность, культивировать индивидуальность каждой из художниц. Современную критику интересуют способы конструирования мужского и женского не только на примере формирования женской субъективности, но и мужской (симптоматичными в этом смысле являются последние работы Кэжи Силверман). Первое поколение феминисток вовсе не интересовалось репрезентацией маскулинности в искусстве, что сейчас представляется очень актуальным, в особенности, когда речь идет о репрезентации маскулинности в феминистском искусстве.³⁶ Специфическое равенство полов достигается за счет их равнопредставленности в теоретическом дискурсе. Примечательно то, что в сфере искусствоведения именно феминистские критики осуществили своего рода институциональную и концептуальную революцию, активно привлекая именно не-искусствоведческие и неклассические подходы и именно тех авторов, которые были перечислены выше; особенно это касается американского искусствоведения, которое было не просто консервативным, но еще и слишком эгоцентричным. То есть именно через феминистскую критику западное искусствоведение начало реагировать на новые методологические и философские подходы. Как ни странно это покажется, но консервативное наследие, в частности, американской школы проявилось в том, что и среди феминисток далеко не все оказались восприимчивыми к изменению теоретических практик в 80-90-х годах. Некоторые, как, например, Глория Оренштейн в 1975 году, после того, как отсутствующая статистика учета всех репрессированных женщин в истории искусства была в общих чертах воссоздана, имена восстановлены и включены в справочники, а основные параметры «неравенства» полов этой сфере описаны, посчитали, что работа сделана. Теперь остается только учесть этот урок и постоянно «документировать» и представлять широкой публике то, что делается женщинами в искусстве. Другие, как, например, Мэри Гаррард (в статье «Феминизм: изменил ли он ис-

³⁶ См., например: S. Kent and J. Morreau, eds., *Women's Images of Men* (London, Pandora, 1985).

торию искусств?»), призывают инкорпорировать феминизм в традиционную систему обучения на факультетах искусств (чтобы избежать попадания в культурное «гетто»), при этом они довольно часто отвергают семиотику и деконструктивизм (видимо из-за их марксистского или «левого», в общем-то, происхождения) как бесполезные для феминистской критики, как методологии, которые заикливаются на форме, будучи безразличными к содержанию — в общем, старые упреки в адрес формалистских стратегий.

Ориентация на эмпирический и позитивистский подходы слишком долго мешала и постсоветскому искусствоведению задумываться о метатеоретических основаниях собственной легитимности в академической сфере. Как ни странно, но любое вторжение извне в этой сфере квалифицируется как «культурология» и, следовательно, априори — уже не искусствоведение, так же, как изобразительное искусство по-прежнему мыслится доминирующей формой визуальности. В большинстве постсоветских работ по истории искусства обнаруживается две полярные тенденции: либо попытка представить какой-либо художественный феномен с точки зрения внутренней эволюции изобразительного искусства (иконографическая традиция, наследие «школы», формальные инновации), либо следование принципам марксистско-ленинской критики, игнорировавшей сложный характер репрезентации (в особенности ее «политическое бессознательное») и стремившейся найти в произведении непосредственное выражение социальной позиции его автора по отношению к окружающей его действительности. Может быть, именно поэтому пафос феминистской критики представляется столь уместным в истории и теории искусства: он способствует постоянному обновлению критического дискурса, гибкости стратегии исследования, неустанной рефлексии над своей методологией.

³⁷ Th. Gouma-Peterson, P. Mathews, p. 353.

Гендерная проблематика в экологии

Екатерина Карпенко

1. Введение: экология и экофеминизм.

Понятие экофеминизма

Базисным принципом экологии является принцип, который подчеркивает, что все живые организмы должны рассматриваться в отношении к их природному окружению. Экосистема, окружающая любой живой организм, накладывает ограничения на условия его существования. Неспособность человечества уважать свои экологические пределы приводит к современному экологическому кризису.¹

Экофеминизм вводит проблематику *пола/гендера* в экологию: он основывается на утверждении, что потребительское отношение к природе и притеснение женщин в культуре тесно взаимосвязаны. Экофеминизм подчеркивает богатство отношений женщин как к природе, так и к обществу, поэтому он приобрёл распространение в самых различных областях знания и в различных контекстах: от экономики до спиритуализма, от прав животных до прав человека. Экофеминистки рассматривают женщин в качестве силы, играющей ключевую роль в переходе к стабильному миру.

Размеры и влияние экофеминизма зависят от того, как широко его толковать. *Узкое* определение охватывает тех женщин (и мужчин), которые открыто идентифицируют себя как экофеминисты. Многие из них являются учеными, стремящимися утвердить его и как вид научной деятельности, и как движение. *Широкое* определение экофеминизма включает всех женщин (и мужчин), которые проводят кампании по вопросам окружающей среды, даже если феминистские или экофеминистские убеждения ими специально не подчеркиваются.

¹ Bill McKibben, *The end of Nature* (Harmondsworth: Penguin, 1990).

2. Возникновение и теоретические источники современного экофеминизма

Экофеминизм как идеологическое движение и теоретическое направление в экологии возник в начале 70-х годов сначала во Франции и США, а затем во многих других странах. Согласно экофеминизму, сексизм и деградация природы предопределены тем, что западная мысль склонна во всём замечать принадлежность либо к разуму и духу, абстрактному мышлению, научному методу, технологии, контролю, либо к природе, телу, репродуктивности, интуиции. С делением на эти иерархические оппозиции связывается вся динамика западного патриархата как главного источника экологических разрушений.

В 1974 французская исследовательница Дюбон (именно с её именем связывается появление самого слова «экофеминизм») призвала женщин к экологической революции во имя спасения жизни на земле. Она попыталась доказать, что мужской контроль над производством и женской сексуальностью приводит к двойному кризису: во-первых, к разрушению окружающей среды посредством сверхприбыльного производства, и, во-вторых, к демографическому кризису посредством искусственного манипулирования процессом рождаемости.² Очевиден факт влияния Дюбон на все последующее развитие экофеминизма. Она коснулась ряда вопросов, которые стали центральными для экофеминистского движения: кризис современности как экологический счет, предъявленный прогрессу; критика (западной) патриархат-ной системы как причины этого кризиса; призыв к женщинам и мужчинам, разделяющим идеи экофеминизма, добиваться социальных и экологических изменений.

Хотя экофеминизм появился в разных странах приблизительно в одно и то же время, Соединенные Штаты доминировали на ранних этапах развития экофеминистского мышления. Бывший католический теолог Мэри Дэли³ познакомила бостонс -

² Françoise D'Eauborne, «Le Feminisme ou la mort», in Elaine Mars and Isabelle de Courtivron, eds., *New French Feminism: An Antology* (Massachusetts: University of Massachusetts, 1980).

³ Mary Daly, *Gyn/Ecology: The metaethics of Radical Feminism* (London: The Women's Press, 1986).

ких студентов с работой Дюбон в 1974 году. В том же году была проведена конференция «Женщина и окружающая среда» в Калифорнийском университете, Бэркли. Теолог Розмари Рэдфорд Руттер⁴ прочитала лекции по теме «Женщина и экология» в Каламазо Колледже, заявка на подобный курс лекций была сделана в сельскохозяйственный департамент Калифорнийского университета (Бэркли) поэтессой Сюзан Гриффин.⁵

В ранних работах, посвященных экофеминизму, отсутствовало различие между *академическим* и *поэтически-спиритуалистическим* подходами. Например, вступление к антологии по экофеминизму 1990 года описывает, как «хор голосов, отражающих разнообразие забот, всплывающих в экофеминизме, бросил вызов границам, разделяющим такие жанры, как научный документ и взволнованное поэтическое повествование. Здесь признается поэтическое видение как форма знания и как один из важных шагов в процессе глобального преобразования».⁸

По мере того, как экофеминизм становился более зрелым, работы, ему посвященные, становились более академичными, хотя не менее вдохновенными. Потеряв некоторую поэтическую энергию ранних работ, они вместе с тем теоретически более ясно обосновывали связь феминистской и экологической проблематики.⁷ В течение последних двадцати пяти лет экофеминизм разработал четкую и очень ценную теоретическую перспективу связей между обществом и его природным окружением. Она имеет как социально-теоретическое, так и практическое значение.

В частности, экофеминизм соединил воедино элементы феминистского движения и движения зеленых, вдохнув новые силы

⁴ Rosemary Radford, Ruether, «Toward an Ecological-Feminist Theory of Nature», in Judith Plant, eds., *Healing the Wounds: The Promise of Ecofeminism* (London: Green Print, 1989).

⁵ Susan Griffin, *Women and Nature: The Roaring Inside Her* (New York: Harper and Row, 1978).

⁶ Irene Diamond and Gloria Feman Orenstein, eds., *Reweaving the World* (San Francisco: Sierra Club Books, 1990).

⁷ Karen J. Warren, eds., *Ecological Feminist Philosophies* (Bloomington: Indiana University Press, 1996); Val Plumwood, *Ecofeminism and the Mastery of Nature* (London: Routledge, 1993); Mary Mellor, «Women, Nature and the Social Construction of Economic Man», *International Journal of Ecological Economics*, 1997, vol. 20, no. 2: 129-140.

в каждое из них. Он взял от зеленых заботу о последствиях человеческих действий в природном мире, а от феминизма — критику гендерной асимметрии в обществе. Если философию феминизма характеризуют как ориентированную на практику,⁸ то в еще большей степени это касается экофеминизма.

Представители движения зеленых, в свою очередь, делятся на тех, кто признает, что общество, используя свою технологическую и техническую изобретательность, способно преодолеть экологические проблемы или адаптироваться к ним (*light ecology*), и тех, кто считает, что человечеству необходимо фундаментально переосмыслить свое отношение к природному миру (*deep ecology*).

Экофеминизм склоняется к точке зрения глубинной экологии (*deep ecology*). Природный мир и человечество рассматривается в его рамках как взаимосвязанное и взаимозависимое целое. Преодоление сложившейся тенденции развития этой целостности связано с пересмотром оснований и принципов взаимодействия её частей.

Несмотря на то, что экофеминизм разделяет с зелеными тревогу по поводу экологического ущерба, причиненного современными социально-экономическими и милитаристскими системами, он, в свою очередь, показывает неспособность экологического движения и его теоретиков адекватно соотнести причины экологических проблем с последствиями мужского доминирования и женского подчинения в культуре. Эта неспособность обусловлена, главным образом, мужским доминированием в самом движении зелёных.⁹ Хотя не стоит отрицать того, что теоретики зеленых и активисты экологического движения уделяют феминизму больше внимания, чем большинству других политических перспектив.

В процессе концептуализации теоретических оснований экофеминизма определились два основных направления. Одно из них отдает предпочтение *эссенциалистским* мотивам. Оно подчеркивает родство женщин с природным миром и является

⁸ Christine Weedon, *Feminist Practice and Poststructuralist Theory* (Oxford — New York, 1987).

⁹ Ariel Salleh, «Deeper than Deep Ecology», *Environmental Ethics*, 1984, vol. 6: 335-341; Mary Mellor, «Women, Nature and the Social Construction of Economic Man», *International Journal of Ecological Economics*, 1997, vol. 20, no. 2: 129-140.

близким к биологическому детерминизму (хотя редко охватывает его полностью). Другое направление связывает свои выводы с *социально-конструктивистской* и радикально-политической перспективой. Вместе с тем жесткое различие между эссен-циализмом и конструктивизмом не выдерживает критики: эс-сенциалистские рассуждения имплицитно содержат также конструктивистские идеи, и наоборот. Нет причины считать, что природными качествами исчерпывается сущность женщин, а сущность мужчин проявляется только в социальном конструктивизме. Более того, по мнению обоих направлений, прекращение притеснения женщин является предпосылкой устойчивого развития не только общества, но и экосистемы. Отсюда необходимость артикуляции экофеминистских перспектив в обществе, так как не стоит уповать на то, что они будут сопутствующим результатом других форм борьбы. Проблема покоится на трудности теоретизирования социального в отношении к природному. Вопрос о женской биологии должен подниматься с целью конструктивного преодоления соматофобии, которая в течение веков была основой противопоставления природы и культуры. В рамках социально-конструктивистского направления выделяется постмодернистское направление, отличающееся своей критикой эссенциалистского универсализма в феминистском мышлении и широким пониманием феномена телесности. По их мнению, характеристика телесности, с одной стороны, присуща женщинам, а, с другой стороны, не редуцируется к биологически понимаемой сексуальности. Акцентация женщин на сексуальности и воспитании детей характеризует предвзятость современной сексуализированной культуры, которая разделяет общественную и частную жизнь и ограничивает роль женщины только сферой домашнего хозяйства и материнства. С позиций экологических последствий человеческой деятельности и социально-экономического неравенства, с которыми человек сталкивается в процессе реализации своих физических потребностей, этот акцент можно расценить как попытку отвлечь внимание женщин от социально-экологических проблем. Фокусирование внимания на поле, сексуальности или воспроизводстве материнства игнорирует те сферы человеческой жизни, в которых осуществляются другие виды подавления и эксплуатации, в особенности, производство и потребление. Отсюда постмодернистское понимание телесности как формы власти и одновременный от-

каз от классического феминистского представления о сексуальном доминировании как о фундаментальном

Исходным теоретическим делением в экофеминизме — как и в гендерных исследованиях вообще — было деление понятий *пол* (то, что относится к биологическим характеристикам) и *ген-дер* (то, что относится к социальным характеристикам). Позже данная теоретическая дихотомия в методологии гендерных исследований видоизменилась: в частности, стало утверждаться, что пол, подобно гендеру, должен рассматриваться в большей степени как социально сконструированный, чем биологически данный.¹⁰

Свое обобщенное видение проблемы различения *пола/гендера* в контексте дихотомии *природа/ культура* в 1974 году предложила Шерри Ортнер в статье «Соотносится ли женское с мужским так же, как природное с культурным?».¹¹

Основной тезис анализа, осуществленного Ортнер, заключался в утверждении, что женщины подчинены мужчинам во всех обществах и что эта субординация зависит от ассоциации женщины с природой. Однако такое высказывание не стоит однозначно расценивать как биологический детерминизм. Мужчины, считает Ортнер, генетически не предопределены доминировать над женщинами, а женщины не предопределены быть в подчинении у мужчин. Женщины просто идентифицируются с тем, что каждая культура обесценивает, что рассматривается ею как более низкий уровень организации, а таковой во все периоды самоутверждения культуры называлась природа. Поэтому образ женщины — это скорее *символ* ассоциации с природой, чем сущностная (эссенциалистская) идентификация с ней. Несмотря на то, что Ортнер стремилась обозначить отношение женщин к природе как культурный артефакт, её объяснение подчиненного положения женщин остается достаточно тесно связанным с биологическим детерминизмом и эссенциализмом. По её мнению, женщины более поработаны внутри своего вида, чем мужчины, испытывая от этого дискомфорт. Мужчины же, наоборот, избегают рабской зависимости от биологической роли, а поэтому могут сконцентрироваться на истинном фокусе челове-

¹⁰ Judith Butler, *Gender Trouble* (London: Routledge, 1990).

¹¹ Sherry Ortner, «Is Female to Male as Nature is to Culture», in Michelle Z. Rosano and Louise Lamphere, eds., *Women, Culture, Society* (Stanford: Stanford University Press, 1974).

ческого существования — на жизни культуры. Ортнер доказывает, что ассоциация женщин с природой в маскулинной культуре является неосознанной, непреднамеренной, а поэтому не стоит винить в этом мужчин.

Различный исторический опыт мужчин и женщин обусловил то, что женщины осваивали причинность в мире целостно и интуитивно, а мужчины развивали логический, линейный и разумный способ мышления. Иногда это объясняется как результат разделения функций головного мозга.¹² Человеческие цивилизации с мужским доминированием были чрезвычайно творческими и разнообразными. Однако это разнообразие и творчество сейчас стало разрушительным и угрожающим человеческому виду, а поэтому требует переосмысления. Вместе с тем и аргументы об исключительности женского опыта как основы новых тенденций познания являются проблематичными, особенно с позиций постмодернистских перспектив.¹³

Экофеминизм, с одной стороны, разделяет с постмодернизмом эпистемологическую критику западного дуализма как познавательной основы модернизации в науке и технологии, с другой — критикует его за недостаточное обращение к вопросам биологии и к природе, которые поднимаются экофеминизмом. Отдавая онтологическое предпочтение культурной борьбе внутри человеческого сообщества, или более точно внутри языка и культуры, постмодернистский феминизм не может поднять вопрос об отношении между человечеством и природой. Он скон-центрирован на человеке и отдает приоритет радикальной конструктивистской перспективе. И вместе с тем в теории экофеминизма приветствуется критика постмодернизмом «единого субъекта» и дуалистической логики эпохи Просвещения, а также позитивная разработка концепций множественности, Другого, которые способствуют деконструкции патриархатного символического мира и дают шанс для поиска новых тенденций взаимодействия общества и природы. Делая акцент на женщинах и женском опыте, экофеминизм имплицитно и эксплицитно принимает перспективу этой точки зрения.

¹² Fritjof Capra, *The Turning Point* (London: Flamingo, 1983).

¹³ Linda Nicholson, eds., *Feminism/Postmodernism* (London: Routledge, 1990); Linda Alcoff and Elizabeth Potter, eds., *Feminist Epistemologies* (London: Routledge, 1993).

3. Основные концепции и направления экофеминизма

Либеральный, спиритуалистический (культурный) и социалистический (социальный) экофеминизмы озабочены ухудшением взаимоотношений между обществом и природой, но каждый по-своему оценивает методологические основания и практические перспективы экофеминизма.

Либеральный экофеминизм считает опасным утверждение о том, что биологическое разделение по половому признаку и социальное разделение людей по гендерному признаку связано с природными, биологическими особенностями мужчин и женщин. Поднимать вопрос об ассоциации женщин с природой, а равно и позитивно утверждать это, с точки зрения представительниц либерального экофеминизма, является регрессивным побуждением. Такой подход подрывает результаты борьбы, которую женщины вели против их идентификации с природой, служившей оправданием женской подчиненности. Женщины оказались несправедливо отстраненными от выполнения равной с мужчинами роли в общественной жизни. Либеральные экофеминистки связывают реформирование отношений к природе с утверждением новых законов и их регулированием.

Представительницы *спиритуалистического экофеминизма* (именно он доминирует в культурном экофеминизме) заявляют, что они могут обнаружить специфическую женскую духовность путем провозглашения ценности старых форм мудрости. Это обеспечит основу для усиления женщин вне патриархального контроля, который стремился стереть эти формы знания и опыта из памяти. Главным фокусом их критики является иудейско-христианская доктрина — то есть западная религия как символ западной патриархальной культуры. Во вступлении к антологии *Возрастание женской духовности*, которая была опубликована в 1979 году, Кэрол Крист и Джудит Пласкоу утверждали, что феминистская духовность затрагивает четыре важных вопроса.¹⁴ Во-первых, это проблема образа и языка бога, которые являются исключительно мужскими. Во-вторых, это проблема

¹⁴ Carol P. Christ and Judith Plaskow, eds., *Woman spirit Rising* (New York: Harper Collins, 1992).

души и тела, являющаяся центральной идеей христианства, в котором плоть — это грех пребывания на Земле, это только тяжкий труд на пути к Царству небесному. В-третьих, это утверждение женского духовного опыта и истории. И, в-четвертых, это разработка новой теологии и новых ритуалов. Феминистская духовность ориентируется на земные ценности, а не устремлена к небесам. Она обеспечивает создание образов духовности в форме женских божеств и знаменует духовную природу физического мира. Спиритуалистический экофеминизм соединяет сконцентрированные вокруг женщин ценности (материнство, воспитание, забота) и прославление женских тел. Женская телесность привносится в космологию, которая стремится идентифицировать и соотносить мужские и женские силы. Трансцендентному богу противостоит имманентная богиня.

Многие экофеминистки стремятся воссоздать потерянный мистический мир старых ориентирующихся на землю религий, связанных с язычеством, колдовством, магией и почитанием богинь: «В древние времена мир был един. Биение барабанов было биением сердца земли — во всем её загадка, очарование, изумление, страх и ужас. Наши ноги танцевали в священных пещерах, чувствуя духов природы. Все, что позже было разделено на молитву и музыку, ритуал и танец, игру и работу, первоначально было единым».¹⁵

Спиритуалистический экофеминизм черпает вдохновение из предистории человечества и из сохранившихся племенных религий, в особенности, из религиозных верований коренных народов Америки, Австралии и Новой Зеландии.

Спиритуалистические феминистки отличаются друг от друга в зависимости от того, рассуждают они о реальном существовании богини или же о её существовании в качестве символа. Стархок, первый национальный президент церкви «Завет богини», утверждает: «Это зависит от того, что я чувствую. Когда я чувствую свою слабость, она представляет то, что может помочь мне и защитить меня. Если я чувствую себя сильной, она символ моей силы. Иногда я чувствую её как природную энергию в моем теле и в мире».¹⁶

¹⁵ Riane Eisler, *The Chalice and the Blade* (London: Unwin, 1990), p. 33.

¹⁶ Цит. по: Carol P. Christ and Judit Plaskow, eds., *Woman spirit Rising* (New York: HarperCollins, 1992), pp. 278-279.

Кэрол Крист заявляет, что религия поддерживает глубинную человеческую потребность в символах и ритуалах, которые дают возможность людям справиться с предельными ситуациями в человеческой жизни (смерть, зло, страдание), а также помогает пройти важные жизненные этапы (рождение, сексуальность, смерть). Она понимает духовность как важный источник доверия к женщинам. Подобно многим феминистским теологам, Крист анализирует нападки на женщин, предпринятые в подготовленном двумя доминиканскими монахами и изданном в 1486 году *Молоте ведьм*. Этот трактат утверждал, что все способности ведьм происходят от похотей их плоти.

Утверждение женской телесности и сексуальности очень важно для спиритуалистических феминисток. Ритуалы, включающие менструальную кровь и другие аспекты проявления женских тел, которые в мужских религиях рассматриваются в качестве табу или объявляются нечистыми, здесь наоборот возвеличиваются. Таковы, например, убеждения сторонницы языческой религии Мириам Соморс.

Социалистический экофеминизм, который наиболее заметен среди разновидностей социального экофеминизма, основывается на признании экономического неравенства и вытекающей из него системы доминирования в обществе. Представительницы этого направления утверждают, что просто переделав мифы из мужских в женские, из «плохих» в «хорошие», мы не изменим нашей социальной реальности. Доминирование над природой и женщиной возникает в обществе и, следовательно, также в обществе должно разрешаться.

Кэролин Мёрчант, одна из первых защитниц положения о совместимости социализма и экофеминизма, приходит к выводу: «хотя культурный феминизм внедрился глубоко во взаимодействие женщин и природы, социальный и социалистический экофеминизм содержит потенциал для более содержательной критики доминирования и высвобождения и утверждения социальной справедливости».¹⁷ Её наиболее известная книга *Смерть природы* (1980) представляла собой феминистскую критику идеи природы в период научной революции. В ней она коротко упомянула о социализме в контексте социально-феминистской цели

¹⁷ Carolyn Merchant, *Radical Ecology* (London: Routledge, 1992), p. 184.

революционизирования экономических структур. Достижение этой цели позволило бы уравнивать возможности мужского и женского труда и реформировало бы капиталистическую систему, создающую прибыль путем перерасхода природных и человеческих сил.¹⁸ В последующих работах Мёрчант расширила сферу взаимоотношений между экофеминизмом и другими феминистскими перспективами. В своей книге *Радикальная экология* (1992) она рассматривает социалистический экофеминизм как часть радикального экологического движения.

Главный источник проблемы, по мнению Мёрчант, состоит в разделении труда по половому признаку, потому что общество старается отделить себя от природы, выделиться из неё посредством системы производства. Мужчины преобладают в сфере производства средств производства, в то время как сфера домашней жизни обслуживается женским неоплачиваемым трудом. В результате женщины и мужчины становятся отчужденными друг от друга и от результатов их труда. По её мнению, необходим многоуровневый структурный анализ, который рассматривает диалектическое отношение между производством и воспроизводством как в контексте взаимоотношений между обществом и природой, так и между мужчинами и женщинами.

Социалистический экофеминизм, утверждает Мёрчант, избегает крайностей как эссенциализма, так и социального конструктивизма. Точно так же он избегает крайностей в оценке патриархата и капитализма как систем эксплуатации. Кэролин Мёрчант выступает против деления экофеминистского движения на противоречивые направления, считая, что интересы этих направлений переплетаются: главная их задача — поддержать жизнь на земле, обеспечить её воспроизводство. Это движение, по её мнению, не установило пока нового социалистического порядка, но оно предлагает новое видение мира, в котором расовые, классовые, половые и возрастные барьеры будут элиминированы и основные человеческие потребности будут удовлетворены.

Другая представительница социалистического экофеминизма Инестра Кинг отвергает идею о том, что женщины должны отказаться от ассоциации с природой и объединиться с мужчинами на равной основе в сфере общественной жизни (в публич-

¹⁸ Carolyn Merchant, *The Death of Nature* (New York: Harper and Row, 1983).

ной сфере). То, что женщины экологически чувствительнее и их жизненные ориентации социально конструктивнее, наглядно видно из повседневной жизни. Нет оснований думать, что объединение женщин и мужчин в общественной сфере на равных правах реально не окажется снова объединением по патриархальному принципу. Именно поэтому артикуляция особенностей связи женщин с природой крайне необходима. Сложились культурные формы жизни, которые экологически деструктивны и социально неотрегулированы. «Женщины, — утверждает Инес-тра Кинг, — являются культурной жертвой природе».¹⁹ В ответ на это здравомыслящие люди должны использовать полноту чувственности и интеллигентности для того, чтобы продвинуть себя в направлении новой стадии эволюции. В этом процессе женщины играют важную роль: «Настал момент, когда женщины признали себя в качестве активных участников истории — и даже уникальных участников — и со знанием дела преодолевают классический дуализм между духом и материей, искусством и политикой, разумом и интуицией. Это потенциальная возможность разочарования в рациональном познании. Это проект экофеминизма».²⁰ Другими словами, по мнению Кинг, женщины могут осуществить сознательный политический выбор, не отказываясь от своей связи с природой.

4. Перспективы экофеминизма: значение для экологии и гендерных исследований

Политическому влиянию экофеминизма мешает тот факт, что нередко его по-прежнему идентифицируют только с культурно-спиритуалистическими основаниями, а, следовательно, в его адрес направляют упрёки в эссенциализме, романтизме и политической наивности.

Экофеминизм порой рассматривается как постулирование биологически детерминированного единства между женщинами и природным миром, которое противопоставляется миру муж-

¹⁹ Ynestra King, «Feminism and Ecology», in Richard Hofrichter, eds., *Toxic Struggles* (Philadelphia: New Society Publishers, 1993), p. 150.

²⁰ Ibidem, p. 120.

чин. Критики утверждают, что такая перспектива является реакционной. Она представляет ложно обобщенный образ «женщины», который игнорирует различия и неравенство между женщинами. Хотя все женщины имеют общие черты, свидетельствующие об их подчиненном положении в обществе (зависимость, подчиненность, домашний труд, сексуальная эксплуатация), они также разделены между собой, потому что одновременно интегрированы в различные структуры угнетенных и угнетателей. Большая часть этой критики была адресована экофеминизму Соединенных Штатов.²¹

Некоторые аспекты спиритуалистического экофеминизма, конечно, заслуживают критики за романтизацию женской телесности, женского опыта, женской истории. Однако не стоит отрицать его стремления объяснить проблемы женской идентичности, которое в большей мере разрушало старые гендерные стереотипы, чем либеральный феминизм. Спиритуалистический экофеминизм, вырастая из радикального культурного феминизма, по-своему создавал возможности для налаживания связей между западными и незападными, цветными и белыми женщинами. Барабара Эпштейн подчеркивает, что развитие духовности в рамках экофеминизма является позитивной тенденцией, и оно будет способствовать созданию тесных контактов между белыми и цветными женщинами.²²

В то же время, по убеждению британской экофеминистки Мэри Мэллор,²³ важно не допустить, чтобы довольно реалистическая и аргументированная критика различных версий экофеминизма затушевала комплексность предлагаемых им аргументов. Сходств между разновидностями экофеминизма больше, чем расхождений. Последние часто предстают исключительно как

²¹ Bina Agarwal, «The Gender and Environment Debate: Lessons from India», *Feminist Studies* 18, 1992, no 1: 119-158; Judy Evans, «Ecofeminism and the Politics of the Gendered Self», in Andrew Dobson and Paul Lucardie, eds., *The Politics of Nature* (London: Routledge, 1993); Cecile Jackson, «Radical Environmental Myths: A Gender Perspective», *New Left Review*, 1995, no. 210, March/April, pp. 124-140.

²² Barbara Epstein, «Ecofeminism and Grassroots Movement in the United States», in Richard Hofrichter, eds., *Toxic Struggles* (Philadelphia: New Society Publishers, 1993).

²³ Mary Mellor, «Women, Nature and the Social Construction of Economic Man», *International Journal of Ecological Economics*, 1997, vol. 20, no. 2: 129-140.

риторические расхождения. Задача экокфеминизма не в том, чтобы изменить сознание, переписать теологию, переистолковать историю. Культура и сознание сами являются только реализацией последствий социальной системы, а трансформация сознания является вспомогательным средством борьбы за экологические изменения, вплетенные в сложную систему социальных, технических, технологических и межличностных отношений.

Для экокфеминисток природный мир не представляется «немым»: он не только существует, но и активно действует. Человечество может разнообразно интерпретировать природные феномены и реагировать на них, но не может абсолютно независимо конструировать их или себя. Природный мир — это не только материальный источник, который может эксплуатироваться, или нечто, что может интерпретироваться в позитивистском или объективистском смысле.

По мнению Донны Хэрэуэй, люди не могут достаточно глубоко знать природы, потому что её активная динамика во многом находится за пределами человеческого осознания. Для обозначения природного мира Хэрэуэй использует метафору Койота-хитреца, у которого свое чувство юмора, и с которым человек должен учиться общаться. Знание о природном мире — «это разговор, а не открытие».²⁴ Койот не только сопротивляется восторженной мистификации, он также дестабилизирует дуализм активного и пассивного, мужского и женского, источника и потребителя, познающего и познаваемого, на которых покоится эпистемология и политика доминирования. Койот, подобно человеку, есть в одно и то же время и часть природы и творец артефактов.

Частью огромного проекта, пробивающего брешь в оппозиции «природа-культура», «мужчина-женщина» и широко обсуждаемого в рамках современного экокфеминизма, является также миф о киборге, развиваемый Хэрэуэй.²⁵ Трансгрессия, осуществляемая киборгом и размывающая границы между человеком и машиной, человеком и животными, человеком и природой, муж-

²⁴ Donna Haraway, *Simians, Cyborg, and Women* (London: Free Association Books, 1991), p. 188.

²⁵ Donna Haraway, *Modest_Witness@Second_Millennium.FemaleMan@_Meets-OncoMouse TM. Feminism and Technoscience*(New York. London: Routledge, 1997), pp. 1-21.

чиной и женщиной, с одной стороны, обескураживает поклоняющихся технологии, а с другой стороны, объединяет всех людей, способствуя возрастанию ответственности за машины, ими создаваемые.

Тенденции, просматривающиеся на пересечении эссенциалистского и социально-конструктивистского подходов к определению характера связей между женщинами и экологическими условиями, позволили Карен Варрен (1996) применить к экофеминизму метафору «квилтинга» (изделие из лоскутков).²⁶ Квилтинг-экофеминизм предполагает как самоидентификацию культур в определенных природных условиях, так и диалог между ними, что способствует укоренению в современном обществе эпистемологической и практической ответственности за характер отношений между природой и обществом, мужчинами и женщинами.

²⁶ Karen J. Warren, ed., *Ecological Feminist Philosophies* (Bloomington: Indiana University Press, 1996).

Гендерная проблематика в языкознании

Елена Горошко

Linguistic freedom is the precondition for the
realization of other, fundamental rights.

Tove Skutnabb-Kangas,
How the Kurds are deprived
of Linguistic Human Rights (1992)¹

It is not unimportant that a person uses 'chick' nor
unimportant that he stops using it. Every act reproduces
or subverts a social institution (in the above case,
relations between men and women).

*Trevor Pateman, Language, Truth and
Politics (1975)²*

1. Возникновение и основные направления лингвистической гендерологии

Понятие «гендера» вошло в современную лингвистическую парадигму гораздо позже, чем в другие гуманитарные науки, а именно во второй половине этого столетия. Первоначально работы в данной области возникли на Западе и первые системные описания мужских и женских особенностей речи и языка были

¹ Лингвистическая свобода является неременным условием для реализации других основных прав человека. Тув Скутнабб-Кангас. Как курды были лишены прав человека в отношении их языка.

² Не столь несущественно, произносит ли человек слово «милашка» или не произносит. Каждый речевой акт воспроизводит или же подрывает действующие социальные установки (в данном случае отношения между мужчинами и женщинами). Тревор Пейтман. Язык, истина и политика.

сделаны на базе языков из германской и романской языковых групп. Что касается нашей отечественной лингвистики, то первые регулярные исследования по этой тематике стали проводиться только в конце 80 — начале 90 годов. И где-то уже с середины 90-х стали развиваться бурными темпами. В настоящее время этот процесс происходил и происходит столь стремительно, что сейчас с уверенностью можно говорить о появлении ещё одной новой отрасли отечественного языкознания — *лингвистической гендерологии* (или *гендерной лингвистики*).³

На современном этапе уже появился ряд работ (и, прежде всего, это монография А.В. Кирилиной *Гендер: лингвистические аспекты*, М., 1999), где делается попытка системного осмысления и описания языка в связи с феноменом пола, создается теоретическая модель гендера и производится систематизация методологических подходов к исследованию проблемы гендера в языкознании. Вопросы, связанные с разработкой методики лингвистического исследования гендера, созданием инструментария гендерных исследований, сейчас ставятся во главу угла в отечественной лингвистике.

Если рассматривать современное состояние гендерных исследований на Западе, то там обычно выделяют три магистральных подхода:⁴

Первый подход сводится к трактовке исключительно социальной природы языка женщин и мужчин и нацелен на выявление тех языковых различий, которые можно объяснить особенностями перераспределения социальной власти в обществе. При этом «мужской» или «женский» язык определяется как некая функциональная производная от основного языка, используемая в тех случаях, когда партнеры по речи находятся на разных ступенях социальной иерархии.

Второй — социопсихолингвистический подход — научно редуцирует «женский» и «мужской» язык до особенностей языкового поведения полов. Для ученых, работающих в данном направлении, статистические показатели или определение сред-

³ В настоящий момент в современной лингвистической парадигме эти два термина являются взаимозаменяемыми понятиями.

⁴ Колосова О.А. Когнитивные основания языковых категорий. (На материале современного английского языка). Диссертация доктора филологических наук. Москва, 1996.

них параметров имеют основополагающую значимость и составляют каркас для построения психолингвистических теорий мужского и женского типов речевого поведения.

Представители третьего направления в целом делают упор на когнитивном аспекте различий в языковом поведении полов. Для них оказывается более значимым не только определение частотности различий и оперирование её показателями, но и создание целостных лингвистических моделей когнитивных оснований языковых категорий.

В современной научной парадигме все три подхода считаются взаимодополняющими и лишь в своей совокупности они обладают объяснительной силой.

А.В. Кирилина, проводя более подробный и системный анализ проблем лингвистической гендерологии, выделяет шесть основных направлений, которые могут быть дифференцированы как концептуально, так и с точки зрения методологии и характера изучаемого материала:⁵

1. Социолингвистические гендерные исследования.
2. Феминистская лингвистика.
3. Собственно гендерные исследования, изучающие языковое поведение обоих полов.
4. Исследования маскулинности (самое молодое направление, возникшее в конце 20 столетия).
5. Психолингвистические исследования. (В рамках этого направления проводятся работы в области нейролингвистики, изучения онтогенеза речи, сюда же относится и биодетерминистское направление, исследующее когнитивные особенности и различия между мужчинами и женщинами и их проявления в речи).
6. Кросскультурные, лингвокультурологические исследования, включающие гипотезу гендерных субкультур.⁶

⁵ Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. М.: Изд-во «Институт социологии РАН», 1999. С. 36.

⁶ D.N. Maltz and R.A. Borker, «A Cultural Approach to Male-Female Miscommunication», in J.J. Gumperz, ed.. *Language and Social Identity*, Cambridge (Cambridge University Press, 1982).

В то же время А.В. Кирилина считает, что данная классификация является весьма условной, и все эти направления имеют много общего, так как для всех перечисленных групп, характерна сходная проблематика и объект исследования.

Во-первых, как правило, объектом исследования становится взаимоотношение языка и пола, т. е. вопрос о том, каким именно образом пол манифестируется в языке — номинативная система, лексика, синтаксис, категория рода и прочее. Основной целью таких исследований является описание и объяснение того, как проявляется пол в языке, какие оценки приписываются в языке мужчине и женщине и в каких семантических областях они наиболее распространены.

Во-вторых, целью гендерных исследований в языке может быть изучение речевого поведения полов, выделение и описание особенностей мужского и женского речевого рисунка. При этом исследования чаще всего осуществляются или с позиций социокультурного детерминизма, или в рамках теории биодетерминизма.

В-третьих, следует особо подчеркнуть, что часто гендерные исследования в языкознании носят междисциплинарный и сопоставительный характер.

В-четвертых, практически любая область лингвистики может быть рассмотрена с гендерных позиций.

В-пятых, гендерная проблематика в языкознании носит ярко выраженный прикладной характер, и именно в рамках данной исследовательской парадигмы было осуществлено наибольшее количество успешных попыток в рамках языкового планирования и реформирования языка, о которых мы расскажем в дальнейшем.⁷

Если же рассматривать гендерные исследования на постсоветском лингвистическом пространстве, то необходимо подчеркнуть, что фокус исследований в отечественной лингвистике явно смещен ко второму направлению — количественной социо- и психолингвистике, хотя в настоящий момент наметилась и тенденция к увеличению количества исследований в рамках первого направления (изучение лексики, паремиологии на предмет выявления гендерных асимметрий и изучение степени андро-

⁷ Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. С. 36-37.

центричности, например, русского языка). Увеличилось и количество работ, посвященных изучению кросскультурных гендерных различий.⁸ Единственным направлением, практически не представленном в отечественной лингвистике, являются исследования по проблемам маскулинности.

Следует также заметить, что одной из последних тенденций развития отечественной лингвистической гендерологии является увеличивающееся количество работ в рамках теории постмодернизма. Ученые, работающие в этой концептуальной базе, настаивают «на применении дерридианского деконструктивизма, позволяющего вскрыть отношения господства и подчинения, «фаллологоцентризм» языка и общественного сознания».⁹ Это направление наиболее тесно связано с идеологией феминизма. Одним из лейтмотивов этого течения является положение о том, что нельзя говорить об отношениях между полами вне связи с категориями «власти», «подчинения» и «господства».

Остановимся на этом направлении подробнее.

2. Возникновение феминистской лингвистики

Феминистская лингвистика или же феминистская критика языка возникла в языкознании в 60-70 годы нашего века. Её возникновение было обусловлено целым рядом причин как экстралингвистического, так и интралингвистического характера. К первой группе причин мы можем отнести целый ряд собы-

⁸ L. Damjanowa, *Particularidades del lenguaje femenino y masculino en Espanol* (Universidad de Viena, Austria, 1993).

Кирилина А.В. Категория *gender* в языкознании // Женщина в Российском обществе. Москва, 1997, №2. С. 20.

Кирилина А.В. Перспективные направления развития гендерных исследований в российской лингвистике // Женщины России на рубеже XX-XXI веков. Материалы международной научной конференции. Иваново, 1998. С. 16-20.

Кирилина А.В. Развитие гендерных исследований в лингвистике // Филологические науки. Москва, 1998.

⁹ Добровольский Д.О., Кирилина А.В. Феминистская идеология в гендерных исследованиях и критерии научности // Гендер как интрига познания. М.: Изд-во «Рудомино», 2000. С. 19.

тий, а именно развитие «Нового женского движения» в США и Европе, рост особой популярности идей феминизма на Западе, расцвет философии постмодернизма и так называемую «когнитивную эволюцию»^{10, 11}. К собственно языковедческим причинам, способствующим возникновению феминистской критики языка, относятся следующие. Во-первых, возникновение целого ряда новых научных направлений в самой лингвистике в 50-60 годах — психолингвистики, количественной социолингвистики, прагматики, теории коммуникации. Во-вторых, выдвигание в истории лингвистики на первый план изучения человеческого фактора и проблемы взаимосвязи языка с биосоциальными характеристиками человека и в том числе с его *полом*. В-третьих, смена парадигм в науке (переход от структурализма к прагматике) и появление собственно методологической и научной базы для развития гендерных исследований в социальных науках.

Следует заметить, что хотя феминистская критика языка стоит как бы особняком от остальных направлений гендерных исследований в языкознании из-за своего ярко выраженного междисциплинарного подхода,¹² в то же время, на наш взгляд, она находится на перекрестке гендерных исследований языка и собственно критической лингвистики, являясь её естественным продолжением.

История этого направления насчитывает около трех десятилетий. В 1970 году Мэри Рич Кей организовала в Калифорнийском университете первый семинар по проблемам языка и пола,

¹⁰ По мнению ряда исследователей, считается, что после того, как женщины получили доступ к репертуару знаний мужчин, их когнитивная жизнь стала более динамичной и насыщенной когнитивными событиями. На протяжении многих столетий когнитивная компетентность в языке оставалась привилегией мужчин. Объясняется данное положение тем, что мужчины имели несравненно больший доступ к образованию и другим сферам социальной жизни, где когнитивная сфера осуществлялась наиболее интенсивно и масштабно. Когнитивная деятельность женщин была ограничена выполнением материнских и супружеских обязанностей, и это не замедлило найти свое отражение в языке.

¹¹ Колосова О.А. Когнитивные основания языковых категорий. (На материале современного английского языка). Диссертация доктора филологических наук. Москва, 1996. С. 19.

¹² Кирилина А.В. Феминистское движение в лингвистике Германии // Теория и практика изучения языков. Межвузовский сборник. Сургут: Сургутский государственный университет, 1997. С. 61.

а затем в 1975 году по материалам этого семинара выпустила книгу под названием *Мужской/женский язык*.¹³ Основополагающими работами по феминистской критике языка стали вышедшее в том же 1975 году исследование Робин Лакофф *Язык и место женщины*¹⁴ в английском и монографий Луизы Пуш *Немецкий — язык мужчин*¹⁵ и Сенты Тремель-Плетц *Женский язык — язык перемен*,¹⁶ написанных на данных, полученных на базе немецкого языка. На английском языке с 1976 года издается специальный журнал *Женщины и язык*, где печатается вся новейшая информация по международным и междисциплинарным исследованиям в области феминистской критики языка. Своей главной целью представители феминистской лингвистики видят критику патриархального сознания в языке и языковую реформу, направленную на устранение ущерба представления образа женщины в языке и сексистских асимметрий, существующих в языке и речи.

3. Теоретические основы феминистской лингвистики

Теоретической базой для феминистской критики языка послужили как основные концепции критической лингвистики, так и некоторые воззрения В. Гумбольдта и его последователей, а также знаменитая гипотеза Сепира-Уорфа¹⁷ или «теория языковой относительности», отчасти вытекающая из идей великого немецкого лингвиста.

¹³ M.R. Key, *Male / Female Language* (New Jersey, Metuchen, Scarecrow Press, 1975).

¹⁴ R. Lakoff, *Language and Woman's Place* (New York, Harper, 1975).

¹⁵ L. Pusch, *Das Deutsche als Mannersprache* (Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1984).

¹⁶ S. Tromel-Plotz, *Frausprache, Sprache der Veranderung* (Frankfurt-a-M: Taschenb. Verlag, 1995).

¹⁷ В последнее время в западной лингвистике гипотеза Сепира-Уорфа стала называться «уорфовской» гипотезой (*Whorfian hypothesis*), т. к. считается, что взгляды собственно Э. Сепира стояли гораздо ближе к идеям антрополога Франца Боаса, который полагал, что культура опосредуется языком, а не наоборот.

Так, по мнению Гумбольдта, язык — это некое выражение национального духа, определенный «промежуточный мир», стоящий между мышлением человека и внешним миром; он является той силой, которая превращает мир в идеи, вербализуя и меняя при этом собственно сам мир. Язык не только создает некий образ мира, но и оказывает действенное влияние на мысли и поступки людей и на развитие общества в целом. В. фон Гумбольдт один из первых в лингвистике написал о круге, который каждый язык описывает вокруг своего народа.¹⁸

Сама же гипотеза «лингвистической относительности» как концепция возникла в тридцатых годах 20 века в США. Согласно этой гипотезе, язык не только продукт общества, но и средство формирования его мышления и ментальности. Язык формирует мышление и мировоззрение людей, это — способ познания внешнего мира. «Логический строй мышления также определяется языком. Сам характер познания действительности зависит от языка, на котором мыслит познающий субъект. Люди членят мир, организуют его в понятия и распределяют значения так, а не иначе, поскольку являются участниками некоторого соглашения, имеющего силу лишь для этого языка, сходные физические явления позволяют создать сходную картину вселенной только при соотносительности языковых систем».¹⁹ Более того, по мнению Бенджамина Уорфа, «наш лингвистически детерминированный мыслительный мир не только соотносится с нашими культурными идеалами и установками, но захватывает даже наши, собственно, подсознательные процессы в сфере своего влияния и придает им некоторые типические черты».²⁰

Следует заметить, что отношение к гипотезе лингвистической относительности в современном языкознании крайне неоднозначное. Как любое, сколько-нибудь значительное явление в научной парадигме, гипотеза лингвистического релятивизма²¹ имеет и большое количество своих сторонников, и многочисленное «племя» противников. Наиболее серьезной критике она была

¹⁸ Алпатов В.М. История лингвистических течений. Учебное пособие. М.: «Языки русской культуры», 1998.

¹⁹ Ярцева В.Н., гл. ред. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: «Советская энциклопедия», 1990. С. 443.

²⁰ Алпатов В.М. История лингвистических течений. С. 222.

²¹ Другое название гипотезы лингвистической относительности.

подвергнута в марксистском языкознании, но это и понятно. Например, противники этой гипотезы неоднократно указывали, что в своей радикальной форме она означает, будто бы носители разных языков воспринимают мир по-разному, они не могут понимать друг друга и общаться друг с другом, что опровергается опытом истории человеческой цивилизации. Но весь парадокс заключается в том, что в такой радикальной формулировке сам Б. Уорф никогда этот вопрос не ставил. Он полагал, что далеко не всё в культуре определяется языком, хотя разграничения языковых и неязыковых факторов он не предложил.²²

Судьба гипотезы Б. Уорфа оказалась довольно необычной. Лингвистика ни при жизни Б. Уорфа, ни сейчас не могла и не может её доказать или же опровергнуть. Для проблем, затронутых еще В. Гумбольдтом в XVIII и развитых Э. Сепиром²³ и Б. Уорфом в XX веке, нет ни инструментального, ни понятийного аппарата для всесторонней верификации.²⁴ Гипотезу лингвистической относительности пытались проверять экспериментально, но четких результатов такие опыты не дали ни в ту, ни в другую сторону.²⁵ Однако, в последнее время (и немало этому способствовала феминистская лингвистика) проблематика, связанная с гипотезой лингвистической относительности, стала намного популярнее, нежели раньше. И во многом это произошло благодаря тому, что возрождение интереса связано не с развитием каких-либо методов или экспериментальной базы, а с появлением сходных или же опирающихся на нее философских концепций.

Одной из таких концепций явилась философия постмодернизма, влияние которой испытала на себе и феминистская критика языка. Таким образом, теоретической основой для феминистской лингвистики стали одновременно как лингвистический релятивизм, так и его философское «продолжение» в виде постмодернизма, утверждающего языковую концепцию ок-

²² B.L. Whorf, *Language, Thought and Reality* (Cambridge, Mass.: MIT Press, 1956).

²³ Edward Sapir, «Linguistics as a Science», in D.G. Mandelbaum, ed., *Culture, Language and Personality. Selected Essays* (Berkeley, University of California Press, 1970).

²⁴ A.E. Berthoff, «Sapir and the Two Tasks of Language», *Semiotica*, N71, 1988: 1, p. 47.

²⁵ Алпатов В.М. История лингвистических течений. С. 219-226.

ружающей нас реальности. Постмодернистская концепция утверждает, что реальность на самом деле — это своеобразный «*лингвистический трюк*» нашего сознания: то, что индивид воспринимает как реальность, на самом деле социально и лингвистически сконструировано. Постмодернизм был одним из первых направлений научного познания 20 века, которое открыто призналось, что текст не отображает существующую реальность, а творит новую, и эти реальности не зависят друг от друга,²⁶ а отношение человека к действительности опосредуется дискурсивной практикой.²⁷ Отсюда логично вытекает один из базовых постулатов феминистской критики языка о господстве патриархатного общества и навязывании через тексты и дискурсивные практики патриархатной системы ценностей, о том, что система ценностей и взгляд на мир производится с позиции «европейских белых мужчин», или, иначе говоря, что «все сознание современного человека пропитано идеями и ценностями мужской идеологии с её приоритетом мужского начала, логики, рациональности и объектностью женщины»²⁸ в этой картине мира. «Подобно тому, как эскимосу нужно много слов, чтобы описать различные виды снега, так и сексистскому обществу нужен широкий словарный запас, чтобы всеми правдами и неправдами очертить образ женщины».²⁹

Ещё одним философским течением, значительно повлиявшим на концептуальную базу феминистской лингвистики, стал постструктурализм. Целью постструктурализма является «осмысление всего «неструктурного в структуре», выявление парадоксов, возникающих при попытке познания человека и окружающего его мира с помощью языковых структур, преодоление редукционизма, построение новых практик чтения»³⁰. В постструктурализме происходит критика метафизики с её логоцентризм-ом — за всеми культурными продуктами и мыслительными схемами стоит *язык власти* и *власть языка*. Логоцентризму противостоит идея различия и множественности. В связи с этим

²⁶ Руднев В.П. Словарь культуры XX века. М.: «Аграф», 1997. С. 221-225.

²⁷ Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. С. 25-26.

²⁸ Там же. С. 27.

²⁹ J. Swann and D. Graddol, *Gender Voices, Oxford and Cambridge* (Basil Blackwell, 1994), p.138.

³⁰ Руднев В.П. Словарь культуры XX века. С. 225.

мы бы хотели упомянуть две идеи постструктурализма, нашедшие наиболее яркое отражение в феминистской лингвистике. Первая затрагивает значимость контекста в определении роли речевых актов и текстов, вторая подчеркивает особенности структуры взаимосвязей языка с сознанием и мышлением человека.³¹ Что касается критической лингвистики, то её основная цель — анализ как неявных, так и прозрачных структурных отношений доминирования, дискриминации, власти и контроля, выраженных в языке — буквально совпадает с проблематикой собственно феминистской лингвистики. Многие ученые, работающие в данном русле, разделяют мнение Ю. Хабермаса относительно того, что «язык есть средство доминирования и социальной силы. Он служит для законодательного закрепления отношений организованной власти. Насколько законодательно закрепленные (легитимные) отношения власти не выражены, настолько язык идеологизирован».³² Отсюда можно сделать вывод, что феминистская критика языка по своим взглядам теоретически ближе к концептуальным рамкам критической лингвистики, нежели к гендерным исследованиям. Исследовательский интерес критической лингвистики — разоблачение неравенства и несправедливости — в рамках феминистской критики языка артикулирует проблему пола, то есть «языкового» неравенства женщин и мужчин. Объектом изучения как в критической лингвистике, так и в феминистской лингвистике является языковое поведение в естественных речевых ситуациях, имеющих социальную значимость (общественные институты, средства массовой информации и т. п.). Исследователи, занимающиеся проблемами феминистской критики языка, не могут быть «незаангажированными», они вынуждены становиться на ту или иную позицию. «В эмпирических исследованиях субъекты изучения не могут более рассматриваться в качестве объектов. Исследования «затрагивают» исследуемых и должны в конечном счете помочь им, насколько это возможно».³³ Практически все работы, выполняемые в данном русле, нацелены на общественно-политическую практику.

³¹ M. Hellinger, «Feminist Linguistics and Linguistic Relativity», *Working Paper on Language, Gender and Sexism* 1 (1), 1991, pp. 25-37.

³² Водак Р. Язык. Дискурс. Политика / Пер. с англ. и нем., ВГПУ. Волгоград: «Перемена», 1997. С. 7.

³³ Там же. С. 20.

4. Основные течения в феминистской лингвистике

В настоящий момент можно выделить два основных направления в феминистской критике языка. Первое исследует дискриминацию образа женщины в языковой картине мира или «асимметрии в системе языка, направленных против женщин». Представители его полагают, что язык фиксирует мужское видение мира, «навязывая» мужские ценности и оценки. Из этого следует вывод, что практически все языки, функционирующие в нашем патриархатном обществе, являются «мужскими». И образ женщины, отражаемый в языке, снабжен негативными коннотациями³⁴ и характеристиками. К этому же направлению относятся и работы, анализирующие «механизмы включённости» в грамматический мужской род: идентификация в языке идет по мужскому роду, если говорится о представителях двух полов.³⁶

И одним из центральных объектов исследований первого направления стал лексикон языка, т. к. именно в нем особенно четко отражены негативные дефиниции в отношении женщин. Исследования, проведенные в этом направлении, выявили следующее: согласование на синтаксическом уровне происходит по форме грамматического рода соответствующей части речи, а не по реальному референту пола, понятия «человек» и «мужчина» отождествляются, а в ряде европейских языков эти два понятия являются просто взаимозаменяемыми,³⁶ женские формы обычно являются производными от мужских, а не наоборот (*Lehrer* — *Lehrererin* (учитель-учительница (нем.)), *Student* — *Studentin*

³⁴ Коннотация — эмоциональная, оценочная или стилистическая окраска языковой единицы узувального (закрепленного в системе языка) или окказионального характера.

³⁵ Кирилина А.В. Категория *gender* в языкознании // Женщина в Российском обществе. Москва, 1997, №2. С. 15-20;
W. Martyna, «What Does He Mean — Use of the Generic Masculine», *Journal of Communication*, N28, 1978, pp. 131-138.

³⁶ Интересный пример по этому поводу приводится в монографии Кириловой А.В. «Гендер: лингвистические аспекты»: «В немецком языке существует слово *der Mann*, обозначающее и человека и мужчину. Существует и ещё одно *der Mensch*. Оно иногда может употребляться и иронически по отношению к женщине с артиклем среднего рода — *das Mensch*» (С. 40).

(*студент — студентка (нем.)*), лексические средства, описывающие женщин и их качества, имеют преимущественно негативные коннотации.

Во многих европейских языках (да и не только в них) образу женщины приписываются почти исключительно отрицательные качества. Особенно ярко это проявляется во фразеологии, где женщинам атрибутируется в основном объективность или же им противопоставляются мужчины как носители положительных начал и качеств.³⁷ Применение же мужского обозначения к референту-женщине значительно повышает её реноме в глазах окружающих, обратная же ситуация способствует значительному унижению референта мужского пола, а в некоторых случаях, если, например взять для сравнения ряд славянских культур, выражает и негативное отношение к гомосексуальной ориентации референта. Анализ О.В. Колосовой, проведенный на материале работ английских и американских исследований, привел автора к выводу, что «концептуальное пространство положительных оценочных признаков у референтов мужского рода значительно больше, чем концептуальное пространство атрибутивных признаков у референтов женского рода. По этой причине в тех случаях, когда необходимо отрицательно охарактеризовать референта с мужскими признаками, часто прибегают к переносу оценочных признаков, стереотипно приписываемых женщине. Если оценочные признаки, стереотипно закрепленные за референтом-женщиной, переносятся на референта-мужчину, то чаще всего наблюдается снижение негативных эмоциональных оценок».³⁸

Другим примером использования слов с так называемой «сексистской направленностью» могут послужить некоторые фразеологизмы, заимствованные нами из английского языка: «*Men are the stronger sex, Men should be bosses and women should work for them, A woman's place is in the home, It's a man's world*». В переводе с английского языка данные фразеологизмы примерно означают следующее: «Мужчины — это сильный пол, Муж-

³⁷ Кирилина А.В. Категория *gender* в языкознании. С. 15-20.

³⁸ Колосова О.А. Когнитивные основания языковых категорий. (На материале современного английского языка). Диссертация доктора филологических наук. Москва, 1996. С. 120-145.

чины должны быть хозяевами, а женщинам следует им подчиняться, Место женщины — дома, Этот мужской мир (мир человека)». Результаты лингвостатистического эксперимента, проведенного с данными фразеологизмами, показали, что почти все его участницы оценили их как грубейшие проявления сексизма в языке. Выборка испытуемых состояла примерно из 2000 женщин с различными биосоциальными характеристиками. Диспропорциональная зависимость от понятийной обусловленности рода прослеживается на целом ряде английских слов, производных от *man*, *fellow*, *brother* (человек, парень, брат (пер. с англ.)), у которых есть неполные параллели с прототипическими признаками женского рода. (Интересен и тот факт, что даже в жаргоне лиц с нетрадиционной сексуальной ориентацией существует два слова *butch* (активная лесбиянка (англ.)) и *femme* (пассивная лесбиянка (англ.)), зеркально отражающие субординацию родов в гетеросексуальном обществе). Названные выше слова *man*, *fellow*, *brother* выполняют обобщающую функцию, но феминистские критики языка считают, что «использование их в языке непосредственно сопряжено с проведением субординационной границы между людьми в процессе когнитивного отчуждения двух родов».³⁹ По данному вопросу А.П. Нильсен, например, замечает, что достаточно часто слова, содержащие признаки мужского рода, имеют статус престижных. Именно поэтому многие из них послужили основой для образования сложных слов и словосочетаний типа *mankind*, *brotherhood*, *Irishman*, *Frenchman*, *Scotsman*, *spokesman*, *bachelor's&master's degrees*, *fraternity*, *fellowship* (в переводе с английского данные слова означают: человечество, братство, ирландец, шотландец, француз, шотландец, оратор, бакалаврская и магистерская степени, братство, содружество и т.д.).⁴⁰ Существование этих слов долгое время ограничивало когнитивную деятельность женщины, отчуждая её тем самым от сфер политики, спорта, образования и прочее. Например, освещение первого зарубежного визита Мадлен Олбрайт в ранге государственного секретаря США в газете *Файненишл Таймс* начиналось с тщательного описания её гардероба. А не менее известный

³⁹ Колосова О.А. Когнитивные основания языковых категорий. С. 49.

⁴⁰ A.P. Nilsen, ed., *Sexism and Language* (Urbana, 111.: National Council of Teachers of English, 1977)

журнал *Ньюсвик*, представляя впервые Мадлен Олбрайт в новой должности, назвал её разведенной матерью.⁴¹ Затем следовало интимное описание подробностей бракоразводного процесса.⁴²

По мнению представителей феминистской лингвистики, язык также фиксирует стремительно устаревающее в современном обществе гендерное распределение ролей, когда мужчина предпринимает нечто творческое, новаторское, а удел женщины — это домашний очаг, воспитание детей и сплетни с соседками.

5. Грамматическая категория рода и проблема референции

К исследованиям данного направления относятся и работы, изучающие понятийную обусловленность категории рода и в связи с этим, например, затрагивающие проблему, имеют ли личные существительные мужского рода нейтральное по отношению к полу значение, или все же обязывают думать о мужчине.⁴³ Иногда дело может доходить до абсурда. В полевых записях диссертационного исследования, проделанного О.В. Колосовой на материалах англо-американской прессы, зарегистрирован случай, который произошел с женщиной-высококвалифициро-

⁴¹ S. Romaine. *Communicating Gender* (London: Oxford University Press, 1999), p. 234.

⁴² Мы сильно сомневаемся, что столь серьезный журнал как *Ньюсвик* начал бы презентацию нового госсекретаря со столь интимных подробностей, если бы Мадлен Олбрайт была мужчиной (прим. автора).

⁴³ Шахмайкин А.М. Проблема лингвистического статуса категории рода // Актуальные проблемы современной русистики. Диакрония и синхрония. М.: МГУ, 1996. С. 226-273.

W. Martyna, «What Does He Mean — Use of the Generic Masculine», *Journal of Communication*, N28, 1978, pp. 131-138.

A. Pauwels, *Women Changing Language* (London and New York, Longman, 1998).

C. Poyton, *Language and Gender. Making the Difference* (Oxford, Oxford University Press, 1990).

S. Romaine, *Communicating Gender* (London: Oxford University Press, 1999). J. Swann and D. Graddol, *Gender Voices* (Oxford and Cambridge, Basil Blackwell, 1994).

B. Thorne, C. Kramarae and N. Henley, eds., *Language, Gender and Society* (Rowley, Mass., Newbury House, 1973).

ванным специалистом по компьютерной технике. Ей удалось получить хорошо оплачиваемую работу в Пентагоне только после удачного редактирования документов из личного дела. Редактирование заключалось в исключении всех слов, имеющих показатели женского рода.⁴⁴ Нам хотелось бы привести также пример того, как в языке идентификация идет по мужскому роду, даже если референт женщина. Эта история у некоторых, кто её слышал, вызывала парадоксальную реакцию. Отец и сын попали в катастрофу, в которой погиб отец. Сын в тяжелейшем состоянии был доставлен в больницу. Когда хирург его увидел, он отказался оперировать ребенка, сказав: «Я не могу ничего делать (имеется в виду оперировать). Это мой сын». Для многих, услышавших эту историю, она казалось сценой из театра абсурда, т. к. то, что хирург мог быть женщиной и матерью мальчика, в голове практически ни у кого из слушателей не укладывалось (пример заимствован из работы Сьюзен Романи⁴⁵). Язык вообще долгое время оставался сферой профессиональной дискриминации женщины. В профессиональной характеристике женщины как специалиста (резюме, трудовой биографии) обычно подчеркивались и подчеркиваются не столько её знания и умения, сколько её физические и эмоциональные качества. Таким образом, в профессиональном мире существует двойной стандарт для референтов женского и мужского полов, акцентирующий психологическую и когнитивную неполноценность женщины. Слова с прототипическими признаками рода имеют чрезвычайно важное значение при создании рекламных текстов в области вакансии рабочих мест. И это было подтверждено данными лингвистического эксперимента, проведенного с 120 студентами одного из американских колледжей. Испытуемым предлагалось определить свой интерес к объявлениям о приеме на работу, опираясь на лексический материал рекламных объявлений. Результат оказался парадоксален: если в объявлении о приеме на работу использовалась традиционная лексика, то лишь 5% женщин и 30% мужчин проявляли интерес к специальности, обычно выполняемой противоположным полом.

⁴⁴ Колосова О.А. Когнитивные основания языковых категорий.

⁴⁵ S. Romaine, *Communicating Gender* (London: Oxford University Press, 1999), p. 292.

Но в тех случаях, когда использовалась лексика с нейтральными признаками пола, 25% женщин и 75% мужчин становились заинтересованными в получении работы противоположного пола. Если же в объявлениях использовалась лексика, где на работы, традиционно выполняемые мужчинами, приглашались женщины и наоборот, процент заинтересованных женщин возрастал до 45%, а мужчин — до 65%. Такое «сужение когнитивного пространства» женщины и отчуждение её от большой профессиональной деятельности не изжило себя и поныне. В исследовании О. Колосовой приводится случай с журналисткой Л. Хелпс, работающей в лондонской газете *Истейм Таймз* и жалующейся на трудности интервьюирования мужчин, которые при виде журналиста-женщины становятся гораздо менее «словоохотливыми». О дискриминации в профессиональном плане говорила и первая женщина — священник Англиканской церкви А. Бернес-Вильсон. Церковные служители мужчины в начале её карьеры относились с пристрастием к её сану, презрительно обращаясь к ней как «*pristess*». В английском языке данное слово отсутствует вовсе, существует только слово «*priest*» (священник). Добавление суффикса «*ess*», обозначающих лиц женского рода по профессии или статусу в обществе, придаёт значению слова как бы абсолютную абсурдность, исходя из принципа «такого нет, потому что не может быть».⁴⁶

А.П. Нильсен пишет о том, что в словаре Вебстера она обнаружила 517 названий профессий с признаками двух родов, 385 с признаками только мужского рода и 132 с признаками женского рода. Объяснение этой диспропорции исследовательница видит в исторически сложившихся особенностях разделения профессиональной деятельности, где мужчинам принадлежит неоспоримое первенство. Кроме того, мужчины дали названия многим профессиям, которые теперь используются в языке, именно поэтому на пять мужских профессий приходится одна женская.⁴⁷ А вот в исследовании, проведенном известной феминистской лингвисткой Д. Камерон, было замечено, что в английском языке существует 220 слов, характеризующую женщину

⁴⁶ Колосова О.А. Когнитивные основания языковых категорий.

⁴⁷ A.P. Nilsen, ed., *Sexism and Language* (Urbana, 111.: National Council of Teachers of English, 1977).

легкого поведения, тогда как для мужчин их зарегистрировано в 10 раз меньше. Полученная пропорция позволила исследовательнице прийти к выводу, что «сексистский имидж» женщины в языке представлен намного ярче мужского.⁴⁸ Интересен и тот факт, что такой имидж женщины прослеживается не только среди слов из общеупотребительного пласта лексики, но и в технической терминологии. Так, среди американских технических терминов распространены слова, представляющие собой метафоры, прототипами которых стали физиологические особенности полов — *iron pipe nipple*. Данное выражение обозначает жесткий наконечник трубы, в обычной лексике за словом *nipple* закреплено значение «сосок груди».⁴⁹ Что касается социальной сферы, то здесь динамика отношений между полами и появление ряда сексуальных субкультур выразилось в образовании целого пласта лексики, существование которого ещё несколько десятилетий было бы немыслимо. Сейчас уже не кажутся неологизмами такие словосочетания, как «поло-ролевая установка» или «половая идентификация».

Одним из способов дискредитации человека в языке может быть и ироничная презентация природы его социального происхождения. Общество корректирует языковое сознание человека, дифференцируя в языке и менталитете социальную природу и положение полов, «предписывая человеку устремления и модели поведения, о которых первоначально он может и не подозревать. Но когда коллективное языковое сознание представляет женщину полом слабым, а мужчину сильным, то это, несомненно, может повлиять и на поведение отдельного человека».⁵⁰ Возникшие на базе этого социальные стереотипы оказываются настолько сильными, что влияют не только на концептуальную основу слов и прототипические признаки рода, но и на их способности сочетаться друг с другом. Данная способность в лингвистике определяется термином «коллокационный». Например, в английском языке существует выражение *family man*, характеризующее мужчину с необычным поведением, отклоняющим-

⁴⁸ D. Cameron, *Verbal Hygiene* (London: Routledge, 1995).

⁴⁹ S. McConnell-Ginet, «The Origins of Sexist Language in Discourse», *Annals of the New York Academy of Sciences*, N433, 1984. С. 128.

⁵⁰ Колосова О.А. Когнитивные основания языковых категорий. С. 45.

ся от общепризнанной морали и нормы. Вместе с тем коллокация слов *family woman* выглядит как языковая аномалия. Аналогично получилось и с выражениями *career man* и *career woman*. Данные выражения на русский язык могут быть переведены как «*семейный мужчина*» и «*семейная женщина*» и «*мужчина, делающий карьеру*» и «*женщина, делающая карьеру*» (или «*карьерист*» и «*карьеристка*»). И когда на ВВС к княгине Йоркской Саре Фергюсон (тогдашней невестке королевы Англии), известной эксцентричностью и некой аномальностью своего поведения, обратились как *career girl*, после такого обращения Сара Фергюсон отказалась участвовать в программе дальше.⁵¹

6. «Дискурсивное направление» феминистской лингвистики

Не менее обширным является и второе, «дискурсивное» направление феминистской критики языка.⁵² Интерес предста-

⁵¹ S. Romaine, *Communicating Gender* (London: Oxford University Press, 1999), p. 311.

⁵² Таннен Д. Ты меня не понимаешь (Почему мужчины и женщины не понимают друг друга). М.: «Вече Персей АСТ», 1996.

G.W. Beattie, «Interruption in Conversational Interaction, and its Relation to the Sex and Status of Interactants», *Linguistics*, N19, 1981, pp. 15-35.

A.E. Berthoff, «Sapir and the Two Tasks of Language», *Semiotica*, N71, 1988: 1, pp. 47.

D. Brouner, «The Influence of the Addressee's Sex on Politeness in Language Use», *Linguistics*, N20, 1982, pp. 697-711.

K. Green, D.L. Rubin, «Effects of Gender Inclusive/Exclusive Language in Religious Discourse», *Journal of Social Psychology*, Vol.10, No.2, 1991, pp. 81-97.

J. Coates, *Women, Men and Language* (London, Longman, 1986). *Gender and Discourse: the Power of Talk* (Norwood, Abuex, 1988).

S. Gunthner, H. Kothhoff, *Die Geschlechter im Gespräch: Kommunikation in Institutionen* (Stuttgart, 1992).

S. McConnell-Ginet, «The Origins of Sexist Language in Discourse», *Annals of the New York Academy of Sciences*, N433, 1984, pp. 123-135.

S. McConnell-Ginnet, «Address forms in Sexual Politics», in D. Butturff and E.L. Epstein, eds., *Women's Language and Style* (University of Akron Press, Akron, 1978b), pp. 23-35.

вителей второго направления сосредоточен на изучении особенностей дискурса в целом — на структуре взаимоотношений между текстом и обществом. К числу основных вопросов, которые стоят перед учеными, работающими в этом направлении, относятся такие: «Как происходит натурализация патриархат-ной идеологии?», «Кто имеет доступ к инструментам власти и контроля?», «Как женщина подвергается дискриминации в дискурсе?», «Как происходит понимание определенных видов дискурса?», «Какие речевые стратегии и тактики помогают женщинам быть услышанными?» и прочее.

Эти работы характеризуются целым рядом особенностей, свойственных и критическому анализу дискурса в целом. Практически все исследования являются проблемно-ориентированными, т. к. исследуется языковое поведение в обыденных повседневных ситуациях, имеющих непосредственную социальную значимость. Они обращены к насущным социальным проблемам, которые в результате анализа могут быть лучше поняты и, возможно, начнут решаться. Язык и общество рассматриваются представителями этого направления как диалектически взаимосвязанные сущности. Языковые знаки (понимаемые как язык в действии) являются на любом уровне результатом социальных процессов. Считается, что власть преобладающая⁵³ имеют более обширный и легкий доступ к коммуникации и более разнообразный выбор речевых стратегий поведения. Исследования имеют отчетливый междисциплинарный характер: считается,

W.M. O'Barr and B.K. Atkins, «Women's Language or «Powerless Language?», in S. McConnell-Ginnet, R. Borker and N. Furman, eds., *Women and Language in Literature and Society* (New York, Praeger, 1980).

C. Poyton, *Language and Gender. Making the Difference* (Oxford, Oxford University Press, 1990).

P.M. Smith, *Language, the Sexes and Society* (Oxford, Basil Blackwell, 1985). B. Thorne, C. Kramarae, and N. Henley, eds., *Language, Gender and Society* (Rowley, Mass., Newbury House, 1973).

B. Thorne and N. Henley, eds., *Language and Sex: Difference and Dominance* (Newbury House, Rowley, Massachusetts, 1975b).

P. Trudgill, «Sex, Covert Prestige and Linguistic Change in the Urban British English of Norwich», *Language in Society*, N1, 1972, pp. 179-95. R.J. Watts, «Acquiring Status in Conversation: Male and Female Discourse Strategies», *Journal of Pragmatics*, v18, N5, 1992, pp. 467-505.⁵³ Имеется в виду власть европейских белых мужчин.

что социологические, политические, когнитивные, психологические, психоаналитические и другие модели научной парадигмы могут быть использованы для верификации широкого круга вопросов, формулируемых феминистской критикой языка; широко включена и историческая перспектива. То положение, что социальные процессы скорее более динамичны, чем статичны, берется под пристальное внимание при постановке проблематики, выборе методологии и способах интерпретации данных. «Каждый дискурс и каждый текст связаны с другими синхронически и диахронически и должны рассматриваться *в их связи* с другими видами дискурса».⁵⁴ Дискурс рассматривается вообще как форма социального действия, зависящая от ценностей и норм общества, условностей (в качестве естественных идеологий) и социальных практик, всегда ограниченных и находящихся под влиянием структур власти и исторических процессов. Представителями этого направления допускается и социальная конструкция значений (смыслов). Считается, что значения всегда подчиняются более или менее жестким конструктивным правилам и отношениям власти, которые и возникают вследствие такого взаимодействия. «Многие осознанные и бессознательные мотивы и процедуры планирования текстов оказываются существенными для создания и восприятия оных, и это приводит к возникновению выраженных и скрытых значений, когнитивных и эмоциональных аспектов дискурса».⁵⁵ Постулируется практическая приложимость результатов исследования — они должны представлять интерес не только для академической науки, но и иметь непосредственное практическое воплощение, например, в качестве принципов недискриминационного языкового поведения. Необходимо также и точное лингвистическое описание данных, применение различных инструментов лингвистического анализа (методов социальной семиотики, теории речевых актов, теории аргументации и прочее) в зависимости от того, что может помочь при интерпретации данных. Методологическая база исследований должна быть «прозрачной» и в идеальном варианте языковая теория и методология должна интегрировать язык и социум.

⁵⁴ Водак Р. Язык. Дискурс. Политика / Пер. с англ. и нем., ВГПУ. Волгоград: «Перемена», 1997. С. 11.

⁵⁵ Там же. С. 11.

Дискурсивные исследования характеризуются широким охватом, анализируя самые разные аспекты ведения аргументативных диалогов — телевизионные ток-шоу, политические дебаты, диалоги врачей и пациентов, речевое общения в семье, школе и даже религиозный дискурс и т. д. В их основе лежит предположение о том, что на базе патриархатных стереотипов, зафиксированных в языке, развиваются разные стратегии речевого поведения мужчин и женщин. Известная феминистская лингвистка Дж. Пенелоуп ввела даже понятие *патриархатного универсума дискурса*.⁵⁶ Концептуальный смысл данного понятия сводится к тому, что женщина вынуждена определять и выражать себя в языке, воплощающем мужской взгляд на мир. У женщин как бы нет средства для рефлексии и осмысления своего собственного опыта, т. к. язык, которым они располагают и в системе координат которого они должны себя определять, изначально к ним предвзят и враждебен. Например, такие феминистские исследовательницы как А. Дворкин и М. Виттиг говорят, что их внутренняя женская сущность не *синхронизируется* с вербальной; Д. Спендер полагает, что английский язык создан мужчинами для мужчин, для выражения и распространения своей ментальности («мужского» взгляда на вещи). В этом «мужском» мире женщины девиантны и несовершенно или же их делают попросту невидимыми. «В созданном мужчинами языке Вас видят мужскими глазами или отчуждают, или Вы становитесь невидимкой. И у Вас есть два пути — или стать двуязычной, или пойти на семинар, где Вас обучают мужским речевым тактикам и стратегиям вербального поведения».⁵⁷ А. Дворкин и М. Дели сравнивают мужской язык с китайскими колодками для женщин, которые более тысячи лет мучили их и не давали им развиваться свободно.

Следует заметить, что представительницы французской феминисткой лингвистики занимают самые радикальные позиции по вопросу реформирования языка. Они считают явно недостаточными те косметические меры, связанные с заменой сексистской лексики и её гендерным анализом, которые проводят

⁵⁶ J. Penelope, *Speaking Freely* (New York: Pergamon Press, 1990).

⁵⁷ A. Pauwels, *Women Changing Language* (London and New York, Longman, 1998).

англо-американские и немецкие феминистки. Более того, эти попытки кажутся французкам крайне опасными, т.к. они заставляют женщин поверить, что они могут пользоваться и мужским языком, достаточно только его несколько реформировать. Надо менять весь мужской дискурс и связанную с ним мужскую ментальность, чтобы окончательно высвободить себя из оков патриархатного мышления и языка. В подкрепление этой точки зрения Сьюзан Романи, профессором Оксфордского университета, было сделано следующее: методом сплошной выборки из корпуса образцов записей современной английской речи (*British National Corpus*) она высчитала «дискурсное время» (т. е. частоту встречаемости единицы в тексте) для местоимений он (*he*) и она (*she*). ...На 3 миллиона слов *he* встретилось 652,547 раз, а *she* — 352,239⁵⁸ раз.

Феминистская лингвистика много нового добавили в теорию речевых актов Остина-Серля,⁵⁹ создала свой собственный описательный аппарат для фиксирования в речевых актах власти и доминантности, несколько переформулировала условия соблюдения принципа кооперации Грайса, более широко проинтерпретировала понятие о коммуникативных неудачах, относя к ним прерывание говорящего, невозможность завершить высказывание, утрату контроля над тематикой дискурса и ряд других параметров. Исследования мужской и женской коммуникации обусловили появление понятия «гендерлект», существование которого, однако, еще нуждается в дальнейших доказательствах.⁶⁰ К этому же направлению можно отнести и работы о влиянии пола на языковую социализацию личности.⁶¹ гендерные отношения крайне важны для социальной организации, выражая ее

⁵⁸ S. Romaine, *Communicating Gender* (London: Oxford University Press, 1999), p. 109.

⁵⁹ Теория речевых актов — её основы были заложены английским философом Дж. Остином и посмертно опубликованы в книге «*How to do things with words*», 1962. В дальнейшем она была развита в работах Дж.Р. Серля «*Foundations of illocutionary logic*».

⁶⁰ Кирилина А.В. Категория *gender* в языкознании. С. 18.

⁶¹ S. Gunthner, H. Kotthoff, *Die Geschlechter im Gespräch: Kommunikation in Instituten* (Stuttgart, 1992).

I. Samel, *Einführung in die feministische Sprachwissenschaft* (Berlin, 1995). D. Cameron and J. Coates, «Some Problems in the Sociolinguistic Explanations of Sex Differences», *Language and Communication*, N5, (3), 1985, pp. 143-151.

системные характеристики и структурируя отношения между говорящими субъектами. Основные принципы межкультурной коммуникации распространены и на гендерные отношения. Согласно их предположению, в лингвистическом аспекте женщины и мужчины переживают языковую социализацию по-разному. Различие состоит в усвоении типичных гендерных конвенций и стратегий коммуникации. Из-за различия культурно обусловленных интерпретационных конвенций нарушается понимание высказываний, что при вербальном общении мужчин и женщин провоцирует неадекватную реакцию и ведет к коммуникативным неудачам.

Суммируя в целом исследования второго направления феминистской критики языка, можно сказать, что они фиксируют различия женского и мужского стилей речевого поведения. Женщина склонна чаще задавать вопросы. Вопросы, как правило, задаются с целью каким-либо образом продолжить беседу, женщина всегда более заинтересована в продолжении беседы. Свое несогласие с мнением собеседника женщина чаще выражает молчанием, а не открытым словесным протестом. По некоторым данным, считается, что средства вербальной агрессии ей более чужды, чем мужчине. Существует также «мужская» и «женская» «интерпретация» вербальной агрессии: женщина считает её направленной лично против себя и склонна перебивать общение, мужчины видят в ней способ интенсификации беседы. Было замечено и то, что женщину обычно перебивают чаще, чем мужчину. У женщин наблюдается более вежливый характер реплик, хотя и более напористое речевое поведение. Она более склонна к высказываниям требований, «преподносимым в виде просьб». Темы разговоров, как правило, развиваются спонтанно, существует и четкая ориентация на определенные темы беседы. Женщина в разговоре, как правило, больше извиняется. Для мужчин более характерно интерпретировать речь собеседника и сообщаемую ему информацию, чаще перебивать собеседника, в особенности, когда собеседник — женщина. Чаще дискутировать и оспаривать мнение собеседника, игнорировать комментарии собеседника также более свойственно мужскому, а не женскому дискурсу. Мужчина, как правило, старается доминировать в беседе, управлять её развитием, свои намерения выражает прямо, без обиняков, не используя при этом корректные и чересчур вежливые формы слов. Реплики в диалоге носят менее

личностный характер. Он также склонен чаще начинать беседу, количество реплик мужчины в диалоге, как правило, больше и по продолжительности они длиннее. Мужчина и чаще выбирает тему беседы. Больше склонен рассматривать вопросы как источник информации, а не как средство для продолжения разговора. В разговоре чаще пытается разрешить возникшие проблемы и дать советы по этому поводу. Считается, что речевые стили мужчин и женщин прежде всего отличаются тем, в какой степени мужчины и женщины учитывают реакцию партнера на предшествующие высказывания и их выбор и коррекцию в этой связи.⁶² Мужчина также в большей степени ориентируется на собственное предыдущее высказывание, а женщина — на высказывания коммуникативного партнера. В том случае, если тематический фокус высказывания партнера по коммуникации не совпадает с их собственным, женщины стараются переориентировать последнее, мужчины воспринимают такую же ситуацию как отклонение от правильного хода беседы и продолжают строить свои высказывания с прежней тематической ориентацией.

Последние исследования мужской и женской речи по коммуникации в сети Интернет выявили интересный факт: даже в типично женских листах подписки, мужчины говорили больше, их электронные речи и послания были намного длиннее, более того — женщины на свои сообщения получали в пять раз меньше откликов, чем мужчины.⁶³

⁶² Вообще, в достаточно большом количестве исследований по теории дискурса и коммуникации указывается тот факт, что на особенности мужского и женского дискурса сильно влияют как условия протекания собственно речевого акта (количество участвующих в дискурсе, место прохождения, коммуникативные цели и задачи дискурса), так и личностные характеристики его участников (статусное положение, социальные роли, возраст, психофизиологическое состояние и прочее). Многие также зависят и от техники (методологии дискурсивного анализа, т. к., например, в отечественном языкознании отработанная общепринятая методология для проведения данных исследований практически отсутствует).

⁶³ S. Romaine, *Communicating Gender* (London: Oxford University Press, 1999), p. 217.

7. Р. Лакофф, *Язык и место женщины*

В целом, тема речевой коммуникации полов, описание и анализ особенностей их дискурса является весьма разработанной и популярной, особенно для западной феминистской лингвистики. Одной из пионерских исследований в этой области стала уже упомянутая нами работа Робин Лакофф *Язык и место женщины*, посвященная особенностям женского речевого поведения. По мнению Р. Лакофф, речевое поведение женщины отличается неуверенностью, меньшей агрессивностью по сравнению с мужским, большей гуманностью и ориентированностью на своего партнера по коммуникации. Женщина более внимательно выслушивает мнение собеседника, не стремится доминировать над ходом беседы. Мужчины же в диалоге более агрессивны, стремятся в беседе «держать ситуацию под контролем», менее склонны к компромиссам. В связи с этим такой речевой стиль женщины создает ореол неуверенности в себе и некомпетентности, что наносит ущерб её имиджу. Какие же черты женской речи способствуют этому? Р. Лакофф полагает, что в английском языке к этим чертам можно отнести преференцию женщин к разделительным вопросам, использование повышающей интонации там, где должна быть понижающая,⁶⁴ употребление семантически опустошенной лексики, специальных пластов словаря, описывающих традиционно женские сферы жизнедеятельности, частое употребление эмфазы, различного плана интенсификаторов и модальных частиц. К тому же «женские» модальные средства гораздо разнообразнее и употребляются женщинами чаще. И в довершении всего, женщины шутят гораздо реже мужчин. Если же женщина начинает использовать «мужские» речевые тактики, то она воспринимается как неженственная, наглая, *феминистка*.⁶⁵ Р. Лакофф считает, что такое речевое поведение женщины часто приводит к коммуникационным неудачам. Ученая называет такое положение вещей «ситуацией двойной связанности».⁶⁶

⁶⁴ Упомянутые две черты помогают выразить некий модус уступительной модальности, придавая речи более вежливый оттенок (*прим. автора*).

⁶⁵ Данное слово, например, в русской культуре, имеет явно негативный оттенок.

⁶⁶ R. Lakoff, *Language and Woman's Place* (New York, Harper, 1975), p. 174.

8. Теория двух культур Д. Таннен

В работах последующего поколения ученых была даже выдвинута гипотеза «дефицитности» женской речи, которой не хватает «речевых средств» для выражения своей уверенности и возможности доминировать в диалоге. Затем на смену теории «дефицитности женской речи» пришла теория её «дифференциации», где женские речевые тактики рассматриваются не в столь негативном свете.⁶⁷ Некоторые лингвисты, представляющие данное направление, касаясь особенностей речевой стратегии полов, утверждали, что женщина ориентирована на тактику «коммуникативного сотрудничества», а мужчина «коммуникативного соперничества». В свою очередь гипотеза «дефицитности женской речи» была интересно модернизирована в «теорию двух культур» ученицей Р. Лакофф, известной американской социо-лингвисткой Деборой Таннен. В своем нашумевшем бестселлере *Ты меня не понимаешь*, Д. Таннен, анализируя мужские и женские речевые стили, приходит к выводу, что разговор между мужчинами и женщинами представляет коммуникацию противоположных культур. В своем исследовании ученая главное внимание сосредоточила не на описании «механизмов угнетения и подавления» женщины в диалоге, а на так называемых коммуникативных неудачах, которые постигают мужчин и женщин в попытках ведения беседы в разнополых группах. Ученая полагает, что «стилевые особенности разговорной речи как мужчин, так и женщин, могут быть в равной степени обманчивы. Мужчины и женщины изначально овладевают языком в двух разных мирах (мире мальчиков и мире девочек), при этом каждая группа дает оценку противоположному стилю, исходя из своего собственного. Но во многих отношениях различия мужского и женского стилей не симметричны. Мужчины и женщины, оказавшись в одной группе, скорее всего начнут говорить в манере более привычной и удобной для мужчин. Оценка тому и другому стилю также дается, как правило, исходя из стандартов

⁶⁷ G.W. Beattie, «Interruption in Conversational Interaction, and its Relation to the Sex and Status of Interactants», *Linguistics*, N19, 1981, pp. 15-35. D.N. Maltz and R.A. Borker, «A Cultural Approach to Male-Female Miscommunication», in J.J. Gumperz, ed., *Language and Social Identity* (Cambridge, Cambridge University Press, 1982).

мужского стиля, который считается нормой. В обществе, где равенство провозглашено всеобщей целью и где женщины все чаще добиваются высокого положения, больше всего огорчает, что они при этом оказываются как бы в двойных путях. Если они станут говорить, как это ожидают от женщин, они покажут себя неадекватными лидерами. Если будут говорить, как принято у лидеров, — неполноценными женщинами...».⁶⁸ По мнению Тан-нен, корни различий в коммуникативных стратегиях полов уходят корнями в глубокое детство. «...Начиная с раннего возраста создаются разные миры, в которых потом живут взрослые мужчины и женщины. Поэтому неудивительно, что женщины и мужчины, стремящиеся к гармонии в их отношениях, часто обнаруживают, что их партнеры не понимают их и даже критикуют».⁶⁹

9. Феминистское планирование и реформирование языка. Новые гендерные политики

Самых больших успехов феминистская лингвистика добилась в области феминистской реформы языка и в попытках влияния на языковую политику государства.

Результатами феминистской критики языка стали некоторые изменения языковой нормы. Больше всего инновациям подвергся лексический строй языка, феминистки предложили ввести в лексикон новые слова, лучше описывающие женщин и их отношения, собственно женскую сущность и естество. На Западе сейчас практически повсеместно вошло в практику при печатании объявлений о найме на работу указывать мужские и женские названия профессий; невыполнение этого грозит рекламодателям крупными денежными штрафами. В правовых и официально-деловых текстах сейчас принято всегда обозначать лицо согласно его полу (в то время как до настоящего времени в данном стиле письма предлагалась мужская форма: *der Professor I die Professor, der Referendar / die Referendarin* (профессор/про-

⁶⁸ Таннен Д. Ты меня не понимаешь. (Почему мужчины и женщины не понимают друг друга). М.: «Вече Персей АСТ», 1996. С. 352-353. ⁶⁹ Там же. С. 401.

фессорша, референт/референтка (*пер. с нем.*)), *actor/actress* (актер/актриса (*пер. с англ.*)) и т.д. В немецком языке вошло в норму совместное употребление мужского и женского родов в наименованиях с помощью суффикса *in* и заглавной *I*, в словах — относительных местоимениях с помощью заглавной *R* (*jedeR, dieseR* (каждый/каждая, этот/эта) (*пер. с нем.*)). Представители феминистской лингвистики рекомендуют использовать форму женского рода как нейтральную. В английском уже практически повсеместно вместо притяжательного местоимения *his* (его) употребляется *her/his* (его, её). Некоторые феминистки предложили даже *he* (он) и *she* (она) заменить на одну форму *tey*. В Германии с 1980 года принято лишь одно официальное обращение к лицам женского пола — *Frau*. В англо-говорящих странах к женщинам в деловом дискурсе принято обращаться как *Ms.* (вместо широко распространенных ранее форм *Mrs.* Или *Miss*) в целях завуалирования семейного положения женщины. В немецком языке реализовано также требование соответствия личного местоимения истинному референту: например, личное местоимение *Sie* может относиться к существительному среднего рода *das Madchen* (девушка (*пер. с нем.*)). Полупрефикс *mann* сейчас используется и для обозначения лиц женского пола наряду с *frau*. Гендерные неологизмы, от окказионализмов до узуальных слов, встречаются в разных типах текстов от официально-делового до разговорного стилей речи, их можно найти даже в художественной литературе и в военной области (*Kapitanin, Matrosinnen* (капитаны и матросы — лица женского пола (*пер. с нем.*)). Феминистки предлагают всё новые и новые слова, пытаясь окончательно уравнивать в языке мужчину и женщину: (*Efrauzipation* вместо *Emanzipation* (эмансипация (*нем.*)), *Frausarde* вместо *Mansarde* (мансарда (*нем.*)), *herstory* (история) в английском языке уже включено в словарь Вебстера).

Интересные примеры по этому поводу могут быть приведены из английского языка, находящегося под сильным влиянием иудейско-христианской традиции, подчеркивающей превосходство мужчины над женщиной. Например, слово «*God*» (бог) имеет в качестве референта существо мужского, а не нейтрального рода, и может быть заменено местоимением «*He*» (Он). Феминистки предложили пересмотреть концепцию мужского начала в творце и, в частности, ввели в теологический язык такие слова, как «*Goddess*» и «*Creatrix*».¹⁰

Зависимость языкового

сознания от религиозных стереотипов была интересно подтверждена и экспериментально. Например, влияние религиозных христианских доктрин в нашей культуре и в частности в русском языке привело к довольно занимательному образу женщины, создаваемому языком. В работе В.Н. Телии, посвященной анализу фразеологии, говорится, что в русской культуре довольно распространен стереотип женщины-домоседки. Автор связывает это с перенесением на Русь «теремной культуры» Византии, где «появление терема было воплощением благочестивых воззрений на женскую личность, как на соблазн мира. Эта культура отстраняла женскую личность от мира — общества, делала её принадлежностью только домашнего мира, во главе которого стоял муж — глава семейства, что было узаконено «Домостроем» и нашло свое выражение в ряде русских пословиц типа «*Мужик да собака всегда на дворе, а баба да кошка — в избе*».⁷¹ По этому поводу был проведен опрос 35 студентов мужского и женского пола и было установлено, что те, кто не придерживался фундаментальных христианских стереотипов о предназначении женщины, использовали в речи и меньше сексистских стереотипов.⁷² А вот исследование М. Ариэль, выполненное с группой израильских школьников, обнаружило следующее: при просьбе дать какое-либо имя прародителю, называемому обезличенно Адамом,⁷³ только один ребенок из 140 назвал его женским именем.⁷⁴ Следует особо подчеркнуть, что в силу того, что именно имена собственные являются наиболее мощным средством социальной идентификации, многие феминистки обращают на то, как мы себя называем, самое пристальное внимание. Они полагают, что женщина не должна определяться в рамках тех мужчин, с которыми её связывают определенные социальные взаимоотношения. Известная американская исследовательница Че-рис Крамер стала Черис Крамери, а её коллега из Джулии П.(енелoup) Стенли превратилась в Джулию Пенелoup. В феминистской среде не принято после замужества брать фамилию

⁷⁰ А. Pauwels, *Women Changing Language* (London and New York, Longman, 1998), p. 235.

⁷¹ Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва, 1996. С. 264.

⁷² Колосова О.А. Когнитивные основания языковых категорий. С. 40.

мужа, в лучшем случае допускается двойная фамилия, причем девичья фамилия, как правило, должна стоять на первом месте.

Следует подчеркнуть, что в обращениях к женщинам наблюдается и гораздо больше цинизма и фамильярности. Так, всеми уважаемая лондонская газета *Тайме* встречу тогдашних премьер-министра Великобритании Маргарет Тэтчер с президентом Индии Индирой Ганди охарактеризовала как *girls' talk*. Точный перевод с английского этого словосочетания будет выглядеть как «девчоночья болтовня».⁷⁵ Нам кажется, что аналогичная встреча Рональда Рейгана с Михаилом Горбачевым едва ли бы была описана этой же газетой как «мальчишеская болтовня». Достаточно примечательно по этому поводу выразился известный американский лингвист Двайт Болинджер: «Женщины никогда не повзрослеют». Это было им сказано после анализа рекламных объявлений в *Лос-Анджелес Тайме*, где слово *девочка* встретилось 97 раз, а слово *мальчик* найдено было только в одном объявлении. Ни образование, ни социальное положение не уберегают женщину от обращения к ней словом «девочка».⁷⁶ При анализе материалов по проблемам феминистской критики языка в описании одной лингвистической полемики мы встретили обращение известного юриста — мужчины к лингвисту — женщине как к *умной девчонке*. Академическое звание «*девчонки*» было на порядок выше чем у лица, который к ней апеллировал (для справки — она была почетным академиком Американской Академии Наук).

В целом, усилия, предпринятые представителями феминистской критики языка по вопросам его реформирования, можно разделить по двум основным направлениям:

замена сексистских слов и понятий гендерно нейтральными,

- создание позитивного имиджа восприятия женственности и женщины в языке.

⁷³ Адам в переводе с иврита означает «человек».

⁷⁴ S. Romaine, *Communicating Gender* (London: Oxford University Press, 1999), p. 135.

⁷⁵ D. Brouner, «The Influence of the Addressee's Sex on Politeness in Language Use», *Linguistics*, N20, 1982, pp. 697-711.

⁷⁶ S. Romaine, *Communicating Gender*, p. 144.

Но существует и более тонкие способы дискриминации женщины в языке — это просто о ней не говорить. И замена слово *chairman* на слово *chairperson* (*председатель (англ.)*), а преобразование *Miss* и *Mrs* в *Ms* на самом деле не сильно меняет дело. Более того, по мнению Д. Камерон, в устах сексиста любой язык будет всегда звучать по-сексистски.⁷⁷ Даже когда гендерно нейтральные слова или феминистские инновации входят в язык общества, в котором доминируют мужчины, то они или теряют свою нейтральность, или их значение де- или репо-литизируется языковыми практиками доминирующей группы. Таким образом было пересмотрено значение *Ms* в английском языке. Первоначально данное обращение было введено в язык, чтобы скрыть дискриминацию женщины по матримониальному статусу. Через некоторое время при обращении к женщине с *Ms* в скобках стали появляться аббревиатуры *Miss* или *Mrs*, якобы для пущей понятности данного обращения, т. е. вместо нейтрализации понятия произошла его дискриминационная маркировка, а в американской среде с *Ms* стали обращаться к разведенной женщине.

Здесь можно вспомнить и знаменитый обывательский пример с «женским» «нет» и «да»: «если женщина говорит *нет* на сексуальные домогательства партнера, то на самом деле это означает *да*. А говорит она *нет* только для того, чтобы проявить застенчивость и кокетство, и тем самым продемонстрировать свою якобы недоступность». Этот пример был приведен С. Мак-Коннел-Джинет чтобы показать, как лингвистические значения могут быть профильтрованы через патриархатные ценности и культурные установки.⁷⁸ Поэтому реформирование языка должно прежде всего коснуться дискурса. Дискурс должен быть объявлен ареной борьбы за лингвистические права женщин. Некоторые феминистки считают, что языковые нововведения произошли не благодаря языковым реформам, а в силу того, что уменьшилась андроцентричность общества в целом, и это не смогло не повлиять на язык.

⁷⁷ D. Cameron, *Verbal Hy gene* (London: Routledge, 1995).

⁷⁸ S. McConnell-Ginnet, «Address forms in Sexual Politics», in D. Butturff and E.L. Epstein, eds., *Women's Language and Style* (University of Akron Press, Akron, 1987b), pp. 23-35.

Самых серьезных успехов феминистки добились не в создании новых слов и искусственных языков, а в области изменения языка официально-делового общения. С 1976 года действует директива 76/207 Совета ЕЭС по реализации принципа равноправия женщин и мужчин относительно возможности получения работы, профессионального образования и продвижения по социальной лестнице. В ЮНЕСКО представители Канады и северных стран впервые поставили на обсуждение вопрос о сексизме в языке на 24 Генеральной Конференции (1987 г.). На 25 Генеральной Конференции ЮНЕСКО в 1989 была принята резолюция, рекомендующая в деловом дискурсе избегать сексизма в языке и стереотипах мышления, а на 26 (1991 г.) и 28 (1995 г.) конференциях к данной резолюции были внесены ряд существенных поправок.

Одним из пионеров в области законодательного реформирования языка стала Германия. В 1980 там был принят закон, закрепивший директиву 76/207 Совета ЕЭС в немецком трудовом законодательстве. Так, параграф 6116 гражданского кодекса предусматривает равное к женщинам и мужчинам отношение при оформлении объявлений о найме на работу. Начиная с этого времени, в законодательном вестнике и реестре официально зарегистрированных профессий указываются не только мужские варианты (до этих пор они использовались и как нейтральные по отношению к полу названия), но также и женские наименования профессий, специальностей и должностей. С 1977 года действует международная конвенция об устранении всех форм дискриминации женщин; ратифицированная в июле 1985 года бундестагом, она приобрела в Германии силу закона. В 1988 году в бундестаге проводились слушания по вопросу оформления текстов законов и официальных документов. В настоящее время при бундестаге действует рабочая группа «*Rechtssprache*», которая вырабатывает необходимые рекомендации. Анализ материалов, собранных феминистскими критиками языка, убедил в необходимости лексикографической обработки гендерно-специфических языковых явлений, что привело к составлению для ряда языков специальных словариков гендерно-маркированной лексики, включающих не одну сотню лексем и фразеологизмов.

Следует заметить, что устранение сексизма в языке сегодня считается одним из важнейших средств ликвидации неравенства между женщинами и мужчинами и преодоления дискри-

минации в отношении женщин. Язык играет основополагающую роль в формировании сознания и системы ценностей каждой личности. Имея это в виду, в 1990 году Совет Европы принял рекомендацию об устранении сексизма из языка, в которой он признал существование взаимосвязи между языком и социальными установками в обществе. Он призвал СМИ пользоваться свободным от сексизма языком.⁷⁹ Во многих странах эксперты разрабатывают специальные инструкции для работников СМИ, в которых объясняется важность этой проблемы и предлагается *«Несексистский словарь»*. Ряд стран ведет просветительскую деятельность, так Австралийская Корпорация по радиовещанию подготовила в 1984 году руководство по несексистскому языку, которое успешно используется также и в СМИ. Многие научные академические издания просят авторов следовать принципам несексистского языка, издавая специальные редакторские рекомендации к оформлению текстов.

10. Значение феминистской лингвистики для языкознания

В заключении подчеркнем значение, которое оказала феминистская лингвистика как на гендерную проблематику в языкознании, так и на развитие языкознания в целом.

Во-первых, стремление феминистской лингвистики изменить нормы языка и собственно языковую систему вызвали широкий резонанс и междисциплинарную дискуссию. А это, в свою очередь, способствовало развитию как гендерных исследований, так и возникновению мужских исследований⁸⁰.

Во-вторых, сознательное нормирование языка в некоторых прикладных областях, таких как политический дискурс, стиль делового письма и общения, безусловно, является вполне оправданным и необходимым.

⁷⁹ European Commission, Steering Committee for Equal Opportunities in Broadcasting: «Recommendation for Promotion of Equal Opportunities, 1986-1991».

⁸⁰ Кирилина А.В. Гендерные исследования в зарубежной и российской лингвистике. (Философский и методологический аспекты) // Общественные науки и современность, №4, 2000. С. 139.

В-третьих, феминистская критика языка способствовала усовершенствованию методов дискурсивного анализа, она внесла много нового и существенно дополнила теорию речевых актов Остина-Сёрля, инициировала создание новых дискурсивных практик, что значительно облегчило решение ряда проблем межкультурного и межгруппового общения, столь значимых для постсоветской культуры.

В-четвертых, феминистская лингвистика ввела целый ряд новых лингвистических понятий и расширила трактовку традиционных концептов «языкового поведения» и «значения». Исследование гендерных асимметрий языка способствовало и более глубокому изучению словообразовательной и номинативной систем языка, а также культурных стереотипов феминности и маскулинности в целом.

В-пятых, феминистская лингвистика усовершенствовала и чисто лингвистический инструментарий, «отшлифовав» методы интроспекции, методики для изучения коммуникативной интеракции, количественные статистические социо- и психолингвистические методы.

В-шестых, феминистская лингвистика в свой методологический аппарат привлекает данные из ряда других дисциплин (антропологии, социологии, философии), что содействует усилению междисциплинарности всего гуманитарного знания в целом.

И, наконец, эта дисциплина позволила женщинам «иначе увидеть себя» через язык, по-другому выразить себя в языке, и просто быть услышанными. А это, наверное, и является одним из самых больших её достижений.

Феминистская литературная критика

Ирина Жеребкина

1. Введение: понятие феминистской литературной критики

Феминистская литературная критика возникла тридцать лет назад, получив большое распространение в Западной Европе и США. Сегодня практически нет ни одного крупного американского университета, где не было бы курсов по женской/феминистской литературе и критике, а также гендерным аспектам литературного творчества.

Основной целью феминистской литературной критики является переоценка классического канона «больших» литературных текстов с точки зрения 1) женского авторства, 2) женского чтения, а также 3) так называемых женских стилей письма. В целом феминистская литературная критика философско-теоретически может быть ориентирована по-разному, но одно остается общим для всех ее разновидностей — это признание особого способа женского бытия в мире и соответствующих ему женских репрезентативных стратегий. Отсюда основное требование феминистской литературной критики о необходимости феминистского пересмотра традиционных взглядов на литературу и практики письма, а также тезис о необходимости создания социальной истории женской литературы.

Вслед за Элизабет Гросс феминистскую литературную критику можно разделить на следующие основные составляющие:¹

- 1) *женская литература* — акцент ставится на пол автора;
- 2) *женское чтение* — акцент ставится на восприятие читателя;
- 3) *женское письмо* — акцент ставится на стиль текста;
- 4) *женская автобиография* — акцент ставится на содержании текста.

¹ Elizabeth Grosz, *Space, Time, and Perversion: Essays on the Politics of Bodies* (New York and London: Routledge, 1995), pp. 9-24.

В соответствии с этим Гросс различает также три основных вида текстов :

1) «женские тексты» — написанные женщинами-авторами;

2) «фемининные тексты» — написанные в стиле, культурно означенном как «женский»;

3) «феминистские тексты» — сознательно бросающие вызов методам, целям и задачам доминантного фаллоцентристского/патриархатного литературного канона.

К наиболее известным методологическим работам по теории «женской литературы» относятся работы Мэри Эллманн (*Думать о женщинах*, 1968); Эллен Моэрс (*Литературная женщина*, 1976); Сандры Гилберт и Сюзан Губар (*Безумная на чердаке: женщина-писательница и литературное воображаемое в XIX веке*, 1979); Рэйчел ДюПлесси (*Письмо и несть ему конца: нарративные стратегии в женской литературе XX века*, 1985); Элейн Шоуолтер (*Их собственная литература: британские женщины-писательницы от Бронте до Лессинг*, 1977); сборники *Новая феминистская критика. Эссе о женщинах, литературе и теории* (1985), *Эти современные женщины: автобиографические эссе 20-х годов* (1978) и *Дочери декаданса. Женщины-писательницы на рубеже веков* (1984) под редакцией Элейн Шоуолтер. К работам по методологии «женского чтения» и «женского письма» относятся работы Торил Мой (*Сексуальная/текстуальная политика: феминистская литературная теория*, 1985); Мэри Якобус (*Читающая женщина. Эссе о феминистском критицизме*, 1986), а также книга под ее редакцией *Женское письмо и письмо о женщинах*, 1979; Шошаны Фельман (*Чего хочет женщина? Чтение и сексуальное различие*, 1993), Алис Жарден (*Gynesis: Конфигурации женщины и современность*, 1985); книга под редакцией Нэнси Миллер (*Поэтика гендера*, 1986); а также работы французских теоретиков Юлии Кристе-вой, Люси Иригарэ и Элен Сиксу. Что касается критерия автобиографизма, то он в равной степени характерен как для концепций «женской литературы», так и для концепций «женского чтения» и «женского письма».

2. Понятие женской литературы

1) *Теоретические подходы: понятие «гинокритики»* В 1985 году в США под редакцией Элейн Шоуолтер вышла книга *Новая феминистская критика*, в которой были собраны ставшие классическими работы по поэтике феминизма таких авторов, как Аннет Колодны, Сандра Гилберт и Сюзан Губар, Бонни Зиммерман, Рэйчел ДюПлесси, Алисия Острайкер, Нэнси Миллер, Розалинд Ковард и др. Основная задача «женской литературы» — изучение тем и жанров литературы, созданной женщинами; изучение новых предметов — таких как психодинамика женской креативности, лингвистика и проблема женского языка, траектории индивидуального или коллективного женского авторства, история женской литературы и исследование отдельных писательниц и их произведений.

В своей знаменитой статье «К вопросу о феминистской поэтике»² Элейн Шоуолтер обосновывает два основных метода анализа «женской литературы»:

1) «фемининная критика» — женское сводится к патриархальным сексуальным кодам и гендерным стереотипам мужско-конструированной литературной истории, в основе которой лежит эксплуатация и манипуляция традиционными стереотипами женского;

2) «гинокритика» — строит новые типы женского дискурса независимо от мужского и отказывается от простой адаптации мужских/патриархальных литературных теорий и моделей. Женщина в этом типе дискурса является автором текста и производительницей текстуальных значений, выражая новые модели литературного дискурса, которые базируются на собственно женском опыте и переживании. «Гинокритика», по словам Шоуолтер, начинается тогда, когда мы освобождаем себя от линейной и абсолютной мужской литературной истории, прекращаем вписывать женщину в просветы между линиями мужской литературы и вместо этого фокусируемся на новом видимом мире собственно женской культуры.

² Elaine Showalter, «Towards a Feminist Poetics», in Elaine Showalter, ed., *The New Feminist Criticism. Essays on Women, Literature and Theory* (New York: Pantheon Books, 1985), pp. 125-143.

На основе методологии «гинокритики» Элейн Шоуолтер выделяет три основных приема письма в развитие женской литературы: 1) репрезентация «фемининного» — имитация канонов доминантной/патриархатной литературной традиции и интернализация традиционных гендерных стандартов искусства и социальных ролей; 2) репрезентация «феминистского» — протест против доминирующих/патриархатных стандартов и ценностей культуры и языка, защита миноритарных прав и ценностей, включая требование женской автономии; 3) репрезентация «женского» — как специфической женской идентичности, отличающейся от мужского канона репрезентации и письма.³

2) Женско-центрированная литература: «время невинности»

Женско-центрированной традицией в литературе называется традиция изучения женских авторов, женских героинь и «женских» жанров письма (стих, новелла, автобиография, мемуары, дневники); основной концепцией является концепция женского авторства, определяемого по принципу пола, а базовым теоретическим конструктом — идея женской эмансипации в литературе.

Эллен Моэрс, *Литературная женщина* (1978)⁴ — пионерская попытка описания истории женской литературы отдельно от мужской: литературная традиция рассматривается здесь с точки зрения преемственности женского авторства и взаимного влияния женщин-писательниц друг на друга, а также женской литературно-эмоциональной текстовой коммуникации и взаимодействия. Моэрс настаивает на различных условиях формирования гендерного авторства в классической англо-американской литературе: если мужское авторство формировалось в публичном пространстве университета, мужской дружбы и публичных литературных дискуссий (Моэрс приводит пример Кольриджа и Вордсворта, окончивших Кембридж), то женщина, лишенная «возможности образования и участия в публичной жизни, изолированная в пространстве дома, ограниченная в путешествиях, болезненно ограниченная в дружбе», формируется как автор в

³ Elaine Showalter, «Towards a Feminist Poetics», pp. 137-139.

⁴ Ellen Moers, *Literary Women* (London: The Women's Press, 1978).

приватном, интимном пространстве семьи и интимизированного чтения (Моэрс ссылается в данном случае на современницу Коль-риджа и Вордсворта Джейн Остин). В этой ситуации женской социализации в приватном пространстве наибольшее влияние на женщин-авторов, по мнению Моэрс, оказывают другие, предшествующие им женские авторы, а не авторы-мужчины, ибо только через женское авторство они могут проводить аналогии с собственными ощущениями и переживаниями, обычно нефиксируемыми мужчинами. Можно утверждать, считает Моэрс, что в результате женская литературная традиция как бы «замещает» мужскую для женских авторов — независимо от исторического периода, национального контекста или социальных условий пишущих женщин. В целом книга может служить прекрасным первоначальным введением в тему женской литературы и феминистской литературной критики.

3) «Женский опыт» и «женская литература»: экстралитературные критерии в литературе

Основная цель данного теоретического направления — поиск специфических «женских» средств литературной выразительности для отражения специфической женской субъективности в литературе. Одним из основных тезисов этого подхода становится тезис о важности эмпиризма и *экстра-литературных* параметров исследования женской литературы — другими словами, тезис о «женском опыте», отличающемся от мужского. Одним из конструктов «женского опыта» в теории литературы полагается конструкт «второстепенного авторства», так как неявно предполагается, что известные (то есть вошедшие в литературный канон женщины-писательницы) разделяют доминантные для данного этапа культуры гендерные и языковые нормы и стереотипы, интерпретируя и интернализуя патриархатные эстетические и социальные ценности (иначе они бы не вошли в канон). Наиболее полно данный подход реализован в книгах Элейн Шоуолтер: *Их собственная литература: британские женщины-писательницы от Бронте до Лессинг* (1977), *Женское безумие. Женщины, безумие и английская культура, 1830-1980* (1985), *Сексуальная анархия. Тендер и культура на рубеже веков* (1990) и др.

Элейн Шоуолтер, *Их собственная литература: британские женщины-писательницы от Бронте до Лессинг* (1977)⁵ —

рассматривает творчество женщин-писательниц, которые считаются *второстепенными* с точки зрения «большого» литературного дискурса, репрезентируя маргинальную субъективность и маргинальные практики языковой выразительности, которым соответствует определенная (аффективная) топология женской субъективности.

Шоуолтер доказывает, что особенность маргинальной/второстепенной топологии женского в литературе 19-го века определялась тем, что женщины-писательницы в первую очередь интерпретировались культурой по биологическому критерию — как женщины (с их аффектами, чувствительностью и эмоциями), и лишь во вторую очередь по профессиональному — как писательницы. В результате женское творчество интерпретировалось не как технологический результат письма, а как результат природной креативности и психологической особенности женщины, ее особых интенсивных (телесных, аффективных) уникальных состояний, то есть как результат «демонического женского гения» (по аналогии с мужским телесным «романтическим гением» в философии романтиков). Другими словами, конструкция женской субъективности определялась через конструкцию девиации и соответствующее ей чувство вины по отношению к «нормативной»/мужской субъективности. Отсюда соответствующая женская аффективная выразительность («язык безумия») в женской литературе 19-го века как основная форма проявления женской субъективности. И только в конце 19 — начале 20-го веков в творчестве женщин-писательниц, по мнению Шоуолтер, происходит отказ от маркировки собственной субъективности как девиантной, маргинальной и аффектированной.

Сандра Гилберт и Сюзан Губар, *Безумная на чердаке: женщина-писательница и литературное воображаемое 19 века* (1979)⁶ — классическое исследование женской литературы в феминистской литературной критике. В отличие от Шоуолтер, авторы исследуют творчество не второстепенных, но известных женщин-писательниц, таких как Джейн Остин, Мэри Шелли,

⁵ Elaine Showalter, *A Literature of Their Own. The British Women Novelists from Bronte to Lessing* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1977).

⁶ Sandra M. Gilbert and Susan Gubar, *The Madwoman in the Attic. The Woman Writer and the Nineteenth-Century Literary Imagination* (New Haven and London: Yale University Press, 1979).

Джордж Элиот и Эмили Дикинсон, хотя и в их творчестве также обнаруживают патриархатную трактовку женской литературы как патологии и сумасшествия, а также устойчивый бинаризм женского в традиционной культуре: женщина — либо чудовище и ведьма, либо ангелическая святая. Авторы доказывают, что женщины-писательницы в патриархатной культуре неизбежно попадают в ее дискурсивные ловушки, так как в любом случае вынуждены драматизировать амбивалентное разделение между двумя возможными образами женского: традиционным патриархатным образом и одновременным сопротивлением ему. Данный «разрыв», по мнению авторов, и формирует амбивалентную структуру женского авторства как структуру «сумасшествия». Другим символом «сумасшедшей» идентичности женщин-писательниц, который также используют в своем исследовании Гилберт и Губар, является символ зеркала, выражающий женское драматическое состояние разрыва: желание соответствовать мужским нормативным представлениям о женщине и одновременное желание отвергать эти нормы и представления.

Таким образом, Гилберт и Губар не только последовательно исследуют традицию женской литературы, но и проблематизируют ее, не допуская при этом маркировок «невинного историзма».

4) Проблемы и поиски новых теоретических оснований: критика концепций «женского авторства» и «женского опыта» в литературе

Уже в конце 80-х годов столь продуктивная в 70-е годы конструкция «женщина как автор текста» вызывает несколько философских проблематизаций. По словам Торил Мой, главной методологической проблемой «женской литературы» является цель создания особого, женского литературного канона в его отличии от мужского. Но ведь новый канон может быть не менее репрессивен, чем старый, вслед за Фуко предупреждает Мой, напоминая, что в теории маргинальных практик Фуко целью было избегание любого властного доминантного канона, а не построение нового.⁷ Кроме того, после провозглашенной Бартом в 1977 году «смерти автора» (текст не является выражением индивидуальной субъективности или простой репрезентацией внеш-

⁷ Toril Moi, *Sexual/Textual Politics: Feminist Literary Theory* (London and New York: Routledge, 1985), p. 78.

ней социальности, но является актом письма, материальной манипуляцией знаками, дискурсивной структурой, текстуальными элементами) невозможно говорить об авторской аутентичности вообще, а значит, невозможно установить кодировку авторства как женского авторства. Женщины-авторы могут производить мужские по стилю тексты, а женщины-антифеминистки могут производить феминистские тексты. Поэтому на смену концепциям «женской литературы» в феминистской литературной критике приходят концепции «женского чтения» и «женского письма», использующие понятие «женского» не по признаку биологического гендерного авторства, а по критерию различных сексуальных стилей текстуальных практик.

3. Понятие «женского чтения»

1) Основные положения теории «женского чтения»

Бартовский тезис об изменении политик литературы с производства текстов на их восприятие (смерть автора означала рождение читателя) оказался очень плодотворным для феминистской литературной критики: поскольку процедура перцепции позволяет обнаружить множественность и амбивалентность текстовых структур, значит, она позволяет выявлять и специфически гендерную/женскую текстовую рецепцию, которая считалась «второстепенной» в истории «большой»/мужской литературы и критики. Таким образом было обнаружено, что отныне любой текст может быть проанализирован с женской/феминистской точки зрения и что со структурой перцепции связана особая топология именно женской субъективности в ее отличии от мужской.

Одними из ведущих в структуре женской перцепции становятся характеристики сексуальности и желания, понимаемые очень широко — как доминанта чувственности в структуре традиционной субъективности: если традиционные культурные стереотипы мужского восприятия строятся по модели жесткой и рациональной «я»-идентичности, то «женское прочтение» текстов основывается на плюральном и множественном психологическом и социальном женском *телесном* опыте. Концепция чтения как *женского желания* в феминистской критике выражена в различных литературных концепциях «женского чте-

ния», таких как «этика чтения» Алис Жарден; «фривольное чтение» Элизабет Берг; чтение как «транс-позиция» Кэтрин Стим-псон; чтение как «гендерная маркировка» Моник Виттиг; «сверхчтение» Нэнси Миллер (как «чтение между строк», «дешифровка молчания», «заполнение брешей репрессированной экспрессии»); «восстанавливающее чтение» Сьюзан Губар и Сандры Гилберт (то есть обнаружение второстепенных женских авторов, репрезентация анонимного женского опыта и переживания); «экстатическое чтение» Джудит Феттерлей («чтение женщиной женских тестов может быть и является эротизированным чтением»).

Отсюда становится понятной задача женской критики — она состоит в том, чтобы научить женщину «читать как женщина». Что это значит?

1. Это чтение вне традиционных теоретических дискурсивных схем классической литературной теории автор-читатель-жанр-историческая эпоха, сопротивляющееся общепринятой литературной кодификации, сциентизму литературной теории и предданным параметрам андроцентристской критической традиции.⁸

2. Это связь текстуальности и сексуальности, жанра и гендера, психосексуальной идентичности и культурной авторитетности.⁹

3. Процесс сексуальной дифференциации в процедуре чтения должен рассматриваться прежде всего как текстуальный — то есть как процесс производства значений. Конституируя женщину как объект в момент нашего чтения, мы не только «ген-дерно» читаем текст, но и производим себя как женщин — через аффективность процесса идентификации.

4. Это чтение как «женское желание»,¹⁰ то есть чтение частного, детализированного, чувственного, строящееся по принципу «часть вместо целого», которое становится видом автобиографии и неотличимо в конечном итоге от акта письма.

⁸ Judith Fetterley, *The Resisting Reader: A Feminist Approach to American Fiction* (Bloomington: Indiana University Press, 1978), p. viii.

⁹ Sandra M. Gilbert, «What Do Feminist Critics Want? A Postcard from the Volcano», in Elaine Showalter, ed., *The New Feminist Criticism. Essays on Women, Literature and Theory* (New York: Pantheon Books, 1985), pp. 29-45.

¹⁰ Mary Jacobus, *Reading Woman: Essays in Feminist Criticism* (New York: Columbia University Press, 1986).

В то же время феминистская критика постулирует необходимость в понятии «женского чтения» не только стилистического, но идеологического и политического аргумента: «читать как женщина», по словам Джудит Феттерлей, — значит освобождать новые значения текста а) с точки зрения женского опыта, а также б) право выбирать, что в тексте является наиболее значимым для женщин. Данный тезис дополняется известным тезисом Нэнси Миллер о том, что феминистское чтение не должно быть «поэтикой беспристрастия», а напротив, постоянным напоминанием о том, что в культуре вообще не существует ничего беспристрастного и что феминистская критика просто не боится репрезентировать пристрастность в отношении женских ценностей бытия.

Наиболее систематически принципы понимания «женского чтения» в феминистской литературной критике выразила Аннет Колодны в статье «Карта для перечтения: гендер и интерпретация литературных текстов» в книге *Новая феминистская критика* (1985). Статья написана с целью полемического использования тезисов знаменитой работы Гарольда Блума «Карта неправильного чтения» (1975), который, по словам Аннет Колодны, в своем тезисе «мы есть то, что мы читаем» исходит из позиции гендерно-нейтрального читателя, в то время как женщина-читательница читает иначе, чем мужчина.¹¹

Во-первых, женское чтение менее абстрактно, чем мужское: женщина всегда читает в тексте свой собственный реальный жизненный эксперимент. Женское чтение — это дешифровка и обнаружение символизации обычно подавленной и недоступной женской реальности и «вписывание» ее затем в свою повседневную жизнь.

Во-вторых, в процедуре чтения женщина обычно чувствует ситуацию подавления ее чувств и сопротивляется этому подавлению силой собственного аффекта.

В-третьих, в женском чтении особое внимание уделяется женским образам и женским ситуациям, которые мужчинами дешифруются как второстепенные и незначимые.

¹¹Annette Kolodny, «A Map for Rereading: Gender and the Interpretation of Literary Texts», in Elaine Showalter, ed., *The New Feminist Criticism. Essays on Women, Literature and Theory* (New York: Pantheon Books, 1985), pp. 46-62.

Аннет Колодны сравнивает, как по-разному используют понятие «*чтение как пересмотр*» Гарольд Блум и феминистский теоретик Адриенн Рич: если для Блума «пересмотр» — это текстуальный эксперимент с целью построения другой возможной общезначимой литературной истории, то для Рич основной целью женского чтения как «пересмотра» является не общезначимая, а персональная уникальная история, главное в которой — возможность трансформации не текста, но собственной жизни как истории подавления.¹²

2) Критика теорий «женского чтения»

В конце 80-х годов понятие «женского чтения» также подвергается философской проблематизации: письмо, по утверждению Деррида, функционирует в ситуации радикального отсутствия любого эмпирически детерминированного получателя текста, текст никогда не достигает места своего назначения, а читатель мертв так же, как и автор. Поэтому в современной феминистской литературной критике проблематизируется не только понятие «женского авторства», но и понятия «женского читателя», а также специфического «женского чтения».

4. Понятие «женского письма»

1) Основные положения теории «женского письма»

Понятие «женского письма» возникает под влиянием дерридаистского понятия *письма* (которое он противопоставлял понятию речи) — как поиска новых форм дискурсивной/философской выразительности. По мнению Дерриды, речь воплощает собой фаллическую истину, в то время как для реальной практики письма понятие истины всегда является чем-то незначимым и вторичным, так как главное в письме — это сам опыт писания, производство графических композиций, а не то, насколько графический опыт письма соответствует ментальной истине. В результате «письмо», а также и литература объявляются

¹² Adrienne Rich, *When We Dead Awaken: Writing as Re-Vision in: On Lies, Secrets, and Silence: Selected Prose 1966-1978* (New York and London: W.W. Norton and Co., 1979), p. 24.

феноменом, обладающим женской природой, то есть способностью избежать мужских доминант логоцентризма.

В работе *Смех медузы* (1972)¹³ французский философ и феминистский теоретик Элен Сиксу впервые вводит ставшее впоследствии знаменитым понятие «женского письма» (*«écriture feminine»*), которое призвано освободить женщину от маскулистского типа языка, стремящегося к единой истине, а также от сдерживающих пут логики и давления самосознания, бремя которых неизбежно присутствует в любом актуальном моменте речевой ситуации. Цель женского языка или женского письма — *децентрация* системы традиционных текстовых значений. В этом контексте другой известный французский философ и феминистский теоретик Люси Иригарэ вместо традиционного «фаллического символизма» в практиках письма предлагает использовать противостоящие ему технологии «*вагинального символизма*». Так называемый фаллический язык, по мнению Иригарэ, основывается на семантическом эффекте глагольной оппозиции иметь/не иметь и ее бесконечном повторении, в то время как противостоящий фаллическому «вагинальный символизм» способен производить не повторения, но различия как в структуре значения, так и в синтаксической структуре. Против символической структуры фаллоса как структуры «одного», символическая структура вагины выдвигает ни «одно» или «два», но «два в одном» — то есть множественность, децентрированность, диффузность, вместо отношений идентичности воплощая отношения длительности, механизм действия которых не подчиняется логическому закону непротиворечивости (в частности, женщина никогда не может дать однозначный и непротиворечивый ответ на вопрос, предпочитая бесконечно дополнить его, бесконечно двигаться в уточнениях, возвращаясь вновь и вновь к началу своей мысли и т. п.).

В то же время феминистские концепции «женского письма» отличаются от дерридаистского понятия письма. Основное отличие состоит в том, что феминистские теории письма не ограничиваются теоретическим интересом или текстуальным уровнем работы с языком, как это имеет место в теории фемининно-

¹³ Helene Cixous, «The Laugh of the Medusa», *Signs* 1 (summer, 1976), pp. 875-899.

го Дерриды, а выражают в языке болезненный опыт женского подавления в культуре. Отсюда феминистская деконструкция традиционных типов дискурса (и текста) имеет не столько теоретическую, сколько практическую цель: не просто высвобождение новых текстовых/символических *значений*, но стремление выразить запрещенный — репрессированный — женский/ асимболический опыт, осуществляемый *вне дискурса значения* в традиционной культуре.

Феминистские авторы вслед за Жан-Жаком Руссо предпочитают разделять два основных типа языкового употребления: язык *рациональный* и язык *выразительный*. Женские типы языка и письма относятся к стратегиям выразительного языка — того, который ускользает за пределы языковых матриц установленных значений. Восстановить эту выразительную фемининность и стремятся феминистские авторы. В интервью «Язык, Персефона и жертвоприношение» (1985) Иригарэ использует мифологический образ Персефоны, которую ищет и не может найти мать Деметра: только эхо исчезнувшей фемининности откликается ей. Поисками фемининности называет Иригарэ поиски языка, который «говорит до речи» — некий утопический язык, который говорит «вне и помимо слов», значение которого не фиксируется в артикулированной речи.

Где же искать фемининность? И как фемининность способна выражать себя?...

1) Сиксу дает следующий ответ на эти вопросы: фемининность — это женское тело и телесные отношения с другими телами. Но что, по мнению Сиксу, скрывается под понятием «тело»? И под понятием «женское тело»? И что означает феминистский лозунг «*писать тело*»? Отвечая на этот вопрос, Сиксу опять отсылает нас к руссоистской концепции двух типов языка (рационального и выразительного). Только пользуясь вторым типом языка — выразительным, чувственным языком — можно обнаружить существование «тела»: чувственного образования, которое не поддается рациональному осмыслению. Мужчина всегда контролирует свои импульсы, женщина — нет. Писать текст для мужчины — значит пользоваться законченными формулировками и понятиями; писать текст для женщины — значит длить ситуацию незавершенности и бесконечности в тексте. В женском тексте нет и не может быть ни начала, ни конца; такой текст не поддается присвоению. По мнению Сиксу, категории

традиционного языка мешают непосредственно воспринимать окружающий мир, накладывая на него сетку априорных понятий или определений. Такому восприятию мира, считает Сиксу, может противостоять только наивное, не отягощенное рефлексией восприятие, существующее до всяких языковых категорий — восприятие ребенка или женщины. В женском восприятии мира, так же, как и в восприятии ребенка, считает Сиксу, преобладают не категории мужского рационального мышления, но экстатическая («телесная») коммуникация с миром, которая состоит в первую очередь из ощущений цвета, запаха, вкуса. Другими словами, женская коммуникация с миром — это коммуникация физического тела с физическим миром вещей.

2) В утверждении стратегий женского языка Сиксу и Ири-гарэ не останавливаются на уровне употребления слов, но спускаются на более глубокий уровень грамматики. Женский язык склонен нарушать общепринятый синтаксис. Иригарэ обосновывает идею «двойного синтаксиса»: первый выражает логику рационального мышления, второй — женское подавленное бессознательное. Во втором случае языковые фигуры или образы не коррелируют с традиционной логикой.

2) Критика концепций «женского письма»

Современная критика концепций «женского письма» связана с общей критикой эссенциализма в трактовке женской субъективности — сведением структуры женской субъективности к априорной и неизменной «женской сущности». Поэтому в современной феминистской литературной критике анализ «женского письма» происходит с помощью задействования понятийного аппарата и методологии гендерной теории, способной дискурсивно отразить все многообразие и сложность пер-формативных, не связанных с уникальной женской «сущностью» гендерных идентификаций в современной литературе.

5. Женская автобиография как особый тип «женского опыта»

Жанр автобиографии наряду с жанрами дневников и мемуаров традиционно относится к «женским» жанрам письма в литературном каноне «большой литературы». Основная задача автобиографического женского письма, как она определяется в феминистском литературном критицизме — это задача саморепрезентации женского «я». В этом смысле традиционное понятие *autobiography* в феминистском литературном критицизме меняется на понятие *auto-gyno-graphy* — с акцентацией именно на женской специфической субъективности в автобиографическом письме.¹⁴

Каковы основные параметры женской автобиографии как жанра, выделяемые в феминистском литературном критицизме?

1. В женском автобиографическом письме вся женская жизнь достойна описания, а не только определяющие этапы этой жизни. Содержательно одной из основных тем женской автобиографии является тема дома и семьи (именно семья признается основной моделью формирования гендерной идентификации). Отличие от классических женских автобиографий состоит в том, что решающим содержательным параметром сегодня становится «бесстрашие говорить о своем теле и сексуальности» не как о чем-то второстепенном и дополнительном к основному автобиографическому сюжету, но как об основном в нем.

2. Формальным признаком автобиографического письма остается признак письма от первого лица, при этом особенностью женской автобиографии является апелляция к личному опыту не как отдельному, а как гендерному опыту группы.

3. Имеет место сознательное или бессознательное содержательное противопоставление своего внутреннего приватного мира миру официальной истории: в женском автобиографическом тексте зачастую невозможно определить в принципе, к какой исторической эпохе он принадлежит. Данный отказ или вызов официальной истории — через репрезентацию тем дома, кухни,

¹⁴ Elizabeth Wilson, *Mirror Writing: An Autobiography* (London: Virago, 1982), p. 53.

семейного быта, женских и детских переживаний и болезней и т. п. — признается одним из сознательных феминистских жестов женского автобиографического письма.

4. В формальной структуре текста вместо временной нарративной последовательности событий реализуется эмоциональная последовательность; событийность «большой истории» заменяется женской внутренней «аффектированной историей». Основным типом нарративного связывания становится тип «и...и...и...», в терминологии Розы Брайдотти.

Огромное влияние на концепцию женской автобиографии оказала концепция маргинальных практик Фуко. Фуко проводит аналогию между традиционными носителями дискурса признания в культуре — преступниками, производящими многочисленную литературу признаний (так называемая литература «висельных речей»), больными — и женским субъектом, репрезентирующимся в культуре исключительно через дискурс вины. Женщине как социально маргинальному объекту в культуре оставлено, по мнению феминистских исследовательниц, одно «привилегированное» место — место *признающей* субъективности: по мере того, что говорит признающаяся женщина, и по мере того, как ее цензурят и что ей запрещают говорить, формируется весь ряд женских социальных идентификаций. Фуко обращает специальное внимание на то, что дискурс признания в культуре — это всегда дискурс вины и что «идеальной» фигурой воплощения вины в истории является женщина.¹⁵ И действительно, классические исследования женской литературы Элейн Шоуолтер, Сандры Гилберт и Сюзан Губар доказывают, что ее основной формой традиционно является автобиографическое письмо как письмо признания, на основе которого строится различие жанров: новелла, повесть, дневник, мемуары, поэзия.

Элейн Шоуолтер применяет методологию анализа маргинальных практик Фуко к анализу феномена женского в культуре как «субъективности признания», формирующейся в различных сферах реальности на материале анализа практик женской сексуальности (*Сексуальная анархия: гендер и культура на рубеже веков*, 1991), женского безумия (*Женское безумие. Женщины,*

¹⁵ Фуко Мишель. История безумия в классическую эпоху. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 491.

безумие и английская культура, 1830-1980, 1985) и женской литературы, в том числе, автобиографической (*Их собственная литература: британские женщины-писательницы от Бронте до Лессинг*, 1977). Ее основным выводом является вывод о неизбежной гендерной асимметрии в культуре: если понятие женского в ней всегда маркируется как символ иррационального и виновного, предельным выражением чего и является маркировка «безумия», то понятие мужского неизбежно коррелирует с понятиями разума и рациональности. И хотя содержательно понятия женской и мужской субъективности могут меняться в разных исторических эпохах, гендерная асимметрия репрезентативных политик женского и мужского в культуре, по мнению Шоуолтер, остается неизменной: даже когда феномен иррационального репрезентирован мужчиной (признание в грехах, патологии или сексуальных извращениях в дискурсе мужской прозы признания на рубеже 19-20 веков), на символическом уровне он получает неизбежную маркировку женского: «женское безумие» или «женская чувственность» внутри мужского субъекта.¹⁶

Поставленная Фуко методологическая проблемаистики женской субъективности как дискурса признания является формой концептуального напряжения в современной феминистской теории, в которой на сегодняшний день существуют два основных подхода в оценке женского дискурса как дискурса признания. Теоретики «феминизма равенства» призывают к сопротивлению патриархальным механизмам производства женской субъективизации в культуре и равному освоению мужских дискурсивных ценностей и норм (в частности, в оценке женского дискурса признания подчеркивается, что женщина реализует не дискурс вины, а дискурс независимости, самоутверждения и самодостаточности). Теоретики «феминизма различия» настаивают на том, что специфический женский дискурс (в том числе автобиографический дискурс как дискурс признания) является альтернативной формой знания и альтернативной формой субъективности. Признающаяся женщина, по их мнению — это не только объект власти, но и субъект языка, а женский теле-

¹⁶ Elaine Showalter, *The Female Malady: Women, Madness, and English Culture, 1830-1980* (New York: Penguin Books, 1985), p. 4.

сный язык как язык признания оказывается тем полем суггестивных знаков — воли, желания и независимого наслаждения — который подрывает нормы патриархатной культуры. Поэтому женский автобиографический дискурс, по их мнению, нельзя мерить в рамках традиционного мужского дискурса, в котором он неизбежно обретает маркировки второстепенного, и необходимо вырабатывать собственные нормы анализа женского автобиографического письма.

6. Заключение: значение феминистской литературной критики для теории литературы

Эффект действия феминистской литературной критики в литературной теории и культуре на исходе 20-го века поистине ошеломляющ: обнаружено и изучено множество текстов женских авторов (в том числе второстепенных и забытых) не только в традициях ведущих литератур мира, но и в литературных традициях различных стран; феминистскому анализу подверглось значительное количество мужских и женских авторов классической литературы, начиная с античных времен и до наших дней; предложено множество новых интерпретаций классической литературной традиции; создан новый аппарат литературной теории, обогащенный аппаратом феминистской литературной критики, введены и используются новые стратегии анализа литературных текстов. Можно сказать, сегодня не существует практики чтения литературного или философского текста, которая бы не учитывала его возможную гендерную или феминистскую интерпретацию. И главное, создана новая обширная академическая дисциплина феминистская литературная критика, внутри которой производятся тексты, связанные с женским письмом, женским стилем или женским способом бытия.

Как уже было отмечено, в противовес логике эссенциализма (эссенциалистских концепций «женской литературы», «женского чтения» и «женского письма») феминистская теория конца 20 века выдвигает неэссенциалистские проекты женской субъективации в культуре на основе постмодернистских концепций децентрированного субъекта (в частности, перформатив-

ной гендерной идентификации в литературе). Можно сказать, феминистская литературная критика находится сегодня на пересечении этих двух методологических подходов, теоретизируя женское авторство и женское литературное творчество в контексте данной методологической проблематизации. И именно в ее русле в современном гендерном дискурсе происходит концептуальная встреча двух основных стратегий интерпретации женской субъективности в культуре конца 20 века — феминизма и постфеминизма, и от возможного взаимодействия и взаимовлияния их друг на друга зависят и дальнейшие ретеоретизации проблемы женской субъективности в литературной теории.

Мужские исследования: меняющиеся мужчины в изменяющемся мире

Игорь Кон

Одна из особенностей современного этапа гендерных исследований состоит в том, что их объектом, наряду с женщинами, все чаще становятся также мужчины. Этот сдвиг имеет свои интеллектуальные и социально-политические предпосылки.

1. «Кризис маскулинности» и мужские движения

Начиная с 1970-х годов, сначала на Западе, а затем и в СССР стали много говорить и писать о том, что традиционный мужской стиль жизни, а, возможно, и сами психологические свойства мужчины не соответствуют современным социальным условиям и что мужчинам приходится платить за свое господствующее положение в обществе и культуре слишком большую цену. Однако причины этого «кризиса маскулинности» и возможные пути его преодоления трактуются по-разному и даже противоположно.

Одни авторы усматривают проблему в том, что мужчины как гендерный класс или социальная группа отстают от требований времени: их установки, деятельность и особенно групповое самосознание, представления о том, каким может и должен быть мужчина, не соответствуют изменившимся социальным условиям и подлежат радикальному изменению и перестройке. То есть мужчины должны смотреть и двигаться вперед. Другие авторы, наоборот, видят в социальных процессах, расшатывающих мужскую гегемонию, угрозу вековечным «естественным» устоям человеческой цивилизации и призывают мужчин как традиционных защитников стабильности и порядка положить конец этой деградации и вернуть общество назад, в спокойное и надежное прошлое.

Сами по себе эти споры не уникальны. Поскольку мужчины были господствующей силой общества, по крайней мере — его публичной сферы, нормативный канон маскулинности и образ «настоящего мужчины», как и все прочие фундаментальные ценности («настоящая дружба», «вечная любовь» и т. п.), всегда идеализировались и проецировались в прошлое.

В периоды быстрых исторических перемен, когда прежние формы гендерных отношений власти становились неадекватными, эти ностальгические чувства становились особенно сильными: идеологи начинали писать о феминизации мужчин и исчезновении «настоящей мужественности». Например, философы и писатели классической Греции восхищались мужеством героев гомеровской эпохи; римляне времен Империи скорбели об утрате добродетелей республиканского Рима; англичане эпохи Реставрации и французы периода Регентства сетовали на упадок мужской доблести раннего средневековья; немцы начала 19 века умилялись мужской дружбе эпохи романтизма и средневековым мужским союзам.

В последней трети 20 века исторический кризис привычного гендерного порядка стал вызывать растущую озабоченность и недовольство как мужчин, так и женщин. Если в 19 в. в европейском общественном сознании появился так называемый «женский вопрос», то сегодня можно говорить о появлении особого «мужского вопроса».

Появление организованного и идеологически оформленного женского движения воспринимается мужчинами одновременно как угроза, интеллектуальный вызов и пример для подражания, порождая потребность защищать свои собственные групповые интересы. Но каковы эти интересы и от кого их нужно защищать? Состоит ли проблема в том, что женщины присваивают традиционные мужские социальные привилегии? Или в том, что они становятся похожими на мужчин и начинают успешно конкурировать с ними? Или в том, что сами мужчины потеряли или боятся потерять какие-то ценные качества? Или что мужчинам стало тесно и неудобно в привычной исторической коже? Формулировка вопроса во многом предопределяет варианты ответа.

По словам американского социолога Майкла Месснера¹, существуют три специфических фактора мужской общественной жизни.

¹ М. А. Messner, *Politics of Masculinities. Men in Movements* (L. Sage, 1997).

Во-первых, мужчины как группа пользуются институциональными привилегиями за счет женщин как группы.

Во-вторых, за узкие определения маскулинности, обещающие им высокий статус и привилегии, мужчины расплачиваются поверхностными межличностными отношениями, плохим здоровьем и преждевременной смертью.

В-третьих, неравенство в распределении плодов патриархата распространяется не только на женщин, но и на мужчин: гегемонистская маскулинность белых гетеросексуальных мужчин среднего и высшего класса конструируется в противовес не только фемининностям, но и подчиненным (расовым, сексуальным и классовым) маскулинностям.

Осознание взаимосвязи этих факторов пришло не сразу. Первое «Мужское освободительное движение» (*The Men's Liberation*) зародилось в США в 1970 годах в русле *либеральной идеологии*. Его организационным центром в 1970-80-х годах была «Национальная организация для меняющихся мужчин», которую в 1991 году сменила «Национальная организация мужчин против сексизма» (*The National Organization for Men Against Sexism — NOMAS*).

Главный источник всех мужских проблем и трудностей идеологи движения усматривали в ограниченности мужской половой роли и соответствующей ей психологии, доказывая, что от сексистских стереотипов страдают не только женщины, но и сами мужчины. «Мужское освобождение, — писал в 1970 году Джек Сойер, — стремится помочь разрушить полоролевые стереотипы, рассматривающие «мужское бытие» и «женское бытие» как статусы, которые должны быть достигнуты с помощью соответствующего поведения... Мужчины не могут ни свободно играть, ни свободно плакать, ни быть нежными, ни проявлять слабость, потому что эти свойства «фемининные, а не «маскулинные». Более полное понятие о человеке признает всех мужчин и женщин потенциально сильными и слабыми, активными и пассивными, эти человеческие свойства не принадлежат исключительно одному полу».

Авторы мужских бестселлеров 1970-х годов Уоррен Фаррелл, Марк Фейген Фасто, Роберт Брэннон и другие доказывали, что для устранения мужских трудностей необходимо прежде всего изменить социализацию мальчиков, образно говоря — по-

зволить им плакать (они еще не знали, что плачущий большевик Рыжков все равно останется большевиком).

Поскольку большинство этих людей были психологами и выходцами из среднего класса, социальная структура и связанное с ней гендерное неравенство — и особенно неравенство в положении разных категорий мужчин — оставалось в тени, а призывы к «изменению маскулинности» сводились к аргументации в пользу более широкого выбора стилей жизни, расширения круга приемлемых эмоциональных проявлений и возможностей большей самоактуализации для мужчин. Исключением был социальный психолог Джозеф Плек, который связывал мужские психологические качества с борьбой за власть и ее удержание.

Акцент на индивидуальных качествах, а не на социальной стратификации и гендерном порядке означал отрицание или недооценку реальных мужских привилегий и сведение всей проблемы к такому воспитанию, которое позволило бы мужчинам гармоничнее сочетать в себе инструментальные и экспрессивные роли, как они были описаны Талкоттом Парсонсом.

Тем не менее это было демократическое движение. В официальной декларации NOMAS (1991) подчеркивается, что «мужчины могут жить более счастливой и полноценной жизнью, бросив вызов старомодным правилам маскулинности, предполагающим принцип мужского верховенства». Отсюда формулировка трех главных принципов организации — положительное отношение к мужчинам, поддержка феминистского движения и защита прав геев. «Традиционная маскулинность включает много положительных черт, которыми мы гордимся и в которых черпаем силу, но она содержит также качества, которые ограничивают нас и причиняют нам вред. Мы всячески поддерживаем мужчин, борющихся с проблемами традиционной маскулинности. Как организация для меняющихся мужчин, мы заботимся о мужчинах и особенно озабочены мужскими проблемами, также как и трудными вопросами, с которыми сталкивается большинство мужчин».²

² «The National Organization For Men Against Sexism. Statement of Principles» Цит. по: M. S. Kimmel and M. A. Messner, eds., *Men's Lives*. 4th edition (Boston: Allyn and Beacon, 1998), p. 591.

Второй принцип организации движения постулировал, что социальное освобождение и самоизменение мужчин возможны только совместно с женщинами. гендерная стратификация — это система мужского верховенства, когда мужчины как группа угнетают женщин; изнасилование и другие формы сексуального насилия — лишь крайние формы выражения этого угнетения. Отсюда совершенно закономерно, что речь идет не просто о защите мужчин, а о борьбе против социального неравенства и гендерных привилегий во всех сферах жизни, включая сексуальность, и что это движение тесно связано с феминизмом (его идеологи и активисты называют себя феминистами или профеминистами). Ключевыми фигурами этого течения стали социологи Майкл Киммел (США) и Роберт Коннелл (Австралия).

Особую разновидность его, скорее интеллектуальную, чем политическую, образует *социалистический мужской феминизм*, находящийся под сильным влиянием марксистского структурализма. В отличие от либерального мужского феминизма, концентрирующего внимание преимущественно на психологических и особенно психосексуальных трудностях мужского бытия, эта группа придает больше значения классовому неравенству, политическим институтам и отношениям власти.

Однако политика, пафос которой направлен на отмену привилегированного положения мужчин, не может мобилизовать под свои знамена широкие мужские массы. Хотя идеи «мужского освобождения» получили довольно широкое распространение в США, Англии и особенно в Австралии, серьезной политической силой это движение не стало. Мужские организации этого типа многочисленны, но малочисленны, представлены в них преимущественно мужчины среднего класса с университетским образованием и леволиберальными взглядами. По своему характеру, это, как правило, «мягкие» мужчины, чей телесный и психический облик порой не отвечает стереотипному образу «настоящего мужчины» — сильного и агрессивного мачо. Мнение, что это преимущественно геи, не соответствует истине (геи и бисексуалы составляют в нем по разным подсчетам от 10 до 30%). Однако интерес к мужским проблемам часто стимулируется личными трудностями (отсутствие отца, непопулярность среди мальчиков в классе, неудачный брак, трудности отцовства и т. п.). Для многих из этих мужчин общественно-политическая деятельность психологически компенсаторна.

Среди обычных мужчин интерес к проблемам маскулинности невысок. В некоторых университетах США уже больше десяти лет преподается курс «Мужчины и маскулинность». Казалось бы, он должен интересовать юношей. Но 80 — 90% его слушателей — женщины, а среди немногих мужчин преобладают представители этнических и/или сексуальных меньшинств. Причина этого не в том, что молодые мужчины не имеют проблем (книги на эти темы хорошо раскупаются), а в том, что они стесняются признаться в этом.

Значительно более массовыми являются правые, *консервативно-охранительные* мужские движения, направленные на сохранение и возрождение ускользающих мужских привилегий. В противоположность либералам и феминистам, идеологи американского «Движения за права мужчин» (*The Men's Rights Movement*) Уоррен Фаррел, Херб Голдберг и другие видят главную опасность для мужчин в феминизме и растущем влиянии женщин.

Сначала Фаррел был одним из самых рьяных защитников «мужского освобождения», но затем резко изменил позицию. По его мнению, «сексизм» и «мужское господство» — не более чем мифы, придуманные агрессивными женщинами в целях унижения и дискриминации мужчин. Никакой «мужской власти» в США не существует. «Иметь власть — не значит зарабатывать деньги, чтобы их тратил кто-то другой, и раньше умереть, чтобы другие получили от этого выгоду».³ И на работе и в семье современные мужчины, по мнению Фаррела, угнетены больше, чем женщины, которым всюду даются преимущества. Под видом борьбы против сексуального приставания и насилия женщины блокируют мужскую сексуальность, в семье американские мужчины бессильны, при разводе отцы теряют право на собственных детей и т. д. Спасти мужчин может только организованная самозащита, чем и занимаются многочисленные союзы и ассоциации — «Коалиция для свободных мужчин», «Национальный конгресс для мужчин», «Мужские права» и т. п. Особенно популярна среди мужчин идея защиты прав отцов вообще и одиноких отцов в особенности.

³ Цит. по: M. Kimmel, *Manhood in America. A Cultural History* (New York: The Free Press, 1996), p. 303.

Важную роль в обосновании и возрождении идеи сильной маскулинности играет *протестантский фундаментализм*. Еще в начале 20 в. в США и Англии получили распространение принципы «мускулистого христианства», стремящегося спасти заблудшие мужские души от губительной для них феминизации и изображающего Христа не мягким и нежным, а сильным и мускулистым. На волне неоконсерватизма 1980-х годов эта идеология получила новые стимулы.

Возникшее в начале 1990-х годов по инициативе бывшего футбольного тренера Колорадского университета Билла МакАр-тни движение «Верных слову» (*Promise Keepers*) воинственно выступает против «феминизации» и «гомосексуализации» общества. Мужскую агрессивность, которую либеральные теоретики хотели бы искоренить, «Верные слову» считают естественной и неизбежной: по их мнению, все дело только в том, как и куда ее направить. В их идеологии нет явной мизогинии, но они утверждают, что колы скоро именно мужчина создан по образу и подобию Бога, он тем самым раз и навсегда поставлен выше женщины. Принцип женского равноправия подрывает традиционные семейные ценности и дезорганизует общество. Мужчина всюду и везде должен быть главой, ведущим; его сущность и призвание — быть ответственным лидером.

Сторонники этого массового движения осуждают пьянство, наркоманию и сексуальное насилие, призывают мужчин «вернуться домой», быть верными мужьями, способными работниками и надежными кормильцами, заботливыми отцами и «христианскими джентльменами» («Держи свое слово, данное жене и детям, будь человеком слова!»).

Защитой семейных ценностей это консервативное движение привлекает к себе симпатии не только мужчин, но и многих женщин. В его первом митинге в 1990 году участвовали лишь 72 человека, а в 1995 году его приверженцами считали себя уже свыше 600 тысяч мужчин в 13 городах США! Однако главный лозунг движения — полный назад! — совершенно утопичен.

Следует иметь в виду, что политико-идеологические позиции некоторых мужских движений неоднозначны, их не всегда можно разделить на «правых» и «левых». Особенно сложно в этом плане зародившееся в 1980-х годах так называемое *мифо-поэтическое движение*. Оно началось с того, что многие, преимущественно белые, гетеросексуальные и хорошо образованные

американцы среднего класса стали посещать собрания и лекции, где обсуждались мужские проблемы. Эти собрания и митинги не только позволяли мужчинам общаться друг с другом, но и имели психотерапевтическую ценность, давая людям возможность выговориться, преодолеть привычную скованность и обменяться опытом по преодолению типичных мужских трудностей. Своеобразным манифестом этих мужчин стала разошедшаяся огромным тиражом (свыше 500 тысяч экземпляров в твердой обложке) книга поэта Роберта Блая *Железный Джон* (1990).⁴

По мнению Блая и его единомышленников, главная задача современности — направить мужчин на путь духовного поиска, чтобы помочь им восстановить утерянные ими базовые мужские ценности. Во всех древних обществах существовали особые ритуалы и инициации, посредством которых взрослые мужчины помогали мальчикам-подросткам утвердиться в их глубинной, естественной маскулинности. Городское индустриальное общество разорвало связи между разными поколениями мужчин, заменив их отчужденными, соревновательными, бюрократическими отношениями, и тем самым оторвало мужчин друг от друга и от их собственной «мужской сущности».⁵ Место здоровых мужских ритуалов занимает, с одной стороны, разрушительная, агрессивная гипермаскулинность уличных шаяк, а с другой — размягчающая и убивающая мужской потенциал женственность.

Блай и его последователи красочно описывают эмоциональную бедность и ущербность современных мужских взаимоотношений, будь то отношения сыновей с отцами или отношения между мужчинами на работе и в быту, и мечтают восстановить традиции древнего мужского братства и межпоколенного наставничества. Многие из этих людей политически не реакционны, но для них характерны иррационализм и антиинтеллектуализм, а их положительный идеал «нового мужчины» весьма расплывчат.

Говоря о реально существующих и всем знакомых вещах, мифопоэтическая идеология обладает большой эмоциональной притягательностью. Однако она произвольно истолковывает данные мифологии и антропологии, не видит конкретных социальных причин описываемых ею процессов, рассуждает о мужчинах во-

⁴ Robert Bly, *Iron John* (Mass.: Addison-Wesley, 1990).

⁵ Сходные идеи развивали некоторые немецкие мыслители в начале 19 века.

обще, как о едином типе, и абсолютизирует различия между мужчинами и женщинами. Ее главная философская база — полумистическое учение К. Г. Юнга, в частности, разграничение мужского духа (анимус) и женской души (анима).

При всех своих различиях, мужские движения не представляют реальной и организованной политической силы. В спорах о кризисе маскулинности больше эмоций и идеологии, чем спокойной рефлексии. Социально активные мужчины находят себе другие каналы самореализации, а остальным эти вопросы безразличны. Тем более, что прикладные аспекты темы — мужское здоровье, сексуальность, педагогика отцовства и т. п. — широко освещаются в коммерческих изданиях и средствах массовой информации.

Тем не менее мужские движения способствовали вычленению ряда специфических мужских проблем и уточнению категориального аппарата гендерных исследований.

2. Мужские исследования и парадигмы маскулинности

До середины 1980-х годов мужским проблемам посвящались преимущественно популярные книги и исследования медико-биологического характера. Затем количество публикаций стало расти в геометрической прогрессии, захватывая все новые темы и отрасли знания. Появились многочисленные серийные публикации, некоторые хрестоматии стали бестселлерами. Например, хрестоматия Майкла Киммеля и Майкла Месснера *Мужские жизни (Men's Lives)* с 1989 по 1998 годы четыре раза переиздавалась массовым тиражом. Наиболее полная библиография литературы о мужчинах и маскулинности, составленная и регулярно переиздающаяся Майклом Футом (Австралия) состоит из 50 разделов и насчитывает больше 3000 названий.⁶

Американская Ассоциация по изучению мужчин (*The American Men's Studies Association — AMSA*) объединяет муж-

⁶ *The men's bibliography: a comprehensive bibliography of writing on men, masculinities and sexualities*, compiled by Michael Flood. 6th edition (Australia, Canberra, 1998).

чин и женщин, занятых преподаванием, исследованиями и клинической практикой в сфере мужских исследований и работы с мужчинами. Ее цель — путем изучения мужских жизненных опытов как «социо-историко-культурных конструкторов» «способствовать критическому обсуждению вопросов, касающихся мужчин и маскулинностей и распространять знания о мужских жизнях среди широкой публики».

Как грибы, растут специальные журналы о мужчинах и для мужчин. В Австралии это XY: *Men, sex, politics* (с 1990 г), *Certified Male* (с 1995) и *Journal of Interdisciplinary Gender Studies* (с 1996 г), в Англии — *Achilles Heel u Working With Men*, в США — *The Journal of Men's Studies* (с 1992) и др. Самый авторитетный международный междисциплинарный научный журнал *Men and Masculinities* (главный редактор Майкл Киммел) издается издательством Sage с 1998 года.

Эти издания содержат массу новой интересной информации о разных сторонах и аспектах мужского бытия. Однако соотношение понятий «мужская жизнь» и «маскулинность» остается спорным. Под *мужскими исследованиями* обычно понимают предметную область знания, охватывающую все то, что касается мужчин, включая биологию мужского тела, мужское здоровье и т. п.. Этот мужской аналог феминологии можно было бы назвать *социальной андрологией*. Маскулинность же чаще трактуется как особая социальная идентичность, которая существует исключительно в определенном социуме и изменяется вместе с ним.

Как и другие гендерные категории, «маскулинность»⁷ не имеет однозначного определения и имеет по крайней мере три разных значения.

1. Маскулинность как дескриптивная, описательная категория обозначает совокупность поведенческих и психических

⁷ Я предпочитаю латинизированный термин русскому слову «мужественность», потому что оно обозначает не только «мужчинность», то, что относится к мужчинам и отличает их от женщин, но и положительное нравственное качество, не связанное ни с полом, ни с гендером. «Мужественная женщина» звучит отлично, «маскулинная» же означает не столько мужественность, сколько мужеподобность, мужиковатость. Выражение «женственный мужчина» вообще звучит плохо. Так что лучше пользоваться международным термином.

черт, свойств и особенностей, объективно присущих мужчинам, в отличие от женщин.

2. Маскулинность как аскриптивная категория обозначает один из элементов символической культуры общества, совокупность социальных представлений, установок и верований о том, чем является мужчина, какие качества ему приписываются.

3. Маскулинность как прескриптивная категория — это система предписаний, имеющих в виду не среднестатистического, а идеального «настоящего» мужчину, это нормативный эталон мужественности.

Но индивидуальные свойства, стереотипы массового сознания и социальные нормы, как и наши представления о реальном, желательном и должном, никогда не совпадают. Поэтому существуют не только разные каноны маскулинности, но и разные парадигмы ее изучения, которые кажутся взаимоисключающими, но фактически являются взаимодополнительными. Тем более, что они реализуются разными научными дисциплинами.

В современной науке существуют 4 главные парадигмы маскулинности: биологическая, психоаналитическая, социально-психологическая и постмодернистская. Первые две парадигмы являются эссенциалистскими, молчаливо подразумевая, что важнейшие свойства, отличающие мужчин от женщин, являются объективной данностью, культура только оформляет и регулирует их проявления. Вторые две парадигмы — конструктивистские: они считают маскулинность продуктом культуры и общественных отношений, которые навязывают индивидам соответствующие представления и образы.

1) Биолого-эволюционный подход

Трактовка маскулинности как совокупности природных качеств, отличающих мужчин (самцов) от женщин (самок), исторически является древнейшей. Ее формулировку можно обнаружить уже у древнегреческого историка Ксенофонта, по словам которого «природу обоих полов с самого рождения... бог приспособил: природу женщины для домашних трудов и забот, а природу мужчины для внешних. Тело и душу мужчины он устроил так, что он более способен переносить холод и жар, путешествия и военные походы, поэтому он назначил ему труды вне дома.» Поэтому «женщине приличнее сидеть дома, чем находиться вне его, а мужчине более стыдно сидеть дома, чем забо-

титься о внешних делах» (Ксенофонт. Домострой, VII, 22-23, 30-310).

Современная эволюционная биология и социобиология, разумеется, не говорят о «предназначении» мужчин и женщин, однако они констатируют наличие устойчивых кросскультур-ных и кроссвидовых полодиморфических особенностей мужского и женского поведения и пытаются дать им функциональное объяснение.

Согласно теории московского ученого В. А. Геодакяна, процесс самовоспроизводства любой биологической системы включает в себя две противоположные тенденции: наследственность — консервативный фактор, стремящийся сохранить неизменными у потомства все родительские признаки, и изменчивость, благодаря которой возникают новые признаки. Самки олицетворяют как бы постоянную «память», а самцы — оперативную, временную «память» вида. Поток информации от среды, связанный с изменением внешних условий, сначала воспринимают самцы, которые теснее связаны с условиями внешней среды. Лишь после отсеивания устойчивых сдвигов от временных и случайных, генетическая информация попадает внутрь защищенного самцами устойчивого «инерционного ядра» популяции, представленного самками.

Согласно эволюционной теории пола, норма реакции женских особей, то есть их адаптивность (пластичность) в онтогенезе по всем признакам несколько шире, чем мужских. Один и тот же вредный фактор среды модифицирует фенотип самок, не затрагивая их генотипа, тогда как у самцов он разрушает не только фенотип, но и генотип. Например, при наступлении ледникового периода широкая норма реакции самок у наших далеких предков позволяла им «делать» гуще шерсть или толще подкожный жир, чтобы выжить. Узкая норма реакции самцов этого не позволяла, поэтому из них выживали и передавали свои гены потомкам только самые генотипически «лохматые» и «жирные». С появлением культуры (огня, шубы, жилища) наряду с ними выживали и добивались успеха у самок еще и «изобретатели» этой культуры. То есть, образно говоря, культура (шуба) выполняет роль фенотипа (шерсти).

Вследствие разной нормы реакции у женщин выше обучаемость, воспитуемость, конформность, а у мужчин — находчивость, сообразительность, изобретательность (поиск). Поэтому новые за-

дачи, которые решаются впервые и которые можно решить кое-как (максимальные требования к новизне и минимальные — к совершенству), лучше решают мужчины, а знакомые задачи (минимум новизны, максимум совершенства), наоборот, — женщины.

В *гендерологии*, находящейся под сильным влиянием феминизма и социального конструктивизма, биолого-эволюционная парадигма непопулярна. Ее считают редуционистской (сложные и разнообразные формы маскулинности сводятся к универсальному биологическому императиву), сексистской (ген-дерные свойства редуцируются к половым), антиисторической (гендерные свойства выглядят везде и всюду более или менее одинаковыми) и политически консервативной (она часто используется для идеологического обоснования и оправдания гендерного неравенства и мужского господства).

Однако эта критика справедлива только отчасти. Хотя гендерное разделение труда и других социальных функций не вытекает само собой из полового диморфизма, эти явления взаимосвязаны. Тот факт, что индивидуальные различия между мужчинами больше, чем межполовые, не исключает наличия некоторых более или менее общих черт, характеризующих мужчин как популяцию. Эти свойства проявляются в структуре заболеваемости, смертности, специфических факторах риска и т. п. и отражаются в стереотипах маскулинности, элементы которых имеют кросскультурную и даже межвидовую валидность. Некоторые аспекты мужского поведения, начиная с повышенной (по сравнению с женщинами) агрессивности и склонности выстраивать иерархические отношения господства и подчинения и кончая фаллической символикой, уходят своими корнями в поведение наших животных предков и связаны с теми же самыми психофизиологическими автоматизмами. Человек как биологический вид *homo sapiens* не может полностью освободиться от своего животного наследия.

Поведенческие науки, этология и психология не могут не учитывать эти факты, при всей сложности их интерпретации. Знаменитый американский психолог, ведущий мировой эксперт по психологии половых различий Элинон Маккоби подчеркивает в своей последней книге,⁸ что их объяснение вклю-

⁸ Е. Е. Maccoby, *The Two Sexes. Growing Apart, Coming Together* (Harvard University Press, 1998).

чает в себя биологический компонент. Многие черты поведения мальчиков воспроизводят то, что характерно для приматов: половая сегрегация в играх разнополых детенышей, разный стиль игровой активности (у самцов гораздо больше силовых игр и показной, а иногда и реальной, агрессии), асимметричность отношений со взрослыми (молодые самцы как группа отделяются от взрослых раньше и полнее, чем самки, а также проявляют меньше интереса к детенышам и реже взаимодействуют с ними). Некоторые особенности поведения мальчиков, хотя и зависят от стиля их воспитания, имеют психофизиологические корни. Более высокий уровень обмена веществ делает мальчиков физически более энергичными и активными. Когда дети играют одни, их половые различия в этом отношении минимальны, но в составе группы однополых сверстников мальчики выглядят значительно активнее. Мальчики более возбудимы и труднее поддаются внешнему контролю. В силу их более позднего созревания, мальчики позже девочек овладевают речевыми навыками и у них слабее эмоциональный самоконтроль, что делает их поведение более спонтанным и агрессивным. Эти особенности мужского поведения к какой-то степени связаны с действием мужского полового гормона — тестостерона.

2) Психоаналитический подход

Гораздо более популярная в гендерных исследованиях (особенно феминистских) парадигма маскулинности — психоанализ. Подобно биоэволюционной теории, психоанализ является эссенциалистским и универсалистским в том смысле, что он постулирует универсальные мужские свойства, а также механизмы и стадии формирования мужского характера. Однако он считает, что эти свойства не заданы биологически, но формируются в процессе индивидуального развития, в результате взаимодействия ребенка с родителями.

Все дети начинают эмоциональную жизнь с идентификации с матерью, которую они любят и одновременно боятся. Но девочки идентифицируются с матерью навсегда, получают удовольствие от интимных эмоциональных отношений с ней, и у них формируется потребность в таких отношениях. Напротив, мальчики скоро узнают, что отличаются от своих матерей, они должны сформировать свою мужскую идентичность отрицательно — то есть путем отделения от матери и формирования чувства

самости как чего-то независимого, автономного и индивидуального. Это достигается с помощью отрицательных реакций — мизогинии, эмоционального отчуждения от женщин и утверждения своего мужского превосходства, универсальной персонификацией которого является культ пениса/фаллоса.

Иными словами, гендерная психология асимметрична: фемининная идентификация по преимуществу *родительская*, тогда как маскулинная — *гендерно-ролевая*. В отличие от девочек, вырабатывающих гибкие личные идентификации со своими матерями, мальчикам нужна позиционная идентификация с разными аспектами обобщенной мужской роли. Они усваивают те компоненты маскулинности своего отца, которые в противном случае, как они боятся, могли бы быть направлены против них (страх кастрации). В процессе формирования личности мальчика у него появляются специфические мужские страхи и коммуникативные тревоги, от степени и способа преодоления которых зависит характер и особенно психосексуальные свойства взрослого мужчины.

Психоанализ оказал сильное влияние на клиническое исследование особенностей маскулинной идентификации и ее внутренних противоречий, ведущих к психосексуальным нарушениям и трудностям. Он показал, что мужская идентичность, вопреки видимости, вовсе не монолитна, ее компоненты часто рассогласованы и внутренне противоречивы. На основе психоанализа создан ряд плодотворных моделей формирования альтернативных вариантов мужской идентичности (Эрик Г. Эрик-сон, Гарри Стэк Салливан и др.). Применение психоаналитического аппарата к интерпретации антропологических данных показало также наличие социокультурных вариаций маскулинности и типов «мужского характера».

При этом развивалась и сама психоаналитическая теория. Если классический психоанализ изучал преимущественно отношения мальчика с родителями, причем роли отца и матери казались более или менее единообразными, то феминистский психоанализ (Нэнси Чодоров), подчеркивающий уродующее влияние на мужчин патриархата, считает мужские психологические конфликты результатом совместного действия имманентных внутренних противоречий маскулинности и специфического типа социализации мальчиков в конкретном обществе. Это обогащает научные представления о природе «мужской

субъективности», которая зачастую включает и такие, заведомо «не мужские» черты как мазохизм и нарциссизм (К. Силвер-ман, 1992). Психоаналитические идеи и методы широко применяются в феминистских культурологических и искусствоведческих исследованиях (например, Ева Кософски Седжвик).

Однако подавляющее большинство обществоведов и психологов относятся к психоаналитической парадигме скептически. Базовые категории психоанализа — не научные понятия, а метафоры, его выводы не поддаются статистической проверке и не обладают предсказательной силой. Разные школы и течения психоанализа (Фрейд, Юнг, Лакан, неофрейдисты и др.) концептуально несовместимы друг с другом, одни и те же термины означают у них совершенно разные вещи. Следуя за обыденным сознанием, психоаналитические теории нередко сводят маскулинность к сексуальности или описывают ее преимущественно в сексологических терминах, что является сильным упрощением. Психоаналитическая парадигма позволяет выразить и описать субъективные переживания мужчин, связанные с «кризисом маскулинности», но конкретно-исторические социальные реалии и особенно механизмы социального изменения от нее ускользают.

3) *Маскулинность и мужские роли*

В отличие от эволюционной биологии и психоанализа, склонных рассматривать маскулинность как нечто единое и объективно данное, психология, социология и антропология чаще видят в ней продукт истории и культуры, считая «мужские свойства» производными от существующей в обществе системы половых/гендерных ролей, которые ребенок усваивает в процессе социализации. Место имманентного «мужского характера» занимают исторически изменчивые «мужские роли».

Разные науки приходили к этой парадигме каждая своим собственным путем.

Психология 19 — начала 20 века была сексистской и эссенциалистской. В 1910-20-хх годах все немногочисленные исследования психологических особенностей мужчин и женщин подводились под рубрику «психологии пола» (*psychology of sex*), причем пол зачастую отождествлялся с сексуальностью. В 1930— 60-е годы «психологию пола» сменила «психология половых различий» (*sex differences*), которые уже не сводились к сексу-

альности, но большей частью считались заданными природой. В конце 1970-х годов, по мере того, как круг исследуемых психических явлений расширялся, а биологический детерминизм ослабевал, этот термин сменился более мягким — «различия, связанные с полом» (*sex related differences*). В 1980-х годах их стали называть «гендерными различиями», которые могут вообще не иметь биологической подосновы.

Соответственно менялись и представления о маскулинности. В 19 веке «мужские» (маскулинные) и «женские» (фемининные) черты и свойства считались строго дихотомическими, взаимоисключающими, всякое отступление от них воспринималось как патология или шаг в этом направлении. Затем жесткий нормативизм уступил место идее континуума маскулинно-фемининных свойств.

Разработанные в 1930-60-х годах многочисленные тесты маскулинности/фемининности (М-Ф) предполагали, что хотя сами свойства М и Ф полярны и альтернативны, конкретные индивиды отличаются друг от друга лишь по степени их выраженности. При этом разные шкалы М-Ф (интеллекта, эмоций, интересов и т. д.) принципиально не совпадают друг с другом. Это значит, что маскулинность не является унитарной чертой, мужчина с высоким показателем М по одной шкале может иметь низкий показатель по другой шкале и т. д. И зависит это не от его имманентных природных характеристик, а от конкретной сферы его деятельности, рода занятий, общественного положения и т. п.

Иными словами, маскулинность и связанные с нею социальные ожидания (экспектации) производны не от свойств индивида, а от особенностей мужской социальной роли. Отсюда — перенос внимания с индивидуальных черт на социокультурные стереотипы и нормы, стили социализации и т. д.

Параллельные сдвиги происходили в антропологии и в социологии. Историко-этнографическое изучение маскулинности связывают прежде всего с работами Маргарет Мид, которая обнаружила, что даже близкие по уровню социально-экономического развития первобытные племена могут иметь разные каноны маскулинности: например, рядом с воинственными, агрессивными мундугуморами живут спокойные и миролюбивые ара-пеши. На первый план выходит не биология, а культура и воспитание.

Хотя выводы Мид часто цитируются в учебниках как установленные научные факты, ее полевые исследования были методологически несовершенны. Современным антропологам мужские роли в доиндустриальных обществах кажутся не столь пластичными, как виделось Мид, которая сильно преувеличила миролюбие самоанских мужчин. Тем не менее нормативные каноны маскулинности у первобытных народов неодинаковы, а психические свойства индивидуальных мужчин — тем более. Хотя большинство человеческих обществ ждет от своих мужчин воинственности и высоких достижений, из этого правила есть исключения (ласковые таитяне и робкие семаи). По словам антрополога Дэвида Гилмора, «маскулинность — это символический сценарий, бесконечно вариативный и не всегда необходимый культурный конструкт».⁹ Чтобы разобраться в этом многообразии, нужно разграничивать не только сами аскриптивные мужские черты, но и те конкретные сферы деятельности, в которых им «положено» проявляться.

В социологии 1950-х-1960-х годов важную роль сыграла теория Талкота Парсонса и Роберта Бейлза, рассмотревших дифференциацию мужских и женских ролей в структурно-функциональном плане. Оказалось, что и на макросоциальном (в рамках больших социальных систем) и на микросоциальном (в малых группах) уровне половые роли чаще всего взаимодополнительны: мужской стиль жизни является преимущественно «инструментальным», направленным на решение предметных задач, а женский — эмоционально-экспрессивным. Эта теория способствовала интеграции в единую схему социально-антропологических и психологических данных. Однако феминистская критика показала, что в основе дихотомии инструментальности и экспрессивности — при всей ее эмпирической и житейской убедительности — лежат не столько природные половые различия, сколько социальные нормы, следование которым стесняет индивидуальное саморазвитие и самовыражение женщин и мужчин.

Сходным образом развивается и теория гендерной социализации. В свете психоанализа маскулинное самосознание и поведение рисуются продуктами подражания и идентификации с конк-

⁹ D. D. Gilmore, *Manhood in the Making. Cultural Concepts of Masculinity* (Yale University Press), p. 230.

ретным мужчиной — отцом или его символическим образом. Социологи и социальные психологи дополнили этот подход изучением внедряемых в сознание ребенка родителями и воспитателями обобщенных соционормативных правил и представлений. «Полоролевая типизация» по этой схеме идет как бы сверху вниз: взрослые сознательно прививают детям, особенно мальчикам, нормы и представления, на которые они должны ориентироваться.

Однако эмпирические данные показывают, что роль родителей в этом деле не так велика, как принято думать. В большинстве случаев родители не навязывают ребенку ни выбор игр, ни однополых товарищей, они и вмешиваются в детские взаимоотношения лишь в тех случаях, когда им кажется, что сын ведет себя не так, как «надо». По заключению Маккоби (1999), домашняя социализация играет лишь небольшую роль в сегрегации полов. Хотя в некоторых аспектах родители действительно по-разному относятся к сыновьям и дочерям, дифференцируя в зависимости от этого поощрения и наказания, индивидуальные детские предпочтения в качестве товарищей по играм однополых сверстников от этого не зависят. Характерный стиль взаимодействия в мальчишеских группах, включая проявления агрессии и дистанцирование от взрослых, создается и поддерживается в значительной степени помимо и независимо от влияния взрослых. Таковы же и кросскультурные антропологические данные (Б. Уайтинг и К. Эдвардс, 1988).

Само слово «социализация» надо понимать *cum grano salis*: мальчики ставят тем, что они есть, не столько в результате прямого научения со стороны взрослых, сколько в результате взаимодействия с себе подобными, в рамках однополых мальчишеских групп, где неизбежно множество индивидуальных и межгрупповых вариаций.

Это заставляет ученых трактовать маскулинность не как единое и стабильное целое, а как подвижную и изменчивую множественность.

4) От мужских ролей к гендерным идентичностям

Становление новой парадигмы маскулинности, получившей широкое распространение в последние 15 лет, тесно связано с общими тенденциями не только гендерных исследований, но всего современного человековедения и имеет несколько идейных источников.

Во-первых, это феминистский анализ гендера как структуры общественных отношений и, особенно, отношений власти.

Во-вторых, это социологические исследования субкультур и проблем, связанных с маргинализацией и сопротивлением социальных меньшинств.

В-третьих, это постструктуралистский анализ дискурсивной природы любых социальных отношений, включая половые и сексуальные идентичности (Мишель Фуко). В свете этого подхода, маскулинность, как и сами гендерные свойства, не является чем-то самодовлеющим, она органически переплетается с расовыми, сексуальными, классовыми и национальными отношениями. При этом она заведомо условна, связана с определенным контекстом, конвенциональна и может разыгрываться и представляться по-разному (гендерный дисплей, перформанс).

Важный аспект этого подхода — комплексное (одновременно антропологическое, социально-психологическое и биомедицинское) изучение феномена «третьего пола» и гомосексуальности. Поскольку, как убедительно показала Джудит Батлер, традиционный канон гегемонной маскулинности направлен не только и не столько против женщин, сколько против гомосексуальности, «нормализация» гомосексуальности облегчает жизнь не только геям, но и множеству гетеросексуальных мужчин, чье телосложение или поведение не соответствует жесткому и заведомо нереалистическому канону маскулинности.

Главное достижение этого подхода — деконструкция идеи единой, твердой, универсальной маскулинности. Как пишет Кон-нелл, «не существует единого образа маскулинности, который обнаруживается всюду. Мы должны говорить не о маскулинности, а о «маскулинностях». Разные культуры и разные периоды истории конструируют гендер по-разному... Многообразие — не просто вопрос различий между общинами; не менее важно то, что разнообразие существует внутри каждой среды. Внутри одной и той же школы, места работы или микрорайона будут разные пути разыгрывания маскулинности, разные способы усвоения того, как стать мужчиной, разные образы Я и разные пути использования мужского тела».¹⁰

¹⁰ R.W. Connell, «Introduction: Studying Australian Masculinities», *Journal of Interdisciplinary Gender Studies*, Dec. 1998, Vol. 3, # 2, p. 3.

«Гегемонная», культурно господствующая, самая престижная в данной среде маскулинность характеризует лишь мужчин, стоящих на вершине гендерной иерархии, а ее признаки исторически изменчивы. Хотя их обычно приписывают конкретным индивидам, они являются коллективными, создаются и поддерживаются определенными социальными институтами. Эти образы многослойны, многогранны, противоречивы и изменчивы.

В отличие от популярных бестселлеров, говорящих о мужских проблемах вообще, вне времени и пространства, большинство современных исследований маскулинности являются «этнографическими»: они описывают и анализируют положение мужчин и особенности мужского самосознания не вообще, а в определенной конкретной стране, общине, социальной среде, культурном контексте. Поскольку маскулинности — как и сами мужчины и характерные для них стили жизни — неоднородны, многомерны и множественны, стереотип «настоящего мужчины» имеет смысл только в определенной системе взаимосвязанных социальных представлений.

Множественность и текучесть образов маскулинности проявляется не только в истории, но и в жизни каждого конкретного индивидуума, который в разных ситуациях и с разными партнерами «делает», «разыгрывает» и «представляет» разную маскулинность. Психологами давно уже замечено, что мальчики и мужчины чаще женщин представляют окружающим заведомо ложные, нереальные образы «я», попросту говоря — выпендриваются. Понятия «гендерного дисплея», «делания гендера» и «гендерного перформанса» позволяют лучше описать и теоретически осмыслить разные ипостаси мужского «я» и возможные варианты и способы их интеграции и дезинтеграции. Это имеет, помимо культурологического, важное психотерапевтическое значение.

Разные парадигмы маскулинности не столько отрицают, сколько взаимно дополняют друг друга. Однако разрыв между теорией и эмпирическими данными в «мужских исследованиях» еще больше, чем в женских.

Очень велики предметные диспропорции. По одним сюжетам (спорт, насилие, здоровье, сексуальность, отцовство), научных фактов сравнительно много, по другим же нет ничего, кроме умозрительных рассуждений. Между тем имагология (анализ

типов и образов маскулинности, представленных в средствах массовой информации, культуре и обыденном сознании), не подкрепленная социологическим анализом, не позволяет судить о долгосрочных тенденциях социального развития.

Крайне неравномерно распределение научной информации по странам и континентам. Хотя количество сравнительных кросскультурных исследований маскулинности быстро растет, большая часть теоретических обобщений делается на «западном» материале, что, конечно, неправомерно.

По-прежнему велика междисциплинарная разобщенность. Опасение впасть в грех биологического редукционизма побуждает многих исследователей-гуманитариев практически игнорировать биологические данные, что сильно облегчает и упрощает их работу. А характерный для постструктурализма методологический гиперкритицизм делает исследователя похожим на сороконожку, которую спросили, с какой ноги она ходит. Бедняжка задумалась и после этого вообще не могла сдвинуться с места.

3. Маскулинность как история

Коль скоро «кризис маскулинности» связан с изменением социальных условий, признаки и причины перемен нужно искать не столько в индивидуальной психологии, сколько в социально-экономических процессах и отношениях. Глобальные фрейдовские модели, при всей их увлекательности (почти каждый мужчина узнает в них себя и свои проблемы), для объяснения социальных изменений непригодны.

Исходя из того, что сначала меняется социальное положение и характер деятельности мужчин и женщин, затем — их базовые установки и ценности, и только после этого — более тонкие психологические свойства, которые, в свою очередь, влияют на социальную структуру, начинать нужно не с психологии и культурологии, а с гендерной стратификации. Такова общая логика как социологии, так и современной психологии, включая популярную в России теорию деятельности Л. С. Выготского и его последователей.

Таким образом, необходимо разграничить

а) более или менее объективные и поддающиеся измерению социально-структурные сдвиги,

б) их преломление в культуре и массовом сознании — прежде всего в стереотипах и нормах маскулинности,

в) связанные с этим индивидуально-психологические различия.

Некоторые из этих сдвигов являются долгосрочными и глобальными, характерными, в большей или меньшей степени, для всех индустриально развитых и развивающихся стран.

1. В сфере *производственных отношений* происходит постепенное и ускоряющееся разрушение традиционной системы гендерного разделения труда, ослабление дихотомизации и поляризации мужских и женских социально-производственных функций, ролей, занятий и сфер деятельности. Ведущей, динамической силой этого процесса являются женщины, которые быстро осваивают мужские профессии, сравниваются с мужчинами по уровню образования и т. д.

2. В политической сфере параллельно этому, хотя с некоторым отставанием, меняются *гендерные отношения власти*. Мужчины постепенно утрачивают былую монополию на публичную власть. Всеобщее избирательное право, принцип гражданского равноправия полов, увеличение номинального и реального представительства женщин во властных структурах — общие тенденции нашего времени. Это не может не изменять социальных представлений мужчин и женщин друг о друге и о самих себе.

3. В том же направлении, но с гораздо большим хронологическим отставанием и количеством вариаций, эволюционируют *брачно-семейные отношения*. В современном браке гораздо больше равенства, понятие отцовской власти все чаще заменяется понятием родительского авторитета, а «справедливое распределение домашних обязанностей» становится одним из важнейших признаков семейного благополучия. Классический вопрос «кто глава семьи?» заменяется вопросом, кто принимает основные решения. Общая психологизация супружеских и родительских отношений с акцентом на взаимопонимание практически несовместима с жесткой дихотомизацией мужского и женского. Как и в других сферах жизни, эти перемены затрагивают больше женщин, чем мужчин, однако нормативные представления и психология последних также перестраиваются, особенно среди более молодых, образованных и городских мужчин.

4. В 20 в. существенно изменился *характер социализации мальчиков*. Более раннее и всеобщее школьное обучение повышает степень влияния общества сверстников по сравнению с влиянием родителей. А поскольку школьное обучение большей частью является совместным, это уменьшает половую сегрегацию и облегчает взаимопонимание мальчиков и девочек, создавая психологические предпосылки для более равных и широких кооперативных отношений между взрослыми мужчинами и женщинами в разных сферах общественной и личной жизни.

5. Изменения в структуре гендерных ролей преломляются в социокультурных *стереотипах маскулинности*. Хотя в массовом сознании нормативные мужские и женские свойства по-прежнему выглядят альтернативными и взаимодополнительными, принцип «или/или» уже не является безраздельно господствующим. Многие социально-значимые черты личности считаются гендерно-нейтральными или допускающими существенные социально-групповые и индивидуальные вариации. Идеальный тип «настоящего мужчины», который всегда был условным и часто проецировался в прошлое, теперь окончательно утратил свою монолитность, а некоторые его компоненты, например, агрессивность, ранее считавшиеся положительными, стали проблематичными и дисфункциональными, уместными только в определенных, строго ограниченных условиях (война, соревновательный спорт и т. п.). Это способствует утверждению взгляда на маскулинность как представление, маскарад, перформанс.

6. Социокультурные перемены распространяются на социальные представления о *специфике мужского тела, критериях мужской красоты и границах мужской эмоциональной чувствительности*. В условиях жестких иерархических отношений мужская привлекательность также ассоциировалась преимущественно с качествами, основанными на силе и власти. «Воспитание чувств» у мальчика практически сводилось к самообладанию, нежность и чувствительность считались проявлениями слабости и женственности.

В Англии 18 в. чувствительность и деликатность вкуса, включая интерес к искусству, считались конституциональным свойством, характерным для женщин. Философы эпохи Просвещения вели специальную компанию за реформирование и смягчение мужских нравов по отношению к женщинам и детям. Сначала эти новые нормативные установки, требовавшие от мужчин

мягкости и элегантности, касались только господствующих классов — причем подчеркивалось, что эти качества не должны перерасти в женственность.¹¹ В последующие два столетия эта тенденция стала постепенно распространяться на другие классы и сословия, хотя пролетарский канон маскулинности по сей день остается более традиционным и жестким, чем буржуазный.

Хотя правила этикета и хорошего тона на первый взгляд кажутся внешними, их усвоение меняет не только мужское поведение, но и психику. Это происходит не автоматически. Социально эмансипированные и образованные женщины предъявляют к мужчинам повышенные требования психологического характера, которые многим мужчинам трудно удовлетворить. Это способствует развитию у мужчин более сложных и тонких форм саморефлексии, расшатывая образ монолитного мужского «я».

7. Усложняются и *взаимоотношения между мужчинами*. Мужские отношения всегда были и остаются соревновательными и иерархическими. Однако в первобытном стаде социальный статус и репродуктивный успех самца определялся одними и теми же свойствами. По мере того, как элементарный биологический отбор, обеспечивающий выживание наиболее приспособленных особей, был дополнен и отчасти заменен социокультурным отбором, преимущество получили не столько самые физически сильные и агрессивные, сколько наиболее умные и креативные самцы, социальные достижения которых обеспечивают более высокий статус им самим и их потомству, что, естественно, привлекает к ним и самок. В человеческом обществе мужские иерархические системы строятся не по одному, а по нескольким не совпадающим друг с другом принципам. Однако в разных средах и на разных стадиях жизненного пути критерии успеха могут быть разными. «Настоящий мужчина» всегда должен быть «сверху», но значение этого понятия неодинаково. Отсюда опять-таки вытекает многомерность нормативных канонов маскулинности.

8. Меняется *характер мужской сексуальности*. Сексуальная революция 20 века была прежде всего женской революцией. Идея равенства прав и обязанностей полов в постели — плоть

¹¹G.J. Barker-Benfield, *The Culture of Sensibility. Sex and Society in Eighteenth-Century Britain* (The University of Chicago Press, 1992).

от плоти общего принципа социального равенства. Сравнительно-исторический анализ динамики сексуального поведения, установок и ценностей за последние полстолетия показывает повсеместное резкое уменьшение поведенческих и мотивационных различий между мужчинами и женщинами в возрасте сексуального дебюта, числе сексуальных партнеров, проявлении сексуальной инициативы, отношении к эротике и т. д. При этом женщины лучше рефлексуют и вербализуют свои сексуальные потребности, что создает для мужчин дополнительные проблемы, включая так называемую исполнительскую тревожность. Массовое распространение таких ранее запретных сексуальных позиций как «женщина сверху» и куннилингус, повышая сексуальное удовольствие обоих партнеров, есть одновременно символический удар по гегемонной маскулинности. Современные молодые женщины ожидают от своих партнеров не только высокой потенции, но и понимания, ласки и нежности, которые в прежний «джентльменский набор» не входили. Многие мужчины стараются соответствовать этим требованиям, в результате чего понятие секса как завоевания и достижения сменяется ценностями партнерского секса, основанного на взаимном согласии.

9. Частный, но очень важный аспект этого процесса — *рост терпимости к гомосексуальности*. Однополая любовь уже самим фактом своего существования подрывает иллюзию абсолютной противоположности мужского и женского. Гомофобия — конституирующий принцип гегемонной маскулинности. Отношение мужчин к фемининности по определению двойственно: хотя в нем присутствует мизогиния, принижение и унижение женщин, «настоящий мужчина» обязан любить женщин и испытывать к ним влечение. Напротив, влечение к другому мужчине — позорная и непростительная слабость. Бесчисленные нормативные запреты на проявления нежности в отношениях между мужчинами — одна из причин мужской «неэкспрессивности» и мужских коммуникативных трудностей. В современном обществе гомофобия постепенно ослабевает, причем наибольшую терпимость к гомосексуальности обнаруживают молодые и лучше образованные люди. Хотя это не сопровождается ростом числа людей, идентифицирующих себя в качестве геев, сексуальная идентичность становится менее важным нормативным признаком маскулинности.

Перечисленные сдвиги и тенденции являются более или менее глобальными, всеобщими и закономерными. Но процесс этот сложен, неравномерен и противоречив.

Прежде всего, нужно отдавать себе отчет в том, что главным субъектом и носителем социальных изменений, ломающих привычный гендерный порядок, являются не мужчины, а женщины, социальное положение, деятельность и психика которых изменяются сейчас значительно быстрее и радикальнее, чем мужская психика. Женщины шаг за шагом осваивают новые для себя занятия и виды деятельности, что сопровождается их психологическим самоизменением и изменением их коллективного самосознания, включая представления о том, как должны складываться их взаимоотношения с мужчинами. Вполне вероятно, что и женские самоописания, и женские образы маскулинности изменились за последние десятилетия больше, чем мужские. Дело не в ригидности, жесткости мужского сознания, а в том, что класс, который теряет господство, не торопится сдавать свои позиции и делает это только под нажимом, в силу необходимости.

Степень и темпы изменения гендерного порядка и соответствующих ему образов маскулинности очень неравномерны

- а) в разных странах,
- б) в разных социально-экономических слоях,
- в) в разных социально-возрастных группах и
- г) среди разных типов мужчин.

Поскольку ломка традиционного гендерного порядка тесно связана с общей социально-экономической модернизацией общества и утверждением новых технологий, логично предположить, что изменение канона маскулинности будет сильнее в промышленно-развитых странах Запада, чем в странах третьего мира. В общем и целом, так оно и есть. Но такие количественные показатели, как темп и уровень социально-экономического развития, определяют характер символической культуры общества, одним из элементов которой является маскулинность, только через ряд опосредований, включая особенности традиционной культуры и другие национальные свойства соответствующей страны или этноса.

Это убедительно подтверждают многолетние кросс-культурные исследования голландского антрополога Герта Хофстеде, который эмпирически сравнивал типичные ценностные ориен-

тации людей в разных культурах по нескольким признакам, включая маскулинность и фемининность.¹²

Маскулинные общества, по Хофстеде, отличаются от фемининных по целому ряду социально-психологических характеристик, далеко выходящих за пределы собственно-гендерной стратификации и отношений между полами. Первичные ценностные ориентации маскулинных культур отличаются высокой оценкой личных достижений; высокий социальный статус считается доказательством личной успешности; ценится все большое, крупномасштабное; детей учат восхищаться сильными; неудачников избегают; демонстрация успеха считается хорошим тоном; мышление тяготеет к рациональности; дифференциация ролей в семье сильная; люди много заботятся о самоуважении. Первичные ценностные ориентации фемининных культур, напротив, выдвигают на первый план необходимость консенсуса; здесь ценится забота о других; щадят чувства других людей; четко выражена ориентация на обслуживание; красивым считается маленькое; присутствует симпатия к угнетенным; высоко ценится скромность; мышление является более интуитивным; много значит принадлежность к какой-то общности, группе.

Эти базовые различия преломляются и в других сферах общественной и личной жизни. Обобщенная сводка этих различий представлена в следующей таблице.

«Маскулинность» и «фемининность» в работах Хофстеде являются не психологическими, а антропологическими категориями. Они фиксируют различия не между индивидами, а между странами (культурами), населению которых они предъявляются в качестве подразумеваемых нормативных ориентиров с разной степенью выраженности. Одна и та же страна может быть «фемининной» по одному параметру и «маскулинной» по другому, не говоря уже о классовых и иных социально-групповых различиях.

Хотя эти свойства базируются на житейских представлениях о фемининности и маскулинности, они «работают». При сравнении по методике Хофстеде 50 разных стран и трех регионов, включающих каждый по несколько стран (Арабские страны,

¹² Geert Hofstede and Associates, *Masculinity and Femininity. The Taboo Dimension of National Cultures* (Sage Publications, 1998).

Таблица 1. Ключевые различия между фемининными
и маскулинными обществами (по Хофстеде)¹³

Фемининные	Маскулинные
<p>Общая норма</p> <p>Господствующие ценности в обществе — забота о других и стабильность Важны люди и теплые отношения Все должны быть скромными</p> <p>И мужчинам и женщинам позволено быть нежными и заботиться об отношениях Симпатия к слабым Маленькое и медленное красиво Секс и насилие в СМИ запрещены</p> <p>В семье</p> <p>И отцы и матери имеют дело как с фактами, так и с чувствами Как мальчики, так и девочки могут плакать, но не должны драться</p> <p>В школе</p> <p>Внимание к среднему ученику Неудачи в школе не очень существенны В учителях ценится дружелюбность Мальчики и девочки изучают одни и те же предметы</p> <p>На работе</p> <p>Работать, чтобы жить</p>	<p>Господствующие ценности в обществе — материальный успех и прогресс Важны деньги и вещи Мужчины должны быть напористыми, честолюбивыми и крутыми Женщины предполагаются нежными и заботящимися об отношениях</p> <p>Симпатия к сильным Большое и быстрое красиво Секс и насилие широко представлены в СМИ и на ТВ</p> <p>Отцы имеют дело с фактами, а матери — с чувствами Девочки плачут, мальчики — нет; мальчики должны драться, когда на них нападают, девочки — нет.</p> <p>Внимание к лучшему ученику Неудачи в школе — несчастье</p> <p>В учителях ценится блеск Мальчики и девочки изучают разные предметы</p> <p>Жить, чтобы работать</p>

¹³ Ibidem, pp. 16-17, 175.

<p>Менеджеры руководствуются интуицией и стремятся к согласию \</p> <p>Акцент на равенстве, солидарности и качестве трудовой жизни \</p> <p>Разрешение конфликтов путем компромисса и переговоров</p> <p>В политике</p> <p>Идеал общества всеобщего благоденствия</p> <p>Необходимо помогать нуждающимся</p> <p>Пермиссивное, терпимое общество</p> <p>Высший приоритет — сохранение среды</p> <p>Правительство тратит сравнительно большую часть бюджета на помощь бедным странам</p> <p>Правительство тратит сравнительно малую часть бюджета на вооружение</p> <p>Международные конфликты должны разрешаться путем переговоров и компромиссов</p> <p>Сравнительно много женщин занимают выборные политические должности</p> <p>Преобладающие идеи</p> <p>Господствующие религии подчеркивают взаимодополнительность полов</p> <p>Освобождение женщин означает, что мужчины и женщины должны нести равную нагрузку дома и на работе</p>	<p>Менеджеры должны быть решительными и напористыми</p> <p>Акцент на справедливости, соревновательности и достигнутых результатах</p> <p>Разрешение конфликтов путем победы «лучшего»</p> <p>Идеал общества высоких достижений</p> <p>Нужно поддерживать сильных</p> <p>Строгое, карающее общество</p> <p>Высший приоритет — поддержание экономического роста</p> <p>Правительство тратит сравнительно малую часть бюджета на помощь бедным странам</p> <p>Правительство тратит сравнительно большую часть бюджета на вооружение</p> <p>Международные конфликты должны разрешаться путем демонстрации силы или путем борьбы</p> <p>Сравнительно мало женщин занимают выборные политические должности</p> <p>Господствующие религии подчеркивают мужские прерогативы</p> <p>Освобождение женщин означает, что женщины должны быть допущены к позициям, которые раньше занимали только мужчины</p>
---	--

<p>Сексуальность</p> <p>Спокойное отношение к сексуальности как бытовому явлению</p> <p>Слабые запреты на открытое обсуждение сексуальных вопросов</p> <p>Сексологические исследования фиксируют внимание на переживаниях и чувствах</p> <p>Больше внебрачных сожительств</p> <p>Меньшая зависимость жены от мужа</p> <p>Меньше различий между сексом и любовью</p> <p>Признание женской сексуальной активности</p> <p>Секс рассматривается как партнерское отношение</p> <p>Более терпимое отношение к мастурбации и гомосексуальности</p>	<p>Моралистическое отношение к сексуальности</p> <p>Строгие запреты на открытое обсуждение сексуальных вопросов</p> <p>Сексологические исследования фиксируют внимание на числах и частотах</p> <p>Меньше внебрачных сожительств</p> <p>Большая зависимость жены от мужа</p> <p>Больше различий между сексом и любовью</p> <p>Норма женской сексуальной пассивности</p> <p>Секс часто ассоциируется с эксплуатацией партнера</p> <p>Нетерпимое отношение к мастурбации и гомосексуальности</p>
--	--

Восточная Африка и Западная Африка), между ними обнаружились существенные различия, не совпадающие с уровнем их социально-экономического развития или богатства. «Маскулинными» являются, к примеру, Япония, Австрия, Италия, Германия, США, Великобритания, Мексика, Венесуэла, Колумбия, Эквадор, Южная Африка, Австралия, Арабские страны, Филиппины. «Фемининными», имеющими низкий балл по маскулинности, оказались Скандинавские страны — Швеция, Норвегия, Дания, Финляндия, а также Нидерланды, Франция, Португалия, Коста Рика и Таиланд. Это имеет важные социально-психологические и культурные последствия.

В психологической литературе Маскулинность иногда отождествляется с Индивидуализмом, а Фемининность с Коллективизмом (другая пара категорий, применяемых Хофстеде). Однако Хоф-стеде подчеркивает, что статистически эти два параметра независимы друг от друга, «коллективистское» общество может быть маскулинным и наоборот. Каждое общество по-своему уникально.

Хотя степень маскулинности/фемининности каждой культуры исторически более или менее стабильна, она может изме-

няться в зависимости от конкретных социально-политических обстоятельств. Войны, политические кризисы или подъем национальных чувств создают повышенный спрос на героев-воинов и тем самым повышают ценность «маскулинных» качеств.

Рост национализма и религиозного фундаментализма в современном мире — самый мощный противовес тенденции цивилизованной «феминизации» социокультурных ценностей. Он способствует возрождению самых архаических и агрессивных форм гегемонной маскулинности, даже в тех странах, где национальное начало символизируется женским образом (как русская «Мать Родина»). То же самое можно сказать о любой разновидности фашизма. Культ силы, дисциплины, державности, вождя и нации обязательно будет культом агрессивной маскулинности, направленной против «женственной» и «слабой» демократии.

Помимо национально-культурных особенностей, нормативные каноны маскулинности и ориентированное на них поведение варьируют в зависимости от *социального положения и образовательного уровня* людей. Более образованные мужчины стесняются примитивной, грубой маскулинности, их ценностные ориентации и стили жизни выглядят более цивилизованными, они охотнее, хотя и не во всем, принимают идею женского равноправия и готовы идти ей навстречу (зачастую у них нет выбора, потому что женщины в их среде более эмансипированы и самостоятельны, грубая сила их отталкивает). В рабоче-крестьянской среде традиционный канон маскулинности сильнее и его не стесняются декларировать публично. Психологически, на индивидуальном уровне анализа, соответствующие установки зависят не столько от личного социального статуса взрослого мужчины, сколько от той среды, в которой он провел свое детство и юность; эти ранние влияния, как правило, не изглаживаются последующим личным опытом.

Еще один водораздел — *социально-возрастной*. Многие как аскриптивные, так и реальные (поведенческие) свойства традиционной маскулинности, в частности, агрессивность и сексуальность, подразумевают в первую очередь подростков и молодых мужчин. В антропологической литературе существует даже понятие «синдром молодого самца» (M. Daly and M. Wilson, 1994), свойства которого более или менее одинаковы у многих видов животных и предположительно связаны с повышенной секрецией тестостерона. Сходства в поведении самцов приматов и

молодых мужчин подробно описывались этологами. У животных самец и в старости должен оставаться агрессивным, чтобы защищать свои права. У людей длительная родительская и семейная опека, а также правовой порядок делают это не столь необходимым, хотя выработанные в юности привычки и репутация «доминанта» помогают мужчинам и позже.

Молодые мужчины представляют собой особую социально-демографическую группу, которая и по своим физическим (мускулы, физическая сила, гормоны), и по своим поведенческим (стадность, высокая соревновательность), и по своим психологическим свойствам (любовь к риску, отсутствие заботы о личной безопасности, пренебрежение к собственной жизни, желание выделиться, склонность к девиантности) отличается как от женщин, так и от старших мужчин. Выраженность этих черт зависит больше всего от возраста, но также и от социального статуса (женатые мужчины меньше холостяков склонны к риску и авантюрам, у них другой стиль жизни). Однако усвоенные в юности стереотипы и идеализированные образы маскулинности сохраняются в сознании многих взрослых мужчин и независимо от их собственного реального образа жизни вызывают ностальгические чувства и нередко симулируются, на чем искусно играют средства массовой информации, поп-арт и имидж-мейкеры.

Наконец, *индивидуально-типологические различия*. Хотя соционормативные образы и нормы маскулинности создаются и поддерживаются культурой, разные типы маскулинности импонируют разным типам мужчин (и женщин) и имеют свои психофизиологические, конституциональные основы.

Классический образ мачо создан по образу и подобию могучего доминантного Альфа-самца. Такие люди существуют и сейчас, составляя по предположению А. Протопопова, от 10 до 20% мужчин. Хотя в современном обществе этот канон стал отчасти дисфункциональным, принося больше неприятностей, чем выгод, его носители продолжают считать себя единственными «настоящими» мужчинами, сопротивляются происходящим переменам, создают собственные закрытые сообщества и находят такие сферы жизни, где эти качества можно проявлять безнаказанно и получать за это одобрение (война, силовые виды спорта) и т. д. Поскольку эти свойства филогенетически самые древние и на них жестко ориентирована любая мальчишеская и юношеская субкультура, их поддерживают и им завидуют и многие

мужчины, сами не принадлежащие к этому типу. Носителями, защитниками и идеологами «новой маскулинности» становятся, как правило, мужчины, которые по тем или иным причинам не смогли войти в этот «элитарный мужской клуб», испытывали в детстве и юности какие-то трудности с маскулинной идентификацией и нашли для себя другой, более приемлемый канон маскулинности. Разумеется, это возможно и по чисто интеллектуальным соображениям, но чаще эти мотивы переплетаются: личные трудности помогают осознать «неправильность» социального стереотипа.

Таким образом, как по социальным, так и по психологическим причинам существуют разные каноны маскулинности, элементы которых переплетаются в самых разных сочетаниях. Поэтому «новая» маскулинность отличается от «старой» не так сильно, как хотелось бы феминисткам.

Осознанные установки, которые легче всего улавливают вербальные тесты, меняются быстрее и полнее, чем глубинные диспозиции, от которых зависит мужское поведение. Многие традиционные константы мужского самоутверждения и самооценки не исчезают, а, скорее, смягчаются и видоизменяются. Перечислим несколько таких констант: 1. Общая модель мужского поведения и мотивации по-прежнему предполагает *проекцию вовне*, желание стать чем-то, потребность в достижении (*Need for Achievement*) и инструментальный, в противоположность экспрессивному, стиль жизни. Конкретное содержание этой потребности — чем именно мужчина хочет стать, чего и как он хочет достичь — может меняться и варьироваться, но базовый тип мотивации остается тем же самым. Отмечаемое психологами уменьшение разницы в этом отношении между современными мужчинами и женщинами обеспечивается изменением не столько мужской, сколько женской психики, повышением уровня притязаний и реальных достижений женщин как в семейно-бытовых, так и в социально-производственных отношениях. Похоже на то, что разница между мужчинами и женщинами уменьшается за счет изменения не столько мужчин, сколько женщин.

2. Сохраняется извечная мужская *потребность отличаться от женщин*. Дистинкция, отделение, отмежевание от изначально женского, материнского начала — необходимый аспект мужской самоидентификации. Быть мужчиной — значит преж-

де всего не быть женственным. Хотя этот процесс чаще всего описывается в психоаналитических терминах, его признают практически все психологические теории.

Маскулиная дифференциация начинается с отделения мальчика от первоначального симбиоза с материнским организмом и продолжается в виде серии других «уходов» и «отделений», символизируемых такими «хирургическими» метафорами как обрезание пуповины или крайней плоти (Бруно Беттель-хейм) или «мужская рана». Маскулинность — своего рода реактивное образование, протест против материнской опеки, распространяемый затем и на других женщин.

Этот разрыв жизненно необходим. Слишком нежная и одновременно властная материнская любовь делает мальчика пассивным, неприспособленным к жизненным трудностям. Однако это отделение болезненно и травматично. Одно из средств его психологического оправдания и легитимации — мужское презрение к женственности, поэтизация исключительной мужской дружбы (и одновременно — ненависть к гомосексуальности). Тема ненависти к матери и страха перед женщинами часто встречается в мифологии и искусстве.

3. Важнейшим социальным институтом, способствующим формированию и поддержанию специфических маскулиных ценностей, самосознания и стиля жизни остается иерархическое *мужское сообщество*.

Говоря словами Шекспира, «сын женщины есть тень мужчины, а не его подобие» (Шекспир, «Генрих IV», часть 2, акт 3, сцена 2). Мальчика делают мужчиной не женщины, а другие мужчины, будь то собственный отец, с которым он идентифицируется, или взрослые мужчины, совершающие над ним обряд инициации, или сообщество однополых сверстников, о которых Франсуа Мориак писал, что они лучшие воспитатели, чем родители, потому что они безжалостны.

В древних обществах закрытые мужские сообщества (мужские дома, возрастные группы и т. п.) и связанные с ними обряды инициации были институционализированы и имели священное, сакральное значение. Обобщение этнографических данных по 186 доиндустриальным обществам¹⁴ показало, что в жизни

¹⁴ A. Schlegel and H. Barry, *Adolescence. An Anthropological Inquiry* (New York: Free Press, 1991).

мальчиков группы сверстников играют значительно большую роль, чем в жизни девочек. Мальчики раньше отделяются как от родительской семьи, так и от общества взрослых мужчин, и имеют больше внесемейных обязанностей. Мальчишеские группы отличаются высокой внутригрупповой и межгрупповой соревновательностью, имеют выраженную иерархическую структуру и дисциплину. Кроме того, девичьи группы обычно функционируют на основе принятых в данном обществе норм и правил, тогда как юношеские часто конфликтуют с ними, у мальчиков значительно больше антинормативного поведения, и взрослые считают это нормальным.

Раннебуржуазное европейское общество пыталось ослабить эти мужские узы, сосредоточив социализацию детей в родительской семье или передав их в руки профессиональных взрослых воспитателей. Однако неформальные однополые группы неизменно воссоздаются самими мальчиками как в школе (даже при совместном обучении), так и вне ее, а дети, замеченные в нарушении этих символических границ и в кросс-гендерном поведении, подвергаются стигматизации и дискриминации. Несмотря ни на какие педагогические усилия, специфические нормы мужского общения, языка и ценностей сохраняются и передаются из поколения в поколение. Верность своей группе — важнейшая нравственная ценность мальчиков и юношей. Хотя совместное обучение, преобладающее в большинстве западных стран, имеет много бесспорных плюсов с точки зрения воспитания гендерного равенства и смягчения мальчишеской агрессивности, у некоторых педагогов оно вызывает сомнения. Именно в однополых группах сверстников мужчины вырабатывают тот специфический кодекс чести, на который они оглядываются (и иногда корректируют его) в последующей жизни.

4. *Гомосоциальность*, ориентация на общение преимущественно или исключительно с представителями собственного пола, отличающая мужчин от женщин, существует и за пределами подросткового возраста.

Теме *male bonding* посвящена огромная антропологическая, историческая и психологическая литература. Одни ученые, например, автор знаменитого бестселлера *Мужчины в группах* (1969) Лайонел Тайгер, считают мужскую гомосексуальность частным проявлением более общего феномена мужской солидарности. Другие, напротив, видят в мужском товариществе и

дружбе проявления неосознанного, латентного гомоэротизма. Как бы то ни было, даже после исчезновения древних мужских союзов эмоциональные привязанности и внесемейное общение мужчин оставались однополыми. В 1710 году в Лондоне на 800.000 населения было около 2000 исключительно мужских кофеен; позже их сменили разнообразные закрытые для женщин мужские клубы. Сегрегация в общении консолидировала маскулинность (поэтому мужчины всячески охраняли ее), но одновременно затрудняла взаимопонимание мужчин и женщин. Английская писательница Джейн Остин писала в 1816 году, что «одна половина мира не может понять удовольствий другой половины».

В современном обществе число и удельный вес исключительно мужских сообществ и учреждений резко уменьшилось. Даже армия перестала быть чисто мужским институтом. Однако потребность в закрытом для женщин общении с себе подобными у мужчин по-прежнему велика, а исключительное мужское товарищество и мужская дружба остаются предметами культа и возрастной ностальгии.

Подчас трудно понять, являются ли исключительно мужские формы развлечений и массовой культуры, как футбол или рок-музыка, проявлением специфики мужских групповых интересов или же их главный смысл заключается именно в консолидации мужской обособленности. Соревновательный спорт и рок-музыка непосредственно служат утверждению фаллического начала, мужской силы и солидарности, а приобщение к ним психологически эквивалентно ритуалу мужской инициации.

Чем заметнее присутствие и влияние женщин в публичной жизни, тем сильнее мужчины ценят такие занятия и развлечения, где они могут остаться сами с собой, почувствовать себя свободными от женщин, нарушить стесняющие их правила этикета, расслабиться, дать простор агрессивным чувствам и эмоциям. Это сопряжено с известными социальными издержками (хулиганство, пьянство, акты вандализма), но выполняет важные компенсаторные функции и потому не может быть искоренено.

5. Сохраняются, несмотря на ломку гендерного разделения труда и ослабление соционормативных канонов маскулинности, и определенные когнитивные *гендерные различия* — особенно в направленности интересов и содержании деятельности. Даже когда мужчины и женщины делают практически одну и ту же

работу, они часто делают ее не совсем одинаково и руководствуются разными мотивами. Хотя глобальные теории о различиях мужского и женского стиля мышления (например, Кэррол Гил-лиган) остаются спорными и не имеют строгого эмпирического подтверждения, а индивидуальные вариации перевешивают межполовые, существование таких различий мало у кого вызывает сомнения.

Например, современные отцы значительно чаще «традиционных» ухаживают за детьми и играют с ними. То есть они выглядят более «женственными». Но при более тщательном анализе выясняется, что женские игры с ребенком обычно являются продолжением ухода за ним (матери стараются его успокоить, убаюкать и т. п.), когда как мужчины делают противоположное — подбрасывают ребенка, пробуждают его активность.

Современные мужчины почти не уступают женщинам в заботе о собственном теле, охотно выставляют его напоказ, тратят огромные деньги на косметику, что раньше считалось недопустимым и т. д. Выставленное на всеобщее обозрение обнаженное мужское тело демонстрирует уже не только силу и самообладание, но и свои эмоциональные возможности, становится средоточием чувственного наслаждения и сексуального соблазна. Тем не менее мужской канон красоты отличается от женского, «унисекс» нравится сравнительно немногим.

Глобальная «феминизация» мужчин — такое же упрощение, как всеобщая «маскулинизация» женщин. Речь идет о снятии нормативных запретов и ограничений, что позволяет проявиться индивидуальным свойствам, не обязательно связанным с полом. Половые различия при этом становятся более индивидуализированными и тонкими.

6. Сохраняет актуальность и такая особенность «мужского характера» как *агрессивность и склонность к насилию*. Эта проблема вызывает особенно жаркие споры среди ученых и публицистов.

Одни авторы утверждают, что мужчины самой природой предназначены быть насильниками и агрессорами, потому что агрессивное поведение детерминируется и стимулируется тестостероном, а попытки его модификации эквиваленты кастрации или психологической девирилизации мужчин. Другие, напротив, считают мужскую агрессивность следствием неправильного воспитания мальчиков и требуют его изменения. По мнению

популярной американской писательницы Мириам Мидзьян, автора книги *Мальчики останутся мальчиками. Как разорвать связь между маскулинностью и насилием*¹⁵ (1991), спасти человечество от мужской агрессивности можно путем радикального изменения воспитания мальчиков. Мальчиков нужно с раннего детства готовить к отцовству, учить мирно разрешать конфликты, а также поощрять участие отцов в воспитании детей. Над поведением взрослых мужчин также нужен контроль и цензура. Следует запретить все виды агрессивных спортивных игр, включая футбол и бокс, дети должны смотреть по ТВ только специальные программы, без агрессии и секса, подросткам не следует продавать диски хеви-металл и т. д.

Лично я скептически отношусь к подобным рекомендациям, в основе которых лежит желание вывести новую породу смирных «домашних» мужчин. Мужская агрессивность действительно имеет природные предпосылки, но она не является чисто биологическим феноменом и не всегда бывает антисоциальной. Понятия агрессии и насилия (*violence*) не совпадают, и оба явления могут быть как антисоциальными, так и вполне нормативными. Под агрессивностью многие психологи понимают высокую соревновательность, энергию, предприимчивость, готовность и умение отстаивать свои интересы, стремление к власти и т. п. Вероятность сочетания этих мотивов или их реализации с применением насилия зависит, с одной стороны, от принятых в обществе методов разрешения конфликтов и наличия так называемой «культуры насилия», а с другой — от индивидуальных особенностей личности.

В животных и примитивных человеческих сообществах эти два момента часто переплетаются. В книге Ричарда Рэнгэма (известный приматолог, профессор биологической антропологии Гарвардского университета) и Дейла Петерсона *Демонические самцы. Обезьяны и происхождение человеческого насилия*,¹⁶ получившей высокую оценку специалистов-приматологов, приводятся страшные, но убедительные данные о жестокости и агрес-

¹⁵ Miriam Miedzian, *Boys will be boys: Breaking the link between masculinity and violence* (New York: Doubleday, 1991).

¹⁶ R. Wrangham and D. Peterson, *Demonic Males. Apes and the Origins of Human Violence* (Boston: Houghton Mifflin, 1996).

сивности самцов, причем именно эти качества обеспечивают конкретному самцу высокий ранг и господствующее положение в стаде. Однако формы и характер внутригруппового насилия (против кого оно направлено и в чем проявляется) зависят от особенностей видового образа жизни. У некоторых видов самки прибегают к насилию чаще, чем самцы, а кое-где самцы вообще весьма миролюбивы.

У человека соотношение агрессии, доминантности, насилия и антисоциального поведения еще сложнее. Механически вывести его из уровня тестостерона невозможно. Во-первых, нужно различать базовый, более или менее постоянный уровень тестостерона и его временные, ситуативные флуктуации. Во-вторых, надо различать соревновательно-доминантное и агрессивно-насильственное поведение. В-третьих, между уровнем тестостерона и поведением существует обратная взаимосвязь. Замеры уровней тестостерона в ситуации соревнования (испытывались участники теннисных и борцовских соревнований, студенты-медики после экзамена и соискатели должностей после собеседования) показали, что у победителей уровень тестостерона резко повышается, а у проигравших остается тем же или снижается. При этом ключевым фактором был не сам по себе тестостерон, а достижение успеха: в результате переживания успеха, достижения в борьбе секреция тестостерона повышается, но предсказать по уровню тестостерона, кто победит, невозможно. Кстати, это верно и для женщин.¹⁷

Как показывают психологические исследования, отнюдь не все мужчины и мальчики напористы и агрессивны. Агрессивность мальчишеских групп и мужских компаний — не столько индивидуально-психологический, сколько групповой феномен: сильным и агрессивным мальчикам легче завоевать господствующее положение в иерархической структуре мальчишеской группы. Это способствует утверждению соответствующего стиля взаимоотношений и системы ценностей, которые предъявляются остальным в качестве нормы независимо от их индивидуаль-

¹⁷ Theodor D. Kemper, *Social structure and testosterone: Explorations in the socio-bio-social chain* (Rutgers University Press, 1990). Новейшие данные о связи тестостерона и доминантности у мужчин см. круглый стол по статье: A. Mazur and A. Booth, «Testosterone and Dominance in Men», *Behavioral and Brain Sciences*, 1998, vol. 21, pp. 353-397.

ных качеств. Мальчики учат друг друга драться, быть «крутыми» и не допускать «нежностей телячьих».

Отождествление маскулинности с насилием психологически типично не столько для сильных, сколько для слабых мужчин, которые не уверены в своей маскулинности и которым кажется, что их всюду подстерегают опасности. Это характерно, в частности, для многих политических экстремистов, как ультраправого, так и ультралевого толка. Американский террорист Тимоти Мак-Вей, устроивший знаменитый взрыв в Алабаме, по воспоминаниям его армейских сослуживцев, был весьма ранимым и неуверенным в себе человеком, который из всех сил старался казаться «крутым». В автобиографии лидера американских ультраправых Пэта Буканана обращают на себя внимание рассказы не только о его бесчисленных драках в школе, но и о тиране-отце, который подвергал сына регулярным поркам. При этом и дома, и в школе действовал строгий запрет на выражение нежных чувств: «Обнаружение эмоции и чувства считалось недостойным мужчины, мы должны были стоически относиться к боли».¹⁸

Психологи предполагают, что более терпимое и доброжелательное отношение к проявлениям эмоциональной чувствительности у мальчиков способствует снижению накала их потенциальной агрессивности, а социальный плюрализм позволяет ей локализоваться в каких-то социально приемлемых каналах (соревновательный спорт или рок-музыка). На этом основана педагогическая стратегия психологического «разоружения» мужчин и воспитания мальчиков в духе мира и сотрудничества.

В сентябре 1997 года ЮНЕСКО провела даже специальное совещание экспертов на тему «Роль мужчин в перспективе культуры мира». В своем докладе «Оружие и мужчина» Роберт Кон-нел говорил, что «есть более чем убедительные свидетельства того, что основными проводниками насилия в современном мире являются мужчины, а его культурной основой в большинстве обществ служит мужской характер». В результате пятидневных дискуссий эксперты «пришли к выводу, что работа, связанная с ролью мужчин в свете проблем насилия и мира, может быть успешной только в рамках более широкого движения в

¹⁸ Цит. по: D. Savran, *Taking it like a man. White masculinity, masochism and contemporary American culture* (Princeton University Press, 1998), p. 209.

направлении равенства между мужчинами и женщинами и отказа от насилия» и сделали ряд социально-педагогических рекомендаций, вроде того, что школьная система должна «прививать мальчикам, девочкам и преподавателям навыки разрешения конфликтов, выражения эмоций и межгрупповой коммуникации» и «разрабатывать учебные планы и учебники, которые наглядно свидетельствуют о ненасильственном и неагрессивном поведении мужчин».

7. Сохраняются и некоторые особенности мужской *сексуальности*. При всем выравнивании мужских и женских сексуальных сценариев, молодые мужчины по-прежнему отождествляют маскулинность с сексуальностью, осмысливая последнюю главным образом количественно — размеры пениса, сила эрекции, частота сношений и количество женщин.

Мужская сексуальность остается более экстенсивной, предметной, не связанной с эмоциональной близостью, и переживается не как отношение, а как завоевание и достижение. Почти каждый юный Вертер по-прежнему втайне завидует Дон Жуану. Многие юноши ассоциируют взрослость с началом сексуальной жизни, причем вирильность отождествляется с потенцией, а ее реализация — с агрессией и насилием. Печальное подтверждение этого — статистика изнасилований: около четверти всех изнасилований и половину сексуальных преступлений против детей совершают подростки и юноши.

Как и в других случаях насильственной агрессии, сексуальное насилие является совместным результатом переплетения социокультурных и индивидуально-психологических факторов. Американские студенты, совершившие сексуальные нападения на женщин, отличаются прежде всего сексистскими установками, отношением к женщине как объекту, причем эти установки разделяют друзья и товарищи этих молодых людей. В то же время важнейшая психологическая черта молодых мужчин, ведущих интенсивную сексуальную жизнь и имеющих связи с большим количеством женщин — любовь к новизне и риску, с которой коррелируют гипермаскулинность, физическая привлекательность, эмоциональная раскованность и повышенный уровень тестостерона.¹⁹ Иными сло-

¹⁹ A. F. Bogaert and W. A. Fisher, «Predictors of university men's number of sexual partners», *Journal of Sex Research*, 1995, vol. 32, # 2, pp. 119-130.

вами, эти молодые люди объективно сексуальнее других и полнее персонифицируют в себе традиционные ценности маскулинности — предприимчивость, смелость, раскованность, любовь к риску и т. д. Это дает им серьезные преимущества перед сверстниками. По данным американского лонгитюдного исследования,²⁰ мальчики, которые обладали наибольшей популярностью среди сверстников в 6 классе, не только сохранили свое ведущее положение в старших классах, но и раньше других начали сексуальную жизнь и имели больше сексуальных партнеров. Это значит, что девушки любят тех же самых мальчиков, которые пользуются популярностью в мальчиковых группах. Но — обратная сторона медали — именно эти юноши наиболее склонны проявлять сексуальную агрессию и злоупотреблять доверием своих подруг, а также пить и пользоваться наркотиками.

Этот пример убедительно показывает несостоятельность любых простых решений. С моральной точки зрения, Дон Жуан — фигура отрицательная, безнравственная и социально опасная. Но даже оставив в стороне его потенциальную репродуктивную ценность (в свете эволюционной биологии, Дон Жуан производит больше потомков, чем застенчивый Вертер, а его активность и энергия могут быть социально полезными), он нравится многим женщинам и гомосексуальным мужчинам. Перевоспитать его едва ли возможно, если же его истребить — пострадают все те, кому он нравится (даже если им приходится из-за него плакать). А в свете логики сохранения окружающей среды, Дон Жуан имеет не меньше прав на существование, чем уссурийский тигр, — тоже не бог весть какой вегетарианец.

Столь же привлекательные и столь же опасные типы, с аналогичными психофизиологическими свойствами, есть и среди женщин. Кармен на роль положительной женщины-матери явно не годится. Но если «мамы всякие нужны, мамы всякие важны», то и папы тоже.

²⁰ S. S. Feldman et al., «Pathways to early sexual activity: A longitudinal study of the influence of peer status», *Journal of Research in Adolescence*, 1995, vol. 5, pp. 387-412.

4. Заключение

Трансформация традиционных мужских ценностей и канонов маскулинности — общее неумолимое требование времени. Нравится он нам или нет, этот процесс давно уже идет во всем мире, включая постсоветские страны. Но смешение дескриптивных, аскриптивных и прескриптивных черт маскулинности может порождать опасные иллюзии.

Хотя каноны маскулинности и фемининности взаимосвязаны, женские жизни и образы меняются и обновляются быстрее мужских, а женские представления о мужчинах и представления мужчин о самих себе часто не совпадают. При этом одни склонны преувеличивать, а другие — преуменьшать масштабы происходящих перемен.

Хотя традиционный канон (точнее — каноны) маскулинности претерпевает существенные изменения, эта трансформация имеет объективные границы, обусловленные, с одной стороны, рамками полового диморфизма, а с другой — индивидуально-типологическими различиями. Идея планомерного систематического перевоспитания мужчин по единому образцу кажется мне такой же утопией, как задача создания «нового человека», о которую разбилась Советская власть. Сексуальный большевизм — обратная сторона сексизма, прикрывающая наивный моральный императив Вороньей слободки: «Как захочем, так и сделаем!». Несмотря на все социальные изменения, по некоторым своим параметрам «мир останется прежним — восхитительно снежным и сомнительно нежным» (Иосиф Бродский).

Тем не менее мир явно становится все более многоцветным. Индивидуализация и плюрализация социального бытия влечет за собой неизбежность признания не только разных типов маскулинности/фемининности, но и таких индивидуальных стилей жизни, которые вообще не вписываются в эту дихотомию.

Чем лучше мужчины и женщины будут знать сами себя и друг друга, тем меньше у них будет разочарований.

Гендерная проблематика в праве: права женщин

Светлана Поленина

1. Права женщин в контексте прав человека

Проблема прав женщин является неотъемлемой составляющей проблематики прав человека, как одного из важнейших достижений цивилизации. С момента зарождения движения за права человека и принятия первых исторических документов в защиту прав человека (Декларация прав человека и гражданина во Франции и Декларация независимости в США) состоялись первые выступления женщин в защиту своих политических и гражданских прав, и были приняты документы, требующие признания прав женщин.

В то же время на протяжении почти двух столетий признание прав женщин отставало от признания прав мужчин. Напомним, что во Франции женщины получили право голоса через 150 лет после Великой Французской революции, а в США женщины только в 90-х годах 20 века приобрели по закону право на отпуск по беременности и родам. Даже в весьма прогрессивных в этом отношении Скандинавских странах термин «кормилец» отождествлялся вплоть до 70-х годов 20 века в законах и правоприменительной практике только с лицом мужского пола — мужем и отцом. Дольше всех среди европейских стран «сопротивлялась» признанию формального равенства прав мужчин и женщин Швейцария. Лишь в 1968 г. после неоднократных безуспешных попыток мужчины-парламентарии Швейцарии проголосовали наконец за предоставление женщинам избирательных прав.

Важный этап в истории международного движения за права человека и признание прав женщин начался после событий Второй Мировой войны. Одним из первых шагов созданной вскоре после окончания войны, в июне 1945 г., Организации Объе-

диненных Наций было принятие 10 декабря 1948 г. хартии прав человека — Всеобщей декларации прав человека.¹ Одно из важнейших положений Всеобщей декларации прав человека закреплено в ст. 2. В ней указывается, что каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными в Декларации, без какого бы то ни было различия, как то: в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения. На базе этой статьи Всеобщей декларации прав человека в последующие пятьдесят лет 20 в. и развивалось все международное и национальное антидискриминационное законодательство.

Основываясь на Всеобщей декларации прав человека, 4 ноября 1950 г. был принят важный, а главное, эффективный региональный международный документ — Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. В ст. 14 Европейской конвенции по аналогии со ст. 2 Всеобщей декларации прав человека закреплено, что обладание правами и свободами, изложенными в Конвенции, должно обеспечиваться без дискриминации на основе пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических и иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, собственности, рождения или иного статуса.

Следующий этап развития мирового сообщества в вопросе прав человека — одновременное принятие в 1966 г. двух международных пактов: о политических и гражданских правах и о социально-экономических и культурных правах. Названные Международные пакты, помимо даты принятия, имеют много общего и в содержательном плане. Как и во Всеобщей декларации прав человека, в пактах содержатся статьи, запрещающие дискриминацию людей по какому-либо основанию, в том числе и по признаку пола. Объединяет эти три международных документа, равно как и Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод, и то обстоятельство, что все они представляют собой хартии прав и свобод индивидуума — отдельно взятого человека и гражданина. Не случайно Всеобщая декла-

¹ Карташкин В.А. Права человека в международном и внутригосударственном праве. М., 1995. С. 30.

рация прав человека открывается словами: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах» (ст. 1).

Между тем такая формулировка, отражая естественную природу прав человека, полностью игнорирует их социальный характер. Применительно к половине человечества — женщинам приведенное определение прав человека не учитывает зависящий не только от природы и самого человека, но и от общества факт: подлинная свобода личности предполагает не только равенство прав, но и равенство возможностей их осуществления. А именно таких возможностей у женщин на протяжении всей эпохи патриархата не было и нет. Причем не только и не столько у каждой отдельно взятой женщины, сколько у всех женщин как определенного социального слоя того или иного отдельного государства и даже в разрезе всего мирового сообщества.

Отказ от тезиса об исключительно индивидуальном характере прав человека и переход к признанию прав женщин как особой социальной группы, в первую очередь подверженной дискриминации, связан с возникновением третьего (после политических, гражданских и социально-экономических прав) поколения прав человека. Оно охватывает права тех категорий граждан, которые по социальным, политическим, физиологическим и иным причинам не имеют равных с другими гражданами возможностей осуществления общих для всех людей прав и свобод и в силу этого нуждаются в определенной поддержке со стороны как государства, так и международного сообщества в целом. Круг носителей таких коллективных прав достаточно широк. Он включает, в частности, молодежь и пенсионеров, инвалидов и безработных, беженцев и лиц некоренной национальности. Однако в эпицентре этого круга стоят женщины, поскольку они не только нуждаются в особой защите государства, так как в силу причин, прежде всего, физиологического характера не имеют равных с мужчинами возможностей осуществления общих для всех людей прав человека, но и могут быть одновременно подростками, престарелыми, инвалидами, беженцами, мигрантами, безработными и т. д., иными словами, ущемленными в реализации прав и свобод также и по этим основаниям.

Вот почему уже в 1967 г. ООН приняла Декларацию о ликвидации дискриминации в отношении женщин, а в 1979 г. — Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отно-

шении женщин. Наиболее существенное значение с точки зрения защиты индивидуальных и коллективных прав женщин имеют статьи 1 и 4 Конвенции ООН 1979 г. В первой из них дается легальное определение понятия «дискриминация в отношении женщин», во второй разъясняется, какие временные меры не считаются дискриминационными применительно к мужской половине человечества. Согласно ст. 1 Конвенции 1979 г., «понятие «дискриминация в отношении женщин» означает любое различие, исключение или ограничение по признаку пола, которое направлено на ослабление или сводит на нет признание или осуществление женщинами независимо от их семейного положения, на основе равноправия мужчин и женщин, прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной, гражданской или любой другой области». Вместе с тем согласно ст. 4 Конвенции ООН 1979 г. не считается дискриминационным принятие государствами-участниками не только мер по охране материнства, но и «временных специальных мер, направленных на ускорение установления фактического равенства между мужчинами и женщинами». Однако такие временные специальные меры должны быть отменены, когда будут достигнуты цели равенства возможностей и равноправного положения мужчин и женщин.

Тем самым Конвенция ООН 1979 г. внесла существенные коррективы в трактовку прав человека, установившуюся со времен Французской революции 18 в. Впервые мировым сообществом в один ряд с категориями «свобода» и «равенство» как предпосылками и сущностью прав человека была поставлена категория «справедливость».

Семидесятые годы 20 в. — период своеобразной эйфории международного сообщества применительно к вопросу возможностей скорейшего достижения женского равноправия. 1975 год был объявлен Генеральной Ассамблеей Международным годом женщины, а период с 1976 по 1985 годы — Десятилетием женщины Организации Объединенных Наций под девизом: «Равенство, развитие, мир». Принятие Конвенции ООН 1979 г. поставило задачу выравнивания прав и возможностей мужчин и женщин на правовую основу. Впервые появился специально посвященный этой проблеме международный документ принципиального значения. Однако к концу Десятилетия женщины ООН ситуация стала существенно меняться не в лучшую сторону.

Всемирная конференция по положению женщин (Найроби, Кения, 1985 г.) сочла не оправдавшимися надежды на ускорение экономического роста развивающихся стран, что должно было позволить расширить масштабы участия женщин в процессах их экономического и социального развития. Все это явилось серьезным препятствием и поставило под угрозу не только выполнение новых программ для женщин, но и возможность осуществления уже начатых программ. Поскольку цели Десятилетия женщины — равенство, развитие и мир — носят широкий, взаимосвязанный характер, достижение либо недостижение одной из них содействует или препятствует осуществлению других. Таким образом, вопросы экономики, находящейся преимущественно в руках мужчин во всех странах мира, в очередной раз стали препятствием на пути решения «женского вопроса» в масштабах Земли.

Существенный вклад внесла Найробийская конференция и в трактовку понятия «равенство полов». Равенство стало рассматриваться не просто как правовое понятие, то есть ликвидация дискриминации *de jure*, но и как равенство прав, обязанностей и возможностей для участия женщин в процессе развития не только в качестве пользователей его благами (бенефициаров), но и в качестве активной действующей силы. В масштабах Европы и прежде всего Скандинавских стран возросшим требованиям международного сообщества к равноправию полов соответствовала постепенная трансформация правового государства в правовое социальное государство. Происходило это под влиянием многих разнообразных факторов. Один из них, и весьма существенный, — активизация движения женщин за свои права, оказавшая воздействие на развитие не только национального права отдельных государств, но и международного права.

Наиболее страдающими в условиях военной конфронтации и любых вооруженных конфликтов оказываются женщины и дети. В связи с этим в повестку дня Всемирной конференции по правам человека, состоявшейся летом 1993 г. в Вене, был впервые включен в качестве самостоятельного пункта повестки дня вопрос о правах человека женщины, как неотъемлемой, составной и неделимой части всеобщих прав человека. В принятых Венской конференцией документах провозглашается, что нарушения прав женщин в ситуациях вооруженных конфликтов являются нарушениями основополагающих принципов между-

народного права в области прав человека и гуманитарного права. В Декларации конференции подчеркивается также важность работы по прекращению насилия в отношении женщин в общественной и частной жизни, ликвидации всех форм сексуальных посягательств, эксплуатации и незаконной торговли женщинами, по устранению пагубных последствий, связанных с определенной традиционной или укоренившейся в обычаях практикой, предрассудками, обусловленными культурой, и с религиозным экстремизмом.

Всемирная конференция по правам человека в Вене рекомендовала Генеральной Ассамблее принять Декларацию о насилии в отношении женщин и настоятельно призвала государства бороться против этого позорного явления. В том же году — 20 декабря 1993 г. — была принята Декларация об искоренении насилия в отношении женщин. В ней государства — члены ООН обязываются включать в доклады о правах человека, предоставляемые в органы ООН, информацию, касающуюся насилия в отношении женщин и принимаемых по его искоренению мер, а также анализ тенденций в данном вопросе. Был также назначен Комиссией ООН по правам человека специальный докладчик по вопросу о насилии в отношении женщин.

Важным этапом в истории международного женского движения и борьбы за права женщин стала IV Всемирная конференция по положению женщин (Пекин, 1995 г.), собравшая 35 тысяч участниц из разных стран мира. В ее документах констатируется значительное ухудшение за истекшее десятилетие положения женщин во всем мире, в том числе и в связи с отсутствием надлежащих контрольных механизмов на международном и национальном уровнях. Соответственно разработаны предложения, призванные способствовать восполнению этого пробела как всем международным сообществом, так и каждым государством, ратифицировавшим Конвенцию ООН «О ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин».

Значение Пекинской конференции по положению женщин не ограничивается констатацией факта углубления дискриминации женщин во всем мире и выработкой мер по искоренению этого позорного явления. Политической целью конференции был не только теоретический анализ современной ситуации и обмен опытом политического участия женщин, но, в первую очередь, усиление реального женского политического влияния, фор-

мирование и демонстрация единой политической позиции женщин из различных стран, с проявлением которой международное сообщество обязано считаться.² Именно с дальнейшим объединением сил женских организаций на национальном и глобальном уровне и опорой на международно-правовые документы и международные организации связывают женщины всего мира свои надежды на конечное торжество справедливости в вопросе достижения обоими полами равных прав и равных возможностей по их реализации.

Современная ситуация в сфере реализации прав женщин еще более обостряется спецификой развития современного постиндустриального общества. По мнению некоторых экономистов, такое общество, утверждая принципы свободы, не утверждает принципов равенства. Более того, делается вывод, что «последние два десятилетия сформировали базу основного противоречия постэкономического общества — конфликта социальных сил, стремящихся соответственно к свободе и равенству. Никогда ранее эти две составляющие социалистического идеала не были столь враждебными, как сегодня».³ Все это с особой остротой ставит перед международным и национальным женским движением задачу борьбы за подлинное гендерное равноправие как для живущих ныне людей, так и для будущих поколений.

2. Право женщин на жизнь, здоровье, достоинство и личную неприкосновенность

Право на жизнь

Право на жизнь — одно из основных прав каждого человека, независимо от пола. В широком смысле оно охватывает и право на здоровье, достоинство и личную неприкосновенность. На первый взгляд может показаться, что в вопросах реализации этих прав положение мужчин и женщин должно быть в основном равным. В реальности дело обстоит совсем не так. Это обуслов-

² Клименкова Т.А. Женщина как феномен культуры. Взгляд из России. М., 1996. С. 139.

³ Иноземцев В. Эксплуатация: феномен сознания и социальный конфликт // Свободная мысль. 1998, № 2. С. 85.

лено тем, что для многих культур, особенно в Азии и Африке, характерно предпочтительное отношение к детям мужского пола в ущерб дочерям. Подобное предпочтение, проявляющееся в самой различной практике, связано с целым рядом патриархат-ных ценностей и позиций, которые сложились с переходом к оседлому сельскому хозяйству и закреплением права наследования на землю по мужской линии.

В географическом плане районы, в которых предпочтение явно отдается детям мужского пола, часто совпадает с районами, в которых плохо развита система здравоохранения для женщин, что нередко прямо отражается на показателях младенческой и детской смертности. Однако, в целом предпочтение детям мужского пола — это повсеместное явление, которое не ограничивается развивающимися странами или сельской местностью.

Достижения научно-технического прогресса также нередко используются как средство дискриминации права женщин на жизнь. Современные методы исследования, такие как амнио-центез и ультразвук, дают возможность определить загодя пол ребенка. На практике это часто приводит, особенно в странах Южной и Юго-Восточной Азии, к «выбраковке» девочек еще до их рождения. Не ушло в прошлое и такое варварское явление как умерщвление новорожденных девочек. В некоторых общинах в Южной Азии низкий статус девочек должен компенсироваться выплатой ее родителями приданого ее мужу, когда она выходит замуж. В этой связи совершаются самые различные преступления, включая моральные и физические пытки, лишение пищи, изнасилования и даже сжигания женщин живьем их мужьями и/или родственниками в тех случаях, когда приданого нет.⁴

Страшным образом калечат женщин и девочек операции на вульве — удаление хирургическим путем некоторых или всех наиболее чувствительных частей женских половых органов (женское обрезание). Эта вековая практика преследует прежде всего цель обеспечения сохранения женщиной девственности до брака и гарантию ее целомудрия впоследствии. Фактически такие операции приносят женщинам и девочкам целый ряд медицинских осложнений и многие психологические пробле-

⁴ Там же. С. 18, 29-30.

мы. Подобного рода изуверские операции практикуются по крайней мере в 25 странах Африки.⁶ Переезд на постоянное жительство граждан этих стран в Европу и Северную Америку поставил на повестку дня вопрос о борьбе с такого рода явлениями и там. В Швеции закон о запрещении женского обрезания был принят в 1982 г., а в Соединенном Королевстве — в 1985 г. В Норвегии персонал всех больниц предупрежден о недопустимости проведения калечащих операций на вульве.

Призывы покончить с ущемлением права женщин на жизнь, здоровье, достоинство и личную неприкосновенность неоднократно звучали на самых высших международных форумах. В соответствии с рекомендацией Всемирной конференции по правам человека (Вена, 1993), Комиссией по правам человека был назначен специальный докладчик по вопросу о насилии в отношении женщин, а Генеральной Ассамблеей 20 декабря 1993 г. принята Декларация об искоренении насилия в отношении женщин. Много внимания было уделено этому вопросу и на VI Всемирной конференции по положению женщин (Пекин, 1995).

Право на здоровье

Право на здоровье для женщин во многом определяется тем, имеется ли у женщин весь комплекс *репродуктивных прав* и могут ли они реально ими пользоваться. Основу репродуктивных прав граждан составляет право на планирование семьи. Практически реализовать это право можно, с одной стороны, путем предотвращения нежелательной беременности, а с другой — если она все-таки наступила, то путем ее искусственного прерывания.

Право женщин на предотвращение нежелательной беременности в принципе не отвергается сегодня ни одним светским государством, хотя и порицается подавляющим большинством религий.⁶ Однако, возможность практической реализа-

⁵ Там же. С. 13-18.

⁶ История борьбы в разных странах за право просвещения женщин в вопросах планирования семьи знает немало трагических страниц. Распространение такого рода информации нередко рассматривалось даже как уголовное преступление. Так, в США первая клиника по контролю за рождаемостью была открыта в 1916 г. в Бруклине. Через 10 дней работы полиция закрыла клинику и арестовала троих женщин — ее организаторов.

ции этого права с помощью контрацептивов в ряде стран затруднена. В одних странах этому препятствует бедность и необразованность населения, традиции и обычаи жизнедеятельности семьи, в других — недостаточный уровень знания в данном вопросе не только граждан, но и медицинских работников, отсутствие соответствующих социальных служб и т. д.

Существенно различен подход в мире к искусственному прерыванию беременности, в первую очередь, к аборту. В ходе Каирской конференции ООН по народонаселению такие несхожие группы государств как исламские и католические из Латинской Америки добились того, что аборт даже не был назван в решениях конференции как одно из средств планирования семьи. Почти во всех этих странах аборты — это уголовное преступление, даже в случае изнасилования.⁷

Право на аборт, бесспорно, является неотъемлемой частью права женщины быть хозяйкой своего тела, а в конечном счете — и своей судьбы. Право любого человека распоряжаться своим телом всегда трактовалось как существенная составная часть либеральной политической и правовой традиции. Не случайно феминистки 19 — начала 20 вв. активно использовали этот принцип в борьбе за равноправие женщин. Однако вскоре выяснилось, что в отношении права женщины распоряжаться своим телом правовое пространство либеральных свобод оказалось недостаточным. Не дала подлинной свободы женщинам в решении вопросов репродуктивного выбора и политика государственного патернализма при охране материнства и детства, которая широко практиковалась в СССР и странах Восточной Европы. Исходя из этого, некоторые западные исследователи говорят о переходе в последние десятилетия 20 в. во многих развитых странах от частного к общественному патриархату.⁸

Очень сильное влияние на политику государств, касающуюся права женщины самой решать вопрос о материнстве, оказы-

Выпущены на свободу они были лишь после объявленной дипломированной медсестрой Этель Берн голодовки в защиту принципа добровольного материнства. Сангер М. Женщина и новое поколение // Феминизм: проза, мемуары, письма. М.: Прогресс, 1992. С. 433-445.

⁷ R. Cook, ed., *Human Rights of Women. National and International Perspectives* (Philadelphia, 1994), p. 260.

⁸ S. Calsen, J.E. Larsen, *The Equality Dilemma* (Copenhagen, 1987), p. 20.

ваet религиозный фактор. В странах, где влияние религии на общественное сознание умеренно (Австрия, Бельгия, Германия, Греция, Швеция, Норвегия, Франция и др.) решение вопроса об искусственном прерывании беременности в течение первых 12 недель отдано полностью на усмотрение женщин, а после этого срока связывается с рядом медико-социальных причин. В других, где церковь, преимущественно католическая, оказывает на функционирование общества существенное влияние (Италия, Португалия, Испания, Польша и др.) свобода женщины распоряжаться своим телом и соответственно своей судьбой поставлена законом в весьма жесткие рамки. Аборт чаще всего допустим в этих странах, лишь если сохранение беременности грозит жизни или здоровью женщины, обнаружены дефекты развития зародыша либо беременность явилась результатом изнасилования или инцеста.

Как и демографический фактор, воздействие религиозного фактора на законодательное регулирование права на аборт во многом определяется соображениями государственной политики страны в тот или иной период времени. Характерным примером этого может служить, в частности, Польша. В Польше, подобно многим другим странам Восточной Европы, аборт был легализован в 1956 г. В 1993 г. под сильным воздействием католической церкви и христианских фундаменталистов, добивавшихся возврата к «христианским ценностям», возможности женщин легально избавиться от нежелательной беременности были фактически сведены к минимуму в результате принятия закона «О планировании семьи, защите человеческого зародыша в условиях, допускающих прерывание беременности».⁹ Главным аргументом в пользу его принятия был католический догмат о том, что человеческая жизнь начинается с зачатия и активное лоббирование законопроекта папой Иоанном Павлом Вторым — поляком по национальности. Протесты женской общественности, вышедшей на демонстрации под лозунгом «Мы — не

⁹ W. Nowicka, «Two Steps Back. Polands New Abortion Law», *Planned Parenthood in Europe*. June, 1993, p. 18; C. Itzin, «Pornography, Harm and Human Right», *Sexual Politics and the Europe. The Feminist Challenge*, R.A. Elman, ed. (Providence-Oxford, 1996), p. 67.

Корнилов Л. Кипят страсти вокруг проблемы аборта в Польше // Известия 23 января 1993.

детородные машины» во внимание приняты не были. В результате возросло число нелегальных аборт и поездок с целью ликвидации нежелательной беременности в другие страны, в частности, в Литву и Белоруссию. Аналогичная трансформация в законодательстве по тем же мотивам и с теми же последствиями произошла в Венгрии, где в декабре 1992 г. был принят закон «О защите жизни зародыша».

Право на достоинство и личную неприкосновенность

Право на достоинство — одно из основополагающих прав человека. С него начинается Всеобщая декларация прав человека, в статье 1 которой сказано, что «все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах». Право на достоинство провозглашается конституциями многих стран.

Достоинство человека — категория обобщающая. Она включает целый комплекс компонентов (элементов), равно как и условий, а также предпосылок соблюдения достоинства. Важнейшее среди них — личная неприкосновенность человека, которая может быть нарушена в результате применения к нему насилия. При этом насилие может исходить как от государства (его органов, должностных лиц), так и от других людей либо групп лиц. Иными словами, насилие может иметь место как в публичной, так и в частной сферах жизни, где риск подвергнуться насилию для женщин во много раз выше чем для мужчин. Поэтому Генеральная Ассамблея ООН 20 декабря 1993 г. приняла специальную Декларацию об искоренении насилия в отношении женщин, в ст. 1 которой термин «насилие в отношении женщин» расшифровывается как «любой акт насилия, совершенный на основании полового признака, который причиняет или может причинить физический, половой или психологический ущерб или страдания женщинам, включая угрозы совершения таких актов, принуждение или произвольное лишение свободы, будь то в общественной или личной жизни».

Наиболее опасной и известной формой насилия в отношении женщин, совершаемой чаще всего в общественных местах, является *изнасилование*. К сожалению, это не столь редкое явление во всех странах мира. Так, по данным кризисных центров Канады в этой, в целом благополучной стране, женщин насилуют каждые 17 минут, а одна из 4-х женщин Канады была изнасилована когда-то на протяжении жизни. В чрезвычайных об-

стоятельствах (военные действия, появление беженцев, мигрантов и др.) число изнасилований возрастает в особенности, свидетельством чего могут служить трагические события в бывшей Югославии.

К стыду человечества такое позорное явление как *домашнее насилие* имеет широкое распространение во всем мире. Формы насилия в семье весьма многогранны. Они охватывают физическое, сексуальное и психическое насилие, угрозы убийством и причинение вреда здоровью, доведение до самоубийства путем жестокого обращения с потерпевшим, принуждение к потреблению алкоголя, наркотических веществ, к занятию проституцией и многое другое. Но, пожалуй, наиболее распространенной формой насилия в семье, от которой чаще всего страдают женщины и несовершеннолетние дети — это рукоприкладство. Так, согласно официальной статистике Министерства юстиции США из 3,5 миллионов нападений на женщин, совершенных в 1995-96 гг. — почти 3 миллиона — на совести их мужей и любовников. В США создан даже особый правительственный фонд, средства которого предназначаются для специальных расследований всех домашних происшествий, кончающихся оскорблениями и избиениями женщин¹⁰.

Насилие в отношении женщин осуществляется не только в семье, но и в сфере приложения их профессионального труда — на работе, во время учебы и профессиональной подготовки. Долгие годы *сексуальные домогательства* не считались во многих странах правонарушением, если они не имели характер уголовного преступления. Страной, сломавшей такого рода стереотип, явились США, которые в 1965 г. законодательно признали правонарушением «незаконную практику нанимателя, который угрожает работнику увольнением, снижением зарплаты либо как-то иначе дискриминирует его в льготах, преимуществах, времени и условиях работы по причине его расы, цвета кожи, религии, пола или национальной принадлежности».

Дальнейшие существенные шаги по искоренению явлений сексуального домогательства на работе (*sexual harassment*) были сделаны в США в девяностые годы. Внесенные в 1991 г. дополнения к Акту о гражданских правах предоставили жертвам та-

¹⁰ Винокур Е. Бьет — значит любит // Российская газета. 1997, 18 февраля.

кого рода насилия право требовать получения компенсационных сумм. В 1992 г. Верховный Суд США разъяснил, что студентки, пострадавшие от сексуальных домогательств во время учебы, вправе требовать соответствующего возмещения от учебных заведений. В 1993 г. своим решением (по делу *Harris v. Forklift System, Inc.*) Верховный Суд США постановил, что жертве сексуального домогательства не нужно специально доказывать факт связанных с этим психических страданий.

Степень законопослушания в данном вопросе в США достаточно велика. Этому в немалой степени способствует широко поставленный за такого рода действиями контроль в университетах, школах, государственных учреждениях и частных предприятиях. Считается, что примерно в 75% всех американских компаний существует служба контроля за фактами сексуального домогательства и предотвращения их¹¹.

Для того, чтобы представить себе реальнее картину борьбы с насилием на работе в США, интересно ознакомиться с широко распространенной в этой стране памяткой по технике безопасности и способам самозащиты от сексуальных домогательств, составленной в соответствии с Актом о гражданских правах США 1991, рекомендациями федеральной комиссии по равным рабочим возможностям США, инструкцией по предотвращению дискриминации и сексуального домогательства ВВС США и инструкцией Министерства труда США¹². Как сексуальные домогательства в этой памятке квалифицируются следующие действия, если они производятся без предварительного согласия потерпевшего (потерпевшей): 1) сексуальные притязания в любой (скрытой или явной) форме; 2) просьбы о сексуальных услугах; 3) прочие словесные или физические действия сексуального характера.

В памятке содержится таблица основных типов сексуального домогательства. Их названо шесть: 1) оскорбления; 2) приглашения; 3) обещания; 4) принуждения; 5) прикосновения; 6) иные виды. Оскорблением считается высказывание суждений и выражений, дискриминирующих или оскорбляющих собесед-

¹¹ N. Y. Benokraitis, *Modern Sexism: Blatant, Subtle and Covert Discrimination*, 2-ed. (New Jersey, 1994), pp. 3-4.

¹² Столица. 1997, № 2.

ника по половому признаку в любой форме. Приведены такие примеры оскорблений — оскорбительные реплики типа «все бабы одинаковы»; оскорбляющие надписи на стенах, неприличные шутки или любой юмор на тему сексуальных отношений в присутствии представителей противоположного пола или собственного пола без их предварительного согласия.

В качестве сексуального домогательства рассматриваются нежелательные и/или оскорбительные приглашения к совместным действиям, которые могут быть расценены как сексуальные или связанные с сексом. Например, неоднократно повторяемые приглашения к сексу; предложения совместно позавтракать, пообедать, поужинать или выпить; телефонные звонки, письма и прочие приглашения к контакту, не имеющему отношения к работе. Сексуальным домогательством считаются также обещания, т. е. предложения к сексуальной активности или другим, связанным с сексом, действиям, если они дополняются обещанием любой формы вознаграждения (в явном или скрытом виде). Например, фразы типа: «Дорогуша, загляните ко мне в кабинет и мы решим вопрос о вашей премии» или ситуации, когда шеф приглашает вас провести совместно выходные, обещая в случае согласия сильно повысить вам зарплату. Названа в памятке и такая форма сексуальных домогательств как принуждение, т. е. принуждение к сексу или связанным с сексом действиям (поступкам) под угрозой наказания или порицания в любой форме. Примером могут служить приглашения шефа провести с ним выходные под угрозой быть уволенной или переведенной без вашего согласия на другую работу либо просьба секретарше одеваться более сексапильно, если она хочет продолжать работать на этом месте.

Проблема сексуальных домогательств на работе актуальна и в Старом свете. Исследования показывают, что правонарушения такого рода — не изолированный феномен, а скорее малоприятный и неустраняемый аспект трудовой жизни миллионов женщин Европы¹³. В этом усматривается серьезное препятствие на пути интеграции женщин на рынок труда. Не случайно Европейская комиссия дважды (в 1991 и 1993 гг.) обращалась к это-

¹³ В 1984 г. по данным Европейской комиссии 1 из 10 проживающих в странах Европейского Союза и работающих по найму женщин показали, что их сексуально домогались на работе: *Sexual Politics and the European Union*, p. 39.

му вопросу, принимая соответствующие рекомендации. Главная задача этих рекомендаций состояла в том, чтобы разъяснить членам Европейского Союза факт расхождения практики сексуальных домогательств принципу равного обращения, зафиксированному в директиве о равном обращении, принятой в 1976 г. Европейским Судом справедливости. В соответствии с этими рекомендациями было уточнено национальное законодательство государств-участников Европейского Союза.¹⁴

3. Право женщин на образование и свободу выбора жизненного пути

Право на образование

В Венской декларации и Программе действий по правам человека особо обращается внимание на то, что «система образования во всех государствах должна быть направлена на укрепление уважения к правам человека и основным свободам». Пекинская конференция по положению женщин конкретизировала эту задачу применительно к девочкам и женщинам. Признано необходимым поощрять во всемирном масштабе ориентированное на человека устойчивое развитие, включая неуклонный экономический рост, на основе предоставления девочкам и женщинам базового образования, непрерывного образования, возможностей для получения грамотности и профессиональной подготовки, а также первичной медико-санитарной помощи. Подчеркнуто, что максимальное развитие способностей девочек и женщин всех возрастов обеспечит их всемерное и равное участие в построении более совершенного мира для всех и повысит их роль в процессе развития.

Оснований для беспокойства у мировой общественности по данному поводу более чем достаточно. В 1990 г. общее число неграмотных людей во всем мире почти достигло миллиарда человек (948 миллионов). В странах Южной Азии и арабских государствах неграмотным являлся каждый второй взрослый. Особенно велика доля неграмотных среди женского населения развивающихся стран. В Африке 64% женщин не умеют читать

¹⁴ Ibid., p. 28-29.

или писать. На долю Азии приходится 77% от общего числа неграмотных женщин в мире. Даже в такой стране как США по данным Департамента образования 20% американцев в возрасте старше 17 лет владеет лишь элементарными навыками чтения и письма. Значительную часть среди них образуют именно женщины.¹⁵

Право женщин на свободу выбора жизненного пути

Способность женщин производить на свет потомство не могла не оказать существенного влияния на восприятие обществом материнства как естественного предназначения женщин. Промышленная, а впоследствии и научно-техническая революции внесли в эту картину существенные коррективы. Женщины, не утратив своей материнской функции, стали активно участвовать в общественном производстве, заметно повысилась также гражданская активность женщин.

К началу третьего тысячелетия в развитых странах сложились две основные модели участия женщин в общественном производстве. Первая из них характерна для стран с развитой рыночной экономикой. Дилемма «дети — карьера» разрешается в этих странах женщинами чаще всего путем ухода женщин с работы после появления детей и возвращения их на работу, когда дети подрастут. Распространенным вариантом этой модели является переход женщины после рождения детей на работу неполный рабочий день либо неполную рабочую неделю. Вторая модель сложилась в СССР и других странах Восточной Европы в период социализма и в значительной мере сохранилась на этом пространстве и в новой экономической, политической и социальной ситуации. Суть этой модели состоит в том, что подавляющая часть женщин трудоспособного возраста учится либо работает полный рабочий день. При этом государство обязуется взять на себя значительную часть хлопот и забот, связанных с жизнедеятельностью семьи, уходом за детьми и их воспитанием.

¹⁵ M. Ballard, *Woman and Literacy* (London: Zed Books, 1991), pp. 6, 10.

4. Права женщин в экономической и социальной сферах

Право на труд

Становление института прав человека на международном и национальном уровнях прошло целый ряд этапов. В числе важнейших из них должно быть по справедливости названо отпочкование от гражданского (частного) права области регламентации отношений, связанных с наймом рабочей силы — трудового права. В современных условиях трудовое право занимает особое промежуточное положение между частным и публичным правом, поскольку эта сфера жизнедеятельности людей (предпринимателей и работников) затрагивает не только частный, но и публичный интерес и, следовательно, должна в определенной степени контролироваться государством и обществом. На международной арене этому корреспондировало создание Международной Организации Труда (МОТ), деятельность которой базируется на принципе трипартизма, предполагающем участие в работе МОТ представителей не только правительств, входящих в МОТ стран, но и представителей предпринимателей и трудящихся в лице соответствующих профсоюзов.

За последнее десятилетие доля женщин как части мировой рабочей силы продолжает возрастать. По данным ООН ныне женщины составляют 40% работающих в сельском хозяйстве, 25% — в промышленности и одну треть — в сфере обслуживания. При этом почти повсеместно женщины чаще работают вне домашнего хозяйства. Отмечая данный факт, IV Всемирная конференция по положению женщин одновременно подчеркивает, что параллельно этому процессу в мире не произошло сокращения обязанностей женщин по выполнению неоплачиваемого труда в домашнем хозяйстве и в обществе. И такое положение неслучайно, поскольку в большинстве регионов мира женщины не принимают практически участия в процессе формирования экономических решений, включая разработку финансовой, бюджетной, коммерческой и других видов экономической политики, в том числе системы налогообложения и норм, регулирующих заработную плату. А именно в рамках такой политики лицами обоего пола принимаются решения о том, как разделить свое время между оплачиваемым и неоплачиваемым трудом.

Таким образом экономическая политика непосредственно влияет на доступ мужчин и женщин к экономическим ресурсам, на их экономические возможности и, соответственно, на степень равенства между ними на индивидуальном уровне и на уровне семьи, а также в обществе в целом.

Конвенция 1979 г. «О ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин» уделяет значительное внимание проблеме равноправия полов в области занятости. Государства-участники призваны обеспечивать на основе равенства мужчинам и женщинам: 1) право на труд как неотъемлемое право всех людей; 2) право на одинаковые возможности при найме на работу, в том числе применение одинаковых критериев отбора при найме; 3) право на свободный выбор профессии или рода работы, на продвижение в должности и гарантию занятости; 4) право на равное вознаграждение; 5) право на социальное обеспечение и на оплачиваемый отпуск; 6) право на охрану здоровья и безопасные условия труда. Несоблюдение этих требований трактуется Конвенцией как дискриминация по признаку пола. В свою очередь дискриминация, как показывает практика, может проявляться в прямой или косвенной (скрытой) форме. Этот факт особо подчеркивался на Всемирной конференции по правам человека (Вена, 1993 г.), призвавшей государства мира ликвидировать все формы скрытой и открытой дискриминации женщин.

В сфере экономики, как и в других областях жизнедеятельности людей, приходится сталкиваться с обоими формами дискриминации по признаку пола, которые могут проявиться как в законах и иных нормативных предписаниях, так и в механизме их претворения в жизнь. При этом спектр таких дискриминационных норм и действий может охватывать всю сферу трудовых отношений — найм на работу, содержание тестов при приеме на работу, надбавки к зарплате, продвижение по службе, условия работы неполный рабочий день и, конечно, увольнение.¹⁶

Право лиц обоего пола на равное вознаграждение за труд равной ценности

Право на равные условия в отношении труда равной ценности, а также на равный подход к оценке качества труда —

¹⁶ *Frauen in Europa* (Bonn, 1994), S. 8-11.

непременное требование Конвенции ООН 1979 г. о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Этому же вопросу посвящена Конвенция Международной Организации Труда 100 «О равном вознаграждении мужчин и женщин за труд равной ценности», ратифицированная СССР 4 апреля 1956 г. Конвенция разъяснила, помимо прочего, что термин «вознаграждение» включает в себя обычную, основную или минимальную заработную плату либо обычное, основное или минимальное жалование и всякое другое вознаграждение, предоставляемое прямо или косвенно, в деньгах или в натуре предпринимателем трудящемуся в силу выполнения последним какой-либо работы» (ст. 1). Указывается также, что принцип равного вознаграждения лиц разного пола за труд равной ценности может применяться путем: национального законодательства; системы определения вознаграждения, установленной или признанной законодательством; коллективных договоров между предпринимателями и трудящимися либо путем сочетания этих различных способов.

Тем не менее на сегодняшний день во всем мире, в том числе в странах Европейского Союза, существует заметный гендерный разрыв в окладах и получаемом за труд вознаграждении.¹⁷ При этом в развитых демократических государствах факты дискриминации женщин в вопросах оплаты чаще всего носят не прямой, а косвенный характер.¹⁸ Проведенные в разных странах Европы исследования показали, что внутри одной и той же отрасли экономики женщины занимают менее оплачиваемые должности, оценка квалификации мужчин и женщин осуществляется по разным критериям, мужчины чаще занимают должности, в которых предъявляются более высокие требования к профессиональному образованию и профессиональным навыкам работника. Для повышения квалификации необходимо время, которым женщины в силу своей двойной занятости не располагают. На разрыв в оплате труда влияет также разница в продолжительности непрерывного стажа работы мужчин и женщин. Время, в течение которого женщина вынашивает, рождает и ухаживает за детьми, особенно маленькими, в непрерывный стаж работы обыч-

¹⁷ *Frauen in Europa* (Bonn, 1994), S. 21-22; H.M. Pfarr, K. Bertelsmann, Gleichbehandlungsgesetz (Wiesbaden, 1985), S. 60.

¹⁸ H.M. Pfarr, K. Bertelsmann, op. cit., S. 60.

но не засчитывается. К тому же за время этого перерыва женщина теряет свою квалификацию и вынуждена переучиваться.

Как показывает практика развитых демократических государств, наиболее эффективным методом стимулирования работодателей предприятий всех форм собственности к антидискриминационным действиям являются меры экономического характера. В их числе — поощрение за счет дифференциации страховых тарифов и налогов, процентов по кредитам, предоставления государственных заказов при условии сохранения на предприятии определенного соотношения работников обоего пола, льготный порядок аренды, лизинга и т. д. При помощи экономических мер, закрепленных в соответствующем законодательстве, можно и нужно поощрять предпринимателей, содержащих за счет собственных доходов сферу социального обслуживания работников и членов их семей, оказывающих помощь семьям работников в уходе за детьми и т. д. Именно на этот путь должны быть нацелены усилия нашего общества и государства, ратифицировавшего в конце 1997 г. Конвенцию МОТ 156 «О равном обращении и равных возможностях работающих мужчин и женщин: трудящиеся с семейными обязанностями».

Правовая охрана материнства

Охрана материнства — проблема многоаспектная. О ней можно говорить под углом зрения медицины, права, нравственности, охраны окружающей среды и др. Особое место здесь занимает вопрос о праве женщин на отпуск по беременности и родам, который сохраняет свою остроту для всех стран. В связи с этим Конвенция ООН «О ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин» требует от государств-участников в целях ликвидации дискриминации женщин в области занятости ввести оплачиваемые отпуска или отпуска с сопоставимыми пособиями по беременности и родам без утраты прежнего места работы, старшинства или социальных пособий (ст. 11).

В Европейском Союзе в 1992 г. была одобрена рекомендация Совета Министров, устанавливающая 14-недельную ориентировочную продолжительность оплачиваемого отпуска по беременности и родам. Размер оплаты колеблется в разных странах от 100% до 70% полной суммы получаемого женщиной заработка. В ряде стран ЕС, в первую очередь скандинавских, устанавливается также отпуск по уходу за ребенком, который

может быть использован одним из родителей. Однако отцы пользуются этим отпуском значительно реже чем матери¹⁹.

В Соединенных Штатах Америки, где борьба женщин за свои права приобрела на протяжении двух последних веков подчас весьма драматические формы, до самого недавнего времени не было закона, закрепляющего право женщин на отпуск по беременности и родам. Этот вопрос решался (если решался) в коллективных договорах. У американских авторов, пишущих о правах женщин, можно даже встретить упоминание о забастовках, которые проводились в прошлом учителями-мужчинами ряда школ в знак протеста против попытки отдельных штатов установить отпуска по беременности и родам для женщин-учителей. Их коллеги мужчины усматривали в этом дискриминирующие мужчин действия властей. На федеральном уровне вопрос об отпуске по беременности и родам был решен в США лишь в период президентства Билла Клинтона, пришедшего к власти, как известно, при большой поддержке его женскими организациями Америки. Первым законом, вынесенным правительством Клинтона на рассмотрение Конгресса и одобренным им, был именно закон о таких отпусках, до этого дважды отклонявшийся Президентом Бушем.²⁰

5. Политические права женщин

Обеспечение равных прав и равных возможностей всех слоев и групп населения на участие в политической жизни страны — необходимая предпосылка и условие построения правового государства. И в этом плане имеющая длительную историю борьба женщин за свои политические права, в первую очередь за активное и пассивное избирательное право, занимает одну из центральных страниц в истории человечества на пути к подлинной цивилизованности. Другое дело, что от предоставления равных политических прав, то есть с провозглашения формального равенства лиц обоего пола в вопросах принятия политических ре-

¹⁹ *Frauen in Europa*, S. 11-15.

²⁰ В. Meyer, «Amerika, hast Du es besser», *Politik und Zeitgeschichte*. B. 21-22/9, S. 39.

шений, до фактического равенства их возможностей в этой сфере — дистанция огромного размера, которую человечество только начинает проходить.

Конвенция 1979 г. «О ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин» связывает равноправие лиц обоего пола в политической сфере с тремя основными условиями. На государства-участников возлагается обязанность обеспечивать женщинам на равных основаниях с мужчинами право: 1) голосовать на всех выборах и избираться во все публично избираемые органы; 2) участвовать в формировании и осуществлении политики правительства и занимать государственные посты, а также осуществлять все государственные функции на всех уровнях государственного управления; 3) принимать участие в деятельности неправительственных организаций и ассоциаций, заниматься проблемами общественной и политической жизни страны (ст. 7).

Несмотря на то, что Конвенцию 1979 г. ратифицировали почти все государства мира, на сегодняшний день ни в одном из них не реализована *паритетная демократия*, т. е. пропорциональное половому составу населения представительство мужчин и женщин на всех уровнях принятия решений: в органах законодательной, исполнительной, судебной власти, в органах местного самоуправления, в экономической, финансовой и иных сферах жизнедеятельности государства и общества. По данным Международной Организации Труда в общей сложности во всем мире женщины занимают лишь 14% административных и руководящих должностей и менее 6% высших руководящих должностей.²¹ Явно недопредставлены женщины и в парламентах большинства стран мира.

В то же время в целом ряде стран, особенно с развитым феминистским движением, наблюдается процесс так называемой «селективной инкорпорации женщин в органы государственной власти под воздействием требований женской общественности», при которой доступ к принятию решений в политической, экономической, социальной и иных важных сферах жизни общества получает лишь узкий круг женщин, обладающих высоким уровнем общей и профессиональной подготовки.²²

²¹ Линь Леан Лим. Рабочие места для женщин: больше и лучше. Женева: изд. МВТ, 1996. С. 11.

²² *Sexual Politics and the European Union*, pp. 21-22.

Женщины в парламентах и иных представительных органах государственной власти

Участие женщин-депутатов в работе парламентов и иных представительных органов государственной власти крайне важно не только для самих женщин, но и для общества в целом. Прежде всего речь идет о различиях в интересах, представляющих для мужчин и женщин соответственно приоритетное значение. Так, для женщин на первый план выходят вопросы экологии, охраны детей, здравоохранения, социальной защиты населения и др., находящиеся на периферии интересов мужчин.

В идеале представительство женщин и мужчин в органах государственной власти должно быть пропорционально численности лиц каждого пола среди населения страны. К сожалению, во всем мире в целом женщины составляют лишь немногим более 10% депутатов парламентов. По странам эти цифры разнятся. Лидируют в этом вопросе скандинавские страны, где женщины-парламентарии составляют от 33 до 40% депутатов. Примерно на этом же уровне находится в этих странах представительство женщин в органах муниципальной власти и парламентов провинций. В ходе выборов в Европейский парламент в 1998 г. от 12 стран ЕС было избрано 30 % женщин-депутатов.²³

В странах бывшего СССР и Восточной Европы, переживающих период транзycji, представительство женщин в парламентах существенно снизилось. Так, в Государственной Думе РФ женщины составляют ныне 7,6% депутатов, а в Совете Федерации вообще нет женщин. 7,8% женщин среди парламентариев Украины, 4,5% — в Белоруссии и Киргизии. Аналогичная картина и в других странах СНГ. Сложилась ситуация, когда женщины, являясь объектами, а не субъектами государственной политики, за годы «реформ» потеряли даже многое из того, что имели раньше. В то же время они многое и приобрели, и прежде всего печальный урок того, что передоверять отстаивание своих интересов другим — нельзя.²⁴

Во всем мире история борьбы женщин за право избирать и быть избранной в представительные органы своей страны

²³ Шипуло Т.И., сост. Проблемы равноправия в документах и материалах. М., 2000. С. 103.

²⁴ Клименкова Т.А. Женщина как феномен культуры. С. 137.

полна драматизма. Так, в Конституции США 1787 г. закреплялось право соответствующего возрастным требованиям «лица», являющегося гражданином этой страны, быть избранным в сенат и палату представителей. Почти сто лет понадобилось для отнесения к «лицам» негров. Поправкой XV (1870 г.) установлено, что право голоса граждан США не должно отрицаться или ограничиваться Соединенными Штатами или каким-либо штатом по признаку расы, цвета кожи либо в связи с прежним нахождением в подневольном услужении. И только в 20 веке, в том числе под влиянием активной борьбы суфражисток, была принята поправка XIX (1920 г.), согласно которой право голоса граждан США не должно отрицаться или ограничиваться Соединенными Штатами или каким-либо штатом также по признаку пола.

Само по себе предоставление женщинам права голоса еще не свидетельствует о наличии всех необходимых правовых предпосылок гендерного равноправия при принятии парламентами и местными законодательными органами политических решений. Опыт многих стран показывает прямую зависимость числа женщин в парламенте той или иной страны от существующего в данном государстве избирательного законодательства. При этом наиболее значимы два момента: 1) законодательное закрепление «женских» квот либо отсутствие квот такого рода, 2) вид избирательной системы: мажоритарная, когда в каждом округе может быть избран один депутат: пропорциональная, когда число мандатов распределяется между партиями пропорционально количеству собранных по партийным спискам голосов; и смешанная.

Прямое закрепление нормативными актами той или иной страны «женских» квот — явление в мире не столь уж частое. Такой метод обеспечения гендерного равноправия имеется и успешно реализуется в Скандинавских странах.²⁵ Своеобразным вариантом такого же решения может быть названа несколько иная законодательная практика ряда других стран, в частности Италии. Согласно закону № 277 от 4 августа 1993 г. выборы в

²⁵ T.S. Dahl, *Woman's Law* (Oslo, 1988), p. 157.

Квотирование является временной специальной мерой по установлению фактического равенства между мужчинами и женщинами и в соответствии со ст. 4 Конвенции ООН 1979 г. не считается дискриминационной.

нижнюю палату — Палату депутатов происходят в Италии по смешанной системе, то есть места распределяются между мажоритарной и пропорциональной частями. Однако списки кандидатов должны обязательно формироваться путем чередования мужчин и женщин. В каждом списке за фамилией кандидата одного пола должна обязательно следовать фамилия лица противоположного пола.²⁶

Как уже отмечалось, рост представительства женщин в органах, принимающих политические решения, прежде всего в парламентах, находится в прямой зависимости от вида избирательной системы данной страны. Опыт подавляющего большинства развитых демократических государств свидетельствует, что наиболее благоприятной для реализации возможностей женщин участвовать на равных с мужчинами основаниях в принятии политических решений является пропорциональная избирательная система, когда все места в представительном органе распределяются пропорционально собранным различными партийными списками голосов. Наименее эффективна для женщин мажоритарная избирательная система, когда в каждом округе избирается по одному депутату.

Женщины в органах исполнительной власти

Специфика исполнительной власти состоит в ее иерархичности. Исполнительная власть действует эффективно лишь при условии, если в основе ее построения и функционирования лежит принцип вертикали органов и соответственно их соподчиненности. Такое требование актуально для любого государства, хотя в странах с федеративным устройством в данном вопросе имеется и своя специфика. Вот почему проблема роли и места женщин в органах исполнительной власти нередко идентифицируется в сознании населения с личностью соответственно мужчин и женщин, стоящих во главе правительства, а также и тех или иных министерств различных государств. Несомненно, важным политическим итогом 20 века для женщин является появление женщин-лидеров — Индиры Ганди, Голды Меир,

²⁶ Фузаро К. Правила переходного периода: новое избирательное законодательство Италии 1993 г. // Сб. Реформа избирательной системы в Италии и России. М., 1995. С. 25-29.

Во Франции законом от 6 июня 2000 установлен паритет избрания женщин и мужчин во все органы государственной власти.

Маргарет Тэтчер и других во главе исполнительной власти разных стран. Бесспорно, такой факт—знамение времени. Однако он далеко не всегда означает гендерную ориентацию проводимой такой женщиной—лидером политики.

Участие женщин в принятии решений в сфере экономики

В решениях IV Всемирной конференции по положению женщин в Пекине с большим беспокойством отмечается, что женщины практически не принимают участия в процессе принятия экономических решений, включая разработку финансовой, бюджетной, коммерческой и иных видов экономической политики, а также политики, касающейся системы налогообложения и норм, регулирующих заработную плату. В этой связи рекомендуется, помимо прочего, обеспечение соблюдения всеми корпорациями, включая транснациональные, национальных законов и кодексов, норм в области социального страхования, международных соглашений и конвенций; создание механизмов, направленных на то, чтобы женщины могли вносить свой вклад в политику и программы, разрабатываемые министерствами экономики и финансовыми учреждениями; использование при разработке макро- и микроэкономической и социальной политики метода гендерного анализа и учет последствий этой политики.

Понятно, что в условиях рыночной экономики речь должна идти о сочетании государственных инициатив и их поддержке, в том числе по экономическим мотивам, со стороны национальных предпринимателей, профсоюзов и женских общественных организаций (в ходе подготовки бюджета и различных экономических и социальных программ). В свою очередь это требует приближения к гендерному паритету не только руководящего состава соответствующих государственных органов, но и частного бизнеса, а также профсоюзов. Между тем практически во всем мире бизнес, да и профсоюзы имеют преимущественно мужское лицо. Так, из 1315 членов советов 100 крупнейших кампаний США только 7,5% и лишь 11,5% руководителей крупнейших профсоюзов этой страны—женщины.²⁷ Аналогичная ситуация и в России, где по оценке экспертов женщины составляют в настоящее время 8-12 процентов от общего числа предпринимателей, возглавляющих предприятия различных форм собственности.

Женщины и СМИ

Средства массовой информации нередко называют четвертой властью за ту роль и влияние, какое они оказывают на общественное мнение, формируя, а иногда и деформируя правосознание широких масс населения, в том числе и в гендерном аспекте. В решениях IV Всемирной конференции по положению женщин выражена общая обеспокоенность мировой женской общественности тем фактом, что СМИ продолжают практику изображения женщин в негативном или унижительном свете, не отражают многообразия и полноты жизни женщин и их вклада в развитие общества. Особенно негативно сказывается на положении женщин заполняющие СМИ картины насилия и унижающая достоинство женщин разнообразная порнографическая продукция. Поэтому в Платформе действий конференции рекомендуется прежде всего принятие и введение эффективных мер, в том числе законодательного плана, направленных на борьбу с порнографией и изображением насилия в отношении женщин и детей в СМИ.

Дальнейшие перспективы роста роли женщин в принятии политических решений на всех уровнях иерархии во многом будут зависеть от путей развития женского движения в России, от того, создастся ли координация и выработка общей целенаправленной линии женскими НПО по типу «Gender Gap» в США, «LEAF» в Канаде, «Нуткинс» в Финляндии.

6. Заключение

Большая часть истории человечества относится к эпохе патриархата. В 20-м веке возникла надежда на трансформацию данной парадигмы. На смену Лиге Наций пришла ООН, деятельность которой, согласно Уставу, должна была строиться на консенсусе между государствами и народами, соблюдении и защите прав человека. Однако постепенно выяснилось, что среди прав человека имеется своя иерархия. Политические и гражданские права неизменно оцениваются выше социально-экономических и культурных, религиозная свобода выше права на

²⁷ N.Y. Benokraitis, *Modern Sexism: Blatant, Subtle and Covert Discrimination*, p. 3.

образование, индивидуальные права выше коллективных прав различных слоев и групп населения и т. д.

К сожалению, права женщин в системе прав человека никогда не являлись приоритетными. И, очевидно, такое положение будет сохраняться до тех пор, пока политическая власть на международном и национальном уровне будет находиться преимущественно в руках мужской части населения земного шара.

Главной причиной дискриминации женских прав является тот факт, что женщины, будучи заняты преимущественно в домашней сфере, на протяжении веков так и не стали по-настоящему организованной силой ни в одной стране мира, ни на одном континенте. Нигде в мире нет (за исключением может быть Скандинавских стран) и подлинно правового и, главное, социального государства, создающего возможность реализации женщинами принадлежащих всем людям прав и свобод.

Право (в том числе международное), равно как и национальное законодательство — не изолированные явления. Они суть составляющие более широкого понятия — правовой системы страны, которая охватывает все правовые явления, всю правовую действительность и не в последнюю очередь правовое сознание населения, его правовую культуру.²⁸ Века патриархата деформировали сознание и культуру граждан всех стран мира, не только мужчин, возомнивших себя гегемонами, но и женщин, явно недооценивающих свои права и возможности в семье, обществе, государстве, деле сохранения мира во всем мире.²⁹

Исправить положение, добиться подлинного равноправия граждан обоего пола — задача трудная и долгая, решение которой потребует усилий не одного поколения сторонников паритетной демократии и гендерного равноправия.

²⁸ Правовая система социализма. Понятие, структура, социальные связи. Отв. ред. Васильцев А.М. М., 1986; Синжов В.Н. Российская правовая система. Саратов, 1994; Российское государство и правовая система // Ред. Старилов Ю. Воронеж, 1999.

²⁹ Клименкова Т. Д. Женщина как феномен культуры. Взгляд из России. Женщина, гендер, культура // Отв. ред. Хоткина З.А., Пушкарева Н.Л., Трофимова Е.И. М., 1999.

Гендерные политики в социальных движениях: теория и практика современного феминизма

Людмила Попкова

7. Теория и практика современного феминизма: женское движение в США

1. Введение. Новое женское движение в США и его разновидности

Женское движение США второй половины 20 века, как одно из первых и наиболее развитых, определило основные идейные, организационные формы современного феминизма и гендерных политик западных индустриальных стран. Возникнув в середине 19 века как движение за равные права женщин с мужчинами, феминизм первой волны завершился в 1920-е годы решением своей главной задачи — предоставлением американкам избирательных прав. Спад женской активности после получения в 1920 году избирательных прав в результате принятия 19-й поправки к Конституции оставил нерешенными многие задачи обеспечения формально-юридического равенства. Начавшаяся в 1960-е годы *новая волна* массового женского движения, не ограничившись формально-юридическим равноправием, произвела своего рода социокультурную революцию в Америке, подорвав патриархатную систему ценностей, социальных практик и институтов. Под влиянием феминистской политики, направленной на изменение властных отношений в обществе, оказались все сферы публичной и частной жизни. Стержнем эволюции государственной гендерной политики становится пе-

переход от политики *равных прав* к обеспечению равных социальных *возможностей* для женщин и мужчин.

Пик женского движения приходится на 1960—1970-е годы, десятилетия массовых социальных потрясений, названных в американской историографии «революциями»: студенческой, афро-американской, этнической, контркультурной. «Женская революция», которую ее участницы называли «второй Американской революцией», с момента возникновения была неоднородной по типам феминистских идеологий и формам коллективных действий. Учитывая всю совокупность факторов, исследователи выделяют два основных направления: движение за права женщин (*the women's rights movement*) и женское освободительное движение (*the women's liberation movement* или *Women's Lib*).

Движение за права женщин, первое по времени возникновения, во многом наследовало задачи суфражизма и социального феминизма 1930-х годов. В основу программных установок умеренного крыла, как и в предшествующий период, легла идейно-политическая концепция *либерального феминизма*. Левое крыло женского освободительного движения, возникнув на волне молодежного протеста, имело в своем идейном арсенале широкий спектр объяснительных концепций патриархата и моделей женского освобождения. Объединяющая разные идеи радикальная парадигма ориентировала не на законодательное реформирование, а на изменение женского сознания, поведения и социокультурных практик.

Либерально-феминистское движение за права женщин в организационном плане было представлено централизованными, формальными структурами, с четко установленными правилами, программами действий. Радикальное крыло действовало на основе созданных снизу (*grass-roots*) небольших неформальных групп женской взаимопомощи и взаимодействия, принципиально отвергавших любую иерархию.

В силу своих идейных установок и организационных форм, первое направление оказалось наиболее влиятельным в законодательной и исполнительной структурах власти. Более того, движение за права женщин во многом имело государственные корни. Своему возникновению в середине 1960-х годов оно, в первую очередь, обязано деятельности созданной в 1961 году президентской Комиссии по статусу женщин. Пришедший к власти

под неолиберальными лозунгами «новых рубежей для Америки» президент Джон Кеннеди должен был выполнить свои предвыборные обещания женскому электорату. Демократическую партию волновала проблема так называемого *гендерного разрыва* в голосовании. Традиционно республиканцы с 1940-х годов пользовались большим предпочтением у избирательниц. Назначение Элеонор Рузвельт председателем Комиссии подчеркивало преемственность государственной политики с предшествующим этапом женского движения. Впервые после 1930-х годов активистки из тред-юнионов, предпринимательских и профессиональных женских клубов, а также сотрудники Женского бюро при Министерстве труда собрались вместе для изучения ситуации с правами женщин в послевоенной Америке. Результатом их совместного анализа стал опубликованный в 1963 году «Доклад о положении женщин», в котором документально подтверждалась дискриминация женщин в социально-экономической сфере. В том же году благодаря поддержке президента принимается первый федеральный Закон о равной оплате труда, внесенный в Конгресс по инициативе Женского бюро еще в 1945 году. Несмотря на многочисленные оговорки, закон запрещал дискриминацию при оплате труда по признаку пола, вводя обязательность принципа одинакового вознаграждения за равноценный труд мужчин и женщин. Увенчались успехом усилия довоенного «социального» крыла женского движения, отстаивающего коллективные права женщин, занятых в промышленном производстве. Закон не распространялся на «белых воротничков», служащих и административных работников. Предстояло еще девять лет напряженной борьбы и давления со стороны нового поколения феминисток, чтобы принять необходимые поправки к Закону, распространяющие принцип равноправия в оплате на все категории работающих женщин.

Вслед за федеральной Комиссией по статусу женщин формируются Комиссии штатов, их активность позволила ввести женские проблемы в область легитимных публичных дебатов еще до возникновения нового женского движения. Комиссии смогли объединить вокруг себя женщин, стремящихся изменить ситуацию. На ежегодные конференции Комиссий штатов помимо участников собиралось все большее количество добровольцев, озабоченных статусом женщин в американском обществе.

2. Влияние книги Бетти Фридан *Загадка женственности* на развитие женского движения в Америке

В 1963 году одновременно с докладом президентской Комиссии в Америке появляется книга, оказавшая влияние на умы миллионов американских женщин. *Загадка женственности*¹ журналистки Бетти Фридан, ставшая мировым бестселлером и классическим текстом либерального феминизма, взорвала атмосферу «потребительского рая» образованных американок из среднего класса. Многочисленные женские журналы, реклама, телевидение убеждали, что именно в конце 1950-х годов представительницы среднего класса смогли добиться «женской американской мечты»: преуспевающий и заботливый муж, здоровые дети, дом в пригороде, автомобиль, красивая одежда, которую можно демонстрировать на вечеринках и благотворительных собраниях. Их неблагополучную жизнь омрачало лишь внутреннее неудовлетворение, причины которого они не могли сформулировать ни популярным психоаналитикам, ни мужу, ни самим себе.

Бетти Фридан сумела определить причины разочарований и недовольства, осознала проблему, не имевшую названия. Стремясь исполнить предписываемое обществом «истинное», «природное предназначение» матери, жены и хозяйки дома, американские женщины отказывались от карьеры и участия в социальной, политической жизни общества. Ориентируясь на мистические образы «настоящей женственности», они превращались в инфантильные, зависимые существа, лишённые представления о своих возможностях. Неназванная проблема оказывалась драмой женской идентичности, подавления и утраты интеллекта, профессиональных и социальных интересов. Добровольно следуя устоявшимся гендерным стереотипам, женщины оказывались, по определению Бетти Фридан, в «уютном концлагере». В годы второй мировой войны шесть миллионов женщин пришло в разные сферы производства. Девушки из средних слоев, увидев для себя новые перспективы, стремились получить выс-

¹ Фридан Б. Загадка женственности. М.: «Прогресс», 1994.

шее образование. Но послевоенная ситуация «консервативного согласия» требовала не только отказа от инноваций «нового курса» Ф. Рузвельта, но и «восстановления традиционных порядков». В Америке пятидесятых уже исчезли красочные военные плакаты с девушками, призывающими своих подруг помочь стране и занять рабочие места мужчин, ушедших на фронт. Более того, от тех, кто «занял эти места», теперь требовали вернуться к «домашнему очагу». Патриархальная гендерная идеология, как называла это Б. Фридан, приучала жалеть «невротичных, неженственных», несчастных женщин, которые хотят стать поэтами, физиками, президентами». Оказалось, что американкам, обладающим истиной женственностью, не нужна профессиональная карьера, высшее образование, политические права — одним словом, им не нужны независимость и возможности, за которые когда-то боролись «старомодные» феминистки 19 века.

После выхода в свет своей книги сама Фридан, как и многие американки, начинает интересоваться деятельностью Комиссий по статусу женщин. На третьей ежегодной национальной конференции Комиссий штатов часть активисток попробовала радикализовать правительственную деятельность, заявив о необходимости принятия специальных законов, ликвидирующих барьеры к полноправному участию женщин в общественной сфере. Разочарованные нежеланием чиновников прислушаться к их требованиям, делегаты собрались в гостиничном номере Бетти Фридан и приняли решение о создании собственной неправительственной организации, которую назвали Национальной организацией женщин (НОЖ). Ее президентом стала Бетти Фридан. В 1966 году, к концу года своего основания, НОЖ насчитывала 300 активисток, через десять лет их уже было 156 тысяч. Вслед за этой организацией, ставшей самой влиятельной политической силой, возникли не менее известные Женская лига справедливых действий, Национальное женское политическое собрание и множество других групп, влившихся в движение за права женщин.

3. Либеральная концепция феминизма в женском движении США

Либеральная концепция «естественных прав» определяла программные требования новых организаций 1960-х годов. Речь шла о предоставлении женщинам в полном объеме индивидуальных прав, которыми располагают граждане мужского пола. Для этого, по мнению идеологов либерального феминизма, требовалось в первую очередь добиться от законодательной власти отказа от существовавших с 19 века двух базовых правовых доктрин Соединенных Штатов. Концепция «равного, но раздельного обращения с лицами противоположного пола» и принцип «дифференцированного гражданства» допускали законодательно установленные ограничения прав женщин на основании юридического признания их «особой, отличной от мужчины социальной роли».²

Необходимость изменения американской правовой системы была поставлена в центр общественно-политических дебатов Америки 1950-х годов движением черных американцев против сегрегации в южных штатах США. Ограничение гражданских прав по признаку расы, так же как и пола, обосновывалось принятой в конце 19 века Верховным Судом США упомянутой выше доктриной «равного, но раздельного обращения». Поскольку внутренняя политика США регулируется в первую очередь законодательством штатов, и только затем федеральными законами, то Верховному Суду принадлежит верховная власть в обосновании соответствия американского законодательства принципам и статьям Конституции. В силу традиций прецедентного права решения Суда приобретают силу закона. На протяжении 19-20 веков в ответ на многочисленные иски сторонников расового и женского равноправия Верховный Суд отказывался признавать дискриминацию по признаку расы и пола в законодательной практике США.

Юридически «дискриминация» определялась как «неодинаковое обращение с лицами, находящимися в одинаковом положении». Женщины и мужчины очевидно находились в нео-

² Doroty Stetson, *Women's Rights in the USA Policy Debates and Gender Roles* (Belmont, California: Brooks/ Cole Publishing Company, 1991), pp. 14-18.

динаковом статусе в соответствии с правовой доктриной. Женщинам «природой» предписывалась особая и единственная социальная роль матери и хозяйки дома, поэтому ограничение ее прав в публичной сфере, по определениям Верховного Суда, не противоречило принципам и статьям Конституции. гендерное неравенство закрепляла и концепция «дифференцированного гражданства», ограничивающая «гражданские обязанности женщин» их «влиянием на мужчин в качестве жен и матерей». Для американского национального самосознания, ядром которого являлась идея свободы и равенства, правовое обоснование ограничения прав какой-либо группы населения имело особо важное значение. Патриархатные нормы должны быть облечены в «демократическую» упаковку. Поэтому либеральные феминистки первоначально сосредоточили свои усилия на достижении двух взаимосвязанных целей: с одной стороны, исключение категорий «пола, половых различий и особой роли женщин» из юриспруденции, а с другой стороны, наоборот включение категории «пола» в Конституцию США как принципиальной основы гендерного равенства. Следуя формальной логике классического либерализма, они определяли гендерное равенство как сходство и одинаковость индивидуальных прав мужчин и женщин. Соответственно, всякое обращение в юридических документах к «различию мужчин и женщин», по их убеждению, закрепляло утвердившуюся гражданскую, публичную неполноценность женщин, оставляя им место в частной сфере деятельности. «До тех пор пока закон будет разделять граждан по половому признаку, — говорилось в «Декларации целей НОЖ», — женщины будут испытывать дискриминацию на основании устаревших социальных стереотипов. Пришло время покончить с утверждениями относительно особой природы женщин, которые препятствуют достижению равенства возможностей и свободы выбора женщин».³ Сам термин «различие» оказался исключенным из политической риторики НОЖ и других либеральных организаций на целое десятилетие.

³ Mary Norton, ed., *Major Problems in American Women's History. Documents and Essays* (Lexington: D.C. Heath and Company, 1989), p. 420.

4. Основные политические достижения и ограничения либерального феминизма в США

Для решения первой задачи необходимо было добиться, во-первых, принятия специального антидискриминационного законодательства, во-вторых, запрета штатам и судам всех инстанций использовать половые различия для конструирования правовых норм. Первым шагом на пути реформирования законодательной системы стало принятие в 1964 году федерального Закона о гражданских правах. Законопроект, внесенный в Конгресс под давлением организаций черных американцев, встречал сильнейшую оппозицию со стороны расистски настроенных сенаторов-южан. Поэтому феминистская поправка к законопроекту, дополняющая Раздел VII о запрете дискриминации при найме на работу не только по признаку «расы», но и по признаку «пола», была поддержана сторонниками сегрегации с целью провалить билль. К такому «радикализму» Сенат, по их мнению, был не готов. Тем не менее после трех месяцев дебатов закон был принят и с этого времени Раздел VII стал основным инструментом политической стратегии либерально-феминистских групп. Ориентируясь на реформирование существующей властной системы, они действовали испытанными традиционными для политической культуры США методами — представление судебных исков и лоббирование законопроектов в Конгрессе и легислатурах штатов.

Закон о гражданских правах 1964 года и созданная для его проведения в жизнь Комиссия равных возможностей в сфере занятости дали возможность активисткам НОЖ использовать наряду с законодательной исполнительную власть. Своей приоритетной задачей на первом этапе они считали ликвидацию всех юридических барьеров на пути полноценного участия в экономической сфере. Наметившаяся в годы войны тенденция увеличения числа женщин, занятых в производстве, не сопровождалась отменой дискриминационной практики. Более того, по опросам общественного мнения, большинство работающих женщин в начале 1960-х годов не осознавало и не признавало факта дискриминации. Молодые женщины среднего класса, получив высшее образование, следовали «естественному предназ-

начению» и не претендовали на профессиональную карьеру. Другие, работающие в силу материальных обстоятельств, соглашались со своим низким статусом, испытывая подчас чувство вины за «не свое место». Пропагандистская кампания НОЖ привела к тому, что уже к концу 1960-х годов Комиссия по равным возможностям оказалась завалена десятком тысяч заявлений о возбуждении судебных исков против работодателей на основании нарушения Раздела VII Закона о гражданских правах. НОЖ и Женская лига справедливых действий в середине 1960-х годов сосредоточили усилия на внедрении в повседневные практики занятости норм антидискриминационного законодательства. К началу 1970-х годов сотни высших учебных заведений, частных и государственных компаний должны были отвечать перед судом на обвинения в нарушении Закона 1964 года, предъявленные Женской лигой от лица конкретных женщин. В итоге судебных разбирательств они оказывались вынуждены платить денежные иски по возмещению материального и морального ущерба, одновременно принимая или восстанавливая на работу женщин. Этой же участи подверглись издательства газет, публикующих сексистские объявления о приеме на работу.⁴ В ходе этой активности становилось ясно, что общая антидискриминационная правовая норма является недостаточно эффективной, необходимо формирование законодательной базы по обеспечению равенства возможностей для женщин.

Помимо запрета прямой дискриминации женщин на основании судебного преследования и наказания виновных, перед либеральными организациями стояла задача принятия специальных законов, обеспечивающих одинаковый доступ к профессиональным и экономическим ресурсам. Многочисленные законодательные оговорки и неформальные практики фактически лишали женщин возможностей продвинуться в публичной сфере. Получение кредитов в банке, разрешения на строительство и аренду жилья, открытие собственного бизнеса, доступ в престижные университетские профессиональные школы и факультеты — все это требовало реформирования. Как в большинстве стран, замужней американке требовалось, например, пись-

⁴ Nancy McGleon, Karen O'Connor, *Women, Politics and American Society* (Prentice Hall, New York: Simon and Schuster, 1998), pp. 120-124.

менное разрешение от мужа на открытие собственного счета в банке. В высших медицинских школах, школах бизнеса и права женщины в конце 1960-х годов составляли от 5 до 8% студентов. В Гарварде в 1970 году среди 483 преподавателей гуманитарных и естественных факультетов не было ни одной женщины.⁵

Используя тактику лоббирования, НОЖ сумела добиться впечатляющих результатов — законы о равенстве в жилищном строительстве; о равенстве женщин в образовании; о равных возможностях при кредитовании; поправка к закону о профессиональном образовании, о налоговой реформе; о равенстве пенсионного обеспечения, а также решения Верховного Суда США сформировали нормативную базу для радикального изменения социально-политического статуса американок к началу 1980-х годов. Десять лет женской политической активности привели к увеличению количества высокооплачиваемых наемных работников — юристов, врачей, менеджеров — в структурах женской занятости. Реформированное законодательство содержало четко сформулированные положения, в которых указывалось, что использование полового признака в качестве обоснования для ущемления или ограничения прав при экономической деятельности и получении образования является незаконным и подлежит судебному преследованию.

Развертывание тактики судебной борьбы и лоббирования законов о равноправии потребовало от либерального крыла решения новой задачи — усиления во всех ветвях власти представительства женщин. В 1971 году Бетти Фридан, Глория Стайнем, Белла Абцуг основали Национальное женское политическое собрание с целью обеспечения политического влияния женщин в обеих партиях и выдвижения своих представителей в Конгресс. Собрание помогало мобилизовать избирательные ресурсы женщинам, вступавшим в борьбу за высокие посты. В 1972 году для претворения феминистских принципов в законодательство создается Женское лобби. Старейшие женские организации Америки, Лига женщин-избирательниц, религиозные и профессиональные женские объединения, Американская женская университетская ассоциация, пожертвовав статусом «добропорядочных», открыто объявили о своей феминистской ориентации.

⁵ *Women's Realities, Women's Choices. An Introduction to Women's Studies* (Oxford: Oxford University Press, 1983), p. 521.

Своим главным политическим достижением объединенные Женское лобби, НОЖ и Национальное политическое собрание считали принятие Конгрессом Поправки о равных правах (ПРП). Начиная с 1920-х годов сторонники либерального феминизма были убеждены, что без принятия специальной поправки к Конституции США невозможно утверждение системы гендерного равноправия. Введение категории «пола» в конституционную норму, определяющую права и свободы граждан, должно было обеспечить правовую базу для реформирования всех политических институтов. «Равенство прав на основе законов не должно оспариваться или ограничиваться Соединенными Штатами или каким-либо штатом по признаку пола»⁶ — в этой редакции текст ПРП находилась на рассмотрении Конгресса со времен второй мировой войны. Под напором объединенных усилий либеральных организаций Конгресс принимал ПРП весной 1972 года. В том же году легислатуры 22 штатов одобрили ее принятие. В установленный Конгрессом срок в 10 лет оставалось получить поддержку еще 16 штатов из необходимых для ее ратификации 2/3 штатов. НОЖ организовывала многочисленные кампании по всей стране для оказания давления на законодательные органы штатов. Массовые акции, марши, петиции, сбор подписей, пикеты давали основание надеяться на победу. В 1971 году на Национальной женской конференции в Хьюстоне принятие ПРП определялось как приоритетная задача движения за права женщин.

К концу 1960-х годов одновременно с достижениями обнаруживается ограниченность либерально-классического феминизма, направленного на реформирование исключительно политико-правового пространства.

5. Концепция радикального феминизма в женском движении США

Параллельно в этот период начинает оформляться вторая, радикальная ветвь американского феминизма — «освободительное движение». Это течение выросло постепенно из движения

⁶ Langley Winston and Vivian Fox, eds., *Women's Rights in the United States. A Documentary History* (Westport, Conn: Greenwood Press, 1994), p. 291.

«новых левых», одновременно являясь реакцией и протестом на студенческую революцию. С начала 1960-х годов студентки с энтузиазмом принимали участие в университетских выступлениях, в сидячих забастовках, маршах протеста против сегрегации на Юге, в антивоенных митингах-диспутах против войны во Вьетнаме. Но постепенно они начинают испытывать неудовлетворение отводимой им ролью в молодежном движении. Разочарование было связано с процессом осознания своей полной отстраненности от руководства и принятия решений в ново-левых неформальных группах и организациях. «Новое левое» движение было первым в истории Соединенных Штатов массовым выступлением молодых людей из среднего класса против институтов и ценностей западной демократии. Критика и идейный нигилизм новых радикалов касались всей системы ценностей и институтов «прогнившей индустриальной цивилизации». При этом оказалось, что подвергнув сомнению политические идеалы «стопроцентного американизма», бросив вызов буржуазной «американской мечте», «новые левые», как и «старые», не подвергли сомнению ценности и практику патриархата. Требования эгалитарной демократии и «демократии участия» не распространяются на систему гендерных отношений. Соратницы по движению, отважившиеся отойти от уготованной роли канцелярских и кухонных помощниц и поставить на повестку дня молодежных собраний проблему равных прав женщин, встречали грубые насмешки, издевательства и полное неприятие. Лидер влиятельной радикальной организации Студенческого координационного комитета ненасильственных действий прославился на всю страну своей «шутливой» реакцией на вопрос о положении женщин. «Единственное положение женщин в нашей политической организации, — публично заявил он, — это распростертое».⁷ Выходящие в знак протеста из студенческих групп женщины формируют собственные сообщества и организации. Их новой концепцией становится лозунг «Личное является политическим». Декларация «освободительного крыла» создавала основу для коллективных стратегий и действий, отличных от практик либерального феминизма. Основной формой

⁷ Эванс С. Рожденная для свободы. История американских женщин. М.: «Прогресс», 1993. С.288.

их деятельности стали создаваемые неформальные небольшие дискуссионные группы «роста самосознания» («conscious-raising»). Осознание персональной женской депривации и личного опыта как политической проблемы и как социальной модели неравенства женщин как группы неизбежно вело, по мнению организаторов, к формированию коллективной идентичности и новой солидарной активности. «Личный опыт и личные переживания дают основания говорить об общей проблеме угнетения всех женщин, — говорилось в Манифесте «Красных чулок», влиятельной радикальной группы из Нью-Йорка. — Мужское доминирование — это старейшая форма господства и эксплуатации женщин. Рост самосознания — это не психотерапия, это развитие солидарного классового сознания женщин. Наша цель — освобождение от всех видов подавления женской личности».⁸

Феминистки нового радикального направления начинали свою активность с придуманной ими тактики спонтанных «прямых, целенаправленных действий». Они экспериментировали со всевозможными внешними театрализованными мероприятиями, ориентированными на расшатывание системы гендерных культурных норм, стереотипов и ценностей. В 1968 году в Атлантик-Сити во время конкурса «Мисс Америка» они собрали толпы зрителей и репортеров. За пределами здания, где проходило популярное шоу, студентки короновали живую овцу, публично побросав дамские журналы и предметы женского туалета в мусорные баки. Подобные акции по символическому разрушению «оков естественного предназначения» вливались в более мощный поток поиска новых форм групповой активности на уровне местных сообществ. Отсутствие формальных структурно-организационных рамок «освободительной ветви движения» содействовало проявлению любой женской инициативы снизу. То, что справедливо оценивалось исследователями как слабость всего движения, в то же время обеспечило масштабы и динамику радикальных изменений.⁹ Любая женщина или женская группа могла начать деятельность на уровне местной общины, города или штата.

⁸ Mary Norton, ed., *Major Problems in American Women's History. Documents and Essays* (Lexington: D.C. Heath and Company, 1989), p. 400.

⁹ Jo Freeman, *The Politics of Women's Liberation. A Case Study of an Emerging Social Movement and its Relation to the Policy Process* (New York: Daving Mc Kay Company, Inc., 1975).

В многочисленных группах «роста сознания» и «повышения личностной самооценки» их участницы по-новому осмысливали хорошо известную дискуссию «сходство — различие». В радикальном течении *женское различие*, противостоящее пониманию *равенства как одинаковости*, перестает быть ругательным термином. По инициативе женских групп формируются альтернативные женские «контркультурные» социальные институты и практики. С конца 1960-х годов появляются феминистские издания, книжные магазины, кафе, детские сады, женские клиники и центры женского здоровья и планирования семьи, кризисные центры для женщин, подвергшихся сексуальному и домашнему насилию. По своему размаху «освободительное» женское движение к середине 1970-х годов начинает превосходить масштабы антивоенных и молодежных выступлений.

Феминистский вызов становится ведущей темой средств массовой информации. Движение за права женщин не вызывало такого резонанса. Реформизм женских либеральных организаций 1960-х годов в целом вписывался в рамки демократической системы США, в то время как радикализм освободительных групп грозил разрушением многовековых социокультурных ценностей, институтов и политик. В 1971 году известная журналистка Глория Стайнем начинает выпускать журнал «Ms». Само название журнала акцентировало одно из популярных направлений культурной борьбы. Вместо сексистских языковых норм «Miss» или «Mrs», указывающих на семейный статус, новая нейтральная норма «Ms» была направлена на освобождение женского сознания. Огромная популярность феминистского издания демонстрировала значимость и успешность начавшейся «революции». Глория Стайнем становится одним из лидеров нового движения. Признанная звезда журналистики, чей портрет в качестве фотомодели красовался на глянцевого обложках журналов мод 1950-х годов, впервые поднимает в своем журнале шокирующие массовое общественное сознание темы: женская сексуальность, контроль над собственным телом и репродуктивностью, сексуальное насилие против женщин. В пуританской Америке более чем в какой-либо другой стране введение подобных проблем в публичный дискурс представлялось подрывом фундаментальных моральных устоев и крушением двухсотлетней цивилизации.

6. Проблема сексуальности и репродуктивных прав в теории и практике женского движения США

1) Кейт Миллетт, *Сексуальная политика*

В 1970 году выходит книга *Сексуальная политика*¹⁰ одной из известных активисток «освободительных» групп Кейт Миллетт, которая первой дала расширительное применение термина «политика» по отношению к сексуальности, телу, эмоциям и многим другим социокультурным сферам, известным до этого как индивидуальная, «личная жизнь». Американский радикальный феминизм отвергал классически либеральную дихотомию публичной и частной жизни. Последняя, в их теоретических построениях, потеряла статус автономности, отдельности от публичных властных институтов. Название книги Миллетт стало ключевым понятием в исследовании социальной реальности радикальным течением. «Деспотизм патриархата, — писала Миллетт, — предписывающего нам темперамент и роли, не вызывает у нас вопроса о правомерности подобной регламентации. Не рождает в нас серьезного вопроса и взаимоисключающие, противоречивые полярные качества, подводимые под категории «мужественности» и «женственности»... Если говорить об организации подчинения, то патриархат как правящая идеология не имеет себе равных; наверное, ни одна система никогда не имела столь полного контроля над своими субъектами».¹¹

Как и в популярных «ново-левых» концепциях сексуальной революции, основным орудием подавления личности у Миллетт выступает семья, как «подразделение правительства патриархатного государства, которое управляет своими гражданами через глав семей». Здесь радикальный феминизм вступал в сложные и противоречивые отношения с начавшейся в рамках молодежного движения 1960-х годов сексуальной революции. Одним из объективных факторов по изменению сексуальных норм, установок и поведения стало, как известно, появление противо-

¹⁰ Kate Millett, *Sexual Politics* (New York: Avon Books, 1970).

¹¹ Миллет К. Теория сексуальной политики // Феминизм и гендерные исследования. Тверь, 1999. С. 126.

зачаточных таблеток, дававшее женщинам возможность контролировать свою судьбу. Студенческий вызов пуританской морали, заключаемый в рамки социально-политического протеста (лозунг хиппи — «любовь, а не война»), также мог служить женскому сексуальному освобождению. Прокреативный императив, двойная мораль и викторианские предписания добропорядочности уже не довели над женским поведением. Более того, участницы молодежных групп, битников и коммун хиппи, получившие право на выражение своих сексуальных устремлений и чувств, не только могли, но и должны были демонстрировать разрыв с конвенциональным сексуальным поведением и приверженность новым, «радикальным» формам «свободной» или групповой любви. Очередное разочарование молодых женщин оказалось связанным с тем, что отмена морально-религиозных запретов не связывалась при этом с эмансипацией женской личности. Будучи по преимуществу объектом мужского сексуального желания, они не получали права собственного взгляда и голоса. Незыблемость гендерной иерархии и патриархатных институтов в идеологической системе левых студенческих организаций неизбежно привели к формированию собственного феминистского понимания сексуальных политик, направленных на женское освобождение.

Заслугой освободительного крыла становится перенесение дебатов о сексуальности из религиозно-нравственного в социально-политический контекст. Сексуальность как исторический конструкт, связанный с системой социальных отношений, из сферы индивидуальной, частной жизни таким образом переходит в публичный дискурс, становясь центром общественных дебатов 1970-х годов.

Сексуальность и деторождение в пуританской Америке были призваны оставаться исключительно в приватной сфере. Изменения здесь происходили медленно. До войны, в рамках кампании «контроля за рождаемостью», активистки женского движения поставили вопрос о необходимости медицинского просвещения женщин и мужчин. За «постановку вопроса» многие из них расплачивались тюремным заключением. Только специальным решением Верховного суда в 1936 году распространение информации о средствах контроля за рождаемостью перестало классифицироваться как «непристойная» и незаконная деятельность». Но понадобилось еще 30 лет, прежде чем в 1960-е годы женатые

пары во всех штатах США смогли легально приобретать контрацептивы.¹² В этом контексте становится понятной ожесточенность борьбы, которую пришлось вести женским организациям за право репродуктивного выбора. Контроль над процессом репродукции приобрел решающую роль в определении путей и способов женского освобождения. В итоге эта проблема, включавшая в качестве центрального требование легализации абортов, расколола Америку на два враждебных лагеря на последующие десятилетия.

2) Суламифь Файерстоун, *Диалектика пола: доводы для феминистской революции*

Теоретическое обоснование радикальной позиции было дано в вышедшей в 1970 году и сразу ставшей знаменитой книге Суламифь Файерстоун *Диалектика пола: доводы для феминистской революции*.¹³ В этой работе двадцатипятилетняя активистка «ново-левого» движения и организатор «освободительных» групп Файерстоун предлагала новое объяснение причин тотального угнетения женщин: она определяла патриархат через контроль мужчин над репродуктивными функциями женщин. Поскольку именно рождение и воспитание детей делает женщину зависимой от мужчины в плане материального существования и выживания, то становилось очевидным, по мнению Файерстоун, что биологические различия формируют отношения власти и подчинения. Она предлагала простой, но утопический рецепт решения проблем, предопределенный эйфорией экономического роста и научно-технической революцией 1950-1960-х годов. Новые биотехнологии искусственной репродуктивности были призваны освободить женщин от мужского контроля и доминирования. Несмотря на то, что позитивный проект, как и исходные теоретические послышки Файерстоун, были подвергнуты впоследствии феминистской критике, критическая часть и постановка проблем в книге, ставшей классическим текстом по теории феминизма, сыграли значительную социальную роль в ради-

¹² John D'Emilio and Emil Freedman, *Intimate Matters. A History of Sexuality in America* (New York: Harper and Row, 1989), p. 25.

¹³ Shulamith Firestone, *The Dialectic of Sex: The Case for Feminist Revolution* (New York: William Morrow, 1970).

кализации женской «повестки дня» не только в США, но и в других странах.

3) *Значение темы репродуктивных прав для женского движения*

Центральное место в движенческой активности по реформированию репродуктивных практик заняла кампания за предоставление американкам права на аборт. Кампания с самого начала объединяла оба крыла движения. Подходившие к обоснованию справедливости этого требования с разных идейно-теоретических позиций, формальные и неформальные группы смогли, с одной стороны, организовать успешное давление на политическую элиту, с другой, переломить к концу 1960-х годов общественное мнение с свою сторону. Дискуссия по репродуктивной политике американского государства была начата задолго до возникновения второй волны. Но именно феминистская мысль сформулировала проблему в рамках идей автономии, самоопределения и прав женской личности. Легализация аборта, отстаиваемая феминистками под лозунгом «право на выбор», обеспечивала, в первую очередь, независимость и свободу в сексуальных отношениях. Для либералов это означало расширение правового пространства равенства естественных прав. Для радикального крыла «репродуктивная свобода, — говорила в одном из публичных выступлений Глория Стайнем, — это не просто один из аспектов проблемы угнетения — это и есть сама проблема. Она будет долго оставаться в центре феминистской борьбы, т. к. контроль над женским телом, как средством репродукции, есть основа патриархата».¹⁴ Звучный лозунг на обложке журнала «Ms» определял пафос кампании: «Если бы мужчины могли беременеть, право на аборт считалось бы священным». «Праву на выбор» (*pro-choice*) консервативная оппозиция противопоставила защиту «права на жизнь» (*pro-life*), демонизируя своих противниц как убийц детей в глазах религиозного большинства. Упорная борьба завершилась победой феминисток. В 1973 году Верховный суд в деле «Роу против Уэйда» поддержал судебный иск Джейн Роу о признании неконституционным закона штата

¹⁴ Gloria Steinem, *Moving Beyond Worlds* (New York: Simon and Schuster, 1994), p. 35.

Техас, ограничивающего право на безопасный аборт. Использование этого права, по определению Суда, приравнивалось к сфере личной свободы гражданина, гарантированной Конституцией США.

7. Значение темы насилия для теории и практики женского движения США. Сьюзан Браунмиллер, *Против нашей воли* и Кэтрин МакКиннон, *Сексуальные домогательства к работающим женщинам*

В своих теоретических поисках освободительное движение пыталось объяснить смысл и противоречия повседневного женского опыта в соотношении с социальными принципами и структурой власти. В результате одним из базовых понятий для их объяснительных моделей становится «насилие». Группы роста сознания, обсуждая тему «сексуальности», одновременно сделали видимой, сопутствующей ей проблему насилия против женщин. Ограниченность либерально-классической парадигмы в отношении женского «угнетения» не позволяла обнаружить *микрополитическое* воздействие культурных практик повседневности на правовую систему. Даже реформированное законодательство либерального типа с его ориентацией во многом на экономические факторы и исключением приватной сферы из правового пространства не работало в отношении многих форм сексуального насилия против женщин.

В 1975 году появляется еще один классический текст американского радикального феминизма. Сьюзан Браунмиллер в книге *Против нашей воли*¹⁵ сосредоточила внимание на одном из самых тяжелых преступлений против женщин — изнасиловании. К этому времени «освободительные» женские группы уже развернули по всем штатам сеть своих альтернативных общественных институтов и акций, призванных решать ставшую видимой женскую проблему. Создание телефонов доверия, горя-

¹⁵ Susan Brownmiller, *Against our Will: Men, Women and Rape* (New York: Simon and Schuster, 1975).

чих линий, кризисных центров и приютов для жертв насилия сопровождали ночные демонстрации студенток протеста против сексуальных нападений под лозунгом «Верните нам ночь» (*«Take back the night»*). Браунмиллер в своей работе проследила влияние патриархатной гендерной системы на правовую доктрину США. Исторически законы, запрещающие изнасилование, рассматривали его как преступление против собственности (отца или мужа) или против чести и целомудрия, но не против самой женщины. Законодательная реформа только при заключении ее в широкий контекст политической проблемы могла быть эффективной. Вопреки господствовавшим в общественном сознании представлениям Браунмиллер доказывала, что изнасилование — не результат проявления «естественной и неконтролируемой мужской сексуальной страсти». Это преступление мотивируется стремлением к унижению, господству и контролю над жертвой, это «преступление власти и агрессии одного пола по отношению к другому».¹⁶

Социальные и культурные причины сексуального насилия против женщин коренились в жестокой дифференциации гендерных ролей в патриархатной системе. По мнению радикальных авторов, в правовую концепцию 20 века оказались включенными многочисленные мифы о женской и мужской сексуальности, в том числе и фрейдистская идея о женской бессознательной сексуальной фантазии — желании быть изнасилованной. Не только мягкость или отсутствие законов представляло препятствие решению юридической проблемы; существовавшая процедура судебного разбирательства укрепляла чувство незащищенности и вины в сознании женщин. Ответственность за действия преступника возлагалась на женщин, от которых требовали рассказов об их прежней сексуальной жизни, очевидных следов физического сопротивления, свидетельств третьих лиц, даже необходимости выглядеть «добропорядочно» в глазах судьи. Итогом этого являлось часто освобождение преступника от ответственности.

Вопрос, поставленный феминистской юриспруденцией («почему ограбление не требует подобного рода доказательств действий?»), стал основой реформирования уголовного кодекса. В

¹⁶ Ibid., p. 391.

1979 году книга профессора права и адвоката Кэтрин МакКин-нон *Сексуальные домогательства к работающим женщинам*¹⁷ определяет новый аспект проблемы насилия. Обсуждение социокультурных сценариев женской и мужской сексуальности заключалось в теоретические рамки исследования властных отношений и гендерной иерархии в публичной сфере. Под давлением феминисток из Комиссии по равным возможностям в закон о равных возможностях в сфере занятости вносятся в конце 1970-х годов дополнения, которые возлагали на работодателей юридическую ответственность за «создание на рабочем месте атмосферы враждебности и запугивания». Сама Комиссия осуществляла функции контроля за исполнением закона и продвижения судебных исков в связи с его нарушением.

В 1970-е годы группы «роста самосознания» делают видимой проблему насилия в другой сфере — за стенами «семейных крепостей». Скрываемые от публичного контроля тяжелые личные трагедии, переживания, страхи оказались общим женским опытом и общей политической проблемой. В 1977 году действующие на местном уровне женские группы объединяются в мощную организацию «Национальная коалиция против домашнего насилия». Публикации коалиции, показывающие огромное количество ежедневных избиений, издевательств, смертей, выявили еще одну гендерную стратегию власти и доминирования в повседневных практиках. Под влиянием радикальной критики либерально-феминистские организации, расширяя содержательный контекст правового поля, включают в него *приватную* сферу. Согласие на брак, как указывала НОЖ, не освобождает человека от правовой ответственности за жестокость обращения. Государство обязано соблюдать права личности и наказывать за их нарушение не только в публичной, но и в частной сфере. Результатом изменения стратегических приоритетов и объединенных усилий обоих течений стало принятие в 1980 году в ряде штатов специальных законов по домашнему насилию, а также усиление наказания за данный вид преступления в имеющихся статьях уголовного кодекса. Одновременно шло создание структур исполнительной власти (полиции, социальных

¹⁷ Catherine MacKinnon, *A Sexual Harassment of Working Women* (New Haven: Yale University Press, 1979).

служб), отвечающих за соблюдение прав и безопасности граждан в семье.

1) *Борьба против порнографии как разновидность политики женского движения в США*

С генеральной темой сексуальности и насилия оказывалась связанной начатая радикальными феминистками национальная дискуссия по порнографии. Дискуссия обнаружила противоречивость позиций в самом женском движении. Острота постановки проблемы обуславливалась социокультурным контекстом пуританских этических традиций в Соединенных Штатах. С начала 20 века влиятельные религиозно-консервативные движения добились формирования законодательства о «непристойности и распущенности». Формулировки в терминах «аморальности, греховности и зла» создавали юридические обоснования для субъективной интерпретации. Фактически, под порнографию могли попадать любые эротические изображения и сексуальное просвещение.

Отличием феминистского подхода к порнографии стало перенесение проблем из религиозно-моральной сферы в политическую сферу властных отношений. Аргументами противников контроля и запрета порнографии были апелляции к Первой поправке к Конституции о гарантии свободы слова, а также доводы о необходимости «раскрепощения сексуальности». Аргументация феминисток была заключена в рамки гендерного анализа «сексуальных микрополитик». Браунмиллер писала: «Порнография, как и изнасилование, предназначены для дегуманизации женщин, превращения их в объект мужских сексуальных достижений. Ее цель — вовсе не освобождение чувственности от моралистских и родительских ограничений. Ее цель — сделать обнаженное женское тело инструментом патриархальной власти».¹⁸ Они призывали обратить внимание на характер традиционных изображений в популярных мужских журналах. Содержанием недвусмысленных картинок являлась субординация женщин, поэтому порнография оказывалась тесно связанной и даже провоцирующей сексуальное насилие против женщин.

¹⁸ Susan Brownmiller, *Against our Will: Men, Women and Rape* (New York: Simon and Schuster, 1975), p. 394.

Андреа Дворкин, исследовательница и организатор кампании по ограничению порнографической продукции, в своей книге *Порнография: мужчины, обладающие женщинами*¹⁹ концептуализировала порнографию как «культурную практику сексуальной дискриминации».

2) Роль лесбийской политики внутри женского движения

Проблематизация сексуальных отношений как политических отношений власти и подчинения обострила раскол внутри феминизма в 1980-е годы. Выделение лесбийского крыла в радикальном движении и идеологическое обоснование женской гомосексуальности как ведущей стратегии женского освобождения вызвало резкий антагонизм со стороны либеральных организаций. По мнению одного из известных теоретиков этого течения Шарлотты Банч, «реформисты определяют проблему как частный вопрос; между тем для нас это форма политического восстания против социального конструирования женской сексуальной ущербности и вторичности, а также борьба с мужской властью и угнетением».²⁰ Создавая собственные организации и дистанцируясь от мужского гомосексуального движения, лесбийское сообщество 1970-х годов настаивало на принципиальной важности борьбы с *принудительной гетеросексуальностью*. Поскольку господствовавшие сексуальные практики исключали возможность осознания и удовлетворения собственно женских сексуальных желаний, то именно этот проект, по их убеждению, обеспечивал основу для утверждения равноправия как социокультурной нормы. По мере охлаждения феминистских дискуссий провозглашение гомосексуальности перестает быть актом политического протеста. С середины 1980-х годов в контексте соблюдения гражданских прав сексуальных меньшинств данная тема становится частью программных требований либеральных организаций.

¹⁹ Andrea Dworkin, *Pornography: Men Possessing Women* (New York: Perigee Books, 1981).

²⁰ Nancy Myron and Charlotte Bunch, eds., *Lesbianism and the Women's Movement* (Baltimore: University Press, 1975), p. 29.

8. От «эгалитарного феминизма» к «социальному феминизму»

Республиканцы, пришедшие к власти под консервативными лозунгами восстановления стабильности, порядка и могущества Соединенных Штатов, взывали к укреплению «американских» ценностей: религии, домашнего очага и нравственности, к фундаменталистским аргументам о разрушении феминистками основ христианской морали и семейных ценностей. Главными объектами нападок стали право на аборт и Поправка о равных правах. Во втором случае новым правым удалось одержать победу. В 1982 году, когда закончился десятилетний срок ратификации, ПРП провалилась, так и не став 27-й поправкой к Конституции. Для ее утверждения не хватило голосов трех штатов. Антифеминистская кампания, получившая в 1980-е годы название «ответного удара», сумела сыграть на ставшей очевидной к этому времени слабости либерально-эгалитарной концепции женского освобождения. По утверждениям оппонентов, конституционная норма о равенстве мужчин и женщин закрепляла за женщинами «бремя непосильных одинаковых обязанностей с мужчинами» и «нивелировала половые различия, навязывая женщинам мужские нормы».

Поражение ПРП вместе с тем не означало возврата к патриархатным ценностям, как это пытались представить консерваторы. Опросы общественного мнения середины и конца 1980-х годов свидетельствовали о том, что 80% населения Америки признавало важность задач, решаемых женским движением, а более 70% женщин отождествляют свои интересы с феминизмом. Речь шла о другом. С одной стороны, спад протестной активности обозначил наступление новой институционализации феминистской политики в процессе принятия решений на всех уровнях власти в 1980-1990-е годы. По мнению исследователей, тактика групп давления на местные органы управления оказывается в 1980-е годы весьма эффективной в продвижении женских интересов в социальной политике штатов и муниципалитетов.²¹ 20% женщин в законодательных органах штатов и на

²¹ Joe Gelb, Mary Palley, *Women and Public Policies. Reassessing Gender Politics* (Charlottesville: University Press of Virginia, 1996), p. 215.

постах мэров городов, и назначение в 1984 году на пост кандидата в вице-президенты от демократической партии Джеральдин Ферраро служили основанием для оптимизма женских организаций в отношении перспектив реформирования гендерной системы. С другой стороны, процесс выявления критиками слабых мест в либеральной концепции формально-правового индивидуального равенства, равно как и в радикальной идее «всеобщего сестринства», приводил к новым идеологическим расколам и трансформации программ и стратегий действий в женском движении.

Переосмысление прежних концепций происходило, несомненно, весьма болезненно для самих участниц. В 1981 году выходит новая книга лидера либерального крыла феминизма Бетти Фридан *Вторая стадия*,²² которая первоначально вызвала возмущение и обвинение в предательстве со стороны ее соратниц. В книге Фридан признавала иллюзорность и ошибочность некоторых своих собственных и общих принципов понимания женской эмансипации. Результатом борьбы против дискриминации в публичной сфере стало радикальное увеличение количества женщин в общественном производстве: с 20% в 1950-е годы до 57% к началу 1980-х годов. За двадцать лет американки достигли впечатляющих успехов по вхождению в прежде абсолютно недоступные им «мужские» институты власти. Но преуспевающие, профессиональные женщины оказались перед лицом новых разочарований. Состояние фрустрации, по мнению, Бетти Фридан, вызывал теперь комплекс «суперженщины», стремящейся по максимуму удовлетворить требования работодателей и потребности своего мужа и детей. Сохраняя единоличную ответственность за семью, женщины оказались перед лицом новой проблемы совмещения профессиональной и семейной роли.

Борясь за свободу и независимость и отрицая во имя чистоты либеральных принципов «специальные групповые права» и социальные гарантии женщинам, женское движение в лице НОЖ, по мнению Фридан, лишало многих женщин реального жизненного выбора и свободы. В книге «Вторая стадия» она напоминала, что одинокая мать или разведенная женщина, лишенная материальной поддержки в опеке над ребенком, не может конку-

²² Betty Friedan, *The Second Stage* (New York: Summit Books, 1981).

ризовать на рынке труда. Даже замужняя женщина, имеющая ребенка или желающая его иметь, в ситуации гендерно-нейтрального права перечеркивает свои шансы на профессиональную карьеру. Феминистская политология приходила в конце 1980-х годов к выводу о том, что политические достижения выдающихся женщин и формальное равенство либерального феминизма оставляют без изменения социальную субординацию рядовых, обычных женщин. Поэтому ни равенство возможностей, ни демократическое гражданство не может быть достигнуто без радикальных изменений в личной и домашней жизни.²³

В результате трансформация идейно-политической платформы либерального крыла женского движения в 1980-е годы заключалось в переходе от «эгалитарного феминизма» к *социальному феминизму* (*welfare feminism*) и обозначало требование новых «гендерно-чувствительных» норм законодательства. По убеждению феминисток, реальное равенство возможностей могла обеспечить специальная, целенаправленная гендерная политика государства. В 1980-1990-е годы главным направлением феминистской политической деятельности, а также основным предметом бурных публичных дискуссий становится программа «позитивных действий» (*affirmative action*). Введенная в 1970-е годы президентом Р. Никсоном программа предусматривала обязательность для корпораций и университетов, имеющих федеральное финансирование, предоставлять определенное количество мест для этно-расовых меньшинств и женщин. Одновременно предусматривалось обеспечивать преимущественное продвижение женщин по службе при одинаковых с мужчинами профессиональных качествах. «Позитивные действия» означали попытку ликвидировать структурные особенности, которые влияют на положение определенных групп, а также попытку с помощью государственных стратегий обеспечить их эффективную конкурентоспособность. «Позитивная или ответная дискриминация» являлась реакцией на неадекватность антидискриминационного законодательства по решению проблемы равенства возможностей.²⁴ Борьба за принятие социальных законов,

²³ Carol Pateman, *The Disorder of Women* (Oxford: Polity Press, 1989), p. 223.

²⁴ Carol Lee Bacchi, *The Politics of Affirmative Action. «Women», Equality and Category Politics* (London: Sage Publication, 1996), pp. 16-17.

гарантирующих пособия для матерей-одиночек, государственную систему детских садов, защиту трудовых прав женщин в связи с беременностью и родами, право на аборт, защиту женщин и детей от домашнего насилия означала переход от политики «равных прав» к «политике равных возможностей». К середине 80-х годов стало очевидно, что именно практика «позитивной дискриминации» привела к значительному повышению социального статуса черных американцев и женщин.

9. Понятие множественности феминизмов, или феминизмов различий в женском движении США

Изменение позиций либерально-феминистского крыла демонстрировали наиболее важную тенденцию в эволюции женского движения 1980-х годов. Содержанием этой эволюции становится сдвиг в сторону *многокультурного феминизма, множественности феминизмов или феминизмов различий*. До этого времени идея женской идентичности, на которой делали основной акцент либеральный и радикальный феминизм, затрудняла концептуализацию *многообразия женского опыта*. Опыт белых, хорошо образованных женщин из среднего класса брался за норму, игнорируя исторические и социокультурные условия других женских групп, более маргинальных. Многокультурный феминизм утверждал, что признание женских различий и конфликтов — часть здорового политического процесса.

С середины 1970-х годов вслед за лесбийским в рамках женского движения США начинает оформляться течение черного феминизма. Известные журналистки, будущие популярные писательницы Элис Уокер, Нобелевский лауреат Тони Моррисон, Анджела Дэвис первыми в своих работах поставили проблему *двойной идентичности и двойного угнетения* чернокожих американок. Вовлеченные в 1960-е годы в движение за гражданские права афро-американцев, они проделали в своей идейной эволюции тот же путь, что и их белые соратницы из молодежных организаций. Обнаружение маргинальности женской ситуации не только в традиционно патриархатном американском обществе, но и в новых либеральных и радикальных кон-

цепциях афро-американского освобождения неизбежно привело их в ряды феминисток, неотвратимо вызвав обвинения в предательстве интересов расовой солидарности со стороны сторонников нового программного лозунга борьбы «власть черным».

Для самих черных феминисток путь обретения женской солидарности протеста тоже не мог быть простым и гладким. Серьезным барьером на этом пути и главным объектом критики становилось то, что опыт чернокожих женщин не был включен в созданные белым феминизмом модели женского освобождения. В этом смысле концепции и практики обеих ветвей движения предыдущих десятилетий полностью игнорировали социальные, расовые и этнические различия среди женщин. Либеральная и радикальная парадигмы феминизма, выстроенные исключительно на опыте белых, образованных женщин среднего класса, воспроизводили, по мнению цветных феминисток, властную иерархию среди самих женщин. Создаваемый ими механизм по обеспечению формального индивидуального равенства, не учитывающий двойную эксплуатацию женщин из расовых, этнических меньшинств и низших социальных слоев, оказывался неработающим, а подчас ухудшающим статус этих женщин. Одна из самых известных теоретиков черного феминизма белл хук писала в своей книге *Феминистская теория: от края к центру* о необходимости не ограничивать рамки феминизма стремлением к достижению одинакового социального статуса с мужчинами. Добавление отсутствующих элементов анализа неизбежно вносит раскол в феминистскую среду, но при этом расширяет границы феминизма до понимания всей совокупности многообразных систем господства, взаимозависимости форм угнетения по признаку пола, расы и класса. Отождествление угнетения исключительно с мужским доминированием обозначало, по мнению хук, слабость либерального и радикального политического анализа и затрудняло формирование жизнеспособных стратегий, способность мужчин и женщин быть подчиняемыми — общая точка их соприкосновения.² Эта идея становится ключевой в формировании многокультурного феминизма 1980-1990-х годов.

²⁵ bell hooks, *Feminist Theory: From Margin to Center* (South End Press, 1984), p. 31.

10. Заключение: значение женского движения США для развития демократии

«Феминизм различий», или множественность феминизмов определяли новый этап в идеологии и практиках женского движения США в 1980-1990-е годы. На смену коллективным действиям 1960-1970-х годов приходит институционализация женского движения в процесс принятия решений по широкому спектру гендерной политики. Академический статус новых университетских программ по женским и гендерным исследованиям утверждал признание эпистемологических возможностей феминистских концепций. В последнее десятилетие 20 века становится очевидной интеграция многих феминистских ценностей в структуру национального самосознания и жизненной философии американцев. Правовое признание и уважение к различиям любого рода определяло формулирование принципов многокультурного плюрализма в 1990-е годы и эволюцию американской модели демократии.

2. Женское движение второй волны: истоки, концептуализация и результаты¹

Западное женское движение второй волны возникло в конце 60-х годов 20 века и с этого времени стало объектом исследований в рамках социологии общественных движений. В данном разделе представлен анализ женского движения как общественного движения с учетом традиции данной отрасли социологии, формулируются основные подходы к его исследованию, анализируются коллективные действия, организации и идеология движения.

1. Женское движение как общественное движение: исследовательские подходы

В социологии общественных движений выделяют три основные парадигмы:

1. Парадигма коллективного поведения — трактовала движения как результат неудовлетворенности, напряжения, депривации.²

2. Теория мобилизации ресурсов — рассматривает движения как рациональных субъектов, для успеха которых важны ресурсы, организации, лидерство.³ (Вариантом данного направления является теория политических процессов, важная в ком-

¹ Данная глава представляет собой переработанную версию статьи «Женское движение как общественное движение: история и теория» (Гендерные тетради. Выпуск первый / Под ред. Клецина А. СПб.: СПб. филиал Института социологии РАН, 1997. С. 45-93).

² R. Turner and L. Killian, *Collective Behaviour* (Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1957), p. 223.

³ J. McCarthy and M. Zald, «Resource Mobilization and Social Movements: A Partial Theory», *American Journal of Sociology*, 1977, 82: 1217-1218.

паративистском смысле — для сравнения, как различные политические условия воздействуют на движения).

3. Парадигма новых социальных движений — поставила в центр внимания структурные причины движений, коллективные идентичности, которые они выражают, их отношение с капиталистическим обществом.⁴

Женское движение явилось одним из конкретных движений, осмысляя которое, развивалась социология общественных движений. Исследования женского движения использовали элементы парадигмы коллективного поведения и понятия относительной депривации, но в большей степени для данных исследований характерно использование (создание) парадигм мобилизации ресурсов и новых социальных движений.

Теория мобилизации ресурсов. Одним из первых приложений этой теории была появившаяся в 1975 году книга американского социолога Джо Фримен *Политика женского освобождения: исследование возникновения социального движения и его соотношения с политическим процессом*.⁵ Объясняя процесс возникновения и развития движения, Фримен использует понятия депривации и мобилизации ресурсов. Структурное напряжение с одной стороны, а ранее существовавшие сети (связи) и организации — с другой, интерпретируются как значимые для возникновения движения. В рамках этого исследования Фримен объясняет, как разные ветви женского движения использовали разные стратегии и достигали разных результатов. «Старая ветвь» движения была вовлечена в реформистские действия, в ее рамках создавались формализованные организационные структуры, женщины в организациях этой ветви ориентировались на политические действия. Пример такого движения — Национальная организация женщин в США. Вторая, «молодая ветвь» состояла из небольших групп, ориентированных на «ком-мьюнити» — сообщества, созданные на основе дружеских свя-

⁴ J. Cohen, «Strategy or Identity: New Theoretical Paradigms and Contemporary Social Movements», *Social Research*, 1985, 52: 663-717, см. также: Здравомыслова Е. Парадигмы западной социологии общественных движений. СПб.: Наука, 1993.

⁵ J. Freeman, *The Politics of Women's Liberation. A Case Study of an Emerging Social Movement and its Relation to the Policy Process* (New York: David McKay Company, Inc, 1975).

зей и не имеющие жестких организационных структур. Основными ячейками молодой ветви были группы «роста сознания», в которых женщины собирались для обсуждения своих проблем. Ценностями этих групп являлись демократия, равенство, сообщество. Их цели ориентировались на конкретные проекты, у них был низкий уровень профессиональной специализации, они быстро создавались и быстро распадались.

Эти две ветви движения позднее были названы, соответственно — либеральной (реформистской, умеренной, массовой, правой, «движением за права женщин») и радикальной (революционной, левой, «движением малых групп», «женским освободительным движением»). Первая ветвь придерживалась либеральной идеологии, вторая — социалистической, марксистской и радикальной в различных сочетаниях.

Фримен утверждает, что разные стратегии двух ветвей движения гораздо больше связаны со спецификой их организационных структур, чем с идеологией. Успешность движения зависела от типа организаций, от наличия организационных сетей, которые могут быть использованы движением и адаптированы к восприятию новых идей.

Две основные ветви движения имели разные арены протеста, стратегию и тактику. Либеральное движение действовало на политической арене. Основными видами деятельности являлись лоббирование, петиции, обращения к законодателям, призывы голосовать определенным образом, судебные дела, образование. Эта ветвь движения стремилась получить власть в существующей системе, оно ставило целью изменить структуры таким образом, чтобы женщины как социальная группа могли выполнять иные роли. Действия были направлены на изменения законов, институтов, структуры занятости. Для того чтобы изменить положение женщины, надо изменить общество.

Для «нового движения» основной ареной борьбы являлись личные и дискурсивные изменения. Женские встречи и собрания были направлены на рост уверенности женщин в себе, на изменения личности. В некоторых случаях движение использовало тактику конфронтации с существующей системой. Считалось, что изменение общества женщины должны начать с изменения себя: на личном уровне необходимо освободиться от интернализованной иерархичности. Деятельность должна осуществляться прежде всего в социальной и культурной сферах,

для привлечения внимания общественности и психологической поддержки женщин возможно применение тактики прямого действия (например, уличных театров, гражданского неповиновения и т. п.).⁶

Теория относительной депривации. Если модель мобилизации ресурсов объясняет главным образом механизм формирования движения и роль его организаций, то понятие относительной депривации помогает интерпретировать причины возникновения движения.⁷ Для женского движения относительная депривация имела особый смысл. Фримен указывает, что структурное напряжение повлияло на его формирование: образованные женщины испытывали относительную депривацию, поскольку не могли найти работы или не получали такой же зарплаты, как мужчины с таким же уровнем образования (в том числе их бывшие однокурсники). Если они совмещали две роли, то испытывали чувство вины из-за невыполнения традиционных обязанностей. Напряжение, таким образом, возникало как на структурном, так и на личном уровне. Это напряжение, ранее воспринимаемое как личная проблема, переводилось на язык публичного дискурса в группах «роста сознания». Личное (депривация женщин по признаку пола) становилось политическим, обретая общественный смысл как лозунг движения.

Теория политического процесса. Понятие цикла протеста⁸ используется в теории женского движения для объяснения его общей логики, связи с другими движениями, использования их сетей, опыта и ресурсов.⁹ Возникновение женского движения в большинстве стран происходило в периоды общего протеста и мобилизации, разные движения были связаны идеологически и

⁶ B. Ryan, *Feminism and The Women's Movement. Dynamics of Change in Social Movement, Ideology and Activism* (New York: Routledge, 1992), p. 93-96.

⁷ J. Chafetz and A. Dworkin, *Female Revolt. Women's Movement in World and Historical Perspective* (University of Houston: Rowman and Allamheld Publ., 1986).

⁸ S. Tarrow, «National Politics and Collective Action: Recent Theory and Research in Western Europe and the United States», *Annual Review of Sociology*. 1988, 14: 421-440.

⁹ D. Dahlerup, (ed.). *The New Women's Movement. Feminism and Political Power in Europe and in the USA* (London: Sage, 1986).

личными контактами, вместе выступали против истеблишмента и традиционных ценностей.

Опыт участия женщин в других движениях привел их к организации собственного протеста, поскольку они столкнулись с фактами дискриминации в левых движениях 60-х годов.¹⁰ Борясь за равенство и справедливость «вообще», женщины обнаружили неравенство и несправедливость по признаку пола в тех организациях, к которым принадлежали.

Различная структура политических возможностей привела к различиям в композиции и результатах движения, что показано в сравнительных исследованиях.¹¹ В структуру политических возможностей для анализа женского движения включаются место и роль партий, групп давления, бюрократии, судов в политической системе.¹²

Кроме разных политических возможностей, движения имели также разные культурные возможности, что особенно заметно на примере католических стран, где было оказано сильное политическое и культурное сопротивление движению, и протест-ные действия приняли широкий размах. В разных условиях движениям удавалось мобилизовывать разные ресурсы, вырабатывать разные стратегии, осуществляя коллективные действия.

Теория новых социальных движений. В рамках этой теории движение рассматривается как реакция на процесс модернизации, как протест против технократизации. Важными аспектами являются создание новой коллективной идентичности

¹⁰ D. Dahlerup, «Introduction», in D. Dahlerup, ed., *The New Women's Movement. Feminism and Political Power in Europe and in the USA* (London: Sage, 1986), p. 5.

¹¹ S. Bergman, «Researching the Women's Movement. Consideration Arising out of a Comparative Study of the New Women's Movement in Finland and the Federal Republic of Germany», in T. Andreasen, et al, ed., *Moving On. New Perspective on the Women's Movement* (Aarhus Univ. Press. 1991), p. 208-220; J. Chafetz and A. Dworkin, *Female Revolt. Women's Movement in World and Historical Perspective* (University of Houston: Rowman and Allamheld Publ., 1986); D. Dahlerup, ed., *The New Women's Movement. Feminism and Political Power in Europe and the USA* (London: SAGE Publication, 1986); J. Gelb, *Feminism and Politics. A Comparative Perspective* (University of California Press, 1989).

¹² J. Gelb, *ibid.*, 15-16.

женщин и изменение политического дискурса.¹³ Так, например, парадигма коллективной идентичности использована в анализе лесбийского сообщества В. Тэйлор и Н. Виттиер.¹⁴ Для создания коллективной идентичности движение определяет свои «границы» — отграничивая себя от остальных; вырабатывает оппозиционное сознание (интерпретативные схемы) и оппозиционное отношение к существующему порядку.

Понятие границы связано с установлением различий между группами, между отдельной группой и обществом. Лесбийское сообщество создает альтернативные институты, особую женскую субкультуру, которые противопоставляются враждебному окружающему миру. Развитие сознания представляет собой процесс, в ходе которого группа переоценивает себя, субъективные опыты членов группы, возможности и разделяемые интересы. Оппозиционное разделяемое сознание предполагает наличие некой интерпретационной когнитивной схемы, в рамках которой лесбийство переосмысливается как политизированная феминистская идентичность. По отношению к существующему порядку лесбийское сообщество сопротивляется негативным социально-культурным определениям, требует иначе (позитивно) оценивать группу, через изменение идентификационного дисплея происходит переопределение понятия «женщина». Это и есть процесс конструирования и структурирования «мы» — то есть коллективной идентичности.¹⁵ Анализ нового женского движения как определения и переопределения коллективной идентичности занимает все большее место в интерпретациях движений в 80-90-е годы.

В 80-90-е годы, когда модель мобилизации ресурсов подвергалась критике за недооценку факторов идеологии и симво-

¹³ J. Jenson, «Struggling for Identity: The Women's Movement and the State in Western Europe», *West European Politics*, 1985, 8 (4); C. Mueller, «Conflict Network and the Origins of Women's Liberation», *New Social Movements. From Ideology to Identity* (Phil.: Temple Univ. Press, 1994).

¹⁴ V. Taylor and N. Whittier, «Collective Identity in Social Movements Communities. Lesbian Feminist Mobilization», in A. Morris and C. Mueller, eds., *Frontiers in Social Movement Theory* (New Haven: Yale Univ. Press, 1992), pp. 104-130.

¹⁵ Ibid., pp. 112-116.

лических значений,¹⁶ в интерпретациях женского движения появились новые акценты. Б. Райн рассматривала те же две ветви, что и Фримен, однако если основания для их вычленения в ранних исследованиях были структурные и стратегические, то Райн дифференцирует движение по идеологии, связывая с ней изменения и способы действия женского движения.¹⁷

Среди новейших тенденций интерпретации женского движения отметим тенденцию к синтезу парадигм, повышение интереса к вопросам идентичности, а также — интерес к социально-психологическим и культурным составляющим контекста, выработке символических значений. Предметом исследования становятся персональные взаимодействия «лицом к лицу» (*face-to-face interactions*), а не только взаимодействия организаций, как это происходило в теории мобилизации ресурсов. Исследователи все больше обращаются к повседневному опыту, взаимодействиям и интерпретациям в повседневности, к проблемам социального конструирования субъективности. Усиливается стратификационный аспект исследования: в центр внимания ставится не универсальный индивид, рациональный актор, а актор с определенным гендерным, расовым, классовым, этническим опытом.¹⁸ Все большее количество явлений становится предметом феминистски ориентированных исследований, исследователей женского движения.

В 80-90-х годах констатировалось, что интересы женщин разнообразны, зависят от особого культурного, социального, политического контекста. Опыт особых групп женщин, их идентичности становится предметом все более пристального внимания как самого движения, так и исследователей, осмысляющих его опыт.

Если движение 70-х обращалось к общим для всех женщин чертам сознания и опыта, оперируя категориями патриархата и создавая оппозиционную ему женскую культуру, то фе-

¹⁶ Например, L. Zucher and D. Snow, «Collective Behavior: Social Movements», in M. Rosenberg and R. Turner, eds., *Social Psychology: Sociological Perspective* (New York: Basic Books, 1981), pp. 447-482.

¹⁷ B. Ryan, *Feminism and The Women's Movement*.

¹⁸ A. Morris and C. Mueller, eds., *Frontiers in Social Movement Theory* (New Haven: Yale Univ. Press, 1992).

минизм 80-90-х в постструктуралистском варианте рассматривал гендер как социальный конструкт (в котором нет ничего природного, естественного) и тем самым усложнял ситуацию в женском движении, стремящемся к реализации конкретных целей. Однако в любом случае феминизм — это политика, новыми средствами которой становятся деконструкция и генеалогия «женщины».¹⁹

Определение движения. В разных парадигмах женское движение определяется по-разному. В одних случаях ему даются узкие трактовки, сводящие движение к новой автономной деятельности («новой» ветви). В других — в понятие женского движения включается широкий спектр женской деятельности, в том числе в партиях, профсоюзах, общественных институтах или других социальных движениях.

Если различать употребление термина «женское движение» в узком и широком смысле, то в первом случае в него включаются те виды деятельности, которые имеют феминистский характер, автономны, независимы от политических организаций и организаций, смешанных по признаку пола.²⁰ Во втором (широком) смысле к движению относятся «различные исторические и современные проявления женской активности, социальных потребностей и усилий в области феминизма и политики, касающейся женщин. Исследование женского движения тогда будет включать разнообразные организации и сети, такие, как женские профсоюзы, женские политические организации внутри и вне политических партий, благотворительные и религиозные организации».²¹ К женскому движению в такой интерпретации могут быть отнесены разнообразные организации. Например, в Скандинавии: Национальные советы женских организаций

¹⁹ J. Butler, *Gender Trouble. Feminism and the Subversion of Identity* (New York, London: Routledge, 1990).

²⁰ R. Jallinoja, *Suomalaisen naisasialiikkeen Taistelukaudet (The Active Periods of the Finnish Women's Movement)* (Helsinki: WSOY, 1983).

²¹ T. Andreasen, A. Borchorst, D. Daherup, et al. «Introduction», in T. Andreasen, A. Borchorst, D. Daherup, eds., *Moving On. New Perspectives on the Women's Movement* (Aarhus Univ. Press. 1991), p. 9; см. также: S. Bergman, «Researching the Women's Movement. Consideration Arising out of a Comparative Study of the New Women's Movement in Finland and the Federal Republic of Germany», in T. Andreasen, et al, ed., *Moving On. New Perspective on the Women's Movement* (Aarhus Univ. Press. 1991), pp. 208-220.

(объединяющие различные женские группы, основанные в начале века и насчитывающие в середине 80-х годов до 450 тыс. членов в Финляндии и в Норвегии); ассоциации домохозяек; ассоциации женщин сельской местности (жен фермеров); организации женщин в политических партиях; организации женщин в профсоюзном движении; социальные и гуманитарные организации; религиозные организации.²²

Теория общественных движений различает организации и собственно движение. К движению в широком смысле относятся женские связи (сети) в повседневной жизни, локальные сообщества; сети феминистских писательниц, феминистские литературные круги, театральные группы.

Последователи парадигмы новых социальных движений, определяя женское движение, делают акценты на возникновении новой коллективной идентичности женщин; последователи парадигмы мобилизации ресурсов — на коллективной деятельности, направленной на социальные изменения, представляющей протест против существующей структуры власти и преобладающих норм и ценностей. Женское движение — это «коллективная деятельность женщин для улучшения положения женщин и изменения мужской доминации в обществе».²³

Нужно также иметь в виду встречающиеся различия женского движения и феминизма. Термин «феминизм» чаще используют для обозначения идеологии или теории (хотя иногда феминизм является синонимом женского движения), а термин «женское движение» — для обозначения организованной деятельности, реализующей феминистские (хотя и не всегда, и не только) идеи. В зависимости от конкретных особенностей культуры, политической, экономической, социальной системы движение имеет различные формы и масштабы. В зависимости от особенностей гендерной системы движение может считать себя женским, но не феминистским (что было типично для первой волны женского движения на Западе, когда большинство движений не ставили под вопрос существующую гендерную систему, а в настоящее время — для многих организаций в постсоветском пространстве, на Востоке, в Латинской Америке). Дви-

²² D. Dahlerup, «Introduction», pp. 9, 14.

²³ Ibid., p. 3.

жение может ориентироваться на изменение гендерных отношений, а может действовать, исходя из существующих гендерных ролей.²⁴ В первом случае оно может быть названо феминистским, во втором — женским движением.

Современное женское западное движение определяется главным образом как феминизм, женское движение «одновременно и является и не является новым общественным движением», и некоторые авторы высказывают мнения о неадекватности теорий общественных движений для его интерпретации.²⁵

Отметим, что пересечение социологии общественных движений и гендерного порядка не ограничивается исследованиями женского движения. Существует большой массив литературы по гомосексуальным движениям,²⁶ который мы здесь не рассматриваем. Несмотря на то, что о женском движении сделано на Западе огромное количество исследований, в социологии общественных движений гендерное измерение остается маргинальным. Как отмечают Тэйлор и Виттиер во введении к специальному выпуску журнала *Гендер и общество*, посвященному гендерной проблематике и общественным движениям, вплоть до настоящего времени в поле зрения теоретиков данного направления политической социологии редко попадают женские движения, феминизм и концептуализация гендера.²⁷ Однако феминистские авторы включаются в дебат об общественных движениях, показывая гендерное измерение государства, дискурса, идентичности и организаций. Гендер влияет на политические возможности, организационные процессы, интерпретативные схемы. Таким образом, социология общественных движений (и политическая социология в целом) постепенно включают гендерное измерение в анализ как через исследования женского движения, так и через исследование гендерных составляющих социальных движений.

²⁴ J. Chafetz and A. Dworkin, *Female Revolt. Women's Movement in World and Historical Perspective* (University of Houston: Rowman and Allamheld Publ., 1986).

²⁵ S. Bergman, «Researching the Women's Movement. ...», pp. 208-209.

²⁶ На русском языке см.: Кон И. Лунный свет на заре. Лики и маски однополый любви. М.: Олимп, 1998.

²⁷ V. Taylor and N. Whittier, «Guest Editors' Introduction. Special Issue on Gender and Social Movements: Part 1», *Gender and Society*, 1998, 12 (6): 622-625.

2. Женское движение в сравнительной перспективе: особенности коллективного действия и структуры политических возможностей

Исследований в рамках подхода мобилизации ресурсов и политических процессов, позволяющих судить о различиях политических систем, оказывающих влияние на структуру политических возможностей женского движения, довольно мало.²⁸ Первая причина: в период подъема движение воспринималось как общемировое, акцент делался на сходстве в разных странах. Другая причина: ориентация исследований на те страны, где женское движение имело особенно сильный размах и влияние (в первую очередь — на США), а также — на американскую, английскую и французскую теоретические традиции в тех странах, где свои культурные и интеллектуальные традиции были слабыми.²⁹

Среди политических возможностей движения в теории политического процесса выделяются степень открытости/закрытости системы, стабильность/нестабильность политических альянсов, наличие/отсутствие связей и поддерживающих групп, расколы внутри элиты и ее отношение к протесту, способность правительства осуществлять политику.³⁰ Рассмотрим, как работает данная модель в интерпретации женского движения.

В исследовании женского движения в США и Европе Катценштайн и Мюллер (M. Katzenstein and C. Mueller)³¹ определяющими считаются партийная система, роль в ней социалисти-

²⁸ Сравнительные аспекты движения исследовались: S. Bergman, *ibid.*; J. Chafetz and A. Dworkin, *ibid.*, D. Dahlerup, *ibid.*, J. Gelb, *ibid.*; M.F. Katzenstein and C.M. Mueller, eds., *The Women's Movement of the United States and Western Europe* (Philadelphia: Temple Univ. Press, 1987); D. Rucht, «The Impact of National Contexts on Social Movement Structures: A Cross-Movement and Cross-National Comparison», in D. McAdam et al., ed., *Comparative Perspectives on Social Movements* (Cambridge Univ. Press, 1996), pp. 185-205.

²⁹ Например, в Италии, см. B. Beccalli, «The Modern Women's Movement in Italy», *New Left Review*. 1994. 204: 93.

³⁰ Tarrow, *ibid.*

³¹ Katzenstein and Mueller, *ibid.*

ческих и коммунистических партий (женское движение больше поддерживают там, где более активны социалисты) и политическая культура. По мнению Д. Рухта,³² структура женского движения определена возможностями контекста. По мнению Дж. Гелб,³³ на различия влияют степень плюралистичности системы; сила профсоюзов, партий, групп интересов; роль судов; распространенность левой идеологии. Она описывает три модели действия движения в зависимости от разных политических возможностей: модель группы давления американского женского движения, модель идеологического левого феминизма в Великобритании и модель государственного равенства (государственного феминизма) в Швеции. Рассмотрим эти модели, а также пример движения в католической Европе.

Одной из особенностей коллективных действий женского движения является сочетание двух видов действий: действия на политической арене (лоббирование) и действия сети групп роста (развития) сознания. В наиболее общем виде коллективные действия могут быть определены как совместные действия людей для достижения своих интересов, например такие, как митинги в целях демонстрации поддержки своего дела. Для коллективного действия необходимы общие интересы, мобилизация, контроль за ресурсами и возможности. Наиболее успешные коллективные действия описываются Ч. Тилли как развивающиеся от организации — к мобилизации — к пониманию общих интересов и к достижению конкретных возможностей действовать коллективно.³⁴

Социальные движения в этой интерпретации являются средством мобилизации групповых ресурсов в том случае, когда у людей нет институциональных средств для выражения своих интересов или когда их потребности репрессированы. То, насколько люди могут выражать свои интересы в условиях существую-

³² D. Rucht, «The Impact of National Contexts on Social Movement Structures: A Cross-Movement and Cross-National Comparison», in D. McAdam et al., ed., *Comparative Perspectives on Social Movements* (Cambridge Univ. Press, 1996), pp. 185-205.

³³ J. Gelb, *ibid.*; J. Gelb and M.L. Palley, *Women and Public Policies* (Princeton: Princeton Univ. Press, 1982).

³⁴ Ch. Tilly, *From Mobilization to Revolution* (Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1978), pp. 7-10.

щей системы, определяет способы их действия, вплоть до открытой конфронтации с политическими властями и насилия. Типичные модели коллективных действий и протестов различаются в зависимости от исторического, культурного контекста, от особенностей движения.

Модель группы давления. Политика в США менее корпоративистская по сравнению с Европой, профсоюзы менее значимы в политическом смысле и менее привержены социалистическим взглядам, суды ориентируются на защиту индивидуальных прав граждан. Политическая система США децентрализована, плюралистична, открыта для образования групп давления, партии играют в ней меньшую по сравнению с Европой роль, что определило лицо женского движения и способы его коллективного действия.

В США женское движение в целом действовало как группа давления, его протестные действия имели ограниченный характер. Национальная организация женщин проводила митинги в 70-х годах, марши и демонстрации привлекали внимание общественности, мобилизовывали сторонников. Одной из наиболее крупных акций было ралли «Женская забастовка за равенство». Акция имела общенациональный характер, объединяя разрозненные организации движения в целях решения проблем аборт, равных возможностей образования и работы.

Однако другие каналы доступа в политическую систему открывались без особых трудностей, поэтому необходимость в массовых коллективных действиях была ограничена в 70-е годы. Причина относительно легкого достижения доступа к политическим рычагам управления в США объясняется как следствие открытости политической системы, наличия лобби в Конгрессе, законодательной помощи членов Конгресса, а также тем, что женщины составляют большинство населения, поэтому многие политики ожидали массовой поддержки решения женских вопросов.³⁵ В 80-е годы, однако, демонстрации собирали большое число сторонников, что было связано с ростом климата консерватизма в стране. Некоторые небольшие группы предлагали стратегию гражданского неповиновения.³⁶

³⁵ Gelb and Palley, *ibid.*, p. 53.

³⁶ Ryan, *ibid.*, pp. 76-77.

Другой формой действия женского движения была судебная борьба, которая, однако, также не достигала такого размаха, как, например, в движении за гражданские права, поскольку пол (в отличие от расы) не был определен законодательно. Поэтому не столько дела подавались в суды, сколько велась образовательная и разъяснительная работа в этом направлении, воздействуя на рост сознания.

Лоббирование явилось одной из важнейших форм действия женского движения, особенно в США. Представление законодательных проектов, экспертиза, переговоры с членами Конгресса стало повседневной деятельностью для большинства феминистских групп. Получение информации, комментарии предлагаемых законодательных изменений — превратилось в распространенный вид деятельности женского движения.

Среди других форм действия женского движения была подготовка и образование лидеров (семинары, лекции по широкому кругу феминистских вопросов), поиск денежных ресурсов. Важной сферой деятельности женского движения является создание коалиций с другими движениями для решения совместных целей (поиска денег, оказания влияния на законодателей по общим вопросам). Для движений такого типа, как упоминалось выше, существенным являлись личные связи, в том числе — между разными движениями. Различные группы проводили совместные собрания, ралли, конференции.

Таким образом, женское движение в США, в условиях открытой политической системы с относительно слабыми партиями и профсоюзами, действует преимущественно как группа давления.

Модель левого идеологически ориентированного феминизма. В Великобритании политическая система более традиционна и централизованна по сравнению с США, более изолирована от общественных движений. Политика действует на основе неокорпоративизма, больших групп давления на основании экономических интересов. Партии являются важными субъектами в решении политических вопросов, однако они не подвержены такому влиянию групп давления, как в США. Суды в Британии считают себя больше выразителями интересов государства, чем индивидуальных прав, что сильно отличает их от американской системы. Такие особенности политической системы существенно ограничили возможности женского движения. В сравнитель-

ных исследованиях указывается, что культурная составляющая возможностей в Британии (распространенность традиционных ценностей, уровень образования и пр.) неблагоприятна для движения.³⁷

В результате влияние движения на политику не было значительным; закрытость политических структур ограничила возможности лоббирования, группам воздействия не хватало ресурсов, поддержки. Женское движение в Британии страдало от недостатка ресурсов, возможностей экспертизы, от отсутствия доступа в министерства и другие управленческие структуры. Левый феминизм настаивал на идеологической целостности и отказывался сотрудничать с другими группами. Феминистская политика в таком случае принимала децентрализованную форму, не получая значительного политического представительства и не добиваясь ощутимых результатов. Этой модели присущи фрагментация и идеологический энтузиазм.

Особенностью женского движения в Британии выступают его действия внутри партий и профсоюзов. Однако эти действия не были высоко результативными (за исключение совместного с Лейбористской партией влияния на политику в области абортa). Фокус внимания большинства британских феминистских групп был сосредоточен на изменении стиля жизни. С конца 60-х годов возникли многочисленные группы (кризисные центры, клиники, группы черных женщин, группы женщин определенных профессий). В целом женское движение в Великобритании оказалось более успешным в своей повседневной деятельности по развитию сознания, чем на уровне политической системы.

Модель государственного феминизма. В Швеции, в условиях, когда политическая система представляет собой модель консенсуса, инкорпорируя интересы и активность граждан, политика государственного равенства в отношении женщин (государственный феминизм) сочетается с отсутствием организованного женского движения. Политическая система Швеции характеризуется низким уровнем конфликтов и оппозиций, способностью к консенсусам, к парламентским решениям. Интересы отдельных групп широко представлены в комиссиях и различных государственных органах. Кроме участия в голосовании, в стра-

³⁷ Gelb, *ibid.*, pp. 19, 25-26.

не не наблюдается высокого уровня политической активности граждан, общество высоко институционализировано, пространство для внепарламентской деятельности ограничено. Культурные же возможности в Швеции очень высоки, приверженность традиционным взглядам незначительна.

Поскольку в Швеции отсутствовало сильное женское движение, борьба за освобождение происходила главным образом в партиях и политических институтах, альтернативные структуры и группы роста сознания не рассматривались как значимые субъекты политики.

Женщины активны в политических партиях и, отчасти, в профсоюзах. Государство кооптирует женщин и женские вопросы в политику даже без специального давления со стороны движения. Схожая ситуация государственного феминизма существует и в Финляндии.

Движение одной проблемы. Приведем еще один пример движения, которое развивалось в иной структуре политических возможностей — там, где особое значение оказывала культурная составляющая. В Италии протестные действия приняли широкий размах; но женское движение, сражаясь с католической церковью и правящей Христианско-Демократической партией было движением «одной проблемы» — права на аборт. В Италии всегда существовало две влиятельные политические силы: левые, с одной стороны, и католическая церковь, с другой. Традиции протестной деятельности в Италии сильны, политическая система конфликтна, гендерные ценности достаточно консервативны. Женское движение не могло рассчитывать на доступ в политические институты, одновременно оно не доверяло традиционной политике и могло получить поддержку только с одной, левой, стороны политического спектра. Поэтому движение имело возможность воздействовать на политику, только мобилизовав серьезную поддержку и организовав крупномасштабные манифестации. Тесные связи с левым движением, с Коммунистической партией, профсоюзами послужили базой для развития итальянского женского движения в общем протестном цикле 70-х годов.³⁸

Массовым женское движение в Италии стало, когда был поднят вопрос об аборте: была развернута дискуссия, в кото-

³⁸ Beccalli, *ibid.*

рую включились католическая церковь, законодатели, теологи, левые партии. Демонстрации принимали все более массовые масштабы, число участников выросло с 30 тысяч в 1975 году до 50 тысяч в 1977. После проведения референдумов в 1978 году был принят новый закон. Практически все партии оказались вовлеченными в проблему абортов, однако дебаты по этому поводу не стали феминистскими, движение не было абсорбировано парламентом, после чего многие женщины отказались участвовать в невосприимчивой к их требованиям политике, и движение пошло на спад.³⁹ В целом феминизм в Италии не завоевал таких позиций, как в Северной Европе, однако сильно повлиял на изменения культурного контекста.

Если четыре изложенные выше модели сконструированы в «классической» традиции теории политического процесса, то несколько иной подход предложен немецким исследователем общественных движений Д. Рухтом.⁴⁰

Он расширяет понятие структуры политических возможностей до понятия «структуры контекста», в которую включает 1) культурный контекст (соотношение индивидуальных и публичных ценностей с ценностями движения), 2) социальный контекст (социальные сети, социальные среды, социальная стратификация), 3) политический контекст (доступ к политике, способности осуществлять политику, структура альянсов, структура конфликтов и оппонентов). Данное понятие применяется в основном к стабильным условиям и учитывает среду как объективно данную, а не социально сконструированную.

Понятие структуры контекста позволяет выделить различные структуры движения: партийно-ориентированную, grass-root's⁴¹ и группу интересов. Рухт объясняет структуру женского движения в США, Германии и Франции следующим образом:

³⁹ E. Pisciotto, «The Strength and the Powerless of the New Italian Women's Movement: the Case of Abortio», in D. Dahlerup, ed., *The New Women's Movement. Feminism and Political Power in Europe and the USA* (London: SAGE Publication, 1986): 26-47.

⁴⁰ Rucht, *ibid.*

⁴¹ «Grass-root's» (дословно: корни травы) используется для обозначения слабо структурированных, децентрализованных, неформальных (часто — хаотичных и изменчивых) общественных движений, взаимодействующих через гибкие сети (network's) коммуникаций.

Во-первых, в женском движении этих стран есть сходство. Во всех трех странах движение воплощает только маргинальные элементы в партийной системе, нигде не существует значительных женских партий. За некоторым исключением (главным образом, связанным с проблемой аборт) вопросы женского движения не являлись важными в периоды выборов. Женское движение опирается как на децентрализованные структуры, так и на формально иерархичные (в США): существуют организации и на национальном уровне. Подчеркивая необходимость личных изменений, роста сознания и самопомощи, женские группы действуют по принципу прямых интеракций, стараясь избегать бюрократизации. Женское движение организовано по принципу автономии, исключения мужчин и независимости от официальных организаций. Организации связаны между собой неформальными сетями.

Во-вторых, существуют различия в структуре движения, и эти различия зависят от структуры контекста. Опишем три основные модели: 1) Франция: партийно-ориентированная модель женского движения. Акценты — на избирательный процесс, партийную политику и доверие к формальным организациям. Во Франции женское движение — дисперсное и слабое, у него существует тенденция опираться на левые партии (Социалистическую партию). Движение наиболее активно действует на выборах и в партийной политике. В результате оно имеет структуру, сходную со структурой партии. Движение ослабло с 70-х к 80-м годам, хотя оно никогда не было столь сильным, как в США. Причины такой ситуации: закрытые партийная система и система принятия решений, лоббирование не приносит результатов, поэтому движение пытается оказать влияние на партии. Кроме того государство ограничивает возможности движений, в том числе репрессивными мерами, тем самым выполняя роль контрдвижений. 2) Германия: сочетание трех моделей: партийно-ориентированной, *grass-root's* (модель неформального действия) и группы интересов. В Германии существует сильное движение с развитой инфраструктурой. Первоначально преобладали *grass-root's* организации, потом сформировались более структурированные организации. Появились и группы интересов, занимающиеся лоббированием. Немецкое женское движение имеет децентрализованную структуру, профессиональные женские организации и секции в партиях и профсоюзах, которые не являют-

ся интегрированными в единое движение, но сотрудничают *cgrass-root's* организациями. В Германии степень способности государственных структур к осуществлению политики можно охарактеризовать как среднюю (в отличие от сильной степени во Франции и слабой в США). Доступ к принятию решений также характеризуется как средний (уже, чем в США, но шире, чем во Франции). Контрдвижения слабы, функциональным субститутом контрдвижения служат консервативные партии. Общественное движение не может полагаться только на внепарламентскую политику, оно способно действовать во всех сферах, и потому образует многоструктурную модель.⁴² 3) США: модель группы интересов: движение, влияющее в первую очередь на политику (лоббирование) и институциональные структуры. В США существуют разнообразные организационные формы движения, преобладают профессиональные организации, похожие на группы давления. Национальная организация женщин имеет большое количество членов. В движениях существует разделение труда и профессиональный штат. В США структура контекста определяется существованием относительно сильных движений. Открытость системы принятия решений способствует развитию профессиональных движений, но не способствует развитию *grass-root's*. Партийная система не оставляет возможности для возникновения третьей партии, однако существующие партии относительно открыты для новых проблем и групп. В США нет жесткого разделения между партиями и движениями. Сила контрдвижения антифеминистской направленности, ограничивающего возможности женского движения, связана с силой фундаменталистских религиозных групп. В результате в США преобладает модель движения, напоминающего лоббирующие группы.

3. Идеология как ресурс движения. Основные направления идеологии

Райн, используя теорию мобилизации ресурсов, указывает, что основные различия между организациями женского движе-

⁴² См. также: Bergman, *ibid.*

ния второй волны были идеологическими.⁴³ В 80-е годы идеологические и символические аспекты были включены в данную теорию как особые ресурсы движений. Идеология используется движением как ресурс, как эффективная стратегия мобилизации.

В исследованиях, рассматривающих роль идеологии в развитии движения, высказывается иная, по сравнению с Фримен, гипотеза: женское движение возникало не из Новых левых, движений за гражданские права и антивоенных движений, а параллельно с ними и как реакция на них. Движению не достаточно мобилизовать людей, ему надо мобилизовать идеи, выработать идеологию, которая может объединить участников. Несогласие с существующей идеологией ведет к созданию альтернативы, что является решающим фактором для общественного движения. Альтернативная идеология подтверждает справедливость социальных изменений и мотивирует людей к действиям.⁴⁴ Другая функция идеологии — создать объяснительные возможности для объединения людей с одинаковым опытом и интересами в изменении status quo.

Феминистская идеология должна была объяснить, в чем заключается несправедливость мира по отношению к женщинам, и как эта несправедливость может быть устранена. Существовало несколько вариантов такого объяснения. Активисты, которые придерживались различных идеологий, могли организовывать иногда совместные действия (особенно на пике движения), но чаще группы находились в идеологических конфликтах и дебатах.

Влиятельно работой для всех направлений феминизма стала написанная в 1949 году книга С. де Бовуар *Второй пол*. Большинство феминистских идеологий так или иначе позиционировали себя по отношению к данной работе. Дебат о *сходстве и различии полов* оказался значимым для развития женского движения в течение всего послевоенного периода.

⁴³ Ryan, *ibid.*

⁴⁴ M.M. Ferree and F.D. Miller, «Mobilization and Meaning: Toward an Integration of Social Psychological and Resource Perspectives on Social Movements», *Sociological Inquiry*, 1985, 55: 38-61; N. Tuana and R. Tong, *Feminism and Philosophy* (Boulder: Westview Press, 1995); L. Zucher and D. Snow, «Collective Behavior: Social Movements», in M. Rosenberg and R. Turner, eds., *Social Psychology: Sociological Perspective* (New York: Basic Books, 1981), pp. 447-482.

В 80-90-е годы для женского движения одним из основных является вопрос *идентичности*: существует ли особая женская суть или нет. Идеология культурного феминизма (наследника радикального феминизма) строит успешные коллективные действия на основании наличия особой женской сути. Постструктуралисты, утверждая социально-конструктивистский подход, ограничивают возможности борьбы дискурсивными проблемами, считая дискурсивное поле — полем политического действия. Однако это — проблемы более позднего периода.

Рассмотрим подробнее основные идеологии женского движения периода пика второй волны:⁴⁵

а) Либеральный феминизм. Либеральный феминизм, корнями уходящий в суфражизм и борьбу за образование женщин, стал идеологией реформистского направления женского движения 60-х годов в Америке и в Европе. Вторая волна феминизма создала новые организации по защите женских прав, особенно в США, во Франции, в Англии. В некоторых странах (например, скандинавских) либеральную идеологию проводили организации, существующие с 19 века, в других — создавались новые организации. В соответствии с интерпретацией Фримен, эффективность старых организаций зависела от способности воспринимать новые идеи, использовать уже существующие сети.

Либеральный феминизм провозглашает равенство полов, которого можно достигнуть посредством реформ и которое должно лежать в основании гендерно нейтрального законодательства и политики.⁴⁶

Либерализм изменялся по мере развития капиталистического мира, изменялся и статус либерального феминизма. На смену классическому либерализму, подразумевавшему защиту государством гражданских свобод и создание равных возможностей действовать на рынке, пришел эгалитарный либерализм социальной поддержки (*welfare*) с идеями и политикой защиты государством экономической справедливости, предоставления

⁴⁵ См. также: Хольмберг К. и Линдхольм М. Феминистская теория // Монсон П. Современная западная социология. СПб.: Нотабене, 1992. С. 228-259.

⁴⁶ Фридан Б. Загадка женственности. М.: Прогресс, 1994, см. также: Темкина А. Либеральный феминизм и мистика женственности // Все люди — сестры. 1994, № 3.

социального, медицинского обслуживания и помощи семье и пр. Либеральный феминизм проделал схожую эволюцию, распространяя при этом принципы индивидуализма и личной свободы не только на мужчин. Развитие либерального феминизма вывело его за границы формального равенства, подняв новые вопросы помощи в воспитании детей и личной свободы в репродуктивной сфере.

Либерально-классическое направление феминизма, исходя из того, что общество в целом благоприятствует мужчинам, ориентировалось на изменение *законов и политики, дискриминирующих* женщин. Предполагалось, что в результате изменения законов женщины смогут на равных соревноваться с мужчинами.

В отличие от них феминисты эгалитарного (вэлферного) либерализма полагали, что женщины должны иметь преимущества (позитивная дискриминация). От гендерно-нейтральных законов необходимо переходить к гендерно-специфичным, позволяющим вдовам, одиноким матерям, разведенным получить реальные шансы. К этому направлению относят вторую книгу Б. Фридан — *Вторая стадия*,⁴⁷ которая вышла почти через двадцать лет после первой, когда обнаружились новые трудности совмещения женских ролей. Если в 60-е годы женщины были жертвами мистики фемининности (представления о женственности), то теперь они стали жертвами «мистики феминизма» (представления о феминизме). Если раньше было обнаружено, что женщины-домохозяйки не удовлетворены своей жизнью, то спустя четверть века возникло разочарование у женщин, успешно делающих карьеру. Из рабыни мужчины женщина превратилась в рабыню работы, а зависимость переместилась из частной в публичную сферу. «Суперженщина» стала зависимой и от мужа, и от начальника. Выход из положения предлагается в реинтеграции мужчины в семью. Такие выводы получили названия «феминизма, ориентирующегося на семью» (*pro-family feminism*).⁴⁸

⁴⁷ B. Friedan, *The Second Stage* (New York: Summit Books, 1981).

⁴⁸ Это направление, возникшее в 80-е годы, оспаривает положение о том, что феминизм не совместим с семьей и материнством. К нему относятся работы G. Greer, *The Female Eunuch* (London, 1971); G. Greer, *Sex and Destiny: The Politics of Human Fertility* (New York: Harper and Row, 1984); B. Friedan, *The Second Stage* (New York: Summit Books, 1981); J.B. Elshtain, *Public*

Нерешенной остается проблема соотношения с либерализмом: если все люди от природы равны, то нужны ли гендерно-ориентированные законы? Следует ли из этого необходимость женщине становиться равной и одинаковой с мужчиной? Или наоборот? Подход, сензитивный к гендерным различиям, противоречит ориентации на индивидуальность в классическом либерализме.

Поэтому феминистская критика либерализма направлена на переоценку индивидуальной свободы, ратует за гуманизм, нейтральный в гендерном отношении, за ориентацию на общечеловеческие ценности, которые равны мужским ценностям, а также за стремление действовать внутри существующей системы, не ставя целью ее коренное преобразование.

б) *Радикальный феминизм.* В определенном смысле радикальная идеология противоположна либерализму в решении проблемы неравенства полов. Если либерализм в дилемме «сходство — различие полов» решает проблему через сходство, равенство, одинаковость, то радикализм строит свою теорию и практику, исходя из различия. В центре радикальной идеологии находится переосмысление женской биологии. Феминизм определяет причину подавления женщин через структуры традиционных гетеросексуальных отношений и социальных институтов. Радикальная идеология отрицала идею равенства с мужчинами, провозглашала освобождение всех угнетенных. Организационная деятельность движений радикальной идеологии привела к созданию феминистской альтернативы в литературе, музыке, духовной сфере, медицине, сексуальности, в сфере занятости и технологии. Такие институты связывались между собой сетевыми принципами.

Радикальный феминизм как явление 20 века тесно связан с такими тенденциями современности, как рост внимания к меж-

Man, Private Woman: Woman in Social and Political Thought (Princeton: Princeton Univ. Press, 1981); R. Eccleshall et al., *Political Ideologies* (London and New York: Routledge, 1984): 247-275. Здесь хотя и подчеркиваются различия полов, различия женственности и мужественности, но также утверждается и важность семьи (в ее разных вариантах) и материнства, важность связи матери — детей. Феминизм «семейной ориентации» подвергается критике за консерватизм взглядов (J. Stacey, «Are Feminists Afraid to Leave Home?», in J. Mitchell and A. Oackley, eds., *What is Feminism?* (Basil Blackwell, 1986).

личностным отношениям, чувствам и ощущениям, и с изменением отношения к сексуальности, контрацептивам, материнству.⁴⁹ Радикальный феминизм был представлен относительно небольшими группами в основном белых женщин, студенток, принадлежащих к среднему классу. С момента своего возникновения радикальный феминизм сильно изменился: он разорвал связи с левыми и левым феминизмом и выработал самостоятельную идеологию. В радикальном феминизме, однако, не существует единой теории, по мере его развития идеология становилась все более дифференцированной. В теоретическое осмысление постепенно включался не только опыт белых образованных женщин (которые оставались ядром движения), но и опыт цветных, женщин из рабочего класса, что впоследствии изменило парадигму интерпретации полов.

Радикальная идеология соглашается со следующими положениями: женщины исторически были первой угнетенной группой; угнетение женщин — наиболее широко распространенная и наиболее сильная форма угнетения. Радикальный феминизм обычно призывает покончить не только с капитализмом, но и изменить семью, по крайней мере как экономический институт и институт воспитания детей. Направление сепаратистов (лесбийского феминизма) предлагает к этому добавить еще и отрицание гетеросексуальности.

В основе радикальной идеологии лежит признание онтологических различий мужчины и женщины. Женщина подвергается угнетению через контроль мужчиной, женщина является «*sex class*» (радикалы, даже разрывая с марксизмом, часто использовали его категориальный аппарат), условия подавления и угнетения которого глубоки и невидимы. Радикальные феминистки анализируют, через какие средства и институты (включая медицину, религию, воспроизводство, расизм, экологию и политическую теорию) осуществляется мужская доминация. Самый важный способ контроля — это контроль женской сексуальности (сексуальные домогательства, избиение женщин, насилие, порнография, стерилизация, аборты, законы об использовании кон-

⁴⁹ A. Jaggar and P. Rothenberg, *Feminists Frameworks* (New York: McGraw-Hill, 1984), см. также: Миллетт К. Теория сексуальной политики // Вопросы философии. 1994, № 9.

трацептивов, принудительная гетеросексуальность). «Сексуальность для феминизма то же самое, что труд для марксизма».⁵⁰

Данное направление идеологии подвергается критике другими феминистками за биологический детерминизм, за то, что ставит в центр женскую биологию, фиксирует ее неизменность, из особенностей биологии выводит психологические особенности. Радикальный феминизм критикуется и за чрезмерно обобщенный взгляд на женщину, не учитывающий расовых и социальных различий.

В то же время радикальный феминизм оказал сильное влияние на развитие феминистской теории и практики, хотя и не везде он был представлен сильными организациями в движении. Его влияние на переосмысление гендерных ролей затронуло многие сферы от сексуальной — до политической. Не без его влияния основное направление в политическом истеблишменте сделало шаг в сторону от либерализма в смысле равенства и сходства (гендерно-нейтрального подхода) к равенству различий (гендерно-чувствительный подход).

в) *Марксистский и социалистический феминизм.* Движения 60-х годов развивались в контексте общей критики капитализма и мощного подъема левых движений, распространившихся из Франции 1968-го года, в ситуации повсеместного увлечения интеллектуалов марксизмом, роста антибуржуазных настроений и намерений. Социалистические и марксистские феминистки идентифицировали себя с этой борьбой. И этим они отличались от радикалов, которые считали не капитализм, а мужчин ответственными за угнетение по признаку пола. На марксистский и социалистический феминизм оказали большое влияние тесные связи с Новыми левыми, именно там, где были сильными левые протесты в 60-70-е годы, особенно активно развивалось женское освободительное движение.

Главные положения марксистского и социалистического феминизма опираются на взаимосвязи гендерного и классового неравенств с институтами частной собственности. Различие направлений заключалось в том, что первые полагали классовое

⁵⁰ C.A. MacKinnon, «Feminism, Marxism, Method, and the State: An Agenda for Theory», in N.O. Keohane, ed., *Feminist Theory. A Critique of Ideology* (The Harvest Press, 1982), p. 1.

неравенство основной и первичной формой социальных иерархий в обществе, а вторые рассматривали класс и пол как относительно автономные системы, каждая из которых создает свою иерархию.

Данное направление восходит к работам К. Маркса, Ф. Энгельса (в первую очередь — *Происхождение частной собственности, семьи и государства*), А. Бебеля, подчеркивавшим экономическое измерение неравенства, и к трудам утопических социалистов (Р. Оуэн и Ш. Фурье), настаивающих (артикулируя дилемму «различия — схождения» отличным от либералов образом) на моральном превосходстве женщины.

Марксистское направление феминизма акцентирует специфику капиталистической системы, порождающей классовое неравенство так же, как и экономическую зависимость женщины от мужчины. гендерное неравенство может исчезнуть только с исчезновением капитализма и классов.

Практика сексуальности делит общество на два класса. Феминистский метод реорганизации общества — это изменение сознания, то есть коллективная реконструкция значения женского опыта; пользуясь таким методом, женщины осознают, что их дискриминация создается коллективным социальным существованием.

Внутри марксистского направления нет унифицированной системы взглядов. Подходы различаются в зависимости от того, какие аспекты марксистского анализа используются и для чего. Идеологически и организационно взаимоотношения феминизма и марксизма достаточно сложны, временами конфликтны. Мнение о «неудачном браке марксизма и феминизма»⁵¹ часто встречается в литературе. Марксисты критикуют феминизм за буржуазность, за сосредоточенность на чувствах и оценках, феминистки обвиняют марксистов за смещение акцентов от пола к классу, за то, что они не выходят за пределы мужского видения мира.⁵² СРдну из наиболее острых дискуссий в марксистском направлении феминизма вызвал вопрос о «зарплате для домохозяек». Домашнюю работу женщин можно интерпретировать как

⁵¹ Н. Hartmann, «The Unhappy Marriage of Maxism and Feminism», in L. Sargent, ed., *Women and Revolution* (Boston: South End Press, 1981).

⁵² MacKinnon, *ibid.*

участие в производстве, а женщин — как класс, производящий прибавочную стоимость в домашнем труде. Маргинальность домашней работы при капитализме порождает маргинальность женщины в обществе. Один из выходов — оплата домашнего труда. Поскольку домашняя работа интерпретируется как главное средство подавления женщины, то женщина должна по крайней мере получать за это зарплату. Тогда женщина не будет экономически зависеть от мужа, а будет получать зарплату у государства за работу по дому. «Зарплата для домохозяек» как лозунг борьбы отражала феминистское представление, что отношения между мужчиной и женщиной в семье имеют такой же социальный смысл, как и отношения на производстве.

М. Далла Коста считала, что все женщины являются домохозяйками, независимо от того, работают они за пределами дома или нет.⁵³ Ее взгляды оказали влияние на женщин с обеих сторон Атлантики и послужили основанием для небольшого, но агрессивного движения за зарплату для домохозяек в начале 70-х годов.⁶⁴

На *социалистическое* Направление феминизма (теория которого также начала развиваться в конце 60-х годов) повлиял марксистский классовый анализ и радикально-феминистский анализ в терминах патриархата. Подавление женщины интерпретировалось как связанное не только с капитализмом, но и полом, расой и пр. Власть и угнетение стали рассматриваться как следствие материальных и идеологических условий патриархата, расизма и капитализма. Теоретики данного направления — З. Айзентштайн, Дж. Митчелл, С. Роубосан употребляли термин «капиталистическая патриархия».

У всех женщин есть-общий опыт, который касается материнства и сексуальности! Все женщины выполняют домашнюю работу и обладают меньшей степенью свободы по сравнению с мужчинами. Женщины имеют более длинный рабочий день, получая меньшее, чем мужчины, материальное и эмоциональное вознаграждение, они меньше участвуют в принятии решений, имеют меньше сексуальной свободы и получают меньше сексуально-

⁵³ M. Dalla Costa, «Women and the Subversion of the Community, *The Power of Women and the Subversion of the Community* (Bristol: Falling Wall Press, 1973), pp. 19-54.

⁵⁴ L. Vogel, *Marxism and the Oppression of Women. Toward a Unitary Theory* (New Brunswick, New Jersey: Rutgers University Press, 1987), p. 21.

го удовлетворения.⁵⁵ Для освобождения женщины нужно не только изменение экономических условий, но и реорганизация воспроизводственной (репродуктивной) сферы. Люди должны иметь возможность контролировать рождаемость, аборт, воспитание детей и, независимо от пола, должны иметь, например, отпуска по уходу за детьми, гибкие рабочие графики. В этом смысле равенство расширяется не только для женщин, но и для мужчин.⁵⁶

Марксистская и социалистическая идеология стала идеологией многих групп нового женского движения 60-х годов. К середине 70-х социалистические феминисты начали терять свою силу, многие женщины-марксистки ушли из социалистических организаций и из женского движения вообще.

2) *Психоаналитический феминизм.* Психоанализ в его феминистской трактовке, в отличие от других идеологий, не стал основанием для отдельного направления феминистской борьбы (за исключением Франции, таких известных групп, как 'Psychoanalyse et politique'), однако в теоретическом смысле был важен и для радикалов, и для марксистов. Он использовался как теоретический подход в 70-е годы, а затем послужил мостом для перехода к новым постмодернистским идеологиям феминизма 80-х-90-х годов.

В 60-е годы некоторые феминистские теоретики левого направления обратились к психоанализу, обнаружив, что классовые аналогии недостаточны для объяснения иерархии соотношения полов в обществе, и что необходимо включить в анализ более глубокие структуры человеческой психики. Работы Дж. Митчелл *Женщина: самая долгая революция* (1966), *Женское сословие* (1971) считаются классическими в этом направлении феминизма. Для единого анализа материальных, биосоциальных и идеологических условий угнетения женщины автор использует марксизм и психоанализ.⁵⁷

Психология женщины, порождаемая определенным прохождением стадий психосексуального развития, достаточно устойчива в патриархатном обществе. Поэтому либеральные реформы могут

⁵⁵ A. Ferguson and N. Folbre, «The Unhappy Marriage of Patriarchy and Capitalism», in L. Sargent, ed., *Women and Revolution* (Boston: South End Press, 1981), p. 319.

⁵⁶ A. Jaggar, *Feminist Politics and Human Nature* (Towota, NJ: Rowman, 1983).

⁵⁷ J. Mitchell, *Psychoanalysis and Feminism* (New York: Vintage Books, 1974).

изменить внешние проявления «женственности», но не могут изменить женщину. Экономические реформы также не превратят мужчин и женщин в равноправных партнеров, поскольку-неравенство скрыто в глубинных слоях человеческой психики. «Для Митчелл патриархат — это человеческое общество, уничтожить патриархат — значит уничтожить единственное известное нам человеческое общество».⁵⁸ Патриархат и капитализм — две автономные системы. Используя марксизм, можно уничтожить капитализм. Однако остается неясным, можно ли уничтожить коренящийся в психологической сфере патриархат, используя психоанализ, и возможна ли «революция бессознательного».

Обращение к психоанализу не было простым, поскольку феминизм изначально относился к нему двойственно: З. Фрейд подвергался критике за тезисы о зависти женщины к мужчине, об ощущении женщиной своей неполноценности, о биологическом детерминизме, с другой стороны, одновременно признавалось открытие З. Фрейдом ранее табуированных тем сексуальности и объяснение формирования гендерной субъективности на бессознательном уровне.

Феминистская теория использовала психоанализ в поисках ответа на вопрос о глубинных причинах гендерного неравенства в обществе, пытаясь выявить те пласты бессознательного, эмоционального, сексуального, которые существуют у всех людей. Психоанализ понимался феминистками как «метод и теория, направленные на исследование того, как мы развиваем и используем наши бессознательный фантазии, и как мы конструируем и реконструируем наши прошлые ощущения в настоящем».⁵⁹

В то же время психоаналитический феминизм критикуется за то, что тяготеет к универсализму, не пытается понять разницу гендера и сексуальности в разных исторических условиях, применительно к разным классам, расам и этносам. Наиболее распространенная критика психоаналитического феминизма связана с тем, что он оставляет за пределами внимания многие социально-культурные и политико-экономические основания женской субординации. Именно поэтому он часто выступал не как самостоятельная идеология, а в сочетании с другими теоретическими направлениями-

⁵⁸ R. Tong, *Feminist Thought* (London: Unwin Hyman, 1989), p.178.

⁵⁹ N.J. Chodorow, *Feminism and Psychoanalytic Theory* (Polity Press, 1989), p. 4.

ми, принимающими во внимание социальные, экономические, политические факторы гендерного неравенства. Психоаналитический феминизм мог бы быть значительно обогащен, если бы включал сравнение различных культурно-исторических условиях. Вместе с тем, как пишет Н. Ходоров, ограничения психоанализа еще не основания для его отвержения. Ибо в любой культуре люди имеют психику, самость, идентичность, бессознательные фантазии, способы реконструкции прошлого в настоящем.

На женское движение 70-х годов оказывали влияние все вышеперечисленные идеологии. В результате сложилось два основных направления борьбы за изменение положения женщины — реформаторское и радикальное, причем как между собой, так и внутри каждого существовали теоретические дебаты и взаимная критика.

Группы либеральной направленности стремились работать на законодательном уровне, привлекать самых разных сторонников, и потому находились в противоречии с сектором малых групп, чья идеология имела более радикальный и ограничительный характер. В различии идеологий крылись конфликты женского движения. Либералы были слишком консервативными для радикалов. Для марксистских групп — все остальные были буржуазными, для радикальной идеологии другие группы считались либо чрезмерно левыми, либо находившимися под влиянием мужчин. Практически всегда проблемой была степень радикализма организации (идеологии и вытекающей из нее тактики), проблема «идеологической» чистоты организации и ограничения репертуара действий.

Эти проблемы лежали в основе расколов организаций, создания фракций движения. Разные организации придерживались разной тактики и стратегии действия, имели разную структуру, мотивацию, арену борьбы и типы лидерства. В 70-80-е годы идеологические конфликты, усиление контрдвижения, с одной стороны, и распространение феминистских идей (в широком смысле) — с другой, привели женское движение в большинстве европейских стран и Америке к спаду. Идеология, которая может служить мобилизующим ресурсом, в 80-х годах оказала на движение демобилизующий эффект.

4. Влияние движения на политику

Женское движение, по мнению его исследователей, оказало существенное влияние на политическую систему. Отмечаются три основных направления влияния на политику: 1) идеи движения абсорбируются обществом, 2) лидеры движения кооптируются в политику, 3) бывшие маргинальные группы (женщины) добиваются политического участия и политического влияния.⁶⁰ При этом разные ветви и организации движения имеют разные зоны влияния, одни — прямые, другие — косвенные. Либеральное движение воздействовало на политическую власть, радикальное изменяло сознание и поведение женщин, а впоследствии и мужчин.

Новое женское движение повлияло на программы практически всех партий в западных странах. Наиболее сильный отклик был получен от левых партий, которые восприняли идеи движения практически полностью. Многие центристские партии включили вопросы, поднятые движением, в свою деятельность и стали решать их через политические институты. Большинство партий провозгласили в своих документах равенство мужчин и женщин. В некоторых случаях партии вносили свои коррективы и использовали феминистские требования в своих целях (так произошло, например, в случае итальянского референдума по проблемам абортов⁶¹). Кроме того в большинстве стран были созданы новые государственные институты, занимающиеся проблемами женщин (комитеты равного статуса, комиссии равных возможностей, министерства по делам женщин и пр.), во многих университетах были институционализированы феминистские центры и женские (гендерные) исследования.

Многие лидеры женского движения стали членами левых и зеленых партий, заняли руководящие посты в профсоюзах, в женских комитетах. Однако вопрос кооптирования лидеров движения в систему политических институтов достаточно проблематичен для движения. В ряде случаев он может быть расценен как успех, но нередко кооптация ослабляет движение и противоречит его принципам (особенно — принципу неучастия, распространенному в радикальной ветви движения), приводит к дерадикализации и спаду протестного потенциала.

⁶⁰ D. Dahlerup, «Introduction», p. 16.

⁶¹ Pisciotto, *ibid.*

Важной целью женского движения было изменение структуры власти в обществе, изменение положения женщины. Хотя большинство феминисток и сегодня указывают на многочисленные проблемы и факты дискриминации, реально положение и политическая активность женщин изменились на Западе столь сильно, что можно говорить о новом «гендерном контракте».⁶² Женщины активно участвуют в различных социальных движениях, в женских организациях и институтах; женское политическое представительство резко возросло в 80-е годы, особенно в Скандинавских странах, где женщины получили до одной трети мест в парламенте.⁶³

Женское движение в Европе и Америке, пережив подъем в 70-х годах, существенно повлияло на осмысление гендерных ролей и гендерной идентичности, на изменение гендерной политики на государственном уровне и поведения на повседневном уровне, на создание новых субкультур и областей исследований. Женское движение стало когнитивной базой гендерных и женских исследований, его потребности в объяснении и изменении гендерного порядка стали условиями бурного развития феминистской теории. Движение изменило гендерные контракты в обществе, повлияло на гендерную систему в целом. Оно сделало легитимной постановку вопросов гендерных деприваций и дискриминаций на разных уровнях — политическом, теоретическом, повседневном. Оно способствовало легитимизации разнообразных гендерных идентичностей и сексуальностей, привлекло внимание общества к «новым» социальным проблемам и способствовало хотя бы частичному их решению.

⁶² Гендерная система — совокупность отношений между мужчинами и женщинами, включающая идеи, формальные и неформальные правила и нормы, определяемые местом и положением полов в конкретном обществе. Гендерная система представляет собой совокупность «гендерных контрактов». В западном обществе под влиянием женского движения гендерный контракт «домохозяйки» и «кормильца» сменяется на контракты «равного статуса» (Здравомыслова Е. и Темкина А. Введение. Социальная конструкция тендера и тендерная система в России // Тендерное измерение социальной и политической активности в переходный период. Труды ЦНСИ. Вып.4. СПб.: 1996, С. 7).

⁶³ E. Naavio-Mannila, et al., eds., *Unfinished Democracy. Women in Nordic Politics* (Oxford: Pergamon Press, 1985).5. Заключение. Влияние женского движения второй волны на социальные изменения

Об авторах

Елена Гапова — кандидат филологических наук, доцент, директор Центра гендерных исследований Европейского гуманитарного университета (Минск); редактор книги *Антология гендерной теории* (2000) (с Альмирой Усмановой), автор статей по посткоммунистическим гендерным политикам.

Елена Горошко — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Харьковского национального политехнического университета, сотрудница ХЦГИ, автор статей, посвященных проблемам взаимоотношения языка, пола и гендера.

Елена Здравомыслова — кандидат социологических наук, доцент Европейского университета в Санкт-Петербурге, координатор исследований в Центре независимых социологических исследований (СПб), автор книги *Парадигмы западной социологии общественных движений* (1993), редактор книг *Хрестоматия феминистских текстов* (2000) (с Анной Темкиной) и *Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период* (1996) (с Анной Темкиной).

Сергей Жеребкин — кандидат философских наук, заведующий харьковским отделением кафедры философии НАН Украины, директор издательской программы ХЦГИ, автор книги *Метафизика как жанр* (Киев, 1996) (с Ириной Жеребкиной), статей по гендерным стереотипам в культуре.

Ирина Жеребкина — кандидат философских наук, заведующая лабораторией гендерных исследований в Харьковском национальном университете, директор ХЦГИ, главный редактор журнала *Гендерные исследования*, автор книг: *Страсть: женское тело и сексуальность в России* (в печати), *«Прочти мое желание...»: постмодернизм, психоанализ, феминизм* (2000), *Женское политическое бессознательное* (1997), *Метафизика как жанр* (1996) (с Сергеем Жеребкиным), редактор книг: *«Феминизм под любым другим именем» в Украине: женщины репрезентируют самих себя* (2000), *Femina Postsovietica. Украинская женщина в*

переходный период: от социальных движений к политике (1999), *Гендерные исследования: феминистская методология в социальных науках* (1998), *Теория и история феминизма* (1996).

Елена Иванова — доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой общей психологии психологического факультета Харьковского национального университета, сотрудница ХЦГИ, автор статей по гендерным особенностям памяти и правам женщин.

Екатерина Карпенко — кандидат философских наук, доцент кафедры философии Харьковского медицинского института, сотрудница ХЦГИ, автор статей по экофеминизму.

Игорь Кон — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии образования, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, почетный профессор Корнеллского университета (США) и университета Саррей (Великобритания), автор свыше 300 статей и 40 книг, в том числе: *Социологическая психология* (1999), *Лунный свет на заре. Лики и маски однополый любви* (1998), *Сексуальная культура в России: клубничка на березке* (1997), *Вкус запретного плода. Сексология для всех* (1997), *Введение в сексологию, Подростковая сексуальность на пороге 21 века, Открытие Я*, многие из которых переведены на иностранные языки.

Елена Мезенцева — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической социологии Государственного университета «Высшая школа экономики», старший научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, сотрудница МЦГИ, научные публикации последних лет затрагивают проблемы экономической и профессиональной адаптации мужчин и женщин в условиях переходной экономики и теоретические проблемы гендерной экономики.

Елена Мецкеркина — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН, доцент Российской Академии Образования, автор работ по гендерной проблематике и качественному анализу в социологии, редактор книги *Биографический метод: история, методология и практика* (1994).

Светлана Поленика — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, заведующая сектором Института государства и права РАН, академик Международной академии информатизации, автор книги *Права женщин в системе прав человека* (2000) и более 200 публикаций по конституционному гражданскому и семейному праву и по правам женщин.

Людмила Попкова — кандидат исторических наук, доцент Самарского государственного университета, директор Самарского центра гендерных исследований, автор статей по истории международного женского движения и правам женщин.

Наталья Пушкарёва — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, автор книг: *Частная жизнь русской женщины в доиндустриальной России* (1997), *Women in Russian History, X-XX cc.* (1997), *Женщины России и Европы на пороге Нового времени* (1995), *Женщины. Древней Руси* (1989), *Русские женщины: история и современность* (в печати), редактор книги: «*А се грехи злые, смертные...*» *Любовь, эротика и сексуальная этика в доиндустриальной России* (1999).

Анна Темкина — Ph. D. in Social Sciences, доцент факультета политических наук и социологии Европейского университета в Санкт-Петербурге, автор книги *Russia in Transition: the Case of New Collective Actors and New Collective Actions* (Хельсинки, 1997), редактор книг: *Хрестоматия феминистских текстов* (2000) (с Еленой Здравомысловой) и *Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период* (1996) (с Еленой Здравомысловой).

Альмира Усманова — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии философского факультета Европейского гуманитарного университета, заведующая лабораторией визуальных исследований, автор книги *Умберто Эко: парадоксы интерпретации* (2000), редактор книги *Антология гендерной теории* (2000) (с Еленой Гаповой).

Сергей Ушакин — кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры культурологии и рекламы Алтайского государственного технического университета (г. Барнаул), докторант кафедры социо-культурной антропологии Колумбийского университета (Нью-Йорк), автор статей по проблемам постсоветской национальной и половой идентичности.

Ирина Чикалова — доктор политических наук, доцент Белорусского государственного педагогического университета, директор Минского центра гендерных исследований в Женском негосударственном институте «ЭНВИЛА», автор книг: *Партии и власть в США и Великобритании: гендерная политика в 1970-1990-х годы* (2000) и *Женщины Белоруссии в зеркале эпохи. Национальный отчет* (1997) (с В. М. Ковтун и В. И. Новицким).

Елена Ярская-Смирнова — доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной работы и социальной антропологии Саратовского государственного технического университета, автор книг *Профессиональная этика социальной работы* (1999), *Социокультурный анализ нетипичности (1997)* и *Семья нетипичного ребенка. Социокультурные аспекты* (1996).

Директор издательства:

О. Л. Абышко

Главный редактор:

И. А. Савкин

Дизайн обложки: *А.*

В. Самойлова

Редактор: *Завен*

Баблюн

Корректоры: **Тамара**

Булавина, Наталья Соболева

Оригинал-макет;

Сергей Баранник

ИД № 04372 от 26. 03. 2001 г.

Издательство «Алетейя»: 193019, Санкт-Петербург, пр.
Обуховской обороны, 13 Телефон издательства: (812) 567-
2239 Факс: (812) 567-2253 E-mail: aletheia@spb.cityline.ru

Сдано в набор 17.01.2001. Подписано в печать 12.04.2001.

Формат 60 88/16. 44,5 п. л. Тираж 1000 экз. Заказ № 3947

Отпечатано с готовых диапозитивов в Академической типографии
«Наука» РАН: 199034, Санкт-Петербург, 9 линия, д. 12

Printed in Russia

АЛЕТЕЙЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АЛЕТЕЙЯ»:
НОВЫЕ КНИГИ О ГЛАВНОМ

Санкт-Петербургское издательство «Алетейя» существует с 1992 г. (первоначально как редакционно-издательская группа, с марта 1993 г. как самостоятельное предприятие). Его создатели — молодые философы, два выпускника философского факультета С.-Петербургского Университета. Это обстоятельство предопределило выбор названия для издательства (в переводе с языка древнегреческих мыслителей на современный русский «алетейя» означает «истина», «правдивость», «открытость») и выбор основного направления в деятельности нового издательства: издание и распространение классического наследия, т.е. сохранившихся первоисточников по мировой и отечественной истории, классической литературе, религии, философии, а также издание современных исследований по основным отраслям гуманитарного знания.

Наши книги знают, ценят, любят и ждут во многих уголках нашей необъятной России, откуда мы получаем сотни писем благодарных читателей с повторяющимся вопросом: где можно приобрести очередные книги издательства «Алетейя»?

Отвечаем:

это можно сделать, заказав их через отдел «Книга — почтой» Санкт-Петербургского Дома Книги, прислав заказы по адресу: 191186, Санкт-Петербург, Невский проспект, дом 28, e-mail: motja@cbs.spb.ru, тел.: (812) 219-6301.

Книги нашего издательства продаются и в Москве: магазин «Библио-Глобус» (м. «Лубянка»); в книжной лавке «У Сытина» (тел.: (095) 156-8670; проезд Черепановых, 56); Московский Дом Книги (м. «Арбатская»); магазин «У Кентавра» (м. «Новослободская», Миусская пл., д. 6; тел. (095) 214-5446); магазин «Ad marginem» (м. «Павелецкая», 1-й Новокузнецкий пер., д. 5/7; тел. (095) 951-9360); еженедельная книжная ярмарка в «Олимпийском» (м. «Проспект мира»).

В Петербурге весь ассортимент книг издательства «Алетейя» пред-

ставлен в специализированных магазинах и отделах: Дом Книги (Невский пр., 28, отдел «Общественных наук и учебной литературы»); в магазинах издательства Санкт-Петербургского университета (Университетская набережная, д. 7/9); Российская Национальная (б. Публичная) Библиотека (м. «Гостиный Двор», книжный киоск при входе в Научные Читальные Залы на площади Островского); в магазинах и киосках «Академкниги»; в магазинах издательско-торгового дома «Летний Сад»: Большой пр. П. С, 82 (тел. (факс) (812) 232-2104); В. О., Менделеевская линия, 5; Невский пр., 3; в ассортиментном кабинете «Петербургского книжного центра» (Стремянная ул., 20) тел. (812)113-1012; на еженедельной книжной ярмарке в ДК им. Крупской (м. «Ели-заровская»).

Издательство приглашает к сотрудничеству авторов,
переводчиков, редакторов.

Телефон редакции: (812) 567-2239,

fax: (812) 567-2253

E-mail: aletheia@spb.cityline.ru

Пишите нам по адресу:

Санкт-Петербург,
пр. Обуховской обороны, 13,
издательство «Алетейя»

Наши книги в Интернете:

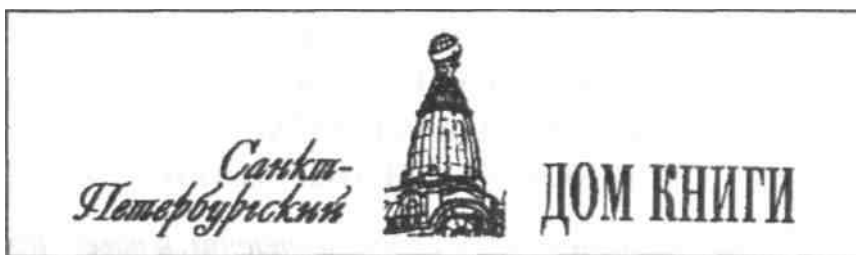
<http://www.petropol.com>

<http://www.biblio-globus.ru>

Для получения книг почтой заказы направляйте по адресу:

199034: Санкт-Петербург,
Университетская наб., д. 7/9.
Издательство
Санкт-Петербургского университета,
отдел «Книга — почтой»
факс (812) 218-4422, тел. (812) 218-7763,

а также заказав их через отдел «Книга — почтой»
Санкт-Петербургского Дома Книги
*191866, Санкт-Петербург,
Невский пр., 28*

191186, Санкт-Петербург
Невский проспект, 28
Тел.: (812) 219-6438
Факс: (812) 311-9895

Р/с 40603810000000000001
ОАО инвестиционный
ТЕХНОХИМБАНК
к/с30101810000000000755
БИК 044030755

ГП магазин № 1 «Санкт-Петербургский Дом книги»
«Книга — почтой», **ИНН** 780802974

«Санкт-Петербургский Дом книги»
отдел «Книга — почтой»
рассылает по России наложенным платежом
книги и журналы

Обращаясь к нам, укажите тематику,
по которой Вы желаете получить
списки книг и журналов

В нашем отделе Вы также всегда сможете
заказать все новые книги
издательства «Алетейя» (Санкт-Петербург)

Адрес **Санкт-Петербургского Дома Книги:**
*191866, Санкт-Петербург,
Невский пр., 28*

Адрес **издательства «Алетейя СПб.:**
*193019, Санкт-Петербург, пр.
Обуховской обороны, 13*